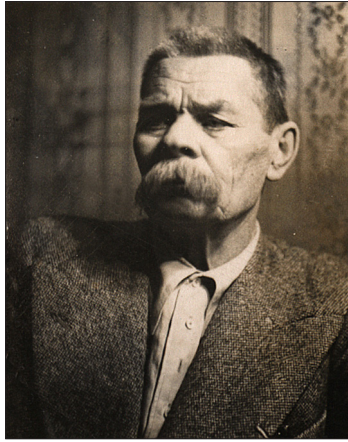


НАСЛЕДИЕ МАКСИМА ГОРЬКОГО
В РУССКОЙ И МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ



Время Горького
и проблемы истории



М. Горький
Материалы
и
исследования

Выпуск 14

Серия основана в 1989 году

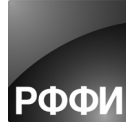
ФЕДЕРАЛЬНОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО

ВРЕМЯ ГОРЬКОГО
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
материалы и исследования
Выпуск 14

Москва
ИМЛИ РАН
2018

ББК 83.3

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 18-112-10001, не подлежит продаже



Редакционная коллегия:
Спиридонова Л.А. (ответственный редактор)
Примочкина Н.Н., Плотникова А.Г.
Ответственный секретарь:
Кудрина Е.В.

Рецензенты:
Доктор филологических наук В.Н. Терёхина
Кандидат филологических наук С.М. Дёмкина

Время Горького и проблемы истории (материалы и исследования).
Серия «М. Горький. Материалы и исследования». Вып. 14. М.: ИМЛИ
РАН, 2018. 432 с.

Коллективный труд «Время Горького и проблемы истории» является 14 выпуском серийного издания «М. Горький. Материалы и исследования», издаваемого в ИМЛИ им. А.М. Горького РАН с 1989 года. Все книги этой серии ценны тем, что в них впервые публикуются неизвестные материалы из Архива А.М. Горького и других архивохранилищ, российских и зарубежных. Эти публикации по-новому освещают сложную и неоднозначную фигуру писателя и проливают свет на тёмные страницы русской истории. В книге впервые опубликована переписка М. Горького с одним из основателей независимого еврейского государства Израиль П.М. Рутенбергом, письма репрессированного политического деятеля Н.И. Бухарина к Горькому, переписка с П.П. Постышевым, возглавлявшим в 1930-е годы Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), и другие материалы.

© ИМЛИ РАН им. А.М. Горького, 2018
© Отдел изучения и издания творчества
А.М. Горького ИМЛИ им. А.М. Горького
РАН, 2018

ISBN 978-5-9208-0515-7

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ 7

Раздел I. ПУБЛИКАЦИИ

СПИРИДОНОВА Л.А.

ПЕРЕПИСКА М. ГОРЬКОГО И П. РУТЕНБЕРГА. 12

БОЧАРОВА И.А.

«МОЛЕКУЛА» В БИОГРАФИИ М. ГОРЬКОГО
(Письма М.А. Гейнце Горькому). 55

ПРИЛОЖЕНИЕ.

«СПИСОК И.Н. РАКИЦКОГО».

Подготовка текста и примечаний Е.В. Кудриной 101

СЕМАШКИНА М.А.

«ЖИВИТЬ ДОВГО, ДОВГО —
БО ТАКИХ ЛЮДЕЙ <...> МАЛО
(Письма О.М. Коцюбинской Горькому) 130

ПРИМОЧКИНА Н.Н.

«...ПИШУ ВАМ, ПОТОМУ ЧТО
ВАС ОЧЕНЬ ЛЮБЛЮ И ЦЕНЮ»
(Письма Н.И. Бухарина Горькому) 143

БЫСТРОВА О.В.

«...ИЗВИНИТЕ, ЧТО ТРЕВОЖУ, НО КАК БЫТЬ?»:
Переписка М. Горького и П.П. Постышева 196

Раздел II. ИССЛЕДОВАНИЯ

НИКИТИН Е.Н.

М. ГОРЬКИЙ И ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПАРУС» 230

СУМАТОХИНА Л.В.

«ИСТОРИЯ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА XIX СТОЛЕТИЯ»:
КОНЦЕПЦИЯ КНИЖНОЙ СЕРИИ,
ВОПЛОЩЕНИЕ ЗАМЫСЛА. 281

ШУГАН О.В.

ВОСТОК – ЗАПАД: ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИФИКАЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ М. ГОРЬКОГО 326

ПЛОТНИКОВА А.Г.

ИСТОРИЯ СЦЕНАРИЯ М. ГОРЬКОГО «ПРЕСТУПНИКИ» 357

ПРИЛОЖЕНИЕ.

СТЕНОГРАММА ОБСУЖДЕНИЯ СЦЕНАРИЯ

М. ГОРЬКОГО «ПРЕСТУПНИКИ» ВОСПИТАННИКАМИ

ТРУДКОММУН ОГПУ 398

ИЛЛЮСТРАЦИИ 417

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН 418

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ 428

ABSTRACTS 430

ОТ РЕДАКЦИИ

Коллективный труд «Время Горького и проблемы истории» является 14 выпуском серийного издания «М. Горький. Материалы и исследования», издаваемого в ИМЛИ им. А.М. Горького РАН с 1989 года. В нём *впервые* публикуются неизвестные материалы из Архива А.М. Горького и других архивохранилищ, российских и зарубежных. Это письма репрессированного политического деятеля Н.И. Бухарина к Горькому, переписка с одним из основателей государства Израиль П.М. Рутенбергом, с советским государственным и общественным деятелем П.П. Постышевым, возглавлявшим в 1930-е годы Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и трагически погибшим в 1939 г., и другими адресатами.

Настоящий труд отвечает актуальным требованиям времени, так как проблемы истории, и особенно её неизвестные страницы, вызывают жгучий интерес и даже ожесточённые споры в нашем обществе. Объективный непредвзятый взгляд на события в России и Советском Союзе в 1905–1936 годах помогает понять истинные причины русских революций 1905 и 1917 годов и трагические события в период репрессий 1930-х годов. Труд, основанный на новых архивных материалах, как и предыдущие выпуски серии «М. Горький. Материалы и исследования», открывает новые факты из истории России.

Немаловажный аспект проблематики настоящего коллективного труда связан с уникальным материалом переписки Горького с П.М. Рутенбергом (составитель Л.А. Спиридонова), его отношением к еврейскому вопросу и строитель-

ству нового государства в Палестине (Эрец-Исраэль), которое стало для Рутенберга целью всей жизни. Пройдя путь от террориста к сионисту, он явился основателем первой электрической компании в Израиле. До сих пор переписка Горького с ним была полностью не известна, публиковались лишь отдельные цитаты из писем и всего два письма писателя. Коллекция, публикуемая в настоящем труде, составляет двадцать два документа и позволяет довольно полно представить историю взаимоотношений Горького с адресатом. Их общение (личное и заочное) началось в период подготовки первой русской революции и продолжалось почти до смерти Горького. В письмах поднимаются вопросы об убийстве священника Г. Гапона, деятельности эсеровской партии, работе Рутенберга в России и в Палестине. Переписка, оборвавшаяся в годы революции и Гражданской войны, возобновилась в 1925 г., а личные встречи адресата с Горьким, хотя и редкие, происходили даже в Сорренто в 1930 г. После смерти писателя Рутенберг написал о нём трогательный некролог. В целом, переписка позволяет по-новому понять отношение Горького к событиям первой русской революции, к деятельности партии социалистов-революционеров, к революционному террору как методу борьбы, к провокаторству и его глубинным истокам в душе человека.

Значительное место занимают в настоящем труде письма Н.И. Бухарина Горькому 1920–1930-х годов (составитель Н.Н. Примочкина), которые по-новому освещают сложный и до сих пор недостаточно изученный период истории Советского Союза и вносят новые акценты в историю взаимоотношений Горького с членами сталинской оппозиции. В работе публикуются неизвестные ранее документы, раскрывающие трагическую судьбу Н.И. Бухарина в годы политических репрессий. Переписка писателя с заведующим Отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) П.П. Постышевым, тоже репрессированным (составитель О.В. Быстрова) посвящена, главным образом, их совместной работе над изданием «Истории Гражданской войны». Постышев, как один из активных деятелей борьбы за советскую власть на Дальнем Востоке, был вовлечён в число создателей этого многотомного издания, вышедшего по инициативе М. Горького. В других письмах раскрывается история организации украинского филиала ВИЭМ и участие Постышева в серийном издании «История фабрик и заводов».

Совершенно иной характер носит переписка писателя со своей воспитанницей М. Гейнце, молодой девушкой, впоследствии женой В.Е. Татлина, которой Горький оказывал всяческую поддержку (составитель И.А. Брчарова). Тёплые и доверительные отношения, связывающие их, позволяют представить реальную обстановку общественной и литературной жизни страны в 1920-х годах, вновь возникающие новые формы быта и ценности морали. Публикацию сопровождают интересные, впервые расшифрованные Е.В. Кудриной записи И.Н. Ракицкого о людях, бывавших у Горького в квартире на Кронверкском проспекте в годы революции. С этой публикацией гармонируют письма дочери украинского писателя М.М. Коцюбинского Оксаны Коцюбинской, свидетельствующие о неизменно внимательном отношении Горького к детям.

Во второй раздел книги вошли научные исследования о малоизвестных страницах деятельности Горького. Статья Е.Н. Никитина о горьковском издательстве «Парус» и других издательских проектах писателя основана на неизвестных архивных материалах. Она расширяет представление о деятельности Горького-издателя накануне Октября. В статье Л.В. Суматохиной говорится о деятельности Горького — организатора серийных изданий в советской литературе после его возвращения на родину. По-новому раскрывается история горьковского замысла «История молодого человека XIX столетия» в мировой литературе и концепция этой серии.

В актуальной статье О.В. Шуган «Восток–Запад. Проблема национальной идентификации» анализируются произведения Горького 1910-х годов («Жизнь Матвея Кожемякина», «Городок Окуров», цикл рассказов «По Руси» и др.). На примере противоборства восточного и западного начал в душе русского человека писатель ставит проблему русского национального характера во всей его сложности и непредсказуемости. В статье раскрывается понятие «азиатчина», говоря о которой, Горький выступал как противник косности, пассивизма и смирения. Труд завершается работой А.Г. Плотниковой об истории создания малоизвестного сценария Горького «Преступники» о деятельности трудовых коммун для малолетних преступников. Интересно впервые публикуемое приложение к этой статье — обсуждение сценария его воспитанниками трудкоммун ОГПУ.

ОТ РЕДАКЦИИ

Все материалы, публикуемые в настоящем труде, сопровождаются серьёзными научными комментариями, основанными на архивных источниках. Каждой публикации предшествуют вступительные статьи, в которых раскрывается история взаимоотношений адресатов и их судьбы. В целом, коллективный труд «Время Горького и проблемы истории» по-новому освещает неоднозначную фигуру писателя и его роль в исторических событиях русских революций 1905 и 1917 годов, строительстве советской цивилизации в 1920–1930-х годах. Книга основана на новых архивных материалах, поэтому, как и предыдущие выпуски серии «М. Горький. Материалы и исследования», может быть использована при подготовке новых учебников по истории России, а также очередных томов полного собрания сочинений писателя (серия вторая «Письма»). Труд приурочен к 150-летию со дня рождения М. Горького, которое, согласно указу Президента Российской Федерации В.В. Путина от 13 июня 2015 г., праздновался в марте 2018 г.

Раздел I
ПУБЛИКАЦИИ

Л.А. СПИРИДОНОВА

ПЕРЕПИСКА М. ГОРЬКОГО И П. РУТЕНБЕРГА

Аннотация

Публикуемая переписка М. Горького и П. Рутенберга впервые позволяет представить, как развивались их многолетние контакты: роль Горького в становлении личности Рутенберга, помощь его семье в 1907–1909 годы, участие в освобождении Рутенберга из Петропавловской крепости в 1917 г., встречи в Сорренто после 1925 г. Некролог, написанный Рутенбергом после смерти Горького, свидетельствует о его огромном уважении и любви к писателю, которого он именует Учителем. В настоящем томе представлены 18 писем Рутенберга и 4 письма Горького за 1909–1936 годы, научный комментарий к ним и вступительная статья к публикации.

Ключевые слова

Горький, Рутенберг, Гапон, переписка, контакты, проблемы

В советском литературоведении тема «М. Горький и П. Рутенберг» фактически не существовала, так как была под цензурным запретом. Только в 1960–1980-х годах, когда за рубежом, главным образом, в Израиле, появились первые монографии и другие серьёзные работы о П. Рутенберге¹, стало известно о его многолетней переписке с Горьким. Пётр (Пинхус) Моисеевич (Мошевич) Рутенберг (партийный псевдоним Мартын, 1879–1942) — инженер, выпускник Петербургского Технологического института, известный революционный деятель партии эсеров, впоследствии один из основателей израильского государства, глава первой электрической компании «Хеврат Хашмаль» в Палестине. Его имя часто упоминалось на страницах исторических трудов, посвящённых 9 января 1905 г. и убийству священника Г. Гапона. В день Кровавого воскресенья состоялась встреча Горького и Рутенберга у писателя дома. Знакомы они были гораздо раньше. Судя по воспоминаниям Рутенберга, квартира Горького была одним из хорошо известных ему надёжных мест, где можно было спрятать Гапона после расстрела демонстрации. Следовательно, это была не первая их встреча.

Возможно, их познакомил Л.Б. Красин, который с 1903 г. был близким другом писателя и М.Ф. Андреевой. Во всяком случае, к 1905 г. П. Рутенберг уже входил в круг людей, часто бывавших у Горького. Среди них можно назвать члена эсеровского ЦК Н.Ф. Анненского, члена ЦК РСДРП(б) Л.Б. Красина, миллионера Савву Морозова и др. Горький не раз упоминал об этом в очерках «Леонид Красин», «Савва Морозов», «Н.Ф. Анненский» и др. Вспоминая о своих встречах с революционерами в период подготовки декабрьского вооружённого восстания 1905 г., он писал: «Было это в Куоккале, летом 1905 г. Н.Г. Гарин привёз мне для передачи Л.Б. Красину в кассу партии 15 и 25 тысяч рублей и попал в компанию очень пёструю, скромно говоря. В одной комнате дачи заседали с П.М. Рутенбергом два ещё не разоблачённых провокатора — Евно Азеф и Татаров. В другой меньшевик Салтыков беседовал с В.Л. Бенуа о передаче транспортной техники “Освобождения” петербургскому комитету, и, если не ошибаюсь, при этом присутствовал тоже ещё не разоблачённый Доброскок — Николай Золотые Очки» (1, 39).

О роли Рутенберга в событиях Кровавого воскресенья написано достаточно много, хотя не все сведения достоверны. Наиболее точным можно назвать свидетельство начальника Петербургского охранного отделения А.В. Герасимова, который писал о расстреле рабочих, во главе которых шли Гапон и Рутенберг: «Уже при сигнальном рожке горниста перед первым ружейным залпом Рутенберг схватил за плечи Гапона и бросил его наземь: опытный революционер, он понимал значение сигнала. Благодаря этому Гапон избежал смертельной опасности. Священник Васильев, стоявший подле него, был убит.

После третьего выстрела Рутенберг спросил:

— Ты как?

Гапон пролепетал:

— Жив.

Оба поднялись и побежали. Во дворе какого-то дома Гапон снял свою длинную рясу. Рутенберг взял у кого-то из бегущих пальто, набросил его на плечи Гапона, вынул предусмотрительно захваченные с собой ножницы и срезал Гапону его длинные волосы и бороду. Затем окольными путями он повёл Гапона на квартиру Максима Горького» (2, 27). О дальнейшем развитии событий можно судить по черновой рукописи второго тома «Жизни Клима Самгина», где изображены растерянный Гапон, мечущийся по комнате, и спокойный Рутенберг, сочиняющий от имени попа письмо, обращённое к рабочим со словами «Братья, спаянные кровью! У нас нет больше царя». В нём говорилось, что царь оказался убийцей «безоружных наших братьев, жён и детей» и содержался призыв к вооружённому восстанию (3, 33–36)

Горький пишет: «Кроме попа в комнате как будто никого не было, все молчали. Человек с рыжими усами стоял, прислонясь к стене солдатски прямо, в оскаленных его зубах торчала не зажжённая папироса, у него — лицо чело-

века, который может укусить, и папиросу он воткнул в зубы только для того, чтобы не закричать на попа. Рядом с ним в позе человека, готового вскочить и бежать, плотный Морозов, чем-то похожий на чугунный утюг. Он близко от Самгина и слышно, как они шепчутся:

— В-вождь, а?

— Твой человек с большой буквы, — ответил Морозов, и его татарское лицо перевернулось от быстрой ядовитой улыбочки.

— Жалоба без гнева, обида без ненависти» (4, 331).

Среди действующих лиц этой сцены узнается сам Горький в образе рыжеусого писателя, прославлявшего Человека с большой буквы. До 1905 г. он видел в Гапоне искреннего христианского демократа, героя рабочих. Кровавое воскресенье поколебало эту уверенность: вместо пламенного проповедника, которому верили тысячи рабочих, перед ним появилась жалкая фигура, похожая на ощипанную курицу. В 1906 г. в очерке «Поп Гапон», написанном для американских читателей, Горький утверждал: «Такого типа люди выскакивают вперёд на минуту для того, чтобы в следующую напялить на свои плечи мантию герцога. Их значение в истории — ничтожно, их гибель — вполне естественна. Это эфемериды в политической жизни» (5, 402).

Обратимся к воспоминаниям Рутенберга, тоже видевшего Гапона в квартире Горького: «Вечером 9 января он сидел в кабинете Максима Горького и спрашивал: “Что теперь делать, Алексей Максимович?” Горький подошёл, глубоко поглядел на Гапона, подумал. Что-то радостно дрогнуло в нём, на глаза надвинулись слезы. И стараясь ободрить сидевшего перед ним совсем разбитого человека, он как-то особенно ласково и в то же время по-товарищески сурово ответил: “Что ж. Надо идти до конца. Всё равно. Даже если придётся умирать”» (6, 36).

С помощью Горького и Батюшкова Гапона переправили за границу, где он начал встречаться с видными деятелями революционных партий: Г. Плехановым, В. Лениным, П. Кропоткиным, Е. Азефом, а также с лидером французской социалистической партии Жаном Жоресом и вице-председателем Социалистического Интернационала Улафом Пальме, условился о свидании с премьер-министром Клемансо. Рутенберг сопровождал его почти всюду. Именно он, используя свои связи, договаривался о встречах. Сохранились воспоминания А.В. Луначарского о беседе Гапона с Лениным в Женеве в начале февраля 1905 г: «В одно утро Владимир Ильич, встретившийся со мной за чашечкой кофе, сказал мне несколько таинственно, что накануне он виделся с Гапоном, которого привёз “один небезынтересный человек” и который ведёт переговоры с разными революционными организациями, в том числе, и с нами, большевиками, относительно некоторых совместных действий. В тот же день вечером почти вся наша группа <...> встретила с инженером Рутенбергом, будущим убийцей Гапона, который в то время возил его по революционным кружкам Европы» (7, 14).

Гапон суетливо говорил, что надеется на восстание «украинских парубков» и даже может организовать бунт на черноморском флоте. Ленин задавал конкретные вопросы. Он многое знал о Гапоне от Н.К. Крупской, которая не раз встречалась с проповедником на Украине. Она вспоминала: «Говоря о питерских рабочих, он весь загорался, он кипел негодованием, возмущением против царя и его приспешников. В этом возмущении было немало наивности, но тем непосредственнее оно было» (8, 93). Темой беседы было положение и настроение рабочих, необходимость единства действий всех революционных партий при подготовке вооружённого восстания. «Рутенберг выглядел темной тучей, лишь время от времени произносил неохотно несколько слов» (7, 14).

Ленину Гапон не понравился, он сказал, что священник «не способен на настоящее дело, серьёзным вождём даже для несознательных масс быть не может», тем не менее он встречался с Гапоном и Рутенбергом ещё несколько раз. Речь шла о закупке и переправке в Россию оружия для революционеров на пароходе «Джон Графтон». ЦК партии эсеров, тоже заинтересованный в этом деле, отправил Рутенберга в Россию, чтобы организовать приёмку оружия. Однако заниматься этим ему не пришлось, т. к. сразу же по приезде в Петербург был арестован на улице, как он считал, по доносу провокатора Н.Ю. Татарова (9, 21–22). Об этом узнал Горький, который сообщил Е.П. Пешковой около 2 сентября 1905 г.: «20 июня в Питере арестован какой-то Мартын, а почему сие важно? Не знаю» (10, 82). Почему это было важно, он пояснил в письме ей же 6 сентября: «Его пугают виселицей» (10, 98). По-видимому, благодаря Горькому хлопоты об освобождении Рутенберга увенчались успехом: он был освобождён по амнистии после Манифеста 17 октября 1905 г.

Между тем Гапон, который уже разочаровал к этому времени не только Ленина и Плеханова, но и сам разочаровался в революционных партиях, изменил свою тактику. Весной 1905 г. он опубликовал «Открытое письмо к социалистическим партиям России» с призывом объединиться для свержения самодержавия и даже председательствовал на конференции всех оппозиционных партий, которая прошла 20 марта (2 апреля) 1905 г. Но уже летом он стал рассылать рабочим-гапоновцам письма, полные «злых и несправедливых выходок против революционной интеллигенции» (10, 338). Гапон решил создать «Всероссийский союз рабочих и неимущих крестьян», который был бы вне влияния социалистических идей и оппозиционной интеллигенции. Мысль о создании «рабочей партии без интеллигенции» была подвергнута резкой критике на страницах большевистской газеты «Рабочий». После заседания ЦК РСДРП(б) 28 июля 1905 г. Н.Е. Буренин связался с Горьким и передал ему просьбу большевиков написать Гапону письмо и попытаться воздействовать на него.

Горький выполнил просьбу. В начале августа 1905 г. он писал Гапону: «В единении — сила, товарищ! Вы, подчиняясь мотивам, плохо мне понятным, очевидно, не продумав значения Ваших намерений, работаете в сторону

разъединения, в сторону желаемого всеми врагами народа отделения разума от чувства. Это ошибка, и последствия могут быть неизмеримо печальные. Не самостоятельную рабочую партию, разъединённую с интеллигенцией, нужно создавать, а влить в партию наибольшее количество сознательных рабочих, чей разум освобождён от предрассудков и чьё классовое самосознание развилось, стало ясным, создало нового человека» (10, 77).

Гапон не внял советам Горького. В конце декабря 1905 г. он вернулся в Россию и вступил в переговоры с правительством, которое решило возродить 11 отделений рабочих организаций, подконтрольных охранке. На эти цели ему было выделено от премьер-министра С.Ю. Витте 30 тыс. рублей. Характерно, что министр внутренних дел П.Н. Дурново и начальник петербургского Охранного отделения А.В. Герасимов не разделяли этой идеи. Тем не менее вице-директор департамента полиции П.И. Рачковский, связавшись с Гапоном, предложил ему сдать полиции всех известных эсеров и уговорить Рутенберга выдать членов Боевой организации. За это каждый из них должен был получить по 50 тысяч рублей.

Герасимов, реально оценивая успех подобной операции, писал: «Гапон разочаровал меня с первого взгляда. <...> Это неопасный враг, бесполезный друг». А о Рутенберге: «...непреклонный человек и убеждённый революционер. Смешно поверить, чтобы его удалось склонить на предательство и полицейскую работу» (2, 63). Рутенберг действительно проявил себя как настоящий революционер и после разговора с Гапоном сообщил о нём в ЦК партии эсеров. Было принято решение убить и Гапона, и Рачковского во время их встречи, поручив организацию дела Рутенбергу. Но после того, как свидание Гапона с Рачковским не состоялось, член ЦК Е. Азеф поддержал намерение казнить одного Гапона. Как известно, 28 марта 1906 г. А.А. Дикгоф-Деренталь и двое других членов эсеровской боевой группы, возглавляемые Рутенбергом, заманили Гапона на дачу в Озерки и повесили его на крюке от вешалки. Сам Рутенберг в казни не участвовал, он лишь разоблачил священника в глазах товарищей и вышел на балкон.

29 марта 1906 г. Рутенберг приехал в Гельсингфорс на встречу с членом ЦК эсером М.А. Натансоном. Тот потребовал подробно описать случившееся в письменном объяснении и побыстрее отправиться за границу. Но прежде, чем уехать, Рутенберг решил поговорить с Е. Азефом и Б. Савинковым, которым доверял безусловно. Азеф обвинил его в нарушении партийных инструкций, упрекнув в том, что волна арестов членов Боевой организации эсеров за последнее время лежит на его совести. Савинков отмалчивался, но тоже стал уверять, что ЦК партии эсеров не принимал решения об убийстве *одного* Гапона. Это потрясло Рутенберга, который уехал за границу и начал лихорадочно писать объяснения в ЦК партии и в газеты. В «Заявлении для печати» говорилось: «Я — то лицо, которому Гапон предложил пойти в провокаторы и выдать за 100000 руб. правительству Боевую Организацию П.С.Р.,

членом которой он меня считал и назвал вице-директору департамента полиции Рачковскому» (11, 90).

В письме ЦК он признался, что «пригласил партийных людей для участия в партийном деле» и сообщил, что на вопрос рабочих: «В каком деле мы принимаем участие? В партийном или Вашем частном предприятии?» ответил им, что «дело» санкционировано ЦК. В ответ Центральный комитет, в котором решающую роль играл Е.Ф. Азеф, принял постановление, в котором, в частности, говорилось: «ЦК единогласно считает устранение личности Г<апона> Вашим частным предприятием, в котором Вы действовали самостоятельно и независимо от решения ЦК» (11, 92). Это заявление стало для Рутенберга страшным ударом: под сомнение были поставлены его честь и порядочность. К тому же в русских газетах появились намёки на то, что он сам был связан с полицией. В состоянии, близком к помешательству, он уехал в Италию и в начале 1907 г. поселился у Горького на Капри.

М.Ф. Андреева сообщила И.П. Ладыжникову: «Поселился у нас на Капри двоюродный брат мой Василий Петрович. Вы его помните? Как человека я его очень люблю, и сейчас он в таком тяжёлом душевном состоянии, что приласкать его необходимо, но не скажу я, чтоб радовало меня его присутствие» (12). В других письмах с Капри Рутенберга в целях конспирации (его разыскивала полиция) именовали Василием Фёдоровичем, братом Марии Фёдоровны. Он прожил в доме Горького до начала июня 1907 г. и доставил ему немало хлопот. Тяжёлая депрессия, разыгравшаяся после того, как его товарищи сняли с себя всякую ответственность за убийство Гапона, а в российских газетах его самого называли «правительственным агентом», совпала с желанием доказать собственную правоту, что оказалось практически невозможно. Ни В. Чернов, ни Б. Савинков, ни А. Аргунов ему не верили, тем более что эсерам становилось всё более ясно, что в верхах их партии действительно орудует провокатор.

Не найдя общего языка ни с одним из друзей-эсеров, Рутенберг впал в состояние депрессии. Не менее тяжёлым было настроение Л. Андреева, который в декабре 1906 г. приехал на Капри, похоронив горячо любимую жену. Оба они своим поведением и выходками порой вызывали у Горького раздражение. Он вспоминал: «Андреев приехал на Капри, похоронив “Даму Шуру” в Берлине — она умерла от послеродовой горячки. Смерть умного и доброго друга очень тяжело отразилась на психике Леонида <...> Говорить с ним было трудно, почти невозможно, он нервничал, сердился и, казалось, нарочито растравлял свою боль» (13, 388–389). После отъезда Л. Андреева писатель пожаловался И.П. Ладыжникову около 22 мая (4 июня) 1907 г. на его скандальное поведение и заметил: «Василий Фёдоров — должно быть “от нервов”, — вёл себя здесь тоже в высшей степени нахально, скот. Они тут, пьяные, ходили и орали — “пей за здоровье Горького, мы платим”. В доме у нас В<асилий> Ф<ёдорович> возмутил против себя всю прислугу, на своей

квартире — хозяина-попа и всех сродников его, уехал тайно, не заплатив денег, задержали его жену... вообще чорт знает, что за каша! И за всю эту канитель нам приходится отдуваться» (14, 53).

Тем не менее именно Горький побудил Рутенберга начать работу над первым вариантом воспоминаний «Дело Гапона» и попытался помочь опубликовать рукопись в берлинском издательстве И.П. Ладыжникова. 15 (28) марта 1907 г. он сообщил Ладыжникову: «На днях я вышлю Вам рукопись Рутенберга “Предательство и смерть попа Гапона”. Пока держите это в секрете — история большая и громкая» (14, 36). Рукопись редактировал Р.П. Аврамов (Абрамов), который 31 мая 1907 г. попросил автора кое-что изменить и дополнить. Однако Рутенберг этого не сделал. Впоследствии он вспоминал, что просил Горького взять на себя сношения с издателем, а вырученные деньги, за покрытием расходов, прислать ЦК эсеров. Сам он не хотел больше работать над рукописью: «...меня брал ужас не только писать, но даже думать об этом деле. На этой почве у меня вышло недоразумение с Г<орьки>м, который, очевидно, не совсем ясно представлял себе моё тогдашнее душевное состояние» (6, 103).

Душевное состояние Рутенберга было и вправду ужасающим: ему постоянно мерещился повешенный Гапон, а грех убийства заставлял его каяться до самой смерти. В «Завещании» он признался: «Раз в жизни свихнулся. Перешёл границу, нам, маленьким людям, дозволенную. И никак потом справиться не мог» (15, II, 764). Однако была и другая причина «недоразумения с Горьким»: это широко известная история создания рассказа Л. Андреева «Тьма», прототипом главного героя которого был Рутенберг. В рассказе изображён революционер, который, скрываясь от преследования, прячется в публичном доме, где пожалевшая его проститутка оказывается морально чище и мудрее его. Опубликованный в альманахе «Шиповник» (1907. Кн. 3) рассказ вызвал бурную полемику в русском обществе. Особенно отрицательным было отношение к рассказу в социал-демократических кругах. Горький тоже воспринял «Тьму» как «мазницу дёгтя», полное развенчание героя, как призыв известного писателя погасить все искры революции и полезть во тьму.

Он писал К.П. Пятницкому, прочитав рассказ осенью 1907 г.: «“Тьма” — отвратительная и грязная вещь. Её истинным автором является её герой — известный Вам Василий Фёдорович, болван, которому я дал бы пощёчину, будь он около меня. Я предупреждал. Я просил этого скота не говорить Леониду о революции и своём участии в ней, я прямо указывал ему, что Леонид немедленно постарается испачкать всё, чего не поймёт» (13, 430). Реакция Горького, его горячность и даже грубость понятны. М.К. Иорданская вспоминала: «Алексей Максимович не мог простить Андрееву не только искажение образа, но и то, что он обманул доверие Мартына и не сдержал данного ему и Алексею Максимовичу слова, — никогда не пользоваться как материалом для литературного произведения рассказом Рутенберга» (13, 579). Сохранилось

и свидетельство Ю.А. Желябужского, сына М.Ф. Андреевой, присутствовавшего при разговоре на Капри: «С Петром Моисеевичем Рутенбергом был случай в Гельфингфорсе: явка оказалась проваленной, изнемогая от усталости, наконец, зашёл в публичный дом, свалился и уснул. Проснулся — женщина смотрит на него и говорит: “Хорош!” Произошёл человеческий разговор. Она отнеслась к нему сердечно.

Рутенберг рассказал об этом Алексею Максимовичу в присутствии Леонида Николаевича. На другой день Андреев очень интересно рассказывал, как он хочет об этом написать. Потом появился рассказ “Тьма”, значительно отличающийся от устного рассказа. Алексей Максимович возмущался: “Зачем выдумываешь?”» (16). Горькому не понравилась не только идея рассказа, но и изображение главного героя. В цитированном выше письме К.П. Пятницкому он заметил: «Идиот Василий Фёдорович получил должное за свой рассказ, изумительно гадок он в изображении Леонида», а И.П. Ладыжникову сообщил около 24 октября (6 ноября) 1907 г.: «“Тьма” же — отвратительна, хотя Василий Фёдоров — её герой — заслуживает такого изображения» (14, 85).

Судя по воспоминаниям М.К. Иорданской, Рутенберг тоже возмущался, прочитав рассказ. Горький сказал ей: «А знаете, что больше всего задело Рутенберга? Не то, что Леонид сделал из него какого-то неврастеника и идиота, а то, что он так отвратительно описал его ноги.

— Откуда взял Андреев, что у меня такие безобразные, волосатые ноги с кривыми и грязными ногтями, — жаловался Рутенберг, — ей-Богу, я каждый день мою ноги...

И Алексей Максимович рассмеялся — “чудак-человек”» (13, 597).

Можно предположить, что эта история стала одним из этапов в развитии духовного кризиса Рутенберга. Произошло перерождение «убеждённого революционера» в человека, который решил посвятить свою жизнь реальному делу. Уехав с Капри в Геную, а потом в Милан, он занялся своей специальностью, инженерным делом, — и стал осваивать проблемы ирригации и гидротехники в Италии, а также налаживать торговые и культурные связи с Россией. Вплоть до начала Первой мировой войны он помогал созданию итало-русского издательства, которое возникло совместно с Обществом итальянских писателей в марте 1913 г. Последней каплей стало разоблачение провокатора Е.Ф. Азефа, много лет входившего в центральные органы партии социалистов-революционеров. В конце 1908 г. виновность Азефа была фактически доказана. 26 декабря (6 января) 1908 г. ЦК эсеров признал это в своём заявлении, опубликованном в «Знамени труда» (№ 14), и официально объявил его провокатором, сообщив: «Подробные сведения о провокаторской деятельности Азева и её разоблачении будут напечатаны в ближайшем времени». В другом заявлении от 7 (20) января 1909 г. говорилось: «Партия переживает глубокий кризис. Тем больше становится долг каждого члена партии помочь ей выйти из настоящего положения» (17, 196–200).

Рутенбергу стало ясно, почему Азеф уговорил его покончить с Гапоном, а потом пытался переложить всю вину за убийство на него: он боялся собственного разоблачения. Видимо, Гапон, общаясь с Рачковским, узнал о двойственной роли Азефа в революционном движении. Рутенберг понял также, почему ему не верили товарищи, не допускавшие и мысли о предательстве Азефа. Впрочем, и в 1909 г. большинство членов ЦК отговаривали его публиковать свои воспоминания, опасаясь, что это окончательно подорвёт доверие масс к партии (15, I, 228–253). Та часть «Дела Гапона», в которой Рутенберг приводил свои «Отчёты Центральному Комитету Партии С-Р о предательстве и смерти Гапона», по их мнению, не должна была увидеть свет. В. Хазан пишет: «Уже после того, как в истории с убийством Гапона прояснились все скрытые пружины и вопиющая несправедливость обвинений в адрес Рутенберга стала очевидной, ЦК не спешил сделать необходимые шаги — покаяться в той форме, какая требовалась хотя бы элементарными дипломатическими приличиями» (15, I, 251–252). Небольшая публикация Рутенберга «Почему я убил Гапона» в парижской газете «Le Matin» (на французском языке) 10 марта 1909 г. осталась в России незамеченной. Впервые «Дело Гапона» было опубликовано В.Л. Бурцевым в заграничном сборнике по истории русского освободительного движения «Былое» (1909. № 11/12. Июль–август. С. 29–115), а в России перепечатано им же без третьей части только в 1917 г.

Многолетний спор Рутенберга с ЦК эсеров окончательно подорвал не только его уважение к бывшим товарищам, но и веру в искренность их убеждений. Он писал, что на Капри переоценил многие из своих ценностей: «Нерадостные итоги своей революционной деятельности подвёл. В безукоризненности итогов блестящей деятельности других усомнился. И очутился над пропастью душевного банкротства. Только душевная поддержка окружавших друзей помогла мне в тяжёлой борьбе с самим собой» (11, 97). Говоря о поддержке друзей, он, без сомнения, имел в виду М. Горького и М.Ф. Андрееву, переписка с которыми началась в 1909 г. К письму Андреевой от 30 июля 1911 г. Рутенберг приложил рассказ о допросе Б.В. Савинковым и другими эсерами провокаторов Г.Д. Деева-Хомяковского и М.С. Цейтлиной. Узнав, что они приговорены к расстрелу, Цейтлина закричала: «А вы, вы сами — подлецы, вы — такие же сыщики и провокаторы от революции, как мы против неё. Стреляйте!» (18).

Потеряв веру в революцию, Рутенберг, как натура цельная и сильная, вскоре нашёл иную цель в жизни: борьбу за независимость еврейского народа. Вспомнив о национальных традициях, он прошёл обряд покаяния отступника, выдержал 39 ударов плетью на пороге синагоги и посвятил всю оставшуюся жизнь созданию самостоятельного еврейского государства. Ещё живя в Италии, он написал по-русски книгу «Национальное возрождение еврейского народа», изданную впоследствии на идише. В годы Первой мировой войны он выступал за создание организации «За еврейское дело» и боевого

«Еврейского легиона», который помог бы Англии освободить Палестину и использовать победу в Первой мировой войне для создания нового еврейского государства — Эрец-Исраэль.

В «Дневнике» 1914 г. Рутенберг писал: «Уже с первых дней войны для меня было ясно, что только как еврей, только для своего еврейского народа я могу в этой катастрофе быть полезен <...> И я решил поехать во Францию и Англию, искать влиятельных и компетентных еврейских национальных лидеров, чтобы с ними посоветоваться, используя мои связи в Италии и Франции и организовать необходимую работу» (15, II, 884). В мае 1915 г. он уехал в Америку, где упрочил свои связи с видными деятелями сионизма и вместе с Х. Житловским участвовал в организации Американского еврейского конгресса. В это же время он начал собирать средства и разрабатывать план ирригации и электрификации Палестины.

Февральская революция вернула Рутенберга в Россию. В июле 1917 г. он уже был в Петрограде и назначен заместителем военного губернатора. 3 ноября А.Ф. Керенский включил его в Высший Совет, наделив чрезвычайными полномочиями по охране закона и порядка. Исполнять эти обязанности ему пришлось недолго: во время штурма Зимнего дворца Рутенберг вместе с министрами Временного правительства был арестован и посажен в Петропавловскую крепость. 29 октября (10 ноября) 1917 г. Петросовет принял обращение к гражданам Петрограда, за подписью Л. Троцкого и Антонова-Овсеенко, в котором говорилось: «Керенский бежал из города, бросив вас на попечение Кишкина, сторонника сдачи Петрограда немцам, на попечение Рутенберга, черносотенца, саботировавшего снабжение города, на попечение Пальчинского, стяжавшего единодушную ненависть всей демократии» (19).

Упрёк Рутенбергу в этом обращении вряд ли справедлив. Судя по документам Временного правительства, он занимался продовольствием в сложный период жизни города довольно активно. 20 сентября 1917 г. на заседании Высшего Совета он выступил с докладом о мерах, предпринятых им для облегчения положения в столице и заявил, что «находящиеся на пути к Петрограду продовольственные продукты значительны, что при умелом их распределении столица может более или менее обеспечена продовольствием» (20). Однако, пытаясь действовать активно и даже жестоко, чтобы спасти город от голода, Рутенберг столкнулся с невозможностью осуществить задуманное. В Городскую думу подали протест против грозных приказов, подписанных его именем, думские эсеры выступили против него, а столкновение с Петросоветом привело к упрёкам в антидемократизме и даже черносотенстве.

Во время обороны Зимнего Рутенберг оказался во дворце вместе со своим итальянским знакомым инженером П.И. Пальчинским и помощником министра Н.М. Кишкиным, оставленным бежавшим Керенским вместо себя. Они были арестованы вместе с 17 министрами Временного правительства. Джон Рид так описал сцену ареста в книге «Десять дней, которые потрясли

мир»: «Впереди шёл Кишкин, бледный с вытянутым лицом, дальше Рутенберг, мрачно глядевший себе под ноги, Терещенко, сердито поглядывавший по сторонам» (21, 30).

В Петропавловской крепости выяснилось, что Рутенберг был контужен в голову осколком камня, когда арестованных попытались задержать по пути революционные матросы, требуя самосуда. Доктор И.И. Манухин, осмотревший его, сразу же сообщил об этом своему постоянному клиенту Горькому. По просьбе писателя В.А. Десницкий (Строев) обратился к А.И. Рыкову. 27 октября 1917 г. он писал: «Будьте добры, помогите всячески Марии Фёдоровне Андреевой устроить свидание с арестованным П. Рутенбергом. Извиняюсь, что обращаюсь с такой просьбой, но она страшно беспокоится, и я буду очень обязан Вам» (22).

Тревогу Марии Фёдоровны можно понять: её связывали с Рутенбергом тёплые дружеские отношения, которые в 1911 г. послужили причиной ревности Горького. Пытаясь восстановить добрые отношения, Рутенберг писал ей: «...не уеду, пока не установлю определённых, хороших или дурных, но ясных и недвусмысленных отношений с вами, тобой и А.М. <...> Хочу верить, что у тебя хватит такту, уважения ко мне, наконец, собственного достоинства, чтоб искренно помочь мне ликвидировать нелепое положение» (23). К 1917 г. конфликт был давно забыт, и Горький тоже подключился к спасению Рутенберга.

Судя по многочисленным воспоминаниям, Рутенберг держался в крепости, а потом и в «Крестах» мужественно, общался с военным министром В.А. Сухомлиновым, бывшим председателем Государственного Совета И.Г. Щегловитовым, В.Л. Бурцевым и другими заключёнными. Сохранилось свидетельство мемуариста: «Играют в винт. За столом визави — бывший военный министр Сухомлинов и эсер Рутенберг (убийца Гапона), их партнёрами являются бывший директор департамента полиции Белецкий и видный эсер (кажется, насколько мне не изменяет здесь память) Авксентьев. За игрой наблюдают Кишкин, Бурцев и другие» (24, 21). Рутенберга навещала не только М.Ф. Андреева, но и сестра Роза, сообщившая о его аресте в США и Европу. Историк Е.Ф. Пашкевич, дальняя родственница Рутенберга, пишет: «Туда на свидание приходила к нему сестра Рахиль Моисеевна. По-видимому, через неё он снёсся с А.М. Горьким. По ходатайству Алексея Максимовича, В.И. Ленин дал распоряжение на освобождение и выезд П.М. Рутенберга из Советской России за границу. Горький поручился, что П.М. Рутенберг никогда не будет бороться против Советского государства, и ему не пришлось жалеть о своём поручительстве: в борьбе эсеров против Советской власти П.М. Рутенберг никогда участия не принимал» (25, 282).

Уточним это свидетельство, не слишком достоверное. Рутенберг не уехал за границу: в марте 1918 г. он уже был в Москве и занял должность руководителя промышленного отдела Всероссийского Союза кооператоров. В

середине сентября 1918 г. через Киев он отправился в Одессу, где пробыл три месяца, занимаясь снабжением и обороной города и занимал должность заведующего отделом продовольствия, торговли, промышленности и труда. В качестве советника по этим вопросам он вошёл в сформированный французами Комитет обороны и продовольствия и вместе с французскими войсками эвакуировался на пароходе «Кавказ» 6 (по другим данным — 4) апреля 1919 г. Перед отъездом, рисуя обстановку в городе, он написал доклад «О положении занятой союзными войсками Одессы и условиях её эвакуации» для премьер-министра Франции Жоржа Клемансо (15, I, 440–453).

Оказавшись в Париже, Рутенберг сразу же начал хлопотать о выдаче ему английской визы, чтобы уехать в Палестину. Во время краткого пребывания в Киеве он смог передать В.Е. Жаботинскому, уже жившему там, сообщение о своём желании приехать. Однако получить визу оказалось непросто. Ему взялся помочь вице-председатель Центросоюза эсер А.М. Беркенгейм. Он запросил у русских эмигрантов сведения о Рутенберге. В ответ эсер Н.Д. Авксентьев в обширном письме дал ему самую лестную характеристику. Он писал: «Это честный, глубоко искренний человек, готовый доказать практически верность своим идеалам. Он принадлежит к людям, у которых слово не расходится с делом, Он обладает колоссальной непреклонной волей. По этой причине он неизменно пользовался в России огромным влиянием и уважением у передовой либерально-демократической интеллигенции, в среде которой вращался <...> Ныне, как я понимаю, он, со всем присущим ему идеализмом и твёрдостью, бросил жребий в дело своих еврейских собратьев, и в этой сфере, как и прежде среди российской интеллигенции, добился уважения и выдвинулся на передние роли» (15, II, 513–514).

С помощью известного английского разведчика Сиднея Рейли, хорошо знавшего Рутенберга, 8 сентября 1919 г. виза была получена, а в октябре 1919 г. он из Парижа навсегда уехал в Палестину. Перед отъездом, планируя заняться ирригацией и электрификацией этой страны, он смог получить на свой проект деньги у Джеймса Ротшильда. В. Хазан пишет: «От Сионистской комиссии (Исполнительный комитет Всемирной сионистской организации) Рутенберг (вспомним о его инженерной специальности) был направлен в Палестину с целью разработки и осуществления проектов, связанных с дренажом и орошением почв. Когда он ступил на палестинский берег, ему был без малого 41 год — не совсем тот возраст, когда жизнь начинают как бы сызнова. Но он был полон сил — физических и моральных, в голове роилось множество идей и планов» (15, II, 511).

Палестина была в ту пору британской подмандатной территорией и лишь в «Декларации Бальфура» (1917) говорилось о необходимости образовать в Палестине национальный очаг для еврейского народа. Только в июле 1922 г. Лига наций выдала Великобритании мандат на управление Палестиной. Первые поселенцы, пытавшиеся обустроиться в новой стране, сталкивались с не-

малыми трудностями при строительстве жилых домов и дорог в Тель-Авиве, Хайфе и Иерусалиме. Ещё труднее было договориться об использовании реки Иордан для нужд энергетики, о чем мечтал Рутенберг. Поэтому в первые годы жизни в Палестине ему приходилось не столько строить, сколько заниматься военным делом: для защиты от нападения арабов он организовал отряды еврейской самообороны, а в 1921 г. стал командиром «Хаганы». Погромы 1920–1921 годов в Иерусалиме и Тель-Авиве (Яффе), арест В. Жаботинского побудили Рутенберга более активно включиться в политическую борьбу. По свидетельству М. Вильбушевич-Шохат, в мае 1921 г. он «назначил себя самого руководителем обороны Тель-Авива и его окрестностей» (26, 151). В ноябре 1921 г., когда арабские волнения вспыхнули с новой силой, Рутенберг продолжал добиваться от англичан разрешения на строительство электростанций — одной на реке Яркон, другой — на Иордане. Обе они должны были обеспечить Палестину светом и ирригационными сооружениями. Для этого нужно было вначале осушить малярийные болота, восстановить почву, а главное, найти инвесторов. Поэтому только в 1923 г. при поддержке У. Черчилля Рутенберг смог создать Палестинскую электрическую компанию и всерьёз заняться своим делом.

И. Линдгейм в книге «Бессмертное приключение» так описывает незабываемые минуты открытия электростанции в Хайфе: «Мне посчастливилось оказаться в Хайфе, когда там была пущена а ход новая электростанция Рутенберга. Это было потрясающее событие. Внутри изящного бетонного строения стояли громадные безмолвные машины. В уже наступивших сумерках они выглядели подобно отдыхавшим чудовищам. Две керосиновые лампочки отбрасывали световые блики, которые не столько служили источником света, сколько чуточку рассеивали тьму. Когда темнота окончательно сгустилась, присутствующие сгрудились в машинном зале <...> Мотор был запущен и вспыхнул свет. В Хайфе наступила новая эра. Электричество, энергия, индустрия. Арабы выступили против рутенберговского проекта, но и для них он вскоре обернётся радостью, когда они оценят новые возможности, которые он в себе несёт» (7, 270–271).

Слово «свет» на долгие годы стало неразрывно связано с Рутенбергом. Он поставил свою точку в старом споре Горького с Леонидом Андреевым. В отличие от героя рассказа «Тьма» он предпочёл не тушить все огни и жить во тьме. Победа света над тьмой стала девизом всей его жизни. Можно сказать, что это произошло не без влияния Горького, который в момент тяжёлого духовного кризиса посоветовал ему заняться «своим делом». Его переписка и личные связи с Горьким возобновились в 1925 г. Узнав, что писатель живёт в Сорренто, Рутенберг вспомнил о денежном долге, взятом в 1907 г. его женой.

Живя в России, Рутенберг принял православие, чтобы жениться на издательнице «Библиотеки для всех» Ольге Николаевне Хоменко, от которой у него было трое детей: два сына и дочь. В 1907 г. О. Хоменко приезжала на

Капри к мужу и оказалась в сложном материальном положении. Не получая никакой помощи от мужа, отношения с которым уже разлаживались, она вынуждена была обратиться к Горькому. Судя по письму от 18 марта 1925 г., Рутенберг не только вернул долг через 18 лет, но и поблагодарил писателя за помощь. Часто приезжая в Европу по делам своей компании, он не раз встречался с Горьким, пока тот не уехал окончательно в Советский Союз. Сын М.Ф. Андреевой Ю. Желябужский свидетельствует, что встречал Рутенберга в Сорренто: «Это был высокого роста, красивый, широкоплечий мужчина, постоянно одетый в серый костюм» (28).

Художник Ф.С. Богородский вспоминал, что видел Рутенберга в гостях у Горького в Сорренто в апреле 1930 г.: «Однажды к нам приехал на несколько дней из Берлина инженер П.М. Рутенберг — известный революционный деятель 1905 года, прославившийся тем, что организовал убийство провокатора Гапона, — виновника Петербургских январских событий. Рутенберг — среднего роста, уже обрюзгший и полнеющий человек, — был очень интересный собеседник. Надо было послушать беседы с Алексеем Максимовичем, который блистал такими тонкими определениями окружающих его людей в старые годы, таким знанием русского революционного движения, что можно было только подивиться. Рутенберг рассказывал подробности нашумевшей в своё время истории повешения Гапона на даче близ Питера, причём эти подробности были подавляюще натуралистичны» (29).

Судя по словам Ф. Богородского, Рутенберг заехал к Горькому по дороге в Калабрию, где работал над проблемой орошения земли по заданию итальянского правительства. У него были неплохие отношения с Б. Муссолини, поэтому с ним заключали контракты. К этому времени сам он стал главой Национального Совета (Ваад Леуми), органа еврейского самоуправления, и пользовался огромным авторитетом в Эрец-Исраэле. Лампочку Моисеевича, которая осветила пустынную Палестину, можно было сравнить только с лампочкой Ильича в России.

Однако для Горького, как для большинства его гостей, Рутенберг был неразрывно связан с делом Гапона. Поэтому он известил Рутенберга о появлении книги С.А. Мстиславского «Смерть Гапона» (М.: Огонёк, 1928), где эсер Мартын был изображён весьма субъективно. Ещё более «фантастическим» показалось Горькому описание убийства Гапона в романе Мстиславского «На крови» (М.; Л.: ГИЗ, 1928). Сам участник революционных событий 1905–1906 годов в Москве и Петербурге, Мстиславский тяготел к дешёвой беллетризации событий, и в романе изобразил Мартына расчётливым режиссёром кровавой сцены. Понуждая Рутенберга ответить на книги Мстиславского, Горький и сам пытался вновь разобраться в событиях 1905 г., так как писал в это время «Жизнь Клима Самгина». Но Рутенберг, обиженный тем, что историк, профессор П.Е. Щёголев перепечатал в Советском Союзе «Дело Гапона» под заглавием «Убийство Гапона» (Л., 1925), не известив об этом

автора, отказался объясняться с Мстиславским. Судя по ответу, ему не хотелось вспоминать события давних лет.

После 1925 г. его контакты с Горьким становятся более или менее регулярными, если учесть, что Рутенберг переписывался с Марией Фёдоровной Андреевой, М.И. Будберг, с которой познакомился в Сорренто, и даже с Е.П. Пешковой. Иными словами, в целом он был осведомлён о жизни Горького достаточно полно и никогда не забывал передавать ему приветы. Судя по письмам Рутенберга, с М.Ф. Андреевой их отношения в этот период вновь стали добросердечными, если не сказать больше. Они встречались в Берлине в 1927 г., а переписывались значительно раньше.

9 августа 1920 г. он писал ей из Лондона: «Дорогой друг. Вчера видел Леонида Борисовича. Потом всю ночь почти не мог спать. Болит всё. Что не в России. Но у меня теперь другая родина. Маленькая, запущенная, почти мёртвая. Воскресать её надо» (30). Судя по всему, это первое письмо Рутенберга в Россию, которую он тоже считал своей родиной. Спрашивая о сестре Розе и жизни в стране, он горестно признавался, что корни, которые будут питать его до смерти, остались «там, у вас». Передав сердечный привет Алексею Максимовичу, он заканчивал письмо так: «Друзей у меня там, очевидно, никого нет. Все враги» (30). Тем радостнее было возобновление дружеских отношений с Горьким в 1920-х годах. Искренней болью проникнуто письмо Рутенберга от 15 декабря 1926 г. о смерти Красина, с которым была связана значительная часть его жизни (см. п. 10).

Постоянной темой переписки с Горьким в эти годы становится судьба его сыновей Анатолия и Евгения, живших в Советском Союзе с матерью. Заботясь об их будущем и отчаянно желая повидаться с выросшими мальчиками, Рутенберг просил Горького помочь им выехать за границу. Старшего Анатолия, инженера-электрика, с помощью Марии Фёдоровны Андреевой удалось отправить в 1930 г. в Берлин, младшему, студенту-биологу, не давали визу. 22 сентября 1930 г. Горький сообщил Рутенбергу, что к хлопотам активно подключилась Е.П. Пешкова, но «Евгения <...> едва ли выпустят за рубеж» (см. п. 15). И хотя Рутенберг уверял, что он не собирается увозить сыновей в Палестину, а лишь хочет помочь им встать на ноги, препятствия пришлось преодолевать несколько лет. Судя по письму племянницы Надежды Рутенберг, в 1932 г. всё ещё не был решён вопрос о Евгении. Она писала: «От Тетички получилось письмо, что она послала мне твой адрес — письмо это не получилось, видимо, оно застряло» (31).

«Тетичка», О.Н. Хоменко, смертельно боялась потерять выращенных ею с большим трудом детей. Нелады с мужем начались у неё ещё в 1907 г., когда он переживал глубокий кризис. Несмотря на то, что в 1908 г. она родила дочь Валентину, брак не удалось спасти. В 1909 г. они расстались, а в канун 1912 г. Рутенберг объявил жене о разводе. Он писал: «Ты очень хорошая женщина, но я тебя не люблю. Ты — мать моих детей: у нас поэтому огромные личной

важности и ответственности интересы, но человек ты мне стала чужой, душевно к тебе не подойду, не доверюсь, не могу» (15, I, 289).

В Палестине у Рутенберга появилась вторая жена — Пиня Левковская, но детей не было, и он, верный отцовскому долгу, старался сделать для сыновей всё возможное. Но отношения с детьми не ладились. И хотя Анатолий виделся с отцом за границей, в 1934 г. в Англии у них произошёл разрыв. Евгений женился и остался в Советском Союзе. Поздравляя его со свадьбой, Рутенберг писал: «От души желаю тебе, жене твоей — новой дочери моей, и детям вашим теперешним и будущим, счастливой и радостной, здоровой и достойной жизни. Личной вашей жизни. Это самое важное» (15, II, 761). Лучше всего сложились отношения с дочерью Вале́й, которую Рутенберг видел в Берлине, где она пыталась поступить в университет, но провалилась на экзамене и вернулась домой к матери. Чтобы понять трагизм личной жизни Рутенберга, процитируем строки из его письма О.Н. Хоменко: «Жизнь свою я строю так, как считаю правильным для себя и других. Свой долг я должен исполнить не только по отношению к моим детям, но и к моему народу, с которым теперь связан смертными узами. И исполню. С дороги этой не сверну, чего бы мне это не стоило. Ты моё слово знаешь» (15, I, 292).

Решение «мировых проблем» оказалось для Рутенберга важнее личных отношений. Электрификация и ирригация Палестины способствовали превращению пустыни в цветущий оазис, а быстрое развитие Эрец-Исраэля в политическом, техническом и культурном отношении вело к созданию самостоятельного еврейского государства Израиль, мечту всей его жизни. В. Хазан пишет: «В палестинском *ишуве* Рутенберг занимался не только электроэнергетикой. Он был адресом для решения многочисленных и разнообразных вопросов обыденной человеческой жизни, начиная, скажем, с просьбы привезти из Европы редкое лекарство, кончая обращением к нему за советом относительно выбора репертуара тель-авивского молодёжного театра. Во всех этих случаях, количественный и тематический объём которых необозрим, его помощь или хотя бы мнение и совет ценились по самому высокому курсу — “Ваше мнение дороже денег”» (15, II, 600).

Рутенберг не принадлежал ни к какой партии, но мог договариваться с самыми разными людьми и использовать свои огромные связи в интересах Эрец-Исраэля. 24 сентября 1929 г. он стал членом исполкома Ваад Леуми, а в октябре того же года — его председателем. Парижский русско-еврейский еженедельник «Рассвет» по этому поводу писал: «От него ждут многого. Рутенберг — человек недюжинной воли и не омрачённого пилпулистикой разума. Он — тот человек, который способен заговорить с палестинской администрацией нужным тоном и держать себя с ней должным образом. Он пользуется уважением и признанием подавляющего большинства ишува. От него вправе ждать многого» (32, 2). Однако ожидания не оправдались. Человек дела, Ру-

тенберг не мог мириться с обстоятельствами, если дело не трогалось с места. Через год он подал в отставку.

После 1930 г. его встречи с Горьким фактически прекратились, а обмен письмами происходил только по очень важным поводам: освобождение раввина И. Абрамского из ссылки, замысел книги о достижениях в Эрец-Исраэле, смерть Максима Пешкова, на которую Рутенберг откликнулся тёплым письмом, попытка увидеть сына Евгения в Англии в 1931 г., просьба помочь ректору Иерусалимского университета Е. Магнесу передать в библиотеку университета ценнейшую коллекцию барона Гинзбурга. Рутенберг пытался встретиться с Горьким в Европе, но после 1933 г. писатель, как известно, не выезжал из Советского Союза. Однако продолжались его контакты с близкими Горького.

С М.И. Будберг Рутенберг не раз встречался в Англии. В Палестине у них было много общих знакомых и даже друзей. Е.П. Пешкова переписывалась с ним до 1935 г. 8 декабря этого года он писал ей: «Дорогая Екатерина Павловна. Письмо Ваше из Неаполя от 4/VII дошло до меня только теперь. <...> Что Вы были в Лондоне через пару дней после моего отъезда — слышал. Очень жалел об этом. Передайте Алексею Максимовичу мой сердечный привет. Если Вы или он будете в Европе, напишите мне» (33). Письмо было послано в Лондон для передачи Пешковой через М.И. Будберг, которая, видимо, и сообщила ему о визите Екатерины Павловны. Как мы видим, переписка с Горьким, не говоря уже о встречах, была под тщательным контролем людей, которые знали, на сколько дней нужно задержать письмо. Последнее письмо Рутенберга Горькому датировано 9 апреля 1936 г. Неизвестно, ответил ли на него писатель. Неизвестно даже, получил ли он его, так как в это время жил в Тессели.

Узнав о смерти Горького, Рутенберг 19 июля 1936 г. отправил в Москву телеграмму, адресованную семье писателя: «With respect and sorrow include myself memory great Teacher my generation and dearest friend stop please accept my simpathy. *Rutenberg*» («С величайшим уважением и печалью храню память о великом Учителе моего поколения и самом дорогом друге. Пожалуйста, примите мои соболезнования. *Рутенберг*») (15, I, 276). 15 августа он написал некролог, который впервые приводится в книге В. Хазана «Пинхас Рутенберг: от террориста к сионисту»:

«Прочёл много статей о Горьком. После его смерти. И русских. И эмигрантских.

Просто вспоминают о нём простые люди. Любя и жалея искренно. Сердечно. С благодарностью. Кому-то. За самый факт его существования.

Не просто, не искренне вспоминают о нём “не простые люди”. Беспokoйно напыщенно восхваляют “друзья”. Беспokoйно, злобно с оговорками лягают враги, почти всё мелочно. Не достойно. Ни самих воспоминаний. Ни его. Так много дававшего. С одной заботой — как помочь подняться росткам творческого. Человечного, достойного в окружавших его близких и дальних людях.

Моралисты эмиграции! Злопыхатели. Пользуясь “свободой слова”, они не могут простить этому большому человеку его большевизма. Если бы Горький не стал большевиком, ни один достойный антибольшевик не мог бы уважать его. Он плоть от плоти. Кость от кости своего народа, страдавшего, боровшегося, победившего. Так кого считать недостойными, злейшими врагами своими? Что ему было защищать? Текущие счета в банках. “драгоценности” в сейфах?! Стать членом русского эмигрантского комитета?!

В страшную грозу революции он спасал всё культурное, человечно ценное. Все, что мог. Даже если это было великокняжеское. Спасал от разыгравшейся естественно стихии разрушения.

При этом он мог ошибаться. Не сделать “всего”, что мог. Кто из его обвинителей, кто из нас не ошибался? Кто мог сделать больше?! Обвиняют и злословят. К нему ведь не пристанет.

Себя обвиняют. Себя злословят. Свою собственную непривлекательную сущность выявляют. Отравляющие, понижающие всё их окружающее.

Большой человек умер. Органический продукт великого русского народа. Большой учитель. Содержанием своим напитавший, пропитавший всё наше поколение революции. Многих из нас от отравы разъедающего мелкого мещанства освободивший, ценность, привлекательность жертвенности пробудивший. Это он вдохновил армию беззаветно боровшихся за новую человеческую достойную жизнь. Расшатавшую крепкие устои отжившего мира.

Из уважения к самим себе, с уважением к нему и с большой благодарностью должны все друзья и враги, согласные и несогласные с ним почитать великую его память. Особенно мы, современники его. Будущие поколения, наверное, будут.

Не ежедневно творит и подаёт жизнь Горьких.

Да будет легка ему принявшая его родная земля.

Да будет велика память о нём. На пользу и славу будущим поколениям. Великой его и нашей родины.

П.Р.

15.VIII.936» (15, II, 275–276).

Письма публикуются по автографам, хранящимся в Архиве А.М. Горького в Москве (ИМЛИ РАН) и в Архиве Рутенберга в Хайфе, опубликованным В.И. Хазаном в книге «Пинхас Рутенберг: От террориста к сионисту» (В 2 т. Иерусалим; Москва, 2008).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. работы на иврите, идише и английском языке: *Яри-Полескин Я.* Пинхас Рутенберг: человек и его дело. Тель-Авив, 1939; Книга о русском еврействе: От 1860-х годов до револю-

Раздел I. ПУБЛИКАЦИИ

ции 1917 года. Нью-Йорк, 1960; *Новомейский М.* Пинхас Рутенберг. Тель-Авив: Хебрев, 1962; *Шатиэль Э.* Пинхас Рутенберг: Взлёт и падение «сильного человека» в стране Израиля: В 2 т. Тель-Авив, 1990.

На русском языке: *Хазан В.* Пинхас Рутенберг: От террориста к сионисту: В 2 т. Иерусалим; Москва, 2008.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Горький М.* Полное собрание сочинений. Художественные произведения: В 25 т. М., 1974. Т. 20.
2. *Герасимов А.В.* На лезвии с террористами. М.: УМКА Пресс, 1985.
3. Священник Гапон. Берлин: изд. Гуго Штейница, 1907.
4. *Горький М.* Полное собрание сочинений. Художественные произведения: В 25 т. М., 1976. Т. 25.
5. *Горький М.* Полное собрание сочинений. Художественные произведения: В 25 т. М., 1970. Т. 6.
6. *Рутенберг П.* Дело Гапона // Былое: Сборник по истории русского освободительного движения. 1909. № 11/12. Июль-август. С. 29–115.
7. *Луначарский А.В.* Воспоминания и впечатления. М.: Советская Россия, 1968.
8. *Крупская Н.К.* Воспоминания о Ленине / 3-е изд. М., 1989.
9. Былое. 1917. № 2. Август.
10. *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М.: Наука, 1999. Т. 5.
11. Убийство Гапона: Записки П.М. Рутенберга. Л.: Былое, 1925.
12. АГ. ПТЛ-2-1-17.
13. Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка. Литературное наследство. Т. 72. М.: Наука, 1965.
14. *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М.: Наука, 2000. Т. 6.
15. *Хазан В.* Пинхас Рутенберг: От террориста к сионисту: В 2 т. Иерусалим; Москва, 2008.
16. АГ. МоГ-4-17-1.
17. *Савинков Б.* Воспоминания террориста. Харьков: Пролетарий, 1928.
18. АГ. ФМА-кр-6-46-3.
19. Цит. по: *Носоновский М.* От разрушения к созиданию: Пётр Рутенберг — революционер, сионист, инженер, предприниматель, миротворец // berkovich-zametki.com
20. Биржевые ведомости. 1917. № 16454. 21 сент. (4 окт.)
21. *Рид Дж.* Десять дней, которые потрясли мир. Нью-Йорк, 1919.
22. АГ. ФМА-птл-7-37-1.
23. АГ. ФМА-кр-6-46-2
24. *Кроль Л.А.* За три года: Воспоминания, впечатления и встречи. Владивосток: Свободная Россия, 1922.
25. *Лурье Ф.М.* Политический сыск в России: 1649–1917. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006.

26. *Goldstein Y.* Mania Vilbuschevitz-Shohat: Petrek hamanhikut ha-mahapahanit. Haifa: University Press, 1991.
27. *Lindheim Irma. L.* The Immortal Adventure. New York, 1928.
28. АГ. МоГ-40-17-5.
29. АГ. МоГ-2-40-21.
30. АГ. ФМА-кр-6-46-3.
31. АГ. ФМА-птл-7-36-1.
32. Рассвет (Париж). 1929. № 41. 13 окт.
33. АГ. ФЕП-кр-49-80-1.

1. П. РУТЕНБЕРГ – ГОРЬКОМУ

24 января (9 февраля) 1909, Генуя (?)

Дорогой Алексей Максимович!

Не вижу никаких серьёзных препятствий, чтоб мне обратиться к Вам за товарищеским советом, а когда понадобится — за товарищеской помощью. О несерьёзных препятствиях говорить, очевидно, не приходится¹.

Если б Вы оказались другого мнения, естественно, выскажите его.

Сейчас мне нужен Ваш совет относительно текста, приложенного к этой записке заявления². Вам со стороны виднее, что надо сказать яснее. Что подчеркнуть, а что, может быть, выбросить.

Раньше, чем напечатать его, предполагаю узнать ещё замечания находящихся в Париже членов ЦК³.

Это не касается самого факта опубликования.

Но они — люди заинтересованные, а Вы — нет. Фактически Вы в курсе дела, следовательно. Ваши замечания для меня ценны. Конечно, если захотите их делать⁴.

Верните текст. Копии у меня нет.

24/1 909

Сердечный привет.

П.Р.

2. П. РУТЕНБЕРГ – ГОРЬКОМУ

28 февраля (13 марта) 1909, Генуя

Чтоб поставить Вас au contrant моего положения, посылаю копии последней переписки¹. Верните их. Мне надо.

Не поехал на Саргi, п<отому> ч<то> дописываю проклятое дело². Надо торопиться.

А повидаться с Вами мне очень хотелось. Ничего не поделаешь.

Обнимаю крепко.

28/II 909.

Ваш *П.Р.*

3. П. РУТЕНБЕРГ – ГОРЬКОМУ

2 (15) мая 1911, Милан

Дорогой Алексей Максимович,
послал Вам вчера¹

1) словарь итальянских синонимов — полнее не нашли.

2) Том трудов предпоследнего съезда южных горнопромышленников. Если интересуетесь, имею том трудов XXIV съезда и корректуры-оттиски некоторых докладов XXV, последнего, имею также «Горнозаводское дело», официальный орган съезда, за прошлый и текущий годы.

Телеграфируйте, ибо возможно, что завтра вечером уеду в Рим.

3) Устав Русско-итальянской торговой палаты, присланный мне из Петербурга.

Видел сегодня Анну Михайловну Кулишову. Она охотно примет участие в предложенной доле². Против Сибиллы Олерамо* как редакторши ничего не имеет³, но думает, что следовало бы поискать лицо, более компетентное в итальянской литературе; есть основание думать, что роман Олерамо был выпущен для неё лицом, посторонним ей теперь⁴. По этому поводу Анна Мих. подумает и сообщит мне своё мнение, а я передам Вам его.

Соберу до отъезда также сведения о русских произведениях, уже напечатанных на итальянском языке. Кое-какие данные уже получил⁵.

Рассчитываю также собрать сведения, касающиеся издания (набор, печать, бумага и т. д.).

Анна Мих<айловна> усиленно рекомендует обратить внимание на научно-популярную русскую литературу, на которую здесь был бы большой сравнительно спрос.

Подробнее обо всем напишу, когда сам разберусь.

Прочёл «Кожемякина»⁶. Что вещь большая, сами знаете. Но если был бы критиком, много материала нашёл бы для разноса автора за 2-ю часть.

Такие красивые, большие фигуры, а Вами же загублены. Торопились, очевидно. Вас, наверное, ругали уже или будут ругать по этому поводу в печати. От критики воздержусь все-таки пока.

Получил от В.К. Агафонова экземпляр «Заключений»⁷ и письмо, в котором предлагает написать что угодно за подписью или инициалами; напечатать в сборнике, который его группа издаёт по тому же делу. Сейчас писать некогда. Может быть, увидимся, посоветуюсь с Вами, как быть.

Помимо того обращаю Ваше внимание на Агафонова как очень добросовестного работника, очень дельного и порядочного человека, полезного, мне кажется, для Вашей энциклопедии⁸. Как писателя Вы его, конечно, знаете. Забыл про него сказать, когда виделась с Вами. Но он в оппозиции к «правлящим сферам партии» и отношения его с Черновым едва ли нежные⁹. На всякий случай, вот его адрес: 1, rue Leneveuox. Paris.

Всего доброго. Ваш

П. Рутенберг.

Вопрос о газете пока не затрагивал ни с Кулишовой, ни с Турати¹⁰. Лучше подготовить раньше нужных для газеты людей и поставить издательство. Вопрос газеты разрешится тогда сам собой и в самой лучшей форме. Ибо они тогда будут считать дело это своим делом.

* Так в автографе (Ред.).

4. ГОРЬКИЙ – П. РУТЕНБЕРГУ

3 (16) мая 1911, Капри

Убедительно советую Вам — делайте то дело, которое можете и умеете делать, делайте его всегда, памятуя [важное историческое значение этой работы] важную для России цель — историческое значение этой работы¹.

А [дела семейные] делишки скандальные и унижающие Вас и других людей, заслуживающих уважения, оставляйте для тех, кому они сродны и кто только в их сфере и может жить². Вам пора с этим кончить [раз], если Вы хотите работать серьёзно, вводить же себя в новый скандал³, трепаться в новой [чудовищной] склоке агонизирующих репутаций — не следовало бы. Если Вы думаете, что дело идёт о чести партии — это ошибка [дело проще: X, Z, S, Y напутали]⁴, принципы пребудут незыблемы, как бы люди не искажали их, [принципы] люди — смертны, идеи вечны, и это надо помнить, а Вам особенно. Вам — особенно, потому что Вы человек способностей недюжинных, и Вы в состоянии возродить честь партии Вашей личной работой положительного характера⁵.

То же, что я [в состоянии] могу сделать, я должен сделать. Выполнение долга — волевой акт, вы над этим подумайте, дабы ясно видеть, куда, к чему влечёт Вас Ваша воля.

Брошюры по естественным наукам выходят⁶, рекомендую Вам спросить [об] Агафонова о том, [какие из них наилучшие], какие из них он, специалист вопроса, считает наилучшими. Сибиλλα Алерамо интересна потому, что она, итальянка, вероятно, обладает [большим] чутьём духа итальянского языка большим, чем русская, хотя бы и Кулишова⁷.

Нам нужны образцовые переводы. Вы согласны?

5. П. РУТЕНБЕРГ – ГОРЬКОМУ

4 (17) мая 1911, Милан

Из намеченной Вами серии уже изданы: «Казачи», «Тарас Бульба», «Сорочинская ярмарка»¹. Это по имеющимся у меня каталогам. Изданы прилично, так что новое издание было бы невыгодно, по-моему.

Список передам Анне Михайловне Кулишовой², «Губернатора» тоже: до моего отъезда он будет сдан в перевод³.

Достал четыре монеты средневековые, серебряные, наверное, не фальшивые: 1) миланская Lodovico Maria Storza, (1494–1560), 2) Флорентийской республики серебряный флорин, 3) Венецианская Agostino Barbarigo, 1486–1501, 4) Margusa di Saluzzo, 1504–1528.

Интересуют ли они Вас? Пришлю или привезу.

6. ГОРЬКИЙ – П. РУТЕНБЕРГУ

6 (19) мая 1911, Капри

Получил второе Ваше письмо и книги, спасибо!¹

«Казаков» можно заменить «Севастопольскими рассказами» [сказками] [«Много ли человеку земли нужно?»], «Бульбу» и «Сорочинскую» — «Майской ночью», «Ночью под Рождество»².

Но было бы лучше купить уже имеющиеся указанные Вами переводы, просмотреть их, исправить, если нужно — и издать. Это — дешевле и сконцентрировало бы в затеваемом издательстве лучшие вещи.

[О принципах пере<говорим>]. Очевидно, что по ряду мелких вопросов мы можем договориться лишь при свидании. Соберите каталоги и привезите их³. Указанные Вами монеты, если они хорошей сохранности, очень интересны⁴.

7. П. РУТЕНБЕРГ – ГОРЬКОМУ и М.Ф. АНДРЕЕВОЙ

22 мая 1911, Милан

Milano 22 maggio 1911

Тяжело, жаль, что не могу обратиться к вам, как хотелось бы, как к родным, душевно дорогим друзьям. Единственным. Дело ваше. Больше писать об этом не буду. Но на последнее письмо ответить надо¹. Обращаюсь к вам обоим, п<отому> ч<то> думаю, что в нём высказано отношение вас обоих ко мне.

По-моему, и суть, и тон письма несправедливы и неправильны. Я не увлёкся. Как и почему я перешагнул грань, говорить не считаю уместным². Но приведённые в письме объяснения безусловно неправильны. За большое и красивое, перед которым очутился, упрекнуть себя не могу. Не могу упрекнуть себя и за поведение своё, за то, что сказал вам перед отъездом. Если я даже думал, что сделал что-нибудь нехорошее, не сказать означало бы или не желать сознаться, или трусость, то и другое для меня неместное. А по существу, повторяю, не считаю, что сделал что бы то ни было худое.

Колебания, сказать ли, п<отому> ч<то> не знал, как вы к этому отнесётесь. Но считал и считаю вас людьми, которые всё могут знать, обо всем говорить и чем важнее вопрос, тем спокойнее и серьёзнее к нему отнестись. Не сказать вам, значило бы для меня унижить моё исключительное уважение к вам, унижить вас в моих глазах.

Может быть, в чем-нибудь моё положение в данном случае неправильно. Со своей стороны не вижу этого. И упреки ваши — в недостаточности с моей стороны уважения к вам, лишь кажутся большим, неприятным, досадным недоразумением.

Раздел I. ПУБЛИКАЦИИ

Есть в жизни что-то сущее. Что всё великое собою обнимает, к чему ни ложь, ни клевета, ни мелкие страсти пристать не могут. Мне кажется, что я стою у этого сущего.

Для хороших с вами отношений мне стаж не нужен. Вы поступайте, как знаете.

Глубоко, беззаветно любящий вас обоих

Пётр

8. П. РУТЕНБЕРГ – ГОРЬКОМУ

18 марта 1925, Лондон

Дорогой Алексей Максимович.

В 1907 или в 08 году Вы дали по моей просьбе моей жене 500 руб. Посылаю Вам чек на 50 фунтов.

Спасибо за оказанную в своё время помощь¹. Только на днях узнал, что Вы живёте в Sorrento².

Очень хотел бы Вас видеть. Дней через 8–10 возвращаюсь в Палестину³. Может быть, смогу поехать через Неаполь и остановиться у Вас на несколько часов. Сообщите, можно ли Вас видеть?⁴

Всего Вам лучшего.

П. Рутенберг

Постоянный адрес здесь:

Mr. P. Rutenberg (private) 3 Bedford Square.

London W.C.1

9. П. РУТЕНБЕРГ – ГОРЬКОМУ

3 апреля 1925, Марсель

Дорогой Алексей Максимович.

Освободился в Лондоне за ¼ часа до отхода поезда и пришлось поехать этим путем¹. Ближайшим. Должен торопиться обратно в Палестину. Как ни стараюсь, а глупому слову «должен» до сих пор не разучился.

В конце июля должен (опять «должен») быть опять в Европе. Постараюсь поехать через Неаполь. Очень хочу Вас видеть.

Спрашиваете, какие мои воспоминания печатал Щеголев². Старые, напечатанные в «Былом» Бурцева. Без моего разрешения, конечно. Узнал об этом от сестры³, которая тоже узнала случайно во время печатания книги. Она заявила Щёголеву, что надо спросить моего разрешения и получила в ответ: «Насколько мне известно, П.М. не пользуется правами гражданина в Советской России». Она настаивала, что знает, что в своё время рукопись была

подвергнута жестокой цензуре и поэтому для установления исторических фактов надо снести со мной. Он отказал. Сестра заявила ему, что если не приостановить печатания, она опубликует об этом в печати и устроит скандал. Ответ был: «Мы и на это пойдём».

«Профессора Щёголева», стервятника революции, мутит конечно. Но не обращаться же к «общественному мнению». Где оно? Во всяком случае, не мне. Да и другой, более важной и срочной работы много⁴. Шут с ними. Пускской «профессора» лопают и пьянствуют на доходы «исторических изданий». Хоть кому-нибудь удовольствие.

Всего Вам хорошего, Алексей Максимович. Я, действительно, не исправим. Трудно это. Всюду. Но стоит. Результат всюду, всегда, всему как будто один. Но все-таки лучше, чем быть стервятником. В жизни всякий по-своему с ума сходит. Предпочитаю моё помешательство другим.

П. Рутенберг.

Мой адрес: мне The Power House. Jaffa. Palestina

10. П. РУТЕНБЕРГ — ГОРЬКОМУ

15 декабря 1926, Тель-Авив

Дорогой Алексей Максимович.

Хотел послать Вам с праздником здешних апельсинов и grapefruits¹, но оказалось, что подобные предметы потребления в Италию ввозить воспрещено. Ничего не поделаешь.

Леонид Борисович умер². Жаль. Старая гвардия сходит со сцены. Хорошо ли, плохо ли, цели своей служила верой и правдой. Нашему поколению жаловаться на прожитую жизнь не приходится. Но жаль. Слишком рано он умер.

Буду на следующей неделе в Ерусалиме, выберу что-нибудь из тамошней керамики для Вас. Пробуду здесь до середины января.

Всего Вам хорошего.

Привет Вашим.

П. Рутенберг.

15 dec. 926

Tel Aviv.

11. ГОРЬКИЙ — П. РУТЕНБЕРГУ

30 октября 1928, Сорренто

Посылаю Вам, Пётр Моисеевич, книжку Мстиславского¹, полагая, что для Вас будет интересно познакомиться с этим сочинением. Мстиславского, — по всем его книгам, — я считаю писателем «фантастическим»². Если б Вы по-

желали возразить ему, пошлите возражение мне, я приму все меры, чтоб оно было опубликовано.

Как живете?

Всего доброго.

А. Пешков

30.X.28.

12. П. РУТЕНБЕРГ — ГОРЬКОМУ

18 ноября 1928, Хайфа

Дорогой Алексей Максимович.

Сочинение Мстиславского получил¹. Спасибо, что обратили моё внимание и за предложение использовать Ваше влияние, чтобы опубликовать моё возражение.

Но думаю, что *мне* возражать Мстиславскому не приходится². Не достойно. И не интересно. Если бы случайно встретить этого «бывшего товарища» за пределами его теперешней недостижимости, искромсал бы ему физиономию. Но не больше.

Мне кажется, что в связи с этим сочинением стоит другой вопрос. Мстиславский, хоть и «фантастический писатель», как Вы его назвали³, но писатель русский. Обращаться так бесцеремонно, для цели тиража, с именем не только живых, но даже умерших уже людей не было в нравах русской литературы. Не думаю, чтоб это было допустимо даже в теперешнее мутное и смутное время. Вы имеете некоторое касательство к русской литературе и ответственны за её нравы. Вам виднее, надо ли и если надо, то как реагировать в данном случае. По-моему, надо⁴.

Живу, пожалуй, хорошо. Тяжело, но хорошо⁵. Создал инструмент, мою работу, на которой существа физически слабые, душевно растерянные становятся здоровыми, дисциплинированными, полезными и достойными людьми. Слишком много ещё разочаровывает. Но всё больше уже по делу.

Теперь можно было бы развернуть в гораздо большем масштабе⁴. Но я устал сильно. Думаю, что хватит с меня «заботиться о благе человечества». Хочу в отставку. Для самого себя пора итоги подводить. Очень беспокойной, но далеко недостаточно продуктивной оценки.

Прочёл два тома «Самгина»⁶. С нетерпением жду продолжения. Здесь ещё нет⁶. Большие и важные вопросы формулируете.

Газеты здесь читаю мало. И нерегулярно. Случайно узнал, что Вы были очень больны и уехали в Берлин⁷. Что Вы опять в Sorrento, узнал только из Вашего письма⁸. Как Ваше здоровье? Теперь? Его *надо* беречь.

Всего Вам хорошего.

П. Рутенберг

18 nov. 928. Haifa

13. П. РУТЕНБЕРГ — ГОРЬКОМУ

25 мая 1929, Хайфа

Дорогой Алексей Максимович.

У меня два сына в Петербурге. Старший Евгений и младший Анатолий. Младший кончил в этом году. Он инженер-электрик. Специализировался по радиотехнике и работает в правительстве. Старший кончает университет, специализировался на ихтиологии, подал сейчас дипломную работу. Очевидно, хороший, талантливый биолог.

Хотел бы устроить их на практику в хороших лабораториях у известных европейских профессоров, каждого по его специальности. Они пишут, что имеют серьёзные затруднения с получением разрешения на выезд из России. Не можете ли помочь?¹ Был бы много обязан. Практиковать будут для дальнейшей деятельности в России, где будут жить и работать. Намерения оставаться за границей на эмигрантском положении у них, конечно, нет. Средства на жизнь будут, конечно, обеспечены мной за время их пребывания за границей.

Простите за беспокойство. Знаю, как это трудно. Обращаюсь к Вам, потому что — сыновья ведь. Да хорошие, очевидно, научные работники из [них] выйти могут. А я сейчас, благодаря моим деловым связям, мог бы их устроить, когда буду летом в Европе².

Работа моя здесь продолжается хорошо. Приехали бы зимой посмотреть.

Всего Вам лучшего.

П. Рутенберг

PS. Адрес детей — 1-я ул. Деревенской Бедноты, д. 14. кв. 8.

25 мая 1929

Haifa

14. П. РУТЕНБЕРГ — ГОРЬКОМУ

25 января 1930, Лондон

23 jan 1930

London

Дорогой Алексей Максимович,

Б. Канцельсон, редактор палестинской рабочей газеты «Довар», большой друг мой, рассказал мне о его свидании с Вами в Сорренто¹ и о Вашем предложении опубликовать книгу о работе, сделанной евреями в Палестине. Он говорит мне, что Вы интересовались, смогу ли я содействовать опубликованию такой книги². Конечно, все, что вы найдёте нужным, чтобы я сделал, сделаю. Считаю мысль об издании такой книги — очень ценной, — и человека

(Б. Кан<цельсо>на) исключительно талантливым и подходящим для организации такого дела.

Как Ваше здоровье? Слышал, что Вы были больны³. У меня работа идёт хорошо, но общее положение в Палестине неудовлетворительно. Буча, поднятая — искусственна⁴. Теперь лучше. Но... Если пробудете зиму в Sorrento, постараюсь на пути в Палестину заехать к Вам. Очень хотелось бы Вас видеть.

Всего Вам лучшего.

П. Рутенберг

15. ГОРЬКИЙ — П. РУТЕНБЕРГУ

22 сентября 1930, Сорренто

Не писал Вам, дорогой П<ётр> М<оисеевич>, так долго, потому что Ек<а-терина> Пав<ловна> приехала только 20-го¹.

О делах и положении Евгения² она осведомлена весьма подробно и думает, что его едва ли выпустят за рубеж. Суть в том, что его брат³ из Берлина пишет ему: «Плюнь на всё и следуй моему примеру!». Советы эти, конечно, известны начальству. Далее: сам Евгений — по словам Е.П. — «капризничает и зря раздражает людей». У него посланы куда-то документы и разные бумажки, посланы они были на место, где он жил, а он жил не на одном месте, и документы гуляют, ищут его. Их — тоже ищут. Евгению предлагают получить дубликаты, он — требует подлинники.

Он намерен ехать в Гамбург, работать на биостанции. О том, чтоб его выпустили, хлопочет Мария Фёдоровна и ещё кто-то⁴. Е.П. тоже, конечно, не отказывается хлопотать. (Я — тоже.) Здесь она проживёт до 15 октября.

Вот — всё, что могу сообщить — пока.

Жму руку. Будьте здоровы.

А. Пешков

22.IX.30

16. П. РУТЕНБЕРГ — ГОРЬКОМУ

10 октября 1930, Хайфа

Дорогой Алексей Максимович.

Последнее время необычно долго не был в Хайфе. И письмо до меня дошло сейчас только. Сомневаюсь, чтобы Анатолий писал из Берлина брату последовать его примеру, и думаю, что это собственное «умозаключение» какого-нибудь ретивого чиновника, доложившего соответственным образом начальству¹.

Женя пишет мне, что ему предлагают ехать на постоянную работу на Дальний Восток и соблазняют большим жалованием. Я очень жалел бы, если бы он поехал туда. Ему необходимо полечиться, встряхнуться и жениться. Тогда из него выйдет дельный и ценный человек. Даже для Дальнего Востока. А так сопьётся и вообще свихнётся парень. Очень буду обязан Екатерине Павловне и Вам, если поможете ему получить разрешение выехать за границу на год или два². При теперешних мирового масштаба процессах и сдвигах жизнь одного человека стоит мало. Но тратить время и внимание, чтобы мешать этому одному человеку барахтаться, авось выплывет и станет хорошим ихтиологом, тоже ведь не стоит. Надеюсь, сможете помочь.

Здесь плохо. Англичане совсем обалдели³. Не понимают, что творят. Но тут в конце концов всё наладится.

Сердечный привет Екатерине Павловне.

Всего Вам хорошего.

П. Рутенберг

10 oct. 930.

Haifa

17. П. РУТЕНБЕРГ – ГОРЬКОМУ

8 февраля 1931, Хайфа

Дорогой Алексей Максимович.

В России осудили на каторжные работы раввина Абрамского из Житомира¹. За контрреволюционность. Этого раввина давно уже избрали на ответственную должность здесь в Палестине. Его контрреволюционность состоит, конечно, в том, что он упорно хочет молиться Богу. И наверное, в талесе и тефилине. И, наверное, не хочет есть трэфное². Это явно легкомысленно. Но стоит ли за это посылать человека на каторгу? А близкие его с ума сходят и никому покою не дают³. В том числе и мне. Как будто мало сейчас людей на каторге и в тюрьмах, и вне тюрем. И во всем мире. Все мы люди таковы, когда лично болит. Но помочь надо. Человек ведь. Если можно. Можете ли?⁴ Был бы много обязан. Чтобы выпустили его из России в Палестину.

Я чего-то стал сдавать последнее время. Усталость ли, старость ли — не знаю.

Всего Вам хорошего.

П. Рутенберг

8 febr. 931

Haifa

18. П. РУТЕНБЕРГ — ГОРЬКОМУ

12 апреля 1931, Лондон

Дорогой Алексей Максимович.

Сын Евгений пишет мне, что вернулся недавно из экспедиции в море Беринга. Доволен работой, но новой брать не хочет, ибо надеется, что теперь ему разрешат выехать временно за границу. Едет хлопотать об этом в Москву. Мне сказали, что Вы скоро едете в Россию¹. Если найдёте возможным, помогите ему. Буду много обязан.

Приехал на очень короткое время. Вероятно, дней через десять возвращаюсь в Палестину².

Всего Вам хорошего.

П. Рутенберг

12 apr. 931

19. П. РУТЕНБЕРГ — ГОРЬКОМУ

25 сентября 1932, Неаполь

Дорогой Алексей Максимович.

Только что пролетели над Вашим домом¹. По дороге из Палестины — Неаполь — Марсель. Вчера вылетели из Бейрута. Фантасмагорично.

Сердечный привет.

Здоровья, счастья и всякого добра от души желаю.

П. Рутенберг

20. П. РУТЕНБЕРГ — ГОРЬКОМУ

20 июля 1934, Лондон

20.VII.934

London

Дорогой Алексей Максимович.

Пишу из клиники. Уложили меня сюда для починки сработавшейся машины. Стареющей, конечно. Главная причина — «некультурность» машиниста. Но этой «культурности» в наше время нас ведь не обучали. Сама машина, говорят, ещё крепка. Ничего серьёзного. Надо пару недель отдохнуть, перестать курить и сбросить килограммов 20 буржуазного вида.

От М<арии> И<гнатъевны>¹ узнал, что у Вас большое несчастье случилось². Знаю, что Вы далеко не сантиментальны. Что судьбы человечества не меняются от горестей или радостей отдельных людей. (По существу тоже неправда). Но каждому из нас собственный горб нести приходится и за него

расплачиваться. Наша еврейская народная мудрость с незапамятных времён создала для таких случаев глубоко мудрую краткую формулу-молитву: «Благословен судья, всё знающий». Причинной связи и предупредительных мер, многого неправильного и несправедливого в жизни людской и нашей собственной мы не знаем ещё. Надо просто подчиниться. Силам, вне нас лежащим.

21. П. РУТЕНБЕРГ — ГОРЬКОМУ

6 июля 1935, Лондон

Дорогой Алексей Максимович.

У меня к Вам личная просьба. Сын мой Евгений, очевидно, хороший специалист-ихтиолог. Интересуется сейчас обследованием рыб на больших морских глубинах и ещё чем-то рыбным, для меня неясным¹.

Английский министр земледелия и рыболовства, Valter Elliot, личный приятель мой². Говорил с ним о Евгении, и он предложил предоставить сыну возможность практики, научной и практической, на море, на суше, в любой лаборатории Англии. Мне очень хочется помочь сыну стать научно крепко на ноги.

Хочется, конечно, его повидать и дать возможность посмотреть лично европейскую жизнь и понять, чего она стоит. *Не хочу*, чтоб он оставил Россию и *не надо* меня в этом подозревать. Для меня ясно, что теперешняя русская молодёжь не может примениться психологически к европейской жизни и поэтому отослал обратно в Россию дочь³.

Если получит паспорт, ему дадут английскую визу. Он, очевидно, имеет затруднения в получении паспорта. Если можно помочь, буду от души благодарен. Повторяю, никаких задних мыслей об его отъезде из России у меня нету. Наоборот, хочу, чтобы он жил, работал и нашёл себя в России. Он может, очевидно, получить от своего института командировку. Что было бы очень хорошо. Денег не надо. Дам ему, что надо.

Остаюсь в Лондоне до середины или конца августа. Позже не могу. Хотел бы, чтоб он был в Лондоне как можно скорее. Чтобы мог видеть его и лично устроить его⁴. Пожалуйста, помогите, если можете.

Старая западная культура и цивилизация трещат по всем швам. Какова будет буря в Европе и Америке и на Востоке, сказать трудно. Но буря будет. Несомненно. Большая. И очевидно, скоро⁵.

Читал в газетах, что Вы будете в Европе⁶. Надеялся видеть Вас. К сожалению, Вы не приехали. Как Ваше здоровье?

Сердечный привет Вам.

Всего Вам доброго.

П. Рутенберг

22. П. РУТЕНБЕРГ – ГОРЬКОМУ

9 апреля 1936, Хайфа

Доктор Егуда Магнес¹, ректор Ерусалимского университета, фактически им созданного. При университете имеется библиотека, являющаяся, несмотря на недавнее её существование, гордостью еврейского народа. Успехом своим библиотека обязана любви и преданности группы людей. Среди них Магнес. Он едет в Россию хлопотать перед советским правительством о разрешении перевезти в Ерусалим библиотеку барона Гинзбурга². Очень ценную с еврейской точки зрения.

Знаю Ваше отношение к культурной работе где бы то ни было. Поэтому даю Магнесу это письмо к Вам. И прошу Вас помочь ему, если можете. Считаю, что дело это заслуживает Ваше содействие. Буду Вам много обязан. И не я один.

Будете ли этим летом в Европе? Дайте знать. Очень хотелось бы видеть Вас.

Всего Вам доброго.

Сердечный привет.

9 апр. 936.

П. Рутенберг

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

Печатается по А (АГ), впервые.

¹ 26 декабря (8 января) 1908 г. ЦК партии эсеров опубликовал сообщение о том, что инженер Е.Ф. Азеф, член Боевой организации и ЦК, уличён в сношениях с русской политической полицией и объявлен провокатором (Знамя труда. 1908. № 14. Дек. С. 36). Разоблачение Азефа для Рутенберга стало ударом огромной силы. Оно означало потерю веры в людей, с которыми он много лет работал рядом и которым верил. Узнав о провокаторстве Азефа, он переосмыслил его роль в событиях, предшествовавших убийству Г. Гапона и написал новое письмо в ЦК эсеровской партии. Прежде чем его отправить, Рутенберг просил совета у Горького, который раньше многих был в курсе событий. 13 или 14 (26 или 27) января 1909 г. писатель сообщал В.Л. Бурцеву: «Азёв у меня, кажется бывал. Вместе с Татаровым, Рутенбергом, незадолго до провала Якимовой и Рутенберга. Пожалуйста, пришлите мне все те данные о нём, кои будут назначены к опубликованию» (*Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М., 2001. Т. 8. С. 79).

² Имеется в виду заявление П. Рутенберга и его письмо в ЦК эсеровской партии, датированное 18 (31) января 1909 г., в котором он требовал вернуться к выяснению обстоятельств убийства Г. Гапона и роли Азефа в нём (Знамя труда. 1909. № 15. Февр. С. 19–20).

³ Речь идёт о находящихся в Париже руководящих членах партии эсеров Б.В. Савинкове, В.М. Чернове и М.А. Натансоне, которые препятствовали публикации брошюры П. Рутенберга «Дело Гапона», считая, что она скомпрометирует партию.

⁴ Горький с 1907 г. поддерживал Рутенберга, заставляя его как можно скорее написать «Дело Гапона», которое он предполагал напечатать в издательстве И.П. Ладыжникова. Рутенберг вспоминал: «Относительно опубликования рукописи просил Г<орь>кого взять на себя сношения с издателем, а вырученные деньги, за покрытием расходов, прислать ЦК. Рукопись не была тогда опубликована, так как издатель потребовал от меня дополнить её. А меня брал ужас не только писать, но даже думать об этом деле» (*Рутенберг П.* Дело Гапона // *Былое: Сб. по истории русского освободительного движения. 1909. № 11/12. Июль–авг. С. 103*).

2.

Печатается по А (АГ), впервые. К письму приложены заявление Рутенберга в ЦК эсеровской партии и копия его переписки с Б. Савинковым, М. Натансоном и В. Черновым (см.: *Хазан В.* Пинхас Рутенберг: От террориста к сионисту: В 2 т. М., 2008. Т. 1. С. 244–253).

¹ Речь идёт о сложном положении, в котором оказался Рутенберг, вынужденный несколько лет объясняться с ЦК партии эсеров; au contraire (франц.) — напротив.

² Впервые воспоминания Рутенберга «Почему я убил Гапона» на французском языке были опубликованы 10 марта 1909 г. в парижской газете «Le Matin», на русском «Дело Гапона» в журнале В. Бурцева «Былое» (1909. № 11–12. Июль–авг. С. 29–115).

3.

Печатается по А (АГ), полностью впервые. Частично: *Хазан В.* Пинхас Рутенберг... Т. 1. С. 263–264.

¹ Материалы, которые были посланы Горькому, связаны с попыткой Рутенберга решить вопрос о продаже донецкого угля Италии, которая закупала уголь в Англии. Весной 1909 г. Совет съезда предпринимателей России направил своего уполномоченного П.И. Пальчинского в Италию с поручением изучить итальянский угольный рынок. В ноябре 1909 г. Пальчинский привлёк к этому делу Рутенберга, который в течение всего 1910 г. активно пытался установить связи с итальянским правительством. См.: *Рутенберг П.* Как устанавливаются международные связи (Русско-итальянские международные отношения) // *Современник. 1911. № 10. С. 306–319.* Итальянцы решили купить для пробы два парохода донецкого угля, но российские чиновники тормозили дело, несмотря на то, что на XXXV съезде южных горнопромышленников было принято решение участвовать в Туринской выставке и показать образцы донецкого угля. Пытаясь ускорить решение вопроса, Рутенберг отправил Горькому соответствующие материалы, чтобы ознакомить его с вопросом. При поддержке Горького была опубликована его статья в журнале «Современник». Соглашение с Италией так и не было заключено, помешала начавшаяся Первая мировая война.

Раздел I. ПУБЛИКАЦИИ

² Кулишова (наст. фам. Розенштейн, по мужу Макаревич) Анна Михайловна (Моисеевна) (1854–1925), член партии «Народная воля», с 1898 г. жила в Италии, одна из организаторов итальянской социалистической партии, жена лидера итальянских социалистов Филиппо Турати (1857–1932). Горький с помощью Рутенберга пытался создать вместе с ней издательство, которое пропагандировало бы русскую классическую литературу в переводах на итальянский язык.

³ Алерамо Сибилла (наст. фам. и имя Рина Фаччо, 1876–1960), итальянская писательница, познакомилась с Горьким в 1907 г. неоднократно бывала у него на Капри и в Сорренто, написала воспоминания о нём: *Aleramo S. Rievocando Massimo Gorki (Discorso a Sorrento il 17 giugno) // Rinascita. 1951. № 6.* Переписка Горького с С. Алерамо опубликована: Переписка А.М. Горького с зарубежными литераторами. Архив А.М. Горького. Т. 8 / Ред. Н.Н. Жегалов. М., 1960. С. 240–253.

⁴ Сибилла Алерамо — автор романа «Una donna» (1906), который под названием «Бесправная» был опубликован на русском языке (пер. Е. Лазаревской) в журнале «Образование» (1907. № 6–9).

⁵ Речь идёт о произведениях русских классиков (Л. Толстого, Н. Гоголя и др.), которые предполагалось перевести на итальянский язык. Данные о переводах, опубликованных в России, Рутенберг мог получить от своей жены О.Н. Хоменко, владелицы петербургского издательства «Библиотека для всех».

⁶ Вторая часть повести «Жизнь Матвея Кожемякина» («Постоялка») была опубликована в сборнике XXXV «Знания», вышедшем в конце марта 1910 г.

⁷ В.К. Агафонов (1863 или 1864–1955), член партии эсеров с 1906 г., член редакции журнала «Мир Божий», приват-доцент минералогии, с 1921 г. доцент Сорбонны, принимал активное участие в разоблачении Азефа в составе группы «Инициативное меньшинство» (см.: *Агафонов В.К. Парижские тайны царской охранки.* М.: Русь, 2004). Выводы группы, возглавляемой Я.Л. Юделевским, были отражены в «Заклчениях» (см.: *Юделевский Я.Л. Суд над азефщиной.* Париж, 1911).

⁸ В этот период Горький думал издать «Российскую энциклопедию» для народа, а также «Сибирскую энциклопедию», о которой договаривался с И.Д. Сытиным. Замысел не осуществился.

⁹ В числе лиц, которых Рутенберг именуёт «правлящими кругами партии», были, помимо Е. Азефа, Б. Савинков, В. Чернов и М. Натансон.

¹⁰ Филиппо Турати (1857–1932), лидер итальянских социалистов, глава партии итальянских трудящихся, муж А.М. Кулишовой, основатель журнала «*Critica sociale*». Намерение Горького создать при его поддержке новую газету не осуществилось.

4.

Печатается по *ЧА (АГ)*. Впервые, с опечатками: *Горький М. Полное собрание сочинений.* Письма: В 24 т. М., 2002. Т. 9. С. 37–38. На первой странице А помета «к П.М. Рутенбергу. Май 1911».

Ответ на письма Рутенберга от 2 и 3 мая 1911 г.

¹ Приехав в Италию, П. Рутенберг отошёл от революционной деятельности и занялся работой по специальности: пытался решить вопрос о продаже донецкого угля Италии (см. п. 3 и примеч.), занимался проблемами мелиорации и другими инженерными вопросами.

² Имеется в виду «дело Азефа», последствия которого продолжались до конца 1911 г. Говоря о «делах семейных», Горький имеет в виду не только этот процесс, но и расставание Рутенберга с О.Н. Хоменко. 30 декабря 1911 г. он писал ей из Милана, что между ними уже легла пропасть и «хорошими, какими ни то ни было, мужем и женой мы быть не можем» (*Хазан В. Пинхас Рутенберг...* Т. 1. С. 289).

³ Речь идёт о контактах Рутенберга с В. Агафоновым, членом группы «Инициативного меньшинства», собиравшей материалы по «делу Азефа» (см. п. 3 и примеч.).

⁴ Под этими буквами Горький скрывает фамилии Е. Азефа, В. Чернова, Б. Савинкова и М. Натансона.

⁵ Основным аргументом в переписке членов ЦК эсеров с Рутенбергом было предупреждение не порочить честь партии, рассказывая об убийстве Гапона (см.: *Хазан В. Пинхас Рутенберг...* Т. 1. С. 225–237).

⁶ Возможно, имеются в виду брошюры, которые были посланы Горькому С.П. Боголюбовым: Вода / 4-е изд. СПб., 1908; Воздух / 5-е изд. СПб., 1910; Бичи земли и чудеса природы / 5-е изд. СПб., 1910; Великаны и карлики в царстве животных / 4-е изд. СПб., 1908 (см.: *Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М., 2002. Т. 9. С. 333*).

⁷ См. п. 3 и примеч.

5.

Печатается по А (АГ), впервые.

¹ Речь идёт о задуманной Горьким серии произведений русских классиков в переводе на итальянский язык. См. п. 3 и примеч. Перечисленные произведения Н.В. Гоголя и Л.Н. Толстого были изданы в России, о чем Рутенбергу сообщила жена.

² О переговорах с А.М. Кулишовой см. п. 3 и примеч.

³ Горький познакомился с повестью И.Д. Сургучёва «Губернатор» в рукописи и оценил её как очень значительное произведение. Повесть была опубликована в 39 Сборнике «Знания» (СПб., 1912).

6.

Печатается по ЧА (АГ). Впервые: *Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М., 2002. Т. 9. С. 38–39*).

¹ См. п. 3 и примеч.

² «Казаки» и «Севастопольские рассказы» — повести Л.Н. Толстого. «Тарас Бульба», «Сорочинская ярмарка», «Майская ночь, или Утопленница» и «Ночь под Рождество» — рассказы и повести Н.В. Гоголя.

Раздел I. ПУБЛИКАЦИИ

³ Имеются в виду каталоги русских издательств, выпускавших произведения классиков на итальянском языке.

⁴ См. п. 5. Коллекцию римских монет, собранных за время жизни в Италии, Горький впоследствии передал Эрмитажу.

7.

Печатается по А (АГ), впервые.

¹ Судя по переписке М. Горького и М.Ф. Андреевой, добрые отношения, которые возникли между ними и Рутенбергом, со временем испортились. Уже в 1907 г. на Капри у них были основания для недовольства поведением гостя, скрывавшегося от полиции под именем Василий Фёдорович. 19 мая (1 июня) 1907 г. М.Ф. Андреева сообщила И.П. Ладыжникову, что они только что вернулись на Капри из Неаполя. Она писала: «Василий Фёдорович, оказывается, жил всё время у нас в доме, почему-то распечатывал всю нашу почту и вообще не скажу, что вёл себя умно» (АГ. ПТЛ-2-1-20). О поведении Рутенберга в 1911 г. сообщил Е.П. Пешковой К.П. Пятницкий в мае 1912 г.: когда Горький уехал на Пасху в Париж, Рутенберг гостил в его доме, где оставались только Мария Фёдоровна и А.Н. Тихонов. Он писал: «Когда Алексей Максимович вернулся, Рутенберг исчез с Капри. Но переписка между им и М.Ф. продолжалась. Нужно было устроить, чтобы Алексей Максимович не знал о ней» (АГ. ПТЛ-13-34-73). Пытаясь вновь наладить добрые отношения с Горьким, Рутенберг писал М.Ф. Андреевой 30 июля 1911 г.: «Не уеду, покуда не установлю определённых, хороших или дурных, но ясных и недвусмысленных отношений с вами, тобой и Алексеем Максимовичем <...> Хочу верить, что у тебя хватит такту, уважения ко мне, наконец, собственного достоинства, чтоб искренно помочь мне ликвидировать нелепое положение» (АГ. ФМА-кр-6-46-2).

² Письмо не разыскано. О его содержании можно судить по письму Рутенберга М.Ф. Андреевой от 17 мая 1911г.: «Родной друг мой. Мне удалось, кажется, оседлать себя. Избавиться от наносного ненужного и недостойного кликушества, нервничанья. Это один из очень важных моментов в жизни, заслуживающих спокойного и серьёзного к себе отношения; неужели меня не хватит на это» (АГ. ФМА-кр-6-46-1).

8.

Печатается по А (АГ). Впервые: *Хазан В. Пинхас Рутенберг...* Т. 1. С. 28, 269.

¹ Хоменко Ольга Николаевна (1872–1942), издательница, жена Рутенберга, приезжала на Капри к мужу, который в 1907–1908 годах скрывался от ареста и не мог помочь семье, где было трое детей (в 1908 г. родилась дочь Валентина). М.Ф. Андреева писала И.П. Ладыжникову 3 (16) июня 1907 г.: «Василий Фёдорович сейчас в Милане. Писать ему надо: Ab. Lgres. Signor Arvo Vaino. Postafirma. Milano. Но если Вы читали в русских газетах, его ищут, и надо, посылая письмо, быть очень осторожным, отнюдь не посылать штемпельного конверта и не из своего

участка. Он очень ослаб, оголодал и очень тяжёл. Тяжёл и другим, и себе самому, бедняга, мне его все-таки ужасно жаль. Боюсь, что он не совсем нормален даже» (АГ. ПТЛ-2-1-29). О.Н. Хоменко обращалась за помощью также к Б.В. Савинкову, о чем свидетельствует её письмо от 3 августа 1908 г., в котором она жалуется на отчаянное положение и просит его вернуть долг (Хазан В. Пинхас Рутенберг... Т. 1. С. 288).

² Горький с семьёй сына и близкими людьми поселился в Сорренто (Италия) в апреле 1924 г.

³ В Палестину Рутенберг приехал в октябре 1919 г., приняв решение поселиться там «по собственному желанию» навсегда (см.: Хазан В. Пинхас Рутенберг... Т. 2. С. 499–500).

⁴ Встреча не состоялась. См. п. 9 и примеч.

9.

Печатается по А (АГ), впервые полностью. Частично: Хазан В. Пинхас Рутенберг... Т. 1. С. 270.

¹ Приступив к строительству первой небольшой электростанции в Палестине и возглавив электрическую компанию «Хеврат Хашмаль», Рутенберг неоднократно посещал Лондон: для согласования технического проекта, оформления разрешения английских властей на строительство и получения средств на реализацию этого проекта. Известно, что он воспользовался визитом в Палестину министра колоний Великобритании Уинстона Черчилля и добился его поддержки. Летом 1921 г. вопрос был решён положительно.

² П.Е. Щёголев (1877–1931), известный историк, знаток русского революционного движения, был одним из редакторов петербургского журнала «Былое» в 1906–1907 гг. В 1909 г. в парижском журнале В. Бурцева под тем же названием было опубликовано «Дело Гапона» П. Рутенберга (№ 11–12. Июль–авг. С. 29–115). Текст 1909 года в 1925 г. был перепечатан П.Е. Щёголевым в возобновлённом ленинградском журнале «Былое» под названием «Убийство Гапона: Записки П.М. Рутенберга» без разрешения автора.

³ Рахиль (Роза) Моисеевна, сестра Рутенберга, 27 января 1931 г. сообщила брату о смерти П.Е. Щёголева и предложила прислать ему книгу о Гапоне (Хазан В. Пинхас Рутенберг... Т. 1. С. 184). Но только в 1935 г., когда старый революционер эсер Е.Е. Лазарев предложил Рутенбергу внести «изменения и дополнения» в его воспоминания, опубликованные в СССР, он получил книгу, но заниматься подготовкой к новому изданию не стал (см.: Там же. Т. 2. С. 646–647).

10.

Печатается по А (АГ), впервые полностью. Частично: Хазан В. Пинхас Рутенберг... Т. 1. С. 271.

¹ Речь идёт о праздниках Рождества и Нового года; grapefruits — грейпфруты.

² Красин Леонид Борисович (1870–1926), государственный и партийный деятель, с 1920 г. нарком внешней торговли, полпред и торгпред в Англии, с 1924 г. — и во Франции. Не исклю-

Раздел I. ПУБЛИКАЦИИ

чено, что именно Красин познакомил Рутенберга с Горьким. О своих встречах с Красиным Горький, высоко его ценивший, написал воспоминания «Леонид Красин» (*Горький М.* Полное собрание сочинений. Художественные произведения: В 25 т. Т. 20. М., 1974).

11.

Печатается по А (АГ). Впервые не полностью: *Хазан В.* Пинхас Рутенберг... Т. 1. С 148. Полностью: *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М., 2016. Т. 18. С. 79.

¹ См.: *Мстиславский С.* Смерть Гапона. М.: Огонёк, 1928; *Мстиславский С.* Отрывки о пятом годе // Каторга и ссылка: Историко-революционный вестник. 1928. № 2 (39). С. 7–36. С. Мстиславский — псевдоним Сергея Дмитриевича Масловского (1876–1943). Писатель, публицист, революционный и общественный деятель, близкий к партии эсеров, масон, он был одним из организаторов вооружённого восстания в Петербурге и Кронштадте в 1905 г., стоял во главе Всероссийского военного союза офицеров и был редактором газеты «Народная армия» (1906–1908). Будучи свидетелем и участником событий первой русской революции, задумал написать пять книг под общим названием «На тропе: Роман о моей жизни». Первая из них, роман «На крови», вышла в 1928 г. (М.; Л.: ГИЗ) В том же году по роману была поставлена пьеса «На крови».

² Используя разного рода материалы о событиях 1905–1907 годов, в том числе воспоминания П. Рутенберга о смерти Г. Гапона, С.Д. Масловский трактовал их весьма субъективно, придавая роману «На крови» черты бульварной беллетристики. Так, глава о казни Гапона имела название «Трагический балаган», а Рутенберг предстал в ней циником, срежиссировавшим «спектакль, чище, чем Мейерхольд блоковский “Балаганчик”» (*Мстиславский С.* На крови. М.; Л.: ГИЗ, 1928. С. 288).

12.

Печатается по А (АГ), впервые.

¹ См. п. 11 и примеч.

² Говоря о необходимости возразить С. Мстиславскому, Горький имел в виду искажение фактов в сцене убийства Г. Гапона. У Мстиславского она намеренно «обалаганена»: рабочий, повесивший Гапона, предлагает рядом на крюке повесить и Рутенберга, приговаривая: «Гапон — Иуда, да и тот гусь — хорош. Любо это будет рядышком» (*Мстиславский С.* На крови. С. 307)

³ См. п. 11 и примеч.

⁴ Горький на это предложение не ответил.

⁵ В письмах Рутенберг неоднократно жаловался на то, что ведёт в Палестине очень тяжёлую жизнь: активная производственная и общественная деятельность сопровождалась попытками решения и частных, и мировых проблем. Как глава «Palestine Electric Company» он реализовывал свои инженерные проекты в обстановке сопротивления палестинцев и даже его

собственных сотрудников. Так, в 1928 г. на металлообрабатывающем заводе в Хайфе, который производил столбы для линии электропередач, вспыхнула забастовка (см.: *Хазан В.* Пинхас Рутенберг... Т. 2. С. 613–614).

⁶ *Горький М.* Жизнь Клима Самгина. Т. 1. М.: ГИЗ, 1927; *Горький М.* Собр. соч.: В 21 т. Т. 21. Берлин: Книга, 1928.

⁷ После напряжённой поездки по стране в июле–августе 1928 г. Горький заболел обострением хронического лёгочного процесса и 12 октября уехал в Сорренто через Берлин. Газета «Правда» 13 октября (№ 239) сообщила о болезни писателя и опубликовала заключение консилиума врачей, которые рекомендовали Горькому «немедленно уехать в Италию».

⁸ См. п. 11 и примеч.

13.

Печатается по А (АГ), впервые.

¹ Сыновья Рутенберга Евгений Петрович и Анатолий Петрович жили с матерью О.Н. Хоменко в СССР. Пытаясь помочь им выехать за границу, Рутенберг вначале обратился к М.Ф. Андреевой, которая сообщила ему 8 мая 1929 г.: «Ждём на днях сюда Толю, а о Жене, мне думается, лучше всего похлопочет Алексей Максимович, который в начале июня думает уже ехать в Москву» (*Хазан В.* Пинхас Рутенберг... Т. 1. С. 283). В 1930 г. Анатолий учился в Берлине, где виделся с отцом. К хлопотам за Евгения подключилась Е.П. Пешкова (см. п. 15 и примеч.).

² В марте 1929 г. Рутенберг представлял свою компанию на Промышленной выставке в Лондоне. Упрочившееся материальное положение позволяло ему спонсировать еженедельник А.Ф. Керенского «Дни», выходивший в Париже.

14.

Печатается по А (АГ), впервые.

¹ Игерот Берл Канцельсон (1887–1944), идеолог рабочего движения в сионизме, один из лидеров палестинского ишува, редактор социалистической газеты «Давар». Свидание с Горьким в конце декабря 1929 г. ему устроил Рутенберг. О встрече с Горьким Б. Канцельсон рассказал в письме члену редколлегии газеты «Давар» М. Бейлинсону от 2–3 января 1930 г.: «Знакомы Вы с Петром Моисеевичем? Что он сейчас делает? Я начинаю рассказывать. Он прерывает: “Да, да я давно, ещё в Петербурге знал, что он большой человек и сделает большие дела. Что бы Вы о нём ни рассказали, меня ничто не удивит”. В его словах была даже какая-то зависть и сожаление о том, что этот человек не остался в России» (Максим Горький: Из литературного наследия. Горький и еврейский вопрос. Иерусалим, 1986. С. 499). В беседе речь шла о событиях в Палестине в августе 1929 г. и отношении Горького к сионизму.

² Замысел не осуществился.

Раздел I. ПУБЛИКАЦИИ

³ См. п. 13 и примеч.

⁴ В августе 1929 г. в Хевроне и Иерусалиме разразились еврейские погромы, которые совершали арабы. Беспорядки в Эрец-Исраэле связывали с деятельностью палестинских коммунистов, финансируемых Коминтерном, во что верил Рутенберг. Однако, в еврейской рабочей газете «Давар» говорилось, что английская администрация была не только осведомлена о готовящихся погромах, но и пыталась натравить арабов на евреев. Резидент советской разведки Г.С. Агабеков так рассказывал о событиях в Палестине: «Вспыхнувшее в 1929 г. кровавое столкновение между евреями и арабами застало врасплох советское правительство. Коминтерн немедленно занялся обсуждением событий. Непосредственно вслед за тем Политбюро вынесло решение ни в коем случае не поддерживать борющиеся стороны и, пользуясь их столкновением, попытаться объединить арабскую и еврейскую коммунистические партии в Палестине, до того времени существовавшие отдельно. Объединённые партии должны были национальную проблему заменить классовой и совместно объявить войну еврейской и арабской буржуазии, главным же образом, английскому империализму» (*Агабеков Г.С. Секретный террор: Записки разведчика. М.: Современник, 1996. С. 326*). Пытаясь разобраться в истинных причинах событий, Рутенберг, по-видимому, воспользовался посредничеством Б. Канцельсона, чтобы узнать мнение Горького о произошедшем. На вопрос о роли англичан в организации беспорядков Горький ответил уклончиво (*Максим Горький: Из литературного наследия. С. 499*).

15.

Печатается по тексту первой публикации: *Хазан В. Пинхас Рутенберг... Т. 1. С. 271–272*.

¹ Е.П. Пешкова приехала в Сорренто 20 сентября.

² Евгений Петрович (Еня), младший сын Рутенберга, не смог приехать в Европу и встретиться с отцом. В СССР он женился и у него родился ребёнок. 8 ноября 1931 г. Рутенберг поздравил его с этим событием и поблагодарил за присланные фотографии. Он писал: «Устроить личную жизнь свою не так просто. Но зависит главным образом от вас самих. Чем больше будете давать друг другу, тем больше будете получать друг от друга. Любви, внимания, ласки и поддержки в тяжёлые минуты жизни» (*Хазан В. Пинхас Рутенберг... Т. 2. С. 762*).

³ Анатолий Петрович Рутенберг — старший сын Рутенберга, студент, жил в Берлине в 1930 г. как стажёр университета и собирался уехать в Америку (см. п. Н. Рутенберг Е. Рутенберг — *АГ. ФМА-птл-7-36-1*).

⁴ См. п. 13 и примеч.

16.

Печатается по А (*АГ*), впервые.

¹ См. п. 15 и примеч.

² Проводя двойственную политику в Палестине, английские власти в начале 1930-х годов выслали из страны большую группу палестинских коммунистов. С другой стороны они всяче-

ски тормозили развитие самостоятельного еврейского государства на палестинских территориях. Рутенберг, ставший в октябре 1929 г. председателем Исполкома Национального комитета (Ваад Леуми), в феврале 1931 г. подал в отставку, отчаявшись что-либо изменить в политике английской администрации.

17.

Печатается по А (АГ). Впервые: *Хазан В.* Пинхас Рутенберг... Т. 1. С. 272–273.

¹ Иехезкель Абрамский (1886–1976), учёный-талмудист, раввин Смоленска, затем Слуцка. В период массовых преследований всех религиозных конфессий в СССР вместе с раввином С. Зевиним издавал журнал «Ягдил Тора», за что был в 1930 г. арестован и сослан в лагерь. В воспоминаниях «Бялик и Горький» М. Коэн свидетельствует, что благодаря письму Х.Н. Бялика, в котором содержалась просьба спасти И. Абрамского, через два года он был освобождён и отпущен в Англию (Максим Горький: Из литературного наследия. С 504–505). Видимо, это произошло не без помощи Горького или Е.П. Пешковой.

² Талес — молитвенная шаль, в которую облачался еврейский священник. Тефилин — две маленькие коробочки, которые содержат отрывки священных текстов. Трефное — пища, запрещённая для евреев.

³ Одновременно с Горьким об освобождении И. Абрамского ходатайствовало английское правительство. Не исключено, что в Англию просьбу Рутенберга передала М.И. Будберг.

⁴ И. Абрамский был большим знатоком Талмуда. В Англии его избрали главой еврейского религиозного суда «бет-дина» и членом Высшего Совета партии «Агудат Исраэль».

18.

Печатается по А (АГ), впервые.

¹ Горький приехал в Москву из Сорренто 14 мая 1931 г.

² См. п. 13 и примеч.

19.

Печатается по А (АГ) впервые. Текст написан на открытке.

¹ Имеется в виду вилла «Иль Сорито» близ Сорренто, которую Горький снимал у герцога Серракаприола, живя в Италии.

20.

Печатается по МК (АГ). Впервые: *Хазан В.* Пинхас Рутенберг... Т. 1. С. 273.

Раздел I. ПУБЛИКАЦИИ

¹ Будберг (урожд. Закревская, по мужу Бенкендорф) Мария Игнатьевна (1892–1974), близкий друг и секретарь М. Горького. Об их отношениях см.: А.М. Горький и М.И. Будберг: Переписка (1920–1936). Архив А.М. Горького. Т. 16. М.: ИМЛИ РАН, 2001. С 1933 г. Мария Игнатьевна жила с Г. Уэллсом в Лондоне, где не раз встречалась с Рутенбергом.

² Имеется в виду неожиданная смерть сына Горького Максима Алексеевича Пешкова, который скончался 11 мая 1934 г. от воспаления лёгких при невыясненных обстоятельствах .

21.

Печатается по А (АГ), впервые.

¹ См. п. 13 и примеч.

² Эллиот (Elliot) Уолтер (1888–1958), английский министр земледелия и рыболовства.

³ Дочь Рутенберга Валентина Петровна (Вава) в конце 1920-х годов жила в Берлине и училась немецкому языку; после того как провалилась на экзаменах в университет, уехала обратно в СССР (см.: *Хазан В.* Пинхас Рутенберг... Т. 2. С. 759–762).

⁴ Свидание Рутенберга с сыном не состоялось.

⁵ Речь идёт о надвигающейся Второй мировой войне.

⁶ Горький должен был поехать в Париж на Международный конгресс писателей в защиту культуры, который проходил с 21 по 25 июля 1935 г. Поездка не состоялась из-за болезни писателя. 23 июня на конгрессе было зачитано его «Обращение».

22.

Печатается по тексту первой публикации: *Хазан В.* Пинхас Рутенберг... Т. 1. С. 274.

¹ Магнес (Magnes) Иехуда Лейб (1877–1948), еврейский общественный и политический деятель, доктор философии, реформистский раввин, инициатор создания общества самообороны, один из основателей Джойнта. В Палестине жил с 1922 г., выступая как сторонник двунационального еврейско-арабского государства. В 1925–1948 годах был ректором Еврейского университета в Иерусалиме

² Библиотека, принадлежавшая востоковеду, писателю и общественному деятелю барону Д.Г. Гинцбургу (1857–1910), состояла из уникального собрания еврейских и арабских рукописей и инкунабул, а также большого количества редких книг. Хранилась в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. В.И. Ленина. В настоящее время — в Центре восточной литературы РГБ.

И.А. БОЧАРОВА

«МОЛЕКУЛА» В БИОГРАФИИ М. ГОРЬКОГО (ПИСЬМА М.А. ГЕЙНЦЕ ГОРЬКОМУ)

Аннотация

Публикация насчитывает 17 документов: три письма Горького к Гейнце; 13 — Гейнце к Горькому (1913–1925 гг.) и одно письмо Гейнце к её сестре Е.А. Гейнце. Гейнце Мария Александровна (1902–1930) — дочь нижегородского знакомого семьи Пешковых. Эти письма, в основном личного характера, наполнены глубоким чувством к Горькому, волнением и заботой о нём. Документы разворачивают перед нами картину того, как трудно было молодому человеку в начале 1920-х годов найти своё место в обществе, когда создавались новые формы общественной жизни и ценности морали. В целом, данная публикация переписки М. Горького с М. Гейнце представляет собой выразительный документ эпохи 1920-х годов, в котором на примере судьбы одного человека раскрывается история создания «нового быта».

Ключевые слова

М. Горький, М.А. Гейнце, революция, 1920-е годы, искусство, литература, письма, переписка

«Я непоколебимо верю в прекрасное будущее человечества, но меня болезненно смущает количество страданий, которыми люди платят за красоту своих надежд»

(М. Горький. Письмо Р. Роллану
от 25 ноября 1921 г.)

Всё детство Марии Александровны Гейнце (Муси) прошло на глазах семьи А.М. Горького. Она родилась в Нижнем Новгороде в 1902 г. Её отец, Александр Карлович Гейнце, нижегородский аптекарь. Он имел собственную аптеку в городе, был гласным Городской думы и участвовал в строительстве Народного дома, был близок к кругу местной демократической интеллигенции. Мать, Лидия Николаевна, дружила с женой Горького Е.П. Пешковой;

они особенно сблизились после постигших их несчастий. В 1905 г. А.К. Гейнце умер, избитый черносотенцами во время революционных беспорядков в Нижнем Новгороде; остались две маленькие дочери — Мария и Елена. Горький покинул Екатерину Павловну в 1903 г. В 1906 г. он отправился в Америку вместе с М.Ф. Андреевой, и в его отсутствие умерла дочь Катя. Ещё в 1905 г. Е.П. Пешкова и Л.Н. Гейнце отдыхали с детьми в Ялте (1, 237, 254). В 1913 г., когда Е. Пешкова жила вместе с Горьким на Капри, Лидия Николаевна с дочерью Марией гостила в Италии. «Перебралось на Капри нижегородцев, человек 600», — писал Горький в апреле (мае) 1913 г. (2, 316). Здесь же он впервые упоминал Марию: «У Гейнцев славная девочка Муся» (2, 317). После этой поездки Муся написала своё первое письмо Горькому (см. п. 1), 9 мая 1913 г. послала рисунок (возможно, скопированную иллюстрацию из какой-то книги, прочитанной по совету Горького). Эти первые детские открытки Горький бережно хранил в своём личном архиве. Муся Гейнце уже в раннем возрасте выбрала себе будущий профессиональный путь. После школы она поступила в Нижегородский народный университет¹, где прошла первый курс на медицинском факультете под руководством профессора А.Н. Куняева (заведовал кафедрой операционной хирургии; см. о нём п. 3 и примеч.). Весной 1919 г. тяжело заболела Л.Н. Гейнце, оперировал Куняев, но спасти её не удалось. «Приговор смертельный, — писал 23 марта 1919 г. Е.П. Пешковой В.Б. Филатов, отчим Муси. — Несмотря на всю авторитетность мнения Куняева как образованного врача, который крайне осторожно относится к больным и своим словам, я всё-таки не хочу подчиняться его приговору» (3). В другом письме: «Жаль бедную Мусю, которая отдаёт себе полный отчёт во всем происходящем и отдаёт все свои силёнки уходу и заботам о матери» (4). 3 ноября 1919 г. он сообщил Екатерине Павловне Пешковой, что 2 ноября Лидия умерла (5).

За смертью матери последовал ещё один удар — А.Н. Куняев, учитель и наставник, поддерживавший Мусю первое время после смерти матери, умер в августе 1920 г. от сыпного тифа. Тогда Мария и обратилась к Горькому с просьбой рекомендовать её для учёбы в Военно-медицинской академии в Петрограде (см. п. 4). Горький тут же помог и телеграммой сообщил Е.П. Пешковой: «Гейнце принята Академию. *Отец*» (6, 137). Ранее он предложил Марии Гейнце жить в его доме на Кронверкском проспекте, по существу, удочерив и став её опекуном. Мария переселилась в дом Горького и сразу вписалась в компанию там проживающих.

С 1919 г. там жили художница В.М. Ходасевич с мужем, М.Ф. Андреева, И.Н. Ракицкий, П.П. Крючков, М.И. Будберг и М.А. Гейнце. «Образовалось нечто вроде “коммуны”, — вспоминала В.М. Ходасевич. — Все мы работали. Пайки получали эпизодически по месту работы — приносили домой в общий котёл <...> Давали то яблоки полугнилые, то воблу вяленую или ржавые обжигающе-солёные селёдки, то чечевицу, то горох, а то конопляное семя <...> Хлеб ржаной непропечённый, вроде замазки» (7, 125). Жили дружно, давая

друг другу домашние прозвища. Гейнце прозвали «Молекула» за маленький рост и увлечённость химией, Ракицкий был Соловей, В. Ходасевич — Купчиха или Роза, Горький — Дуко ди Кронверко (Герцог Кронверкский). Соловей, Роза, Молекула и приехавший из Москвы Максим Пешков вносили в дом смех, шутки, анекдоты; «изощрялись в остроумии: шарадах, куплетах, фантастических рассказах <...> Этим всем угощали Горького за чайным столом, для которого это были редкие минуты юмора и смеха за целый день забот, огорчений, волнений», — писала Н. Берберова, зная о жизни на Кронверкском со слов часто бывавшего в доме Горького В.Ф. Ходасевича (8, 124).

Для Молекулы начался новый период жизни — плодотворный во всех отношениях и, видимо, наиболее счастливый. Вся кипучая общественная жизнь Горького в 1919–1921 годах проходила на глазах Муси Гейнце.

Основной заботой Горького в 1920-е годы была поддержка научной интеллигенции, оказавшейся в новых условиях при власти большевиков. С 1917 г. на эту часть общества обрушились массовые репрессии, усилившиеся к 1921 г.: аресты, ссылки, уплотнение жилплощади, призыв в армию, отмена заграничных командировок. Необоснованные аресты людей науки действовали на Горького удручающе, что осложняло его отношения с властью и, прежде всего, с В.И. Лениным. «Огромное большинство представителей положительной науки, — писал он Ленину в сентябре 1919 г., — нейтрально и объективно, как сама наука. Это люди аполитичные, большинство — старики, больные: тюрьма убьёт их, они уже достаточно истощены голодом» (6, 23), и даже: «красные» такие же враги народа, что и «белые». В декабре 1919 г. Горький продолжал убеждать Ленина: «Учёные погибают от голода и холода. Необходимо сделать всё возможное, чтобы поддержать их здоровье и трудоспособность» (6, 42). Горький верил в силу научной мысли как в силу революционную, неоднократно повторяя Ленину: «Только разум, направленный в эту сторону, только наука способна просветить малограмотный народ» (6). В статье 1920 г. «Интернационал интеллигенции» и позднее Горький проводил идею В. Оствальда о создании международного союза людей интеллектуального труда — идею, которую ещё в 1912 г. поддержал, назвав «здоровой» и «плодотворной» (2; 41, 50). Но эта статья, как и работа «Владимир Ильич Ленин», напечатанные в журнале «Коммунистический Интернационал» в 1920 г., на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 13 июня 1920 г. были квалифицированы как недопустимые для печати в большевистских органах, так как в них «не только нет ничего коммунистического, но много антикоммунистического» (9, 597)². Ленин считал, что Горький окружает себя худшими «элементами буржуазной интеллигенции и поддаётся её хныканью» (10, 159). «Нельзя не арестовывать, — писал он М.Ф. Андреевой 18 сентября 1920 г., — для предупреждения заговоров <...> Лучше, чтобы десятки и сотни интеллигентов посидели деньки и недельки, чем 10 000 было перебито, ей-ей лучше» (10, 161).

Многие, у кого училась Мария Гейнце, получали поддержку Горького и бывали у него в доме — В.Н. Тонков, М.М. Тихвинский, А.А. Ухтомский, С.П. Фёдоров, И.П. Павлов, А.Е. Ферсман, С.Ф. Ольденбург и другие. Горький вместе с председателем Военно-медицинской академии В.Н. Тонковым обращались к Ленину и Луначарскому в Наркомат Просвещения, хлопоча об освобождении арестованных преподавателей ВМА. Можно представить, какое сильное влияние на умную и любознательную девушку Марию Гейнце оказывала практическая культурно-просветительская работа Горького в таких учреждениях, им самим организованных, как Комиссия по улучшению быта учёных, Дом учёных, издательство «Всемирная литература». Муся уже училась в Академии с огромным энтузиазмом, разделяя горьковскую веру в науку и организующую силу Разума, веру в «прекрасное будущее человечества». После смерти матери и своего учителя Куняева «Муся ещё сосредоточеннее стала, — писал её отчим Е.П. Пешковой 19 июля 1921 г., — *не заучилась ли свыше всякой меры?* <...> как рано судьба их (девочек. — И.Б.) оставила без мудрого руководства чутких, знающих жизнь людей, как решительно не захотели они полагаться ни на чей опыт, предпочитая всему — Леночка свои минутные капризные желания, а Муся своё решение *быть диктатом над самой собой*» (10) (*курсив наш. — И.Б.*).

Валентина Ходасевич вспоминала: «Теперь, раскапывая в памяти и записывая, как мы жили на Кронверкском, понимаю, до чего же мы, “молодёжь”, были непростительно малограмотны политически, хотя и полны революционного энтузиазма. А с точки зрения Алексея Максимовича мы были частицей той интеллигенции, которую он считал необходимым сохранить для Страны Советов <...> его поступки и разговоры помогали мне понять многое <...> А люди, которые бывали на Кронверкском! Присматриваться, слушать их — как много это давало мне, человеку молодому и любопытствующему!» (7, 132). Всё сказанное можно отнести и к Молекуле, «молодой и любопытствующей». В такой атмосфере и происходила дружба Муси с Горьким, устанавливались тёплые, близкие отношения с шутливыми обращениями друг к другу: «Дедушка, добрый», «Дедушка старый грешник», «Милый Дуко»; и он ей в ответ: «Маленькая ведьма, милая Муся!», «Окаянная колдунья» — и призывал к «благоразумию».

Горький часто ездил в Москву, останавливался у Е.П. Пешковой в Машковом переулке; Молекула ждала и скучала. В июне 1921 г. поездка длилась почти месяц. В это время появилось письмо А.М. Горького к ней, во многом послужившее причиной данной работы. Горький попал в очень непростую ситуацию. Страну охватил голод, масштаб которого был грандиозен. Обеспокоилась и власть, и вся общественность. Горький занимал особое положение — посредника между Кремлем и Всероссийским общественным комитетом помощи голодающим (ВОКПГ). Обеим сторонам Горький был нужен. 12 июля 1921 г. на предварительном заседании ВОКПГ, ещё до легализации Комитета (был

утверждён декретом ВЦИК 21 июля 1921 г.), было принято срочное решение: «Предложить тов. Горькому А.М. отправиться за границу в качестве особоуполномоченного Комитета». А 19 июля Правительственная Всероссийская Комиссия назначила Горького своим «особоуполномоченным за границу для сбора пожертвований и организацию пропаганды» (12). Горький тут же написал В.И. Ленину: «...моя поездка за границу организуется нелепо. На правое плечо мне сажают Кускову, Прокоповича, Тарасевича, Головина и Авсаркисова, а на другое Химчука и А.И. Рыкова. Поверьте, мне не нужно ни тех, ни этих, гораздо больше я сделаю один, сам по себе, как М. Горький, а не как “особоуполномоченный”» (6, 216–217). В письме Максиму он писал о том же, называя правительственное постановление «явно провокационным» и утверждая, что «делают это нарочито в тех целях, чтоб меня склонить направо» (6, 221). Приближался день прощания с Горьким, быть может, самым тяжёлым он был для М. Гейнце, для Молекулы.

Муся Гейнце чувствовала настроение Горького, который, как мог, оттягивал свой отъезд. 18 августа в письме М.Ф. Андреевой он наиболее ясно объяснил своё предотъездное состояние: «...в поездке для возбуждения гуманных чувств в средах европейцев — не вижу надобности, не чувствую смысла. Всё, что мог, я уже совершил — послал воззвание в США, республикам Южной Америки, Канады и нахожу, что этого вполне достаточно. Убеждён, что это моё и товарища Патриарха Всея России красноречивые слова возымеют своё действие» (13). Далее Горький объясняет, что рассказать европейцам, что «хорошего» происходит в России, он не сможет: «Сказать о ВЧК и ПЧК что-нибудь лестное — ни одна собака не способна, ибо то, что творят сейчас эти трусливые и раздражённые механизмы, превышает нелепостью своей всё прежде бывшее <...> а на вопрос о “новой экономической политике” я тоже не могу сказать ни слова политике этой похвального» (13). О себе Горький пишет, что поглощён делами Петроградского Комитета по борьбе с голодом, работает в Доме Учёных и «тысячию иных обязанностей среди них главное — хлопоты за арестованных. Их свыше четырёх тысяч, говорят <...> арестованы: Пунин, Гумилёв, Тихвинский и <...> ещё множество...» (13). Среди новостей о родных и знакомых М.Ф. Андреевой Горький упомянул и Молекулу, которая «проглотила булавку и она булавка сидит где-то в желудке у неё <...> Сейчас Пленум Комитета. Всего доброго. А.» (13). О булавке он сообщал и Е.П. Пешковой (6, 230). В этот же день, 18 августа 1921 г., Комитет помощи голодающим был распущен, большинство его членов арестованы — кратковременный период «доверия» власти и общественников закончился.

Е.П. Пешкова, понимая, что Горький скоро уедет, 12 августа послала Молекуле деньги — 500 рублей с припиской «могут пригодиться после отъезда Горького <...> Никаких возражений у тебя мне не может быть». Она советовала не уезжать с Кронверкского и писала: «Живи, посмеши А.М. и поухаживай за ним, а когда уедет, писать ему будешь о том, что его интересуется».

Ладно? Крепко обнимаю тебя, Мусёнок. *Твоя Ек.*» (14). В ответном письме 29 августа Молекула благодарила и добавляла: «Спасибо, но если бы вы знали, как трудно смотреть прямо на действительность. Когда жизнь немного за-гримирована, нет такого острого ощущения своей беспомощности» (15). «За-гримировывать» действительность она, видимо, не умела. Надо отметить, что ни в одном из писем к Горькому Молекула ни на что не жаловалась и ничего ни разу не просила. О его отъезде она с грустью рассказывала Ек. Павловне, что он «собирается серьёзно ехать, даже уложил книги, и в комнатах его стало скверно, всё ящики... Грустно, конечно, очень грустно <...> Есть надежда, что он сможет там заниматься должным, не растрачивая энергию бесполезно. Здоровье его пошатнулось — лечиться необходимо — здесь не выходит. Только не попал бы он снова в новое болото, а это при его способности восхищаться интересными мерзавцами возможно» (15).

Муся уже получила письмо от Горького из Москвы, — он послал его сразу после первого сигнала о необходимости ехать за границу, 13 июля 1921 г. В этот день он написал несколько деловых писем: С.Ф. Ольденбургу, М.И. Будберг, В.Г. Короленко. Все они содержали просьбу принять посильное участие в борьбе с разразившейся в стране катастрофой («Такого голода Русь ещё не испытывала» (6, 204)). И только Молекуле в этот день он пишет как близкому человеку откровенное признание в своём тяжёлом душевном состоянии: «Меня захлестнуло здесь крепкой петлёй <...> Соскучился. Здесь никто не треплет меня за уши и не дёргает за усы. *Дёргают только за душу, и душа моя очень устала* <...> устал и чувствую себя отвратительно, назло Вам, окаянная колдунья» (6, 206). Молекула ответила двумя письмами: «Получила Ваше грустное письмо и наполнилась слезами <...> Поездка за границу вещь хорошая, но миссия нелёгкая. Боюсь, что измучит Вас вконец» (п. 5). И во втором письме: «Всё думаю о Вашей поездке <...> Командировка представляется мне сплошным мучением» (п. 6).

18 сентября на Кронверкском прощались с Алексеем Максимовичем. Последняя ночь и следующее утро так описаны в воспоминаниях В.М. Ходасевич: «Собралось много народу <...> никто не знает, кто с кем и когда свидится, а тем более с Алексеем Максимовичем, но для него и ради него все играют в бодрость и веселье <...> Мы с Молекулой боялись посмотреть друг на друга, чтобы у нас не полились слезы. Шумели, пели, были и артисты... Да, тягостная была ночь <...> Кто-то сказал “Ну, пора! Лошади поданы” <...> “Надо присесть на дорогу — по русскому обычаю”. Все сидели в тишине. Из коридора появился с портфелем под мышкой, очень делово, насупившись, бледный, очень худой, в чёрном пальто и чёрной фетровой шляпе Алексей Максимович, присел на стул, снял шляпу, куда-то посмотрел вдаль, взмахнул рукой с шляпой, как крылом, встал и быстро пошёл к открытой уже двери. Мы, “свои”, сели в один экипаж с Алексеем Максимовичем <...> двинулись в направлении Финляндского вокзала...» (7, 148).

Для Молекулы закончился период жизни на Кронверкском с Горьким — больше она его никогда не увидит.

Чтобы завершить разговор об этой странице биографии М.А. Гейнце, стоит рассказать, как и когда в Архиве А.М. Горького оказались документы: его письмо от 13 июля 1921 г., две записки (п. 4, 7 и 8) и письмо Е.П. Пешковой Гейнце от 19 августа 1921 г. Копий этих документов не было. Это совсем другая история. В архиве писателя хранится письмо на имя директора ИМЛИ АН В.Р. Щербины. В письме сказано, что направляются для хранения в Архив А.М. Горького два его письма, доверенность и письмо Е.П. Пешковой, адресованные Марии Гейнце, с таким комментарием: «В один из дней октября 1921 года Гейнце поехала в гости к подруге, проживающей недалеко от пограничной полосы. Но проехав нужную станцию, она случайно оказалась в пограничной полосе, была задержана и после опроса чекистами была освобождена. Во время опроса она рассказала о себе, знакомстве с А.М. Горьким и имевшихся у неё письмах к ней. С тех пор судьба Марии Гейнце нам неизвестна». Получение этого письма и писем А.М. Горького и Е.П. Пешковой просил подтвердить заместитель начальника управления КГБ при СМ СССР по Ленинградской области Иванов; дата поступления — 24.V.67 год. Эти сведения зафиксированы в Книге поступлений Архива А.М. Горького в 1983 г. Документы попали в подобающее место хранения почти через пятьдесят лет.

В такой степени печали и расстройства находилась Молекула после прощаний Горького, что «пропустила нужную остановку» и попала к чекистам, — история, показательная во многих отношениях.

Некоторое время М.А. Гейнце оставалась на Кронверкском. Скучала и писала Горькому письмо за письмом, часть — не отправляла. Её интересовали все подробности его жизни и всё, что происходит в «Эльдорадо». Она «смаковала» их отношения, вела мысленный диалог. Её слова: «...хорошо всё, что хорошо кончилось. Ведь сейчас мы вполне можем пожать друг другу руки, не правда ли?» — звучат как некий итог их близости, степень которой мы никогда не узнаем. Её письма по жанру похожи на дневник. Они трудно комментируются, так как её язык: ирония, шутливость, «всякие прозрачные штуки, несмотря на все узоры», — понятен во многом только им двоим. Кроме того, отсутствуют ответные письма. Видимо, их было не так много, как хотелось бы Молекуле, но они были. Были со стороны Горького и продуктовые посылки, и помощь деньгами. Мария, по совету Е.П. Пешковой, старалась рассказать в письмах всё, что могло быть ему интересным, например, о популярных в те дни книгах А. Эйнштейна и О. Шпенглера, делясь своими достаточно глубокими рассуждениями о них (см. п. 13 и 14 и примеч.).

Большевистская политика пронизывала постепенно все сферы жизни, в том числе и жизнь академическую. «В Академии творятся, — писала Молекула, — всякие гадости: за дворянское, купеческое и поповское происхождение снимаются с госснабжения и даже исключают <...> Тонков подличает, ста-

раясь сохранить отношения с комколлективом»; «Бандиты оказались очень способными к размножению. Опасаюсь, что скоро у нас останется этот вид пролетариев, — остальные вымрут» (п. 12). Некоторые профессора были снова арестованы и даже расстреляны (М.М. Тихвинский). И.П. Павлов грозился уйти из Академии, не желая работать «при таком режиме» (п. 12, 13), но, не уступив своей позиции, остался. Кто-то умирал от тифа (проф. Н.С. Троицкий), кто-то покидал родину, не выдержав унижения со стороны власти (А.А. Максимов), были и делающие карьеру. Часто употребляемые в письмах Молекулы слова «бандиты», «вошь», «тиф» были в языке 1920-х годов массово употребляемы, как в наше время «секс» и «бизнес».

Гейнце пытается бодриться, но чувствует, что теряет поддержку Горького. Тем острее была память о нём: ничто не писалось в подтексте просто без личного отношения к нему. Так фраза: «Совсем нет птичек, где они?» (п. 12) — мы предполагаем, вызвана воспоминанием о стихотворении Горького, написанном в годы, когда они жили в одном доме. Стихотворение это, конечно, было ей известно, возможно, даже ей посвящено.

Рыжая, как ржавое железо
Высохшим пятном горячей крови
Распростёрлась предо мной бескрайно
Знойная, песчаная пустыня.
Ни единой птицы в синем небе,
Только — солнце, точно рана в сердце.
<...>
...Это мне приснилось выюжной ночью
Средь лесов Финляндии холодной.
Смысла в этом сне не нахожу я,
Но — печаль его душе понятна.
(16, 504) (*курсив мой.* — И.Б.)

В одном из зимних писем 1922 г. Гейнце просила Горького как можно скорее помочь Розочке (В.М. Ходасевич) выехать за границу: невероятная трудоспособность (работает с 11 часов утра до 3-4 часов ночи без перерыва) и отдача творчеству отразились на её здоровье. Ходасевич уехала по приглашению Горького в ноябре 1922 г.

В.М. Ходасевич в жизни Гейнце играла немалую роль. Благодаря ей дом на Кронверкском посетил очень много художников, скульпторов, деятелей театрального искусства — товарищи из её среды, большинство из которых были увлечены поисками новых форм в искусстве начала XX века (см. Приложение «Список И.Н. Ракитского») — сторонников авангардистского направления. Горький сам интересовался авангардом. Как писала В.М. Ходасевич, он «с величайшим вниманием присматривался к новейшим течениям в живо-

писи и скульптуре, включая и футуризм» (7, 111). Его привлекала эстетика «праздника» (Ходасевич сама называла своё искусство «весёлым») и оптимизм, присутствующий в работах этих художников.

Так в доме на Кронверкском появился Владимир Евграфович Татлин — яркий представитель русского авангарда, основатель конструктивизма. В личной жизни Молекулы произошли большие перемены. В.М. Ходасевич, зная Татлина ещё в 1916 г., когда они вместе были участниками первых выставок левого искусства (в Петрограде — «Трамвай В», в Москве — в Салоне Михайловой), много говорила Гейнце о Татлине как о «человеке с задатками гениальности» (7, 152). К моменту знакомства с Молекулой Татлин уже был известным художником — автором знаменитого памятника III Интернационалу³.

Его портрет ярко описан словами В.М. Ходасевич: В.Е. Татлин «конечно, явление особенное, ни на кого не похож ни внешне, ни внутренне. Излучает талант во всём, за что бы ни брался <...> Очень высокий, худой <...> маленькие глазки под белёсыми ресницами <...> Трудно описать его бесформенность, бесцветные губы и волосы, которые падают прядями прямо на лоб, похож на альбиноса <...> Отбывал воинскую повинность на флоте, привык к открытой шее. Руки большие, не холёные, ловкие и всегда очень чистые» (7, 89). Все, кто знал Татлина, вспоминали, как он задушевно-проникновенно пел, аккомпанируя себе на бандуре, которую сделал сам.

Татлин преподавал во ВХУТЕМАСе (московские Высшие художественно-технические мастерские), где в 1923–1925 годах ректором был В.А. Фаворский. В этом заведении были искусствоведческие и технические факультеты. Проект Татлина памятник III Интернационалу основывался на синтезе разных родов искусств: архитектуры, живописи, скульптуры — и на крепкой связи с техникой. Он стремился «чисто творческие формы соединить с формами утилитарными». А.В. Луначарский и Л.Д. Троцкий в 1920-е годы поддерживали левое искусство. «Техника станет гораздо больше вдохновительницей художественного творчества», — писал Л.Д. Троцкий (17, 195). Идея памятника Татлина противопоставлялась современным направлениям, импрессионизму и кубизму, развивая их. Одновременно она не совпадала с планом официальной монументальной пропаганды, насаждающей в городе фигурные памятники. Памятники человеческим фигурам, даже если героям Революции, по мнению конструктивистов, теряются в сутолоке городской жизни и не имеют достаточно сильного агитационного значения. «Они культивируют индивидуальный героизм, сбивают историю <...> в лучшем случае они выражают характер чувствования и мыслей героя, но кто выразит *напряжение чувствования и души коллективной тысячи?*» — вопрошал друг Татлина и интерпретатор его творчества Н.Н. Пунин (18, 19). Эту великую задачу, достойную великой Революции ставили перед собой создатели памятника III Интернационалу. Говоря о художественном значении памятника, Пунин писал: «Памятник должен

жить социально-государственной жизнью города, а город должен жить в нём» (18, 20). Это был фантастический агитационный проект — символ Революции. Памятник задумывался высотой в 500 метров, но выполнена была его модель в 5 метров. Описание модели памятника III Интернационалу встречается в нескольких книгах. Это сооружение состояло из трёх частей, каждая вращалась вокруг своей оси с различной скоростью, нижняя часть в форме куба для законодательных учреждений за один год, вторая — в форме пирамиды для целей исполнительных — за месяц, и третья — верхний цилиндр со скоростью одного поворота в день — для информационных целей. «Вся форма колеблется, как стальная змея, сдержанная и организованная общим движением всех частей *подняться* над землёй» (18, 5) — через это движение работающие внутри люди будут осознавать движение времени (*курсив наш.* — И.Б.). Лучшей линией динамики была спираль — общая форма памятника.

Дополнительный штрих к пониманию конструктивистского творчества Татлина даёт маленький эпизод из его жизни, пересказанный в книге Н. Пунина: «Я с Меерзоном дверь видел в Петергофе, белая, простая дверь, так мы, как болваны, стояли перед этой дверью; белая, как фарфоровая поверхность; Меерзон, так тот весь день молчал, а вечером сказал “я знаю, как дверь выкрашена”, вот и искусство, а Меерзон в малярных работал. Мне скрывать нечего, на мою жизнь и на учеников секретов хватит» (18, 24). Татлин стремился показать связь науки и искусства, «то, к чему только в последние годы приходят художники Запада, да и наши», как пишет В. Ходасевич. «Отчего так красив и великолепен был задуманный им памятник III Интернационалу, ярко выражающий логикой металлической конструкции могучее стремление спирали ввысь, что выражало гуманистическую идею устремления всего человечества к великому будущему — коммунизму» (7, 155).

Встреча и сближение Татлина с М.А. Гейнце произошли в 1922 г. Е.П. Пешкова, поодаль следившая за жизнью Молекулы, 26 октября 1922 г. писала сыну: «На Кронверкском все окончательно перессорились, так что оставлять Муську с Кякштами⁴ нельзя». Она выражала надежду, что Молекула будет жить с сестрой. Однако 8 ноября того же года Молекула сообщила ей, что «приобрела себе супруга» (так она выразилась) в лице художника Татлина. «Он, — писала она, — очень милый, высокого роста белобрысый человек, мне он нравится. С Кронверкского я уехала <...> Я живу на Почтамтской улице, дом 2, квартира 1. Если приедете в Питер, непременно приходите. Я вам покажу своего мужа, напою кофе и посажу у печки. В Академии порядочно работы. Шью куклы и собираюсь продать <...> От Ал. Максим. писем не имею уже давно. Поцелуйте папочку. Целую Вас, М. Гейнце» (20). В следующем письме от 9 января 1923 г. к Екатерине Павловне Молекула благодарила за полученные от неё деньги и добавляла: «Живу тихо с Татлиным, ссорюсь редко. От Ал. Макс. совершенно не имею писем» (21). 9 апреля она ещё раз писала Пешковой, снова звала в гости и интересовалась, имеются какие-ни-

будь известия из Саарова: «У меня с Ал. Мак. переписка прекратилась...» (22). Е.П. Пешковой сообщала М.Н. Николаеву 14 апреля 1923 г.: «Была Леночка <...>, говорит, что Муська чудит и плохо живёт со своим Татлиным, кот<орый> даёт ей слишком много и непосильно физически работать дома по хозяйству. В Академию она продолжает ходить, но без прежнего интереса. Испортил бедную девочку Кронверкский. Но она это переварит. Основа у неё хорошая, здоровая» (23).

28 июня 1923 г. М.К. Николаев писал Пешковой, находящейся в Алассио, о том, что Мария ждёт ребёнка, что «материально ей очень неважно», что он «всучил ей немного денег», а вообще она ни от кого не хочет брать (24). 22 сентября 1923 г. Гейнце родила сына (см. п. Е.П. Пешковой Николаеву от 28 сентября (25)). О своём замужестве и новой жизни Молекула Горькому сама ничего не писала, но он, конечно, об этом знал. В одном из писем В.М. Ходасевич от 17 августа 1923 г. Горький передал Молекуле привет. А в октябре, после рождения сына, просил через Екатерину Павловну, передать ей треть посылаемых денег (26, 252).

Замужество и ребёнок столкнули Молекулу с высоты романтических замыслов в сферу простых земных забот: продолжать учиться в Академии, вести хозяйство, растить сына — всё это оказалось для неё трудным испытанием. Атмосфера в доме Татлина очень отличалась от той, в какой она привыкла жить у Горького. Высокий идеализм присутствовал и там, вера в науку и организующую силу Разума, вера в «прекрасное будущее человечества», в Человека, способного изменить мир к лучшему, привитые ей Горьким, находились в его доме в определённой гармонии с бытом: относительным достатком, теплом, порядком жизни, установившимся среди обитателей своеобразной Кронверкской коммуны. Теперь, живя с авангардистом Татлиным, постоянно находящимся в мире своих ультра-левых фантастических прожектов, Мария увидела обнажившиеся перед нею противоречия жизни. В их числе вечная женская проблема — личная жизнь или профессия. Перед нею встала задача определить собственное назначение в мире.

Е.П. Пешкова, которую Молекула не раз звала в гости, видимо, так и не навестила её, а вот В.М. Ходасевич, приехав из Италии весной 1923 г. и за время до следующей заграничной поездки весной 1924 г. несколько раз заходила повидать Молекулу и её сына в дом Татлина, описав в своей книге увиденные ею бытовые сценки из жизни М. Гейнце в этот период. Однажды днём, когда светило солнце, в доме свет был притушен: Татлин боялся, что его работу увидит из окна живший напротив художник К. Малевич. В другой раз она застала плачущую Молекулу, рассказавшую ей, как Татлин со своими учениками сжигал прекрасные рисунки и живописные холсты, находясь в состоянии, близком к сумасшествию. Напугало Молекулу и намерение Татлина испытать придуманную им модель летального аппарата «Летатлин» на маленьком сыне⁵. Особенно выразительно Ходасевич описала посещение, когда Татлин

решил «усовершенствовать постройку печей» и начал с того, что разрушил в своей квартире единственную печь. «Зайдя туда поглядеть на младенца, — вспоминала В.М. Ходасевич, — застала страшную картину: пол залит водой — размачивается глина на железном листе; кирпичи аккуратными штабелями сложены у стены и посреди комнаты Молекула с новорождённым на руках, укутанная в старый клетчатый плед, сидит на юру, подобрав ноги на перекладины между ножками табурета, и, бледная, продрогшая, с лиловым от холода носиком, глазами всё испытавшей Мадонны смотрит с любовью на двух Володей <...> она дрожит мелкой дрожью, а ребёночек, бледный, ничтожный — спит <...> Поняв, что нарушать это “счастье” и не нужно, и бесполезно, я, <...> еле дослушав восторженное объяснение Татлина, что теперь он будет лучшим печником в мире, ушла» (7, 152–153).

Символическая бытовая картинка из жизни 1920-х годов. Может показаться, сцена на тему: как трудно жить с мужем-гением. Но парадокс состоял в том, что муж, Татлин, направлял весь свой талант, свою стихийную творческую энергию именно на создание нужного, удобного быта, на создание самых простых вещей, составляющих необходимые условия для жизни человека, в том числе таких, как печь. Н.Н. Пунин, защищая Татлина от критики со стороны профессионалов, эстетов традиционного мышления, задававшихся вопросом, зачем художнику делать печь, писал о том татлинском эксперименте совсем в другом тоне, чем Ходасевич в своей книге. Из его статьи «Рутин и Татлин»: «Искусство грубеет, искусство падает, кричат профессионалы, — но грубеет и падает всё <...> Старый мир рухнул, и вместе с ним рухнула для художника возможность делать то, что он привык делать — и он стал делать то, что ему в окружении его быта, всей его жизни казалось нужным <...> Татлин — человек с крепкими и глубокими корнями, он дышит одним дыханием со своей землёй и живёт духом своего столетия. Нищ этот дух, грубо его тело, примитивна его культура — что же делать, зато дух этот и эта культура — живые ценности; <...> творческая ценность большая, чем любые музейные ценности, и мы, современники, должны её беречь, ибо у нас нет другой жизни, которая помогла бы нам укрепить и оформить наш быт, или, шире, быт и стиль пришедшего с нами века» (27, 71).

Но вернёмся к Марии Гейнце. После нескольких посещений В. Ходасевич уговорила Молекулу переехать в их квартиру на Марсовом поле. Последнее упоминание о связи Молекулы с Татлиным — со слов сестры Елены, как во время грандиозного наводнения в Ленинграде осенью 1924 г. Татлин, в буквальном смысле «преодолевая волны и течения», приплыл по улице Халтурина до Марсова поля к семье.

Наступил 1925 год — последний год их брака. Для Татлина это был успешный год. Модель памятника III Интернационалу на международной выставке в Париже была удостоена золотой медали. Это была первая революционная художественная работа, представленная в Европе. Горький получил пись-

мо от М.Ф. Андреевой, где она передавала своё впечатление от тогдашнего Берлина: «Достаточно пройти по большим улицам и посмотреть на окна магазинов, всё, что имеет совершенно новый и весьма художественный тон и всё — работы русских. Образовался новый стиль — a la' Камерный театр, Третья студия Х<художественного> Т<еатра>, Татлин, Пунин и т.п. В истории Берлина, развития и поднятия вкуса в одежде, обстановке и пр. — Русская Революция и нахлынувшая эмиграция несомненно сыграли огромную роль <...> до известной степени и в Париже замечается влияние русских <...> А в музыке что делается! Русская музыка полонила Европу и Америку» (28).

Несмотря на влияние, которое оказало русское революционное искусство в мире, в своей стране всё было иначе, менялось и настроение левых художников. Н.Н. Пунин писал в дневнике 18 февраля 1925 г.: «Татлин сделал новую модель “башни”, но он опять в дикой и тупой ярости, совершенно невозможен. На днях разломал какие-то двери в Музее и снова испуганно кидается на Малевича» (27, 73). Ещё запись: «Май 1925 г. Пришёл Татлин, очень подавленный материальной нуждой, сказал: “Если подышать буду, все свои вещи сожгу и разорву, ничего им не оставлю, знаешь, озлился”» (27, 73). Сравнивая обстановку первых послереволюционных лет с нынешней, Пунин писал: «Не страдаем, как страдали в 18–22 г. (страдания тех лет были несомненно плодотворными), а задыхаемся, вянем и сохнем...» (27, 73). Менялась политика власти: идея мировой революции затихала, а вместе с ней и интерес к левому искусству. Строилось новое национальное государство — социализм в одной стране, — побеждали интересы традиционной консервативной массы. В 1925 г. Татлин уехал работать в Киевский художественный институт и оставался в Киеве до 1927 г. (см. п. 16 и примеч.).

28 февраля 1925 г. Мария Гейнце решила возобновить переписку с М. Горьким и послала ему своё письмо (возможно, последнее) с рисунками. В нём она назвала Татлина своим «экс-супругом» и писала, что непреодолимо увлечена костной хирургией, которой уже начала заниматься (п. 16). Для утешения «дедушки» приложила рисунок, на котором изображена она с сыном и — несколькими штрихами — лицо Татлина. Всё остальное на этой забавной картинке посвящено Горькому. Видимо, тоска по Кронверкскому периоду, который, конечно, был в её жизни самым счастливым, не проходила. В феврале 1925 г., судя по письму, Молекула ещё сомневалась, поедет ли она к Татлину в Киев. Сведений о её решении мы не нашли.

Неизвестно также, ответил ли на это письмо Горький. В его собственной жизни также многое изменилось. Здоровье несколько улучшилось, он обрёл постоянное место жительства в Сорренто, материальные тревоги улеглись, яснее стало отторжение от русской эмиграции; в СССР приглушалась критика в адрес Горького, спрос на его книги возрастал. После смерти В.И. Ленина шло постепенное сближение Горького с советской властью. Уже с 1922 г., прожив вне России почти год, он большую часть времени отдавал литера-

турному труду и в 1925 г. приступил к написанию своей итоговой книги о России — «Жизнь Клим Самгина». Шутливая фраза в письме Молекулы: «Из Вас уже больше ничего не выйдет, кроме штифтштеллера» — попадает в точку деятельности писателя в последнее десятилетие. Обратим внимание на определённую закономерность: чем увлечённее Горький отдаёт себя творчеству, тем более явно идёт его сближение с политикой советской власти, в том числе в понимании мировоззренческих позиций уже умершего Ленина. В декабре 1922 г. Горький писал Р. Роллану: «Когда желаешь осчастливить сразу всё человечество — человек несколько мешает этой задаче» (26, 109). А ведь в 1919 г. Горький упрекал Ленина как раз в этом: «Вы привыкли оперировать массами и личность для Вас — явление ничтожное» (6, 26).

В январе 1926 г. он получил письмо от В.М. Ходасевич, которая сообщила следующее о Молекуле: «Весной кончает учиться, успешно режет людей. Огорчена сыном, по-моему, он идиотик и навсегда. Она относит это за счёт Татлина и мечтает обзавестись другим младенцем от более здорового отца, как-то похоже это всё на инкубатор и противно» (30). Сообщение довольно сухое и отстранённое, если вспомнить их длительную дружбу с Молекулой. На самом деле, «инкубаторство», как выразилась В.М. Ходасевич, обернулось для М. Гейнце настоящей человеческой драмой.

Следует сказать, как повлияли на жизнь и судьбу М.А. Гейнце идеи, пропагандируемые одной также небезызвестной фигурой нашей истории — Александрой Михайловной Коллонтай (урожд. Домонтович) — коммунистки, первой в мире женщины-посла. Горький знал её ещё до революции. В издательстве «Знание» печаталась её книга «Социальные основы женского вопроса» (СПб., 1909). В 1920-е годы А. Коллонтай была настоящим идеологом новой пролетарской морали. Она издавала брошюры, выступала с докладами перед молодёжью, печатала статьи в журнале «Молодая гвардия». Коллонтай заходила и на Кронверкский, когда бывала в Петербурге (см. Приложение «Список И.Н. Ракитского»). В архиве писателя осталась её неопубликованная работа в машинописи, без заглавия, с датой «февраль 1921 г.». Видимо, этот текст Горький давал читать В.М. Ходасевич. В своих воспоминаниях она назвала его «доклад о вреде ревности» и уточнила, что Коллонтай «хотела, чтобы Совет Комиссаров утвердил отмену ревности декретом, но до декрета дело не дошло», а о «равноправии и раскрепощении женщины» в 1920-е годы «говорилось очень много» (7, 152). Основная мысль упомянутого доклада Коллонтай сводилась к тому, что эпоха диктатуры пролетариата пересматривает все формы прежнего союза мужчины и женщины: освобождает женщину от материальной зависимости от мужчины, а также и от длительности брака, основанного на чувстве собственности по отношению к партнёру — оно должно «уступить место чувству товарищеского понимания и признания свободы другого в области любовных переживаний. Чувство ревности — разъедающее

всего, но во многих кругах русской интеллигенции начала века. Достаточно вспомнить семейную жизнь А. Блока, Вяч. Иванова, З. Гиппиус, судьбу Н. Петровской, В. Маяковского и многих других. Тень «крылатого Эроса» присутствовала и на Кронверкском, во взаимоотношениях Горького и его окружения. На глазах Молекулы завершался роман Горького с В.В. Шайкевич, женой его друга и издателя А.Н. Тихонова; М.Ф. Андреева, прожив с Горьким как жена десять лет, сошлась с его секретарём П.П. Крючковым. Горький сохранял до конца жизни дружеские отношения с ней и со своей первой женой Е.П. Пешковой. «Мне удавалось избегнуть с близкими женщинами драм», — говорил Горький (34, 159). В годы жизни Молекулы на Кронверкском появилась М.И. Будберг (некоторое время они жили в одной комнате), ставшая на последующие годы женой, другом и секретарём Горького. В мае 1921 г. она уезжала в Эстонию и в письмах оттуда в конце 1921 — начале 1922 годов несколько раз упоминала Молекулу: «Я как-то с тупым отчаянием думаю о Мусе» (35, 55); «Она как-то говорила мне, что ей хочется “уйти”, как Толстой, и я боюсь, что её детский романтизм толкнёт её на это» (35, 56); «Вы боитесь за Молекулу, Дука?» (35, 61). В более раннем её письме от 26 июня 1921 г. есть одно таинственное упоминание. Будберг отвечает на письмо Горького: «Не скрою от Вас, что инцидент сей мне неприятен, — и за неё, и за Вас, и за себя. Но всё это <...> ведь Вы же это знаете, Дука, — элемент от известного рода отношений неотъемлемый и ничему не “мешающий”. Так что — да будет так, Радость моя» (35, 45). Такое изящное и тактичное резюме нашла Будберг по поводу «инцидента», о котором мы никогда не узнаем — письмо Горького не сохранилось. «То поколение — и, прежде всего, тот круг интеллигенции — было гораздо скупее, чем нынешнее, на разговоры о своих чувствах. Они отнюдь не были ханжами, любили, страдали, расходились, ревновали. Но их отличало своего рода душевное целомудрие <...> Очень хрупкая, очень деликатная тема», — говорила хорошо знавшая Горького и Е.П. Пешкову Ирина Калистратовна Гогуа (36, 80).

Напомним ещё одно рассуждение на эту тему из книги Н.Н. Берберовой «Железная женщина»: «Горький вернулся в Петроград и стал теперь много говорить о женщинах, о новых женщинах. Он всегда говорил о женщинах нежно, но теперь он говорил о том, что в них появилось железное начало и что женщины как-то по-своему опережают мужчин <...> А он? Нет, он чувствовал в себе всё своё тысячелетнее, нет! — стотысячелетнее наследство, которое всё ещё требовало от женщины покорности, кротости и отражения мужчины. Но женщины вокруг него никого не хотели отражать <...> они знали, чего хотели — выжить сами по себе» (8, 135). В этом ряду Берберова называет Е.П. Пешкову, М.Ф. Андрееву, М.И. Будберг, В.М. Ходасевич и М.А. Гейнце. Даже если признать в главном верность этих представлений, сложившихся во многом из рассказов В.Ф. Ходасевича, часто бывавшего в доме Горького в 1920-е годы, то назвать Молекулу в этом ряду «твёрдых» и «железных» жен-

щин можно только при незнании её дальнейшей судьбы (после расставания с Горьким). Пешкова и Андреева с юности, каждая по-своему, были активными участницами процессов, ведущих к мировым потрясениям, и сумели закалиться. Молекула родилась в годы этих потрясений, и её формирующееся молодое сознание не вынесло груза своего времени — идеалистических замахов на «осчастлививание» всего человечества — и одновременно разрушения всех прежних форм жизнеустройства. Она запуталась в противоречиях своего времени и сломалась, чему свидетельствует её письмо сестре (п. 17). Письмо трагического содержания — такое пишут или прощаясь с жизнью, или накануне решительного поступка, меняющего в корне всю прежнюю жизнь. Письмо обрывается на полуфразе, без даты, не удалось даже узнать, было ли оно отправлено, скорее, нет. Отсутствует запись в Книге поступлений документов в Архив А.М. Горького.

Молекула просила сестру не надеяться на её «положительность»: «...очень много царапин нанесла наша родина. Может случиться, что я исчезну на довольно долгий период». Видимо, в 1926 г. в глубоком пессимизме М.А. Гейнце приняла решение стать «диктатом над самой собой». Рассталась с Татлиным, бросила Петербург, уехала в глухую провинцию под Арзамас. Материнство, рождение ещё одного ребёнка от более здорового и крепкого отца — лесничего — на несколько лет продлило её жизнь, но не спасло. В 1930 г. Мария Александровна Гейнце (Молекула, Муся) умерла.

Друг Е.П. Пешковой М.К. Николаев, человек, по воспоминаниям знавших его, благородный и добрый («с ним всегда было легко и просто» (37)), девочки Гейнце звали его «папочкой» или просто Михаилом, особенно тяжело переживал смерть Муси, о чём говорит его переписка с Е.П. Пешковой. 12 сентября 1930 г. она писала Николаеву: «Ну что же тут поделаешь, Мих. — Конечно, бесконечно жалко Муську. Вспоминается она мне почему-то девочкой <...> своё многое вспоминается...» (38). В этот же день Е.П. Ладыжникова просила почаще заходить к Николаеву: «А то он очень расстроен смертью Муси и, сидя один, расстраивает себя мыслями, что мы не доглядели за ней. Правда, за спешкой нашей жизни и занятостью часто забываем и не достаточно внимательны бываем к людям близким...» (39). О реакции Горького на смерть Гейнце мы не знаем, видимо, она была устной, так как Е.П. Пешкова в это время находилась рядом с ним в Сорренто. Там она и получила письмо от Николаева с печальными подробностями обстоятельств последних дней Молекулы. «А было так. Работы у неё было много, работала хирургом. Себя не жалела и изнашивала. Жалованье — 140 р. Трое ребят, один годовалый. От второго мужа денег на ребёнка брать не хотела, так как-то он её обманывал, чтоб всучить сотню рублей. Жила, как на бивуаке, — пустая квартира, никакой мебели, ящики вместо неё. Хворала 3 недели. Но ещё до заболевания с весны теряла ежедневно по 500 гр. <...> не хотела говорить, что умирает. Последние три дня была без сознания. Вскрытие показало отравление

желтухой, которая так быстро протекала, благодаря истощённому организму. Похоронили на пятый день, когда приехала Леночка и лесничий из Вятки. Маленького он наотрез отказался отдать. Забрал с собой. Л. говорит о нём как о человеке сдержанном и серьёзном, Мусю, по-видимому, очень любил. Его первая жена в Москве, с ней он в добрых отношениях и думает когда-либо поладить с маленьким. Крест<ьянского> мальчика — приёмша — взяла одна докторша, холостая женщина. Вещей никаких не осталось, и у Володьки ничего, одни штанишки драные, да сапожки худые. Было ей 28 лет. Вот и всё. Помнится, года 3 назад она захворала дифтеритом, не было сыворотки — сама из трубочки высосала <...> лежала в забытьи одна, говорить не могла и всё боялась, что помрёт, и как и кто за Володькой доглядит.

Ну ладно. Утром я, стало быть, в Барвихе <...> Позвал Татлина. Пускай приезжает. Он странный и занятый человек» (40).

В.Е. Татлин с 1927 г. жил в Москве с сыном Володей. Мальчик нередко заходил в Машков переулок к Е.П. Пешковой — упоминания об этом мелькают в переписке с Николаевым в 1930-е годы. 20 апреля 1933 г. Николаев писал: «Очень жалко смотреть на мальчика, по-видимому, плохо питается — худой и скучный» (41). Осенью 1933 г. Пешкова сообщила: «Был Володька, в Шуркином⁶ костюмчике, который я тому привезла в 1928 году. Вид такой приличный, и от всего отказывается, а потом ел с удовольствием» (42). Николаев рассказывал 4 июня 1935 г.: «К обеду пришёл Володька, мальчонка очень похудел и какой-то напуганный и робкий, стало его как-то жалко. Позвонил Татлину и предложил взять его на дачу. Пока на июнь. Отец очень обрадовался» (43). Весь июнь Володя и Шура провели на даче в Барвихе, а 2 июля 1935 г. Николаев снова писал о мальчике: «Володя ещё у нас, 5-го его заберёт отец, с которым он уедет на реку Белую, где Т<атлин> будет робинзонить <...> Володя поправился, вообще все ребята ожили» (44).

С горечью скажем, что оба мальчика, Володя и воспитанник Е.П. Пешковой Шура, погибли в 1941 г. на войне. Так закончилась биография Муси Гейнце и её сына. А в биографии М. Горького она была всего лишь Молекулой.

На жизненном пути М. Горького встречалось множество знаменитых людей, вписавших свои имена в историю страны и её культуры. Мария Александровна Гейнце не из их числа. Её имя почти неизвестно, за всю свою короткую жизнь она не реализовала полностью свои способности, хотя их и имела — не оставила после себя ни книг, ни научных открытий, ни произведений искусства, не была активной участницей событий исторического значения. Она одна из тех, которых в литературоведении называют «маленький человек». Ряд их огромен: Евгений из «Медного всадника», стационарный смотритель у Пушкина, Акакий Акакиевич Башмачкин у Гоголя, человек из ресторана Шмелева и т.д. Мы узнаём об их жизнях и судьбах только из художественных произведений, оставленных нам писателями. Но есть и второй источник: архивные документы, письма, мемуары. В данной работе мы использовали исключительно

этот второй источник, а именно материалы личного архива А.М. Горького в ИМЛИ РАН (Москва). В его уникальном архиве можно прочитать и узнать множество биографий неизвестных людей, подобных Марии Гейнце, живших с ним в одну эпоху, что объясняется его молитвенным отношением к культуре, к человеку. Горького можно назвать дважды писателем: как художник пером на бумаге и как невольный автор в создании особого рода литературы — «литературы человеческого документа», по выражению одного из современных литературоведов (45).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ С 1956 г. Нижегородский университет им. Н.И. Лобачевского.

² Письма Горького за 1919–1921 гг. опубликованные в т. 13 Полного собрания сочинений М. Горького серия «Письма» и предисловие к ним Л.А. Спиридоновой дают представление, какое количество людей науки и деятелей культуры получили в эти годы поддержку с его стороны.

³ Памятник III Интернационалу был заказан в 1919 г. Татлину отделом изобразительных искусств Наркомата просвещения.

⁴ Имеются в виду родственники М.Ф. Андреевой.

⁵ Экспонат «Летатлин» выставлялся в Государственном музее изобразительных искусств в 1932 г. В комментариях к каталогу упоминалось, что Татлина консультировали военные лётчики и врач-хирург М.А. Гейнце.

⁶ Упомянутый здесь Шурка — мальчик, которого взяла на воспитание Е.П. Пешкова. О нём писала И.К. Гогуа: «...мать в тюрьме, отец расстрелян» (см.: *Червакова И.* Песочные часы: История жизни Ирины Гогуа. В восьми кассетах, письмах и комментариях // Дружба народов. 1997. № 5. С. 103).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Современники А.М. Горького: Фотодокументы. М.: ИМЛИ РАН, 2002.
2. *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 10. М.: Наука, 2003.
3. АГ. ФЕП-кр-61-6-4.
4. АГ. ФЕП-кр-61-6-6.
5. АГ. ФЕП-кр-61-6-7.
6. *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 13. М.: Наука, 2007.
7. *Ходасевич В.М.* Портреты словами. М.: Сов. писатель, 1987.
8. *Берберова Н.Н.* Железная женщина. Нью-Йорк, 1982.
9. Литературная жизнь России 1920-х годов. Т. 1, ч. 1, Москва и Петроград. 1917–1920 гг. М.: ИМЛИ РАН, 2005.
10. В.И. Ленин и А.М. Горький: Письма, воспоминания, документы / 3-е изд. М.: Наука, 1969.

Раздел I. ПУБЛИКАЦИИ

11. АГ. ФЕП-кр-67-6-7.
12. АГ. БИО-24-2-2, БИО-24-1-29.
13. АГ. ПГ-рл-2а-1-74.
14. АГ. ФЕП-рл-4-9-1
15. АГ. ФЕП-кр-19-4-1.
16. Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения: В 25 т. Т. 11. М.: Наука, 1971.
17. Троцкий Л.Д. Литература и революция. М., 1991.
18. Пунин Н.Н. О Татлине. М., 1991.
19. АГ. ФЕП-рл-9-28-24.
20. АГ. ФЕП-кр-19-4-2.
21. АГ. ФЕП-кр-19-4-3.
22. АГ. ФЕП-кр-19-4-4.
23. АГ. ФЕП-рл-8-15-123.
24. АГ. ФЕП-кр-43-1-131.
25. АГ. ФЕП-рл-8-15-138.
26. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 14. М.: Наука, 2009.
27. Пунин Н.Н. О Татлине. М.: РА, 2001.
28. АГ. КГ-рзн-1-159-15.
29. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 15. М.: Наука, 2012.
30. АГ. КГ-ди-11-8-16.
31. АГ. Рав-6П-15-21-1.
32. Коллонтай А.М. Любовь и новая мораль // Философия любви: В 2 т. Т. 2. М.: Политиздат, 1990.
33. Коллонтай А.М. Дорогу крылатому Эросу! (Письмо трудящейся молодёжи) // Молодая гвардия. 1923. № 3. С. 111–124.
34. Иванова Л. Воспоминания. Книга об отце. М.: Atheneum, 1990.
35. А.М. Горький и М.И. Будберг. Архив А.М. Горького. Т. 16. М.: ИМЛИ РАН, 2002.
36. Червакова И. Песочные часы: История жизни Ирины Гогуа. В восьми кассетах, письмах и комментариях // Дружба народов. 1997. № 5. С. 75–119.
37. Гейнце Е.А. Воспоминания о Е.П. Пешковой. АГ. МОГ-3-49-1.
38. АГ. ФЕП-рл-8-15-458
39. АГ. ПТЛ-12-36-24.
40. АГ. ФЕП-кр-43-1-382.
41. АГ. ФЕП-кр-43-1-497.
42. АГ. ФЕП-рл-8-15-569.
43. АГ. ФЕП-кр-43-1-534.
44. АГ. ФЕП-кр-43-1-545.
45. Палиевский П.В. Из выводов XX века. СПб.: Владимир Даль, 2004.

1. М.А. ГЕЙНЦЕ – ГОРЬКОМУ

9 мая 1913, Нижний Новгород

9 мая 1913 г.

Алексею Максимовичу.
Муся Гейнце.



2. М.А. ГЕЙНЦЕ – ГОРЬКОМУ

Лето 1913, Нижний Новгород

Дорогой Алексей Максимович!

Как Вы поживаете? Скоро ли пришлёте мне рассказ про самовары?¹ У нас лето, наверное, будет плохое, потому что очень много деревьев помёрзло, но я совсем не жалею, что приехала. «В гостях хорошо, а дома лучше». Вчера мы ездили на Мызу². Маме она показалась после Капри никуда не годной, а мне нравится (и дача то же самое). Сегодня мне показалось, что Лялина³ собака «Марсик», или как она её зовёт, «Мизичка», взбесилась, потому что она начала всё лизать и нос у неё был горячий, но когда я ей поставила ковш с водой, она её преспокойно выпила, и мы все успокоились. Как только Ляля кончит учиться, мы переедем на дачу. Марки, которые я шлю, пожалуйста, отдайте Максиму. Кланяйтесь Катерине Павловне⁴. Целую.

Муся Гейнце.

3. М.А. ГЕЙНЦЕ — ГОРЬКОМУ

28 августа 1920, Нижний Новгород

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Списки книг для Медицинского фак<ультета>та Нижегородского Университета¹ были посланы Вам в начале июня. Теперь мы получили сведение, что до Вас они не дошли. Посылаем другой комплект списков со студентом, едущим в Петроград. Если не поздно, сделайте это дело. Будем очень благодарны. Книжное дело у нас в критическом положении. В списках, посланных в июне, было письмо к Вам проф. Куняева². Теперь посылаем его копию без подписи, т. к. он умер от тифа две недели тому назад.

Теперь разрешите Вас затруднить личной просьбой. Я жажду попасть в Военно-Медицинскую Академию³. Бумаги свои я туда послала с проф. Гавриловым⁴, но сейчас узнала, что требуется рекомендация о «благонадежности». Думаю, что Ваша рекомендация подействует. Если это не затруднительно и не доставит неприятности, сделайте⁵. Очень буду рада, если попаду. Со смертью А.Н. Куняева у нас не хватает человека, который бы охватывал всё положение и спасал его. Не хватает и профессоров. На втором курсе будет скверно учиться. Студенты из кожи лезут, но дело не двигается. Ничего не организовано, не оборудовано. Мы, студенты, занимаемся не учёным, а беготнёй по учреждениям. Удирать не хорошо, но у меня не хватает мужества остаться. Если устроите это дело, поступите и хорошо, и дурно. Во-первых, я, хоть и не «контрреволюция», но и не коммунистка. А им, наверно, хочется пропустить [одних] коммунистов в первую очередь. Ну, сделайте, как сочтёте нужным. Простите, что затрудняю Вас. У Вас, наверно, и так много всяких прошений. Ну, всего хорошего.

Ждём книг.

М. Гейнце

4. ГОРЬКИЙ — М.А. ГЕЙНЦЕ

3 июля 1921, Москва

Молекула, сиречь — милая Муся!

Меня захлестнуло здесь крепкой петлёй, и я не знаю, когда возвращусь в Питер, думаю — не ранее конца следующей недели. Соскучился. Здесь меня никто не треплет за уши. И не дёргает за усы. Дёргают только за душу, и душа моя очень устала.

Занят организацией борьбы с голодом, который принимает размеры небывалые, кошмарные. Несомненно, что миллионы людей погибнут от голода и холеры, которая тоже всё развивается. Погибнет масса детей.

Кажется, меня командируют за границу для агитации о помощи¹. Конечно, я очень устал и чувствую себя отвратительно назло Вам, окаянная колдунья. До свидания, маленькая ведьма!
Поклон жителям.
Будьте здоровы и благоразумны. Да.

13.VII.21.

А. Пешков

5. М.А. ГЕЙНЦЕ — ГОРЬКОМУ

15 июля 1921, Петроград

Милый Дука, дорогой старый грешник!

Получила Ваше грустное письмо¹ и наполнилась слезами. Ох, ох! Какие всё гадости на свете. Здесь так скучно, что просто беда. Мы с Розуней² стали идиотками, — разговариваем на разных самодельных языках и хохочем по всякому нестоящему поводу. Занимаюсь науками до обалдения и пишу по-японски. 溫度計 — это значит термометр³, первое слово, которое пришло мне в голову при мысли о Вас. Я бы с радостью написала Вам японское письмо, но Вы, к сожалению, малограмотный человек. Советую научиться, тогда мы сможем затеять интересную переписку.

Анна Фомовна⁴ 600 раз в день переходит от смеха к слезам, кажется, это вошло у неё в привычку. Привычка, вообще, вещь полезная и вредная одновременно. Анна Фомовна чрезвычайно меркантильная дама, она сердится, что Вы не едете и дом без хозяина. Дорогой Дукушка, пожалуйста, приезжайте поскорей, очень Вас прошу. Пожалуйста! Посылаю Вам все письма, полученные за этот период. Хотела послать книги и журналы от Титки⁵ и разных неизвестных людей, но Диди⁶ и Роза не позволили. Титочка прислала Вам замечательный пояс, чёрный на белой подкладке, и два куска мыла. На днях была такая штука: Пришли два человека, один датчанин, другой переводчик. Ваше письмо Галену⁷, опубликованное в иностранных газетах, произвело сильное впечатление на датских жителей. Организовался комитет помощи русским учёным и литераторам. Человек, явившийся к нам, капитан датского парохода «Турист II», уполномоченный комитетом⁸. Привёз два ящика бумаги и письменных принадлежностей для учёных и литераторов, и письмо к Вам, с просьбой написать датчанам о положении дела и сообщить список книг, необходимых учёным, а также договориться насчёт продовольствия. Он просил позвонить Вам по телефону, но проклятый Фриц⁹ не захотел.

Я обратилась к И.Н. Мечникову¹⁰. Выяснилось, что капитан, кроме названных вещей, привёз ещё пуд кокаина и 3 пуда опиума (кажется, так). Советская власть отнеслась к нему весьма недоверчиво, и обратно его не хотят

пускать. И.Н. принял груз для учёных и написал датчанам следующее: за списком книг — обратиться в финский академический комитет, продовольствие необходимо в смысле жиров и муки, но не рыбы, т. к. её достаточно.

Вот такие дела. Капитан чудный человек, я сразу погибла. Вот его портрет:



От него очень сильно пахнет спиртом, и глаза у него чистые, как лазурь. Довольно говорить на эти темы. Не правда ли. Всякая девушка, молодая и прекрасная, должна быть благоразумной. Да!

Ну, покойной ночи, милый Дука. Целую Вас крепко. Ещё раз убедительно прошу поскорее приехать¹¹, иначе мне придётся утопиться в волнах Невы. Здесь такие дожди и ветры, что страшно высунуть нос.

14/VII

М.Г.

Если не приедете раньше Рождества, то хоть пишите почаще.

М.Г.

Поездка за границу — вещь хорошая, но миссия не лёгкая. Боюсь, что измучит Вас вконец.

Не смейте хворать!!!

Я тоже целую.

Вера.

Это Какштixa!¹²

6. М.А. ГЕЙНЦЕ — ГОРЬКОМУ

14 июля 1921, Петроград

Милый Дука!

Прежде всего необходимо перевести адрес на русский язык¹: Писателю, Горькому, пьянице. [письменное] трижды почитаемому герцогу — письменный ответ от stad. med. Надеюсь, что адрес написан восхитительно. Если письмо попадёт, в случае катастрофы, грамотному японцу, он доставит его Вам. Вот видите, как полезно уметь писать по-японски!

Это второе письмо. Одно я уже послала через «Кшиж»². Всё думаю о Вашей поездке. Боюсь, что при этих условиях Вы не отдохнёте и не поправитесь. Командировка представляется мне сплошным мучением. Конечно, Вы

скажете, что не приходится думать о собственном благополучии, когда нужно спасти большое количество людей. Возражать на это трудно, ибо уверена, что Вы многое можете сделать. Но беспокойство никак нельзя заглушить рассуждениями. Да. Хотя, конечно пребывание в РСФСР тоже не принесит Вам пользы. Приезжайте, пожалуйста, поскорее. Совершенно невозможно покидать свои владения на такой долгий срок. Какой же Вы после этого герцог?³ Я не подозревала, что у Вас такое количество поклонниц. Ежедневно меня осаждают полки дам, требуют Вашего возвращения. Они, должно быть, думают, что Вы спрятаны под кровать, не верят, что Вы в Москве, и очень обижаются. Покойной ночи, уважаемый колдун. Целую.

14/VII

М.Г.

7. ГОРЬКИЙ – М.А. ГЕЙНЦЕ

13 сентября 1921, Москва

Марии Молекуле.

Пакет, адресованный на моё имя, прошу выдать подательнице сего¹.

13. IX. 21.

М. Горький – А. Пешков

8. ГОРЬКИЙ – М.А. ГЕЙНЦЕ

До 16 октября 1921, Москва

Молекула! Спросите Анну Фоминичну: она как-то раз отобрала все мои зимние фуфайки и куда-то положила их, отделив от летних.

Этими фуф<айками> нужно покрыть книги в ящиках¹.

Привет вам, девушка!

А. Дука

9. М.А. ГЕЙНЦЕ – ГОРЬКОМУ

Конец 1921, Петроград

Алексей Максимович, милый мой!

Мне очень хочется поговорить с Вами, но Вы так далеко, так трудно надеяться на ответ, что даже мысли теряются. Вот сейчас сижу в Вашей комнате, за Вашим столом, на бюваре ясными чёрточками отпечаток Вашей подписи,

стараюсь вести себя по возможности скромно, чтобы не нарушить структуры и не изменить «запахов» этих комнат. Естественно, что мысли о Вас часто занимают меня. Лгать не буду: желания вернуть прошедшие месяцы у меня нет. Со дня Вашего отъезда случилось кое-что занимательное, кое-что смешное и жуткое и очень много пришлось мне смаковать факт наших отношений¹. Что же, — хорошо всё — что хорошо кончается. Ведь сейчас мы вполне можем пожать друг другу руку, не правда ли?

Мы можем кроме того улыбнуться одновременно и одновременно подумать: «Какие странные штучки вызывают иногда люди! Да здравствует РСФСР!» Далее мы будем размышлять врозь. Вы, кажется, так: милая девушка, почему у Вас такой неусидчивый характер, ведь я не виноват, что приходится расточать богатства, когда столько голодных кругом».

А я: «Не стоит подавать милостыню Родшильду»².

Итак, дорогой Дедушка, давайте разговаривать. Вот что мне скажите: почему так случилось, что люди злы на Вас. Разве непременно нужно иметь склад принципов, чтобы понравиться? Разве всё огромное обаяние Вашей личности при отсутствии принципов обращается в ноль? Разве это не так же плохо, как писать по найму Советской власти? По-моему, это ещё хуже. Все они сладострастно мстят за годы унижения, но Боже мой, как унижительна эта месть для них и как мало в ней нужных слов. Сплошь обывательские вопли. Однообразное надоедливое твякание. Неужели свобода печати больше ни на что не годна и русские литераторы перестали понимать, что значит слово литература? Горький должен написать настоящую книгу, правда, Д.? Ведь нужно, чтобы поняли люди, в чём стыд, и радость, и ужас и как всё это громадно. В Москве поп Фаворский химик и философ говорит «эпоха вырождения»³. А Ваши теперешние компатриоты вопят о страданиях собственной интеллигентной души и больше их ничего не занимает, разврат полный. Но кроме книг Вы должны писать и письма. Как-то раз Вы сказали, что будете снабжать меня ими в большом количестве и крупного масштаба, а между тем я получаю их редко. Я сама никогда не пишу по принуждению, потому что из письма всегда видно, как и почему оно написано, и какие прозрачные штуки, несмотря на все узоры.

Но все-таки на это письмо ответьте⁴. Прошу Вас коленопреклонённо. Я при смерти от любопытства.

А затем пора кончать. От всего написанного у меня начинает сильно болеть голова, её, привыкшую к легкомыслию, обилие соображений угнетает. Буду ждать от Вас письма и думаю, что дождусь.

Крепко Вас целую.

М.Г.

10. М.А. ГЕЙНЦЕ – ГОРЬКОМУ

Начало января 1922, Петроград

Дорогой Алексей Максимович!

Что нового в новом году?¹ Мне хотелось бы получить от Вас самые подробные сведения о жизни и времяпрепровождении в Эльдорадо. Ведь мне можно этим интересоваться, — не правда ли?

До сих пор из Ваших писем к жителям РСФСР² кроме мрака и отчаяния ничего почерпнуть нельзя. Вы больны, Вы сердитесь на людей, на Россию, просите помочь Вам выкрасить мозг в весёленький цвет, серые тона мешают жить, надоели своим однообразием. Моё сердце переполнено жалостью, но разве я могу помочь? На расстояниях столь далёких самые пламенные желания бессильны.

Вот что мне скажите: почему люди злы на Вас? Разве непременно нужно иметь склад принципов, чтобы понравиться им? Неужели огромное обаяние Вашей личности при отсутствии принципов обращается в ноль? Что заставляет их видеть в принципиальности основу добродетели и считать обязанным к этой добродетели всякого, кто пользуется у них славой? Насколько я понимаю, господа люди хотят этим сказать: «Вам можно выдать имя, но извольте хранить его в чистоте и порядке без злоупотребления, иначе придётся окропить помоями Ваши почтенные седины. Вы в долгу у нас, Вы принадлежите не столько себе, сколько человечеству». Большинство следует такому уставу и сдувает с имени пылинки, а Вы наоборот. Ваше окаянное любопытство толкает Вас в самую гущу³.

Очень хочется узнать Ваше мнение, если не противно говорить о таких вещах. Только, пожалуйста, не думайте, что я тоже стала госпожой людей. Я знаю Вас достаточно, чтобы иметь Вашу формулу с преобладанием плюсов. Мне кажется, из Вас мог бы выйти замечательный Горький, даже лучше настоящего. Целую Вас. Нужно написать книгу о России.

Почему-то все русские писатели, попав за границу, начинают фабриковать белогвардейскую агит-литературу⁴. Неужели свобода печати больше ни на что не годна?

Напишите книжечку, чтобы они подошли от сознания своей пошлости. В Москве поп Фаворский, химик и философ, называет наше время эпохой Разрождения⁵. По-моему, очень хорошо.

Ваша новая атомистическая религия никуда не годится⁶. Атом — величина элементарная и подчинённая. На престол нужно возводить не его, а ум, который знает о нём. Почему это Вы так заблуждаетесь? Ведь с юности мировые вопросы не дают Вам покоя и вдруг такое отсутствие основ. Как могли Вы прожить без разумной философии. На что нацепляли Вы приобретённые сведения, неужели на абсурд или просто сваливали их в беспорядочную кучу?

11. М.А.ГЕЙНЦЕ — ГОРЬКОМУ

До 25 января 1922, Петроград

Милый Алексей Максимович!

Как дела? Здесь ходят слухи, что Вы стали совсем бедным человеком, как настоящий пролетарий. Это, я думаю, плохо, т. к. заботы о Ваших приближенных, их благосостоянии, хорошем пищеварении и весёлости духа мешают Вам относиться с изысканным равнодушием к отсутствию стерлингов. Зато слухи о состоянии Вашего здоровья, — блистательны. Очень, очень, очень, очень, очень, очень рада¹. Я плохо владею искусством выразить мысли словами и не нашла способа лучше объяснить свои чувства. Не досадуйте.

В РСФСР всё благополучно, если не считать ярко выраженной склонности граждан к бандитизму и последствий этой склонности².

На Кронверкском (?) житьё стало отвратительным. Весной, как только <кончатся> морозы, переселюсь в другое место. Очень прошу Вас, не откладывайте попечение о поездке Розочки за границу³. Ей совершенно необходимо отдохнуть и полечиться. Сыпной тиф процветает и уже проглотил проф. Троицкого⁴, кот<орый> лечил Вас.

Академия продолжает снабжать меня беспокоить* мыслями о причинах и следствиях существования. Характер мой всё ещё портится. Вы бы не узнали меня, до какой степени я становлюсь свирепой. Никакой кротости, даже самой страшно. А женщина должна быть кроткой, настойчиво-кроткой. Мне немного трудно с Вами разговаривать — я отвыкла и не очень представляю, какое у Вас лицо, когда Вы читаете всё это.

Когда я думаю о Вас, мне всегда становится невероятно скучно, поэтому стараюсь такие мысли гнать.

Ваши письма с головы до ног облиты моими горькими слезами. Очень Вас жалко. Ну, может быть, теперь Вам стало веселее жить в Эльдорадо, чем первое время. Можно надеяться?

12. М.А. ГЕЙНЦЕ — ГОРЬКОМУ

25 января 1922, Петроград

Милый Алексей Максимович!

Вы может быть недовольны, что я Вам не пишу, — не надо сердиться, потому что у каждого человека есть свои дурные привычки. За всё время я написала Вам пять или шесть писем, но ни одного не послала¹. Теперь мне немного трудно с Вами разговаривать — я очень отвыкла от Вас и плохо представляю, как Вы будете реагировать на мои послания, а это весьма важно. Хуже всего, если никак. Сначала приходили известия о Вас самого гнусного свойства:

* Так в А. — Ред.

вы были больны и плохо настроены; теперь, насколько я знаю, имеет место расцвет Ваших разнообразных сил. Очень, очень, очень, очень, очень, очень рада. Конечно, имей я дар красноречия, мне пришлось бы выразить свои чувства в более изысканной форме, а при отсутствии такового боюсь запутаться в словах и выражаюсь упрощённо.

Я живу очень тихо. Веду беседы с разными мудрыми книжниками, — особенно часто с Дмитрием Ивановичем Менделеевым². Он очень весёлый и остроумный старик, но хитёр до неприличия.

Когда выбирала Вам у Ховина книжки³, наткнулась на Эйнштейна⁴ — принцип относительности. Всё это очень хорошо, но написано слишком популярно и поверхностно. Может быть, это сокращённое издание? Терпеть не могу брошюроподобных книг, которые служат для возбуждения любопытства.

В Академии творятся всякие гадости: за дворянское, купеческое и поповское происхождение снимают с госснабжения и даже исключают. Канцелярия по студенческим делам превращена в комиссию по борьбе с контрреволюцией.

Тонков⁵ подличает, стараясь сохранить отношения с коллективом.

Да здравствует 3-й Интернационал⁶, в РСФСР все благополучно, если не считать склонности граждан к бандитизму и антикоммунистическому поведению госвши.

Бандиты оказались очень способными к размножению. Опасаюсь, что скоро у нас останется только этот вид пролетариев, — остальные вымрут.

Госвошь с бандитами заодно, она заражает сыпным тифом всех, не имеющих кожаной одежды. Тиф уже проглотил проф. Троицкого⁷, который Вас лечил. Помните его?

На улице холодно и идёт снег, нужно бегать — если остановишься, можно превратиться в сугроб. Даже трамваи понимают это и летят со скоростью 300000 километров в секунду.

Совсем нет птичек. Где они?

Купчиха в Москве. Живём вдвоём с Диди⁸.

Он оказался совсем хорошим мальчиком и проявляет весьма ценное свойство объективного отношения к людям. Мне — человеку пристрастному, приходится с ним соглашаться за отсутствием точной мотивировки обвинений и хвалы.

Соловьишка⁹ меня очень утешил письмом своим.

Такой он милый, милый парнишка. Из Ваших придворных мне ещё очень нравится Ив<ан> Павл<ович>¹⁰. А Вы цените его? Нет, наверно, не цените.

Будьте здоровы, кушайте хорошенько и не ходите гулять без зонтика. Целую Вас.

М.Г.

25.1.22.

13. М.А. ГЕЙНЦЕ – ГОРЬКОМУ
1922, Петроград

Дорогой Алексей Максимович!

Может быть, это очень смешно, но я люблю получать письма. Вы молчите — тем хуже для Вас, потому что рискуете быть мною окончательно забытым. А впрочем, как хотите. Вот какое дело: если можете, напишите мне, пожалуйста, своими словами о принципе Эйнштейна¹. Насколько я знаю, он разрушил три столба науки — 1) абсолютное время заменил относительным, частным временем, которое является функцией пространства как перспективы, 2) уничтожил понятие о материи, доказательством что материя и энергия одно и то же, 3) заменил тяготение инерцией.

Все преобразования Эйнштейна дают новое представление о мире. Мир конечен (но не безграничен), четырёхмерен и, следовательно, искривлён. Мне понятно всё, кроме второго пункта. Отрицание массы основано на строении атома на теории Кванта (квантов), а их я не знаю. Напишите, пожалуйста. Не скажу, чтобы я была от немца в восхищении. Мне несколько противен тон его. Если Ньютон дал неправильное учение, он от этого не стал ниже, и Эйнштейну не следует ставить ногу на его грудь, ведь без Ньютона, Эвклида, Лоренца, Миньковского, Ретерфорда и др. принцип относительности не имел бы места. Мир — моллюскообразное тело в бесконечности. Опять бесконечность. Когда же конец? Вы должны больше меня знать. Наверное, всякие мудрые люди рассказывают Вам обо всех этих штучках.

Сегодня случилась ужасная вещь. Павлов² после лекции обратился к аудитории с такой приблизительно речью: «Прошу вас выбрать из своей среды товарища, которому вы доверяете, и беспристрастного. Пусть он придёт ко мне и даст объяснения по вопросу о снятии студентов с пайка. До меня дошли слухи, что снимали с пайка на основании происхождения, что было учреждено нечто вроде сыскного отделения. Если это действительно так, я немедленно ухожу из Академии. При таком режиме я не хочу и не могу работать».

Не знаю, как назвать такой поступок, но коленки мои трясутся.

Милая, бесценная моя Купчиха совсем плохо себя чувствует. Работает она с 11-и часов утра до 3–4 ч. ночи почти без перерыва³, а силы у неё всё убавляются. Умоляю Вас — придумайте, как устроить отдых. Если бы Вы знали, какой сволочью оказалась Вера Леонтьевна⁴. Нечто совершенно фантастическое. Какие люди страшные и как осторожно нужно подходить к ним. Своими беспрерывными хамскими выходками Кякшты делают жизнь на Кронверкском невыносимой, я только и мечтаю о выезде отсюда. Конечно, очень жаль расставаться с Розой, но надеюсь, что Вы скоро устроите ей поездку. Не думайте, что я преувеличиваю, — здоровье её на самом деле очень плохо. Только необычайная сила воли заставляет её по утрам вставать и работать. Что-то случилось с ней, — беспрестанные кровотечения из

носа и из всех царапин не шутка. Настроение у неё мрачное, почти каждый день она говорит, что не вынесет, если весной никуда не поедет. Никто не смотрит теперь на её путешествие, как на *partie de plaisir*⁵, который можно отложить, примите это во внимание. Алексей Максимович, дорогой, ненаглядный, помогите Купчихе выздороветь. Соловью не надо говорить, что дела так плохи. Я ему писала в менее мрачном тоне, чтобы не огорчать его напрасно.

Дидрихс относится к этому вопросу со свойственным ему безразличием. Вообще могу сказать, что мужчины — хлам. Такого изумительного человека, как Розочка, не могут любить без эгоизма. Стоит их за это повесить.

14. М.А. ГЕЙНЦЕ — ГОРЬКОМУ

26 апреля 1922, Петроград

Дорогой Алексей Максимович!

Получила Ваше письмо, посланное по почте¹. Вот видите! Не надо, значит, напрасно ругать нашу родину. Из всего, что написано в этом письме, могу вывести, что Вы отчаянно пьёте, не интересуетесь наукой и собираетесь вернуться в Россию. Всё это очень плохо. Пить не надо. Вы же знаете, как это вредно Вам и как нужно, чтобы Вы были здоровы и живы. Наукой стоит интересоваться. Это единственное, на что остаётся надежда в наш век войн, революций и пессимизма. В Россию доходят немногие отголоски европейских радостей, но всё хватается с жадностью и обо всем пишут книги. Мне удалось из книг и лекций узнать, что создаётся в Германии новая философия глубоко пессимистического характера. Освальд Шпенглер (немец) написал «*Der Untergang des Abendlandes*»². Степун, Франк, Букшпан, Бердяев отнесли к блестящей книге с должным вниманием и выпустили статьи о ней. В русском переводе почему-то называют её «Закат Европы», хотя *Abendland* означает больше. Во всяком случае, Шпенглер силою своего напряжённого таланта и своей интуиции поднял не только последние века, известные европейцам как эпоха их культуры, но весь огромный балласт истории мира, взвесил и разложил на периоды. Историю Европы он рассматривает вот как: аполлиническая душа Греции — период мифопонимания в объёме Евклидова двойного измерения. Стремление отсутствует. В искусстве нет изображения облаков и дали. Затем рождение Фаустовской души. Средневековье, готика, и все великолепия культуры. Наш период — смерть культуры <и> расцвет цивилизации.

Цивилизация — монархизм, социализм, арелигиозность, и, если думать научно, — обесценивание энергии seu энтропия. Всё это только намёки на то, что сказал Шпенглер. Удивительно, что этот человек, мыслящий парадоксами и обладающий органом четвёртого измерения, забыл, что в истории культуры Европы большую роль сыграло христианство. Кроме того, в нём несомненно

есть изъян, ибо иначе он должен был кончить описанием рая. Я не могу себе представить его, потому что с такой богатой натурой создать безысходную философию может только урод.

Его книга преступна, отвратительна и нужна инквизиция, чтобы уничтожить её. Такое бесстыдное сознание своего разложения [пущенное] пустить в толпу может [придум] только желающий общей гибели. В настоящее время все думающие люди ловят слова о будущем. Если бы не насущная необходимость в утешении или знании действительности, Шпенглер не пустил бы корней. Нельзя ли убить его? Хотя это всё равно не поможет.

Хорошо ещё, что есть на свете учёные. Милые, целомудренные старички, они не говорят о том, что знают, а просто добродушно усмеваются и выпускают время от времени маленькие факты о разложении азота, лёгком изменении перигелия Меркурия и т. д.

Пора оставить бесплодное мудрствование. Человеческая мысль, не покоящаяся на фактах, бессильна до жалости. Путь чистой интуиции — ложный путь, потому что он субъективен, а человек смертен.

Об Эйнштейне³ думать не стоит, это дело обывателя.

На днях возвращается из-за границы И.П. Павлов. Проф. Максимов⁴ сбежал в Америку, и его место в Академии занял Аничков⁵.

О Вашем намерении вернуться в Россию могу сказать следующее: это так же легкомысленно, как всё, что Вы делаете. Неужели Вам не надоела политика и общественная [благот] деятельность. Или Вы думаете, что сможете здесь быть Пешковым? Если так — то это странно.

Конечно, если очень хочется быть пышным спекулянтom, в России «лафа». Нет, лучше поезжайте в Италию. Там, по крайней мере, сговоритесь с Ллойд-Джорджем⁶ относительно нашей свадьбы, ибо я согласна выйти замуж за такого положительного человека, говорящего на английском языке. Пришлите его портрет.

Здесь ходят слухи, что Ремизов омолодился по Штейнаху⁷.

Правда это? Сколько ему теперь лет?

Купчиха всё сидит в Москве⁸.

К Вам она не поедет.

Живём с Дидишей⁹, дерёмся и ходим в синематограф.

Не сдать ли Вашу библиотеку на хранение в Пушкинский дом?¹⁰ Можно туда же поместить и вещи. Очень прошу написать об этом. Я иногда обнаруживаю исчезновение книг.

Целую.

26.IV.22

М. Гейнце

15. М.А. ГЕЙНЦЕ – ГОРЬКОМУ

10 июля 1922, Петроград

Благодарю за посылку.
Целую.

М. Гейнце

16. М.А. ГЕЙНЦЕ – ГОРЬКОМУ

11 февраля 1925, Петроград

Милый Алексей Максимович!

Как поживаете? Давайте возобновим почтовые сношения. Ведь это культурно. За последние годы я, как Вам известно, обзавелась сыном¹. Он ничего себе мальчик, только не очень здоровый. А я всё такая же девчонка. Просто не знаю, что мне делать, чтобы приобрести взрослый вид. Может быть, Вы посоветуете? В моем возрасте (22 г.) неприятно казаться моложе своих лет — это говорит об отсталости.

Немного завидую Вам в смысле географическом. У нас климат мокрый. Иногда от этого даже в голове сырость. А сегодня во сне я прыгала через лужи. Летом я поеду с Володькой в Курск или в Киев. В Курске у меня дядя с фруктовым садом, в Киеве будет Татлин с институтом художественной культуры².

Что лучше? Я слышала, что Вы плохо относитесь к моему экс-супругу³ и к его работе. Это ошибка. Он большой и серьёзный мастер. А дядя мой алкоголик.

Вы так и будете жить в Европе или вернётесь? Разве уж так хорошо там? Сейчас, по-моему, у нас интереснее. А потом, может быть, будет наоборот. Вот тогда я упакую Володю и выеду.

Какая странная вещь. 21-го января прошлого года мне пришлось в голову, что вы немедленно выедете из Европы. Ничего подобного не оказалось. Опять ошибка.

Занимаюсь я сейчас хирургией. О, ужас! Костная хирургия влечёт меня непреодолимо. Ну куда мне с тщедушным моим телом костями управлять! А вдруг выйдет? Из Вас уж больше ничего не выйдет, кроме шрифштеллера⁴.

Бедный мой, дедушка, чем же мне Вас утешить?

Попросите Максима родить вам внучонка. Это было бы очень замечательно. Вы были бы очаровательным дедушкой. Верно, устройте так! Теперь я буду рисовать⁵.

Вот Вам рисуночки. Если будет Вам тоскливо, напишите мне тоже с рисуночками.

Пока до свидания. Целую Вас нежно, но, к сожалению, только мысленно.
11 II 25

М. Гейнце

17. М.А. ГЕЙНЦЕ — Е.А. ГЕЙНЦЕ
1920-е, Петроград

Лялечка¹, милая моя!

Если бы ты знала, как трудно мне сейчас жить, как я колеблюсь.

С младенчества выбрала я себе дорогу и шла по ней полусознательно, почти слепо.

Теперь вдруг почувствовала, что в силу разных обстоятельств почва уходит из под ног и наука становится мне чужой, непонятной. Нет больше великолепного ощущения молитвы к мировому разуму.

Создав человека — природа поступила жестоко.

От родителей своих — обезьян, первобытный человек отличался случайным изменением в строении мозга. Он не награждён был разумом, а лишь долей хитрости иной, чем у животных, и им несвойственной.

Хитрость — функция верхнего сознания (животные обладают только нижним сознанием — инстинктом). Ты знаешь, наверное, что ребёнок скорее может научиться кататься на велосипеде, чем взрослый. Это потому, что мозг его менее развит, верхнее сознание подавлено нижним и нет страха взрослых.

Первобытный человек не мог жить спокойно.

Безотчётный страх в отсутствии опасности настолько мучил его, так напрягал его нервы, что просто не жизнь, а каторга. Среди великолепного, допотопного пейзажа под звёздным небом ночью — первый человек с маленьким черепом и большой челюстью не спит. От страха он готов кричать, но от страха же — молчит.

Он укрывается в пещере, он бросает во врага камнями — первым оружием. Иными словами, страх побудил начать культуру, но свершив в мозгу животного — человека — незначительную мутацию, природа успокоилась, предоставив ему поле действия. Дав возможность развить способность понимания явлений, она ограничила возможность понять общую гармонию субъективную восприятий.

Органы внешних чувств дают субъективное ощущение. Известно, что муравьи видят ультрафиолетовые лучи — следовательно, мир представлен им иным, чем человеку. Органы чувств несовершенны. Средство, единственное, которым пользуется человек для исследования тайн природы — органы внешних чувств, а между прочим, глаза человека видят хуже, чем глаза оленя. Только [осознание] в отношении вкусовых ощущений человек опередил животных. И чем дальше прогресс, тем хуже и хуже становятся органы.

Говоря о том, что это единственное средство познания явлений, я выразилась вполне точно. Я хочу разграничить два понятия. Познание явления и познание гармонии. Опять я прихожу к двойственности начала. Первое — дело верхнего, второе — нижнего сознания. Как страшна эта энтропия интеллекта.

Подумай: отходя от животного существования, возвышаясь и становясь гордым, человек теряет возможность когда-нибудь ощутить музыку мира и услышать в оркестре ноту, им издаваемую.

Только единственное, на что остаётся надежда — это интуиция. Божественное, непонятное средство ощутить, не ощущая. Понять, не понимая. Несомненно, интуиция — функция нижнего сознания.

У животных она — инстинкт. В мозгу человека интуиция приобретает свою новую окраску. Ты заметь, что искусство сплошь интуиция. Наука — там, где она делает прыжки, не обходится без интуиции. Ньютон, Фарадей интуитивны до мозга костей. А Блок — незрячий пророк? Да. А вот Милютин² — букашка. Тонков³ тоже.

Я не хочу быть скромной труженицей в этом мире. Я не хочу забыть о Нём, зарывшись в мелочи. Быть маленьким полипом в коралловом дереве, мириться с принципом разделения труда и ничего не хотеть дальше — покорнейше Вас благодарю, уважаемая моя мамаша природа, за такую милую и целомудренную должность.

Извините меня, но играть роль винтика в огромной машине совсем не интересно, а между тем, это единственное, на что способен человек. Всю жизнь копать дырочку в земле, надеясь, что когда прокопаешь насквозь, можно будет поговорить с ангелом — который на том полюсе сидит и хочет сообщить человечеству всякие радости. Я умру, дальше будут ковырять потомки. В конце концов, отверстие сделано, но усилия были напрасны. Ангел говорит на своём ангельском языке и ни слова не понимает от человеческого.

Так вот. Из всей этой каши соображений — ты должна вынести следующее: моё достоинство сильно страдает от мысли, что человек никогда не дойдёт до цели своего пути. Неизмеримым кажется совершенное им. Поставь рядом обезьяну и Скрябина, каменный топор и современное оружие, пирогу и океанский пароход, да.

А спросить профессора Максимова⁴, откуда явилась клетка — он ответит: «*omnis cellula et cellula*». Нам мозг непременно должен создать в своём развитии нечто подобное старым китайским *cloisonnes*. Непременно должны существовать бесконечные перегородочки, иначе сольются краски и не будет узора. Нас губит нужда методов. Пришлось разбить всё созданное человечеством на бесконечное множество отдельных частей и частичек. Один человек не может охватить общего, не будучи дилетантом. Природа заставляет гордого человека ползать, как ползает вошь. Она смеётся, издевается, она дала стремление, лишив средств. Наука отдельно от искусства. Медицина отдельно

но от математики. Даже философ и математик, столь родственные по духу, не могут понять друг друга. А ведь как только математика переходит границу непосредственного опыта, она становится чистой философией. Разве можно представить себе бесконечность? А теория пределов? А теория Эйнштейна?⁵ Ты знаешь, грамотный японец всесторонне образован только потому, что для каждого понятия в японской письменности существует свой особый иероглиф. Следовательно, изучив иероглифы, он изучает всё. Иероглифическая письменность считается несовершенной, никчёмной при современном положении вещей. Японцы постепенно переходят на так называемую гамаја — латинояпонскую письменность, считая её более совершенной и вместе с тем теряют спасительное средство многогранности, становясь спецами, удаляясь от прямого пути.

Я сильно опасаясь, что с европеизацией восточная мудрость погибнет бесследно.

Восточные народы древности недосыгаемы. Скажу по секрету — они обладали интуицией, также и египтяне.

Интуиция была во всём, что переходило предел обыденности. А интуиция приходит к божеству. Религия начинает господствовать. Истинный учёный, художник, философ должен иметь религию. Я не знаю, какова она должна быть, но думаю, что если из человечества выйдет что-нибудь путное, то оно найдёт религию новую, бесспорную и спасительную. Эта религия объединит людей, даст им в руки чувство необходимости прекрасного, то чувство, которое сейчас, опять-таки в силу интуиции, владеет лучшими людьми земли. Нужен Рай. Если не будет Рая — зачем жить? Не стоит. Я думаю, тебе понятно, что я говорю о Рае души, а не загробном, о Нирване мудрости — светлом оазисе. Странно, что в экземпляре Корана, который находится в Британском Музее, есть картинка, изображающая Рай как сияние, а над этим сиянием летят птицеподобные существа. Представь, что при ближайшем рассмотрении птички эти оказываются женскими половыми частями. Это интересно, но, конечно, далеко от моего представления о Нирване.

Женщина не может хотеть такого Рая. Это ясно. Так вот, право не знаю, к чему приведёт меня эта спесь, но совершенно ясно, что все эти волнения, хотя и не лишены некоторой литературности, всё же так сильны, что не могут не повлиять на дальнейшее существование твоей сестры. Итак, дорогая моя Ляля, если сейчас будут со стороны моей решительные поступки — не будешь по крайней мере удивляться. Я для того и пишу так много. Ты уж, пожалуйста, не очень надейся на мою положительность! Это, право, скучно. Да впрочем, ты, кажется, и не особенно много строишь предположений. Право! Мне, видишь ли, не по нутру стал сидячий образ жизни. Ну, ну, не опасайся, мной не владела фантазия, а просто очень много царапин наносит наша родина. Может случиться, что я исчезну, на довольно долгий период, это будет хорошо. Просто разрываются мозги от тесноты...

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-1-12-12), впервые.

Надпись рукой одиннадцатилетней Муси — Марии Александровны Гейнце. Рисунок скопирован с иллюстрации в детской книжке, читанной ею, возможно, по рекомендации Горького.

2.

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-1-12-11), впервые.

Датируется по содержанию — по времени пребывания М.А. Гейнце с матерью весной 1913 г. на Капри (см. вступит. статью). Письмо написано детским почерком на открытке с изображением деревенского мальчика в тулупчике, шапчонке и лаптях. На открытке также надпись: «Вам сказка, а мне бубликов связка».

¹ Сказка «Самовар» впервые напечатана в сборнике: Ёлка: Книжка для маленьких детей / Сост. А. Бенуа, К. Чуковский; Под ред. А. Бенуа, М. Горького. Пг.: Парус, 1917 (вышла в конце января 1918 г.). Подробнее см.: *Горький М.* Полное собрание сочинений. Художественные произведения: В 25 т. М.: Наука, 1971. Т. 11. С. 341, 584–586, а также вступит. статью.

² Мыза — загородный участок с отдельным хозяйством.

³ Ляля — Елена Александровна Гейнце, младшая сестра М.А. Гейнце.

⁴ Е.П. Пешкова оставалась на Капри до конца 1913 г.; уехала с Максимом в Россию раньше Горького — он уехал 27 декабря 1913 г.

3.

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-1-12-1), впервые.

¹ Нижегородский университет им. Н.И. Лобачевского был открыт 28 марта 1918 г. Медицинский факультет образовался в конце 1919 г.

² Куняев Аркадий Николаевич (1879–1920), выдающийся нижегородский врач. Семь лет, с 1905 по 1912 г., работал земским врачом в Карамзинской больнице (около 40 км от Дивеевского монастыря), построенной для инвалидов Крымской войны сыном историка Н.М. Карамзина. Здесь до сих пор чтут память А.Н. Куняева: его внук, поэт Станислав Куняев, посетил больницу в конце 1990-х годов и видел в кабинете главного врача фотопортрет своего деда, сделанный известным фотографом М.П. Дмитриевым, и мемориальную доску в честь деда на стене больницы (см.: *Завтра.* 1997. 4 марта). В 1913 г. А.Н. Куняев был приглашён в Нижний Новгород на должность главного врача Нижегородской хирургической больницы Российского общества Красного Креста, построенной на средства М.М. Рукавишников. На фасаде хирургического корпуса находится мемориальная доска с его именем. А.Н. Куняев — один из основателей Нижегородского университета (см. выше) и его Медицинского факультета, где в

Раздел I. ПУБЛИКАЦИИ

свои последние годы был заместителем декана и заведовал кафедрой операционной хирургии. Умер от сыпного тифа 13 августа 1920 г. О близости его с семьёй Гейнце см. вступит. статью.

«Список книг» для библиотеки медицинского факультета, о котором пишет М.А. Гейнце, и вторично посланное письмо А.Н. Куняева Горькому, уже «без подписи», в архиве писателя обнаружить не удалось.

³ Военно-медицинская академия (ВМА), высшее специальное учебное заведение для подготовки врачей в сухопутных и морских подразделениях армии. Появилась в 1881 г. в Санкт-Петербурге в результате преобразования Медико-хирургической академии, ранее созданной в 1799 г. на базе медико-хирургических училищ, начало которым было положено ещё Петром I (см.: Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: В 86 т. Т. 1. СПб., 1893. С. 259–260). В разное время в ВМА преподавали выдающиеся учёные: И.М. Сеченов, С.П. Боткин, Э.А. Юнге, Н.В. Склифосовский, А.В. Сапожников, В.А. Оппель, Н.И. Пирогов, А.П. Бородин, И.П. Павлов. В 1917–1925 гг. президент ВМА В.Н. Тонков. См. о нём п. 12 и примеч., а также вступит. статью.

⁴ Сведения о профессоре Гаврилове не разысканы.

⁵ Горький выполнил просьбу М.А. Гейнце и помог ей поступить в ВМА (см. вступит. статью).

4.

Печатается по А (АГ. ПГ-рл-10-30-1). Впервые: *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М.: Наука, 2007. Т. 13. С. 206.

М.А. Гейнце ответила двумя письмами, отосланными одно за другим — от 14 и 15 июля 1921 г. (см. п. 5 и 6).

¹ Такое решение было принято (АГ. БИО-24-2-2). Подробный комментарий к этому письму см.: *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М.: Наука, 2007. Т. 13. С. 546.

5.

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-1-12-7), впервые.

¹ См. п. 4 и примеч.

² Ходасевич Валентина Михайловна (домашнее прозвище Роза, Розуня, Купчиха; 1894–1970), театральная художница, иллюстратор, мемуарист, автор книги «Портреты словами» (М., 1987 и 2009), жена А.Р. Дидерихса.

³ Слово «термометр» написано японскими иероглифами. Муся учила японский язык.

⁴ Анна Фоминична — прислуга в доме Горького.

⁵ Титка — домашнее прозвище Марии Игнатьевны Будберг (1892–1974). В июне-июле 1921 г. находилась в Эстонии.

⁶ Дидерихс Андрей Романович (домашнее прозвище Диди; 1884–1942), художник, по рекомендации Горького работал в Экспертной оценочно-антикварной комиссии для оценки национального имущества и предметов быта при Петроградском отделении Наркомата торговли и промышленности, с января 1919 г. стал её председателем.

⁷ Речь идёт о письме Горького от 24 марта 1921 г. финскому художнику Галлену (Галлен-Каллела) Акселю Вольдемару (1865–1931). Горький, знавший Галлена ещё с 1900-х годов и дружески к нему относившийся, благодарил его за обращённый к финнам призыв помочь русским учёным и писателям в годы катастрофического голода в России. См.: *Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М.: Наука, 2007. Т. 13. С. 175–176, 506–507.*

⁸ Лицо не установленное.

⁹ Криммер Фридрих Эдуардович (1888–1963), знакомый Горького по работе в КУБУ, с 1921 г. — работник Внешторга. См. о нём: А.М. Горький и М.И. Будберг: Переписка. Архив А.М. Горького. Т. 16. М., 2001. С. 61, 270.

¹⁰ Мечников Илья Николаевич (1880–1938), член правления акционерного общ-ва «Кюмене» в Финляндии. В 1919 г. помогал эвакуировать финских граждан из Петрограда. В 1920 г. участвовал в издании русских книг в Финляндии вместе с З.И. Гржебиным. Племянник учёно-го-биолога Мечникова, бывал у Горького на Кронверкском.

¹¹ Горький приехал в Петроград 26 июля 1921 г.

¹² Вера Леонтьевна — жена Евгения Георгиевича Кякшта, племянника М.Ф. Андреевой. Об их отношениях с М.А. Гейнце см. п. 10, 11 и примеч., а также вступит. статью.

6.

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-1-12-6), впервые.

¹ Адрес в шутку написан по-японски: М.А. Гейнце изучала японский язык.

² Предыдущее письмо было послано, видимо, с Е.Г. Кякштом.

³ Домашнее прозвище Горького — Дука, от итал. *duca* (герцог).

7.

Печатается по А (АГ. ПГ-рл-10-30-2). Впервые: *Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М.: Наука, 2007. Т. 13. С. 233.*

¹ К кому и за каким «пакетом» направлялось Горьким доверенное лицо, не установлено.

8.

Печатается по А (АГ. ПГ-рл-10-30-3), впервые.

Датируется по содержанию: речь идёт о подготовке вещей к отъезду Горького за границу, который состоялся 16 октября 1921 г.

¹ М.А. Гейнце писала Е.П. Пешковой 28 августа 1921 г.: «Вот Алексей Максимович собирается серьёзно ехать, даже уложены книги и в комнатах его стало скверно, всё ящики...» (АГ. ФЕП-кр-19-4-1).

Раздел I. ПУБЛИКАЦИИ

9.

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-1-12-2), впервые.

Датируется по содержанию: после отъезда Горького 16 октября 1921 г. М.А. Гейнце продолжала жить в его квартире на Кронверкском проспекте до ноября 1922 г.

¹ См. об этом вступит. статью.

² Шутливое замечание, относящееся к горьковской отзывчивости, готовности помогать тем, кто нуждается в помощи, независимо от их социальной или классовой принадлежности. «Ротшильд» — нарицательное имя очень богатого человека.

³ См. п. 10, примеч. 5.

⁴ См. п. 10, примеч. 2.

10.

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-1-12-3), впервые. Датируется по содержанию.

¹ Новый, 1922 год Горький встречал в Германии, где находился на лечении в санатории курорта Санкт-Блазиен в Шварцвальде.

² Под «жителями РСФСР» М.А. Гейнце прежде всего имеет в виду близких ей И.П. Ладыхникова, Е.П. Пешкову, В.М. Ходасевич, с которыми Горький переписывался; может быть, знала она и о его переписке с В.И. Лениным (см. примеч. 6). Получила ли она сама от Горького письма за этот период (конец 1921 г.) установить не удалось, но по письмам его к названным лицам была, очевидно, осведомлена о его состоянии здоровья и настроении.

³ Горький писал Е.П. Пешковой в ноябре 1921 г. из Берлина: «Писать о себе — очень скучно. Разумеется, меня грызут, кусают и всячески охотятся за мною товарищи журналисты»; «Русские занимаются здесь ненавистью друг к другу и всяческой клеветой <...> Советские тоже увлечены этим делом и усерднейше грызут друг друга»; «Советские говорят, что я поссорился с “властью” и уехал из России навсегда, антисоветские тоже что-то смекают» (*Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М.: Наука, 2007. Т. 13. С. 253, 259).

⁴ Из письма Горького И.П. Ладыхникову 26 декабря 1921 г. из Санкт-Блазиена: «Читаю литературу эмигрантов — какая жуткая бедность мысли, какое нищенское знание действительности... И бабё, истерическая злоба. А в общем — декаданс, вырождение» (Там же. С. 274).

⁵ Выражение принадлежит Алексею Евграфовичу Фаворскому (1860–1945), известному учёному-химику, одному из сыновей протоиерея Евграфа Владимировича Фаворского, дяде художника-графика В.А. Фаворского. О нём см.: Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: В 86 т. Т. 35. СПб., 1902. В советское время его работы в области органической химии и разработки способов получения пластических масс, синтетического каучука, применяемых в промышленности, были высоко оценены: член АН СССР (1929), орденоседец, лауреат Сталинской премии I степени (1941). В 1921 г. ему было 60 лет, он жил в Москве. Определение эпохи как «Разрождения», понравившееся М.А. Гейнце, она могла узнать от

В.Е. Татлина, хорошо знавшего семью Фаворских. По воспоминанию В.М. Ходасевич, Татлин появился на Кронверкском как раз «в конце 1921 или в начале 1922 г.» (*Ходасевич В.М. Портреты словами*. М., 1987. С. 150).

⁶ Говоря о «новой атомистической религии» как о горьковском заблуждении, М.А. Гейнце, возможно, имеет в виду его размышление в письме В.И. Ленину в ноябре 1921 г. В этом письме Горький пишет о важности конкретных фактических «мелочей», учитывать которые в политике необходимо. Он ссылается здесь на речь Л.Д. Троцкого «на II Всероссийском съезде политпросветов» (*Правда*. 1921. № 240–243. 25–28 окт.): «Недавно о мелочах очень умно — хотя с опозданием — говорил Троцкий, — Вам бы тоже не мешало бросить в бесстыжие зенки россиян горсточку перца этих мелочей». Рассуждение Горького в этой связи: «...туберкулёзная бактерия тоже мелочь, однако она разрушает весьма сильные организмы. Атом — тоже мелочь, но — основа мира, видимого нами» (подробнее см.: *Горький М. Полное собрание сочинений*. Письма: В 24 т. М.: Наука, 2007. Т. 13. С. 262–264, 612–615).

11.

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-1-12-5), впервые.

Письмо не было отправлено. Датируется по содержанию.

¹ О денежных затруднениях Горького и об улучшении его здоровья Гейнце знала из январских писем его к И.П. Ладыжникову. «Смешно мне, — писал Горький, — но — я никогда ещё не думал так много о моём материальном благополучии. Это объясняется тем, что я хочу — и должен — много работать над серьёзными вещами, и тем, что я должен выдержать — некоторое время — Максима при себе. Сие — необходимо». В этом же письме: «Мои дела идут не худо: каверна зарубцевалась, палочек — нет...» (*Горький М. Полное собрание сочинений*. Письма: В 24 т. М.: Наука, 2009. Т. 14. С. 21).

² Речь идёт о конфликтных взаимоотношениях Гейнце с В.М. Ходасевич (в них участвовал и И.П. Ладыжников), — и с племянником М.Ф. Андреевой Е.Г. Кякштом и его женой. К весне Молекула не уехала — ссора продолжалась до конца 1922 г. В сентябрьском письме Андреевой Горький писал: «Пожалуй — это плохо, что ты написала Кякшту о моих вещах, ибо — я просил Ив<ана> Пав<ловича> продать некоторые книги и медали, и теперь — возможно — что Кякшты, опираясь на твоё письмо, затеют спор. Там у них “вражда племён”, как я слышал. Дидерихсы ведь тоже платят за квартиру, это я знаю. Купчиха — не выехала, визы нет ещё. Молекула перебирается куда-то» (*Там же*. С. 87). 26 октября Е.П. Пешкова написала Максиму, что приехала к ней Валентина Михайловна Ходасевич, «говорила о Кронверкской квартире. Там все окончательно перессорились, так что оставлять Муську с Кякштами нельзя <...> Ив<ан> Пав<лович> и Вал<ентина> Мих<айловна> решили папины вещи поместить в комнату в Пушкинском доме, их можно будет в любое время взять — всё будет цело» (АГ. ФЕП-рзн-9-28-24). Только в ноябре 1922 г. Молекула съехала с Кронверкского, см. её письмо к Е.П. Пешковой от 8 ноября во вступит. статье.

³ «Розочка» — В.М. Ходасевич — уехала по приглашению Горького в ноябре 1922 г. и гостила у него в Саарове под Берлином до мая 1923 г.

Раздел I. ПУБЛИКАЦИИ

⁴ Троицкий Николай Степанович (1879–1922), профессор медицины, вместе с И.И. Манухиным лечил Горького от обострения лёгочной болезни в марте 1916 г. (см.: *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М.: Наука, 2006. Т. 12. С. 35, 36, 39).

12.

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-1-12-8), впервые.

Ответ на неразысканное письмо Горького.

¹ Вероятно, не были отправлены письма 8, 10 и 11.

² По трудам Д.И. Менделеева Гейнце училась в Академии. Она, конечно, помнила, что только что Горький в своём воззвании «Честные люди» обращался к культурным людям Европы и Америки с просьбой помочь «хлебом и медикаментами» в грозные дни своей страны — «страны Льва Толстого и Достоевского, Менделеева и Павлова, Мусоргского и Глинки» (*Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М.: Наука, 2007. Т. 13. С. 203), из имён учёных назвал только эти два.

³ Ховин Виктор Романович (1881–1943), литературный критик, автор книги «На одну тему» (Пг., 1921. 100 с., 3000 экз.) со статьями о В.В. Розанове, В.В. Маяковском, А. Белом, А.А. Блоке и др. Владелец частного издательства «Очарованный странник» и магазина «Книжный угол», издатель и редактор журнала с тем же названием (выходил в Петрограде с 1918 до февраля 1922 г.). См. о нём: *Литературная жизнь России 1920-х годов: Москва и Петроград 1921–1922 гг.:* В 2 т. Т. 1. М., ИМЛИ РАН, 2005. Указатель.

⁴ В «Книжном магазине В.Р. Ховина» (ул. Фонтанка, 5) Гейнце могла купить книгу: *Эйнштейн А.* Теория относительности: Общедоступное изложение / Пер. с нем. Г.Б. Ительсона. <Берлин>: Слово, 1921. 151 с. Книга есть в ЛБГ с пометами неустановленного лица (ОЛБГ. 208). См. п. 13 и примеч.

⁵ Тонков Владимир Николаевич (1872–1954), учёный-анатом, с 1915 г. профессор и заведующий кафедрой анатомии в Военно-медицинской академии, в 1917–1925 гг. председатель ВМА, заслуженный деятель науки, действительный член АМН СССР (1944). С Горьким работал в Объединительном Совете научных учреждений и в Петрокубу; их совместная деятельность по защите науки и учёных в 1920-е годы широко представлена в опубликованной переписке (*Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М.: Наука, 2007. Т. 13. Указатель). Об отрицательном отношении к Тонкову Гейнце пишет и в письме к сестре (п. 17). Возможно, она, студентка Академии, могла наблюдать какие-то черты в характере своего начальника, о которых мы не можем судить. Горький своего отношения к Тонкову не менял (см.: *Спиридонова Л.А.* Переписка М. Горького и В.М. Молотова // Горький и его адресаты. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 35).

⁶ В период наибольшей близости Молекулы с Горьким в Москве проходил III конгресс Коминтерна (с 22 июня по 12 июля 1921 г.), по докладу Ленина принявший программу перехода от военного коммунизма к нэпу. Горький за границей столкнулся с фактами бесконтрольного расходования коминтерновских средств и обратил на это внимание Ленина (в письме от 22 ноября 1921 г.): огромные деньги, идущие из Москвы в компартии Запада, часто попадают в руки

«интернационалистских жуликов», которые обворовывают русского рабочего, «тратя деньги не на пропаганду и агитацию, а на свои жульнические делишки» (*Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 13. М.: Наука, 2007. С. 262–263, 612–615). О том же он писал и Р. Роллану: «Мне известно, что коммунистические организации Европы получают большие деньги из Москвы, в то время как треть России поддыхает от голода, а власть собирает милостыню у капиталистов той же Европы» (*Там же.* Т. 14. С. 25–27). Горького волнует, может ли пролетариат Европы помешать «процессу поглощения России капиталом Европы?». Об этих переживаниях Горького М.А. Гейнце знала, судя по её письмам и рисункам.

⁷ См. п. 11 и примеч. 4.

⁸ В.М. Ходасевич ездила в Москву по своим театральным делам: «Первая театральная работа в Москве» (*Ходасевич В.* Портреты словами. М., 2008. С. 184–185). Диди — её муж, А.Р. Дидерихс.

⁹ Соловьёшка — И.Н. Ракицкий.

¹⁰ Иван Павлович Ладыжников.

13.

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-1-12-4), впервые.

Датируется по содержанию.

¹ Ответил ли Горький на просьбу Гейнце, не установлено.

С теорией А. Эйнштейна Горький ознакомился по мере появления его книг и книг о нём на русском языке. В ЛБГ хранятся книги: *Шмидт Г.* Теория относительности и наше представление о вселенной: Общедоступное изложение теории проф. А. Эйнштейна о времени и пространстве. Берлин: изд-во И.П. Ладыжникова, 1921, с пометами Горького; *Эйнштейн А.* Теория относительности: Общедоступное изложение / Пер. с нем. Г.Б. Ительсона. <Берлин>: Слово, 1921. 151 стр. с пометами неустановленного лица (*ОЛБГ.* 199, 208). Вполне вероятно, что эти книги читала и Молекула, и изложила Горькому принципы теории относительности в своём понимании. Об отношении Горького к идеям Эйнштейна говорят его январские письма 1922 г. к И.Н. Ракицкому, увлечённому, как и многие в то время, новой теорией. 3 января 1922 г. Горький писал: «Так Эйнштейна Вы уразумели до конца? Хотелось бы поговорить с Вами об этом». Через несколько дней возвращался к теме: «Вы всё ещё находитесь под обаянием Эйнштейна, а я уже вспомнил старикашку Протагора, сущность взглядов которого на явления мира и роль человека в мире изложена так: “Человек есть мера всех вещей, существующих, не существующих — что они не существуют. *Противоположные утверждения одинаково верны*”. Мне особенно нравится мысль, подчеркнутая мною, — на мой взгляд, она даёт полный простор и ограниченную только ограниченностью разума нашего свободу всем верованиям, фантазиям, идеям, которые нам угодно любить, или против которых мы желаем бороться. Таким образом — принимая Протагора — я шёл бы против себя, если б не признал за теорией Эйнштейна её серьезнейшего значения или улыбался бы над Вашим увлечением этой теорией» (*Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М.: Наука, 2009. Т. 14. С. 7, 16). Горький хотел участия Эйнштейна в своём журнале «Беседа», но оно не состоялось (см.: *Там же.* Указатель).

Раздел I. ПУБЛИКАЦИИ

² Павлов Иван Петрович (1849–1936), физиолог, академик Петербургской АН (1917), лауреат Нобелевской премии (1904). Преподавал в Военно-медицинской академии.

³ Об интенсивности работы В.М. Ходасевич в театре «Народная комедия» (существовал с января 1920 по февраль 1922 г.) см. в её книге «Портреты словами» (М.: 2008. С. 165–173).

⁴ Вера Леонтьевна Кякшт — жена Е.Г. Кякшта. См. примеч. 2 к п. 11.

⁵ *Partie de plaisir* (франц.) — путешествие для удовольствия, увеселительная поездка.

14.

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-1-12-9), впервые.

Ответ на разысканное письмо Горького от апреля 1922 г.

¹ Письмо не разыскано.

² Реакция М.А. Гейнце на сенсационную книгу О. Шпенглера и её описание здесь достаточно типичны как читательская реакция в самый момент появления книги и не лишены известной чуткости. В том числе отмечена неточность в переводе заглавия книги; слово «Abendland» в заглавии Шпенглера связано с его основной концепцией: «Abendland» — это именно Запад, «вечерний», западный мир, для Шпенглера исключавший Россию. Самое понятие Европы в книге он отрицал и называл «пустым звуком»: «Одно только слово “Европа” с возникшим под его влиянием комплексом представлений связало в нашем историческом сознании Россию с Западом в некое ничем не оправданное единство» (*Шпенглер О. Закат Европы*: В 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 145). Русский перевод под укоренившимся заглавием появился отдельным изданием только в 1923 г., но для русских читателей книга сразу возникла как «Закат Европы» (см. уже известную Гейнце и отмеченную здесь ею русскую философскую критику о Шпенглере: Освальд Шпенглер и Закат Европы. Н.А. Бердяев, Я.М. Букшпан, Ф.А. Степун, С.Л. Франк. М.: Берег, 1922. С реакцией на радикальный пессимизм философии Шпенглера у читательницы соединяется признание за ним «напряжённого таланта и своей интуиции», «органа четвёртого измерения». Гейнце сумела заметить, что в шпенглеровской культурологии пропущено христианство как универсальная мировая сила. Книга Шпенглера в издании 1923 г. с горьковскими пометами хранится в ЛБГ (ОЛБГ. 206). Шпенглер — в числе имён, намеченных Горьким для приглашения к участию (разумеется, несостоявшемуся) в его берлинском журнале «Беседа».

³ См. п. 13 и примеч. 1.

⁴ Максимов Александр Александрович (1874–1928), крупный российский учёный, гистолог и эмбриолог, автор работ, на основе которых развивается современная клеточная биология и регенеративная медицина. Родился в купеческой православной семье, в 1896 г. окончил Императорскую Военно-медицинскую академию в Санкт-Петербурге, с 1903 г. руководил кафедрой гистологии и эмбриологии ВМА, проф. Петроградского университета, член-корреспондент Российской Академии наук с 1920 г. Зимой 1922 г. покинул Россию (по воспоминаниям, последней каплей стал приказ убирать метлой двор). В апреле 1922 г. стал профессором анатомии в Чикагском университете. Фундаментальный итоговый труд — монография «Соединительная ткань и кроветворные ткани». По его учебным пособиям учатся студенты России и разных стран мира.

⁵ Аничков Николай Николаевич (1885–1964), учёный-патолог. Из старинного дворянского рода (мать, Л.И. Аничкова, — дочь священнослужителя И.В. Васильева, участвовавшего в постройке православного собора Св. Александра Невского на ул. Дарю в Париже). Окончил, как и А.А. Максимов, Императорскую Военно-медицинскую академию в 1909 г., в 1912–1913 гг. стажировался за границей, в Первую мировую войну врач полевого военно-санитарного поезда. С 1920 г. до конца жизни — профессор и заведующий отделом патологической анатомии Института экспериментальной медицины, в 1920–1939 гг. заведовал кафедрой патологической физиологии в ВМА; подготовил более 260 научных трудов. В Санкт-Петербурге на зданиях ИЭМ и ВМА установлены мемориальные доски в память Н.Н. Аничкова. См. о нём: *Аничков Н.М.* Первооткрыватель в патологии. К 125-летию со дня рождения академика Н.Н. Аничкова // Вестник РАН. 2010. Вып. 11. С. 1005–1012.

⁶ Ллойд-Джордж (Lloyd George) Давид (1863–1945), премьер-министр Великобритании в 1916–1922 гг. Возможно, шутку Молекулы вызвало какое-то замечание Горького в неизвестных нам письмах Горького к ней, относящееся к изменениям политического курса британского премьера в сторону налаживания отношений с Советской Россией (см. письма Горького к П.П. Крючкову и И.П. Ладыжникову от 13 января 1922 г. и примеч.: *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М.: Наука, 2009. Т. 14. С. 14–15, 365–366).

⁷ Штейнах (Steinach) Эйген (1861–1944), австрийский физиолог; работал над проблемой омолаживания. Штейнах «успешно ищет средства продлить жизнь человека, побороть явления старости и — находит», — писал Горький в статье «Друзьям русских учёных» в сентябре 1922 г. (*Там же.* С. 102). Имя А.М. Ремизова в связи со Штейнахом объясняется тем, что почти любое лицо или книга, упоминаемые в письмах Молекулы, называются не случайно — они в то же время присутствуют в сознании Горького. Скорее всего, она здесь отвечает на горьковское письмо из Берлина, куда он приехал 4 апреля 1922 г., а 9 апреля здесь состоялась его встреча с Ремизовым и другими писателями, о чём он мог ей написать, возможно, в шутливом тоне, какой она и поддерживает в ответном письме (см. п. Горького А.М. Ремизову от 23 февраля 1922 г. и примеч.: Там же. С. 33–34, 383–384).

⁸ См. п. 12, примеч. 8.

⁹ «С Дидишей» — с А.Р. Дидерихсом, мужем В.М. Ходасевич.

¹⁰ Идея была осуществлена; см. об этом письмо Е.П. Пешковой к сыну от 26 октября 1922 г. (АГ. ФЕП-рзн-9-28-24), вступит. статью и примеч. 2 к п. 11.

15.

Печатается по тексту на телеграфном бланке АРА с датой 10 VII — 22 (АГ. КГ-рзн-1-12-13), впервые.

Телеграмма была направлена в Германию, в Гамбург. Благодарность за посылку от АРА (American Relief Administration), Американской административной помощи. Деятельность АРА в 1921–1922 г. была разрешена в России в связи с катастрофическим голодом.

Раздел I. ПУБЛИКАЦИИ

16.

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-1-12-10), впервые.

¹ См. вступит. статью.

² Институт художественной культуры (Инкус) был создан в Москве при отделе ИЗО Наркомпроса в 1920 г. как научно-исследовательская организация живописцев, графиков, искусствоведов, архитекторов. Был связан с рядом творческих и учебных заведений (ВХУТЕМАС, ЛЕФ). В 1925 г. Инкус как объединение распался. В.Е. Татлин был направлен в качестве преподавателя на Украину. В 1927 г. вернулся в Москву. См. вступит. статью.

³ Брак М.А. Гейнце с В.Е. Татлиным распался к 1925 году.

⁴ Шрифштеллер (от нем. Schriftsteller) — писатель.

⁵ Комментарий к «рисуночкам» Молекулы см. во вступит. статье.

17.

Печатается по А (АГ. ПТЛ-6-49-1), впервые.

¹ Елена Александровна Гейнце (1900 — не ранее 1955), врач, сестра М.А. Гейнце. В 1926 г. окончила 1-й Ленинградский медицинский институт. В 1927–1929 гг. заведовала лабораторией при детской больнице им. Н.Ф. Филатова в г. Горьком. В начале 1930-х годов работала в Институте им. Л. Пастера в Ленинграде. С 1938 г. Е.А. Гейнце — ассистент кафедры микробиологии Ленинградского педиатрического института. В начале Великой Отечественной войны была мобилизована в ряды Советской Армии, работала в лабораториях эвакуационных госпиталей. В 1947 г. защитила кандидатскую диссертацию. С 1951 г. работала на кафедре микробиологии ЛМСИ, впоследствии — в Калининском медицинском институте, где временно исполняла обязанности заведующего кафедрой микробиологии. В 1955 г. была избрана на должность доцента, имела 12 печатных работ.

Е.А. Гейнце награждена двумя медалями: «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» (1947) и «За трудовую доблесть» (1951).

² Вероятно, имеется в виду Милютин Владимир Павлович (1884–1937), революционер, государственный деятель, в начале 1920-х годов — один из руководителей ВСНХ СССР.

³ О профессоре В.Н. Тонкове см. п. 12, примеч. 5.

⁴ См. п. 14, примеч. 4.

⁵ См. п. 13, примеч. 1.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Подготовка текста и примечаний
Е.В. Кудриной

«СПИСОК РАКИЦКОГО»

Иван Николаевич Ракицкий (1883–1942) — художник, которого познакомил с Горьким В.М. Ходасевич. Она сдружилась с Ракицким в Мюнхене, где он и его друг, Андрей Романович Дидерихс, — будущий муж В.М. Ходасевич — учились живописи. Однажды придя к Горькому на Кронверкский проспект в 1918 г., он остался в семье Пешковых до конца своих дней. Вот как описала это вхождение в семью Горького В.М. Ходасевич: «Ракицкий пришёл на Кронверкский проспект в сентябре, прямо из Петергофских казарм (по возвращении из Крыма он был мобилизован), в военной форме нижнего чина. Его встретила Мария Фёдоровна, очевидно знавшая о нём от Алексея Максимовича, и, оглядев, спросила: “Вы из казармы? Вероятно, там очень грязно? Может, и насекомые есть? Таким я Вас не пушу к Алексею. Я устрою Вам сейчас ванну, и Вы переоденетесь в чистое бельё и костюм Алексея Максимовича”.

Всё это было проделано. К вечеру, когда Ракицкий хотел уезжать, Мария Фёдоровна сказала, что она его не отпустит, так как он мобилизован, конечно, по недоразумению, жить он останется у них, а завтра она уладит его военные дела.

Иван Николаевич, любивший всё необыкновенное, слабо протестовал и остался в доме Алексея Максимовича... на всю жизнь» (1, 143).

Своё домашнее прозвище «Соловей» Ракицкий получил, по воспоминаниям В.М. Ходасевич, ещё в 1911 г. в Париже за красивый голос (1, 143).

Просторную квартиру на Кронверкском проспекте, 23 Горький снимал с 1914 по 1921 годы¹. В эти годы Горький организовал демократическое издательство «Парус» и собственный журнал «Летопись», являлся главным

редактором газеты «Новая жизнь» (апрель 1917 — июль 1918), в которой публиковал цикл статей, выразивших его отношение к революции («Несвоевременные мысли»). Горький объединял вокруг себя молодых талантливых авторов (В.В. Маяковского, И.Э. Бабеля, К.А. Федина, А.П. Чапыгина, Вс. Иванова и др.), привлекал к участию В.Я. Брюсова и А.А. Блока, издавал сборники начинающих пролетарских писателей и сборники национальных литератур. После октября 1917 года Горький много сил отдавал сохранению памятников культуры и помощи литераторам и учёным. Горький в эти годы — инициатор создания издательства «Всемирная литература» (1918) и Большого драматического театра (1919; в 1932–1992 БДТ им. М. Горького), при его поддержке был основан «Дом искусств». С января 1920 года М. Горький был председателем Петроградской комиссии по улучшению быта учёных (ЦКУБУ), комиссии Петросовета по борьбе с детской преступностью, комиссии посылке учёных для культурно-просветительной работы в армию и флот, экспертной комиссии Наркомвнешторга и др. Живя на Кронверкском, он задумал серию биографий великих людей всех времён и народов (впоследствии «Жизнь замечательных людей») и пригласил участвовать в ней К.А. Тимирязева, И.А. Бунина, Р. Роллана и Г. Уэллса, который в сентябре 1920 г. приезжал в Россию и жил у М. Горького на Кронверкском.

Таким образом, гостеприимная квартира Горького являлась одним из центров культурной и общественной жизни города в голодные и холодные годы революции и Гражданской войны и напоминала «коммуну», в которой находили пристанище многие деятели науки и искусства.

И.Н. Ракицкий обладал незаурядными талантами, в частности умел рассказать о человеке по его почерку и мог предсказывать будущее. Об этих способностях вспоминал А. Афиногенов: «Соловей, Николай Иванович², читает почерка, предсказывает смерти и собирается во Владивосток. Со стороны он большой и грузный и малоразговорчив, занимается цветами и растениями в саду, на деле, верно, застенчивый и мягкий человек, говорит просто, рассказывает поразительные случаи из своих предсказаний, говорит — линии на руке меняются, абсолютных предсказаний бывает мало, [о] тех, которых знаю, уже ничего не могу сказать по почерку, сбиваюсь. Читает лоцию, готовится к тропикам и морским болезням» (2, 155). Характеризуя Ракицкого, А. Афиногенов упомянул хобби Ракицкого: цветоводство. Действительно, Ракицкий разводил кактусы, выводил новые сорта хризантем, занимался садом, о чем неоднократно в письмах упоминал Горький.

Ещё одной страстью Ракицкого были путешествия. При поддержке Горького Иван Николаевич в 1932 году совершил успешное полукругосветное плавание. Устроившись во Владивостоке на небольшой советский рыболовецкий сейнер, Ракицкий побывал во многих городах и странах от Владивостока до Неаполя (1, 291).

Однако главным увлечением Ракицкого на протяжении всей жизни была живопись. Сохранилось два эскизных портрета Горького, выполненные И.Н. Ракицким углём в 1919 г., т. е. в период жизни на Кронверкском. Один из них был опубликован в книге: М. Горький в портретах и фотографиях. К 35-летию литературной деятельности. М.: Огонёк, 1927. С. 44 (под репродукцией подпись: хранится в Пушкинском доме при Академии наук СССР). Другой — в книге: Портреты М. Горького. М.; Л., 1932. С. 15.

Портрет самого Ракицкого был выполнен В.М. Ходасевич в 1915 г. в Финляндии, когда они гостили в небольшом имении младшего брата А.Р. Дидерихса, и ныне эта работа хранится в Третьяковской галерее (З, 489).

Ракицкий был не только одним из самых близких людей в окружении Горького, не только другом семьи, крёстным отцом Марфы Максимовны Пешковой, но и участником-свидетелем многих событий, память о которых он унёс с собой. Умер он в Ташкенте 31 мая 1942 г., куда был эвакуирован вместе с Н.А. Пешковой (Тимошей) и её дочерьми, внучками Горького. О прощании с Ракицким оставил воспоминания Вс. Иванов. В своём дневнике он записал: «Два дня назад похоронили И.Н. Ракицкого. Он много знал о Горьком и всё унёс в могилу. Возле морга, в толпе, стоял гроб с трупом. Никто не обращал внимания. Из морга выносили гробы, подъезжал ослик. Ждали оркестр. Наконец появились дроги. Возница, невероятно вежливый, словно баптист, подошёл и сказал, указывая на одну из кляч: “Вот та, помоложе, стоит, а эти уже упали, бедняжки. Они на подножном корму. Прикажете ехать?”. Оркестр так и не появился. Поехали. Пыльно. Заболела от жары голова. Колымага качалась на рытвинах, и однажды гроб чуть не свалился — благо художник Басов подхватил его. Спорили у могилы — всем показалось, что могила коротка, и сомневались, выдержат ли тряпичные верёвки тяжесть гроба. Могильщик и его жена в красной юбке лопатой мерили гроб и могилу. Уже могилу закапывали, когда тот же проворный Басов догадался призвать оркестр “с соседнего покойника” — молодых музыкантов в парусиновых штанах и тёмных рубашках, с инструментами в чехлах. Кто-то из них сказал пьяным голосом: “Давай Шопена”. Сыграли два отрывка и ушли. Ушли и мы» (4, 86–87). Так закончился земной путь этого незаурядного человека.

К сожалению, И.Н. Ракицкий³ не оставил воспоминаний, но существенным вкладом в горьковедение являются составленные им списки посетителей Горького.

Список лиц, посещавших Горького на Кронверкском проспекте, д. 23 в 1917–1921 годах, хранящийся в АГ (Био-3-72), представляет собой машинопись на восьми не сшитых между собой листах с приписками и пометами простым карандашом рукой неустановленных лиц, предположительно, И.Н. Ракицкого и Р.Г. Бейслехем.

Список И. Ракицкого был передан в дар АГ сотрудницей Института мировой литературы им. А.М. Горького Ревеккой Генриховной Бейслехем 15 мар-

та 1984 г. наряду с другими документами биографического характера. Он был принят в фонд АГ 20 марта 1984 г., о чем в АГ имеется соответствующая запись (Книга поступлений 2160/1-17, протокол № 2 ЭЗК). К сожалению, пока не установлено, как и при каких обстоятельствах этот документ оказался в руках сотрудницы ИМЛИ, кем ей был передан, когда был создан.

С полной уверенностью можно сказать, что «Список Ракицкого» (и приписки), появился после 1924 г., так как в тексте фигурирует новое название города — Ленинград (Постановлением II Всесоюзного Съезда Советов ССР от 26 января 1924 г. Петроград был переименован в Ленинград).

Можно предположить, что документ был напечатан после смерти Горького, то есть после 1936 г. и мог быть дополнен значительно позже. Об этом косвенно свидетельствует то, что в характеристиках лиц присутствуют указания на их местонахождение на момент составления списка (после эмиграции), а также не включены персоны *non grata*, например, П.П. Крючков.

Всего в списке 251 человек (без учёта членов семей посетителей), 38 из которых вписаны карандашом. Имена (имя и фамилия полностью, фамилия и инициалы, только фамилия) расположены в столбик в приблизительном алфавитном порядке. Иногда рядом с именем посетителя фигурирует краткая справка биографического характера, или знак вопроса, или фраза «нужно проверить» рядом с именем Сталина.

Горький в 1917–1921 годы одержим идеей сохранения культуры, поэтому среди гостей дома: люди искусства (художники, актёры, поэты и писатели); люди, связанные с издательскими проектами Горького; научные работники, музейные сотрудники и члены экспертных советов; служащие (военные, чиновники, партийные работники и проч.).

В квартире Горького в указанные годы постоянно проживали, помимо Алексея Максимовича, Мария Фёдоровна Андреева (вписана карандашом), Иван Николаевич Ракицкий (вписан в машинопись с краткой ироничной характеристикой «Рисовал углём Горького»), Пётр Петрович Крючков (не упомянут), Мария Игнатьевна Бенкендорф-Закревская (не упомянута, вписан только некий «родственник М.И. Бенкендорф» Б. Ионин), Мария Александровна Гейнце, Валентина Михайловна Ходасевич с мужем Андреем Романовичем Дидерихсом.

В публикуемом тексте курсивом набраны слова и фамилии, вписанные в машинописный текст рукой неустановленного лица. Все фамилии и характеристики приводятся по автографу.

Приложение. «СПИСОК РАКИЦКОГО»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В 1932–1991 гг. проспект носил имя М. Горького. Сейчас на доме — гранитная мемориальная доска, выполненная архитектором М.Ф. Егоровым, которая гласит: «В этом доме жил с 1914 г. по 1921 г. Алексей Максимович Горький. Возобновлена в 1960 г.».

² Афиногенов ошибся, верно: Иван Николаевич.

³ Подробнее об И.Н. Ракицком см.: Давыдова И.И. Рядом с Горьким // Русская литература и журналистика в движении времени. Ежегодник 2015 / Под ред. проф. Е.И. Орловой. М.: Факультет журналистики МГУ, 2016. С. 235–256.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ходасевич В.М.* Портреты словами. М., 2009.
2. *Афиногенов А.* Дневники и записные книжки. М.: Сов. писатель, 1960.
3. Государственная Третьяковская галерея. Живопись XVIII — начала XX века (до 1917 года): Каталог. М.: Изобраз. искусство, 1984.
4. *Иванов Вс.* Дневники. М., 2001.

Раздел I. ПУБЛИКАЦИИ

Здесь приведены только те лица, которых я неоднократно <видел> или знал, что Горький их видел на Кронверкском 23. Случайные посетители: за помощью и т.д. — не упомянуты.

Лица, посещавшие А.М. Горького на Кронверкском проспекте, д. 23 в Ленинграде в 1917–1921 годах.

Авилов Новая жизнь

АВИЛОВ Борис Васильевич (1874–1938), политический деятель, литератор; один из редакторов газеты «Новая жизнь»

Альтман Натан — художник

АЛЬТМАН Натан Исаевич (1889–1970), живописец, график, театральный художник, скульптор; в 1910–1912 гг. и в 1928–1935 гг. жил в Париже.

Аненков Юрий — художник, писал портрет с А.М.

АННЕНКОВ Юрий Павлович (псевд. Б. Темирязов) (1889–1974), живописец, график, художник театра и кино, литератор. Автор портрета М. Горького (1920).

Амфитеатров А.В. писатель

АМФИТЕАТРОВ Александр Валентинович (псевд. Old Gentleman, Абадонна, ИКС и др.; 1862–1938), писатель, драматург, публицист, литературный, музыкальный и театральный критик, журналист, переводчик, мемуарист. В эмиграции с 1921 г.

Алпатов профес.

Имеется в виду: АПАТОВ Александр Леонтьевич (1886(1888)–?), член Президиума Петроградской Комиссии по улучшению быта учёных (ПетроКУБУ), сотрудник Института экономических исследований и член постоянной комиссии по изучению естественных производительных сил России; преподаватель геофизики в Военно-медицинской академии.

Аргутинский Долгоруков Сотрудник музея Эрмитажа

АРГУТИНСКИЙ-ДОЛГОРУКОВ Владимир Николаевич (1874–1941), князь, лекционер, искусствовед; один из организаторов «Русских сезонов» в Париже. После Февральской революции (до 1920 г.) хранитель Государственного Эрмитажа, член Совета Русского музея. В 1919 г. был привлечён Горьким к работе Оценочно-антикварной комиссии в качестве эксперта.

Алексеев академик. Синолог?

АЛЕКСЕЕВ Василий Михайлович (1881–1951), востоковед. Преподавал синологию в ЛГУ, Московском институте востоковедения и др. В 1918 г. избран профессором Петроградского университета по кафедре китайской словесности. В декабре 1923 г. избран членом-корреспондентом Российской АН.

Аврамов Р.П.

АВРАМОВ (Авраамов) Роман Петрович (1882–1937), общественный деятель, участник рабочего движения в Болгарии; издательский работник.

Андреева М.Ф. жила постоянно на Кронверкском

АНДРЕЕВА (урожд. Юрковская, в первом браке Желябужская) Мария Фёдоровна (1869–1953), актриса, общественный деятель; гражданская жена Горького.

Приложение. «СПИСОК РАКИЦКОГО»

Бабель И.Э. — писатель

БАБЕЛЬ (наст. фам. Бобель) Исаак Эммануилович (1894–1940), писатель.

Бакаев Иван — председ.: ЧК в Ленинграде

БАКАЕВ Иван Петрович (1887–1937), партийный деятель, председатель Петроградской Чрезвычайной комиссии (Петрогуб ЧК, ПЧК), организатор «красного террора» в Петрограде.

Батый-Батенин — бывш. офицер — воен. спец. и писатель, с женой

БАТЕНИН Эразм Семёнович (псевд. Э. Батени) (1883–1937), бывший штабс-ротмистр, во время революции — помощник главкома военной охраны Петрограда при А.Ф. Керенском; писатель, научный работник, действительный член Общества естествознания, антропологии и этнографии.

Сведения о жене не разысканы.

Базаров

БАЗАРОВ (наст. фам. Руднев) Владимир Александрович (1874–1939), философ, экономист, литературный критик, публицист, социал-демократ, переводчик «Капитала» К. Маркса.

Буренин Н.Евг.

БУРЕНИН Николай Евгеньевич (1874–1962), музыкант, участник революционного движения.

Бунин Ив. ?

БУНИН Иван Алексеевич (1870–1953), писатель, поэт, публицист, переводчик, мемуарист. Горький привлекал Бунина к сотрудничеству в журналах «Жизнь», «Летопись», издательствах «Знание», «Парус». В «Знании» вышло первое собрание сочинений Бунина (1904–1909). В эмиграции с 1920 г.

Бальмонт — поэт

БАЛЬМОНТ Константин Дмитриевич (1867–1942), поэт.

Бонч-Бруевич профес.

БОНЧ-БРУЕВИЧ Владимир Дмитриевич (1873–1955), общественный деятель, историк, издатель и редактор. Возглавлял издательство «Жизнь и знание» (Пб., 1909–1918), которое закончило начатое «Знанием» первое собрание сочинений Горького. В 1917–1920 гг. являлся управделами Совета Народных Комиссаров. Участвовал в создании Госиздата РСФСР.

Бахметьев проф.

БАХМЕТЕВ Борис Александрович (1880–1951), учёный-гидравлик, инженер, физик, государственный и общественный деятель. Работал в Политехническом институте (с 1905, с 1913 проф.). Работал над первыми проектами гидростанций на Днепре, Волхове и др. реках. В 1915 г. командирован в США для координации военных поставок в Россию. Вернулся в Петроград в 1916 г., с марта 1917 г. заместитель министра торговли и промышленности Временного правительства, с апреля — посол России в США.

Богданов

БОГДАНОВ (наст. фам. Малиновский; псевд. Максимов, Рядовой, Вернер, Рахметов, Рейнерт, Сысойка) Александр Александрович (1873–1928), учёный, публицист, поли-

Раздел I. ПУБЛИКАЦИИ

тический деятель, автор научно-фантастических романов. Один из идеологов и организаторов Пролеткульта, член Коммунистической академии.

Блок Александр — поэт

БЛОК Александр Александрович (1880–1921), поэт.

Браз — художник

БРАЗ Осип (Иосиф) Эммануилович (1873–1936), живописец; художественный эксперт, после Февральской революции входил в Совет Эрмитажа (1917–1928). В эмиграции с 1928 г.

Бенуа А.Н. — худ.

БЕНУА Александр Николаевич (1870–1960), художник, историк искусства, театральный критик, режиссёр, мемуарист. После 1917 г. член Коллегии по делам музеев при Наркомпросе, способствовал сохранности и реорганизации Эрмитажа, Русского музея, Петроградских дворцов и парков. В 1918 г. был привлечён Горьким к работе Оценочно-антикварной комиссии в качестве эксперта, в издательство «Всемирная литература».

Борисов Художник — (север)

БОРИСОВ Александр Алексеевич (1866–1934), исследователь полярных земель, художник, первый живописец Арктики, писатель, общественный деятель.

Борисов — актёр

БОРИСОВ (наст. фам. Гурович) Борис Самойлович (1872–1939), актёр, певец.

Беляев М.Д. — пушкинист

БЕЛЯЕВ Михаил Дмитриевич (1884–1955), историк литературы, пушкинист; музейный работник. С 1918 г. работал в Пушкинском Доме; в 1921–1929 гг. заведующий музеем Пушкинского Дома. Через Беляева в 1918 г. в Пушкинский Дом была передана часть архива Горького из квартиры на Кронверкском проспекте.

Бялик — поэт

БЯЛИК Хаим Нахман (1873–1934), еврейский писатель. В 1918 г. Горький пытался привлечь Бялика к участию в сборнике «Евреи на Руси».

Бродский Исаак — худ.

БРОДСКИЙ Исаак Израилевич (1883–1939), живописец, график, педагог. Автор портрета М. Горького (1936).

Бадаев

БАДАЕВ Алексей Егорович (1883–1951), большевик, партийный деятель, председатель Петроградской продовольственной управы.

Брусиллов генерал

БРУСИЛОВ Алексей Алексеевич (1853–1926), генерал царской армии, с 1916 г. главнокомандующий Юго-Западным фронтом, в мае-июле 1917 г. Верховный Главнокомандующий русской армии.

Брик Лидия

БРИК Лиля Юрьевна (1891–1978), жена литератора О.М. Брика; супруги входили в ближайшее окружение В.В. Маяковского.

Браиловская Римма — художница

Приложение. «СПИСОК РАКИЦКОГО»

БРАИЛОВСКАЯ (урожд. Шмидт) Римма Никитична (1877–1959), живописец, график, художник декоративно-прикладного искусства.

Блох скульптор

БЛОХ Михаил Фёдорович (Моисей Фебович) (1885–1920), скульптор. Автор портретов А.М. Горького (1917–1918), К.И. Чуковского (1918) и др.

Бруни Лев — худ — с женой, урождённой Бальмонт или м.б. племянницей Б-та

БРУНИ Лев Александрович (1894–1948), художник, иллюстратор.

БАЛЬМОНТ Нина Константиновна (1901–1989), дочь поэта К.Д. Бальмонта и Е.А. Андреевой (1868–1952). Жена Л.А. Бруни.

Бурлюки братья *художники*

БУРЛЮК Давид Давидович (1882–1967), поэт, живописец.

БУРЛЮК Владимир Давидович (1886–1917), художник.

БУРЛЮК Николай Давидович (1890–1920), писатель.

Ватагин скульптор

ВАТАГИН Василий Алексеевич (1883–1969), график, скульптор.

Верейский сотрудник Эрмитажа и художник

ВЕРЕЙСКИЙ Георгий Семёнович (1886–1962), график, живописец. В 1918–1930 гг. работал в отделении гравюр Эрмитажа.

Вырубова-Танеева *Анна*

ВЫРУБОВА (урожд. Танеева) Анна Александровна (1884–1964), фрейлина императрицы Александры Фёдоровны (с 1904 г.), мемуаристка. В эмиграции с 1920 г.

Войтинская

ВОЙТИНСКАЯ-ЛЕВИДОВА Надежда Савельевна (1886–1965), художница, переводчица, писательница, литературовед. Сестра политического деятеля и писателя В.С. Войтинского.

Венгров Натан — литератор и актёр? с женой

ВЕНГРОВ Натан (наст. имя Моисей Павлович; 1894–1962), поэт, прозаик, литературный критик.

КОБЕЛЕВА Александра Михайловна (1897–1982), жена Н. Венгрова.

Вернадский профес.

ВЕРНАДСКИЙ Владимир Иванович (1863–1945), учёный, основатель геохимии, биогеохимии, радиогеологии, философ, общественный деятель; академик Петербургской АН (1912), один из основателей и первый президент АН УССР (1919). Один из организаторов и председателей Комиссии по изучению естественных производительных сил России (1915–1930).

Вылка — художник

ВЫЛКА (ВЫЛКО) Тыко (наст. фам. и имя Вылка Илья Константинович; 1886–1960), ненецкий художник, сказитель, общественно-политический деятель. Стоял у истоков ненецкой литературы.

Вольский Станислав литератор (*Соколов*)

Раздел I. ПУБЛИКАЦИИ

ВОЛЬСКИЙ Станислав (наст. фам. и имя Соколов Андрей Владимирович; 1880–?; псевд. Станислав, Валериан, Николай Николаевич, Савельев; А. Вольский, Андрей Вольский, А.В., С.В., Вильям Симпльтон), писатель, политический деятель, член редколлегии «Новой жизни».

Вержбицкий член эксп. комиссий — антиквар

Вероятно, имеется в виду: ВЕРЖБИЦКИЙ Николай Константинович (1889–1973), писатель, журналист, сотрудник РОСТА — Российского телеграфного агентства (1919–1921); автор книг «Встречи с Есениным» (1961), «Записки старого журналиста» (1961) и др. С апреля 1924 г. — сотрудник газеты «Заря Востока» (Тифлис).

Гауш А. художник

ГАУШ Александр Фёдорович (1873–1947), художник группы «Мир искусств»; коллекционер, меценат.

Гартман Влад. Павлинович — член экспертн. ком.

ГАРТМАН Владимир Паулинович (1885–1937), адвокат, заведующий книжным отделом в магазине «Международная книга».

Гессен

ГЕССЕН Иосиф (Осип) Владимирович (1865–1943), общественный и политический деятель, адвокат, публицист, мемуарист; один из организаторов кадетской партии, редактор газет «Право» и «Речь». В эмиграции с 1919 г.

Гейнце Мария (молекула)

ГЕЙНЦЕ Мария Александровна (домашнее прозвище Молекула; 1902–1930), дочь нижегородского аптекаря А.К. Гейнце (1874–1905), который вместе с Горьким занимался строительством Народного дома и организацией Народного театра. Студентка Военно-медицинской академии в Петрограде. По приглашению Горького постоянно проживала на Кронверкском, 23.

Галлен финский художник

ГАЛЛЕН-КАЛЛЕЛА Аксели (наст. фам. Галлен; 1865–1931), финский художник шведского происхождения. Автор портрета М. Горького (1906).

Городецкий С — писатель

ГОРОДЕЦКИЙ Сергей Митрофанович (1884–1967), поэт, переводчик.

Гиршман с женой (портрет Серова)

ГИРШМАН Владимир Осипович (1867–1936) — предприниматель, коллекционер, антиквар и меценат. В эмиграции после 1917 г. Портрет В.О. Гиршмана В. Серов написал в 1911 г.

ГИРШМАН (урожд. Леон) Генриэтта (Генриетта) Леопольдовна (1885–1970), художник, меценат; жена В.О. Гиршмана. Портрет Г.Л. Гиршман В. Серов написал в 1907 г.

Грожан

Вероятно, имеется в виду: ГРОЖАН Юлий (Юлиус) Августович (наст. фам. и имя Гвоздев Дмитрий Сергеевич; 1873(1876)–?), революционер, помощник Л.Б. Красина, хозяйственный деятель, брат П.А. Грожана. Член РСДРП с 1903 г. После Октябрьской

Приложение. «СПИСОК РАКИЦКОГО»

революции работал в Химотделе ВСНХ и Центрорезине. В 1920-х годах сотрудник Наркомата внешней торговли. В 1921 г. входил в состав торговой делегации РСФСР в Англии.

Грушко Наталия — поэтесса ?

ГРУШКО (по первому мужу Маркова, по второму — Островская) Наталья Васильевна (1891–1974), поэтесса, драматург. Горький в начале 1920-х годов привлёк её к деятельности Дома литераторов в Петрограде.

Гржебин Зинов. Ис. — с семьёй

ГРЖЕБИН Зиновий Исаевич (1869–1929), художник, книгоиздатель. В 1916 г. Горький привлёк Гржебина к сотрудничеству в издательстве «Парус». В 1918 г. Гржебин, по предложению Горького, участвовал в организации издательства «Всемирная литература». Глава «Издательства им. З.И. Гржебина» (1919–1923, Петроград-Берлин), сотрудник советского издательства «Международная книга» (Берлин).

ГРЖЕБИНА (урожд. Дориомедова) Мария Константиновна (1880–1968), жена З.И. Гржебина.

ГРЖЕБИНА Елена Зиновьевна (1909–1990), дочь З.И. Гржебина.

ГРЖЕБИН Алексей Зиновьевич (1918–1988), сын З.И. Гржебина.

Григорьев Борис — худ — с женой

ГРИГОРЬЕВ Борис Дмитриевич (1886–1939), художник. Написал портреты Вс. Мейерхольда, Н.К. Рериха, Ф.И. Шаляпина и др. Автор портрета М. Горького (1926).

ГРИГОРЬЕВА Елизавета Георгиевна (урожд. Элла Мария Антонина фон Браше; 1883–1969), художница, жена Б.Д. Григорьева.

Григорьев Новая жизнь

ГРИГОРЬЕВ (наст. фам. Крахмальников) Рафаил Григорьевич (1889–1968), критик, сотрудник газеты «Новая жизнь».

Греков — хирург

ГРЕКОВ Иван Иванович (1867–1934), хирург, доктор медицинских наук (1901), почётный член и почётный председатель Хирургического общества Н.И. Пирогова (1920), главный редактор научного медицинского журнала «Вестник хирургии и пограничных областей» (1922–1934), председатель XVI Всероссийского съезда хирургов (1924), главный врач Обуховской больницы (1927–1934).

Гумилёв Н. — поэт

ГУМИЛЕВ Николай Степанович (1886–1921), поэт, переводчик, критик. В 1918 г. был привлечён Горьким к работе в издательстве «Всемирная литература», где исполнял обязанности заведующего Поэтической коллегией.

Гишпиус Зинаида — поэт и литератор

ГИШПИУС Зинаида Николаевна (1869–1945), поэтесса, писательница, литературный критик, публицист, мемуарист. Жена Д.С. Мережковского. В эмиграции с 1919 г.

Горбатов С. — художник

Имеется в виду: ГОРБАТОВ Константин Иванович (1876–1945), художник. Жил по приглашению Горького на Капри в 1912–1913 гг. В эмиграции с 1922 г.

Глебов — Авилов ?

АВИЛОВ-ГЛЕБОВ Николай Павлович (1887–1937), революционер, член Учредительного собрания, государственный деятель, нарком Совета народных комиссаров по делам почты и телеграфов (1917).

Данько — скульптор(*ша*)

ДАНЬКО (по мужу Алексеенко) Наталья Яковлевна (1892–1942), скульптор-керамист.

Десницкий Вас. Алекс. педагог, литератор — с женой

ДЕСНИЦКИЙ (псевд. Строев) Василий Алексеевич (1878–1958), публицист, литературовед, участник революционного движения. Нижегородский знакомый Горького с 1899 г.; автор воспоминаний о нём. В 1917 г. Горький привлёк его к участию в газете «Новая Жизнь».

ПИНЕВИЧ Александра Митрофановна, жена В.А. Десницкого.

Дзержинский Феликс Эдмундович

ДЗЕРЖИНСКИЙ Феликс Эдмундович (1877–1926), политический деятель, основатель и глава ВЧК.

Добычина Н.Е. с мужем

ДОБЫЧИНА (урожд. Фишман) Надежда Евсеевна (1884–1950), основательница и руководительница салона «Художественное Бюро» (1910–1919); владелица выставочного салона на Марсовом поле в Петербурге. После Октябрьской революции научный сотрудник Государственного Русского музея.

ДОБЫЧИН Пётр Петрович, муж Н.Е. Добычиной.

Дворищин Исай артист оперн. театра

ДВОРИЩИН Исай Григорьевич (1876–1942), певец; секретарь Ф.И. Шаляпина.

Данзас Юлия — литературный псевдоним: Юрий Николаев — автор книги «В поисках Божества» *за границей*

ДАНЗАС Юлия Николаевна (1879–1942), историк религии, католический теолог, публицист, религиозный деятель. В 1906 под псевдонимом Ю. Николаев вышла первая книга Данзас под названием «Запросы мысли». В 1913 г. Данзас под тем же псевдонимом издала книгу «В поисках за Божеством. Очерки из истории гностицизма». Сотрудница Публичной библиотеки (1918–1923). Сотрудничала с издательством «Всемирная литература». В 1920 г. М. Горький предложил ей работу в Доме учёных Петрограда. Приняла католичество (1920), после пострижения (1922) — сестра Иустина (Жюстина). В 1923–1932 гг. в заключении по обвинению в создании контрреволюционной организации. Досрочно освобождена по ходатайству Горького. В эмиграции с 1933 г. Таким образом, карандашная приписка «за границей» появилась после 1933 г.

Данзас — сотрудник музея Эрмитаж. Сейчас работает в стокгольмском музее

ДАНЗАС Яков Николаевич (1876–1943), действительный статский советник и камергер, искусствовед. В эмиграции с 1918 г. Сотрудник Берлинского музея изящных искусств. Брат Ю.Н. Данзас.

Дидерихс А.Р. Художник. Ленинград

ДИДЕРИХС (Дидерикс) Андрей Романович (1884–1942), живописец и график, член экспертной Оценочно-антикварной комиссии; муж В.М. Ходасевич.

Приложение. «СПИСОК РАКИЦКОГО»

Евдокимов член Ленинградск. исполкома

ЕВДОКИМОВ Григорий Еремеевич (1884–1937), фрезеровщик Петроградского снарядного завода (с 1913 г.), после Октябрьской революции секретарь Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов; с 1922 г. председатель Петроградского Совета профсоюзов, с мая 1923 г. заместитель председателя Губисполкома.

Ефимов — член экспертн. комиссии

Вероятно, имеется в виду: ЕФИМОВ Дмитрий Панфилович, владелец московского книжного магазина, книготорговец, издатель.

Жуков Иннокентий — скульптор

ЖУКОВ Иннокентий Николаевич (1875–1948), скульптор, педагог, литератор, один из основателей пионерского движения в СССР.

Желябужский Антр.А.

ЖЕЛЯБУЖСКИЙ Андрей Алексеевич (1850–1932), главный контролёр Курской и Нижегородской железных дорог, член Общества искусства и литературы, член правления Российского театрального общества. Муж М.Ф. Андреевой.

Желябужский Юрий

ЖЕЛЯБУЖСКИЙ Юрий Андреевич (1888–1955), оператор, режиссёр, сценарист. Сын М.Ф. Андреевой.

Замятин Евг. — писатель

ЗАМЯТИН Евгений Иванович (1884–1937), писатель, работал в издательстве «Всемирная литература».

Зданевич — поэт

ЗДАНЕВИЧ Илья Михайлович (псевд. Ильезд, Эли Эганбюри; 1894–1975), писатель, теоретик русского авангарда, художник.

Замирайло — художник

ЗАМИРАЙЛО Виктор Дмитриевич (1868–1939), художник, график.

Зильберман — член экспертн. комиссии

Биографические сведения не разысканы.

Зубков Василий — отец Варвары В. Шайкевич

Биографические сведения не разысканы.

Зиновьев Григ. Евс. — предс. Ленингр. Совета ?

ЗИНОВЬЕВ (наст. фам. Радомысльский) Григорий Евсеевич (1883–1936), революционер, политический и государственный деятель.

Зарнекау Николай с женой Марьяной — артистка мал. театра ?

ЗАРНЕКАУ Николай Константинович (1886–1976), граф.

ДЕРФЕЛЬДЕН фон (урожд. Пистолькорс, в первом браке Дурново; псевд. Павлова) Марианна Эриковна (1890–1976), дочь княгини О.В. Палей от первого брака, мемуаристка, актриса. В 1920 г. выступала в Малом театре.

Золотарёв

ЗОЛОТАРЁВ Алексей Алексеевич (1879–1950), литературный критик, публицист, краевед, общественный деятель, религиозный философ.

Зорин Семён

Вероятно, имеется в виду: ЗОРИН Сергей Семёнович (наст. фам. и имя Гомбарг Александр; 1890–1937), партийный и государственный деятель. В 1911–1917 гг. в эмиграции в США, участвовал в деятельности Американской социалистической партии. В марте 1917 г. вернулся в Россию, приняв имя Сергей Семёнович Зорин. В 1918 г. – председатель Революционного трибунала в Петрограде, комиссар по иностранным делам Северной коммуны.

Израилевич Я.Л.

ИЗРАИЛЕВИЧ Яков Львович (прозвище Жак; 1872–1942/1953), секретарь М.Ф. Андреевой, затем директор Дома писателя им. В.В. Маяковского в Ленинграде, коллекционер.

Израилевич А.Л.

ИЗРАИЛЕВИЧ Александр Львович (Шура) (1889–?), знакомый Горького. Брат Я.Л. Израилевича.

Исаевич И.П. — член эксп. комиссии

Биографические сведения не разысканы.

Игнатъев Алекс. Мих. — изобретатель

ИГНАТЬЕВ Александр Михайлович (1879–1936), революционер-большевик, дипломат и изобретатель.

Игнатъева — мать Ал.Мих.

Имеется в виду: АЛЕКСАНДРОВА-ИГНАТЬЕВА Пелагея Павловна (1872–1953), писатель, автор ряда кулинарных изданий, преподаватель кулинарного дела; мачеха А.М. Игнатъева, вторая жена его отца, ИГНАТЬЕВА Михаила Александровича. Мать А.М. Игнатъева — КАЗИМИРСКАЯ Аделаида Фёдоровна (ум. 1904).

Ионов Илья Ионович Госиздат

ИОНОВ (наст. фам. Бернштейн) Илья Ионович (1887–1942), революционер, издательский работник, поэт; председатель правления издательства Петросовета (1918), редактор журнала «Пламя»; заведующий Петрогосиздатом (1919–1923). Брат З.И. Лилиной, жены Г.Е. Зиновьева (1888–1936).

Ионин Б. — родственник М.И. Бенкендорф впоследствии Будберг

Биографические сведения не разысканы.

Иванов Всеволод — писатель

ИВАНОВ Всеволод Вячеславович (1895–1963), писатель, драматург.

Иванов Разумник — писатель

ИВАНОВ-РАЗУМНИК (наст. фам. Иванов) Разумник Васильевич (1878–1946), литературовед, литературный критик, социолог, писатель.

Иванов Вячеслав — писатель

ИВАНОВ Вячеслав Иванович (1866–1949), поэт, философ, филолог, переводчик.

Иксуль баронесса (*Варвара*)

ИКСКУЛЬ фон ГИЛЬДЕНБАНД (ГИЛЬДЕНБРАНДТ, ГИЛЛЕНБАНД) (урожд. Лутковская, в первом браке – Глинка-Маврина) Варвара Ивановна (1850–1928), баронесса, общественный деятель, литератор, издатель, хозяйка салона.

Кан Захар Ф. член экспертн. комиссии с женой

Биографические сведения не разысканы.

Каюров *сормовский рабочий?*

КАЮРОВ Василий Николаевич (1876–1936), бывший рабочий Сормовского, а затем петербургских заводов Лесснера и Эриксона, деятель большевистской партии с 1898 г., один из создателей оппозиционной группы «Союз марксистов-ленинцев». Автор книги: «Петроградские рабочие в годы империалистической войны» (М., 1930).

Келлер сотрудник муз. Эрмитаж

КЕЛЛЕР Алексей Павлович (1888–?), историк прикладного искусства Европы и Дальнего Востока, эксперт по фарфору. С октября 1918 г. — научный сотрудник Эрмитажа, одновременно работал ассистентом в Народном комиссариате просвещения.

Красин Л. Бор.

КРАСИН Леонид Борисович (псевд. Никитич, Лошадь, Юхансон, Винтер; 1870–1926), участник социал-демократического движения, государственный и партийный деятель, народный комиссар внешней торговли СССР.

Кругликова Художница

КРУГЛИКОВА Елизавета Сергеевна (1865–1941), художница, график, мастер эстампа и силуэта. Среди её работ есть силуэт М. Горького (1916).

Кример Фр. Эд. Наркомвнешторг

КРИМЕР Фридрих Эдуардович (1888–1963), экономист, работник Наркомвнешторга, коллекционер. Принимал участие в издании газеты «Новая жизнь». Позже активно участвовал в работе Комиссии по улучшению быта учёных, был членом Петроградского отделения Всероссийского комитета помощи голодающим. В 1919–1920 гг. жил вместе с Горьким в Детском Селе.

Кравченко — художник график

КРАВЧЕНКО Алексей Ильич (1889–1940), художник, график, иллюстратор.

Каменский Василий — поэт

КАМЕНСКИЙ Василий Васильевич (1884–1961), поэт, авиатор.

Кудрявцев — педагог

Вероятно, имеется в виду: КУДРЯВЦЕВ Иван Михайлович (1898–1966), актёр, театральный педагог. Работал в драматической студии М.А. Чехова (1918), в студии Е.Б. Вахтангова (1921), вошедшую в состав Художественного театра; в МХАТ им. М. Горького (с 1924 г.).

Куклин бывш. Сормовский рабочий

КУКЛИН Александр Сергеевич (1876–1936), в 1917 г. член Выборгского райкома партии, член Петроградского Комитета РСДРП(б), друг В.Н. Каюрова.

Раздел I. ПУБЛИКАЦИИ

Кишкин нач. милиции в Ленингр.

КИШКИН Владимир Александрович (1883–1938), член партии анархистов-коммунистов (1917), заведующий отделом милиции Петроградского совета (1919), член коллегии Петроградского УГРО (1920), начальник Петроградского губернского УГРО (1920–1921), заместитель начальника Центроорозыска НКВД РСФСР. Начальник районного отдела водно-транспортной ЧК в Нижнем Новгороде.

Костычев профес.

КОСТЫЧЕВ Сергей Павлович (1877–1931), биохимик, физиолог растений, микробиолог; академик Российской АН (1923).

Клюев поэт

КЛЮЕВ Николай Алексеевич (1884–1937), поэт.

Кульбин военный врач — художник

КУЛЬБИН Николай Иванович (1868–1917), военный врач, художник и музыкант, теоретик авангарда и меценат; один из организаторов первых художественных объединений и выставок нового искусства России, инициатор и деятельный участник больших коллективных изданий, альманахов. Соучредитель артистического кабаре «Бродячая собака» (1911).

Крачковский академик

КРАЧКОВСКИЙ Игнатий Юлианович (1883–1951), востоковед, арабист; академик Российской АН (1921).

Кугель

КУГЕЛЬ (псевд. Номо Novus) Александр (Авраам) Рафаилович (1864–1928), театральный критик, журналист, историк театра, мемуарист, создатель театра «Кривое зеркало». В 1920–1924 гг. возглавлял Петроградский драматический театр.

Куприн А.И. — писатель

КУПРИН Александр Иванович (1870–1938), писатель, литературный критик, публицист, мемуарист, переводчик. Работал в издательстве «Всемирная литература». В эмиграции с 1919 г.

Каверин писатель

КАВЕРИН Вениамин Александрович (наст. фам. и имя Зильбер Вениамин Абелевич) (1902–1989), писатель, драматург и сценарист. Член литературной группы «Серапионовы братья».

Коновалов ? член Гос Думы

КОНОВАЛОВ Александр Иванович (1875–1949), предприниматель, общественный и политический деятель. Член IV Государственной думы (1912–1917). Министр торговли и промышленности Временного правительства (1917).

Кольцов (Н.А.?) профессор

Вероятно, имеется в виду: КОЛЬЦОВ Николай Константинович (1872–1940), биолог, основатель школы экспериментальной биологии. Член-корр. Петербургской АН (1916), АН СССР (1925), академик ВАСХНИЛ (1935).

Крит. — полковник

КРИТ Владимир Александрович, преподаватель Военно-инженерной академии; муж Е.Ф. Крит.

Крит. Екат. Фёдоровна

КРИТ (урожд. Юрковская) Екатерина Фёдоровна (1874–?), младшая сестра М.Ф. Андреевой; жена В.А. Крита.

Клопотов инженер

Вероятно, имеется в виду: КЛОПОТОВ Борис Николаевич (1882–1942), ботаник, председатель комиссии по изучению природных богатств Украины при АН УССР, коллекционер.

Комаров (особый отдел?)

КОМАРОВ Николай Павлович (наст. фам. и имя Собинов Фёдор Евгеньевич; 1886–1937), партийный и государственный деятель. С января 1919 г. начальник особого отдела, в 1920 г. начальник секретно-оперативной части Петроградской ЧК.

Ладыжников Ив. Павлович — с женой

ЛАДЫЖНИКОВ Иван Павлович (1874–1945), издатель, близкий друг и помощник Горького. В 1914–1917 гг. работал с Горьким в издательстве «Парус» и журнале «Летопись». В 1918–1921 гг. член редколлегии издательства «Всемирная литература»; в 1921–1930 гг. один из руководителей акционерных обществ «Книга» и «Международная книга»; в 1937–1943 гг. научный консультант Архива А.М. Горького.

ЛАДЫЖНИКОВА (урожд. Соколова) Екатерина Ивановна (1877–1926), жена И.П. Ладыжникова.

Лашевич Михаил член Реввоенсовета в Ленинграде ?

ЛАШЕВИЧ Михаил Михайлович (1884–1928), общественный и политический деятель, член РСДРП с 1901 г., в 1917 г. член Петроградского комитета РСДРП(б) и Военно-революционного комитета, с 1918 г. занимал руководящие посты в Красной армии, член Реввоенсовета, в 1922–1925 гг. председатель Сибревкома, с 1925 г. заместитель Наркома по военно-морским делам, заместитель Председателя РВС СССР, член ЦК, член ЦИК и ВЦИК СССР; сторонник Г.Е. Зиновьева, в 1926 г. выведен из состава Реввоенсовета и из ЦК.

Лаховский худ., писал портрет Горького маслом на фоне волжск. деревни (в Париже)

ЛАХОВСКИЙ Арнольд Борисович (наст. имя Аарон Беркович; 1880–1937), живописец, график, скульптор. В эмиграции с 1925 г. Участвовал в деятельности Дома искусств в Петрограде, где в 1921 г. провёл первую персональную выставку. Сведений о портрете Горького разыскать не удалось.

Лебедев Владимир — худ., делал иллюстрации к произведениям АМ (Где он?)

ЛЕБЕДЕВ Владимир Васильевич (1891–1967), живописец, график, мастер плаката, иллюстратор. Увостовал в оформлении книг издательства «Парус».

Лебедева Сара — скульптор

ЛЕБЕДЕВА (урожд. Дармолатова) Сарра Дмитриевна (1892–1967), художница, скульптор.

Липгарт — директор музея Эрмитаж

ЛИПГАРТ Эрнест Карлович (1847–1932), художник и декоратор, работавший по заказам императорской и великокняжеских фамилий. Главный хранитель картинной галереи Эрмитажа в 1906–1929 гг.

Раздел I. ПУБЛИКАЦИИ

Лебедев Костя — (сормовский рабочий?)

ЛЕБЕДЕВ Константин, слесарь с завода «Айваз», в 1917 г. член Выборгского райкома партии, председатель культкомиссии, друг В.Н. Каюрова.

Лёвберг Мария Литератор — историк

ЛЕВБЕРГ (урожд. Купфер, по мужу Ратькова) Мария Евгеньевна (1894–1934), поэтесса, драматург, переводчик. Познакомилась с Горьким в Петрограде около 1915 г.

Липскеров поэт

ЛИПСКЕРОВ Константин Абрамович (1889–1954), поэт, переводчик классической восточной поэзии, драматург, художник.

Левинсон — худ. критик

ЛЕВИНСОН Андрей Яковлевич (1887–1933), театральный и художественный критик, историк балета, переводчик. Член редколлегии издательства «Всемирная литература» (1918–1920).

Левинсон — Лессинг академик

ЛЕВИНСОН-ЛЕССИНГ Франц Юльевич (1861–1939), учёный-петрограф, академик Академии наук СССР (1925).

Лаврентьев актёр Мал. театра ?

ЛАВРЕНТЬЕВ Андрей Николаевич (1882–1935), актёр, театральный режиссёр.

Луначарский А.В. Наркомпрос

ЛУНАЧАРСКИЙ Анатолий Васильевич (1875–1933), партийный и государственный деятель, академик Академии наук СССР (1930), литературный критик, публицист, драматург. В 1917–1929 гг. нарком просвещения.

Луначарская Анна — жена А.В.

БОГДАНОВА-МАЛИНОВСКАЯ Анна Александровна (1883–1959), первая жена А.В. Луначарского, писательница.

Ленин Владимир Ильич Был у Горького в 1920 г. во время съезда Коминтерна

ЛЕНИН (наст. фам. Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924), политический и государственный деятель, создатель Российской социал-демократической рабочей партии (большевики), один из главных организаторов и руководителей Октябрьской революции 1917 г. в России, первый председатель Совета Народных Комиссаров РСФСР.

Лансере Художник

Вероятно, имеется в виду: ЛАНСЕРЕ Евгений Евгеньевич (1875–1946), художник. Сын скульптора Е.А. Лансере, брат художницы З.Е. Серебряковой и архитектора Н.Е. Лансере, племянник А.Н. Бенуа.

Лентулов художник

ЛЕНТУЛОВ Аристарх Васильевич (1882–1943), живописец. Один из основателей группы «Бубновый валет».

Левидов — сотрудн. Новой жизни

ЛЕВИДОВ (наст. фам. Левит) Михаил Юльевич (1891–1942), писатель, драматург и журналист.

Левидова ?

ЛЕВИДОВА (урожд. Войтинская) Надежда Савельевна (1886–1965), русская художница, переводчица, искусствовед.

Лурье композитор

ЛУРЬЕ Артур Винцент (наст. фам. и имя Наум Израилевич Лурье; 1892–1966), композитор, музыкальный критик. В 1918–1921 гг. начальник музотдела Наркомпроса (МУЗО).

Лунц писатель

ЛУНЦ Лев Натанович (1901–1924), прозаик, драматург, публицист, член группы «Серрапионовы братья».

Лейхтенбергская (герцогиня)

РОМАНОВСКАЯ Мария Максимилиановна герцогиня Лейхтенбергская (в замужестве принцесса Баденская) (1841–1914), член императорского дома.

Лопухова артистка балета с мужем

ЛОПУХОВА Евгения Васильевна (1884–1943), артистка балета, эстрадная танцовщица, артистка оперетты.

Сведения о муже не разысканы. Вероятно, имеется в виду: ОРЛОВ Александр Александрович (см.), с которым Лопухова выступала на эстраде.

1 фамилия на Ли<нрзб> профес. археолог (в Америке)

Биографические сведения не разысканы.

Малевич худ.

МАЛЕВИЧ Казимир Северинович (1878–1935), художник, основоположник супрематизма.

Манухин Ив. Ив. — врач

МАНУХИН Иван Иванович (1882–1958), общественный деятель, врач, выпускник Военно-медицинской академии, ученик С.П. Боткина и И.И. Мечникова, автор трудов по иммунологии и инфекционной патологии, врач Горького, семьи Мережковских и др.

Манухина Татьяна Ив.

МАНУХИНА (урожд. Крундышева, псевд. Т. Таманин) Татьяна Ивановна (1885–1962), писатель, мемуарист, жена И.И. Манухина, близкая подруга З. Гиппиус, сотрудница издательства «Всемирная литература».

Малиновская

МАЛИНОВСКАЯ Елена Константиновна (1875–1942), общественный, партийный и театральный деятель, жена архитектора П.П. Малиновского. Один из организаторов и пайщиков нижегородского Народного дома, построенного в 1903 г. на средства, собранные Горьким и её мужем. В 1917 г. назначена комиссаром, с 1918 г. управляющим московскими театрами, с 1920 г. — академическими театрами. В 1920–1924 гг. директор Большого театра.

Малиновский Лев

МАЛИНОВСКИЙ Лев Павлович (1897–1938), общественный и политический деятель.

Раздел I. ПУБЛИКАЦИИ

Махлин знак. Шаляпиных

МАХЛИН Борис Викторович, знакомый Ф.И. Шаляпина, сосед А.Н. Тихонова.

Маяковский Владимир поэт

МАЯКОВСКИЙ Владимир Владимирович (1893–1930), поэт, драматург, публицист.

Милиоти Василий худ.

МИЛИОТИ (Миллиоти) Василий Дмитриевич (1875–1943), художник.

Муйжель писатель

МУЙЖЕЛЬ Виктор Васильевич (псевд. Пскович Темнобородый; 1880–1924), писатель и художник.

Мережковский — писатель

МЕРЕЖКОВСКИЙ Дмитрий Сергеевич (1865(1866)–1941), поэт, прозаик, драматург, историк литературы, публицист, литературный критик, переводчик; муж З. Гиппиус. В эмиграции с 1919 г.

Миткевич Ольга. Артистка, жена писателя Власа Дорошевича

МИТКЕВИЧ Ольга Николаевна (?–1940), актриса.

ДОРОШЕВИЧ Влас Михайлович (1865–1922), журналист, театральный критик, фельетонист.

Мечников племянник знаменитого

МЕЧНИКОВ Илья Николаевич (1880–1938), сын Н.И. Мечникова; племянник профессора И.И. Мечникова (1845–1916); литератор. В 1920-х годах работал в издательствах Гржебина и «Всемирная литература» вместе с М. Горьким, затем — сотрудник во Внуторге (наркомате внутренней торговли).

Монахов — актёр с женой

МОНАХОВ Николай Фёдорович (1875–1936), актёр театра и кино, певец оперетты. После Октябрьской революции вместе с М. Горьким, М.Ф. Андреевой, А.А. Блоком участвовал в организации Большого драматического театра в Петрограде (с 1932 по 1992 гг. БДТ им. Горького).

МОНАХОВА Ольга Петровна (1895–1937), жена Н.Ф. Монахова.

Марджанов режиссёр

Имеется в виду: МАРДЖАНОВ (наст. фам. и имя Марджанишвили Котэ) Константин Александрович (1872–1933), режиссёр театра и кино, основоположник грузинского театра.

Мандельштам поэт

МАНДЕЛЬШТАМ Осип Эмильевич (1891–1938), поэт, эссеист и литературовед, переводчик, литературный критик.

Мосолов ген.

МОСОЛОВ Алексей Иванович (1863–1943), офицер, общественный деятель.

Морской — актёр

МОРСКОЙ (наст. фам. Меерзон) Давид Львович (1887–1969), актёр, режиссёр.

Михайлов — Дядя Миша

Вероятно, имеется в виду: МИХАЙЛОВ Михаил Александрович (1878–1951), участник революционного движения, общественный деятель, сотрудник советского полпредства в Париже с 1917 г.

Минский с женой *Литератор*

МИНСКИЙ (наст. фам. Виленкин) Николай Максимович (1855–1937), поэт, драматург, переводчик, литературный критик, мемуарист. Сотрудник газеты «Новая жизнь». С 1914 г. военный корреспондент в Париже. В эмиграции с 1921 г.

ВИЛЬКИНА Людмила Николаевна (урожд. Изабелла Вилькен, по мужу Виленкина; 1873–1920), поэтесса, писательница и переводчица, вторая жена Н.М. Минского.

Нагродская — писательница

НАГРОДСКАЯ (урожд. Головчёва) Евдокия Аполлоновна (1866–1930), писательница.

Набоков

Вероятно, имеется в виду: НАБОКОВ Владимир Дмитриевич (1869–1922), политик и юрист, отец В.В. Набокова.

Неменов Профес.

Вероятно, имеется в виду: НЕМЕНОВ Михаил Исаевич (1880–1950), врач, рентгенолог.

Николаевский Борис — литератор историк

НИКОЛАЕВСКИЙ Борис Иванович (1887–1966), историк революционного движения, архивист, политический деятель, публицист, журналист, мемуарист; в 1922 г. выслан из Советской России.

Нестеровская м.б. Неверовская — жена Гавриила Констант. Романова

НЕСТЕРОВСКАЯ Антонина Рафаиловна (псевд. Нина; А.Р.; 1890–1950), балерина Мариинского театра, жена князя Гавриила Константиновича Романова.

Николаев Ф.К. «дядя Костя» *Федя*

Вероятно, имеется в виду: НИКОЛАЕВ Михаил Константинович (?–1947), сотрудник «Международной книги», друг Е.П. Пешковой.

Орлов — артист балета

ОРЛОВ Александр Александрович (1889–1974), артист балета, оперетты, эстрады и кино.

Оцуп поэт

ОЦУП Николай Авдеевич (1894–1958), поэт, прозаик, литературный критик, драматург, историк литературы, мемуарист и переводчик. Сотрудник в издательстве «Всемирная литература». В августе 1922 г. командирован в Берлин, член редколлегии берлинского альманаха «Цех поэтов».

Ольденбург Сергей Фёдорович профессор

ОЛЬДЕНБУРГ Сергей Фёдорович (1863–1934), востоковед-индолог, академик Петербургской АН (1900), действительный член Российской АН (1917), непреходящий секретарь АН СССР (1925–1929). Возглавлял Восточную коллегия издательства «Всемирная литература».

Осадчий профес.

ОСАДЧИЙ Пётр Семёнович (1866–1943), профессор, государственный деятель, организатор телефонной, телеграфной и радиосвязи в России. В 1918–1924 гг. ректор Ленин-

Раздел I. ПУБЛИКАЦИИ

градского электротехнического института. В 1919–1929 гг. Председатель Центрального электротехнического совета. Автор ряда фундаментальных работ в области теории и организации электросвязи и радиосвязи.

Патриарх Тихон

ТИХОН (в миру БЕЛАВИН Василий Иванович; 1865–1925), Патриарх Московский и Всея Руси (1917–1925).

Павлов — Селивановский Лев

Вероятно, имеется в виду: ПАВЛОВ-СИЛЬВАНСКИЙ Лев Николаевич, сын историка, архивиста и государственного деятеля Н.П. Павлова-Сильванского (1869–1908).

Петров-Водкин художник

ПЕТРОВ-ВОДКИН Кузьма Сергеевич (1878–1939), живописец, график, теоретик искусства, писатель и педагог.

Пильняк писатель

ПИЛЬНЯК (наст. фам. Вогау) Борис Андреевич (1894–1938), писатель, прозаик.

Пинкевич А.П. педагог профес.

ПИНКЕВИЧ Альберт Петрович (1883(1884)–1937), педагог, организатор народного образования, общественный деятель, доктор педагогических наук (1935).

Пришвин писатель ?

ПРИШВИН Михаил Михайлович (1873–1954), писатель, прозаик, публицист.

Павлов Митя — сормовский рабочий

ПАВЛОВ Дмитрий Александрович (1880-1920), рабочий, один из руководителей Сормовской демонстрации 1902 г., мастер на аэропланном заводе В.А. Лебедева, ударник бригады ЦК ВКП(б), в 1917 г. член Выборгского райкома партии, близкий друг В.Н. Каюрова, сотрудник журнала «30 дней».

Прянишников академик

ПРЯНИШНИКОВ Дмитрий Николаевич (1865–1948), агрохимик, биохимик и физиолог растений, основоположник советской научной школы в агрономической химии.

Петровичев худ. ?

ПЕТРОВИЧЕВ Пётр Иванович (1874–1947), художник-пейзажист.

Палей — жена Павла Романова

ПАЛЕЙ (урожд. Карнович, в первом браке фон Пистолькорс) Ольга Валериановна, графиня фон Гогенфельзен (1865–1929), вторая жена великого князя Павла Александровича Романова (1860–1919), мемуаристка.

Покровский профес. Астроном

ПОКРОВСКИЙ Константин Доримедонтович (1868–1944), астроном, член-корр. АН СССР (1927), профессор.

Пятницкий Константин Петрович

ПЯТНИЦКИЙ Константин Петрович (1864–1938), директор-распорядитель издательства «Знание».

Пятигорский (член ленинградского совета?), бывал с Людмилой ? жена ? *Садькова*

ПЯТИГОРСКИЙ Юлий (Юрий) Владимирович (1889–1937), работник советской внешней торговли. После Октябрьской революции был управделами ВСНХ (1918), уполномоченным Наркомвнешторга. С июля по ноябрь 1921 г. начальник экспортного управления Наркомвнешторга и член чрезвычайной комиссии по экспорту при Совете труда и обороны (СТО). В 1922–1929 гг. также занимал руководящие должности в аппарате Наркомвнешторга.

Сведения о жене не разысканы.

Пронин Б. и его жена — хозяин (Подвал Комедиантов) Привал

ПРОНИН Борис Константинович (1875–1946), режиссёр, театральный деятель, актёр, участник ряда театральных начинаний В.Э. Мейерхольда. Создатель литературных кабаре «Бродячая собака» и «Привал комедиантов» (1916–1919).

ЛИШНЕВСКАЯ-КАШНИЦКАЯ Вера Александровна (1894–1929), учительница, художница, жена Б.К. Пронина с 1914 по 1924 годы.

Радлов Сергей — режиссёр

РАДЛОВ Сергей Эрнестович (1892–1947(1958)), драматург, поэт, режиссёр.

Ремезов М. — писатель

Вероятно, имеется в виду: РЕМИЗОВ Алексей Михайлович (1877–1957), прозаик, драматург, литературный критик, публицист, мемуарист. В эмиграции с 1921 г.

Рождественский Всеволод — поэт

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Всеволод Александрович (1895–1977), поэт.

Радовский внешторг

Биографические сведения не разысканы.

Ракицкий И.Н. Рисовал углём Горького

РАКИЦКИЙ (Ракитский; домашнее прозвище Соловей) Иван Николаевич (1883–1942), художник, друг семьи Пешковых, крёстный отец М.М. Пешковой. Автор двух портретов Горького (см.: вступ. ст.).

Родэ А.С. с женой А.С.

РОДЭ (Роде) Адольф (Адолий) Сергеевич (1869–1930), отставной полковник, владелец ресторана «Вилла Роде» в Петрограде (до 1917 г.). Заведующий Дома учёных. В эмиграции с 1921 г.

РОДЭ (урожд. Меринг) Мария Петровна, жена А.С. Родэ.

Райснер Лариса писательница

РЕЙСНЕР Лариса Михайловна (псевд. Л. Храповицкий; 1895–1926), революционерка, участница Гражданской войны в России, журналистка, поэт, прозаик, партийный деятель.

Радлов Николай худ.

РАДЛОВ Николай Эрнестович (1889–1942), художник, график, искусствовед, педагог.

Розанов В.В. — писатель

РОЗАНОВ Василий Васильевич (1856–1919), религиозный философ, литературный критик, публицист, историк.

Раздел I. ПУБЛИКАЦИИ

Романов Гавриил Константинович с женой Нестеровской Неверовской

РОМАНОВ Гавриил Константинович (1887–1955), князь; см. Нестеровская А.Р.

Романов Александр Михайлович

РОМАНОВ Александр Михайлович (1866–1933), князь, внук императора Николая I.

Рошаль *Комиссар*

Вероятно, имеется в виду: РОШАЛЬ Лев Борисович (1896–1940), партийный деятель, сотрудник ГПУ (позднее — НКВД). С 1922 г. в аппарате ЦК.

Роджерс Генриетта артистка французской труппы в Михайловск. театре

РОДЖЕРС Генриетта, французская драматическая актриса, выступавшая в 1918 г. на сцене Михайловского театра, жена французского писателя К. Фаррера.

Русский генерал

РУССКИЙ Николай Владимирович (1854–1918), генерал-адъютант, член Военного (с 1909 г.) и Государственного (с 1915 г.) советов. Участник русско-турецкой, русско-японской и Первой мировой войн. Участник Февральской революции.

Савостин М.М. — антиквар, член экспертной комиссии

САВОСТИН Михаил Михайлович (1860–1924), антиквар.

Стасова Елена председательница ЧК в Ленинграде

СТАСОВА Елена Дмитриевна (псевд. Абсолют, Гуца, Варвара Ивановна, Дельта; 1873–1966), партийный деятель. Секретарь ЦК партии (февраль 1917 — март 1920).

Стеклов профес. математик

СТЕКЛОВ Владимир Андреевич (1863(1864)–1926), математик и механик. Действительный член Петербургской АН (1912), вице-президент АН СССР (1919–1926). Организатор и первый директор Физико-математического института РАН, названного после смерти В.А. Стеклова его именем.

Скороходов сормовский рабочий, председ. ЧК в Ленинграде

СКОРОХОДОВ Александр Касторович (псевд. Кастрыч, т. Алексей; 1880–1919), рабочий-слесарь, революционный деятель. В январе — марте 1919 г. председатель Петроградского ЧК.

Семенова — ходя из Якутии

СЕМЕНОВА (урожд. Угловская; дом. прозвище Ходя) Наталья Петровна (1888–1943), жена общественного деятеля и краеведа А.А. Семенова.

Суханов Н.Н.

СУХАНОВ (наст. фам. Гиммер) Николай Николаевич (1882–1940), участник революционного движения, экономист, публицист, мемуарист. Работал в журналах «Русское богатство», «Заветы», «Современник» и др.; соредактор Горького в газете «Новая жизнь» (1917–1918).

Суханова Галина К.

СУХАНОВА (урожд. Флаксерман) Галина Константиновна (1888–1958), издательский работник, секретарь редакции горьковского журнала «Летопись»; жена Н.Н. Суханова.

Приложение. «СПИСОК РАКИЦКОГО»

Сталин Иосиф Виссарионович — нужно проверить

СТАЛИН (наст. фам. ДЖУГАШВИЛИ) Иосиф Виссарионович (1878–1953), с октября 1917 г. член Совнаркома; с 1922 г. генеральный секретарь ЦК ВКП(б). Сведений о том, что Сталин бывал на Кронверкском проспекте, 23, найти не удалось.

Северцев профессор

Вероятно, имеется в виду: СЕВЕРЦОВ Алексей Николаевич (1866–1936), биолог, основоположник эволюционной морфологии животных, академик РАН (1920), АН СССР (1925) и АН УССР (1925).

Свенцицкий доктор

СВЕНЦИЦКИЙ Викентий Антонович (1868–1938), доктор медицины, первый редактор журнала «Царкосельский район и особый эвакуационный пункт», посвящённого вопросам лечения, эвакуации и призрания раненых воинов. Окончил медицинский факультет Московского университета, с 1897 г. работал сверхштатным ординатором хирургической клиники университета, позднее — в чине статского советника. С 1905 г. преподавал в Военно-Медицинской академии. С 1917 г. был домашним врачом М. Горького, с 1922 г. служил в коммунальной лечебнице № 13.

Свердлов антиквар

Биографические сведения не разысканы.

Сытин Д.И. — издатель

СЫТИН Иван Дмитриевич (1851–1934), книгоиздатель.

Смирнов артист оперн. театра

СМИРНОВ Александр Васильевич (1870–1942), оперный певец, солист Мариинского театра (1896–1924).

или СМИРНОВ Дмитрий Алексеевич (1882–1944), оперный певец, выступал на сцене с Ф.И. Шаляпиным (около 80 совместных спектаклей).

Садыков артист оперн. театра

Биографические сведения не разысканы.

Спесивцева артистка балета

СПЕСИВЦЕВА Ольга Александровна (1895–1991), прима-балерина Мариинского театра.

Тройницкий сотрудник музея Эрмитажа

ТРОЙНИЦКИЙ Сергей Николаевич (1882–1948), искусствовед, хранитель отделения древностей Эрмитажа (1915), заведующий и хранитель отдела прикладного искусства нового времени (1918), директор Государственного Эрмитажа (1918–1927).

Тонков проф. Военно-медицинской академии

ТОНКОВ Владимир Николаевич (1872–1954), врач-анатом, генерал-лейтенант медицинской службы, президент Военно-медицинской академии (1917–1925). Совместно с М. Горьким возглавлял Комиссию по улучшению быта учёных Ленинграда. Один из организаторов и председателей Всесоюзного научного общества анатомов, гистологов и эмбриологов.

Татлин В. — художник

ТАТЛИН Владимир Евграфович (1885–1953), живописец, график, художник-конструктор, театральный художник. Муж М.А. Гейнце.

Тихвинский проф.

ТИХВИНСКИЙ Михаил Михайлович (1868–1921), инженер-химик, профессор Петроградского технологического и Горного институтов, с 1912 г. главный химик «Товарищества братьев Нобель» в Петербурге, после Октябрьской революции возглавлял лаборатории Главного нефтяного комитета ВСНХ, член Сапропелевого комитета АН. Осуждён и расстрелян по делу «Петроградской боевой организации В.Н. Таганцева».

Тимирязев — член экспертн. комиссии

Вероятно, имеется в виду: ТИМИРЯЗЕВ Владимир Иванович (1849–1919), государственный деятель, предприниматель, действительный тайный советник (1909), министр торговли и промышленности (1905 и 1909), член Государственного совета (1906–1917). После октября 1917 г. член комиссии для предварительной разработки вопросов о будущих торговых отношениях России с центральными державами, один из инициаторов создания Совета Союза международных торговых товариществ.

Тихонов А.Н.

ТИХОНОВ Александр Николаевич (псевд. А. Серебров, Н. Серебров; 1880–1956), писатель, общественный деятель, издательский работник, редактор двух сборников пролетарских писателей (1914, 1917); журнала «Летопись» (1915–1917), издательства «Парус» (1915–1917), газеты «Новая жизнь» (1917–1918); один из руководителей издательств «Всемирная литература», «Круг», «Федерация», редактор серийных изданий «Всемирная литература», «Жизнь замечательных людей» и др.

Уэльс Г. английский писатель — с сыном

УЭЛЛС (Wells) Герберт Джордж (1866–1946), английский писатель. В 1916 г. Горький стремился привлечь Уэллса к сотрудничеству в издательстве «Парус». В сентябре 1920 г. Уэллс приехал в Петроград и остановился на квартире Горького на Кронверкском проспекте.

УЭЛЛС Джордж Филип (1901–1985), британский зоолог и писатель, сын Г. Уэллса. Сопровождал отца во время его поездки в Россию в 1920 г.

Ухтомский проф. Академии

УХТОМСКИЙ Алексей Алексеевич (1875–1942), физиолог, академик АН СССР (1935), создатель учения о доминанте.

Фомин архитектор

ФОМИН Иван Александрович (1872–1936), архитектор, преподаватель, историк архитектуры. В 1920-е годы разработывал теорию и практику «пролетарской классики»; один из основателей советского монументального классицизма.

Фалилеев художник

ФАЛИЛЕЕВ Вадим Дмитриевич (1879–1950), художник-гравёр.

Фёдоров С.П. — хирург

ФЁДОРОВ Сергей Петрович (1869–1936), хирург, доктор медицинских наук, профессор, основатель отечественной хирургической школы.

Приложение. «СПИСОК РАКИЦКОГО»

Ферсман профес. академик

ФЕРСМАН Александр Евгеньевич (1883–1945), геохимик и минералог, один из основоположников геохимии. Действительный член, вице-президент АН СССР (1926–1929).

Ходасевич В.М. — художница писала портрет А.М. (в доме учёных в Ленингр.)

ХОДАСЕВИЧ Валентина Михайловна (1894—1970), живописец, театральный художник и график, автор воспоминаний о Горьком. Племянница В.Ф. Ходасевича. Автор портрета Горького (1918).

Ходасевич Владислав — поэт

ХОДАСЕВИЧ Владислав Фелицианович (1886–1939), поэт, критик, мемуарист, историк литературы.

Ходотов актер

ХОДОТОВ Николай Николаевич (1878–1932), актёр, заслуженный артист Императорских театров (1916).

Чапыгин — писатель

ЧАПЫГИН Алексей Павлович (1870–1937), прозаик, драматург, сценарист, автор исторических романов.

Чехонин худ. рисовал Горького

ЧЕХОНИН Сергей Васильевич (1878–1936), график, живописец, член художественного объединения «Мир искусства», ученик И.Е. Репина. Автор акварельного портрета Горького (1921).

Чуковский Корней писатель

ЧУКОВСКИЙ Корней Иванович (наст. фам. и имя Корнейчуков Николай Васильевич; 1882–1969), критик, литературовед, переводчик, детский писатель, мемуарист, сотрудник издательства «Всемирная литература», «Издательства З.И. Гржебина», ПетроКУБУ, член Секции исторических картин Петроградского Театрального отдела, член Союза писателей СССР.

Чудновский писатель

ЧУДНОВСКИЙ Николай Алексеевич, писатель. Биографические сведения не разысканы.

Ческис Любовь Абр. Ческис её муж, секретарь Всемир. лит.

ЧЕСКИС Любовь Абрамовна (ок. 1896–1956), секретарь издательства «Всемирная литература»

Сведения о муже не разысканы.

Шалапин Ф.И. с семьёй

ШАЛЯПИН Фёдор Иванович (1873–1938), оперный певец.

ПЕТЦОЛЬД (урожд. Элухен) Мария Валентиновна (1882–1964), вторая жена Ф.И. Шалапина.

ДЕТИ от второго брака: ШАЛЯПИНА Марфа Фёдоровна (1910–2003), ШАЛЯПИНА Марина Фёдоровна (1912–2009) и ШАЛЯПИНА Дасия Фёдоровна (1921–1977).

Раздел I. ПУБЛИКАЦИИ

Шайкевич Варвара В. с сыном и дочерью

ШАЙКЕВИЧ (урожд. Зубкова) Варвара Васильевна (1884–1950), жена А.Н. Тихонова (Сереброва); знакомая Горького.

ШАЙКЕВИЧ Андрей Анатольевич (1903–1972), сын В.В. Шайкевич от первого брака, балетный критик. В эмиграции с 1921 г.

ТИХОНОВА (по мужу Тиканова) Нина Александровна (1911–1995), дочь В.В. Шайкевич и А.Н. Тихонова; балерина, балетный педагог; мемуаристка. В эмиграции с 1921 г.

Шайкевич Анатолий с женой артисткой Павловой

ШАЙКЕВИЧ Анатолий Ефимович (1879–1947), юрист, журналист, художественный критик, библиофил, коллекционер, музыкант, первый муж В.В. Шайкевич, отец А.А. Шайкевича.

ПАВЛОВА-ШАЙКЕВИЧ Клавдия Васильевна (1899–1958), балерина, драматическая артистка, хореограф и педагог; вторая жена А.Е. Шайкевича.

Шахматов академик

ШАХМАТОВ Алексей Александрович (1864–1920), филолог, лингвист и историк, основоположник исторического изучения русского языка, древнерусского летописания и литературы; действительный член АН (1899), профессор Петербургского университета (1910). Участвовал в подготовке реформы русской орфографии в 1917–1918 гг.

Шухаев В с женой делал набросок с АМ — но не кончил

ШУХАЕВ Василий Иванович (1887–1973), живописец, график, сценограф, педагог.

ЕЖОВА Елена Николаевна (1887–1965), студентка живописно-скульптурного отделения Высшего художественного училища при Императорской Санкт-Петербургской академии художеств; первая жена В.И. Шухаева.

ГВОЗДЕВА Вера Фёдоровна (1896–1979), художница, вторая жена В.И. Шухаева.

Шилов — букинист

ШИЛОВ Фёдор Григорьевич (1879–1962), библиофил, книговед, библиограф. В мае 1919 г. по приглашению Горького вошёл в экспертную комиссию при Наркомвнешторге, занимался разбором великокняжеских и дворянских библиотек.

Шатов

ШАТОВ Владимир Сергеевич (псевд. Билл Шатов; 1887–1943), партийный работник, хозяйственный деятель, железнодорожник. В 1917 г. был членом Петроградского военно-революционного комитета. В 1918–1919 гг. начальник Центральной комендатуры Петрограда.

Шкловский Виктор писатель с женой Людмилой ? Василисой ?

ШКЛОВСКИЙ Виктор Борисович (1893–1984), писатель, литературовед, критик, киновед, киносценарист.

ШКЛОВСКАЯ-КОРДИ Василиса Георгиевна (1890–1977), художница, жена В.Б. Шкловского.

Шишков Вячеслав — писатель

ШИШКОВ Вячеслав Яковлевич (1873–1945), писатель, инженер. В 1915 г. переехал в Петроград, где сблизился с Горьким. В 1916 г. при содействии Горького выпустил первый сборник рассказов «Сибирский сказ».

Шершеневич поэт

ШЕРШЕНЕВИЧ Вадим Габриэлевич (1893–1942), поэт, переводчик, один из основателей и теоретиков имажинизма.

Щёголев Павел Елисеевич литератор Историк

ЩЁГОЛЕВ Павел Елисеевич (псевд. П. Павлов; 1877–1931), писатель, литературовед, библиофил. В 1917 г. участвовал в работе Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства для расследования деятельности царских высших должностных лиц. После Октябрьской революции ведущий сотрудник Музея революции, председатель исторической комиссии Петроградского бюро Истпарта, сотрудник Пушкинской комиссии АН СССР, редактор собрания сочинений А.С. Пушкина. В соавторстве с А.Н. Толстым написал пьесы «Распутин», «Полина Гебль», «Заговор императрицы». Знаком с Горьким по совместной работе во многих общественных организациях после Октябрьской революции, в частности в Петроградском комитете помощи голодающим.

Щёголев П. сын — писатель

ЩЕГОЛЕВ Павел Павлович (1903–1936), историк, профессор Ленинградского университета, ученик историка Е.В. Тарле. Сын П.Е. Щёголева.

Щуко Архитектор

ЩУКО Владимир Алексеевич (1878–1939), архитектор, театральный художник; академик архитектуры (1911).

Экстер художница декоратор

ЭКСТЕР (урожд. Григорович) Александра Александровна (1882–1949), художник, график, дизайнер.

Юрьев Актёр

ЮРЬЕВ Юрий Михайлович (1872–1948), актёр, театральный педагог.

Яковлев профес. (кажется энергетик) перевёл «Омар-Хайяма» на русский

Биографические сведения не разысканы.

Язвицкий — профес.

Вероятно, имеется в виду: ЯЗВИЦКИЙ Валерий Иоильевич (1883–1957), революционный деятель, писатель, журналист, автор научно-популярных, политических, исторических и научно-фантастических книг. После Октябрьской революции служил в Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА), работал в Наркомпросе.

Яремич хранитель рисунков в Эрмитаже

ЯРЕМИЧ Степан Петрович (1869–1939), искусствовед, художник. В 1918 г. заведующий отделением рисунков Эрмитажа.

М.А. СЕМАШКИНА

**«ЖИВИТЬ ДОВГО, ДОВГО —
БО ТАКИХ ЛЮДЕЙ <...> МАЛО»
(ПИСЬМА О.М. КОЦЮБИНСКОЙ М. ГОРЬКОМУ)**

Аннотация

Письма Оксаны (Ксении) Михайловны Коцюбинской, дочери украинского писателя М.М. Коцюбинского, выявленные в Архиве А.М. Горького в 2014 г., представляют большой интерес. Удивительно цельная личность, О. Коцюбинская унаследовала от своего отца его духовное начало — тонко развитую эстетическую чуткость к добру, глубокое чувство гражданственности, заботу о счастье людей. Тринадцатилетней гимназисткой Коцюбинская вместе со старшим братом Юрием вела подпольную работу среди рабочих и ссыльных, неугодных царскому правительству, впоследствии принимала участие в Гражданской войне, где и погибла.

Ключевые слова

М. Горький, О.М. Коцюбинская, М.М. Коцюбинский, Гражданская война, переписка, письма

Оксана, Ксения Коцюбинская (1898–1920) унаследовала от своего отца Михаила Михайловича его духовное начало — тонко развитую эстетическую «чуткость к добру», глубокое чувство гражданственности, заботу о счастье всех людей.

«Он был одним из тех редких людей, которые при первой же встрече с ними вызывают благостное чувство удовлетворения: именно этого человека ты давно ждал, именно для него у тебя есть какие-то особенные мысли!»

В мире идей красоты и добра он — “свой” человек, родной человек, и с первой встречи он возбуждает жажду видеть его возможно чаще, говорить с ним больше», — писал в своих воспоминаниях о нём М. Горький (1, 178). Заочно писатели познакомились в 1903 г., когда М.М. Коцюбинский прислал Горькому свою книгу «Оповидання» с тёплой дарственной надписью. Личная встреча состоялась 2 (15) июня 1909 г. на Капри, куда больной Коцюбинский

приехал лечиться. Его письма родным свидетельствуют о начале большой дружбы с Горьким, который принял её как подарок судьбы: «...очень я доволен, что встретил Вас, и большую симпатию вызвали Вы в душе моей! Уж извините, коли это “объяснение в любви” покажется Вам грубоватым или неуместным. Поклон Вашему семейству и ребятам тож — конечно» (2, 474).

В первом письме после возвращения с Капри Коцюбинский писал, что дети в «полном восторге от Ваших подарков. А Оксана опечалена: не привёз Вашей фотографии. Этот пузырь уже любит Вас как писателя» (3, 380).

Горький горячо откликнулся на просьбу девочки, 8 (21) сентября 1909 г. он писал: «О карточке — не забыл, но ещё не имею ее» (3, 123). 29 сентября добавил: «Не отвечал на письмо Ваше потому, что карточку для Оксаны не мог достать, — придворные мои фотографы — мучители! Снимут и потом шестнадцать дней просишь их — дайте снимочек! А они — кочевряжатся» (3, 139). И только два месяца спустя Горький прислал фотокарточку с дарственной надписью: «Вот, Оксана, какой я был узенький три года тому назад, а теперь растолстел, уширился и больше не стану сниматься, стыдно!

Будь здорова, будь счастлива.

М. Горький».

Фотография хранится в Музее М. Коцюбинского (Чернигов, Украина), воспроизведена в журнале «Работница» (1971. № 8. С. 13).

Большой интерес представляют неизвестные личные письма Оксаны — Ксении Михайловны Коцюбинской. В Архиве А.М. Горького хранится шесть писем Оксаны Горькому на украинском языке. Письма Горького к ней в его архиве не значатся. Можно сказать с уверенностью, что их было значительно больше, это выявляется при чтении писем адресата. Трагическая судьба Оксаны не способствовала сохранению её личного архива: Гражданская война на Украине, в которой юная девушка непосредственно приняла участие в качестве политрука бригады В.М. Примакова. Письма в такой обстановке могли быть утеряны. А может быть, они уничтожены во время ареста её мужа. Нет её писем с фронта, нет сообщений о замужестве её, обучении в народном университете А.Л. Шанявского. Письмо Коцюбинского Горькому от 21 ноября (4 декабря) 1910 г. начиналось с обращения Оксаны к писателю, это был ответ на его тревогу о болезни девочки: «Что было с Оксаною?» (3, 380): «Вибочайте, Олексію Максимовичу, що я не могла написати до Вас, я була слаба і мені робили операцію, робили під хлороформом. Ви мені дуже подобались на фотографії. Я хотіла б побачити Вас живим: може ми приїдемо на Капрі, як будуть у тата гроші... Оксана» (3, 430–431).

Так началась их переписка.

Письмо Оксаны о её болезни получило должную оценку Горького, 8 (21) ноября 1910 г. он ответил Коцюбинскому: «Сердечно приветствую супругу Вашу, детям пишу отдельно. Экое славное письмо Оксана прислала! Милая душа, видно. Поцелуйте ее»⁸.

Оксана ответила новогодней поздравительной открыткой. 26 декабря 1911 г. она писала из Чернигова: «З Новим Роком, дорогій Олексій Максимовичу! Дуже хотіла Вас поздоровити і побажати здоров'я та всього найкращого. Всі мені заздять, що я маю Вашу фотографію, а я дуже щаслива та хвалюся. Дуже рада, що з Вами тато, і що йому добре.

Бажаю Вам всього хорошого.

Ваша *Оксана*».

На открытке рисунок, изображающий украинскую хату (5).

Через месяц эту открытку Горький отправил сыну:

«Посылаю также письмо-открытку на малорусском языке, это писала девятилетняя девочка из Чернигова, дочь писателя украинского, Оксана, рисунок её же.

Огромное удовольствие чувствую я, переписываясь с ребятишками! Это, брат, самый лучший народище на земле; ты, как сам ещё ребятишка, не можешь понять, как они хороши, но я тебе советую от всей души: никогда не теряй внимания к детям!» (3, 256, 580).

Оксана, удивительно цельная личность, унаследовала от отца его лучшие духовные черты. Вспоминая Коцюбинского, Горький подчёркивал его эстетическую чуткость к доброму, веру в его «победную силу»: «в нём живёт чувство гражданина, которому глубоко и всесторонне понятно культурное значение, историческая стоимость добра.

Однажды, рассказывая ему план организации на Руси широкого демократического книгоиздательства, я услышал его мягкий голос, задумчивые слова:

— Нужно бы вести из года в год “Летопись проявления человеческого”, — ежегодно выпускать обзор всего, что сотворено за год человеком в области его заботы о счастье всех людей. Это было бы прекрасное пособие людям для знакомства их с самими собою, друг с другом <...>

Он очень часто говорил о демократии, о народе, и всегда это было как-то особенно приятно слушать и поучительно» (1, 172). Его большая семья (четверо детей: Юрий, Оксана, Ирина, Роман) всегда воспринимала жизнь как «борьбу за правду и справедливость». Благотворное влияние на воспитание детей оказало культурно-просветительское общество «Просвिति», организованное Коцюбинским в 1906 г. (Черниговское отделение) для революционной агитации в противовес националистической пропаганде. Старшие дети Юрий и Оксана уже в 1911 г. стали членами молодёжного кружка гимназистов, читали такую серьёзную литературу, как «Манифест Коммунистической партии». Ирина Михайловна Коцюбинская рассказала о таком интересном факте того времени. В 1911 г. в Чернигов приезжал Николай II. Власть организовала пышную встречу царя, в ней должны были принимать участие гимназисты, но члены ученического кружка объявили бойкот встрече. Родители поддержали их решение, объявив начальству, что у них нет денег, чтобы приобрести новую гимназическую форму. Так ни Юрий, ни Оксана не приня-

ли участие в чествовании царя «Миколи II, який потопив у народної крові революцію 1905–1907 років» (6, 15).

В 1912–1913 годах квартира Коцюбинских не раз была местом сбора и занятий нелегального кружка гимназистов. Очень часто сам хозяин дома помогал им разобраться в сложных политических вопросах, которые ставила перед ними жизнь. Коцюбинский был прекрасно осведомлён о политических событиях в России, Украине, Италии и др., он встречался на Капри с В.И. Лениным, А.М. Горьким, А.В. Луначарским и другими выдающимися писателями, издателями, и ему было о чем рассказать счастливой молодёжи. «Ты, друг Юлия, в подальшому большевик, герой громадянської війни <...> Виталий Примаков через багато років згадував, ідо під час навчання в Чернігівській гімназії він перебував під сильним впливом сіт'ї Коцюбинських» (6, 16).

13-летней гимназисткой дочь Коцюбинского — Оксана, вместе со своим старшим братом Юрием вела подпольную агитационную работу среди рабочих и ссыльных, неугодных царскому правительству. Так, один из ссыльных, Н.А. Присяжнюк, рассказывал: «Не встигли ми в готельні кімнаті сісти, — згадує Н.А. Присяжнюк, яка разом з іншими політв'язнями прибула тоді до Чернігова, — як до нас постукали. Ввійшли дівчина і хлопець (як потім з'ясувалося, це були Оксана і Юрій Коцюбинські) і сказали нам: “Не розв'язуйте ваші торби, збирайтеся і підете з нами. Ми вже найняли для вас кімнату. Ще у вересні місяці кївські більшовики передали нам, що ви вийшли етапом з Києва. Ми щоп'ятниці виходили зустрічати вас і оце, нарешті, сьогодні зустріли вас”. Ми забрали речі й пішли. Радості нашої не було меж, що ми попали до своїх» (6, 21–22).

Зимой 1928 г. Виталий Примаков сообщил Горькому о трагической судьбе своей жены Оксаны Коцюбинской: «Среди бумаг <...> я нашёл Вашу карточку с надписью, ряд Ваших подарков и мелочей, свидетельствующих о Вашем дружеском к ней отношении.

Поэтому я решил оповестить Вас о её судьбе <...> В 1912 году мы вступили в революционную организацию учащейся молодёжи, в которой уже работал Юрий, брат Оксаны. В 1914 году мы оба определились, как социал-демократы-большевики <...> В 1917 году я вернулся из ссылки и работал в Киеве, в качестве организатора и агитатора. Оксана приехала ко мне, мы поженились, стали работать вместе <...> (партизанская война сначала: немцы, партизанская война в Черниговских лесах) и Оксана поддерживала связь между отрядом и ЦК. Она участвовала в нескольких боях в качестве сестры милосердия, а иногда в качестве солдата <...> её очень любили все партизаны <...> Браунинг на поясе и награды за голову не уменьшили её сердечности и личных качеств <...> Прошло 7 лет со смерти Оксаны. <...> Я не могу забыть Оксану, я помню и сейчас её чудесную улыбку, неизменную жизнерадостность, тёплую сердечность. Она была отличным товарищем <...> Если Вы помните девочку Оксану — Вам не трудно будет представить её и взрослую: чудесные детские качества развились, отшлифовались в тяжёлой жизни и создали пре-

Раздел I. ПУБЛИКАЦИИ

красного человека. Вероятно, такими будут женщины, когда наш мир будет иным» (7).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горький М. М.М. Коцюбинский // Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения: В 25 т. М., 1971. Т. 11.
2. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 7. М., 2001.
3. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 8. М., 2001.
4. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 9. М., 2002.
5. АГ. КГ-рзн-3-60-6.
6. Ярошенко А. Борці за велику справу. Головком республіки. Київ, 1977.
7. АГ. КГ-рл-8-48-1.

1. О.М. КОЦЮБИНСКАЯ – ГОРЬКОМУ

26 декабря 1911, Чернигов

С Новым Годом, дорогой Алексей Максимович!

Очень хотела Вас поздравить и пожелать здоровья да всего наилучшего. Все мне завидуют, что я имею Вашу фотографию¹, а я очень счастлива да хвалюсь.

Очень рада, что с Вами папа, и что ему хорошо².

Желаю Вам всего хорошего.

Ваша *Оксана*

26/ХІІ

2. О.М. КОЦЮБИНСКАЯ – ГОРЬКОМУ

23 февраля 1916, Чернигов

г. Чернигов. Северянская ул.

№ 5, № 3

23 февраля 1916 года.

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Максимович!

Вы, наверное, очень удивитесь, когда получите это письмо, но мне внезапно так захотелось написать Вам, что я не могла вытерпеть. У меня временами бывают такие минуты, что я б всё на свете отдала за то, чтобы написать Вам, но я никак не могла узнать Ваш точный адрес... Мне потому хотелось написать Вам, что я ни одного человека и писателя не люблю так сильно, как Вас.

Папка мне очень много рассказывал о Вашей жизни, для меня нет бóльшей радости, как смотреть на Вашу фотографию¹, которую Вы мне подарили, и я никогда не забуду того, как я горько плакала, потерявши Ваше дорогое хорошее письмо! А когда я читаю Ваши произведения, то для меня наступают прекрасные минуты, и я не знаю, чтоб могла сделать тогда: что-нибудь необычайное, хорошее — всё под влиянием Ваших слов!.. Я так люблю Вас, так всею душою... Про меня знакомые говорят, что я очень экспансивная и из-за этого <Вы> видите во мне неразумную девушку, Алексей Максимович!

Я уже заканчиваю гимназию. Учусь довольно хорошо. Но гимназию очень не люблю. 17 в гимназии был вечер. Я читала свой реферат «Природа в русской поэзии 19-го и 20-го в.» Слава Богу, хорошо прошло. Все остались довольны.

Собираюсь в этот год поехать на курсы в Москву. Мне очень хочется на агрономический, но я точно ещё не знаю.

Если бы Вы только знали, как тяжело жить у нас дома, очень тяжело... нет ни покоя, ни радости <нрзб>, всегда напряжены нервы, боишься чего-то, нервничаешь.

А папы ... никак не забудешь, тяжело всё это вспоминать. Он так любил Вас, всё говорил, что краше человека, чем Вы, не знал. И меня папа любил больше, чем всех детей.

В Чернигове такой покой, так тихо, так скучно, что так и хочется вырваться куда-нибудь, чтобы работать, учиться!

Я такая необразованная девица, так мало знаю жизнь, людей, что и страшно, и грустно временами становится... а жить, жить так хочется.

Как же Вы поживаете, дорогой Алексей Максимович? Я так бы хотела знать про Вас хоть что-нибудь. Мне так дорога каждая весточка о Вас, какую я узнаю, прочитав в газете. Вы всё ещё находитесь в больнице?² Как бы я хотела иметь маленькую возможность, то поехала б в Петербург и посмотрела хоть одним глазком на Вас. Я Вас так прошу — не сердитесь на меня за моё письмо. Я не знаю — хорошо я это делаю или плохо, что пишу Вам, но я сразу не могу оценить это.

Все мои родные живут в Чернигове³. Мама работает в земстве; старший брат Юрко теперь в 8 классе, но он, наверное, останется на второй год, потому что перенёс сыпной тиф. Сестра моя Ира в 7 к<лассе>, а Роман в 5 классе. Папина мама и сестра тоже живут с нами. Они всегда болеют, и это ежедневно вызывает их жалобы на тяжкий Рок.

Я уже заканчиваю своё письмо.

Желаю Вам, Алексей Максимович, от всего сердца здоровья и счастья. Дай Боже Вам, чтоб Ваша жизнь была прекрасна, как небо, и чтобы Вас все так же глубоко любили, как очень уважающая Вас дочка Михаила Мих<айловича> Коцюбинского —

Оксана Коцюбинска

3. О.М. КОЦЮБИНСКАЯ — ГОРЬКОМУ

6 апреля 1916, Чернигов

6 апреля 1916 г. г. Чернигов

Дорогой Алексей Максимович.

Как Вы себя чувствуете и как Ваша болезнь?¹

И нужно ж было Вам заболеть. Хоть бы таких людей как Вы, пощадила жизнь!

Дорогой Алексей Максимович! Выздоровливайте как можно скорее на великую радость людям. Много людских душ беспокоятся о Вашем здоровье и желают в сердцах своих (или — и сердечно желают) Вам долгой и счастливой жизни.

Я так долго не писала Вам из-за того, что у меня было очень тяжело на сердце. Я так сейчас измучена, так у меня перепутано, что всё в душе как будто заморозилось, затупело².

М.А. Семашкина. «ЖИВИТЬ ДОВГО, ДОВГО – БО ТАКИХ ЛЮДЕЙ <...> МАЛО»

Я не знаю, не вижу, как благодарить Вас за Ваш подарок³, за письмо, за книгу. Я не могу найти таких слов, чтобы высказать ту благодарность и ту любовь, которую я чувствую от Вас. Спасибо, спасибо за это. Всю жизнь я буду Вам благодарна за то счастье, которое Вы мне дали.

У меня сейчас душа болит, и нет у меня сейчас ни слов, ни слез, а только тяжёлая, тёмная тревога. Я только воображаю. У меня сейчас мечта, чтоб как можно скорее Вы были б здоровы.

Алексей Максимович – дорогой Вы для меня, как никто, и я всё могла б сделать, чтобы только Вы не хворали. Я не верю тому счастью, которое может быть, что в этот год увижу Вас!!!⁴

Целую Вас нежно, крепко. С большим уважением и любовью

Оксана Коцюбинская.

4. О.М. КОЦЮБИНСКАЯ – ГОРЬКОМУ

7 апреля 1916, Чернигов

Дорогой Алексей Максимович.

Поздравляю Вас со Святками¹, и желаю радостного, хорошего настроения. Пришла к нам прекрасная, зелёная весна, с цветками да весёлыми пташками.

Как Ваше здоровье? Желая Вам много счастья, да побольше спокойствия.

Вся наша родня шлёт Вам свой глубокий привет. Мне очень хочется написать Вам много, много, но я боюсь, что Вы больной и не хочу, чтоб Вы утомились моим письмом.

Моя младшая сестра Ира очень Вас любит и очень хотела бы Вам написать письмо².

Будьте здоровы, дорогой, любимый Алексей Максимович. Всегда буду думать про то, чтоб Вы как можно скорее встали на ноги.

Нежно целую Вас, любящая Вас

Ваша Оксана Коцюб<инская>

7 апреля 1916 года

г. Чернигов.

Посылаем Вам фиалочки с нашего сада. Наверное, у Вас ещё нет цветов?

5. О.М. КОЦЮБИНСКАЯ – ГОРЬКОМУ

12 мая 1916, Чернигов

г. Чернигов.

12 мая 1916 года.

Я так долго не отвечала Вам, дорогой, любимый и глубоко уважаемый Алексей Максимович, что всё это время думала о Вас и никак не могла

прийти в себя. Ваш подарок перевернул всю мою душу¹. Я всё думаю: я, какая-то Оксана Коцюбинская и Максим Горький! Ничем не интересная и незаметная девица и великий, выдающийся человек, писатель! Я получила от него дорогой подарок, я! Но что такое я! Разве я могу Вас отблагодарить чем-нибудь за то великое, глубокое счастье, которое Вы мне дали?! Разве я могу чем-нибудь показать ту великую любовь и благодарность, которая у меня к Вам, Алексей Максимович? Вы мне сделали такой дорогой подарок, а ведь я была б самой счастливой, если б получила от Вас коробочку из-под спичек, либо кусочек бумаги. Так я знала б, что эта Ваша коробочка, Ваша бумага! Мне очень дорого, очень радостно Ваше внимание. И я благодарна от всего сердца. Вы моё солнце, ясное солнышко, горное, высокое, горячее... И как мне ни грустно сейчас жить, я, когда думаю о Вас, становлюсь самым счастливым человеком. Я Вас буду любить всю жизнь и никогда, никогда не забуду того света, и того счастья, которое Вы мне дали. Бывает, когда уж очень горько станет на душе, я задумываюсь: зачем эта жизнь, если не знаешь, как её прожить, как относиться к людям, куда пойти, чтоб быть необходимой, нужной.

И вот тогда, в самую тяжкую минуту я вспоминаю Вас, вспоминаю про то, что есть на свете и прекрасное, и великое, за что можно и нужно любить жизнь, и я живу с великой надеждою на лучшее время. И жить тогда и всех любить хочется мне.

Я всегда буду желать Вам всего наилучшего. Мне никто не дал большего счастья, чем Вы. Живите долго, долго — ибо таких людей, как Вы, таких хороших, как огоньки — мало. А они так нужны, потому что без них жизнь была бы пустой и не интересной.

Как Ваше здоровье сейчас, Алексей Максимович? Неужели Вы будете работать всё лето в Петрограде?

А я своё здоровье испортила, нервы расшатались, малокровие, кашляю. Нужно изменить теперь обстановку: вырваться из дома, поехать куда-нибудь, отдохнуть, как душой, так и телом.

Боже! Если Вы только знали, как мы все были б счастливы, если б Вы приехали в Чернигов. Погостили бы у нас, побывали у Папы. Моя старая бабуля говорит: «Напиши Алексею Максимовичу, что хотя я никогда его не видела, но люблю [его] всею душою, потому что много слышала <о нём> от своего Мусеньки. (Он её самый хороший сын был). Я спокойно померла б, если бы обняла и поцеловала друга моего сына».

Кончаю своё письмо. Спасибо, спасибо, большое спасибо. Я всё могла сделать для Вас: отдать без памяти свою жизнь Вам (если б это было нужно) чтобы только Вам высказать все, что у меня сейчас на сердце.

Будьте здоровы, будьте счастливы Великое сердце, великого хорошего, дорогого, золотого человека.

Алексей Максимович! Неужели, даст Бог, я увижу Вас осенью?²

М.А. Семашкина. «ЖИВИТЬ ДОВГО, ДОВГО – БО ТАКИХ ЛЮДЕЙ <...> МАЛО»

Никак не могу закончить. Писала б так всю свою жизнь.
От моей родни Вам горячий привет.
С большим уважением

Оксана Коцюбинская.

6. О.М. КОЦЮБИНСКАЯ – ГОРЬКОМУ

30 мая 1916, Боярка

19 30/V 16 года. Боярка. 4.

Дорогой Алексей Максимович.

Я очень встревожена Вашей болезнью¹. Откуда это Вам такая напасть. Желаю, чтоб Вы как можно быстрее выздоровели. А знаете — я тоже собираюсь поехать в Крым², ибо у меня очень плохой бронхит и немного болит в груди. Только ещё нужно пойти к врачу. Если выберусь, то поеду в Коктебель. А Вы куда собираетесь, дорогой Алексей Максимович? Может, так всё сложится, что мы с Вами таки увидимся? Буду каждый день просить Бога, чтоб Вам удалось приехать к нам³.

Ваш портрет жду с великой радостью⁴.

Сейчас я живу в Боярке⁵: Киев<ская> почта. Но буду тут не долго. Тут очень хорошо. Вокруг лес, такой огромный и всё — сосны. Много солнца, цветов. Я живу у своих знакомых.

Вам глубокий и большой привет от мамы, бабуси, сестры и братьев.

Благодарю Вас за Ваше письмо⁶.

Мне теперь очень тяжело, ибо я хочу начать так жить, чтоб помогать людям, чтоб быть самодостаточной, и чтоб я не волновалась каждую минуту, что я никуда не годна, что я ничего не могу сделать. Я совсем не знаю — какая дорога в жизнь самая прекрасная. Что нужно сделать, чтобы быть счастливою? Мне кажется, что самое наибольшее счастье — если тебя любят. Или это ж невозможно, чтоб все люди хорошо к тебе относились, невозможно? Так что ж нужно сделать, чтобы почувствовать, что ты необходимый в жизни человек? Вы скажете, что надо верить в свои силы, в себя! Но для меня это очень это трудно, ведь я ничего совсем не знаю. Я очень хочу учиться. Хочу много знать. Мне так стыдно, что я выросла такой девицей, так мало читала, так мало, совсем мало знаю. Но я постараюсь. Я хочу быть счастливой. Хочу нести помощь людям. Хочу жить по-человечески.

Знаете, Алексей Максимович, каждое Ваше слово, каждая Ваша строчка в письме — для меня имеют очень большое значение. Я так Вам благодарна. Желаю, чтоб около моря, на солнце, всем Вашим болезням пришёл конец!

У нас в Чернигове живёт очень хороший человек — д-р Владимирский. Он приехал в наш город осенью и много сделал хорошего для черниговцев. Он взбудоражил сонных людей, заставил своими лекциями «Мой ребёнок» [лю-

Раздел I. ПУБЛИКАЦИИ

дей] больше думать. К нему обращалось много, очень много людей с детьми и он [никогда] всегда каждому чем-нибудь да помогал. Хороший человек. Он очень популярный в Чернигове, но ему завидуют люди, и у него много врагов. Он доктор всяких заразных болезней. Профессор. Он для меня сделал очень много. Он поддержал в тяжкую минуту [мою] меня и возбудил во мне любовь к людям. Я его очень люблю.

А так в Чернигове вообще-то плохо. Постоянно люди ссорятся, говорят одна про другую небылицы. Да ещё такая неприятность: в Чернигове теперь «Лига свободной любви» и там бóльшая часть учеников: гимназисток и гимназистов. Очень неприятная эту штука!

Как Вы чувствуете себя сейчас? Дай Боже, чтобы всё пошло на лад и чтоб никогда Вы все-таки не болели.

Я уехала из дома. А теперь у нас как раз цветут столетние красные маки. Как я их люблю, Алексей Максимович! Если б я могла, то подарила бы Вам все свои цветки.

Будьте здоровы, дорогой Алексей Максимович. Берегите ради всего Святого своё здоровье. Спасибо Вам за все.

Оксана Коцюбинская

с любовью и большим уважением.

Посмотрите, что так трудно <пишу>: у меня сейчас очень болит рука.

О.К.

ПРИМЕЧАНИЯ

Большой интерес представляют письма Оксаны-Ксении Михайловны Коцюбинской Горькому, написанные на украинском языке. В Архиве Горького хранится лишь 6 её писем, ответных писем Горького нет, однако при чтении писем адресата выясняется, что переписка была, но трагическая судьба Оксаны не способствовала её сохранению: Гражданская война на Украине, в которой Оксана принимала непосредственное участие в качестве политрука бригады её мужа Виталия Примакова. Письма в подобной обстановке могли быть утеряны, а м.б. и уничтожены во время ареста Виталия Примакова.

1.

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-3-60-6) на украинском языке. Впервые: *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 9. М., 2002. С. 256–257 (письмо Горького М.А. Пешкову). Перевод на русский язык сделан Ириной Михайловной Коцюбинской, сестрой Оксаны (Работница. 1971. № 8. С. 13).

¹ См.: *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 8. М., 2001 (п. 189 и примеч.).

² Коцюбинский приехал на Капри 20 ноября (3 декабря) 1911 г.

2.

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-3-60-1) на украинском языке, впервые.

Перевод письма с украинского, как и все последующие письма, сделан составителем при участии Л. Кузнецовой.

¹ См.: *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 7. М., 2000 (п. 219 и примеч.).

² См.: *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 12. М., 2006 (п. 56, 63 и примеч.).

³ Семья Коцюбинских: старший брат Оксаны — Юрий (8 класс гимназии, род. в 1897 г.); Оксана (8 класс гимназии, род. в 1898 г.); сестра Ирина (7 класс гимназии, род. в 1899 г.); мл. брат Оксаны — Роман (5 класс гимназии, род. в 1901 г.); мать детей — Вера Иустиновна (1863–1921).

Когда М.М. Коцюбинский купил собственный дом, он перевёз к себе слепую мать Гликерию Максимовну и сестру Лидию.

3.

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-3-60-2), впервые.

Открытка датируется как ответ Оксаны на письмо Горького.

¹ О состоянии здоровья Горького Оксана узнавала из газет.

² Имеется в виду арест гимназиста Виталия Михайловича Примакова за революционную деятельность и его ссылка в Сибирь. Примаков был освобождён в первые дни Февральской революции.

³ Горький подарил Оксане аметистовое ожерелье. Об этом подарке упоминает муж Оксаны В. Примаков в письме Горькому (АГ. КГ-рл-8-48-1).

⁴ В письме к Зинаиде Васильевой от 14 марта 1916 г. Горький сетовал: «Никогда ещё не обращалось ко мне такое огромное количество людей за моральной помощью, с вопросами: чем жить, как жить? Это — ужасно!» (См.: *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М., 2006. Т. 12. С. 34). Вероятно, среди этих людей была и Оксана со своими бедами. Написав ей о своей скорой поездке в Крым, он предложил встретиться с ним.

4.

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-3-60-3), впервые.

¹ Православный праздник за неделю до Пасхи.

² Сведения о переписке Горького с Ириной Коцюбинской не разысканы.

Раздел I. ПУБЛИКАЦИИ

5.

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-3-60-4), впервые.

¹ См. п. 3 и примеч.

² Видимо, Горький пригласил Оксану к себе в Петроград осенью. Встреча состоялась весной 1917 г. (см.: Работница. 1971. № 8. С. 13).

6.

Печатается по А (АГ. КГ-рзн-3-60-5), впервые.

¹ См. п. 3, примеч. 1.

² «...я пребываю в Форосе с 13-го числа <июня>», — писал Горький родственникам (*Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 12. М., 2006 (п. 89 и примеч.).

³ В одном из писем Горький, видимо, обещал заехать в Чернигов по дороге в Крым.

⁴ Сведения о портрете не разысканы.

⁵ Дачный посёлок под Киевом.

⁶ Письмо Горького не разыскано.

Н.Н. ПРИМОЧКИНА

«...ПИШУ ВАМ, ПОТОМУ ЧТО ВАС ОЧЕНЬ ЛЮБЛЮ И ЦЕНЮ» (ПИСЬМА Н.И. БУХАРИНА ГОРЬКОМУ)

Аннотация

В статье на основе новых архивных материалов (документов и писем) анализируется история драматичных, но дружественных деловых и личных отношений «буревестника революции» Максима Горького и одного из главных партийных идеологов и руководителей советского государства Николая Бухарина, раскрывается подлинный трагизм их судеб в условиях сталинского режима, превратившего обоих из вершителей истории в её жертв. Впервые публикуются 23 письма Бухарина Горькому, хранящиеся в Архиве А.М. Горького ИМЛИ РАН.

Ключевые слова

Горький, Бухарин, деловые и личные отношения, сталинский режим, трагические судьбы, советская эпоха, письма Бухарина Горькому

Революционер-большевик, ближайший соратник В.И. Ленина, один из самых видных руководителей молодого советского государства, Николай Иванович Бухарин родился 27 сентября 1888 г. в Москве, в семье школьных учителей. Окончил 1-ю Московскую гимназию, получил блестящее образование. Читал по-английски, свободно владел французским и немецким языками, хорошо знал латынь. С детства увлекался рисованием. С 1907 г. учился на экономическом отделении юридического факультета Московского университета, откуда в 1911 г. был исключён за участие в революционной деятельности.

Во время революции 1905–1907 гг. вместе со своим другом Ильёй Эренбургом принимал активное участие в демонстрациях, организованных студентами Московского университета. В 1906 г. семнадцатилетний юноша вступил в РСДРП, примкнув к большевикам. В июне 1911 г. был арестован и сослан на три года в Онегу Архангельской губернии, в том же году бежал из ссылки, затем нелегально выехал за границу.

В 1912 г. в Кракове Бухарин познакомился с Лениным, с которым впоследствии поддерживал дружеские отношения. В эмиграции продолжал заниматься самообразованием, изучая сочинения основателей марксизма и труды своих современников. Особенно сильное влияние на формирование взглядов Бухарина оказал «левый» коммунист А.А. Богданов.

В 1914 г., с началом Первой мировой войны, Бухарин был арестован властями Австро-Венгрии по подозрению в шпионаже и выслан в Швейцарию. В 1915 г. через Францию и Англию уехал в Стокгольм. В марте 1916 г. был арестован и после нескольких недель тюрьмы выслан из Швеции в Норвегию. С октября 1916 г. жил в Нью-Йорке, где редактировал вместе с Л.Д. Троцким газету «Новый мир».

После Февральской революции 1917 г. Бухарин немедленно принял решение о возвращении на родину, однако вернулся в Россию только в мае 1917 г., поскольку был арестован в Японии, через территорию которой ехал. По возвращении в Россию был избран членом ЦК РСДРП(б), работал в Московском комитете партии, участвовал в Московском вооружённом восстании. В течение многих лет с небольшим перерывом в 1918 г. был главным редактором газеты «Правда», ведущим партийным идеологом и экономистом-теоретиком советского государства. Подготовил предложения по национализации промышленности и созданию органов управления экономикой во главе с Высшим советом народного хозяйства (ВСНХ). С 1919 г. являлся членом Исполкома Коминтерна, а с 1926 г. — его фактическим руководителем.

Подводя итоги своих многолетних наблюдений за деятельностью Бухарина, Ленин так охарактеризовал его место и роль в партийном руководстве страны в известном «Письме к съезду»: «Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нём есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)» (1, с. 345).

После смерти Ленина Бухарин становится членом Политбюро ЦК, одним из влиятельнейших руководителей партии и государства и близким другом И.В. Сталина. Бухарин принадлежал к немногим, обращавшимся к Сталину на «ты» и называвшим его Кобой. Сталин, в свою очередь, звал его «Бухарчиком». В 1923–1924 гг. Бухарин оказал существенную поддержку Сталину в борьбе против Троцкого, в 1925–1926 гг. — против Л.Б. Каменева и Г.Е. Зиновьева.

Проанализировав после смерти Ленина причины неудач «военного коммунизма», Бухарин превратился в активного сторонника провозглашённой вождём новой экономической политики. Теперь он делал акцент на необходимости дальнейшего проведения экономических реформ в русле нэпа. Вместе с тем, он принимал участие в разработке сталинской теории «социализма в од-

ной отдельно взятой стране», противопоставленной идее перманентной мировой революции Троцкого.

Однако начиная с 1928 г. пути Бухарина и Сталина всё более расходятся. В это время Бухарин выступил против всеобщей коллективизации и чрезвычайных мер по отношению к деревне, предлагая мягкий, постепенный, эволюционный путь развития промышленности и сельского хозяйства. Но это противоречило курсу Сталина на всеобщую коллективизацию и ускоренную индустриализацию.

В ноябре 1928 г. Пленум ЦК назвал позицию Бухарина и разделявших её членов Политбюро А.И. Рыкова и М.П. Томского «правым уклоном». На апрельском Пленуме ЦК 1929 г. продолжился разгром группы Бухарина, а сам он за фракционную деятельность вскоре был снят с поста главного редактора газеты «Правда» и выведен из Президиума Исполкома Коминтерна. Тогда опальный политик попросил направить его на скромную должность заведующего сектором научно-исследовательской работы ВСНХ СССР, а после его расформирования в 1932 г. стал заведующим научно-исследовательским сектором и членом коллегии Наркомата тяжёлой промышленности СССР. В 1931–1936 гг. он был издателем научно-популярного и общественного журнала «Социалистическая реконструкция и наука» («СоРеНа»). Бухарин был одним из редакторов первого издания Большой советской энциклопедии. В 1929 г. он был избран действительным членом Академии наук СССР по социально-экономическим наукам. С 1930 г. Бухарин являлся председателем Комиссии по истории знаний (КИЗ), с 1932 г. — директором Института истории науки и техники АН СССР. Кроме того, с 1934 по 1937 гг. он был главным редактором газеты «Известия ЦИК СССР и ВЦИК».

Бухарин был на 20 лет моложе Горького и не входил в круг тех революционеров (В.И. Ленин, А.А. Богданов, Г.А. Алексинский, А.В. Луначарский и др.), с которыми писатель сблизился после революции 1905 г. в эмиграции. В годы Октябрьской революции и гражданской войны Горький, как известно, был настроен весьма критически по отношению к политике большевиков, резко осуждал их методы насилия и террора, уничтожение богатого культурного наследия страны, преследование интеллигенции. Деятельность Бухарина, прославлявшего в то время «пролетарское принуждение во всех своих формах», видимо, не была исключением. В 1921 г. Горький, например, с возмущением писал о «культурной» политике большевиков, в том числе о популярном в то время учебном пособии Бухарина «Теория исторического материализма» (1921): «Гуманитарные науки <...> целиком взяты под подозрение в нашей стране. Студенты наших университетов — народных — учатся философствовать по книге Бухарина “Теория материализма”» (2, 241).

Начало особым, дружественным отношениям писателя и политика положила поездка Бухарина в 1922 г. в Германию. Ни в литературе о Горьком, ни в литературе о Бухарине ранее не встречалось упоминания о таком весьма лю-

бопытном факте, что Бухарин лечился в том самом санатории и в то же самое время, когда там находился Горький (Впервые об этом см.: 3, 62–63). Можно предположить, что Ленин, зная о местопребывании Горького, специально послал своего любимца лечиться в санаторий Санкт-Блазиен. С уехавшим из России осенью 1921 г. писателем следовало наладить контакт, чтобы воздействовать на его настроения и взгляды и таким образом ненавязчиво повлиять на его выступления в западной прессе, от которых существенно зависело реноме молодого, с трудом признаваемого Европой государства. Блестящий собеседник и обаятельный человек, Бухарин как нельзя лучше подходил для этих целей.

О встрече Бухарина с Горьким в Германии, возникновении взаимного интереса и человеческих симпатий мы узнаём из переписки, сохранившейся в горьковском архиве. Тяжело больной туберкулёзом, истощённый нервно и физически писатель вскоре после отъезда из России был вынужден отправиться на лечение в немецкий санаторий, где провёл четыре месяца, с декабря 1921 по начало апреля 1922 г. А в конце февраля — начале марта туда же прибыл Бухарин. 18 марта Горький писал в Берлин своему секретарю П. П. Крючкову по поводу готовящегося в Москве процесса эсеров: «Речь Ленина? Здесь — Смилга¹, Бухарин, и — оба они не понимают, что творится в Москве. Сведений у них — никаких нет, никто ничего им не пишет, хотя Бух. — член ЦК! Нервничает он — отчаянно и, разумеется, это очень во вред его плохому сердцу. Хочет бросить лечение и ехать в Берлин» (4, 39–40).

Переживания и волнение Бухарина можно понять. Он был поставлен в достаточно неловкое, щекотливое положение. 5–8 апреля 1922 г. в Берлине состоялась конференция трёх Интернационалов, на которой он наряду с К. Радеком представлял Коминтерн. Заграничные социалисты, возмущённые готовящимся в России судебным процессом правых эсеров, потребовали от советских делегатов письменного обещания не применять к подсудимым смертную казнь. И Бухарин с Радеком под нажимом участников конференции такое обещание подписали. Ленин посчитал эту уступку ошибкой своих посланцев и тут же написал об этом статью «Мы заплатили слишком дорого», которая была напечатана 11 апреля одновременно в «Правде» и в «Известиях» (№ 81).

Вскоре после возвращения в Москву Бухарин написал Горькому своё первое письмо, шутливо и несколько фамильярно обращаясь к нему «Алексей Максимович, Прекрасные Усы», что свидетельствовало об установившихся между ними особо доверительных, дружеских отношениях. Судя по публикуемым ниже письмам Бухарина Горькому, общение их в санатории было довольно тесным. Пользуясь этой дружбой, Бухарин частенько позволял себе то мягко, то довольно грубо журить старшего товарища, указывая на его политические «ошибки» и «заблуждения». В том же письме от первой половины мая 1922 г. он писал о реакции советского партийного руководства на появление в западной

печати статьи Горького «Русская жестокость» из цикла «О русском крестьянстве»: «Нас всех очень огорчила Ваша статья в “Politiken” <...> Ну какого рожна Вы, Прекрасные Усы, идёте в такие сволочные газеты <...> Вы не представляете объективного значения отклика, инструментальной роли Ваших высказываний в теперешний момент. Я знаю, что Вы на меня рассердитесь. Но пишу Вам, потому что Вас очень люблю и ценю».

И сердитый «ворчун» Горький вынужден был оправдываться. 1 июня 1922 г. он подробно отвечал Бухарину, пытаясь отвести его упреки и разъяснить мотивы своего выступления: «Спасибо за Ваше хорошее, товарищеское письмо. На такие письма — не сердятся, за них — крепко жмут руку.

Посылаю Вам оригинал статьи <...> Не сообразил я, что печатать её во дни Генуи² было нетактично, но я и не думал, что её напечатают так скоро. Однако кое-кого она убедила в том, что Сов. власть — власть исторически оправданная <...> Слышу, что наиболее порядочные люди из эмигрантов говорят: статья примиряет с Сов. властью, что, действительно, только большевизм мог оживить крестьянство <...>

Сердечный привет В. Ильичу, Рыкову, Троцкому.

Вам — крепко жму руку, хорош Вы человек, чудесный товарищ» (4, 56–57).

Однако очень скоро отношения Горького с Бухариным, так же, как с остальными членами советского руководства, сильно испортились. Это было связано всё с тем же затеянным большевиками судебным процессом эсеров, который проходил в Москве с 8 июня по 7 августа 1922 г. Несмотря на письменные обещания Бухарина и Радека, данные представителям международного рабочего движения, ход этого процесса ясно указывал на то, что часть подсудимых ожидает смертный приговор. Тогда русские социал-демократы (меньшевики), проживавшие за границей, решили прибегнуть к помощи Горького как к последнему средству спасения арестованных. В начале июля 1922 г. писатель, под давлением меньшевистских лидеров Л. Мартова и Б.И. Николаевского, выступил с открытыми письмами к заместителю председателя Совнаркома А.И. Рыкову и к сочувствующему Советской России А. Франсу, в которых выразил резкий протест против этого процесса и против большевистских методов террора вообще. «Если процесс социалистов-революционеров будет закончен убийством, — писал он Рыкову, — это будет убийство с заранее обдуманым намерением, — гнусное убийство. Я прошу Вас сообщить Л.Д. Троцкому и другим это моё мнение. Надеюсь, оно не удивит Вас, ибо Вам известно, что за всё время революции я тысячекратно указывал Советской власти на бессмыслие и преступность истребления интеллигенции в нашей безграмотной и некультурной стране. Ныне я убеждён, что если эсеры будут убиты, — это преступление вызовет со стороны социалистической Европы моральную блокаду России» (4, 66).

Вскоре это письмо появилось в иностранной прессе, затем было перепечатано во многих эмигрантских газетах. (В России его публикация состоя-

лась только в эпоху «перестройки» (5, 243–244)). Советским руководством выступление Горького было расценено как предательство. Если после появления в зарубежной печати статьи Горького «Русская жестокость» Бухарин как главный редактор «Правды» ещё мог промолчать, то теперь Троцкий и другие члены Политбюро ЦК дали ему прямое указание разоблачить «заблудшего» писателя, «которого в политике никто всерьёз не берёт» (4, 413). 18 июля 1922 г. в «Правде» (№ 158) была напечатана статья С. Зорина «Почти на дне (О последних выступлениях Горького)», в которой писатель обвинялся в буржуазном перерождении и в том, что он сильно «вредит нашей революции». 21 июля в той же «Правде» (№ 161) со стихотворным фельетоном «Гнетучка» выступил Демьян Бедный, утверждавший, что в результате жизни за границей Горький оторвался от родной почвы и что теперь он «насквозь отравлен тучей разных остервенело-буржуазных белогвардейских комаров».

От больного, проживавшего в Горках под надзором врачей Ленина «скандальное» письмо Горького об эсерах было скрыто. Вождь познакомился с ним позже по публикации в меньшевистском эмигрантском журнале «Социалистический вестник» (1922. № 13–14. 20 июля) и тотчас же, 7 сентября 1922 г. написал Бухарину, который вместе с женой был в это время в Германии: «Я читал (в “Социалистическом вестнике”) поганое письмо Горького. Думал было обругать его в печати (об эсерах), но решил, что, пожалуй, это чересчур. Надо посоветоваться. Может быть, Вы его выдаёте и беседуете с ним? Напишите, пожалуйста, Ваше мнение» (6, 279). Возможно, именно этой просьбой Ленина было вызвано следующее письмо Бухарина Горькому, в котором он сожалел, что не смог встретиться с писателем в Берлине, сообщал о болезни вождя и осторожно предупреждал своего адресата о неприемлемости для советских властей его деловых контактов и совместных издательских проектов с эмигрантами-меньшевиками — «этим гнильём, нытиками, гробокопателями» (См. п. 2 и примеч.).

Неизвестно, что ответил Бухарин Ленину, какой совет он ему дал. Но в результате Ленин всё же не стал публично «разоблачать» и «клеить» Горького в печати. Тем не менее писатель долго и тяжело переживал травлю в советской прессе, начатую против него «Известиями» и «Правдой» летом 1922 г. С этого времени он перестал говорить в письмах на родину о своём скором возвращении. 21 апреля 1923 г. Горький писал о своих новых мрачных настроениях Р. Роллану: «...за моё отношение к процессу социалистов-революционеров меня провозгласили “врагом народа”. Принимая во внимание, что с той поры я не один раз писал моим друзьям-вождям о гнусности и глупости этих подготовок к убийству Буткевича, Цепляка и патриарха Тихона³, их отношение ко мне, как к “врагу” народа, несомненно, упрочилось ещё сильнее. <...>

Всё это, конечно, чепуха, но признаюсь, что довольно с меня этой чепухи! — Я хочу писать, много писать и не чувствую ни малейшего желания возвращаться в Россию. Я не мог бы писать, если бы вынужден был всё своё

время тратить на то, чтоб непрерывно повторять: “Не убий”. Убийца всегда подлец, но когда он выполняет это в целях пропаганды, то он в сто крат подлее! А террор в России всё увеличивается» (4, 176).

В начале 1920-х годов философские и общественно-литературные позиции Горького и Бухарина существенно отличались. Оптимистически настроенному Бухарину были чужды острокритические публицистические и художественные размышления о русском народе, его исторических судьбах глубоко разочарованного происходящим на родине Горького. Пытаясь переубедить писателя, вдохнуть в него свою большевистскую «веру», Бухарин писал ему летом 1923 г. по поводу его новых произведений: «Художественно, читать — наслаждение. Но нет ли у Вас начала опростительства под влиянием западноевропейского кризиса и переоценки всех ценностей в “буддийском” направлении? Не влияет ли на Вас сейчас трагическая червоточина гибнущих кругов?» (см. п. 3).

Несмотря на принципиальные политические и идейные разногласия с Горьким, правящая большевистская верхушка и в отсутствие тяжело больного Ленина не теряла надежды вернуть писателя-«еретика» сначала в Россию, а затем и в свои ряды. 6 июля 1923 г. Зиновьев и Бухарин обратились к Горькому по этому поводу с письмом. Зиновьев уговаривал писателя вернуться на родину, заверяя, что любит и ценит его. Бухарин сделал к этому письму следующую приписку, в которой также агитировал Горького «за советскую власть» и грубо ругал политическую эмиграцию:

«Дорогой Алексей Максимович!

Пользуюсь случаем (сидим вместе с Григорием на заседании), чтобы сделать Вам приписку. Я Вам уже давно посылал письмо, но ответа не получил. С тех пор у нас основная линия на улучшение проступила до того ясно, что Вы бы “взвились” и взяли самые оптимистические ноты. Только вот огромное несчастье с Ильичом. Но всё стоит на прочных рельсах, уверяю Вас, на гораздо более прочных, чем в гнилой Центральной Европе. Центр жизни (а не хныканья) у нас. Сами увидите! Насколько было бы лучше, если бы Вы не торчали среди говёнников, а приезжали бы к нам. Жить здесь в тысячу раз радостнее и веселее!

Крепко обнимаю.

Бухарин» (7, 207).

Однако Горький, у которого со времён революции и гражданской войны сложились плохие отношения с Зиновьевым и которого, видимо, сильно раздражали непристойные ругательства в адрес меньшевистских лидеров в письмах Бухарина, решил ответить своим корреспондентам не прямо, а через посредство заместителя Ленина Рыкова, с которым незадолго до этого встречался в Германии.

В приписке к этому письму Рыкову, адресованной Зиновьеву и Бухарину, Горький указал на две основные причины его нежелания возвращаться

на родину: плохое состояние здоровья и враждебное отношение советских властей к его зарубежной литературно-издательской деятельности, в частности, запрет на распространение в России его берлинского журнала «Беседа» (4, 211).

После того, как Рыков показал это послание адресатам, Бухарин 25 августа 1923 г. написал Горькому обиженное письмо: «Алексей Ив<анович> показывал Ваше письмо. Почему Вы не ответили непосредственно? Ведь мы Вам писали в совершенно неофициальном порядке. Разве это не было видно? Вы, ей-богу, не видите из-за деревьев леса». 18 или 19 сентября Горький сообщал Б.И. Николаевскому: «Получил письмо от Бухарина, в ответ на моё письмо Рыкову, завтра отвечу; посмотрим, что будет» (4, 245). На следующий день, 20 сентября он просил своего секретаря П.П. Крючкова: «...пожалуйста — отправьте прилагаемое письмо Бухарину в Миссию для скорейшей передачи адресату. Сие очень важно» (4, 245). Как видим, Горький придавал этому письму особое значение. Вероятно, в нём писатель высказал свою общественно-политическую и нравственную позицию по наиболее актуальным, животрепещущим вопросам современной жизни Советской России, позицию, которая коренным образом отличалась от официально принятой в государственных и партийных верхах. К сожалению, это письмо Горького пока не разыскано. Но после него переписка писателя с Бухариным прервалась почти на два года.

Как уже говорилось, далеко не всегда Горький был согласен с Бухариным и не всегда одобрял его деятельность. Порой его шокировали грубые и непродуманные, на его взгляд, выступления полемиста-партийца. Так, 11 марта 1924 г. Горький писал Е.П. Пешковой: «...не найдёшь ли книгу И.П. Павлова “20-летний опыт”, книгу, против которой так развязно полемизирует Н. Бухарин в “Кр<асной> нови”...» (4, 312). Говоря о том, что философия марксизма «вносит в область высшей психической деятельности человека довольно грубый, а потому и вредный рационализм», писатель в 1925 г. в качестве примера, подтверждающего эту его мысль, вновь ссылаясь на «статью Бухарина против академика И.П. Павлова» (8, 164).

Горький имел в виду большую статью Бухарина «О мировой революции, нашей стране и прочем (Ответ профессору И. Павлову)», напечатанную в журнале «Красная новь». Полемизировал в ней Бухарин не с научными выводами академика, а с его определением марксизма и коммунизма, прозвучавшим в публичной лекции. В своей статье Бухарин цитировал такое «еретическое» высказывание Павлова: «Марксизм и коммунизм это вовсе не есть абсолютная истина, это — одна из теорий, в которой, может быть, есть чистая правда, а может быть, и нет правды» (9, 172). Это высказывание Бухарин охарактеризовал как «абракадабру» и «наивничание». Однако Горький, как видно из вышеприведённых писем, был согласен скорее с Павловым, чем с Бухариным.

В то же время Горький, внимательно следивший из-за границы за культурной и литературной жизнью на родине, не мог не видеть положительной

роли Бухарина, пользовавшегося особым доверием творческой и научной интеллигенции. Вот что пишет об этом периоде его жизни автор фундаментальной книги «Бухарин: Политическая биография. 1888–1938» С. Коэн: «...Период пребывания Бухарина у власти совпал с замечательным оживлением интеллектуальной и художественной творческой деятельности как внутри, так и вне партии. Он не был единственным покровителем этого процесса, но его высокое положение гарантировало официальную терпимость к таким вещам на протяжении 20-х годов. Он способствовал развитию художественных и научных достижений и составлял редкое исключение в среде партийных вождей, состоя в хороших отношениях с такими разными людьми, как Осип Мандельштам, Михаил Покровский, Максим Горький и Иван Павлов» (10, 280).

Не мог не сочувствовать Горький и выступлениям Бухарина против ненавистных писателю руководителей Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей и редакции печально знаменитого журнала «На посту», против их претензий на гегемонию в делах литературы. Критик А.К. Воронский, вступивший в 1920-е годы в смертельную схватку с «напостовцами», сообщал Горькому 6 марта 1925 г.: «Литературная драка как будто ослабевает. В верхах “напостовцы” терпят поражения. Делу этому помогает т. Бухарин. Хорошо, если литературная атмосфера несколько очистится, а то очень тяжело было» (11, 17–18).

Говоря о поражении «напостовцев» в «верхах», Воронский имел в виду работу литературной комиссии при ЦК ВКП(б), готовившей резолюцию «О политике партии в области художественной литературы». Большую лепту в работу этой комиссии внёс своими выступлениями Бухарин. Хотя он был давним и страстным приверженцем идеи особой «пролетарской культуры» и восторженно приветствовал рождение «пролетарского» романа и «пролетарской» драмы, он решительно выступил против стремления пролетарских литературных организаций к единоличной власти, призывал завоёвывать доверие писателей-«попутчиков», а не «бить их дубинкой до бесчувствия» и не «зажимать их в тиски». Мысли Бухарина о свободном соревновании различных школ и направлений в литературе, о недопустимости жёсткого партийного диктата в области культуры нашли отражение в написанной им и затем принятой ЦК знаменитой резолюции «О политике партии в области художественной литературы» 1925 г.

В большом письме от 14 мая 1925 г. Бухарин информировал Горького, во-первых, о повороте партии «лицом к крестьянству», теоретиком и инициатором которого был он сам, а также о готовящейся смене политики в области художественной литературы. «Я, как видите, всё агитирую Вас, — писал в заключение Бухарин, — хотя Вы никогда ни строчечки не напишете». На этот раз Горький ответил. Обрадованный, что партийное руководство наконец-то обратило внимание на «литературный фронт», писатель в ответном письме намечает целую программу осуществления грамотной литературной политики

в стране. Как известно, Горький всегда с недоверием относился к русскому крестьянству и возможности его союза с пролетариатом. Стараясь понять необходимость новой политики «смычки» города и деревни, он всё же и здесь предостерегал Бухарина от опасных, по его мнению, тенденций «дифирамбов деревне» в произведениях текущей литературы. Далее Горький советовал партийному руководству не давить марксистской идеологией на талантливую молодёжь из «попутчиков», а предоставить ей большую творческую свободу и избавить от травли со стороны «напостовцев». «Литературная молодёжь, — писал он в этом письме от 23 июня 1925 г., — восхищает меня. Отношение к ней “напостовцев” — дурацкое. Все эти Родовы, Лелевичи, Вардины прежде всего бездарны. Да, видимо, и малограмотны. Не следует затискивать начинающих писателей в угол, хотя бы и в марксистский. Они уже достаточно революционны в своей органической ненависти к “быту” <...> Они сами придут к революционному, героическому пафосу, пафосу спокойному, но — беспощадному ко всякой “старинке” в слове и деле» (8, 206).

Это письмо, написанное за неделю (!) до обнародования резолюции ЦК о литературе, во многих своих положениях и мыслях совпало с основным пафосом этого партийного документа.

Горький воспринял резолюцию с глубоким удовлетворением, связывал с ней свои надежды на очищение литературной атмосферы, большую свободу творчества, либерализацию советской политики в отношении беспартийной интеллигенции и творческих работников. 13 июля 1925 г. он вновь писал Бухарину, явно поощряя и благодаря его за этот партийный документ: «Резолюция ЦК “О политике партии в области художественной литературы”, — превосходная и мудрая вещь, дорогой Николай Иванович! Нет сомнения, что этот умный подзатыльник сильно толкнёт вперёд наше словесное искусство <...> И своевременно и мудро приласкать несколько — молодых, воодушевить их, как это и сделано в резолюции ЦК» (8, 214, 216).

28 мая 1928 г. Горький впервые после шести с половиной лет пребывания в Европе приехал на родину. На Белорусском вокзале в Москве его встречали многие видные партийные и государственные деятели, и среди них в первых рядах — Бухарин.

В начале июля Горький отправился в большое путешествие по городам и республикам Союза. Во время поездки он встречался с многочисленными делегациями трудящихся и партийных активистов, выступал на митингах, посещал детские трудовые колонии и дома творчества, музеи и театры, клубы и библиотеки. Внимательно наблюдая за жизнью людей Советской России, писатель был не только очарован увиденным, но и серьёзно встревожен теми негативными, уродливыми чертами в развитии советского общества, которые он сумел рассмотреть. Например, в письме от 31 декабря 1928 г. своему старому знакомому, писателю И.М. Касаткину, делясь впечатлениями от пребывания на родине, Горький признался, что был «ошеломлён» их «противоре-

чивостью». Они вызвали у него одновременно «и восторг, и тревогу». Далее писатель разъяснял, что восторг был вызван увиденной им героической работой масс, изменениями «к лучшему» в «туманной психике» россиян, «тревога же вызвана тем, что <...> переживаем моментик тяжёлый и что это далеко не всем ясно» (12, 166). Эта главная причина тревоги Горького — тяжёлый «моментик» в жизни страны — раскрывается в вышеупомянутом письме Касаткину и многих других письмах этого времени как «разноречие между городом и деревней», вызванное сопротивлением крестьянства насильственным хлебозаготовкам и коллективизации.

К концу 1920-х годов в развитии народного хозяйства СССР наметились серьёзные противоречия между социалистическим по преимуществу характером промышленного производства и основанным на частной собственности сельским хозяйством. Причём в аграрной стране, которой продолжала оставаться Россия, сельскохозяйственное производство зерна составляло основу её экономики. Для задуманной руководством страны ускоренной индустриализации нужны были огромные средства, которые можно было взять только у крестьянства. Однако крестьяне как полновластные хозяева произведённой ими продукции не хотели продавать государству хлеб по заниженным ценам. В результате плановые хлебозаготовки упали к концу 1927 г. почти наполовину. Оказавшись перед угрозой голода в городах, партийное руководство страны в декабре 1927 — январе 1928 г. разослало на места секретные директивные письма с требованием увеличить хлебозаготовки любым путём, в том числе и с помощью «чрезвычайных» репрессивных мер. Члены Политбюро поехали по областям «выкачивать хлеб». Сам Сталин ездил с этой миссией в Сибирь. За отказ продавать хлеб была введена уголовная ответственность — лишение свободы с конфискацией имущества. Реакцией на применение чрезвычайных мер стали крестьянские вооружённые восстания и террористические акты против хлебозаготовителей. Несмотря на это, весной того же года Сталин циркулярным письмом поставил задачу покрыть всю страну колхозами и совхозами, хотя вплоть до конца 1929 г. во всех официальных партийных документах говорилось об исключительной добровольности вступления в колхозы и о коллективизации как задаче, рассчитанной на неопределённо длительный срок. Горький, как и многие его современники, видимо, верил, что коллективизация проходит в деревне на добровольной основе и что многочисленные «перегибы» в отношении крестьянства допущены по глупости или излишнему рвению местных властей, а не по прямой указке сверху.

В это же время в верхушке партии, только что освободившейся от левой троцкистской оппозиции, вновь наметились серьёзные разногласия. На этот раз против Сталина выступили члены Политбюро Бухарин, Рыков и Томский. Разногласия в Политбюро вырвались наружу при обсуждении политики хлебозаготовок в 1928 г. на июльском пленуме ЦК ВКП(б). Бухарин и его товарищи говорили о тяжёлом, кризисном положении страны,

о «размычке» крестьян и рабочих, об ошибках «нового курса». Разойдясь со Сталиным, Бухарин в июле 1928 г. стал искать поддержку и встретился с Л.Б. Каменевым, только что восстановленным в партии после опалы, которой он подвергся как один из лидеров левой оппозиции, и попытался создать с ним антисталинский блок. Об этих переговорах стало известно Сталину, который воспринял их как «двурушничество» Бухарина и вскоре заговорил о «правом уклоне» как главной опасности для партии.

Горький, бесспорно, знал о настроениях Бухарина и его встрече с Каменевым. Рыков, Каменев и Бухарин были наиболее близкими ему людьми в высшем партийном руководстве. Разногласия, раскол и непрекращающаяся борьба в партии, травля, которой подвергались его друзья, не на шутку тревожили Горького. Он мечтал о примирении враждующих сторон для общей партийной, хозяйственной и культурной работы, о чём не раз упоминал в письмах этого времени.

В течение всего 1928 г. кризис народного хозяйства продолжал углубляться. Планы хлебозаготовок остались опять невыполненными, озимые посевы снизились, города оказались на грани голода, во многих из них были введены хлебные карточки. В результате к крестьянству вновь были применены «чрезвычайные меры». В 1929 г. три четверти крестьянского населения страны получило всего одну восьмую часть национального дохода. По сути, шла «перекачка» средств из деревни в город, из сельского хозяйства в тяжёлую промышленность. В результате подобной политики крестьяне подняли в 1929 г. более тысячи мятежей и восстаний.

Горький видел, что страна находится на пороге гражданской войны, но, как и в 1917 г., больше всего боялся, что тёмная крестьянская стихия затопит островки социалистических преобразований в экономической и культурной жизни Советской России. Не внушала Горькому оптимизма и непрекращающаяся борьба в высшем партийном руководстве. На апрельском пленуме ЦК ВКП(б) 1929 г. Бухарин, Рыков и Томский были обвинены во фракционности, их заставляли «покаяться», но они отказались. Окончательному разгрому «правая оппозиция» подверглась на следующем, ноябрьском Пленуме ЦК, на котором Бухарин, вновь отказавшийся от «покаяния», был выведен из состава Политбюро. В результате Бухарин, Рыков и Томский были вынуждены поддерживать сталинский курс на ускоренную индустриализацию и коллективизацию. После пленума они выступили с публичным покаянием и окончательно капитулировали перед Сталиным.

Горький был рад временному примирению в высшем партийном руководстве. 29 ноября 1929 г. он писал в связи с этим Сталину: «Страшно обрадован возвращением к партийной жизни Бухарина, Алексея Ивановича <Рыкова. — Н.П.>, Томского. Очень рад. Такой праздник на душе. Тяжело переживал я этот раскол» (13, 169). Разумеется, Горький, как и «правые уклонисты», был против «чрезвычайных мер» по отношению к крестьянству. Но в то же

время писатель вполне искренно и сознательно решил поддержать курс Сталина, потому что видел будущее своей родины только на путях ликвидации частной собственности и коллективизации индивидуальных крестьянских хозяйств.

подавив последнюю попытку сопротивления «правых» своему политическому курсу, Сталин в конце декабря 1929 г. впервые открыто выступил с предложением перейти к «ликвидации кулачества как класса» и «сплошной коллективизации». 5 января 1930 г. было принято соответствующее постановление ЦК ВКП(б), а уже 8 января Горький послал Сталину письмо, в котором не только поддержал его политический курс, но и указал на великий социальный и философский смысл проводимых им преобразований в деревне, подчеркнул их революционное, поистине эпохальное значение. «...после того, — писал он, — как партия столь решительно ставит деревню на рельсы коллективизма — социальная революция принимает подлинно социалистический характер. Это — переворот почти геологический и это больше, неизмеримо больше и глубже всего, что было сделано партией. Уничтожается строй жизни, существовавший тысячелетия, строй, который создал человека крайне уродливо своеобразного и способного ужаснуть своим животным консерватизмом, своим инстинктом собственника. Таких людей — два десятка миллионов. Задача перевоспитать их в кратчайший срок — безумнейшая задача. И, однако, вот она практически решается» (14, 215).

Как видим, в письме Горького речь идёт исключительно о воспитательных, но отнюдь не о репрессивных мерах в отношении русского крестьянства. Писатель считал, что коллективизация должна проходить на добровольных началах, методами просвещения, убеждения и агитации сельского населения. Горький и сам активно участвовал в этих культурных акциях. Он встречался с сельскими активистами, переписывался с селькорами, посылал тысячи книг в избы-читальни, писал многочисленные статьи и обращения к крестьянству, составлял детальные планы издания книг для деревни, способствовал массовому выпуску книги «Крестьяне о Советской власти» (М.; Л., 1929), к которой сам написал предисловие.

1928–1933 гг. — время наибольшего официального признания писателя советскими властями. Он вознесён на вершину славы, вхож в самые высокие кабинеты, осыпан всевозможными милостями. Сам вождь народов регулярно ходит к нему в гости, ведёт длительные беседы, советуется по вопросам культурной политики. Сталину, в результате длительных усилий и дипломатических хитростей заманившему Горького в Союз, писатель был нужен как крупная козырная карта в его политической игре с Западом, в заигрывании с собственным народом. По свидетельству И.М. Гронского, Сталин на одном из совещаний сказал о Горьком: «Значение его больше, чем любого из руководителей партии» (15, 19).

Однако писатель из всего сталинского окружения выделял именно Бухарина. На наш взгляд, это объяснялось не только сильной личной симпа-

тием Горького к этому партийному руководителю, но прежде всего идейной позицией Бухарина, той культурной политикой, которую он пытался проводить в стране. Правящая верхушка партии не была однородной. В ней существовало более жёсткое, радикальное крыло, которое возглавлял Сталин, и более либеральное, умеренное, возглавляемое Бухариным. По мнению С. Коэна, «бухаринизм был более либеральным и гуманным вариантом русского коммунизма с его врождёнными авторитарными традициями» (10, 23). Хотя Горький сильно расходился с Бухариным в отношении к русскому крестьянству, приветствовал сталинскую коллективизацию деревни, против которой выступал Бухарин, но во всех прочих вопросах, особенно в области культурной политики, писатель гораздо ближе стоял к этому партийному вождю, нежели к другим членам государственно-партийного руководства.

Публичное шельмование Бухарина продолжалось и весь следующий после его «падения», 1930-й год. На XVI съезде партии под нажимом сталинского большинства Рыков и Томский ещё раз осудили свои прежние взгляды и оппозиционную деятельность. Бухарин, в отличие от своих товарищей, молчал. Простудившись (или сказавшись больным), он вообще не появился на заседаниях съезда и был осуждён заочно: его взгляды были объявлены несовместимыми с принадлежностью к ВКП(б).

Горький, тяжело переживавший раскол в партийных верхах и шельмование близких ему Рыкова и Бухарина в советской прессе, старался всячески поддержать своих друзей. В разгар травли Бухарина на съезде, 23 июля 1930 г. он шлёт из Сорренто опальному политику письмо, в котором пытается обратить в шутку и пародию грозные обвинения Бухарина в «правом уклоне» и во всех прочих «злодействах» и хоть немного поправить ему настроение: «Николай Иванович Бухарин! Вы — действительно — уклонист, ибо уклоняетесь от сотрудничества в “Лит. учёбе”, несмотря на покорные и даже униженные просьбы редактора онаго журнала М. Горького <...> Дорогой и проклятый уклонист, — поверьте старому инвалиду, потрясённому землетрясением, изнывающему от жары и обилия работы — журнал этот достоин поддержки Вашей! А Вы, еретик, молчите. Позор! <...> Подо мной, ночами, трясётся земля, разрушаются дома <...> воют собаки, мне надо писать для “Наших достижений”, для “За рубежом”, для “Лит. учёбы”, надо писать роман, пьесу, письма, — войдите же в моё положение, злодей Аскалонский, Гиерон — тиран Сиракузский, Диоклетиан и мизантроп!». Заканчивал Горький письмо уже серьёзно, вкладывая в свои слова всю силу сердечного чувства: «Крепко жму руку, обнимаю, очень крепко, искренно люблю Вас, дорогой...» (16, 11, 12).

Пребывающему в жестокой политической опале Бухарину, видимо, особенно важно было чисто человеческое, душевное общение с писателем. В мае 1930 г. он писал Горькому: «Хотелось бы поговорить с Вами, дорогой мой, да

уж не знаю, когда это будет. Вспоминаю о Вас часто, особенно когда тяжело на душе — <...> потому, что Вы сумели не потерять множество черт человеческих, ради развития коих вообще стоит жить и бороться. Ну, я, кажется, готов впасть в сантименты» (см. п. 12).

В конце концов осенью 1930 г. под прессингом продолжающейся критики Бухарину пришлось выступить ещё раз с публичным покаянием. 20 ноября 1930 г. в «Правде» было опубликовано «Заявление Н.И. Бухарина в ЦК ВКП(б)», в котором он признал правильность решений XVI съезда, осудил всякую фракционную работу и любые попытки открытой борьбы с партийным руководством. Горький, внимательно наблюдавший из-за границы за происходящим на родине и в принципе ненавидевший всякие публичные покаяния, вновь почувствовал необходимость поддержать гонимого политика. Причём роли корреспондентов теперь диаметрально поменялись. Если в начале 1920-х годов Бухарин в своих письмах пытался зарядить сомневающегося писателя политической бодростью и общественным оптимизмом, то теперь — наоборот, этим начал заниматься Горький. 11 декабря 1930 г. он писал Бухарину, рассказывая ему о своей встрече в Италии с советскими «ударниками»: «Дорогой Николай Иванович — захотелось черкнуть Вам несколько слов. Прочитал Ваше письмо в “Правде” и очень обрадован. Это было не вчера, но радость о том, что Вы снова на своём боевом месте, жива и сегодня.<...>

Видел “ударников”. Пережил потрясающий момент, когда они <...> начали заявлять о своём вступлении в партию. Вы такие моменты видели, а мне — в диковинку.<...> Много хорошего, дорогой друг, и как будто всё больше его, а?

Вам смешно читать? Ну ладно, смейтесь.

Крепко обнимаю Вас, очень крепко. И Алексея Ивановича <Рыкова. — Н.П.>. Много пережили Вы оба тяжёлого за эти годы, я знаю. Но — простите старику “сентиментальность”, любить вас обоих я стал больше, любить и уважать. Факт» (16, 12–13).

Горький использовал свой огромный авторитет, чтобы примирить оппозиционеров со Сталиным, устраивал для них «нечаянные встречи» у себя на квартире, боролся за возвращение бывших партийных вождей на руководящие посты. «Некоторые лидеры оппозиции, — вспоминал об этом времени Гронский, — навещали Горького. Особенно часто бывали Н.И. Бухарин, Л.Б. Каменев и А.И. Рыков, с которыми Алексей Максимович раньше дружил, а в то время всемерно им протезировал. Свидетелем подобного рода встреч и бесед доводилось бывать и мне. Сталин делал вид, что соглашается с Горьким. Он вводил в заблуждение не только его, но и многих других людей, куда более опытных в политике, чем Алексей Максимович. По настоянию Горького, Бухарин был назначен заведующим отделом научно-технической пропаганды ВСНХ СССР, а Каменев директором издательства “Академия”» (17, 24).

Бухарин выгодно отличался от других членов партийного руководства своей блестящей эрудицией, подлинной образованностью, глубоким зна-

нием искусства и литературы. «Чертовски талантлив, — отзывался о нём Горький, — он буквально как-то весь светится! Как же можно этих людей отталкивать!» (15, 9). К сожалению, не все письма Горького Бухарину конца 1920-х–1930-х годов сохранились. Однако переписка писателя с разными лицами в это время буквально пестрит именем Бухарина и свидетельствует о большом интересе к его личности и стремлении к активному сотрудничеству в литературных делах. Именно Бухарина Горький решил привлечь в качестве автора, создавая журнал для творческой молодёжи «Литературная учёба». Его мнением интересовался, посылая на родину свои новые статьи. Его просил выступить в печати по тем или иным вопросам текущей литературной жизни.

Сохранившиеся письма Бухарина Горькому также свидетельствуют о дружеском внимании к адресату и желании тесного творческого сотрудничества. Причём старые обращения «Максимыч» и «Прекрасные Усы» по-прежнему в ходу. То Бухарин зовёт Горького принять участие в слёте юных изобретателей и рационализаторов, то просит выступить на чрезвычайной сессии Академии наук, то умоляет дать «хотя бы две странички с художественной характеристикой Маркса» для готовящегося юбилейного сборника или «пару строк своих впечатлений» о съезде колхозников для газеты «Известия».

Особый интерес представляет до сих пор недостаточно раскрытый сюжет об участии Бухарина в I Всесоюзном съезде писателей 1934 г. Основные доклады о советской поэзии на съезде было поручено делать партийному критику Е. Усиевич и поэту Н. Тихонову. Однако незадолго до съезда Усиевич была заменена Бухариным. Л. Флейшман, автор книги «Борис Пастернак в тридцатые годы», выдвинул предположение, что замена была сделана «с подачи» Горького, но своё мнение ничем не подкрепил. Между тем, хранящиеся в горьковском архиве воспоминания Гронского полностью подтверждают эту версию и лишний раз подчёркивают, какую упорную и опасную борьбу вело бухаринско-горьковское литературное «крыло» против ортодоксальных партийных критиков, поддерживаемых официальным руководством во главе со Сталиным. «Когда шла подготовка к первому съезду писателей, — вспоминает Гронский, — то в качестве докладчиков Горький выдвинул Бухарина и Радека. Я лежал больной, но получил напечатанные брошюрками доклады их. Я позвонил Сталину: как могло случиться, что такие доклады подготовлены к съезду? Сталин ответил, что они утверждены ЦК. Я говорю: как же ЦК мог их утвердить? Сталин раздражённо сказал: “Горький изнасиловал, настаивал на этом” <...> Сталину, конечно, было ясно, что доклады эти порочны в своей основе <...>».

После получения доклада Бухарина, я встречаюсь с ним на лестнице в здании “Известий”. Я говорю: “Как ты мог написать подобный доклад?” Он говорит: “А что?” Я говорю: «Тебя обвиняют, что ты являешься идеологом реставрации капитализма, а здесь ты, литератор, ориентируешь писателей на

декадентов! Тебе придётся отказаться от доклада!» Он очень нервно реагировал, почти ничего мне не возражал, видимо, были ещё чьи-то замечания о его докладе» (18, 26–28).

Блестящий доклад Бухарина, отодвигавший в тень революционно-пролетарскую поэзию В. Маяковского, А. Безыменского, А. Жарова, Д. Бедного и провозглашавший первым поэтом советской литературы беспартийного, «аполитичного» «декадента» Б. Пастернака, произвёл огромное впечатление на делегатов съезда, вызвал бурю аплодисментов с одной стороны и взрыв возмущения с другой. Этот доклад, вместе с выступлением на съезде Горького против критиков-коммунистов, составлял звено тонко продуманной и осторожно, но упорно проводимой Горьким и его единомышленниками политики, направленной на либерализацию и оздоровление литературных нравов, смягчение идеологического прессинга, оказываемого на талантливых беспартийных писателей из бывших «попутчиков».

Однако «переиграть» Сталина было трудно. Вероятно, он вовремя «раскусил» суть горьковской культурной политики и до конца жизни писателя не мог простить ему первого съезда. Что касается Бухарина, то и он очень скоро понял, какой смертельной опасности подверг себя, выступив с подобным докладом.

Последние годы жизни Горький фактически находился в негласной опале. Его общественное положение сильно пошатнулось после ареста близкого ему Каменева, обвинённого в причастности к убийству С.М. Кирова. В «Правде», выражавшей официальное мнение властей, в январе 1935 г. появляются злобные статьи-доносы и развязные выступления против фрондирующего писателя. С этого времени Сталин не только не ходит к нему в гости, но и не отвечает на его телефонные звонки. Исключение вождь народов сделал лишь во время визита в Союз Р. Роллана, остановившегося у Горького. Мнением Запада о себе и созданной им империи Сталин весьма дорожил, а потому летом 1935 г. приехал к Горькому на дачу в окружении К.Е. Ворошилова, В.М. Молотова и Л.М. Кагановича. Ужин в обществе Сталина и его приспешников не вызвал у Роллана особого восторга. Он тонко уловил скрытую напряжённость и неестественность отношений Горького с вождём и описал этот вечер в своём дневнике: «Они много пьют. Тон задаёт Горький. Он опрокидывает рюмку за рюмкой водки и расплачивается за это сильным приступом кашля <...> (Я должен добавить, что в обычное время Горький всегда трезв и ест на удивление мало, даже слишком мало <...>) Вечер показался мне очень утомительным и скучным...» (19, 240–241).

Грубым и скучным людям из окружения Сталина Роллан противопоставляет очаровавшего его Бухарина, опального политика, продолжающего свою опасную дружбу с опальным писателем. Дневниковые записи Роллана живо передают особую близость и нежность их отношений: «Завтрак с Бухариным, молодым, весёлым и смешливым; он обменивается с Горьким тумака-

ми (но Горький быстро запросил пощады, жалуясь на тяжёлую руку Бухарина) <...> Чай с Бухариным и Горьким. Уходя, Бухарин целует Горького в лоб <...> Нас фотографируют всех вместе» (19, 237–239).

Из всех членов партийной и государственной элиты Роллан особо выделил и наиболее высоко оценил именно Бухарина, этого «убеждённого интеллектуала», беседы с которым на философско-научные темы доставляли французскому писателю истинное наслаждение: «У него живой, острый ум, он жизнерадостен и пронизателен; в нём неугасимо пламя юности и непосредственности — его невозможно не любить. Из всех политиков первого ряда он самый одухотворённый и интеллектуальный. Я не заметил в нём никакой обыденности мышления, никакого тщеславия, он человек кристально бескорыстия души» (20, 186). Однако все эти блестящие качества, столь восхитившие Роллана, вероятно, могли только раздражать Сталина и вызывали у него недоверие.

Смерть Горького 18 июня 1936 г. лишила Бухарина авторитетного заступника и верного друга. В некрологе, напечатанном 20 июня в «Известиях» (№ 181), Бухарин искренне оплакивал «Певца Разума, огромного человека и огромного художника, апостола культуры и труда, великого просветителя железной эпохи революционных катастроф», сравнивая его с погасшим «солнцем русской литературы».

Вскоре после смерти писателя, мешавшего Сталину развязать массовый террор, в августе 1936 г. в Москве состоялись грандиозные судебные процессы Каменева и Зиновьева, а вслед за тем, в феврале 1937 г. были арестованы Бухарин и другие участники «право-троцкистского блока». Процесс «право-троцкистского блока» стал процессом ближайшего окружения Горького, поскольку среди проходивших по этому делу было особенно много близких ему людей: А.И. Рыков, Г.Г. Ягода, П.П. Крючков, Д.Д. Плетнев. Причём всем им инкриминировалось участие в отравлении Горького. По каким-то особо жестоким, издевательским и циничным «правилам» той «юстиции» подсудимых (вероятно, чтобы довести до иступления и сломить морально) часто обвиняли в самых невероятных преступлениях, в том числе в убийстве наиболее уважаемых, дорогих им людей. Вот и Бухарину на процессе пришлось «категорически» отрицать свой замысел покушения на убийство Ленина и свою «причастность к убийству» любимого писателя и человека Максима Горького и его сына Максима Пешкова (10, 447).

Пытаясь спасти Бухарину жизнь, Роллан в письме к Сталину от 18 марта 1937 г. взывал к памяти их «общего друга» Горького как к последнему средству, способному смягчить жестокое сердце диктатора: «Разум типа Бухарина — это богатство для его страны, он может и должен быть сохранён для блага советской науки и развития теоретической мысли <...> У нашего общего друга Максима Горького я часто встречался с Бухариным, их связывала самая тесная дружба. Если эти воспоминания могли бы спасти Бухарина, то во имя Горького я Вас прошу о милосердии...» (20, 191–192).

О прощении и милосердии взывал к бывшему товарищу и партийному соратнику «Кобе» и сам Бухарин, пытаясь в то же время найти у вождя ответ на мучающий его вопрос об историческом смысле предстоящего судебного процесса и неотвратимой собственной казни. «Стоя на краю пропасти, из которой нет возврата, — писал он Сталину в личном «секретном» письме 10 декабря 1937 г., — я даю тебе предсмертное честное слово, что я невиновен в тех преступлениях, которые я подтвердил на следствии <...>

Есть какая-то *большая и смелая политическая идея* генеральной чистки а) в связи с предвоенным временем, б) в связи с переходом к демократии. Эта чистка захватывает а) виновных, б) подозрительных и с) потенциально подозрительных. Без меня здесь не могли обойтись. Одних обезвреживают так-то, других — по-другому, третьих — по-третьему. Страховочным моментом является и то, что люди неизбежно говорят друг о друге и *навсегда* поселяют друг к другу недоверие <...> Таким образом, у руководства создаётся *полная гарантия*.

Ради бога, не пойми так, что я здесь скрыто упрекаю, даже в размышлениях с самим собой. Я настолько вырос из детских пелёнок, что понимаю, что *большие* планы, *большие* идеи и *большие* интересы перекрывают всё, и было бы мелочным ставить вопрос о своей собственной персоне *наряду с всемирно-историческими* задачами, лежащими прежде всего на твоих плечах.

Но тут-то у меня и *главная* мука, и главный мучительный парадокс. <...> *Если бы* я был абсолютно уверен, что ты именно так и думаешь, то у меня на душе было бы много спокойнее. Ну, что же! Нужно, так нужно. Но поверь, у меня сердце обливается горячей струёю крови, когда я подумаю, что ты можешь *верить* в мои преступления и в глубине души *сам* думаешь, что я во всех ужасах действительно виновен. *Тогда* что же выходит? Что я *сам* помогаю лишаться ряда людей (начиная с себя самого!), то есть делаю заведомое зло! Тогда это ничем не оправдано. И всё путается у меня в голове, и хочется на крик кричать и биться головою о стенку: ведь я же становлюсь причиной гибели других. Что же делать? Что делать? <...>

Позволь, наконец, перейти к последним моим небольшим просьбам:

а) мне легче тысячу раз *умереть*, чем пережить предстоящий процесс: я просто не знаю, как я совладаю сам с собой — ты знаешь мою природу; я не враг ни партии, ни СССР, и я всё сделаю, что в моих силах, но силы эти в такой обстановке минимальны, и тяжкие чувства поднимаются в душе; я бы, позабыв стыд и гордость, на коленях умолял бы, чтобы не было этого. Но это, вероятно, уже невозможно, я бы просил, если возможно, дать мне возможность умереть до суда, хотя я знаю, как ты сурово смотришь на такие вопросы;

в) если меня ждёт смертный приговор, то я заранее тебя прошу, заклинаю прямо всем, что тебе дорого, заменить расстрел тем, что я сам выпью в камере яд (дать мне морфию, чтоб я заснул и не просыпался). Для меня этот пункт крайне важен, я не знаю, какие слова я должен найти, чтобы умолить

об этом, как о милости: ведь политически это ничему не помешает, да никто этого и знать не будет. Но дайте мне провести последние секунды так, как я хочу. Сжальтесь! Ты, зная меня хорошо, поймёшь. Я иногда смотрю ясными глазами в лицо смерти, точно так же, как — знаю хорошо — что способен на храбрые поступки. А иногда тот же я бываю так смятен, что ничего во мне не остаётся. Так если мне суждена смерть, прошу о морфийной чаше. *Молю* об этом...

с) прошу дать проститься с женой и сыном.<...> Я просил бы дать мне с ней свидание *до* суда. Аргументы таковы: если мои домашние увидят, в чём я *сознался*, они могут покончить с собой от неожиданности. Я как-то должен подготовить к этому. <...>

Моя внутренняя совесть чиста перед тобой теперь, Коба. Прошу у тебя последнего прощенья (душевного, а не другого). Мысленно поэтому тебя обнимаю. Прощай навеки и не поминай лихом своего несчастного» (21, 23–25).

Однако Сталин не испытывал сентиментальных чувств по отношению к бывшим друзьям. Показательный открытый судебный процесс начался 2 марта 1938 г. 13 марта Военная коллегия Верховного суда СССР признала Бухарина виновным и приговорила к смертной казни. Его ходатайство о помиловании было отклонено, и уже через два дня, 15 марта 1938 г. Бухарин был расстрелян... Реабилитирован был этот яркий политик только через 50 лет, в 1988 г.

Являясь ведущими идеологами государственной и культурной политики большевизма, Горький и Бухарин, каждый по-своему, пережили огромную человеческую трагедию, крах собственных надежд и иллюзий и оказались в конце концов жертвами сталинского режима.

В настоящее время нам известны девять писем Горького Бухарину и 23 письма Бухарина Горькому. Пять писем Горького хранятся в Архиве А.М. Горького ИМЛИ РАН, четыре другие — в Архиве Президента Российской Федерации. Все письма Горького опубликованы в журналах «Известия ЦК КПСС» и «Источник», большая часть из них републикована в Полном собрании сочинений М. Горького, серии «Письма». Из писем Бухарина напечатано в журнале «Источник» только одно, хранящееся в Архиве Президента Российской Федерации (см. п. 7 и примеч.). Другие 22 письма Бухарина Горькому, хранящиеся в Архиве А.М. Горького ИМЛИ РАН, полностью публикуются впервые.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Смилга Ивар Тенисович (1892–1937), советский государственный и партийный деятель, экономист. Занимал пост заместителя председателя ВСНХ. Расстрелян в ходе сталинских репрессий.

² Имеется в виду Генуэзская конференция, проходившая в итальянской Генуе с 10 апреля по 19 мая 1922 г. с участием 28 капиталистических государств и Советской России. Большевистское правительство во главе с Лениным придавало ей огромное значение. Советская делегация стремилась добиться на ней прорыва экономической блокады, официального признания советского государства и предоставления ему кредитов. Большим успехом советской дипломатии явилось заключение во время конференции, 16 апреля 1922 г., договора Советской России с Германией о взаимном признании и экономической взаимопомощи.

³ Речь идёт об организованном большевиками разгроме католической и православной церкви в 1922–1923 гг., о судебных процессах над духовенством в марте-апреле 1923 г. Прелат К.Ю. Буткевич был расстрелян в марте 1923 г. за «контрреволюционную деятельность», архиепископ Я.Г. Цепляк получил за то же 10 лет тюремного заключения, патриарх Тихон за сопротивление декрету об изъятии церковных ценностей в начале июня 1923 г. был заключён в тюрьму, в конце июня освобождён из тюрьмы и помещён под домашний арест. (См. подробнее: 4, 544–545).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: В 55 т. 5-е изд. Т. 45. М.: Изд-во политической литературы, 1970.
2. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 13. М.: Наука, 2007.
3. Примочкина Н. «Донкихоты большевизма». Максим Горький и Николай Бухарин // Свободная мысль. 1993. № 4. С. 62–69.
4. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 14. М.: Наука, 2009.
5. Из переписки А.М. Горького / Публ. З. Черновой, З. Тихоновой, Л. Спиридоновой // Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 239–249.

Раздел I. ПУБЛИКАЦИИ

6. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений: В 55 т. 5-е изд. Т. 54. М.: Изд-во политической литературы, 1975.
7. «Аресты учёных не могут быть оправданы никакими соображениями политики...» (Переписка М. Горького и Г.Е. Зиновьева) / Публ. М.А. Семашкиной // М. Горький. Материалы и исследования. Вып. 5. Неизданная переписка с Богдановым, Лениным, Сталиным, Зиновьевым, Каменевым, Короленко. М.: Наследие, 2000. С. 193–227.
8. *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 15. М.: Наука, 2012.
9. *Бухарин Н.* О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем (Ответ профессору И. Павлову) // Красная новь. 1924. Кн. 1. С. 170–188.
10. *Козн С.* Бухарин: Политическая биография. 1888–1938. М.: Прогресс, 1988.
11. М. Горький и советская печать. Архив А.М. Горького. Т. 10. Кн. 2. М.: Наука, 1965.
12. *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 18. М.: Наука, 2016.
13. «Жму Вашу руку, дорогой товарищ». Переписка Максима Горького и Иосифа Сталина // Публ. Т. Дубинской-Джалиловой и А. Чернева // Новый мир. 1997. № 9. С. 156–179.
14. Из переписки А.М. Горького / Публ. З. Черновой, С. Заики, Л. Спиридоновой, З. Тихоновой // Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 211–214.
15. Стенограмма беседы И.М. Гронского с сотрудниками Архива А.М. Горького (АГ. МОГ-3-25-4).
16. «Не нравится мне это — и грипп, и Дюма...» Письма А.М. Горького / Публикация Н. Ковалевой, Н. Хомяковой // Источник. 1994. № 1. С. 6–20.
17. Стенограмма беседы И.М. Гронского с сотрудниками Архива А.М. Горького (АГ. МОГ-3-25-6).
18. Стенограмма беседы И.М. Гронского с сотрудниками Архива А.М. Горького (АГ. МОГ-3-25-7).
19. Московский дневник Ромена Роллана / Вступительная статья Т. Мотылевой, перевод М. Ариас, комментарий Н. Ржевской // Вопросы литературы. 1989. № 3. С. 190–246.
20. Московский дневник Ромена Роллана / Вступительная статья Т. Мотылевой, перевод М. Ариас, комментарий Н. Ржевской // Вопросы литературы. 1989. № 5. С. 151–189.
21. «Прости меня, Коба...» Неизвестное письмо Н. Бухарина / Публ. Ю. Мурина // Источник. 1993. № 0. С. 23–25.

1. Н.И. БУХАРИН — ГОРЬКОМУ

Первая половина мая 1922, Москва

Дорогой Алексей Максимович,

Урвал сейчас несколько минут, чтобы написать Вам письмишко. Вы, чай, позабыли уже наши всяческие вечера с рассказами о Льве Толстом и петербургской «Вальке»¹. А я и здесь не позабыл, стремлюсь все общеизвестные сведения распространить среди трудящихся масс.

Ну-с, должен Вам сказать, что делишки наши идут относительно очень хорошо. Попы дезорганизованы², с экономикой лучше, виды на урожай хорошие, а в области международной мы лезем в гору прямо как на трамвае Тифлисской Давыдовской горы³ (той самой, где «целый день кричал ура наш народ армянский»). Серьёзно, я не ожидал, что в России весенний кризис будет так мягко проходить. Майский праздник прошёл, по всем отзывам, небывало грандиозно⁴. Мы окрепли за это время гигантски — таково общее впечатление (я, как Вы знаете, натура «импрессионистическая» и чувствителен ко всяким переменам при сохранении основной линии поведения). Так что, Ал. Максимыч, Прекрасные Усы и проч. и проч., Вы будьте уверены, что дело, если и не в кармане, то в шляпе. И шляпа, ей-ей, не особенно дырявая.

Ильич чувствует себя превосходно⁵. Я его прямо не узнал, до чего он стал весел, разговорчив и духоподъёмно настроен.

Нас всех очень огорчила Ваша статья в «Poilitiken» (Копенгагенской)⁶. «Известия» начали против Вас атаку⁷. Я в «Правде», натурально, ничего не пропускал. Но у меня тоже очень тяжёлое чувство было: ну какого рожна Вы, Прекрасные Усы, идёте в такие сволочные газеты, да ещё во время Генуи?⁸ Ведь душеспасительные «сомнения» излагать перед буржуазными свиньями это, ей богу, их и хлебом не корми. А для нас прямой ущерб. Да к тому же, откуда Вы *знаете*, что рабочие и интеллигенция погибнут ради мужичка?⁹

Самым добросовестным образом учитывая шансы, можно сказать, что наш барометр сейчас показывает на совсем другое. А Вы муки души сомневающейся — трах и в печать. А потом пошла писать губерния!

Вы меня простите, что я лезу к Вам со всем этим. Но так как мы были в таких хороших отношениях, то я и позволяю <себе> к Вам пристать немного. Тем более, что Вы не представляете объективного значения, отклика, инструментальной роли Ваших высказываний в теперешний момент. Потерпите ещё одну историческую минутку — придёт время, когда и против «жестокости вообще»¹⁰ можно будет выступать. Но нельзя проповедовать христианские чувства рабочим, когда они обороняются из последних сил.

Я знаю, Вы на меня рассердитесь. Но пишу Вам, потому что Вас очень люблю и ценю. Вы сами знаете, что я о таких вещах Вам говорил. Но сейчас — факт, что часть советской прессы выступает резко против Вас. Хорошо бы было, если бы Вы нам что-нибудь прислали, какой-нибудь *antidotum*¹¹.

Присылайте на моё имя (на редакцию «Правды»). Или — быть может, лучше ещё — Вы дали бы свой совет, что Вы желали бы иметь напечатанным в «Правде» в связи со статьями против Вас в «Известиях». Я буду нащупывать какую-нибудь линию, чтобы смягчить весь инцидент.

Горячо Вас прошу откликнуться, милый А. М. Ни Вам нас, ни нам Вас терять ни в коем случае не следует — это такая аксиома, которая всякому понятна.

Крепко Вас обнимаю. Привет младшим Пупкам¹², Gerade um¹³ и прочим.

Всегда Ваш *Н. Бухарин*

2. Н. И. БУХАРИН — ГОРЬКОМУ

Сентябрь 1922, Берлин <?>

Дорогой Алексей Максимович,

Я собирался к Вам съездить, но у меня не было времени, проездом в Норвегию я был в Берлине всего 1 ½ дня, а на обратном пути каждый день должен был ехать и ждал только телеграмм, т<ак> что всё время должен был быть начеку, т. е. быть готовым каждую секунду к отплытию¹.

Спрашивал публику, не бываете ли Вы в Берлине; сказали — нет². Чертовски жалею, что не сумел с Вами повидаться.

У нас в России делишки идут недурно в общем. Во всяком случае, совсем другая атмосфера, чем в теперешних «западных» странах, которые поистине гниют и разлагаются. У нас активнее настроение, много-много оптимистичнее, чем здесь — прямо сравненья нет.

Что касается наших сношений, то прошу Вас брать *расписки*, когда Вы отдаёте письма; тогда я могу всегда проверить, где, когда, кем что-либо затеряно или похерено³. Это сделать очень просто.

Воевать мы не хотим и совершенно искренне хотим мира, т. к. только-только принялись за хозяйство, культуру и прочие необходимые в общежитии вещи. Старик всё ещё не совсем здоров и полностью не работает⁴ — так было, по крайней мере, перед моим отъездом из России⁵. Подрастают хорошие ребята из низов; думаем через года 2 иметь свой прекрасный кадр пролетарской интеллигенции.

В газетах мы читали, что Вы тут что-то совместно с меньшевиками затеиваете⁶. Ну, и охота же Вам возиться с этим гнильём, нытиками, гробокопателями?! Духа же в них живого нет — не говорю уж о политической физиономии.

Ну, пока всего хорошего. Крепко Вас обнимаю и шлю самые горячие приветы и пожелания бодрости и радости.

Ваш *Н. Бухарин*

3. Н.И. БУХАРИН — ГОРЬКОМУ
Конец июля — начало августа 1923, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

Посылая письмо на Берлин, пользуюсь случаем, чтобы черкнуть Вам пару строк.

Прочёл Вашу, напечатанную в последнем № «Кр<асной> нови», вещицу¹. Художественно, читать — наслаждение. Но нет ли у Вас начала опростительства под влиянием западноевропейского кризиса и переоценки всех ценностей в «буддийском» направлении? Не влияет ли на Вас сейчас трагическая червоточина *гибнущих* кругов? Не колебнулись ли Вы в своём человеческом *оптимизме*, без которого психологически трудно жить? Вы, конечно, простите меня за залезание без мыла в душу. Но мне казалось, что этакие нотки сквозят у Вас, *новые* и печальные. Знаете, есть старческая мудрость, которая *кажется* мудростью, но которая есть мудрость потухающих глаз и которая не сотворит чудес. Такой quasi мудростью больна Европа, вернее, её верхушка. А по сути-то дела идёт новая *жизнь*. Её нужно утверждать изо всех сил, тащить, жрать, развивать, укреплять. Пульсик у нас сейчас всё здоровеет — этокое приятное состояние, точно после болезни, когда стихийно входит во все поры радость жизни. Её нельзя *доказать* логически, нужно свернуть *психологию* на эти рельсы. В этом отношении в России куда лучше.

Я вот смотрю — Вы всё возитесь с меньшевистским говном² (pardonnez moi le mot³), которое смотрит только в прошлое, да и то *безглазо* смотрит. Ну чего Вам с ними возиться, скажите на милость? С этими социалдемократическими сиреневыми трупиками и тому подобными «кокаинетками» à la Вертинский⁴ в политике. Госка-а-а-а-с, скажу я Вам. Всё живое от них уходит. Сейчас в Грузии у них полный развал⁵, *Мартынов* вступает в нашу партию⁶, со смертью Мартова⁷ Даны⁸ и Далины⁹ станут настоящими буржуйчиками sans phrases¹⁰. А Вы себя их смердящей зелёной плесенью помазываете. На кой ляд — спрашивается в задаче — это нужно?

Вас нужно окружить живыми людьми — Вы бы как царь Давид заскакали и заплясали¹¹, сами бы почувствовали себя орлом.

Ну, я разболтался, как попугай. Черкните как-нибудь. А то обещать обещали, а сами как схимник молчите. Это не по чести.

Крепко жму Вашу широкую руку и обнимаю Вас.

Ваш *Бухарин*

P.S. Со стариком лучше, но всё же положение тяжелое¹².

4. Н.И. БУХАРИН – ГОРЬКОМУ

25 августа 1923, Москва

Москва, 25 августа 1923 г.

Дорогой Алексей Максимович,

Предъявитель сего, тов. Шмидт¹ — основной работник нашего журнала «Прожектор»². Горячо прошу Вас оказать ему всяческое содействие, гл<авным> образом в смысле связей с литературской, худ<ожественной> и науч<ой> публикой.

Алексей Ив<анович> показывал Ваше письмо. Почему Вы не ответили непосредственно? Ведь мы Вам писали в совершенно неофициальном порядке³. Разве это не было видно? Вы, ей-богу, не видите из-за деревьев леса. Ну, конечно, нелепо к Вам приставать и приставать: через некоторое время сами убедитесь, что в *основном* были неправы. У нас делишки *всё время* поправляются. Совершенно неожиданно стало улучшаться (*быстро*) и здоровье Ильича; хотя всё ещё положение довольно тяжёлое, но есть хорошая перспектива⁴.

А в Центр<альной> Европе уже гремит гром⁵.

Всего хорошего.

Крепко жму руку.

Ваш *Н. Бухарин*

5. Н.И. БУХАРИН – ГОРЬКОМУ

Май, до 14, 1925, Москва

Дорогой Алексей Максимович,

Галина Константиновна¹, которая — *horribile dictum*² — поливает меня духами, несмотря на моральные протесты с моей стороны, требует категорически, чтобы я написал для неё к Вам рекомендательное письмо. Т. к. я нахожусь в силу переутомления (от занятий исключительного благородства на пользу человечества) в состоянии прострации и лежу на постели, то Вы уж простите за эти нелепые строки. А «по существу» желаю Вам всех, всех благ. Хоть Вы всё на нас ворчали³ (зря, А. М.!), но, думаю, всё же нас всех не забыли.

Крепко жму Вашу руку и обнимаю Вас.

Ваш *Н. Бухарин*

P.S. Опасайтесь женщин. Это на всякий случай.

6. Н.И. БУХАРИН — ГОРЬКОМУ

14 мая 1925, Москва

Москва, 14 мая 1925 г.

Дорогой Алексей Максимович,

Я уговорился с Галиной Константиновной, что подготовлю Вам большое «настоящее» письмо и пошлю с ней¹. Но сами знаете нашу долю: время принадлежит не нам, и его, этого проклятого времени, до чёртиков мало, так мало, что прямо не знаешь, откуда его получить: ни иностранный капитал, ни международная революция не дадут этого времени.

У нас с каждым годом увеличивается количество работы и вообще, и про Корф², как говорят немцы. Но зато уже видны результаты «положительной работы»: Вы бы не узнали Москвы, как она ожила, разбухла, подчистилась, как она громыкает теперь тысячами омнибусов, автомобилей, трамваев и прочих атрибутов цивилизации.

Вы, вероятно, в душе боитесь, что нас съест мужик или что мы сами станем мужиковствующими³. Если почитать заграничные газеты, то эта «планида» для нас как будто обязательна. Но здесь у нас виднее: мы растём здорово. Рост индустрии идёт гораздо быстрее с<ельского> хоз<яйст>ва вообще. В этом году мы уже будем иметь >⁴70% довоенной промышленности. И перспективы недурные. Очень боялись за урожай — теперь Господь бы помог, и дела по этой линии тоже ничего. Теперь уже не сидим каждый раз с думой, как бы приостановить разруху. Наоборот, боимся подчас иногда слишком быстро размахнуться, оторваться от базы. Но и этой опасности как будто нет. Если только иностранная сволочь оставит нас года на три-четыре в покое⁵, мы и солидную техническую базу кое-где подведём: металлопромышленность сдвинулась со своего места — последнее звено цепи.

Делаем сейчас громадный поворот — иными методами воспитывать и экономически оживить крестьянство⁶. Громадная, поистине гигантская работа, по переоборудованию, перестройке и т.д. всего низового партийного и советского аппарата. *Очень* трудная задача. И все-таки: наша партия теперь — такой аппаратище, такая сила, такая машина, что справимся и с этим, справимся безусловно.

Народ новый подрастает. Если бы Вы были у нас, скажем, 1-го мая, Вы, ей-богу, пришли бы в восторг. У нас теперь по улицам в такие дни проходят в буквальном смысле миллионы. Одних пионеров — море. Словом, вгрызаемся со всех сторон, и сверху, и снизу, в старину, помаленьку чистим и скоблим, подводим новый фундамент. Если бы не усталость и переработанность нашей верхушки, было бы совсем весело жить. А вот перегрузка и преждевременная изношенность дают себя, черт их подери, знать. Но это — субъективная сторона дела, хотя имеет и объективное значение. Публика всё же подрастает, и «смена» будет всё же «серьёзная».

Иногда кажется, что следующий тур войн будет небывалым по чудовищности. Так, вероятно, и *будет*. Все «осложнения» между капиталистами «осложнятся», в свою очередь, нашей наличностью. Тут будет, вероятно, окончательно и навсегда покончен вопрос.

Вообще, знаете, пресловутая аргументация против нас, как современных «хилиастов»⁷, ждущих великого судного дня — рассыпалась в прах. Всё же интересно иногда посмотреть на всё «со стороны». Ведь, это же черт знает что, самый факт нашего существования, роста, укрепления.

Теперь, Алексей Максимович, и с Вашей любимой культурой двинулись вперёд. Конечно, ещё малограмотны мы. Но кровь теперь в нас бьётся весьма недурственная и весьма горячая.

Я, как видите, всё «агитирую» Вас, хотя Вы никогда ни строчечки не напишете. Почему — неизвестно. Ведь, этак Вы совсем от пуповины оторвётесь, Алексей Максимыч. Во всяком деле — и в нашем — есть скучные, паршивые, нелепые и пр. — стороны. Но, ведь, нет нигде больше такой яркой массовой силы, в которой растворяется «я» и связь с которой есть величайшая радость жизни.

Ну, пока всего хорошего. Надеюсь, что когда-нибудь Вы черкнёте хоть пару строчек. Неужели так-таки никогда и не удосужитесь?

Крепко жму Вашу руку, желаю всяческого здоровья.

Ваш *Н. Бухарин*

7. Н.И. БУХАРИН — ГОРЬКОМУ

Начало июля 1925, Москва

Дорогой Алексей Максимыч.

Наконец-то получилось от Вас письмо — спасибо. У нас здесь только что уехала на места рабочая делегация из Германии, и эта очередная «кампания» была встречена нашими пролетариями с удивительным восторгом. Вообще, чудесный у нас рабочий класс. Хоть и тёмн ещё, и некультурен, и матершинничает, и всё такое-прочее, но такой молодой запас энергии, что прямо диву даёшься.

Вы, вот, тревожитесь о китайско-индусско-русской деревне¹. Конечно, есть резоны и для тревоги. Но должен Вам сказать, что у нас бывают иногда не совсем правильные представления. Индия, н<a>пр<имер>, сейчас имеет довольно-таки развитую промышленность. Она >² промышленная страна, чем Россия 1905 года. У нас уже теперь город снова экономически ведёт деревню, а город экономически ведём мы, т. е. госпромышленность etc.³ По очень скромным предположениям мы, А. М., закончим 25/26 год, уже *догнав*, а кое-где и *перегнав* довоенный уровень промышленности. Это есть реальный факт. Урожай в этом году будет за 4 м<иллиа>рда (против 2.600 приibl<изи-

тельно> прошлого года). Экспорт у нас будет вдвое больший, чем в прошлом году. Промышленность работает сейчас куда более быстрым темпом, чем с<ельское> хоз<айство>. Но и сама деревня всё же переделывается. Я, вот, недавно, ездил со всякими докладами по приволжским городам (а заодно и «катался»). Потом неск<олько> сот вёрст проехал на автомобиле. Так вот, через деревню имеются *радиоустановки*. Это, конечно, ещё пустяк, но все-таки «кельшоз»⁴, говоря по-французски. Нищих, безработных, пауперов — океан. А наряду с этим несомненно мощная, небывало свежая струя, вроде душа Шарко для неврастеника.

Вы что же думаете, что мы окрестьяниваемся? Это Вы от чтения разных газет, А. М. Поверьте, мы так зорко следим за основными процессами нашей жизни, всеми опасностями и специально за деревней, что промашки (грубой) не сделаем.

Уверенность у нас теперь твёрдая, и вовсе не по той причине, что земляки Ваши кучкой маленькой стараются. Это, конечно, кое-что означает, ибо в них, в «земляках», накоплены связи и завязаны узелки нитей, идущих от миллионов. А самое важное, что у нас есть теперь могущественнейшая *организация*. Партия выросла в громадную машину с таким множеством зубчатых колёс, винтиков, приводных ремней, что трудно сломать это даже при настойчивом желании. То же наши другие организации. Конечно, противоречий ещё бездна, и долго они, эти противоречия, будут. Но силу *организованную* мы выстроили такую, что к ней «с отвагой» просто не подойдёшь.

Конечно, иностранцы будут нас *цитат*. Конечно, мы должны мобилизовать массы против их аларма⁵. Но я лично думаю, что походом на нас они сейчас не пойдут, ибо *не могут*. А если пойдут, это будет игра *va banque*⁶, ибо все противоречия развернутся с такой силой, как никогда. И тогда плохо будет *им*, врагам. В переписке Маркса—Энгельса (вот замечательные люди! Не про «учённость» и прочее я говорю, а про склад, темперамент, волю, весёлость, задор, революционный оптимизм весёлых орлиных глаз), в этой переписке *Маркс*, предвидя *guerre generale*⁷, и затем революцию, называет это «всеобщим алло!» Вот к этому «всеобщему алло» дело и катится. Но чтоб это было на днях, в ближайшее время — не думаю. Вы видите, как смяк, сморщился первый натиск на нас. Нашумели — а сделать ничего крупного не могут.

Будут, неизбежно, трудные дни, но, думаю, не сейчас. Но эти дни, ведь, всю судьбу человечества решат, и Вам уж тогда, милый Алексей Максимович, не придётся уже тревожиться, пожалуй, за деревню. Хотя, впрочем, много, много и много поводов и причин будет для самых разнообразных «тревог». Это и есть жизнь!

8. Н.И. БУХАРИН — ГОРЬКОМУ

22 декабря 1926, Москва

Через месяц появится номер «Правды», посвящённый памяти Ильича¹. Очень просим написать статью². Просьба продолжать сотрудничество. Ждём положительного телеграфного ответа³.

Все посылают сердечный привет.

Бухарин

9. Н.И. БУХАРИН — ГОРЬКОМУ

2 ноября 1927, Москва

Прошу поскорее выслать рукопись Революции и культуры¹. Привет.

Бухарин

10. Н.И. БУХАРИН — ГОРЬКОМУ

28 марта 1928, Москва

Дорогой Алексей Максимович.

Горячо поздравляю Вас с подведением шестидесятилетнего баланса замечательной творческой жизни, от души желаю Вам проработать минимум с полвека ещё на пользу пролетариев всех стран. У нас только что начинается «капитальное строительство» во всех областях, народы пошевелеваются повсюду, «соколов» и «буревестников» — не без Вашей родительской помощи — развелось изрядное количество. Очень ждём Вас. Очень хотим пожать Вашу большую товарищескую руку. Очень, очень желаем бодрости и дальнейшей жизненной молодости нашему любимому другу, человеку и мировому борцу новой культуры.

Бухарин

11. Н.И. БУХАРИН — ГОРЬКОМУ

23 января 1930, Москва

Дорогой Алексей Максимович,

Сейчас у меня сидит т. Крючков, он привёз мне Ваше письмо о «Литучебе»¹. Я постараюсь что-либо написать, но, по правде говоря, гарантировать этого «сразу» не могу.

Я на днях приехал из 3-х недельного отпуска, кот<ор>ый вынужден был взять, ибо здоровье моё расшаталось очень значительно². Приехал — и многие

факторы снова ставят под знак вопроса мою работоспособность etc. Возможно, однако, что придётся зверски работать, несмотря на состояние здоровья. На ум может просто *не пойти* (не пролезет ни в какие «душевные» ворота) «Литучеба» (я это, как Вы понимаете, говорю не из желания уменьшить её нужность объективную, а чисто субъективно).

У нас в Москве стоит чудовищно тёплая погода, снегу очень мало, апрельское дуновение нежных ветров, капель, голубые небеса, амуроподобные облачка легкокрылые и тому подобные — с точки зрения генваря — странности природы.

Слышал я, что Вы опять прихварываете, дорогой³. Вы уж последите за собой и другим поручите поприглядывать за Вашим здоровьем. Резолюцию ЦК против сибирского хулиганства по отношению к Вам Вы, вероятно, уже читали, — им (хулиганам) хороший урок⁴. Думаю, что и Вам резолюция всё же доставила известное удовлетворение⁵: она, несомненно, оздоровит моральную атмосферу и попридушит особо распоясавшихся молодых людей.

Ну, всего хорошего. *Страшно* рад был получить от Вас письмо. Горячо Вас обнимаю и целую.

Ваш Н. Бухарин

P.S. Поклон Алексею передам⁶.

Всем Вашим самые сердечные приветы.

23-I-30.

Москва

12. Н.И. БУХАРИН — ГОРЬКОМУ

Начало мая 1930, Москва

Дорогой, милый Алексей Максимыч,

Сейчас я 8-ой день лежу в постели (грипп), читаю Дюма, технич<еские> книжки и другие произведения человеческой мысли¹. Прочитал, м<ежду> п<рочим>, две Ваши вещицы, которые раньше не читал: «Карамора» (о провокаторе)² и «Рассказы о героях»³ (в «Н<аших> Д<остижениях>»). Обе мне понравились до чрезвычайности, первая и по глубине, и по мастерству, вторая — своей художественной простотой, адекватной теме. Вот так именно нужно писать, без ходулей и истерического «напряжения», без искусственно выкатыванья глаз и штампованного стопроцентного «бра». Очень легко и свободно у Вас вышло!

Живу я по-прежнему, пока что без перемен, не могу сказать, чтобы был в восторженном состоянии. Но дела всё же идут, хотя и со скрипом, вперёд. О литературе etc. Вам расскажет т. Кр<ючков>⁴ — он больше моего знает, я как-то ото всего сейчас более или менее отрезан. Гораздо сильнее завязались у меня связи с учёным миром⁵, и здесь можно было бы делать большие дела,

если бы были понимающие люди. Рабочие наши по-прежнему заслуживают расценки, как герои дела и труда: всё отдадут для стройки — сами знаете, до чего всё же переменялся народ.

Хотелось бы поговорить с Вами, дорогой мой, да уж не знаю, когда это будет. Вспоминаю о Вас часто, особенно когда тяжело на душе — не только потому, что Вы — etc., но и потому, что Вы сумели не потерять множества черт человеческих, ради развития коих вообще стоит жить и бороться. Ну, я, кажется, готов впасть в сантименты.

Жму руку, обнимаю сердечно.

Ваш Н. Б.

13. Н.И. БУХАРИН — ГОРЬКОМУ

1930, Москва

Дорогой Алекс<ей> Максимович,

Посылаю Вам:

1. Свою брошюру в 2-х экз. (*доклад на плановой конф<еренции>*).

2. Проект работ *КИЗ'а Акад<емии> Наук*.

3. Произв<одственный> план *Ак. Наук*.

4. Сводный план *НИС'а* (сектора н<аучно>-и<сследовательской> работы ВСНХ).

5. Материалы по *Урало-Кузбассу*.

Пока этого, пожалуй, хватит. Буду досылать остальное¹.

Привет!

Ваш Н. Бухарин

14. Н.И. БУХАРИН — ГОРЬКОМУ

Между 21 и 26 июня 1931, Москва

Дорогой и милый Алексей Максимович,

Leider¹, я не мог Вас повидать перед отъездом: несколько раз звонил по вертушке Крючкову², но ничего из сих звонков не выходило. Зря сказано в писании: «<нрзб>» etc. Через несколько часов я вылетаю в Лондон³. Успел прочесть доклад на чрезв<ычайной> сессии Акад<емии>⁴, и крайне жалею, что Вас тогда не было. Очень прошу Вас, *лично* прошу, *обязательно выступить на сессии*. Мне передавали, будто Вы что-то ворчали по поводу того, что Вас де без Вас поженили. Но это совсем не так, дорогой мой ворчун. Я же Вам говорил об этом, когда почтенное Трио⁵ опрокидывало aquam vitam⁶ в Вашем гостеприимном доме. Вы слабо сопротивлялись, как известная Вам дева Горация («aut digitó mǎě pértináci»⁷).

Н.Н. Примочкина. «...ПИШУ ВАМ, ПОТОМУ ЧТО ВАС ОЧЕНЬ ЛЮБЛЮ ...»

Раз уж Вы ступили на стезю порока, смело доводите оный до конца: а то и премии за добродетель не получите, и пороком не насладитесь. Ну, довольно грубых шуток. Правда, Максимыч: обязательно выступите⁸. Иначе это будет понято как бойкот. Дорогой мой, очень и очень об этом прошу. Волгин⁹, *sécretaire régrétuel*¹⁰ нашей Ак<адем>ии, по скромности к Вам не мог пролезть: ходил вокруг да около, как кот вокруг сала (не «каши», ибо я, н<a>п<рима>р, никогда не видывал кота, потребляющего кашу, даже тогда, когда мясо — дефицитный товар¹¹). А всё же до Вас не допёр. Такася мне горько, зело бе огорчен.

Свой доклад на сессии при сем прилагаю. Кстати: какой-то дурак из особо служающих снял радиоустановку, когда я говорил (из радицентра)¹², вероятно, ввиду моего назначения обер-пропагандистом по части техники.

Много есть ещё терниев, но трава растёт и среди мостовой.

Я разболтался как *Parage*¹³, хотя уже, вероятно, часа три ночи.

Обнимаю Вас, Прекрасные Усы.

Ваш *Н. Бухарин*

Исполните, исполните мою просьбу.

Лечу в Лондон!!

15. Н.И. БУХАРИН — ГОРЬКОМУ

Июнь, до 26, 1932, Москва

Уважаемый товарищ Горький!

НИС Наркомтяжпрома¹ приглашает Вас на предварительный доклад С.И. КИСЛИЦЫНА² о новых общих закономерностях в области естествознания. В виду крайней оригинальности и новизны положений С.И. КИСЛИЦЫНА НИС организует его сообщение, как предварительное и подлежащее первоначальному обсуждению в кругу только марксистов.

Доклад состоится 26 июня в 7 ч. в зале ГУМ'а, III этаж, гл. подъезд. Справки в НИС'е НКТП, тел. 45-20.

С тов. приветом *Н. Бухарин*

Дорогой А. М.!

Очень советую прийти на это заседание, т. к. будет *интересно*. Привет!

Ваш *Н.Б.*

16. Н.И. БУХАРИН – ГОРЬКОМУ

Август, до 4, 1932, Москва

Уважаемый товарищ,

НИС Наркомтяжпрома приглашает Вас на предварительный доклад С.И. КИСЛИЦЫНА о новых общих закономерностях в области естествознания¹. Ввиду крайней оригинальности и новизны положений С.И. КИСЛИЦЫНА НИС организует его сообщение, как предварительное и подлежащее первоначальному обсуждению в кругу только марксистов.

Доклад состоится 4-го Августа в 6 час. в Просмотровом зале, комн. № 441, Сектора Техпрома НКТП СССР. Справки в НИС'е НКТП, тел. 45-20.

С тов. приветом

(Н. И. Бухарин)

Н. Бухарин

17. Н.И. БУХАРИН – ГОРЬКОМУ

25 сентября 1932 <?>, Ташкент

Горячо поздравляю, обнимаю¹.

Бухарин

18. Н.И. БУХАРИН – ГОРЬКОМУ

Третья декада мая 1933, Москва

Дорогой Максимыч,

Заехал к Вам, да Вы, говорят, больны и не «visible»¹, выражаясь по-французски. Очень хотел бы всё же Вас повидать. Одновременно с сим эпистолярным посланием принёс Вам первую частичку своей работы *о Марксе* (помните, когда-то я Вам показывал план сей работы, читал Вам его)².

Как во всяком порядочном обществе полагается, есть *просьба*, но не меркантильного характера. Дело в следующем: Акад<емия> Наук издаёт большой сборник (ок<оло> 50 листов), посвящённый памяти Маркса (я даю туда большую часть своей работы, читал доклад на торжественном заседании). Все крупные учёные написали > или <³ маркс<истские> статьи по специальности. Сборник будет очень интересным. Так как Вы состоите почётным академиком, то *чрезвычайно* желательно, чтоб Вы дали хотя бы две странички с худож<ественной> характеристикой Маркса: мы бы их пустили в голове всего сборника⁴. Это было бы хорошо и с чисто политической точки зрения, в особенности принимая во внимание текущую международную конъюнктуру. Я прекрасно знаю, что писать ad hoc⁵ не особенно приятно, но что ж поделаешь? Дорогой Максимыч! Вы сделаете и лично мне большое одолжение,

Н.Н. Примочкина. «...ПИШУ ВАМ, ПОТОМУ ЧТО ВАС ОЧЕНЬ ЛЮБЛЮ ...»

«причините» большую радость, если напишете 2 странички. Наберём курсивом. Краснеть за сборник не будете.

Обязательно прочтите прилагаемую статью: мне очень хочется знать Ваш отзыв.

Ну, до скорого — надеюсь — свиданья. Огорчительно, что Вы себя неважно чувствуете. На сие нужно обратить особое и сугубое внимание и, б<ыть> м<ожет>, куда-либо Вас запаять.

Горячо Вас обнимаю и крепко жму Вашу руку.

Ваш *Н. Бухарин*

P.S. Был недавно у Корина: он написал ряд превосходных вещей; м<ежду> проч<им>, есть одна вещь, церковная по «заданию», но глубоко языческая по «существу», — очевидно, Италия оказала на него «тлетворное» влияние⁶. Уговорил дать одну вещь на выставку («Отец и сын» — Вы её видали)⁷.

Не хочется прямо бросать карандаш.

Н. Б.

19. Н.И. БУХАРИН — ГОРЬКОМУ

17 февраля 1935, Москва

Дорогой Алексей Максимович,

Я очень просил бы Вас написать для «Известий» пару строк своих впечатлений гsr.¹ оценки колхозного съезда². Кстати, вы могли бы воспользоваться случаем и в начале сказать, что больны и не могли быть, к сожалению³, etc.

Съезд сегодня закрывается. Он был действительно замечательным. Мне представляется, что несколько строк для газеты с Вашей стороны были бы желательны со всех решительно точек зрения.

Крепко Вас обнимаю и целую.

Ваш *Н. Бухарин*

P.S. Если Вы согласны, то не откладывайте и передайте цидулу с моим шофёром, т. *Клыковым*.

Мне нужно очень мало: хотя бы 15–20 строк.

20. Н.И. БУХАРИН — ГОРЬКОМУ

Вторая половина марта — начало апреля 1935, Москва

Дорогой Алексей Максимович,

Я пишу Вам in aller Eile¹, как говорят немцы, то есть в безумной спешке. Главная цель — своеобразно корыстная: *Вы должны написать хотя бы небольшую статью о «Людах пятилеток»*², как сие было условлено. Теперь уж

Раздел I. ПУБЛИКАЦИИ

пора выходить на сцену, публика нетерпеливо хлопает, и Вы оную работу должны вывести к рампе.

Вообще дело не так быстро, но довольно основательно, движется вперёд; было несколько собраний, одно *очень* интересное, где присутствовали и учёные, и хозяйств^{<енни>}ки, и рабочие, и техники, и писатели, и говорили «вольно»³.

Компонуется «Записные книжки» коллектива, с интересным матерьялом⁴. Я, к сожалению, не могу много работать на этом «фронте», но по своим наблюдениям и — главное — по докладам Корабельникова⁵ прихожу к оптимистическим выводам.

Надеюсь как-нибудь написать Вам что-либо более вразумительное. А теперь рассматривайте эту писульку, как вопль о статье (упомянутой выше).

Сердечные приветы.

Горячо обнимаю Вас,

magister vitae atque artis⁶.

Ваш *Н. Бухарин*

21. Н.И. БУХАРИН — ГОРЬКОМУ

1930–1935, Москва

Дорогой А. М.!

Через несколько времени будет в Москве слёт юных изобретателей, рационализаторов etc. Я обещал ребятам, что Вы будете участвовать в этом деле. Я им изо всех сил буду помогать. Очень прошу Вас не отказать. Ладно?¹

Н. Б.

22. Н.И. БУХАРИН — ГОРЬКОМУ

1931–1935, Москва

Дорогой А. М.!

Тов. *Стойков*¹, старый болгарский т^{<овари>}щ, хочет работать по ист^{<ории>} ф^{<абрик>} и заводов². Рекомендую его Вашему просвещ^{<ённому>} вниманию.

Привет.

Ваш *Н. Бухарин*

23. Н.И. БУХАРИН – ГОРЬКОМУ

1934–1935, Москва

Иван Петр<ович> Павлов¹ прислал мне зубодроб<ительную> статью о перегрузке etc.²

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

Печатается по А (АГ. КГ-ОД-1-43-1), впервые.

Датируется по упоминанию о прошедшем празднике Первомая, статье Горького «О русском крестьянстве», напечатанной 2 апреля 1922 г. в газете «Politiken», и Генуэзской конференции, проходившей с 10 апреля по 19 мая 1922 г.

Горький ответил 1 июня 1922 г. (*Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 14. 2009. С. 56–57).

¹ Речь идёт о совместном пребывании Горького и Бухарина в санатории Санкт-Блазиен в январе – марте 1922 г., во время которого писатель и партийный вождь часто встречались и подружились. См.: *Примочкина Н.* «Донкихоты большевизма». Максим Горький и Николай Бухарин // Свободная мысль. 1993. № 4. С. 62–63.

Сведений о петербургской «Вальке» разыскать не удалось.

² Речь идёт об организованной большевиками кампании по изъятию церковных ценностей под предлогом помощи голодающему населению. 23 февраля 1922 г. В.И. Ленин подписал декрет ВЦИК «Об изъятии церковных ценностей в пользу голодающих». Глава православной церкви патриарх Тихон воспротивился этому, заявив 28 февраля, что изъятие предметов культа из храмов – это святотатство. Большевистские спецотряды приступили к насильственным действиям по изъятию ценностей, что вызвало массовые протесты верующих. 15 марта в г. Шуе произошли столкновения верующих со спецотрядом, было убито шесть человек. 19 марта Ленин послал членам Политбюро строго секретное письмо о необходимости решительно подавить всякое сопротивление духовенства и расправиться с «попами» под предлогом голода. Многие священники, оказавшие сопротивление властям, были арестованы и расстреляны. Настоящей травле в печати, аресту и допросам подвергся и глава православной церкви патриарх Тихон. См. подробнее: *Латышев А.Г.* Рассекреченный Ленин. М.: Март, 1996. С. 145–172.

³ Имеется в виду гора Мтацминда в центре столицы Грузии – Тбилиси (Тифлиса). На склоне горы построена церковь Святого Давида, поэтому она называется иногда Давидовой или Давыдовской горой.

⁴ 1 мая 1922 г. в Москве на Красной площади состоялся военный парад Московского гарнизона, который принимал Л.Д. Троцкий. Затем по Красной площади прошла демонстрация многочисленных организаций трудящихся. Вечером в театрах, клубах и на улицах состоялись бесплатные спектакли и зрелища для народа (Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1922. № 96. 3 мая).

Раздел I. ПУБЛИКАЦИИ

⁵ 23 апреля 1922 г. Ленину была сделана операция по извлечению пули, оставшейся после ранения при покушении на его жизнь в 1918 г. Операцию делали немецкий профессор Ю. Борхардт и хирург В.Н. Розанов в качестве ассистента. Операция прошла успешно, уже на следующий день, 24 апреля Ленин выписался из больницы (Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника: В 12 т. Т. 12. М., 1982. С. 295, 297).

⁶ Речь идёт о публицистическом цикле Горького «О русском крестьянстве», первые четыре заметки которого были впервые опубликованы в датской газете «Politiken» 2 апреля 1922 г. Все десять заметок цикла вышли отдельной брошюрой в начале сентября 1922 г. в берлинском издательстве И.П. Ладыжникова.

⁷ 28 апреля 1922 г. газета «Известия ВЦИК» выступила с резкой критикой заметок «О русском крестьянстве», напечатанных в датской газете «Politiken». В статье «От великого до смешного... или не в свои сани не садись», подписанной псевдонимом «Эрдэ», Горький был назван «косноязычным певцом Буревестника», а его политическая позиция охарактеризована как «сидение между двух стульев, между красных и белых». «Большие люди имеют, как известно, и большие недостатки — начинал свою статью автор. — К таким большим недостаткам нашего большого художника слова Максима Горького надо отнести, несомненно, его страсть к публицистическим опытам...». При этом авторитет Горького, по утверждению Эрдэ, «неожиданно превращается в знамя политического похода и подрыва «тихой сапой» власти рабочих и крестьян». «Неужели, — писал автор в финале статьи, — Горький <...> не чувствует, сколько вреда он наносит рабоче-крестьянской России этими своими неудачными публицистическими новеллами, которые, конечно, будут подхвачены с острым наслаждением всей буржуазной печатью?!» (Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1922. № 93. 28 апр.).

⁸ См. примеч. 2 к вступительной статье.

⁹ В цикле «О русском крестьянстве» Горький, в частности, писал: «Теперь можно с уверенностью сказать, что ценою гибели интеллигенции и рабочего класса русское крестьянство ожило» (*Горький М. О русском крестьянстве*. Берлин, 1922. С. 43).

¹⁰ Большое место в брошюре «О русском крестьянстве» Горький уделил проблеме жестокости русского народа, проявившейся с особой силой во время революции и гражданской войны. Подводя итоги своим размышлениям, он писал: «Жестокость форм революции я объясняю исключительной жестокостью русского народа» (Там же. С. 40). 1 июня 1922 г. писатель отвечал Бухарину: «Вопрос о жестокости — мой мучительнейший вопрос, я не могу отрешиться от него» (*Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 14. М.: Наука, 2009. С. 57*).

¹¹ Antidotum — противоядие (лат.).

¹² Видимо, имеются в виду сын Горького Максим и его жена Надежда Алексеевна.

¹³ Gerade um — просто вокруг, просто окружающим (нем.).

2.

Печатается по А (АГ. КГ-ОД-1-43-2), впервые.

Датируется по содержанию (см. ниже) и фразе: «...перед моим отъездом из России».

¹ Возможно, речь идёт о поездке Бухарина в Норвегию во второй половине апреля — начале мая 1922 г.

² Горький приехал в Берлин из санатория Санкт-Блазиен в начале апреля 1922 г. и уехал из него в местечко Герингсдорф на Балтийском море в начале июня. 25 сентября 1922 г. он поселился в Саарове, небольшом городке недалеко от Берлина.

³ Возможно, в одном из несохранившихся писем Горький жаловался Бухарину, что не все его послания доходят до адресата.

⁴ Речь идёт о первом приступе болезни Ленина на почве склероза сосудов мозга, приведшем к ослаблению движений правой руки и правой ноги и некоторому расстройству речи. Приступ случился 25–27 мая 1922 г., когда Ленин находился в Горках. Он оставался там под наблюдением врачей и родных в течение четырёх месяцев, до 2 октября (Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника: В 12 т. Т. 12. М., 1982. С. 349).

⁵ В сентябре 1922 г. Бухарин был в Германии.

⁶ Имеется в виду участие Горького в берлинском меньшевистском журнале «Летопись революции». Писателю казалось очень важным осмысление недавнего прошлого, уроков революции, сохранение для потомков исторических документов и мемуарных свидетельств участников и очевидцев революционных событий. Поэтому с осени 1922 г. он принимал активное участие в создании этого журнала, который готовился к выпуску в «Издательстве З.И. Гржебина» под редакцией М. Горького, Л. Мартова, Б.И. Николаевского. Письма Горького Николаевскому дают достаточно ясное представление о том, что писатель играл в этом журнале ведущую роль, читал, отбирал и редактировал многие рукописи. В первой книге «Летописи революции», вышедшей в свет в январе 1923 г., Горький напечатал свой очерк воспоминаний «В.Г. Короленко».

Журнал предназначался для российского читателя, однако советские власти запретили его распространение в России, поскольку и его редакторы, Мартов и Николаевский, и большинство авторов были меньшевиками. Вследствие этого редакция после выпуска единственного первого номера была вынуждена прекратить издание. Подробнее об этом журнале, а также о серии мемуаров «Летопись революции», в издании которой Горький также принимал активное участие, см.: *Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Письма Горького к Б.И. Николаевскому // Русский Берлин: 1921–1923. Paris, 1983. С. 350–358.

3.

Печатается по А (АГ. КГ-ОД-1-43-3) на бланке председателя Исполкома Коминтерна, впервые.

Датируется по упоминанию о смерти Л. Мартова (4 апреля 1923 г.), времени улучшения здоровья Ленина (с конца июля 1923 г.) и фразе: «Со стариком лучше...».

¹ Вероятно, речь идёт об отрывке из повести Горького «Мои университеты», напечатанном под заглавием «Автобиографические рассказы» в 4-й книге (1923. Июнь-июль) первого советского «толстого» литературно-критического журнала «Красная новь» (1921–1941). В этом фрагменте повести описывалось убийство мужика Изота местными крестьянами села Красновиново и поджог ими избы, в которой жили Алексей Пешков и М.А. Ромась. Этот страшный эпизод из жизни молодого Горького повлиял в дальнейшем на его скептически-недоверчивое отношение к русскому крестьянству, к «мужикам».

Раздел I. ПУБЛИКАЦИИ

² См. п. 2, примеч. 6.

³ Pardonnez moi le mot — извините за выражение (франц.).

⁴ Вертинский Александр Николаевич (1889–1957), русский и советский эстрадный артист, киноактёр, композитор, поэт и певец. Чаще всего выступал на сцене в образе Пьеро, за что получил прозвище «русского Пьеро».

«Кокаинетка» — название одной из эстрадных песен Вертинского на стихи В. Агатова.

⁵ Возможно, речь идёт о конфликте внутри ЦК коммунистической партии Грузии, между Г.К. Орджоникидзе и группой П.Г. Мдивани, в которую входили К.М. Цинцадзе и С.И. Кавтавадзе. Эта группа выступала за большее обособление Грузии от Советской России, против образования СССР. Жалобу на Орджоникидзе грузинские коммунисты осенью 1922 г. передали Ленину через Бухарина. См. подробнее: *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений: В 55 т. 5-е изд. Т. 54. М., 1975. С. 299–300, 661–662.

⁶ Мартынов (наст. фам. Пиккер) Александр Самойлович (1865–1935), меньшевик. В 1923 г. заявил о своём разрыве с меньшевизмом в брошюре «Великая проверка» и вступил в ВКП(б).

В начале 1924 г. Мартынову, стремившемуся доказать свою лояльность новому началству, было поручено написать в большевистском духе предисловие к переиздаваемой в России книге Л. Мартова «Записки социал-демократа» (М.: Красная новь, 1924). Сестра Мартова Л.О. Дан обратилась к Горькому с письмом, в котором выражала своё возмущение фактом переиздания книги и в особенности поведением Мартынова. Горький отнёсся к поступку Мартынова резко отрицательно, назвал его в одном из писем З.И. Гржебину «дрянью» и «ренегатом» (*Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 14. 2009. С. 314, 687–688).

⁷ Мартов Л. (наст. фам., имя и отч. Цедербаум Юлий Осипович; 1873–1923), один из основателей социал-демократической партии России, лидер меньшевизма. Умер в эмиграции в Германии 4 апреля 1923 г., не дожив до 50 лет. Горький присутствовал на его кремации и похоронах.

⁸ Дан (наст. фам. Гурвич) Фёдор Ильич (1871–1947), деятель социал-демократического движения, один из лидеров меньшевизма. В 1922 г. выслан за границу. С 1923 г. возглавлял Заграничную делегацию РСДРП и редакцию меньшевистского журнала «Социалистический вестник». В 1943 г. порвал с меньшевистской организацией и перешёл на просоветские позиции.

⁹ Далин Д. (наст. фам., имя и отч. Левин Давид Юльевич; 1889–1962), деятель революционного движения, один из лидеров меньшевизма. В 1921 г. выслан из Советской России. С 1923 г. член Заграничной делегации РСДРП, член редколлегии журнала «Социалистический вестник». Совладелец издательства «Эпоха», в котором печатался, среди прочего, берлинский журнал Горького «Беседа». С 1940 г. обосновался в США.

¹⁰ Sans phrases — безусловно, безоговорочно (франц.).

¹¹ Основатель и царь Израильско-Иудейского государства в конце XI — середине X в. до н.э. В данном случае Бухарин отсылает своего адресата к сюжету из Библии. Ср.: «Когда вошёл ковчег Господень в город Давидов, Мелхола, дочь Саула, смотрела в окно, и, увидев царя Давида, скачущего и пляшущего пред Господом, унижила его в сердце своем» (Вторая книга Царств. 6 глава. Стих 16); «И сказал Давид Мелхоло: пред Господом, Который предпочел меня

отцу твоему и всему дому его, утвердив меня вождем народа Господня, Израиля, — пред Господом играть и плясать буду» (Там же. Стих 21). Весь сюжет изложен в стихах 12–22.

¹² См. п. 2, примеч. 4. Состояние здоровья Ленина начало улучшаться со второй половины июня 1922 г. 2 октября он переехал в Москву и приступил к работе. Однако во второй половине декабря 1922 г. здоровье вождя снова резко ухудшилось: наступил паралич правой руки и правой ноги. Все свидания и встречи были ему запрещены врачами. Ленин был изолирован от внешнего мира. В марте 1923 г. произошло новое ухудшение состояния его здоровья. Политбюро ЦК ВКП(б) 12 марта приняло решение о публикации медицинских бюллетеней о здоровье вождя. Некоторое улучшение наступило только во второй половине мая, когда Ленина в сопровождении врачей перевезли в Горки. Однако в конце июня — первой половине июля болезнь снова обострилась. Значительное улучшение наступило только с конца июля 1923 г. (Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника: В 12 т. Т. 12. М., 1982. С. 353, 394, 542, 546, 547, 592, 593, 610, 613, 616, 621).

4.

Печатается по А (АГ. КГ-ОД-1-43-4) на бланке редактора газеты «Правда», впервые.

¹ Шмидт Лазарь Юльевич (1896–1952), журналист, с 1923 по 1925 г. ответственный секретарь журнала «Прожектор», с 1927 г. член редколлегии журнала. Просьба о содействии Шмидту была связана с его заграничной командировкой. В сентябре 1925 г. Шмидт посетил Горького в Сорренто.

² Еженедельный литературно-художественный и общественный журнал при газете «Правда», выходил с февраля 1923 г. по 1935 г. Редакционная коллегия: Н.И. Бухарин, А.К. Воронский (с 1923 по 1927 г.), К.Я. Левин (с 1926 по 1929 г.).

³ Речь идёт о письме Г.Е. Зиновьева и Бухарина Горькому от 6 июля 1923 г. См. подробнее вступительную статью.

⁴ В середине августа 1923 г. здоровье Ленина улучшилось настолько, что были отменены постоянные дежурства врачей. 28 августа на экстренном заседании Московского совета с профсоюзными и другими рабочими и красноармейскими организациями было оглашено следующее сообщение о состоянии здоровья вождя: «В здоровье Владимира Ильича за последние недели наметилось, несомненно, резкое улучшение. В некоторых областях улучшение это значительнее, чем этого ожидали врачи» (Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника: В 12 т. Т. 12. М., 1982. С. 628).

⁵ Вероятно, имеются в виду политические события в Европе: оккупация Францией и Бельгией Рурской области Германии, рабочие волнения и стачки в Германии в связи с приобретавшей катастрофические размеры инфляцией. В советской печати сообщалось: «В Штутгарте продолжается всеобщая забастовка. В Глейвитце состоялась массовая демонстрация протеста против дороговизны. В забастовке приняло участие свыше 100 000 рабочих. Произошли столкновения с полицией» (Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1923. № 213. 21 сент.). Забастовки имели место в Гамбурге, Дрездене и других городах Германии, в том числе и во Фрейбурге, где в это время жил Горький с семьёй. В письме от конца сентября 1923 г.

Раздел I. ПУБЛИКАЦИИ

Горький сообщал Е.П. Пешковой: «Всюду вокруг нас, начиная с Фрейбурга, немцы тщатся сделать революцию, сохраняя полный порядок, хотя их уже довольно безжалостно расстреливает полиция и солдаты рейхсвера. Во Фрейбурге и всюду в окрестных городах введено военное положение, затеяны различные строгости...» (*Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 14. 2009. С. 246).

В связи с этими событиями Горький был вынужден уехать из Германии, но, несмотря на уговоры Зиновьева и Бухарина, поехал он не в Россию. В ноябре 1923 г. писатель переехал в Чехословакию, а затем, весной 1924 г. — в Италию.

5.

Печатается по А (АГ. КГ-ОД-1-43-5), впервые.

Датируется по сопоставлению с п. 6.

¹ Суханова (урожд. Флаксерман) Галина Константиновна (1888–1958), издательский работник; член РСДРП меньшевиков, жена Н.Н. Суханова. В 1917 г. перешла на позиции большевизма.

Знакомство Горького с Сухановой состоялось в 1915 г., когда она стала секретарём редакции горьковского журнала «Летопись». В начале 1920-х гг. общалась с Горьким в Берлине, приезжала к нему в Сааров, позже встречалась в Италии. Была сотрудником советского консульства в Риме. 18 мая 1925 г. М.Ф. Андреева сообщила Горькому, что Суханова прибыла в Берлин, откуда собирается ехать в Рим на службу в советское Торгпредство (АГ. КГ-п-2а-159-53).

² Horribile dictum — страшно сказать (лат.).

³ См. п. 4, примеч. 3.

6.

Печатается по А (АГ. КГ-ОД-1-43-6), впервые.

Горький ответил 23 июня 1925 г. (*Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 15. М., 2012. С. 205–207).

¹ См. п. 5, примеч. 1.

² Pro Kopf — на каждого человека, на душу населения (нем.).

³ Горький отвечал: «Нет, дорогой Николай Иванович, я не боюсь, что “мужик съест”. Однако же, когда представишь себе всю огромность всемирной русско-китайско-индусской деревни, а впереди её небольшого, хотя и нашедшего Архимедову точку опоры, русского коммуниста, то, всматриваясь в соотношение сил, испытываешь некоторую тревогу. <...> Но тревога, дорогой Н.И., отнюдь ещё не боязнь».

⁴ Математический знак для обозначения понятия «более».

⁵ В ответ Горький писал: «Сомневаюсь я и в том, что европейские цивилизаторы “оставят нас в покое года на два, на три”, как Вы надеетесь. Едва ли оставят. Вернее — снова удумают какую-нибудь интервенцию. Ибо — войдите в их положение! — что же ещё делать им? <...>

Полагаю, что ССР предстоит пережить ещё немало тяжёлых дней, но ведь в конце-то концов пролетарий Европы пошевелится?».

⁶ В 1925 г. партийное руководство СССР объявило о начале аграрных реформ, которые распространяли нэп в сельском хозяйстве путём устранения большинства барьеров для дальнейшего успешного развития крестьянских хозяйств. Главный инициатор и теоретик этих реформ, Бухарин выдвинул в это время лозунг, обращённый ко всем слоям крестьянства, включая и кулачество: «...обогащайтесь, накапливайте, развивайте своё хозяйство» (*Бухарин Н.* О новой экономической политике и наших задачах // *Большевик.* 1925. № 9–10. С. 4–5). Все эти меры должны были привести к более тесной «смычке» двух трудовых классов — пролетариата и крестьянства.

⁷ Верующие в «тысячелетнее царство» Бога и праведников на земле, т.е. в осуществление идеала справедливости ещё до конца мира. Хилиастами называют иногда приверженцев утопического мышления.

7.

Печатается по тексту первой публикации: «Не нравится мне это — и грипп, и Дюма...» / Публикация Н. Ковалёвой, Н. Хомяковой // *Источник.* 1994. № 1. С. 7–8. Автограф хранится в Архиве Президента Российской Федерации. Ф. 58. Оп. 1. Д. 4. Л. 72–75.

Датируется по письму Горького Бухарину от 23 июня 1925 г., на которое является ответом (*Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 15. 2012. С. 205–207).

¹ См. п. 6, примеч. 3.

² Математический знак для обозначения понятия «более».

³ Et cetera — и так далее, и тому подобное (франц.).

⁴ Quelque chose — кое-что, нечто (франц.).

⁵ Alarme — тревога (франц.).

⁶ Va banque — идти ва-банк, идти на риск (франц.).

⁷ Guerre generale — всеобщая война (франц.).

8.

Печатается по тексту на телеграфном бланке в переводе с французского (АГ. КГ-ОД-1-43-7), впервые.

Горький ответил в начале или середине января 1927 г. (*Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 16. М., 2013. С. 227–228).

¹ 21 января 1927 г. исполнялось три года со дня смерти В.И. Ленина.

² Горький ответил Бухарину письмом, в котором давал характеристику Ленина. В настоящее время известен только фрагмент этого письма. В газете «Правда» от 21 января 1927 г. (№ 17), посвящённой памяти вождя, было напечатано факсимиле следующего отрывка под заголовком «Из письма М. Горького»: «Нечеловечная воля его не исчезла, она остаётся на зем-

Раздел I. ПУБЛИКАЦИИ

ле воплощённой в людях. Работа, вдохновлённая и начатая им — не может быть остановлена навсегда, и едва ли даже её можно прервать на время. Мир ждал этого человека, человек явился — указал путь, и этим путём люди пойдут до конца, имея впереди светлый образ бессмертного вождя».

³ Ответ не разыскан.

9.

Печатается по тексту на телеграфном бланке латинскими буквами (АГ. КГ-ОД-1-43-8), впервые.

¹ 15 октября 1927 г. Горький писал ответственному редактору газеты «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» И.И. Скворцову-Степанову: «Пожалуйста. Позвоните Н.И. Бухарину; на днях пришлю в “Правду” мой привет и статью для “Революции и Культуры”» (*Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 17. М., 2014. С. 59). Статья Горького «Мой привет» была опубликована в газете «Правда» 6–7 ноября 1927 г. (№ 255). Позже Горький присоединил её к напечатанной 23 октября 1927 г. в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» (№ 244) статье «Десять лет» и под этим общим заглавием печатал их как единое целое в сборнике «Публицистические статьи» (изд. 1-е и 2-е). В журнале «Революция и культура» Горький не печатался.

10.

Печатается по тексту на телеграфном бланке латинскими буквами (АГ. КГ-ОД-1-43-10), впервые.

Датируется по телеграфной отметке об отправлении.

В АГ хранится также МК телеграммы с датой: «27 марта 1928 г.» (КГ-ОД-1-43-9).

11.

Печатается по А (АГ. КГ-ОД-1-43-11), впервые.

Ответ на письмо Горького от 4 января 1930 г. (*Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 19. М., 2017. С. 171).

¹ «Литературная учёба» — литературно-критический журнал, с 1930 г. выходил в Ленинграде, в 1935–1941 и в 1978–2017 гг. — в Москве. Основан Горьким с целью обучения молодых литераторов литературному мастерству. В письме от 4 января 1930 г. Горький извещал Бухарина: «С января в Ленинграде будет выходить журнал “Литературная учёба”. Цель его — обучение начинающих писателей, членов бесчисленных литкружков, литературной технике, — ясно? Однако это должна быть не только лит., но, разумеется, — и политучёба. Техника — техникой, и ей будет отведено первое место, но мы — редколлегия — попробуем обучать политике на фактах литературы. Редколлегия — молодёжь: Камегулов, Саянов, Либединский, Чумандрин. Тут же и я, хотя мне уже “за 30”».

Убедительнейше и покорнейше прошу Вас дать статью на любую тему — о поэзии, прозе, о том или другом авторе, о языке, Ремарке, иностранной литературе и т. д. Сделайте это, пожалуйста!»

Как видно из письма Горького Бухарину от 23 июля 1930 г., адресат не исполнил его просьбу. Горький в шутку сетовал в этом письме, одновременно намекая, что он в курсе той жестокой травли и обвинений Бухарина в «правом уклоне», которым тот регулярно подвергался в советской печати: «Вы — действительно — уклонист, ибо уклоняетесь от сотрудничества в “Лит. учёбе” <...> Нет, в самом деле, равнодушие Ваше возмутительно и непростительно» (*Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 19. М., 2017. С. 362).

² Вероятно, Бухарин намекал Горькому о своём тяжёлом душевном состоянии опального, снятого со всех высоких государственных и партийных постов политика, вынужденного публично покаяться в прошлых «грехах» правого «уклониста» и оппозиционера.

³ Немного позже, 10 мая 1930 г. Горький писал А.И. Рыкову о состоянии своего здоровья, объясняя, почему он не сможет приехать на лето в СССР: «Очень хочется к вам. А — не велят. Сердце у меня сдаёт, и Вы представить себе не можете, как это обидно! Работы у меня много, работа интересная, а мне приказано час в день лежать, да ещё хотят уложить на целый день в неделю! Досадно. Перестал пить вино, кофе, водицу хлебаю...» (Там же. С. 295).

⁴ Речь идёт о борьбе Горького против возникшей в конце 1927 г. новосибирской группы пролетарских писателей «Настоящее». Возглавлял группу и одноимённый журнал член Сибирского крайкома партии и ответственный редактор газеты «Советская Сибирь» А.Л. Курс. В основу своей эстетической платформы «настоященцы» положили лефовские принципы ликвидации художественной литературы и замены её «литературой факта». Ознакомившись с деятельностью группы, Горький в статье «Рабочий класс должен воспитать своих мастеров культуры», опубликованной в июне 1929 г. в газете «Известия», подверг резкой критике её установки и методы. Однако статья Горького не только не остановила «настоященцев», но и подлила масла в огонь. В резолюции, напечатанной в очередной книжке «Настоящего», Горький был назван «рупором и прикрытием для всей реакционной части советской литературы» (Настоящее. 1929. № 5-6-7. С. 5). В следующем номере этого журнала был опубликован протест Новосибирского пролеткульта, в котором статья Горького была названа «выступлением изворотливого, маскирующегося врага» (Там же. № 8-9. С. 3).

В конце концов партийному руководству во главе со Сталиным, с трудом заманившему Горького в Союз и теперь добивавшемуся окончательного возвращения писателя на родину, пришлось вмешаться в этот затянувшийся спор с «настоященцами». 25 декабря 1929 г. ЦК ВКП(б) вынес постановление, в котором говорилось о коренном расхождении литературно-политической линии «некоторых сибирских организаций» «с отношением партии и рабочего класса к великому революционному писателю тов. М. Горькому» и объявлялся «строгий выговор фракции ВКП (б) Сибирского Пролеткульта за её участие в вынесении резолюции с хулиганскими выпадами против Горького» (Правда. 1929. № 306. 26 дек.). Постановление отстраняло Курса от редактирования журнала «Настоящее» и газеты «Советская Сибирь». С января 1930 г. издание журнала прекратилось, а руководители группы «Настоящее» Курс и другие были исключены из партии. (Подробнее об этом см.: *Примочкина Н.Н.* Писатель и власть / 2-е изд. М.: РОССПЭН, 1998. С. 117–120).

Раздел I. ПУБЛИКАЦИИ

⁵ Горький отнюдь не жаждал отомстить провинившимся бойким литераторам и в письме Сталину от 8 января 1930 г. даже зывал о «милости к падшим». «Не думаю, — писал он, — что нужно наказывать пишущих про меня нелестно и враждебно <...> Человек я, как Вы знаете, беспартийный, значит: все, что по моему адресу, — партию и руководящих членов её не задевает. Пускай ругаются. <...> Не наказывайте ругателей, Иосиф Виссарионович, очень прошу Вас» (*Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 19. М., 2017. С. 177).

⁶ А.И. Рыкову. Ответ на просьбу Горького в письме от 4 января 1930 г.: «Алексею Ивановичу сердечный привет!»

12.

Печатается по А (АГ. КГ-ОД-1-43-12), впервые.

На письме помета красным карандашом рукой Горького: «Н.И. Бухарин».

Датируется по ответному письму Горького от 10 мая 1930 г. (*Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 19. 2017. С. 293–294).

¹ Горький ответил: «Дорогой Николай Иванович — слышал, что у Вас — грипп, и что Вы лечитесь книгами Дюма-отца. Не нравится мне это — и грипп, и Дюма, ибо первый — опасен, второй же предрасполагает к героическим поступкам. <...> Приехал Крючков, расстроил мне воображение, и — захотелось ехать к Вам. Но, оказывается, я нездоров. Паскудно. <...> Зачем Вы хвораете? Скучно это и обидно. Выздоровливайте, дорогой друг, и приезжайте сюда писать этюды. Идёт?»

Обнимаю Вас крепко.

А. Пешков

Спасибо Вам за Ваше милое письмо, товарищ!»

² Рассказ написан летом 1923 г. Впервые напечатан в журнале «Беседа» (1924. № 5. Июнь. С. 9–56). См.: *Горький М.* Полн. собр. соч. Художественные произведения: В 25 т. Т. 17. М., 1973. С. 366–403.

³ Произведение состоит из трёх частей, трёх рассказов. Впервые напечатаны в журнале «Наши достижения»: первый рассказ — 1930. № 4. С. 76–82; второй — 1930. № 7. С. 62–69; третий — 1931. № 10-11. С. 107–109. Следовательно, в письме Бухарина речь идёт о первом из рассказов. См.: *Горький М.* Полн. собр. соч. Художественные произведения: В 25 т. Т. 20. М., 1974. С. 289–323.

⁴ Крючков Пётр Петрович (1889–1938), секретарь Горького, занимался организацией издания его произведений в СССР и за рубежом. В 1937 г. был арестован по делу «правотроцкистского блока», как и Бухарин. В 1938 г. расстрелян. В 1988 г. реабилитирован.

Крючков приехал к Горькому в Сорренто в начале мая 1930 г.

⁵ См. п. 13 и примеч.

13.

Печатается по А (АГ. КГ-ОД-1-43-13), впервые.

Датируется по времени начала работы Бухарина в секторе научно-исследовательской работы ВСНХ, в Академии наук СССР и в Комиссии по истории знаний (см. ниже).

¹ Вероятно, в неразысканном письме Горький, переживавший за судьбу отстранённого от высоких постов Бухарина, просил его прислать документы (проекты, планы), по которым можно было бы судить о новых областях научной и культурной деятельности адресата.

После отстранения Бухарина в 1929 г. от должности ответственного редактора газеты «Правда» и вывода его из состава Политбюро ЦК ВКП(б) его назначили, по его собственной просьбе, заведовать сектором научно-исследовательской работы ВСНХ. Кроме того, в том же 1929 г. Бухарин был избран действительным членом Академии наук СССР и вскоре вошёл в состав её Президиума. С 1930 г. он возглавлял в Академии наук Комиссию по истории знаний (КИЗ).

Исследователь жизни и деятельности Бухарина С. Коэн пишет о работе бывшего партийного руководителя советской страны в эти годы: «...начиная с 1930–1933 гг. Бухарин стал играть наименее значительную политическую роль со времени революции. Но он был видной фигурой, поэтому даже самая скромная его деятельность обретала известное значение. <...> Больше всего Бухарина занимала наука и её развитие в Советском Союзе. Будучи руководителем исследований в области промышленности, он организовывал новые научно-исследовательские учреждения, число которых неизмеримо возросло в начале 30-х гг., и много писал о соответствующих проблемах. В этот период в Советском Союзе впервые в мире была сделана попытка ввести планирование научных исследований и разработок, значение которого теперь признается повсеместно. Бухарин сыграл ведущую роль в этом новаторском предприятии, и его статьи и речи о методологических и теоретических аспектах планирования научных исследований, по мнению одного из западных историков науки, действительно были очень важны и “даже сейчас пригодились бы в качестве источника для научных администраторов, в том числе и в демократических странах”» (*Коэн С. Бухарин: Политическая биография. 1888–1938. М., 1988. С. 420*).

14.

Печатается по А (АГ. КГ-ОД-1-43-19), впервые.

Датируется по времени отъезда Бухарина в Лондон и упоминанию о продолжающейся чрезвычайной сессии Академии наук (см. ниже).

¹ Leider — к сожалению (нем.).

² См. п. 12, примеч. 4.

³ Бухарин возглавлял советскую делегацию на Международном конгрессе по истории науки и техники, которая проходила в Лондоне с 30 июня по 4 июля 1931 г. (Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1931. № 179. 1 июля; № 184. 6 июля). Об участии Бухарина в лондонском конгрессе см.: Science at the Cross Roads (London, 1931. P. 1–23); Science and Politics in the Soviet Union // New Statesman and Nation. 1931. 11 July. P. 37–38.

⁴ Чрезвычайная сессия Академии наук СССР проходила в Москве с 21 по 27 июня 1931 г. Она была посвящена решению вопросов об усилении роли науки в достижении новых эконо-

Раздел I. ПУБЛИКАЦИИ

мических успехов и о децентрализации науки, организации отделений и филиалов Академии в регионах страны (Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1931. № 169. 21 июня).

⁵ Возможно, имеются в виду бывшие члены «правой оппозиции» в Политбюро ЦК ВКП(б): Бухарин, Рыков и Томский.

⁶ *Aquam vitam* — живую воду (лат.).

⁷ *Aut digitó málě pértináci* (лат.). Бухарин цитирует последнюю строку заключительного четверостишия Оды 9 из Книги 1 древнеримского поэта Квинта Горация Флакка (65 — 8 до н. э.):

И весёлый смех девушки, прячущейся
В самом дальнем углу,
И залог, сорванный с её руки
Или пальца, слабо сопротивляющегося.
(Пер. М. Луценко).

(http://www.russianplanet.ru/filolog/horatius/carmina/1_09.htm. Дата обращения: 21.12.2016.).

В Полном собрании сочинений Горация (В 1 т. М.; Л.: Academia, 1936. С. 19) и в его же Собрании сочинений (В 1 т. СПб.: Биографический институт «Студия биографика» и др., 1993. С. 37) в этой оде, напечатанной в достаточно вольном переводе А.П. Семенова-Тян-Шанского, цитируемая Бухариным строчка отсутствует.

⁸ Академики ждали выступления Горького на сессии. 23 июня 1931 г. в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» (№ 171) было объявлено, что заключительное заседание сессии переносится с 26 на 27 июня и что на нём выступит с докладом «почётный академик М. Горький». Однако Горький на чрезвычайной сессии Академии наук не выступал. 26 июня у него открылось кровохарканье, и врачи запретили ему работать (Летопись жизни и творчества А.М. Горького. Вып. 4. М., 1960. С. 128). С заключительным словом 27 июня на сессии выступил неперменный секретарь АН СССР В.П. Волгин (Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1931. № 176. 28 июня).

⁹ Волгин Вячеслав Петрович (1879–1962), историк, академик (1930), неперменный секретарь Академии наук СССР (1930–1935), вице-президент АН СССР (1942–1953). Лауреат Ленинской премии (1961).

¹⁰ *Sécretaire perpetuel* — неперменный секретарь (франц.).

¹¹ Намёк на нехватку продовольствия и особенно мясных продуктов в связи с проводимой в СССР в 1928–1933 гг. всеобщей коллективизацией (против которой активно выступал Бухарин), вызвавшей массовый забой скота крестьянами.

¹² Намёк Бухарина на своё опальное положение.

¹³ *Paragei* — попугай (нем.).

15.

Печатается по АМ (АГ. КГ-ОД-1-43-14), впервые. Слово «Горький» в обращении, подпись и приписка после подписи — автограф.

Датируется по времени создания в 1932 г. Наркомата тяжёлой промышленности (Наркомтяжпрома) и фразе: «Доклад состоится 26 июня...».

¹ После расформирования в 1932 г. ВСНХ СССР Бухарин возглавил научно-исследовательский сектор (НИС) Наркомтяжпрома.

² Кислицын Степан Иосифович (1882–1976), геолог, заслуженный изобретатель СССР. В конце 1920-х годов разработал гипотезу кристаллического строения Земли. Суть её в том, что земная кора скроена подобно крышке футбольного мяча, сшитой из 12 кожаных пятиугольников. Обычным швам на футбольной крышке на теле планеты соответствуют гигантские разломы коры, чёткие геологические структуры, своеобразная геофизическая и геохимическая обстановка. Кислицын утверждал, что в местах разломов земной коры, в местах совмещения многогранников находятся месторождения полезных ископаемых: алмазов, каменного угля, нефти. Открытия и изобретения учёного замалчивались долгие годы. В настоящее время теорию Кислицына развивают ряд серьёзных учёных, его последователей. Подробнее см.: *Макаров В.А.* Современное строение земной коры как результат функционирования силовых каркасов Геокристалла (февраль 1995 г.). (Код доступа: [lachugin.ru /science / idsz18.htm](http://lachugin.ru/science/idsz18.htm). Дата обращения — 21 декабря 2016 г.).

16.

Печатается по АМ (АГ. КГ-ОД-1-43-15), впервые. Подпись — автограф.

Датируется по сопоставлению с п. 15 и по фразе: «Доклад состоится 4-го августа...»

¹ Вероятно, доклад С.И. Кислицына по каким-то причинам был перенесён с 26 июня на 4 августа 1932 г. См. п. 15 и примеч.

17.

Печатается по тексту телеграфного бланка (АГ. КГ-ОД-1-43-17).

Датируется по дате на бланке. Год устанавливается по содержанию (см. ниже).

¹ Вероятно, Бухарин поздравлял Горького с 40-летием его литературной деятельности: 25 сентября 1892 г. в газете «Кавказ» (Тифлис) был впервые напечатан рассказ писателя «Макар Чудра». Эта дата отмечалась 25 сентября 1932 г. на торжественном заседании в Большом театре в Москве. Горький, в ответ на приветствия, выступил на заседании с небольшой благодарственной речью (см.: *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 26. М., 1953. С. 361–363).

18.

Печатается по А (АГ. КГ-ОД-1-43-20), впервые.

Датируется по упоминанию о болезни Горького (был в это время болен гриппом) и о скором выходе сборника, посвящённого памяти К. Маркса (см. ниже).

¹ Visible — видимый (франц.).

Раздел I. ПУБЛИКАЦИИ

² Ещё в дореволюционный период жизни, в годы эмиграции Бухарин начал работать над обстоятельным исследованием о влиянии К. Маркса на современную мысль. Фрагмент этой работы был напечатан в упомянутом сборнике. См.: *Бухарин Н.И.* Учение Маркса и его историческое значение // Памяти Карла Маркса: Сб. статей к пятидесятилетию со дня смерти. 1883–1933 / Под ред. акад. Н.И. Бухарина и акад. А.М. Деборина. Л.: АН СССР, 1933. С. 9–99.

³ Математические знаки, обозначающие понятия «более» или «менее».

⁴ Горький написал для сборника небольшую статью «Маркс и культура», которая впервые была опубликована в газете «Литературный Ленинград» 14 ноября 1933 г. (№ 14). Упомянутый сборник «Памяти Карла Маркса» также открывался этой статьёй Горького (С. 5–6). См.: *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 27. М., 1953. С. 118–120.

⁵ Ad hoc — кстати, по случаю (лат.).

⁶ Корин Павел Дмитриевич (1892–1967), художник.

Как видно из настоящего письма, Бухарин, который с детства занимался живописью, очень интересовался творчеством Корина, посещал его мастерскую. Горький также высоко ценил талант этого художника. Впервые он посетил мастерскую Корина и его брата художника А.Д. Корина, которая располагалась в чердачном помещении на Арбате, 3 сентября 1931 г. Внимательно посмотрев их работы, Горький пригласил братьев ехать вместе с ним 18 октября на зиму в Италию. Корины прожили в Риме три месяца, в феврале 1932 г. приехали к Горькому в Сорренто, затем поехали в Париж. Вернулись в Москву в апреле 1932 г. В том же 1932 г. Горький обустроил для П.Д. Корина просторную мастерскую в отдельном флигеле на Малой Пироговской, он же заказал в Ленинграде огромный холст для будущей картины Корина «Русь уходящая». Корин с супругой подолгу гостили у Горького на подмосковной даче в Горках, в местечке Тессели в Крыму. П.Д. Корин — автор двух широко известных портретов Горького и около 20 рисунков его с натуры. См.: *Корин П.* Мои встречи с А.М. Горьким (Из воспоминаний) // М. Горький в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. М., 1981. С. 346–354.

⁷ Речь идёт о парном портрете «Отец и сын», написанном Кориным как подготовительный этюд к картине «Русь уходящая», над которой художник работал в 1929–1937 гг. На портрете изображены плотники и скульпторы-самоучки Сергей Михайлович и Степан Сергеевич Чураковы. Портрет был создан в 1931 г. Горький видел его во время посещения мастерской братьев Кориных 3 сентября 1931 г.

19.

Печатается по А (АГ. КГ-ОД-1-43-22), впервые.

Датируется по времени закрытия Второго всесоюзного съезда колхозников-ударников и фразе: «Съезд сегодня закрывается» (см. ниже).

¹ Respectivement — соответственно, относительно (франц.).

² Второй всесоюзный съезд колхозников-ударников состоялся в Москве 11–17 февраля 1935 г. Горький выполнил просьбу Бухарина, быстро написал небольшое «слово» по поводу съезда и, видимо, передал его приехавшему от Бухарина с запиской шофёру Н.Н. Клыкову. Это «слово» под заглавием «Они расскажут миллионам» было напечатано 18 февраля 1935 г.

в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» (№ 44). См.: *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 27. М., 1953. С. 402.

³ По совету Бухарина Горький написал в этом «слове»: «До глубины души огорчён тем, что нездоровье не позволило мне быть на съезде, крепко пожалеть могучие руки людей, воодушевлённых удивительными успехами их героического труда» (Там же). Видимо, сразу же после этого Горький написал также приветствие участникам съезда, которое было зачитано 18 февраля 1935 г. в Московском доме советского писателя на встрече писателей и членов редакции журнала «Колхозник» с делегатами съезда, а затем, 19 февраля, опубликовано под заглавием «М. Горький — делегатам колхозного съезда» в газете «Правда» (№ 49). См.: Там же. С. 403–404.

20.

Печатается по А (АГ. КГ-ОД-1-43-21) на именном бланке ответственного редактора газеты «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» Н.И. Бухарина, впервые.

Датируется по времени публикации статьи Горького «Две пятилетки» (см. ниже).

¹ In aller Eile — второпях, впопыхах (нем.).

² Речь идёт о неосуществлённом проекте издания коллективного труда, посвящённого успехам двадцатилетнего строительства социализма в Советском Союзе. Первоначальные названия книги — «20 лет», «Люди пятилетки», «Люди второй пятилетки». Горький был главным инициатором и одним из основных организаторов этого издания. Вероятно, именно он привлёк к работе над проектом «опального» Бухарина.

31 мая 1934 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение об издании книги «Две пятилетки» на базе издательства «Известия», которым руководил Бухарин. Книга должна была состоять из пяти томов: «Родина», «Становление и формирование человека за годы революции», «Типы и характеры людей», «Творчество народов СССР», «Взгляд в будущее». В главную редакцию «Двух пятилеток» входили: М. Горький, Л.З. Мехлис, А.И. Стецкий, Г.М. Корабельников. См. подробнее: М. Горький и советская печать. Архив А.М. Горького. Т. 10. Кн. 1. М.: Наука, 1964. С. 344–354.

Одновременно с Бухариным с просьбой о статье, определяющей задачи издания, обратился к Горькому главный редактор «Правды» и член редакции «Двух пятилеток» Л.З. Мехлис. 20 марта 1935 г. он писал: «Статью-обращение, Алексей Максимович, надо напечатать Вашу. Тогда это встряхнёт и писателей, и местные организации. <...> Чем скорее статья будет опубликована, тем лучше для дела» (Там же. С. 328).

Статья Горького под заглавием «Две пятилетки» была впервые напечатана 9 апреля 1935 г. одновременно в газетах «Правда» (№ 98) и «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» (№ 85). См.: *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 27. М., 1953. С. 425–432. «Основная тема нашей книги, — писал Горький в этой статье, — социалистический труд как организатор нового человека и новый человек как организатор социалистического труда» (Там же. С. 429).

³ План книги «Две пятилетки», содержание отдельных томов обсуждались на многочисленных заседаниях редакции с авторами: писателями и рабочими. Первое заседание, на котором

Раздел I. ПУБЛИКАЦИИ

Горький рассказал о своём замысле писателям, состоялось 17 января 1934 г. Отчёт об этом был напечатан 20 января 1934 г. в «Литературной газете» (№ 5). 16 марта 1935 г. в доме Горького на Малой Никитской состоялось большое совещание главной редакции с авторами издания «Две пятилетки». В совещании участвовали А.И. Стецкий, А.С. Щербаков, Л.З. Мехлис, Вс. Иванов, Б.Н. Агапов, Г.М. Корабельников и др. Горький выступил с развёрнутым докладом о задачах и тематике этого издания. Стенограмму выступления Горького на совещании см.: М. Горький и советская печать. Архив А.М. Горького. Т. 10. Кн. 1. М.: Наука, 1964. С. 338–343.

⁴ Речь идёт о комплектации материалов для бюллетеня «Записные книжки», который предполагала выпустить редакция «Двух пятилеток».

⁵ Корабельников Григорий Маркович (1904–1996), литературный критик, литературовед, издательский работник. В 1934 г. окончил Институт красной профессуры. В 1934–1936 гг. был ответственным секретарём редакции издания «Две пятилетки». Участник Великой Отечественной войны. Член Союза писателей СССР (1949). В 1950–1960-е годы — член редколлегии журнала «Дружба народов» и «Литературной газеты».

⁶ Magister vitae atque artis — магистр жизни, а также искусства (лат.).

21.

Печатается по А (АГ. КГ-ОД-1-43-16), впервые.

Датируется приблизительно по времени работы Бухарина с 1930 г. в секторе научно-исследовательской работы ВСНХ СССР, затем с 1932 г. — в научно-исследовательском секторе Наркомтяжпрома, а также по времени отъезда Горького в конце сентября 1935 г. на зиму из Москвы в Крым. Записка была написана, по всей видимости, во время пребывания Горького в Москве.

¹ Сведений об участии Горького в слёте юных изобретателей и рационализаторов разыскать не удалось.

22.

Печатается по А (АГ. КГ-ОД-1-43-18), впервые.

Датируется приблизительно по упоминанию о работе над серией книг «История фабрик и заводов» (см. ниже) и времени отъезда Горького в конце сентября 1935 г. на зиму из Москвы в Крым. Записка, судя по всему, была написана во время пребывания Горького в Москве.

¹ Сведений о работе Стойкова над «Историей фабрик и заводов» разыскать не удалось.

² 7 сентября 1931 г. Горький выступил одновременно в газетах «Правда» и «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» (№ 247) со статьёй «История фабрик и заводов». В ней содержался призыв к советской общественности создать серию книг по истории фабрик и заводов СССР. Предложение Горького было поддержано постановлением ЦК ВКП(б) от 10 октября 1931 г. В системе ОГИЗ было образовано государственное издательство «История заводов». Горький стал одним из главных руководителей редакционного совета издательства. К работе над серией был

Н.Н. Примочкина. «...ПИШУ ВАМ, ПОТОМУ ЧТО ВАС ОЧЕНЬ ЛЮБЛЮ ...»

привлечён многочисленный коллектив писателей и рабочих. Первая книга этой серии «Люди Сталинградского тракторного» вышла в 1933 г. с предисловием Горького.

23.

Печатается по А (АГ. КГ-ОД-1-43-23), впервые.

Датируется предположительно по времени работы Бухарина в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» и времени отъезда Горького в конце сентября 1935 г. из Москвы в Крым. Записка, по всей видимости, была написана в период пребывания Горького в Москве и передана ему с нарочным.

¹ Павлов Иван Петрович (1849–1936), физиолог, академик Петербургской академии наук (1907), АН СССР (1925), лауреат Нобелевской премии (1904).

² О какой статье Павлова идёт речь, установить не удалось. Вероятно, она предназначалась для газеты «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», ответственным редактором которой в 1934–1936 гг. был Бухарин.

О.В. БЫСТРОВА

«...ИЗВИНИТЕ, ЧТО ТРЕВОЖУ, НО КАК БЫТЬ?»: ПЕРЕПИСКА М. ГОРЬКОГО С П.П. ПОСТЫШЕВЫМ

Аннотация

Публикуемые документы дают представление о характере отношений между М. Горьким и П. Постышевым. 23 документа печатаются впервые. Адресаты обсуждают вопросы создания украинского филиала ВИЭМ, обустройства детской колонии в Куряже, которой руководил А.С. Макаренко. Обмен письмами в 1935 г., в основном, связан с работой над Дальневосточным томом из серии «История Гражданской войны в СССР», редактором которого был П.П. Постышев.

Ключевые слова

М. Горький, П.П. Постышев, переписка, литература, «История фабрик и заводов», «История Гражданской войны», ВИЭМ

История переписки М. Горького с членом ЦК ВКП(б) Павлом Петровичем Постышевым (1887–1939) берёт своё начало в 1928 г.: 29 марта Постышев отправил писателю приветственную телеграмму в связи с 60-летием со дня рождения.

Личная встреча состоялась 8 июля 1928 г. в Харькове, куда Горький приехал во время своего первого путешествия по СССР. В этот день он присутствовал на торжественном собрании президиума УЦИК, Совнаркома Украины, посвящённом Дню конституции. Вторая половина заседания была посвящена чествованию писателя. На этом собрании Горький и познакомился с секретарём окружного комитета КП (б) Украины П.П. Постышевым. Это было началом тёплых товарищеских отношений, которые сложились между политиком и писателем.

Павел Постышев родился 6 сентября 1887 г. в Иваново-Вознесенске в семье рабочего-ткача. Образования не получил и точно так же, как и Горький, был самоучкой.

В 14 лет включился в революционную борьбу, у него была партийная кличка «Ермак». Нелегальную деятельность вёл в Иваново-Вознесенске вместе с А.С. Бубновым и М.В. Фрунзе, с которым у Постышева сложились и дружеские, и профессиональные отношения. После ареста в апреле 1908 г. содержался в одной камере Владимирской тюрьмы с Фрунзе, после вынесения приговора вместе с ним отбывал каторгу во Владимирском каторжном центре по делу Иваново-Вознесенского союза РСДРП(б). И тогда же под его руководством начал изучать английский и немецкий языки.

В 1912 г. Постышев был выслан на поселение в Иркутскую губернию, где продолжил революционную борьбу. В 1914–1917 годах был членом Иркутского бюро РСДРП. С августа 1917 г. стал председателем Иркутского городского Совета рабочих депутатов, с декабря 1917 г. член Военно-революционного комитета. С 1918 г. председатель революционного трибунала, член Центрального Сибирского Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. В годы Гражданской войны работал в подполье на Дальнем Востоке, участвовал в партизанском движении. С 1920 г. был назначен уполномоченным ЦК РКП(б) по Хабаровскому краю. В 1921–1922 годах — уполномоченный правительства Дальневосточной республики по Прибайкальской области. С апреля 1922 г. — областной комиссар Дальневосточной республики в Верхнеудинске (Улан-Удэ).

В 1923 г. был направлен на Украину на партийную работу. В сентябре 1924 г. избран секретарём Киевского губкома, затем окружкома КП(б) Украины. На XIV съезде ВКП(б) в 1925 г. поддержал И.В. Сталина, выступив против Г.Е. Зиновьева.

В 1926 г. был назначен секретарём Харьковского горкома партии, одновременно — секретарём ЦК ВКП(б) Украины.

К лету 1928 г. вся страна ждала Горького: «Приезд Максима Горького, его встреча после перерыва с своим коллективом читателей — это не просто эпизод в жизни писателя и в нашей жизни. Это событие исключительной яркости, событие, по своему характеру небывалое в истории русской литературы <...> Горький приезжает к нам не как гость. Он нам нужен как работник, и не за прошлые только заслуги его чувствует рабочий класс. Находясь за границей, Горький сотнями нитей связал себя с советской жизнью и литературой. Он сам себя назначил на пост политического и культурного представительства этой литературы <...> Он помогал советской литературе занять то место на международной арене, которое ей принадлежит по праву (1). Утром 7 июля 1928 г. Горький приехал в Харьков. После митинга на вокзале Горький отправился на торжественное заседание Президиума ВУЦИКа и Совнаркома Украины, где встретился с партийным аппаратом Харькова и членами ЦК Украины, среди которых был П.П. Постышев.

Мимолётное знакомство Горького и Постышева только в 1931 г. переросло в настоящие уважительные дружеские отношения. Характеризуя переписку

писателя и политика, следует отметить, что все письма чётко подразделяются на три группы: первая часть писем связана с участием П.П. Постышева в книжной серии «История Гражданской войны», вторая — с участием в книжной серии «История фабрик и заводов» и третья часть писем — это многочисленные просьбы писателя, обращавшегося к крупному политическому деятелю.

Секретарь ЦК ВКП(б) и одновременно заведующий Отделом пропаганды и агитации ЦК, довольно активно участвовал в книжной серии, задуманной Горьким, — «История Гражданской войны». Постановление ЦК ВКП(б) об издании этой серии книг было принято 30 июля 1931 г. Этому предшествовала большая организационная работа, в которую были вовлечены все участники будущей редколлегии. Участник Гражданской войны на Дальнем Востоке, он организовал своих однополчан по Тунгусскому партизанскому отряду, чтобы «они рассказали для стенографических записей о различных событиях из гражданской войны» (см. п. 2).

Летом 1931 г., после утверждения предварительного состава серии «История гражданской войны» в количестве 13 томов, материалы по истории на Дальнем Востоке располагались в 11 томе. В тот момент для Горького был важен вопрос привлечения к редакторской работе таких писателей, как А.А. Фадеев, В.Я. Зазубрин, И.Г. Гольдберг и П.С. Парфёнов (2). Однако в процессе выработки Инструкции и перспективного плана работы над серией количество томов «Истории Гражданской войны» было увеличено до 16; история гражданской войны на Дальнем Востоке «перекочевала» в 13-й том и тогда возникла эта проблема — назначение ответственного редактора тома по линии ЦК ВКП(б). Им был назначен П.П. Постышев, его заместителем — М.А. Триллисер (3).

В процессе работы над томом выработывалась концепция истории партизанского движения на Дальнем Востоке. Это подтверждается одной историей, в которую оказался вовлечённым секретариат главной редакции.

В июне 1934 г. в секретариат серии поступило письмо от временно исполняющего обязанности начальника Центрального музея РККА П.Н. Логинова с просьбой разобраться в сложившейся ситуации: «Центральный музей РККА просит срочно сообщить выводы редакции по существу заявления т. Асакбаева-Якшини, содержание которого сообщаем: бывший Начальник Приамурской стрелковой дивизии Флегонтов написал в Редакцию истории Гражданской войны предисловие контрреволюционного порядка. Флегонтов необоснованно, не зная существа партизанской борьбы в Приамурье, называет в своём предисловии наш отряд Шевчука — отрядом бандитствующим, анархистствующим и т. д. В то же время Флегонтов выдумывает Красную Гвардию на Красной Речке в 1920 г. Под командованием Булгакова-Бельского — чего никогда не было. Кроме этого, выгораживает истории бывшего врага Советской власти правого эсера Булгакова-Бельского, говоря, что он не был эсером. И ещё: Флегонтов ничего не упоминает в своих воспоминаниях о зелёных повязках, которые носили в Хабаровске 1-й и 36-й полки, когда ими командовал Булгаков перед

входом партизанских отрядов в город, а эти повязки носили войско Булгакова, пытавшегося установить в Хабаровске земскую власть, но вынужденного перекраситься под давлением масс из зелёного цвета в красный цвет.

Флегонтов — член партии — написал 55 рецензий на воспоминаниях Шевчука демагогического, непартийного порядка» (4, 88).

3 июля 1934 г. И.И. Минц ответил от имени секретариата: «В ответ на Ваше письмо от 23 июня с.г., ставим Вас в известность, что разбор заявления т. Асанбаева необходимо произвести в Дальневосточном землячестве, так как это выходит за пределы компетенции Секретариата И.Г.В. Советуем Вам ознакомиться с письмом т. Постышева, имеющимся в землячестве, по поводу отряда т. Шевченко и оценки его т. Флегонтовым» (4, 87).

Однако Постышев уже знал об этом заявлении и сам написал по поводу предисловия к готовившемуся тому, отправив своё письмо одновременно в редакцию «Истории Гражданской войны», председателю Дальневосточного землячества в Москве М.М. Лебедихину, первому секретарю Дальневосточного крайкома ВКП(б) Л.И. Лаврентьеву и самому автору предисловия — председателю комитета по делам печати Дальневосточного крайисполкома А.К. Флегонтову: «Считаю оценку, данную партизану Шевчуку (ныне член ВКП(б)) т. Флегонтовым, неправильной, вредной.

Шевчук со своим отрядом до 1920 года дрался с белыми за Советскую власть и имеет колоссальное количество заслуг наряду с другими руководителями партизанских отрядов.

В отряде Шевчука был я сам с первых дней его основания. Что касается поведения отряда Шевчука и самого Шевчука после выступления японцев в апреле 1920 года, до перехода его отряда на левый берег Амура в непосредственное распоряжение штаба фронта, Шевчук и его отряд поддерживал всё время связь со штабом. Кстати, этот период был очень короткий (около 2-х месяцев). Ничего дискредитирующего в поведении отряда Шевчука и самого Шевчука штаб не отмечал.

У Шевчука были свои странности — как и у целого ряда командиров партизанских отрядов того времени. Но эти странности не были такими, которые давали повод или право Флегонтову давать такую неверную и вредную характеристику отряду Шевчука и самому Шевчуку.

Я могу назвать несколько таких командиров — Бойко-Павлова, Кочнева, Изотова, Шевченко (Онучина) и других, которые имели отряды, ничуть не отличавшиеся от отряда Шевчука и состав которых был такой же пёстрый. Но все они дрались за Советскую власть.

Такая характеристика тов. Флегонтова не отражает действительности. Тов. Флегонтов, очевидно, не понял массового красного партизанского движения. Это ведь не такое организованное движение, к которому можно было подойти с определённой мерой и оценкой. Были в отрядах и кулаки, и люмпен-пролетарии, и выходцы из мелкобуржуазной среды — были не

только у Шевчука. Одни шли драться за Советскую власть, другие против японцев — «За Россию», третьи — чтобы пожить. Но в своей основной массе это было революционное движение трудящихся под руководством коммунистической партии. Случайным ли считает тов. Флегонтов или приписывает влиянию отдельных товарищей то, что Шевчук и ему подобные командиры вёл до конца борьбу за власть Советов под ленинскими знамёнами. При чем тут “выпивки” Шевчука, при чем тут “склонность к бандитизму” и т. д.? Анархистствующий налёт был не только у отряда Шевчука. Стремления к сепаратизму были не только у отряда Шевчука. Вина была не в Шевчуках, не в Бойко-Павловых, не в Кочневых, а в недостаточности порой нашего влияния. Но мы все боролись с этим и не безуспешно.

Я советую Флегонтову отказаться от этой оценки. Конечно, история любит объективность, но, по-моему, в оценке т. Флегонтова объективности нет, анализа нет или эта объективность очень узка. Для истории она не имеет ценности. Наоборот, эта “объективность” смазывает ценность и поучительность партизанского движения» (4, 89–90).

Постышев как представитель государственной власти, как секретарь ЦК ВКП(б), не мог позволить говорить об «анархистствующих» партизанах, которые спасли Дальний Восток. Свою концепцию он чётко выразил в статье «Первый партизанский Тунгусский отряд», напечатанной в художественном сборнике «Таёжные походы», сопутствующем тому «Истории Гражданской войны»: «Партизанские отряды не организовывались стихийно, их борьба не была борьбой самообороны. Партизанские отряды организовывались большевиками. А те отряды, которые организовывались без большевиков, потом большевиками оформлялись и, безусловно, ими политически руководились. Борьба шла под лозунгом “За власть Советов”. В партизанские отряды Приморья и Приамурья ушли почти все рабочие из городов. Рабочие в отрядах являлись основным ядром... Впоследствии партизанское движение охватило всю крестьянскую массу» (5, 62–63). В 1934 г. именно эта концепция была отражена в томе, посвящённом истории Гражданской войны на Дальнем Востоке.

В настоящее время приходится вновь поднимать эту проблему, так как введённые в научный оборот документы представляют несколько иную картину: «...в начальный период партизанского движения оно являлось народным по форме, преимущественно крестьянским по составу и было разбито на несколько десятков мало связанных друг с другом отрядов. Стихийность и аполитичность являлись неотъемлемыми характеристиками этого движения <...> большевистское присутствие в партизанском движении, по крайней мере, в Приморье проявилось не ранее весны 1919 г. Именно в этой связи особое значение приобретает вопрос о начале партизанского движения» (6, 8).

Два письма из публикуемой коллекции раскрывают драматический момент в создании «Истории фабрик и заводов», а именно — создание истории

Днепрогэса и сборников по истории украинских заводов.

Строительство Днепропетровской ГЭС было начато в марте 1927 г., к началу 1930-х годов это была одна из крупнейших и важнейших строек. Грандиозный по замыслу и исполнению, этот объект необходимо было отразить в создаваемой истории «борьбы и побед рабочего класса СССР».

Ответственным редактором сборника по истории Днепрогэс был назначен член ЦК КП(б) Украины Н.Н. Попов; в состав редколлегии вошли ещё семь человек, среди которых были В.Я. Чубарь, Ф.В. Гладков, И.К. Микитенко и др.

Обращение Горького к Постышеву в 1933 г. было связано с практическим срывом работы по подготовке сборника, посвящённого Днепрогэсу: «...я должен просить Вас найти время для того, чтобы изменить существующее на Украине отношение к работе по истории заводов. Украина у нас самый слабый, отстающий, неорганизованный участок. Объясняется это, видимо, не столько общей обстановкой, сколько тем, что, во-первых, не обратили и не обращалось внимания на историю заводов, и, во-вторых, полной непригодностью Всеукраинской редакции. К тому же до сих пор по некоторым предприятиям ещё не утверждены центральные редколлегии, а по другим и утверждённые не работают. Тов. Н.Н. Попов, редактор ответственной книги по истории Днепрогэса даже не отвечает на обращения к нему Секретариата главной редакции» (см. п. 3).

Отчасти трудно было обвинять ответственного редактора Н.Н. Попова в срыве работы, поскольку в январе 1933 г. он был назначен директором Института Маркса–Энгельса–Ленина при ЦК КП(б) Украины. Эти обязанности идеологического руководства республикой поглощали всё его время.

Постышев отреагировал на просьбу Горького, и в декабре 1933 г. было проведено Всеукраинское совещание по «Истории фабрик и заводов». Президиум от имени участников совещания отправил приветственное письмо в Москву в главную редакцию «Истории фабрик и заводов» на имя её главного редактора: «Дорогой Алексей Максимович!

Всеукраинское совещание “Истории заводов” горячо приветствует тебя, инициатора и руководителя создания большевистской истории борьбы и побед рабочего класса СССР.

Совещание показало, что создание истории заводов на Украине выросло в огромное массовое политическое движение. На заводах созданы десятки групп содействия, старые кадровики, большевики-подпольщики берутся за перо, история заводов выдвигает новые кадры историков и писателей из среды рабочего класса <...> Мы не исчерпали своих возможностей. В нашей работе много ошибок и недостатков. Нам до сих пор плохо помогают научно-исследовательские исторические и литературные организации. Но мы заверяем тебя, Алексей Максимович, что под руководством нашей партии, осуществляя твои указания и постановления ЦК ВКП(б) об “Истории заводов”, мы создадим научную, художественную историю

заводов — увлекательную повесть о прошлом и борьбе за социализм; и не только готовую книгу, и самое создание истории сделаем орудием борьбы за осуществление грандиозных задач второй пятилетки» (7, 127–128). В октябре 1934 г. по инициативе Постышева был изменён состав украинской редколлегии «Истории фабрик и заводов», однако Н.Н. Попов был оставлен в качестве ответственного редактора.

Горький вновь был вынужден обратиться к Постышеву 23 октября 1934 г. по причине некачественной работы украинской редакции: «...простите, что беспокою, но — не можете ли Вы порекомендовать Украинской редакции “Истории заводов” более серьёзное отношение к делу, чем то отношение, которое она практикует... Ещё раз — извините, что тревожу, но как быть?» (см. п. 13).

Кстати, стоит отметить тот факт, что обмен письмами, связанными с серией «История фабрик и заводов», свидетельствует, что не все письма этой коллекции ещё разысканы (см. п. 12).

Несмотря на торжественное обещание — создать «увлекательную повесть о прошлом и борьбе за социализм», — книга по истории Днепрогэса так и не была создана при жизни Горького.

Может быть, это было связано со смертью писателя в 1936 г., или с гибелью ответственного редактора Н.Н. Попова (расстрелян 10 февраля 1938 г.), или другими причинами. Только в 1960 г. была издана книга «Первенец индустриализации страны — Днепрогэс им. В.И. Ленина» (8), которую и стоит считать завершением столь «затянувшейся» истории создания.

Последняя группа писем М. Горького — это просьбы о помощи: «предоставить для Украинского филиала ВИЭМ <...> помещение в Харькове» (см. п. 8), «ускорения перевоза архива Драгоманова-отца» (см. п. 10), помочь Куряжской детской колонии (см. п. 14), устроить на работу «гр-на Золотаревского» (см. п. 17). Как правило, адресат писателя отвечал всегда одинаково: «Постараюсь всё сделать» (см. п. 9), всегда стремясь выполнить просьбы Горького.

Последним «подарком» Постышева Горькому, впрочем, не только ему, но и всей стране, было возвращение праздника Нового года.

На декабрьском Пленуме ЦК ВКП(б) в 1935 г. Постышев предложил вернуть новогоднюю ёлку, запрещённую как буржуазный предрассудок в первые годы советской власти: «В дореволюционное время буржуазия и чиновники всегда устраивали на Новый год своим детям ёлку. Дети рабочих с завистью через окно посматривали на сверкающую разноцветными огнями ёлку и веселящихся вокруг неё детей богачей. Почему у нас школы, детские сады, ясли, пионерские клубы, Дворцы пионеров лишают этого прекрасного удовольствия ребятшек трудящихся Советской страны? Комсомольцы, пионер-работники должны под Новый год устроить коллективные ёлки для детей. В школах, детских домах, во Дворцах пионеров, в детских клубах и кинотеатрах — везде должна быть детская ёлка!» (9). А на следующий день, 29 дека-

бря 1935 г., ЦК ВЛКСМ рекомендовал повсеместное проведение новогодних праздников для пионеров и школьников.

Разумеется, в семье Горького отмечали Новый год и раньше, но этот официально разрешённый праздник стал последним в жизни писателя: через полгода его не стало.

Судьба самого Постышева сложилась так, как у большинства партийных руководителей того времени: 18 марта 1937 г. Постышев получил выговор за «засорение аппарата» республики троцкистами и был снят с руководства Украиной. 9 января 1938 г. постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) был снят с партийных должностей с объявлением строгого выговора. И.В. Сталин предложил вывести его из кандидатов в члены Политбюро, оставив членом ЦК ВКП(б). Через месяц он был выведен из состава ЦК, в ночь на 22 февраля 1938 г. был арестован. 26 февраля 1939 г. приговорён к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

В 1955 г. П.П. Постышев реабилитирован Военной коллегией Верховного Суда СССР и восстановлен в партии.

В настоящей публикации представлены письма 1928–1936 годов, которые печатаются по автографам и машинописным копиям, хранящимся в *РГАСПИ* и *АГ*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. [Б.н.]. Алексею Максимовичу — привет! // Правда. 1928. № 122. 27 мая.
2. АГ. КГ-изд-19-26-1.
3. АГ. КГ-изд-19-11-1.
4. *РГАСПИ*. Ф. 71. Оп. 36. Д. 91. 186 л.
5. *Постышев П.П.* Первый партизанский Тунгусский отряд // Таёжные походы: сб. эпизодов из истории Гражданской войны на Дальнем Востоке. М.: История Гражданской войны, 1935. С. 59–86.
6. *Бутенин Н.А., Бутенина Н.Д.* Партизанское движение на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны (Итоги и перспективы изучения) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 3. С. 5–11.
7. А.М. Горький и создание «Истории фабрик и заводов»: Сб. документов и материалов в помощь работающим над историей фабрик и заводов СССР. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959.
8. Первенец индустриализации страны — Днепрогэс им. В.И. Ленина: Сб. документов о строительстве Днепрогэса им. В.И. Ленина. 1926–1932 гг. / Партийный архив Запорожского обкома КП Украины. Запорожье: Книжно-газетное изд-во, 1960.
9. *Постышев П.П.* Давайте организуем к Новому году детям хорошую ёлку! // Правда. 1935. № 357. 28 дек.

1. П.П. ПОСТЫШЕВ – ГОРЬКОМУ

29 марта 1928, Харьков

Шлём свой горячий сердечный привет любимому писателю, учителю и другу¹.

Постышев

2. П.П. ПОСТЫШЕВ – ГОРЬКОМУ

13 сентября 1931, Харьков

Алексей Максимович!

Посылаю Вам список товарищей, непосредственных участников гражданской войны на Дальнем Востоке. А гражданская война на Дальнем Востоке крайне богата материалами исключительной ценности¹.

Я условился с Вами о вызове этих товарищей к Вам², чтобы они рассказали для стенографических записей о различных событиях из гражданской войны.

Хорошо бы им предварительно указать, на чем им останавливать своё внимание, чтобы дать наиболее яркие факты³.

С приветом.

Постышев

13/IX.31

Список

участников Гражданской войны на Дальнем Востоке, которых желательно привлечь к составлению «Истории Гражданской войны»

В Москве: т.т. Вележев⁴ (5-82-74), Ярошенко⁵ (1-84-25, ул. Фрунзе 13, кв. 62), Павлов-Бойко⁶ (Подсосенский 13, кв. 7), Флегонтов⁷, Слинькин⁸, Лебедев⁹ (все трое в Плановой академии), Трилиссер¹⁰ (НК РКИ РСФСР), Шумяцкий Б.¹¹ (Союзкино), Шумяцкий Ф.¹² (Союзпечать), Айзенберг¹³ (Центросоюз).

В Сталинграде — т. Трегубенков¹⁴ (секретарь парткома тракторного завода), в В.-Удинске — Головачёв¹⁵ (Бурятский ЦИК), в Японии — Мельников Б.¹⁶ (полпредство) и Засимук¹⁷ (торгпредство) — их можно уведомить письмом, и они пришлют готовые материалы.

3. ГОРЬКИЙ – ПОСТЫШЕВУ

23 ноября 1933, Тессели

Дорогой Павел Петрович.

Знаю, что у Вас очень много работы и что лежит на Вас сейчас очень большая ответственность за трудные дела¹. Однако я должен просить Вас найти время для того, чтобы изменить существующее на Украине отношение к работе по истории заводов². Украина у нас самый слабый, отстающий, неорганизованный участок. Объясняется это, видимо, не столько общей обстановкой, сколько тем, что, во-первых, не обратили и не обращалось внимания на историю заводов, и, во-вторых, полной непригодностью Всеукраинской редакции. К тому же до сих пор по некоторым предприятиям ещё не утверждены центральные редколлегии, а по другим и утверждённые не работают³. Тов. Н.Н. Попов⁴, редактор ответственной книги по истории Днепрогэса⁵, даже не отвечает на обращения к нему Секретариата главной редакции⁶.

Всеукраинский оргкомитет союза писателей ни разу сколько-нибудь серьёзно не занимался вопросами истории заводов, нужные для этого дела кадры писателей не выделены.

Убедительно прошу повлиять на людей, которым этим делом надлежит заниматься.

4. П.П. ПОСТЫШЕВ – ГОРЬКОМУ

7 декабря 1933, Харьков

Дорогой Алексей Максимович.

Прежде всего, шлю Вам самый горячий привет.

По Вашему письму приму все зависящие от меня меры¹.

Желаю здоровья.

Постышев

7.XII–1933 г.

5. ГОРЬКИЙ – П.П. ПОСТЫШЕВУ

После 21 января 1934, Москва

ЦК КП(б)У
Тов. Постышеву
Киев

Дорогой товарищ!

Поздравляю Вас ещё с одним мудрым актом нашей партии: переезд в Киев, ближе к границе, говорит о непоколебимой уверенности в наших си-

лах¹. Пользуясь случаем, обращаюсь с небольшой просьбой, — Вы нам уже не раз помогали.

Мы подготовили небольшой сборник воспоминаний о героической борьбе на Дальнем Востоке². Это наш первый ответ японским милитаристам, которые в тысячах брошюр и книг хвастают, что всегда били русских — и в 1905-м году³, и в 1918 и 1922 годах⁴.

Трудящиеся нашей страны должны знать, что слабо вооружённые, разутые партизаны не раз показывали японским империалистам, какой силой становятся народные массы, если ими руководит крепкая, сплочённая партия Ленина.

Я прошу Вас только ознакомиться с общим расположением материалов в сборнике. Мы его ещё подвергнем литературной обработке, снабдим хорошими иллюстрациями и постараемся издать к годовщине освобождения Дальнего Востока⁵.

Крепко жму руку.

М. Горький

6. ГОРЬКИЙ — П.П. ПОСТЫШЕВУ

10 февраля 1934, Москва

XVII Съезд партии
Тов. Постышеву¹

Дорогой товарищ!

Когда мы начинали свою работу по «Истории Гражданской войны», Вы оказали нам помощь рядом советов по Дальнему Востоку². Сейчас мы приступили к работам над Дальне-Восточным томом. В свете сегодняшних событий очень *нужный* том³. Вы нас крайне обяжете, если возьмёте на себя наблюдение над подготовительной работой. Я постараюсь так организовать всю предварительную работу, что Вам придётся потратить буквально несколько часов на руководство. Но сделать это очень нужно.

Прошу Вас в любой день, когда найдёте возможным, вызвать к себе из нашего Секретариата тов. Минца⁴, заслушать его краткий доклад и одобрить (если найдёте нужным) намеченные нами планы. Его сообщение Вы могли бы заслушать, даже вызвав его в Харьков⁵.

Пользуясь случаем напомнить, что украинская комиссия по «Истории Гражданской войны», возглавляемая тов. Якиром⁶, к сожалению, до сих пор не начала свою работу⁷. Боюсь, как я уже писал Якиру, что новая война наступит скорее, чем мы подытожим опыт первой⁸. Помогите нам в этом деле.

Большой привет. Крепко жму руку.

Главная редакция «Истории Гражданской войны».

М. Горький

7. П.П. ПОСТЫШЕВ – ГОРЬКОМУ

15 марта 1934, Киев

Дорогой Алексей Максимович!

Ваше письмо получил.

К величайшему сожалению, я сейчас так загружен¹, что едва ли смогу принести какую-либо пользу по редактированию тома «Истории Гражданской войны» по Дальнему Востоку.

Тов. Минц пусть приезжает, мы поговорим с ним, если мне удастся чем-либо помочь ему², я с величайшим удовольствием сделаю это.

С тов. Якиром я говорил, он обещал написать Вам лично³.

Горячий привет, крепко жму руку.

Постышев

15.III–1934 г.

8. ГОРЬКИЙ – П.П. ПОСТЫШЕВУ

15 апреля 1934, Москва

Товарищу П.П. Постышеву
Копии тт. Чубарю¹ и Коссиору²

Дорогие и уважаемые товарищи –

убедительно прошу Вас предоставить для Украинского филиала ВИЭМ соответствующее научным нуждам этого филиала помещение в Харькове³.

Ввиду переезда Правительства в Киев⁴ и освобождения ряда зданий весьма опасаясь, что они будут распределены спешно и без внимания к интересам крупнейшего научного учреждения Союза Советов.

Сердечно приветствую.

15/IV–1934

9. П.П. ПОСТЫШЕВ – ГОРЬКОМУ

После 15 апреля, 1934, Киев

Алексей Максимович.

Письмо Ваше получил¹. Постараюсь всё сделать.

Жму Вашу руку.

Желаю здоровья.

Постышев

10. ГОРЬКИЙ – П.П. ПОСТЫШЕВУ

12 сентября 1934, Москва

Дорогой Павел Петрович –

прилагаю при сем копию письма Светозара Драгоманова¹, весьма прошу Вас повлиять на Наркомпрос Украины в смысле ускорения перевоза архива Драгоманова-отца² к нам. Одновременно я обращаюсь с этой просьбой в Коминдел³.

Архив Драгоманова имеет солидную историческую ценность не только тем, что в нём есть письма Герцена, Бакунина, Огарева⁴ и – по словам дочери⁵ Мих. Драгоманова, с которой я встречался в Италии, – переписка с Костома-ровым⁶, Чернышевским⁷, Шевченко⁸ и др. деятелями 60-х–70 г.г., русскими, украинцами, поляками, но архив этот освещает всё национальное украинское движение, одним из основоположников коего Драгоманов-отец был.

Мне кажется, что будет гораздо лучше, если архив этот переедет в Киев или в Москву, а не во Львов, где он может сыграть роль питательной среды для роста чепухи, а не для освещения истории прошлого⁹.

Сердечно желаю Вам доброго здоровья и радуюсь успехам работы Вашей.

М. Горький

12.IX.34.

11. П.П. ПОСТЫШЕВ – ГОРЬКОМУ

2 октября 1934, Киев

Здравствуйтесь, дорогой Алексей Максимович!

Ваше письмо об архиве Драгоманова получил. Обсуждали на Секретариате ЦК. Дали поручение секретарю ЦК Н.Н. Попову и Затонскому¹ заняться вопросом о вывозке архива².

Буду Вас информировать о продвижении дела.

Как Вы себя чувствуете? Думаете ли ехать в Италию подкрепить здоровье?

Я получил колоссальное удовольствие, прочитав Ваш доклад и заключительное слово на съезде писателей³.

Привет. Жму руку, желаю здоровья.

Постышев

2/X–34 г.

12. П.П. ПОСТЫШЕВ – ГОРЬКОМУ

4 октября 1934, Киев

Здравствуйтесь, дорогой Алексей Максимович!

Ваше письмо о работе редакции Истории заводов получил¹. Обсуждали этот вопрос у себя в ЦК. Вынесли решение об изменении состава редакции. Вы абсолютно правы. У нас никто не занимался этим делом.

Привет.

Крепко жму руку.

Постышев

4.X–34 г.

P.S. Как Ваше здоровье?²

13. ГОРЬКИЙ – П.П. ПОСТЫШЕВУ

23 октября 1934, Тессели

Дорогой Павел Петрович,

простите, что беспокою, но — не можете ли Вы порекомендовать Украинской редакции «Истории заводов» более серьёзное отношение к делу¹, чем то отношение, которое она практикует? Пример: Главная редакция в Москве получает от Украинской такую телеграмму: «Послезавтра идёт печатать сборник. Телеграфируйте согласие поставить титул главной редакции. *Потапчик*».

Москва отвечает: «Не согласны». И немедленно посылает письмо, в котором говорит, что нельзя требовать от Московской редакции, чтоб она согласилась на выпуск книги, о которой она ничего не знает, ни одного листа рукописи которой она не читала.

Письмо и телеграмма из Москвы были высланы в один день, 3.VI.34. Ответа от Потапчика не получено. Сборник подписан им к печати 13.VI.1934. Выпущено 9 000 экз. Сборник очень плохо сделан и вообще — не нужен².

Я нахожу, что такими действиями Украин<ская> редакция компрометирует серьёзное дело, на котором учатся тысячи людей.

Ещё раз — извините, что тревожу, но как быть?

Вам доставил удовольствие мой доклад — это искренне радует меня. А я — глубоко восхищён Вашим отношением к детям³. Как хорошо было бы, если б товарищи взяли это Ваше отношение в пример себе!

Крепко жму руку.

А. Пешков

23.X.34

Крым

P.S. В Италию я не поеду никогда уже.

А.П.

14. ГОРЬКИЙ — П.П. ПОСТЫШЕВУ

5 февраля 1935, Тессели

Дорогой Павел Петрович, прошу Вашей помощи. В прилагаемом письме на имя секретаря моего П.П. Крючкова¹ речь идёт о Куряжской детской колонии, находящейся в 8 километрах от Харькова, на месте Куряжского монастыря².

Автор письма — Антон Семенов Макаренко³, организовавший эту колонию в 22 году; он заведывал ею до 30 г., когда был смещён Скрипником⁴, после чего немедленно перешёл в детскую колонию имени Дзержинского тоже около Харькова, этой колонией он заведует до сего дня. С его моральным обликом Вы можете ознакомиться по книжке «Марш 30 г.»⁵ и «Педагогической поэме», напечатанной в Альманахе «Год XVII»⁶.

Куряжская колония существует 12 лет. Количество колонистов — 400 человек, мальчиков и девочек. За 12 лет колония выпустила десятки ребят в вузы, агро-институты, на производства. Нет никаких естественных причин для того, чтоб она разрушалась — причина разрушения — одна: плохое руководство. У колонистов есть земля, десятин 300, есть машины, скот, и вообще есть всё для того, чтобы хорошо жить и работать так охотно, так успешно, как они работали раньше. И вот я убедительно прошу Вас обратить внимание Ваше на эту колонию, для чего нужно, чтоб Вы распорядились послать туда честного и толкового человека, а он бы подробно ознакомился с её состоянием, разогнал всех, кого надобно разогнать и дал бы колонистам новое, хорошее руководство. Очень прошу Вас об этом и, зная Ваше великолепное отношение к детям, уверен, что Вы поможете.

Крепко жму руку.

5.II.34 г.⁷

15. П.П. ПОСТЫШЕВ — ГОРЬКОМУ

13 февраля 1935, Киев

Дорогой Алексей Максимович!

При встрече с Вами в Крыму я обещал Вам прислать книгу-альбом для пионеров «За дело Ленина — Сталина будь готов» и альбом, отображающий строительство «Дворцов Культуры» на селе.

Посылаю Вам эти два альбома¹.

Привет —

Постышев

13.II—1935 г.

16. П.П. ПОСТЫШЕВ – ГОРЬКОМУ

19 февраля 1935, Киев

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Письмо Ваше о Куряжской детской колонии им. Горького получил.

Обязательно пошлём людей для досконального обследования состояния этой колонии.

Желаю здоровья. Сердечный привет.

Постышев

19.II.35.

P.S. Получили ли мои материалы о хатах-лабораториях¹ и хатах-родильнях, а также посланные мной книгу-альбом для пионеров, книгу о Харьковском Дворце пионеров и альбом о строительстве Дворцов культуры²?

П.

17. ГОРЬКИЙ – П.П. ПОСТЫШЕВУ

13 апреля 1935, Москва

Дорогой Павел Петрович –

я очень хорошо знаю, что в наши дни – более чем когда-либо – рискованно хлопотать о людях незнакомых. Но фабрикация недовольных – «униженных и оскорблённых» – работа в пользу врага. По сей причине считаю нужным обратить внимание Ваше на прилагаемое письмо гр-на Золотаревского, может быть, Вы найдёте нужным помочь ему¹.

Третьего дня паренёк 23 лет из Ярославля <прислал письмо>, в котором сообщил, что его исключили из комсомола и запретили работать в местной прессе, потому что отец его «средняк» был раскулачен, выслан [на 3 г.] из деревни, но работая на лесозаготовках «по счётной части», получил квалификацию, заработал ударничество<м> досрочное освобождение и ныне благополучно работает в Ташкенте. Я показал письмо парня Иосифу Виссарионовичу, который в этот день был у меня, и И.В. написал на письме: «Принять в комсомол, дать работу в местной прессе»².

Это решение тем более правильно, что парень с семи лет не жил с отцом, а воспитывался в городе у чужих людей.

Чистка центров от человеческого мусора – дело необходимое, но засорение мусором провинции едва ли полезно, ибо в провинции своим хламом достаточно богата*. «Перевоспитывать» присылаемых ей она может только в худшую сторону, а вот, конц-лагерь в Дмитрове³, на работе канала Волга-Москва⁴ очень быстро перевоспитывает социально опасных в лучшую. И Колыма⁵ – так же.

* Так в А. – *Ред.*

Раздел I. ПУБЛИКАЦИИ

Сердечно благодарю Вас за присылаемые Вами сведения о работе для детей и с детьми. Отличное дело.

Крепко жму руку Вашу, дорогой товарищ.

М. Горький

13.IV.35.

18. П.П. ПОСТЫШЕВ – ГОРЬКОМУ

16 мая 1935, Киев

Дорогой Алексей Максимович!

Ваше письмо о гр. Золотаревском (из г. Бердянска) я получил. Вызвал его к себе. По просьбе Золотаревского направил его в Запорожье — с письмом к Секретарю Горпарткома тов. Струцу¹.

Сейчас Золотаревский уже получил в Запорожье работу (назначен зав. Кинотеатром)².

Как Ваше здоровье?

Сердечный привет. Крепко жму руку.

Постышев

16.V.–35 г.

19. ГОРЬКИЙ – П.П. ПОСТЫШЕВУ

3 июня 1935, Москва

Киев.
ЦК КП(б)У
т. Постышеву

Дорогой товарищ!

Кончился сев, идёт подготовка к уборке, а я отвлекаю Вас от срочных дел. Главная редакция утвердила Вас редактором Дальне-Восточного тома «Истории Гражданской войны». Том у нас значительно подвинулся вперёд: собран архивный материал, накопилось много воспоминаний. Пора приступать к писанию. От Вас я попрошу немного: вызвать в Киев т. Минца, заслушать его отчёт и утвердить первую группу авторов. И все. Но нам это поможет двинуть том вперёд.

Вы как-то обещали посмотреть наш литературный сборник по Дальнему Востоку¹. Т. Минц привезёт его с собой.

Всего доброго.

Большой привет.

М. Горький

3.VI.35

20. ГОРЬКИЙ – П.П. ПОСТЫШЕВУ

До 27 июня 1935, Москва

Киев.
т. Постышеву

Дорогой товарищ,

Обращаюсь к Вам с большой просьбой, как редактору Дальне-Восточного тома — т. Минц, видимо, уже доложил Вам¹ о постановлении Главной редакции. Мы подобрали очень интересный материал о борьбе с Японской интервенцией на Дальнем Востоке². Материал уже отредактирован и будет издан в качестве приложения к Дальне-Восточному тому. Посылая Вам как редактору тома этот сборник, прошу просмотреть его и подписать к печати.

Все нужные справки может дать Вам т. Минц, который подготавливал весь материал.

Всего доброго.

Большой привет.

М. Горький

21. П.П. ПОСТЫШЕВ – ГОРЬКОМУ

27 июня 1935, Киев

Дорогой Алексей Максимович!

Ваши письма о просмотре Дальне-восточных материалов получил.

Послал телеграмму¹ тов. Минцу о выезде в Киев.

Сердечный привет.

Крепко жму руку.

Постышев

27.VI–1935 г.

22. ГОРЬКИЙ – П.П. ПОСТЫШЕВУ

28 июня 1935, Горки

Дорогой Павел Петрович —

обращаюсь к Вам с горячей просьбой: ускорьте, насколько это возможно для Вас, — редакционную работу с материалом по истории Гражданской войны на Даль-Востоке; редактором этого тома являетесь Вы.

Обращаться с этой просьбой к Вам меня понуждает крайне и непонятно медленная работа редакторов. Первый том — «Октябрь» — давно уже готов, и его можно бы сдать в типографию несколько месяцев тому назад¹. Редакторы обещали нам — секретариату — прочитать этот том к первому апреля.

Через несколько дней — первое июля. «Ходят слухи», что «Октябрь» прочитан и одобрен всеми редакторами за исключением одного, который ещё не нашёл время для этой работы². У нас уже готов второй и третий тома. Очень прошу Вас — отнестись к этой работе с тою серьёзностью, с которой Вы относитесь ко всем вопросам культурного воспитания нашей страны.

Пользуясь случаем выразить Вам глубочайшую благодарность и удовлетворение за Вашу речь литераторам³; «Удовлетворение» попала не на своё место и фраза вышла не очень грамотной, — причина сего некоторая муть в голове, — последствия гриппа. Литераторам Вы сказали очень хорошо: отечески мягко, но внушительно, потому и правильно по существу.

На съезде, в Париже, литераторы ещё раз показали, что они — племя странное и прежде всего стремящееся к «независимости», к самозащите, самообороне⁴. Конечно, всякий ирландец желает свободы, однако, наговорив столь много горячих речей против фашизма, — в резолюции тоже следовало бы сказать, что-нибудь, кроме указания на необходимость профессионального благоустройства, невозможность коего вполне основательно доказана⁵. Думаю, что Роллан, наверное, внесёт некоторые «поправки» к этой резолюции. Я его ещё не видел, ибо в Москве не бываю, но 30-го он переедет ко мне, в Горки⁶.

С радостью слежу за Вашей работой для детей, хорошая работа⁷, дорогой товарищ!

Будьте здоровы и берегите себя. Слышал, что серенькие эмигранты, превращаясь в трупных мух, недовольны фактом Вашего бытия⁸.

Крепко жму руку, дорогой Павел Петрович, и ещё раз напоминаю о Дальне-Восточном материале.

М. Горький

28.VI.35.

23. П.П. ПОСТЫШЕВ — ГОРЬКОМУ

16 июля 1935, Киев

Срочная
Москва ул. Горького 15
Редакция Истории Гражданской войны
Горькому

Сборник Гражданской войны на Дальнем Востоке просмотрел¹. Никаких замечаний <в> оформлении сборника у меня нет. Сборник вернул тов. Рейхбергу².

Сердечный привет.

Постышев

24. ГОРЬКИЙ – П.П. ПОСТЫШЕВУ

22 июля 1935, Москва

Киев

П.П. Постышеву

Дорогой товарищ!

Я Вам уже посылал сборник о гражданской войне на Дальнем Востоке¹. Мы учли Ваши замечания и набрали сборник. Очень прошу Вас — познакомьтесь с оформлением сборника. Если у Вас серьёзных возражений не будет, мы в таком виде будем его печатать. Сборник сдаём в печать через несколько дней². Поэтому очень прошу не задерживать.

Заранее большое спасибо.

Горький

25. П.П. ПОСТЫШЕВ – ГОРЬКОМУ

26 февраля 1936, Киев

Дорогой Алексей Максимович!

Посылаю Вам комплект газет, которые Вы просили¹. Эти газеты взяты из архива Украинской Академии наук — единственный экземпляр в Киеве.

Прошу обеспечить обязательный возврат этих газет в ЦК КП(б)У на моё имя.

Желаю здоровья.

Крепко жму руку.

Постышев

25.П–36 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

Печатается по тексту телеграфного бланка (АГ. КГ-ОД-2-35-1), впервые.

Датируется по помете на телеграфном бланке.

¹ 28 марта 1928 г. Горькому исполнилось 60 лет. В связи с этой датой СНК СССР принял постановление, в котором, в частности, указывалось: «В день исполнившегося шестидесятилетия жизни Алексея Максимовича Пешкова, Максима Горького, и тридцатипятилетия его литературной деятельности Совет Народных Комиссаров Союза ССР отмечает исключительные заслуги этого великого революционного писателя, творчество которого неразрывно спаяно с жизнью трудящихся масс нашей страны и их борьбой против дореволюционной царской и капиталистической России <...> Максим Горький не только как писатель, но и

Раздел I. ПУБЛИКАЦИИ

как революционный деятель принимал личное участие в революционном движении, неоднократно оказывал большую помощь рабочему классу и коммунистической партии и в настоящее время продолжает со всей страстностью борьбу против врагов первой в мире рабоче-крестьянской республики» (Правда. 1928. № 76. 30 марта).

В числе многочисленных приветствий от правительства, помимо телеграммы от П.П. Постышева, писатель получил поздравления от Н.К. Крупской, М.И. Ульяновой, Я.С. Ганецкого, А.В. Луначарского, Н.А. Семашко, М.Н. Покровского и др.

2.

Печатается по МК, подпись и дата — А (РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 36. Д. 11. Л. 3), впервые.

¹ Постышев в годы Гражданской войны курировал работу Первого Тунгусского партизанского отряда, как председатель Тунгусской волости, о чем позже написал книгу (см.: *Постышев П.* Первый партизанский Тунгусский отряд. М.: ОГИЗ Молодая гвардия, 1933).

² Предположительно, встреча с писателем произошла 5 августа 1931 г. на параде физкультурников в ознаменование десятилетней годовщины Красного Спортинтерна (см.: Комсомольская правда. 1931. № 216. 7 авг.).

³ Этот вопрос был связан с тем, что в обращении главной редакции серии к участникам Гражданской войны было указано: «Нужно, чтобы все люди, которые помнят события тех лет, те, которые создавали события, записывали и присылали в редакцию “Истории” свои записки» (*Горький М.* Собрание сочинений: В 30 т. Т. 30. М.: ГИХЛ, 1953. С. 118). Более детальные инструкции по организации сборников-спутников к томам «Истории Гражданской войны» редакцией были выработаны позже. Так, в «Инструкции по организации работы, сборанию и обработке материалов» для серии было указано: «Привлечь к писанию воспоминаний, очерков, зарисовок, исторических хроник; участников гражданской войны, не умеющих написать, опросив и записав их рассказы и застенографировав выступления на вечерах воспоминаний. Необходимо привлечь к писанию воспоминаний и тех, кто не был непосредственным участником Гражданской войны, но ближайшим образом наблюдал её события, находясь в районах боевых действий или работая в партийных и профессиональных организациях, советских учреждениях, а также членов <семей> самих участников Гражданской войны. Желательно также привлечь к писанию воспоминаний участников зелёных и других банд, дабы достичь наиболее всестороннего освещения событий» (АГ. КГ-изд-19-2-1).

⁴ Вележев Сергей Георгиевич (1885–1972), в годы Гражданской войны член Военного совета Амурского фронта Народно-революционной армии Дальневосточной республики.

⁵ Ярошенко Ефим Григорьевич (1894–после 1950(?)), в годы Гражданской войны командир партизанского отряда в Иманской долине на Дальнем Востоке.

⁶ Правильно: Бойко-Павлов Демьян Павлович (1892–1964), в годы Гражданской войны командир партизанского отряда в Приамурье; в 1933 г. был приглашён Постышевым в Харьков на партийную работу.

⁷ Флегонтов Алексей Кандиевич (1888–1943), в годы Гражданской войны командир партизанского отряда в Забайкалье. Автор книги, посвящённой истории партизанского движе-

ния на Дальнем востоке: *Флегонтов А.* Партизанской тропой: 15-летие Октябрьской революции и 10-летие Советов на Дальнем Востоке. Хабаровск: Дальгиз, 1932.

⁸ Слинкин Илья Васильевич (1899–1938), в годы Гражданской войны председатель Амурского народно-революционного комитета, руководил партизанским движением в Приморье; после завершения обучения в Плановой академии при Комакадемии СССР был приглашён Постышевым в Харьков, однако отказался и вернулся в Хабаровск, где с 1934 г. был Первым секретарём Хабаровского областного комитета ВКП(б).

⁹ Биографические данные участника партизанского движения Лебедева не разысканы.

¹⁰ Трилиссер Меер Абрамович (1883–1940), в годы Гражданской войны организатор системы разведки и конспиративной связи с большевиками на Дальнем Востоке; после ухода японцев секретарь Амурского обкома РКП(б); с декабря 1921 г. начальник Иностранного отдела ВЧК.

¹¹ Шумяцкий Борис Захарович (1886–1938), в годы Гражданской войны один из руководителей партизанского движения Западной Сибири; с 1930 г. председатель «Союзкино».

¹² Биографические данные участника партизанского движения Ф. Шумяцкого не разысканы.

¹³ Айзенберг, комиссар 1-го Забайкальского партизанского отряда.

¹⁴ Трегубенков Кузьма Егорович (1890–1963), в годы Гражданской войны политработник Военного совета Амурского фронта.

¹⁵ Биографические данные участника партизанского движения Головачёва не разысканы.

¹⁶ Мельников Борис Николаевич (1896–1938), в годы Гражданской войны комиссар штаба Амурского фронта, позже член Реввоенсовета Восточного фронта. С 1923 г. работал в аппарате НКВД СССР; с 1928 г. генконсул СССР в Харбине.

¹⁷ Биографические данные участника партизанского движения Засимука не разысканы.

3.

Печатается по МК (АГ. ПГ-рл-31-27-1). Впервые: Вопросы литературы. 1957. № 7. С. 119, в публикации Л. Латухиной «Живые традиции: (“История фабрик и заводов”)

Датируется по секретарской помете на письме.

¹ Предположительно, Горький имел в виду завершающий этап первой пятилетки и подготовку республики ко второй пятилетке, а также подготовку к проведению XVII съезду ВКП(б). Однако могло подразумеваться и устранение последствий массового голода, охватившего в 1932–1933 гг. территорию Украинской ССР и повлёкшего за собой миллионные человеческие жертвы. Эти события явились следствием проведения экономических реформ, а также и тем, что в 1931 г. в пяти регионах СССР, в Западной Сибири, Казахстане, на Урале, на Средней и Нижней Волге — был неурожай из-за засухи, что весьма значительно сократило хлебные ресурсы страны. К началу весны 1933 г. в целом по стране продовольственная ситуация была тяжёлой: были перебои в Москве, и в Ленинграде, однако ситуация на Украине, Северном Кавказе и в Казахстане была самой тяжёлой. Стоит отметить и тот факт, что в сентябре 1933 г. было принято решение Политбюро о поставках картофеля на Украине, согласно которому устанавливался

Раздел I. ПУБЛИКАЦИИ

«окончательный годовой план сдачи картофеля государству колхозниками и единоличными хозяйствами в размере 750 тысяч тонн» (*РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 931, Л. 22 (112/76)*). Подробнее см.: Голод в СССР. 1930–1934 гг. [Подборка документов ГАРФ, РГАСПИ, РГАЭ, РГВА, Архива президента РФ, ЦА ФСБ России о проблеме голода в СССР в начале 30-х годов XX в.] / Сост. А.О. Антипова, Е.А. Голосовская, М.М. Кудюкина, О.В. Наумов, Е.А. Тюрина, М.С. Астахова и др. М.: Росархив, 2009.

² П.П. Постышев был включён в состав редакционной коллегии «Истории фабрик и заводов» (см.: Постановление ЦК ВКП(б) «Об издании “Истории заводов”» // *Правда*. 1931. № 281. 11 окт.).

³ Список главных редакторов и состав редакционных коллегий по истории отдельных предприятий был утверждён на заседании главной редакции 13 августа 1932 г. (см.: *АГ. КГ-изд-25-41-1*) и опубликован в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» (1932. № 281. 11 окт.).

⁴ Попов Николай Николаевич (1890–1937), историк; с 1925 г. заведующий Агитпропотделом ЦК КП(б)У, одновременно редактор газеты «Коммунист». В 1929–1933 гг. член редколлегии газеты «Правда». В январе 1933 г. был направлен на Украину третьим секретарём ЦК и членом Политбюро ЦК КП(б)У.

⁵ Главным редактором по истории «Днепрогэс» был назначен Н.Н. Попов, членами редколлегии — В.Я. Чубарь, Дудкин, Я.Н. Косман, Ф.В. Гладков, И.К. Микитенко, А.А. Любченко, Н. Хвилевый.

⁶ Речь идёт о письме, отправленном Горьким Н.Н. Попову, в котором, в частности, указывалось на задержку работы: «Главная редакция “Истории заводов” отнесла Днепрогэс к числу предприятий, чья история должна быть написана в первую очередь. До сих пор работа здесь, как и на большинстве предприятий Украины, пишущих свою историю, велась слабо. К этой работе не были привлечены квалифицированные силы писателей, экономистов, инженеров. Прошу Вас, как главного редактора истории Днепрогэса, обсудить этот вопрос и вместе с Всеукраинской редакционной комиссией и секретариатом главной редакции наметить мероприятия, обеспечивающие написание истории Днепрогэса. Было бы очень хорошо, если бы Вы нашли время созвать совещание по вопросам создания истории Днепрогэса с участием ряда видных специалистов, а также с участием писателей, которые писали о Днепрострое (а писалось ведь очень много) и которых следует привлечь к работе <...> Днепрогэс уже опаздывает — книгу о нём давно ждут, а у нас даже подготовительные работы ещё не закончены <...> Только Ваше непосредственное руководство этой работой сейчас может действительно поставить дело по-настоящему» (*АГ. КГ-изд-27-38-1*).

4.

Печатается по *МК*, подпись *А* (*АГ. КГ-ОД-2-35-2*), впервые.

¹ См. п. 13 и примеч.

5.

Печатается по *МК*, подпись *А* (*РГАСПИ*. Ф. 71. Оп. 36. Д. 11. Л. 209), впервые.

Датируется по содержанию письма: упоминанию о переезде столицы Украины в Киев.

¹ Решение о переносе столицы в Киев было принято по решению XII съезда КП(б)У 21 января 1934 г. (см.: Постановление Всеукраинского ЦИК в связи с решением XII съезда КП(б)У // *Правда*. 1934. № 22. 22 янв. С. 5). Переезд был назначен на осень 1934 г., однако 24 июня 1934 г. Киев стал столицей Украины.

² Речь идёт о работе над сборником: Японская интервенция 1918–1922 гг. в документах / Подгот. к печати И. Минц. М., 1934.

³ Речь идёт о Русско-японской войне 1904–1905 гг. за установление контроля над Манчжурией и Кореей. Эта война завершилась Портсмутским миром, подписанным 23 августа 1905 г., который зафиксировал уступку Японии южной части Сахалина и арендных прав на Ляодунский полуостров и Южно-Манчжурскую железную дорогу.

⁴ Речь идёт о японской интервенции 1918–1922 г. Состоявшаяся в конце 1921 — начале 1922 г. Вашингтонская конференция вынудила Японию принять решение о выводе войск из Приморья.

⁵ Официальной датой освобождения Владивостока от белогвардейцев и японских интервентов считается 25 октября 1922 г., однако только 2 июня 1923 г. из порта Золотой Рог снялся с якоря японский броненосец «Ниссин».

6.

Печатается по *МК* (*РГАСПИ*. Ф. 71. Оп. 36. Д. 11. Л. 63), впервые.

¹ П.П. Постышев был делегатом VII съезда ВКП(б), который проходил в Москве с 26 января по 10 февраля 1934 г.

² Постышев был назначен редактором тома XIII серии — «Гражданская война на Дальнем Востоке» (*АГ*. КГ-изд-19-11-1).

³ В 1932 г. усилились угрозы советским границам со стороны Японии. Не объявляя войны Китаю, японское правительство ввело войска в Манчжурию, готовя удобные позиции для захвата Северного Китая и нападения на СССР. Чтобы не подвергаться давлению со стороны Лиги Наций, Япония вышла из этой организации в 1933 г. и начала усиленно вооружаться. 4 января 1933 г. правительство СССР предложило Японии заключить пакт о ненападении, однако Токио осталось верным антисоветскому курсу и предложение России не было принято. В отчётном докладе ЦК ВКП(б) на XVII съезде было указано: «Отказ Японии от подписания пакта о ненападении лишний раз подчёркивает, что в области наших отношений не всё обстоит благополучно <...> одна часть военных людей в Японии открыто проповедует в печати необходимость войны с СССР и захвата Приморья при явном одобрении другой части военных, а правительство Японии вместо того, чтобы призвать к порядку поджигателей войны, делает вид, что это его не касается» (XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б): Стенографический отчёт. М., 1934. С. 14).

Раздел I. ПУБЛИКАЦИИ

⁴ Минц Исаак Израилевич (1896–1991), историк, с 1931 г. редактор секретариата главной редакции «Истории Гражданской войны», одновременно с 1932 г. заведующий кафедрой истории СССР в МИФЛИ и МГУ.

⁵ Только 23 февраля 1934 г. И.И. Минц написал в секретариат Постышева письмо: «При докладе письма тов. Горького тов. Постышеву, прошу учесть следующее: тов. Горький лично собрался говорить с тов. Постышевым, но, к сожалению, заболел и обратился к нему с письмом. Я получил письмо для передачи тов. Постышеву как раз через день после отъезда тов. Постышева. Собирался ехать в Харьков, но мне сказали, что ждут его через несколько дней в Москву. Возможно, тов. Постышев и был в Москве, — но мы не сумели его найти. Этим и объясняется задержка доставки письма» (*РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 36. Д. 11. Л. 62*).

⁶ Якир Иона Эммануилович (1896–1937), командарм I ранга; с ноября 1925 г. командующий войсками Украинского военного округа.

⁷ И.Э. Якир был назначен редактором тома «Гражданская война на Украине и Крыму» серии «История Гражданской войны» (*АГ. КГ-изд-19-11-1*).

⁸ Речь идёт о письме Горького, отправленном 10 февраля 1934 г. Якиру: «Дорогой товарищ! Ещё в июне месяце прошлого года Главная редакция поручила Вам лично “немедленно развернуть работу украинской комиссии по истории Гражданской войны, обеспечив бесперебойную подготовку украинского тома”. Увы! С тех пор прошло больше полгода — комиссия не работает, том вперёд не продвигается. Это ставит под угрозу выполнение всего плана по изданию “Истории Гражданской войны”. Я очень боюсь, что нашу редакцию может постигнуть участь, скажем, комиссии по истории второй турецкой кампании. Начав писать свою историю в 90-х годах, комиссия сидела до конца 1917 года, пока не была разогнана Октябрьской революцией. Нас, конечно, не разгонят, — в этом порука, в частности, и Ваша боевая деятельность. Но вторая интервенция может начаться раньше, чем мы с Вами подведём итоги первой интервенции <...> В этом году мы издаём два тома, в будущем году мы должны будем выпустить четыре тома, в том числе и украинский. Если не начнём немедленно, то украинский том не выйдет и через два года» (*РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 36. Д. 11. Л. 54–54 об.*).

7.

Печатается по *МК*, подпись *А* (*АГ. КГ-ОД-2-35-3*), впервые.

¹ Предположительно, Постышев был занят в эти месяцы началом сева в республике и одновременно проблемами, связанными с переводом столицы из Харькова в Киев.

² Когда именно произошла встреча И.И. Минца с П.П. Постышевым, выяснить не удалось.

³ 14 марта 1934 г. И.Э. Якир написал письмо Горькому, в котором сообщал: «Дорогой Алексей Максимович! Получил Ваше повторное предупреждение о подготовке Украинского тома Гражданской войны. Я виновен и это отчётливо ощущаю. Но дело всё время так складывается, что при большой занятости и непрерывных поездках по округу я до сих пор никак не мог организовать работы. Сейчас создана у нас новая небольшая редакция тома <...> Я надеюсь, что теперь дело с нашим томом начнёт двигаться. На днях мы пригласим т. Минца и вместе с ним распределим работы по Украинскому тому» (*АГ. КГ-изд-20-56-1*).

8.

Печатается по А (АГ. ПГ-рл-31-27-3), впервые.

Дата на письме проставлена, предположительно, П.П. Крючковым.

¹ Чубарь Влас Яковлевич (1891–1939), с июля 1923 г. председатель Совнаркома Украинской республики, одновременно заместитель председателя СНК СССР.

² Правильно: Косиор Станислав Викентьевич (1889–1939), с июля 1928 г. генеральный секретарь ЦК КП(б) Украины, одновременно с 1931 г. член Президиума ВЦИК.

³ Речь идёт о Государственном институте экспериментальной медицины (ГИЭМ), который в 1932 г. был реорганизован во Всесоюзный институт экспериментальной медицины (ВИЭМ). В 1934 г. было принято решение о переводе института из Ленинграда в Москву. Одновременно решался вопрос о работе Украинского филиала Института экспериментальной медицины.

⁴ См. п. 5, примеч. 1.

9.

Печатается по А (АГ. КГ-ОД-2-35-12), впервые.

Датируется по связи с п. 8.

¹ См. п. 8 и примеч.

10.

Печатается по МК (АГ. ПГ-рл-31-27-4), впервые.

¹ Драгоманов Светозар Михайлович (1884–1958), экономист, публицист. 7 сентября 1934 г. он написал Горькому: «Глубокоуважаемый Алексей Максимович! С глубоким волнением и признательностью к Вам я прочёл в опубликованном в газетах Вашем заключительном слове на съезде писателей Ваш совет советским писателям изучать фольклор и в том числе наследство, оставленное моим покойным отцом Михаилом Петровичем Драгомановым, немало потрудившемся над собиранием фольклорного материала на Украине и об Украине <...> Однако часть фольклорного материала не была опубликована и по сей день лежит в отцовском архиве, увы, находящемся вне пределов досягаемости, — пока. Архив находится у моей старшей сестры в Софии, где, как Вам известно, скончался в 1895 году мой отец. Я много лет стремлюсь вывезти архив из Софии, но до сих пор мне не удалось прийти к каким-либо реальным результатам. Лишь с возобновлением нормальных отношений между Болгарией и СССР возросла моя надежда, что я, наконец, осуществлю своё заветное желание перевезти архив на Украину и что он станет достоянием всех интересующихся им <...> Полагаю, что Вы разделите моё желание, чтобы архив был перевезён в Советский Союз, я обращаюсь к Вам, глубокоуважаемый Алексей Максимович, с просьбой помочь мне в этом деле Вашим веским словом в соответствующих инстанциях, могущих оказать мне содействие в полезном для социалистической культуры деле» (АГ. КГ-уч-5-16-1).

Раздел I. ПУБЛИКАЦИИ

² Драгоманов Михаил Петрович (1841–1895), историк, фольклорист, публицист. Работы Драгоманова по фольклору питали социально-политические настроения в обществе. Не отрицая интернационализма, он приветствовал отдельные проявления украинского национализма, связанные с культурой, фольклором, литературой.

³ Горький имеет в виду своё письмо заведующему Отделом печати и информации НКВД СССР К.А. Уманскому: «...сообщая Вам копию письма сына Мих. Драгоманова, очень прошу Вас поспособствовать делу приобретения архива виднейшего деятеля Украины» (АГ. ПГ-рл-46-4-1). Вместе с этим писатель просил своего адресата: «Будьте добры известить меня или непосредственно его, Постышева, что по этому поводу будет принято Наркоминделом» (Там же).

⁴ М. Драгоманов подготовил к печати следующие тома переписки: Письма К.Д. Кавелина и И.С. Тургенева к А.И. Герцену / Ред. М.П. Драгоманов. Женева: Украинская тип., 1892; Письма М.А. Бакунина к А.И. Герцену и Н.П. Огарёву / Под ред. М.П. Драгоманова. СПб., 1906. В ЛБГ хранится книга с пометами Горького: М.А. Бакунин. Биографический очерк / Ред. М. Драгоманов. [Б.м.]: Изд. И.Г. Балашова, 1906 (ОЛБГ. 5488).

⁵ Шишманова-Драгоманова Лидия Михайловна (1866–1937), литератор; дочь М.П. Драгоманова, жена болгарского учёного И. Шишманова.

⁶ Костомаров Николай Иванович (1817–1885), русский и украинский историк, публицист; член-корреспондент Императорской Академии наук.

⁷ Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1889), писатель, философ-материалист; теоретик критического утопического социализма.

⁸ Шевченко Тарас Григорьевич (1814–1861), украинский поэт, этнограф.

⁹ В своё время, стремясь поднять национальную жизнь Украины до уровня Европы, Драгоманов знакомил европейских читателей с развитием украинской литературы, с гонениями против украинской культуры. Эти материалы могли быть истолкованы украинскими националистами в свою пользу. В ЛБГ хранится книга: *Заславский Д.* М.П. Драгоманов: (К истории украинского национализма). М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, [1934] (ОЛБГ. 6317).

11.

Печатается по МК, подпись А (АГ. КГ-ОД-2-35-4), впервые.

¹ Затонский Владимир Петрович (1888–1938), с 1923 г. председатель ЦКК КП(б) Украины, нарком Рабоче-крестьянской инспекции Украины.

² Судьба архива М.П. Драгоманова сложилась следующим образом. После смерти в 1928 г. И.Д. Шишманова, зятя М.П. Драгоманова, весь архив Драгоманова был передан в Академию наук Болгарии. В начале 1930-х годов Л.М. Шишманова-Драгоманова продала часть архива отца в Украинский научный институт в Варшаве. В 1958 г. Болгария подарила 181 единицу фонда Драгоманова в Государственную библиотеку им. В.И. Ленина и в архив Академии наук СССР.

³ Речь идёт о выступлениях М. Горького на Первом съезде советских писателей, проходившем в Москве с 17 августа по 1 сентября 1934 г.

12.

Печатается по МК, подпись А (АГ. КГ-ОД-2-35-5), впервые.

¹ О каком письме идёт речь, не установлено.

² В связи с обострением болезни Горький 25 сентября 1934 г. переехал в Тессели (Крым).

13.

Печатается по МК (АГ. ПГ-рл-31-27-5), впервые.

¹ Об этом же 20 октября 1934 г. Горький писал Н.Н. Попову, сообщая ему: «Я Вам писал о плохой работе по истории заводов Украины. Сейчас там положение таково, что нет ни одной книги, подготовленной к изданию хотя бы в 1935 году <...> всё это требует значительно-го изменения и перестройки работы Всеукраинской редакции: нужно поставить дело так, чтобы вместо издания скороспелых, недоброкачественных брошюрок и сборников редакция занялась серьёзной подготовкой к изданию в 1935 г. основных рукописей, одной-двух, — но хорошего литературного качества» (А.М. Горький и создание истории фабрик и заводов. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959. С. 233–234).

Ещё летом 1933 г. на Всеукраинском совещании по «Истории заводов» было указано на положение редакции по истории «Днепрогэс», но работа по-прежнему стояла. 2 октября 1933 г. секретарь Главной редакции Л. Авербах сообщал членам редколлегии серии, что работой по созданию книги по истории Днепрогэса никто не руководит (АГ. КГ-изд-27-54-2). 10 декабря 1933 г. Авербах вновь возвращался к этой теме: «...аппарат Украинской редакции совершенно не работоспособен и должного внимания к этой работе со стороны партийных организаций не было, на деле не осуществилось ни одно из указаний, дававшихся Горьким, аппаратом гл<авной> редакции и Всеукраинской редакцией. То или иное оживление, порой наблюдавшееся, аппарат Украинской редакции не мог закрепить» (АГ. КГ-изд-26-45-1).

² Речь идёт о сборнике: Страницы истории заводов: Пробные главы / Редкол.: Н. Потапчик, П. Панч, Е. Голова, Е. Орлов, К. Решетняк. Харьков: Укр. робітник, 1934. В своём письме к Попову Горький весьма резко отзывался о работе редколлегии: «Изданный Всеукраинской редакцией сборник глав и отрывков “Страницы истории заводов” свидетельствует о том, что в аппарате этой редакции сидят люди, неспособные серьёзно руководить этой большой работой. Напечатанные в этом сборнике главы и отрывки могут лишь дискредитировать нашу работу в глазах читателей» (А.М. Горький и создание истории фабрик и заводов. С. 233).

³ Современники Постышева отмечали его безграничную любовь к детям. Напр., см.: Брауде Т.П. Помню его хорошо // Павел Постышев. Воспоминания, выступления, письма. М.: Изд-во политической литературы, 1987. С. 266; Марягин Г.А. Постышев. М.: Молодая гвардия, 1965. С. 276.

14.

Печатается по МК (АГ. ПГ-рл-31-27-2). Впервые: Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 216, в публикации З. Черновой, Е. Матевосян и Л. Спиридоновой «Из переписки А.М. Горького».

Раздел I. ПУБЛИКАЦИИ

Датируется по содержанию 5 февраля 1935 г.; в письме описка Горького.

К письму было приложено письмо А.С. Макаренко П.П. Крючкову.

¹ Крючков Пётр Петрович (1889–1937), с 1920 г. литературный секретарь М. Горького; работал в Секретариате книжной серии «История заводов и фабрик» и редколлегии журнала «Наши достижения».

² 27 января 1935 г. руководитель детской трудовой коммуны ОГПУ им. Ф.Э. Дзержинского А.С. Макаренко написал П.П. Крючкову, сообщая ему сведения о колонии им. М. Горького: «Говорить о регулярных избиениях или мошенничествах в колонии, конечно, нельзя. Может быть, бывают зуботычины в редких случаях, во всяком случае, это не характерно. В колонии другая беда, гораздо более печальная: *в ней нет ни серьёзной воспитательной работы, ни организационного творчества, ни коллектива колонистов. Это обычный детский дом, материально плохо обставленный, руководимый людьми малограмотными, и невежественными, и ленивыми. Печальнее всего, что это руководство в то же время убеждено, что в колонии всё хорошо и что она в некотором роде представляет образец* <здесь и далее выделено Горьким. — О.Б.>. Это легкомыслие не сопровождается никакой попыткой работать или хотя бы у кого-нибудь поучиться работать. *О работе с детским коллективом в колонии просто не имеют никакого понятия.* Очень возможно, что руководители искренно убеждены, что они много тратят энергии, и что поэтому и результаты должны быть хороши. В самом деле: ежедневно утром они усаживаются в легковую машину и уезжают в город, в котором и проводят целый день за разными разговорами, которые, вероятно, считают необходимыми и полезными для дела.

А в это время дело в колонии идёт самотёком: кое-как живут, кое-как обедают, учатся, работают. У колонистов нет перспектив, нет доверия к своему завтрашнему дню, нет доверия и к своему руководству. А поэтому нет энергии для дружной борьбы с материальной нуждой, для борьбы с отсталыми элементами в колонии, материальная сфера в колонии давно должна быть признана ужасной: старый монастырь, запущенные здания, всё непригодно, всё рушится, всё неудобно, всё нужно перестраивать, ремонтировать, а большей частью даже заменять новым. Вообще здесь нужны большие усилия и большая терпеливая энергия, воодушевлённый коллектив» (Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 216). Автор письма видел выход: «...единственно, что необходимо делать — это создать настоящую серьёзную методику работы в советском детском коллективе, методику обязательную и для нарообразов, и для руководства колоний, и для педагогических ВУЗов. Успех колоний в настоящее время исключительно зависит от педагогической техники» (Там же).

³ Макаренко Антон Семёнович (1888–1939), писатель, педагог. В сентябре 1928 г. он был вынужден уйти из колонии им. М. Горького под нажимом работников Главсоцвоса — противников его педагогической системы.

Детская колония под руководством А. Макаренко была открыта 25 августа 1920 г. в шести км. от Полтавы; в марте 1921 г. колонии было присвоено имя М. Горького. В мае 1926 г. колония была переведена в Куряж, под Харьковом, где до революции был Куряжский (Рыжовский) монастырь. В июле 1928 г. во время поездки по СССР, Горький посетил Куряжскую колонию. Об этом он рассказал во втором очерке цикла «По Союзу Советов» (см.: *Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения: В 25 т. Т. 20. М.: Наука, 1971. С. 160–167).*

О.В. Быстрова. «...ИЗВИНИТЕ, ЧТО ТРЕВОЖУ, НО КАК БЫТЬ?»

⁴ Скрипник Николай Алексеевич (1872–1933), с 1922 г. Нарком юстиции Украинской республики, с 1927 по 1933 г. Нарком образования Украины.

⁵ *Макаренко А.* Марш тридцатого года. М.; Л.: ГИХЛ, 1934; экземпляр книги хранится в ЛБГ с пометами Горького (ОЛБГ. 1199).

⁶ *Макаренко А.* Педагогическая поэма: [Первая часть] // Год XVII: Альманах / Под ред. М. Горького, Л. Авербаха, Е. Габрилович, В. Ермилова. М., 1934. Кн. 3. Свой роман Макаренко посвятил Горькому.

⁷ Ошибка Горького. Следует: «5.П.35».

15.

Печатается по МК, подпись А (АГ. КГ-ОД-2-35-6), впервые.

¹ О каких именно альбомах идёт речь, выяснить не удалось.

16.

Печатается по МК, подпись А (АГ. КГ-ОД-2-35-7), впервые.

¹ Речь идёт о брошюре: *Постышев П.* О работе колхозных хат-лабораторий: Речи и статьи. [М.]: Сельхозгиз, 1935.

² См. п. 15 и примеч.

17.

Печатается по А (АГ. ПГ-рл-31-27-6), впервые.

¹ 5 апреля 1935 г. А.С. Золотаревский написал Горькому письмо, в котором просил помощи в создавшейся ситуации: «Я обращаюсь к Вам с вопросом — помогите найти выход. Что делать? Не материяльной помощи я прошу. Нет! Я прошу моральной поддержки, совета, помощи найти работу по специальности где угодно (кроме Крайнего Севера по состоянию здоровья) в любом городе нашей страны и я заверяю Вас, что буду работать с таким рвением и добросовестностью, что оправдаю Ваше доверие. Ведь воры, убийцы, вредители, прошедшие школу Беломорстроя, стали ценными, полезными работниками. Почему же я не имею права на труд?» (АГ. КГ-рл-10-71-2).

² Экземпляр письма с припиской И.В. Сталина не разыскан.

³ Речь идёт о Дмитровском исправительно-трудовом лагере (Дмитлаг), созданном для строительства канала Москва–Волга им. И.В. Сталина приказом ОГПУ № 889 от 14 сентября 1932 г.; был закрыт 31 января 1938 г. Первым начальником лагеря был А.Е. Сорокин, которого в 1933 г. сменил на посту С.Г. Фирин.

⁴ Речь идёт о строительстве канала Москва–Волга имени И.В. Сталина; длина канала 128 км., ширина канала 85 м., глубина 5,5 м. Первоначально возведение канала поручили сотрудникам

Раздел I. ПУБЛИКАЦИИ

Наркомвода СССР, однако 1 июня 1932 г. строительство передали ОГПУ СССР. 17 апреля 1937 г. канал был заполнен водой по всей трассе (подробнее см. *Кемеровский М.А.* Канал Москва–Волга. М., 1937; *Комаровский А.Н.* Канал имени Москвы: Записки строителя. М.: Воениздат, 1972 и др.).

⁵ Речь идёт о лагерях ОГПУ–НКВД на территории Колымы.

18.

Печатается по МК, подпись А (АГ. КГ-ОД-2-35-8), впервые.

¹ Струц Василий Никифорович (1900–1937), член партии с 1921 г.; секретарь Запорожского горкома; с июня 1937 г. член ЦК КП(б) Украины.

² Первое письмо Золотаревского Горькому не разыскано, оно было отправлено Постышеву. 12 мая 1935 г. Золотаревский вновь написал Горькому письмо, в котором благодарил его: «Дорогой Алексей Максимович! Счастливый и морально возрождённый спешу принести Вам свою искреннюю благодарность и признательность за проявленную чуткость и отзывчивость ко мне. В результате Вашего вмешательства я был вызван в г. Киев к т. Постышеву и был принят 3 <его> м<есяца>. Меня направили с письмом в г. Запорожье к секретарю Горпарткома т. Струцу (я сам просил дать мне возможность работать в гор. Запорожье, поскольку я там жил и вырос). Теперь я назначен директором кино-театра. Я чувствую, что вновь рождён для жизни и радостного труда» (АГ. КГ-рл-10-71-1).

19.

Печатается по МК (РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 36. Д. 11. Л. 221), впервые.

¹ Речь идёт о сборнике: Таёжные походы: Сб. эпизодов из истории Гражданской войны на Дальнем Востоке / Материалы к XIII тому «Истории Гражданской войны в СССР» / Под ред. М. Горького, П. Постышева, И. Минца. М.: История Гражданской войны, 1935.

20.

Печатается по МК (РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 36. Д. 11. Л. 222), впервые.

Датируется по содержанию, а также упоминанию о предполагаемой встрече с Минцем.

¹ См. п. 21 и примеч.

² Предположительно, речь идёт о сборнике: Японская интервенция 1918–1920 гг. в документах / Сост. И. Минц. М., 1934.

21.

Печатается по МК, подпись А (АГ. КГ-ОД-2-35-9), впервые.

¹ Не разыскана.

22.

Печатается по *МК* (АГ. ПГ-рл-31-27-7), впервые.

¹ См.: История Гражданской войны в СССР. Т. 1. Подготовка великой пролетарской революции. (От начала войны до начала октября 1917 г.) / Под ред.: М. Горького, В. Молотова, К. Ворошилова, С. Кирова, А. Жданова, А. Бубнова, Я. Гамарника, И. Сталина. Составители тома: Я.Л. Берман, В.А. Быстрянский, М. Горький, С.М. Диманштейн, Я.Г. Долецкий, Л.Н. Крицман, Н.В. Крыленко, М.И. Кубанин, Д.З. Мануильский, И.И. Минц, В.П. Милютин, О.А. Пятницкий, Ф.Ф. Раскольников, А.И. Стецкий, Б.М. Таль, И.П. Товстуха, А.И. Угаров, Р.П. Эйдеман. М.: ОГИЗ, 1935. 350 с. Второе издание этой книги вышло в 1936 г.

² Предположительно, речь идёт о К.Б. Радеке, который задерживал работу по составлению тома. Горький писал: «Дорогой товарищ! Вы мне обещали сразу после съезда представить свою главу по первому тому “Истории гражданской войны”. Весь том у нас готов, но я, к сожалению, не могу приступить к редактированию тома без Вашей главы. Все сроки, Вами лично намеченные, давно прошли. 75% съезда, по докладу мандатной комиссии, участники Гражданской войны. Многие из них с большим недоумением спрашивали, где же история? Почему она не выходит? Неужели нам придётся сообщить, что в задержке виноват, в частности, тов. Радек? Думаю всё же, что в ближайшие дни Ваша глава к нам поступит. Не сомневаюсь, что задержка во времени будет компенсирована содержанием главы. Большой привет. Всего доброго. В ожидании главы» (*РГАСПИ*. Ф. 71. Оп. 36. Д. 11. Л. 55).

³ Указанные тома вышли после смерти М. Горького: История Гражданской войны в СССР. Т. 2. Великая пролетарская революция (Октябрь — ноябрь 1917 года) / Под редакцией: М. Горького, В. Молотова, К. Ворошилова, С. Кирова, А. Жданова, И. Сталина. Составители тома: Г.Ф. Александров, И.И. Минц, П.Н. Поспелов, Ем. Ярославский, Э.Б. Генкина, Е.Н. Городецкий, И.М. Разгон, И.П. Товстуха. М.: Государственное издательство политической литературы, 1943. 656 с.

История Гражданской войны в СССР. Т. 3. Упрочение советской власти. Начало иностранной военной интервенции и гражданской войны (ноябрь 1917 г. — март 1919 г.). М.: Государственное издательство политической литературы, 1958.

⁴ Речь идёт о выступлении Постышева перед украинскими писателями, в связи с предстоящим участием советской делегации на Международный конгресс писателей в защиту культуры. От Украинского отделения Союза писателей были делегированы И. Микитенко, П. Панч, П. Тычина.

⁵ Речь идёт о Международном конгрессе писателей в защиту культуры, который проходил в Париже с 21 по 25 июня 1935 г. Горький не присутствовал на конгрессе и послал участникам своё приветствие (*Горький М.* Обращение к Конгрессу защиты культуры // Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 27. М.: ГИХЛ, 1953. С. 449–450). Сведения и резолюции Конгресса были опубликованы в газете «Правда» (1935. № 170. 22 июня; № 172. 24 июня; № 173. 25 июня; № 174. 26 июня).

Раздел I. ПУБЛИКАЦИИ

⁶ Р. Роллан и его жена М.П. Кудашева-Роллан встретились с Горьким 29 июня 1935 г. На следующий день, 30 июня, по приглашению Горького Роллан и его жена переехали в Горки (подробнее см.: *Роллан Р. Московский дневник // Вопросы литературы. 1989. № 3. С. 224–242*).

⁷ По инициативе Постышева в 1935 г. в Харькове был открыт первый в СССР Дворец пионеров, которому было передано лучшее в городе здание.

⁸ О чём идёт речь, не установлено.

23.

Печатается по тексту телеграфного бланка (АГ. КГ-ОД-2-35-10), впервые.

Датируется по помете на телеграфном бланке.

¹ После выхода книги в марте 1936 г. Горький написал одному из авторов, В.К. Блюхеру: «Дорогой товарищ! Встреча, оказанная сборнику “Таёжные походы”, позволяет мне сделать Вам упрёк: руководитель разгрома белых под Волочаевской мог и должен был написать более полную и драматическую картину взятия “Дальневосточного Перекопа”. Дело, однако, поправимо. Мы решили издать сборник малым тиражом <...> В новое издание Вам необходимо дать и новый рассказ о великих боях. Очень прошу Вас рассказать два-три эпизода из Волочаевских боев» (РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 36. Л. 319).

Второе издание сборника не состоялось.

² Рейхберг Георгий Евгеньевич (1900–1986), историк, член редколлегии «История Гражданской войны».

24.

Печатается по МК, подпись — А (РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 36. Д. 11. Л. 231), впервые.

¹ Речь идёт о сборнике «Таёжные походы» (см. п. 19 и примеч.).

² 28 марта 1936 г. И. Минц выслал в Секретариат П.П. Постышева только что изданный сборник, сопроводив письмом: «По поручению Алексея Максимовича Горького посылаю Вам 3 книги “Таёжные походы”. Прошу доложить Павлу Петровичу, что вся книга отпечатана и в ближайшие дни поступает в продажу. Я не высылал до сих пор контрольных экземпляров, потому что мы ждали Павла Петровича в Москву» (РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 36. Д. 11. Л. 290).

25.

Печатается по МК, подпись — А (АГ. КГ-ОД-2-35-11), впервые.

¹ О каком именно комплекте газет идёт речь, не установлено.

Раздел II
ИССЛЕДОВАНИЯ

Е.Н. НИКИТИН

М. ГОРЬКИЙ И ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПАРУС»

Аннотация

В статье говорится о созданном М. Горьким совместно с А.Н. Тихоновым и И.П. Ладыжниковым в 1915 г. издательстве «Парус», о выпускаемых этим издательством книгах, а также журнале «Летопись» и газете «Новая Жизнь». Со страниц этих изданий М. Горький и его единомышленники призывали к скорейшему выходу России из убийственной для неё войны, которая, в итоге, привела к революционным потрясениям и гражданской войне.

Ключевые слова

М. Горький, А.Н. Тихонов, И.П. Ладыжников, З.И. Гржебин, издательство «Парус», война, мир.

Горькому, человеку с сильной общественной жилкой, хотелось иметь трибуну для выражения своего взгляда на жизнь, на то, каким образом должно идти развитие России. Оптимальным вариантом было бы наличие собственного журнала, но его создание требовало значительных средств, которых у писателя не было. И он попытался сделать выразителем своих взглядов чужой журнал — «Современник».

В этот журнал Горького пригласил А.В. Амфитеатров, его негласный редактор (официальным редактором сначала был В.Ф. Боцяновский, затем П.В. Быков, а впоследствии — В.Е. Трутовский). 21 сентября (4 октября) 1910 г. А.В. Амфитеатров написал на Капри:

«Дорогой Алексей Максимович.

Вот какое дело и какая большая просьба.

С 1-го января 1911 года будет в городе С.-Петербурге выходить ежемесячный литературно-политический журнал Современник с сатирическим отделом в нём *Сверчок*: как видите, претензия на пушкинские традиции. Журнал этот будет морально мой и руководиться будет мною. <...> Общеходовых, за-

трёпаных, модернистских и т. п. имён не будет, ни одного. За “модю” гнаться — ни в коем случае. <...> Журнал будет ровный, твёрдый, социалистический, ясный, внепартийный. <...>

Очень бы, нутром хотелось, дорогой А.М., привлечь Вас к сочувствию и участию в этом деле. <...> Примкните к начинающему делу хоть маленькими вещами.

Отвечайте поскорее, а ещё лучше — приехали бы Вы поскорее. Словами намного быстрее и толковее всё объяснить и переговорить. Жду Вас крепко и любовно. Мария Фёдоровна! Да будет Вам обоим сидеть на выспе Вашей (по-польски острове)!» (1, 219–220).

Через два дня Горький ответил: «Едем!» (2, 142).

После переговоров в Феццано Горький согласился участвовать в «Современнике». В первом номере журнала (вышел 24 января (6 февраля) 1911 г.) был напечатан его рассказ «Жалобы»¹. В этом же номере было помещено программное заявление «От редакции». В нём говорилось:

«В художественной литературе, в критике, в науке, в общественности, в политике мы будем строго держаться того реалистического мировоззрения, которым неизменно дышали все славные эпохи русского прогресса. <...>

Мы не принимаем на себя клички ни одной из политических партий, определившихся в нашем отечестве по разграничению 1905 года, и заранее предупреждаем, что употребим все усилия, чтобы избежать полемики партийной, не говоря уже о фракционной <...>

Мы верим: сила и благополучие России строятся на целостности её государственного тела; целость эта обусловлена благоденствием исторически примкнувших к ней народов; благоденствие же народов создается неприкосновенностью их наличных самобытных особенностей и гарантированных им договорами и законами прав, с последующим естественным развитием этих особенностей и прав» (3, 3–6).

В конце заявления перечислялись авторы первых трёх номеров журнала (26 человек). Среди них было только два выдающихся русских художника слова — М. Горький и А.Н. Толстой. Не удивительно, что журнал, руководимый А.В. Амфитеатовым, успеха у публики не приобрёл.

Для того чтобы поправить положение, в редакционную коллегию были приглашены В.С. Миролюбов и В.М. Чернов. Расширенная редакция выступила с новой программой:

«В области великих вечных вопросов обычного мирозерцания мы прежде всего — решительные и непримиримые враги всех пережитков старого теологического духа, налагающего оковы внешнего авторитета на разум. <...> Научный дух и царство опыта, критически очищенные от всяких чуждых примесей, мы приемлем без всяких ограничительных оговорок и компромиссов. Критическое остриё этого научного духа должно быть решительно направлено против всяких попыток вернуться к отжившим верованиям,

принадлежащим археологии человеческого мышления <...> Но, раскрепощая мысль от старых фантастических представлений, мы **будем бережно относиться к великим, неумирающим запросам морального сознания человечества** <...>

В сфере искусства мы реалисты. Но реализм для нас не мёртвый, раз навсегда данный шаблон, а вечно развивающийся **метод**. Он указывает то здоровое направление, в котором возможен вечный прогресс, обогащающий художественное творчество всё новыми и новыми формами и приёмами. Староверческое отрицание новых путей в искусстве нам органически чуждо <...> Мы желаем лишь, чтобы искания не сводили искусства с его настоящего пути, не лишили его роли огромного культурно-социального фактора, духовно объединяющего человечество в наиболее интимной области переживаний <...> И мы в этой области враги только того, что унижает, урезывает или извращает великую **социализирующую миссию** искусства» (4, 2–4).

«Современник» всё больше и больше разочаровывал Горького. К заявлению коллективной редакции он отнёсся весьма скептически, написал В.С. Миролубову 17 (30) августа 1911 г.: «Что же написать о 7-й книжке? Нечего о ней писать. “Манифест” — конечно — излишен. Это становится смешно: на протяжении полугода дважды громогласно объявили — “мы вам зададим!” Никто не откликнулся ни в первый, ни во второй раз. Будем манифестировать в третий? Но — на этот раз нельзя ли не словами, а — делом бы?» (5, 91).

Вскоре начались разногласия между соредакторами. Через несколько месяцев они обострились настолько, что В.С. Миролубов и В.М. Чернов вынуждены были уйти из «Современника». К.Д. Муратова констатировала: «В конце года Амфитеатров вновь взял журнал в свои руки, но это не спасло “Современник”» (6, 168). Он продолжил своё невзрачное существование. Горький из журнала ушёл.

Для повышения читательского интереса к «Современнику» его издатель П.И. Певин в феврале 1912 г. вместо А.В. Амфитеатрова привлёк к редактированию историка литературы Е.А. Ляцкого, который, как и предыдущий редактор, обратился к Горькому с предложением о сотрудничестве. С.В. Заика во вступительной статье к публикации переписки Горького с Е.А. Ляцким отмечал: «Горьковская идея предполагала строгую выверенность направления журнала, согласованную работу его отделов, единство в осуществлении общей редакционной линии. <...> Не будучи знаком с новым редактором лично, Горький знал Ляцкого по его историко-литературным исследованиям. Высоко оценивал работу Ляцкого о Чернышевском, интересовался книгой “Былины. Старинки богатырские” (с предисловием Ляцкого). <...> То, что Ляцкий не был в общественном плане связан с определённой партией или течением, имело для Горького свою положительную сторону, поскольку в этом случае отпадала необходимость поиска компромиссного подхода к оценке обще-

ственно-политического момента и определению задач печатного органа. <...> Существенным было и то, что Ляцкий жил в Петербурге и в отличие от своего предшественника мог быть в курсе каждодневных дел журнала. Состоявшееся в сентябре 1912 г. личное знакомство с Ляцким ещё более убедило Горького в том, что выбор (П.И. Певиным. — Е.Н.) сделан правильно» (7, 486–487).

О ходе переговоров с руководством журнала Горький 11 (24) сентября 1912 г. сообщил И.П. Ладыжникову: «Сейчас здесь живут Е.А. Ляцкий и Певин, убеждая меня помочь им реформировать “Современник”. Я уговариваю их, чтобы они передали журнал трудовикам — левее они не пойдут, трудовики же могут быть очень полезны в данный момент, *если только решатся выдвинуть идею реорганизации России на началах федерализма и широкой областной самостоятельности*» (8, 116). Через две недели ему же написал: «...обстоятельства сложились так, что “Современник” можно взять нам» (8, 133). А на следующий день добавил: «Я вхожу в “Совр<еменник>” с октября» (8, 136).

С участием Горького была выработана новая программа издания. Подписчики «Современника» в № 11 за 1912 г. на вклейке, помещённой перед титульным листом, прочитали:

О ПРОГРАММЕ «СОВРЕМЕННОКА»

Оставаясь, как и в первые два года своего существования, внепартийным органом, «Современник» с большей, чем прежде, определённой ставит своей целью служить тому идейному движению, которое, не отрицая необходимости политических партий во всякой политически развитой стране и желая дальнейшего развития существующих в России демократических партий, в то же время стремится смягчить их рознь, объединяя их, и вместе с ними широкие круги нашего общества, на ближайших общественных задачах. Только дружным единением всех культурных сил, движимых верой в прогресс и грядущее благо трудового рабочего и крестьянского классов, могут быть теоретически обоснованы и решены в высшей степени серьёзные задачи текущей русской действительности, к практическому осуществлению которых должны быть призваны наиболее сознательные элементы широкой культурной демократии. Значение интеллигенции, столь самоотверженно несущей, под градом ударов и испытаний, светоч научной мысли и знамя грядущей свободы в тёмное сознание народных масс, в переживаемое нами время важнее, чем когда-либо.

В могучем, захватившем весь мир процессе демократизации общественного строя интеллигенция неизменно является, среди борющихся стихий, маяком, освещающим путь в заветную пристань свободного труда, при обобществлённых средствах производства, и при равном участии в благах просвещения и культуры. Интеллигенция русская идёт по тому же пути; её роль

столь же ответственна, сколь и необходима в стране.

В основе исторического процесса лежит борьба классов. Это признание с достаточной положительностью определяет тот базис, на котором, прежде всего, держится социально-политическое мировоззрение редакции «Современника». Редакция убеждена, далее, что в борьбе за демократизацию нашего общественного строя в ближайшие годы наиболее важная роль должна принадлежать рабочему классу. Но в то же время редакция отказывается видеть в настоящий исторический момент сколько-нибудь заметную противоположность между интересами рабочего класса и крестьянства. Сообразно с этим взглядом определяется и то направление, которое редакция придаёт своему решению всех практических вопросов текущего момента.

При этом решении видную роль призван, по убеждению редакции, сыграть вопрос культурно-национального самоопределения племён и народностей, образующих Россию в полноте своего состава.

Глубоким заблуждением, далеко отодвигающим практическое разрешение многих социальных вопросов, являлось до ныне пренебрежение русской демократической интеллигенции к тем стремлениям культурного и общественного самосознания, которые возникли на почве особенностей областных, местных. В непрекращающейся политической борьбе было как бы забыто, что стремления эти всегда создавались в глубоком соответствии с требованиями естественных условий той или другой области, с характером и бытовыми навыками её населения, сложившимися столь своеобразно в каждой области — в зависимости от её исторического развития и духа нации. Следствием недостаточного внимания к задачам областного культурного самоопределения было прежде всего то, что национальный вопрос, став в руках господствующих классов вопросом «националистическим», превращается на наших глазах в орудие грубой силы, питающей крепостнические инстинкты нынешних господ положения. На этой почве вырастает одна из вреднейших и губительнейших идей современного «зоологического» национализма — о возможности вытравления у нации-пасынка национальных и бытовых особенностей, культурных и религиозных представлений, языка отцов и дедов, приобщение этой нации к благам чуждой ей культуры «державного» племени. Пусть культура эта прекрасна, во многих отношениях высока, но, будучи навязываема насильственно, она, во-первых, не прививается, а во-вторых, вызывает к себе в нациях не державных отношение враждебное, несправедливое по существу, но совершенно естественное и неизбежное, как внушаемое ненавистью и страхом. Это положение стоит в тесной связи с другим печальным следствием превращения областного и национального вопроса в «националистический»: разнообразные этнографические элементы не могут до сих пор покончить с историческими недоразумениями и предрассудками, до сих пор не прекращается расовая вражда, столь далёкая от легко осуществимого в условиях свободного договора идеала братского сотрудничества всех без ис-

ключения национальностей. Вместо работы на пользу свойственной каждой из них культуры, вместо самобытных вкладов в сокровищницу мировых завоеваний Разума и Человечности, в народах сеется взаимная злоба и жестокость. Создаётся поистине положение, при котором, как во дни Вавилонского столпотворения, брат расходится с братом, и отец перестаёт понимать сына. Становится страшным за возможную гибель духовной культуры, создавшейся на протяжении истекшего столетия величайшими усилиями мучеников русской мысли и идеалистов гражданской доблести. А между тем, интересы широких демократических кругов разных народностей не находятся в противоречии друг с другом, и когда-нибудь должен осуществиться великий завет двух великих поэтов, русского и польского, дружно мечтавших

О временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся,

и это будет одинаково полезно и русскому, и поляку, и финну, и грузину, и еврею.

Интерес к окраинам и к разным народностям, населяющим Россию, конечно, не исключает интереса, и даже преобладающего интереса к коренной России и к главной её народности. Напротив, наш журнал есть, прежде всего, русский журнал, который, стремясь быть продолжателем лучших традиций русской литературы, будет стараться вносить свою лепту в дело развития русской культуры².

Горький считал, что для реализации данной программы необходимо укрепить редакционную коллегию, и потребовал ввести в её состав В.А. Базарова, И.И. Скворцова-Степанова и А.Н. Тихонова. Однако, как отметил С.В. Заика, «Ляцкий не проявил настойчивости в реализации горьковских идей» (9, 493). К предложенным кандидатурам настороженно отнёсся издатель журнала. Видя его реакцию, Е.А. Ляцкий 7–8 (20–21) мая 1913 г. написал Горькому: «Судьбу Вашего участия в редакции “Современника” Вы отдавали в руки Тихонова. Кто такой Тихонов? Достойный во всех отношениях человек, но недостаточно ещё определившийся литератор. <...> Затем Степанов и Базаров. Их присутствие в составе редакции было бы весьма желательным принципиально. Но для того, чтобы ввести их в редакцию, необходимо было бы с первым познакомиться непосредственно, а второго добыть из Астрахани (где В.А. Базаров находился в ссылке. — Е.Н.) в Петербург» (9, 568). Получив несколькими днями ранее письмо от А.Н. Тихонова, в котором было сказано: «На Ляцкого надежды никакой» (9, 571), Горький 14 (27) мая 1913 г. ответил редактору «Современника»:

«Вы совершенно напрасно, Евгений Александрович, утруждали себя со-

чинением последнего — от 8-го мая — письма ко мне, — оно Вам всячески не удалось, оно преисполнено противоречий слишком явных, запамятований чрезвычайно странных.

Опровергать всё, сказанное Вами в этом письме, мне очень легко, — стоит только послать Вам несколько копий прежних Ваших писем и напомнить то, что Вы говорили мне в присутствии третьих лиц.

Но я не стану делать этого, ибо считаю, что письмо Ваше, в бóльшей его части, написано не для меня, а для Петра Ивановича Певина; это ему, вероятно, — не ясны причины, побуждающие меня отказаться не только от работы в журнале, хозяином которого Вы себя считаете, но и от удовольствия продолжать личное знакомство с Вами» (8, 16).

Горький во второй раз разорвал свои отношения с «Современником»³.

Третье сближение с журналом произошло в 1914 г. — после того, как его негласным редактором стал Н.Н. Суханов. И он обратился к Горькому с просьбой: «Глубокоуважаемый Алексей Максимович! Мне, нижеподписавшемуся, было бы крайне желательно и важно отнять у Вас четверть часа для полуделового разговора» (10, 417). Редактор и писатель встретились 9 (22) июня 1914 г. в Мустамяках, где в это время жил Горький. Разговор получился хороший, договорились о сотрудничестве. Вскоре, в вышедшем в июне одиннадцатым номере журнала, было напечатано рекламное объявление о подписке, в котором говорилось: «Основные задачи “Современника”: разработка проблем социализма при участии представителей всех основных его течений, ликвидация фракционной розни и сплочение всех общественных элементов, разделяющих принципы классовой борьбы и освобождения труда» (11, 1). В объявлении также было сказано, что журнал имеет следующие постоянные отделы: «Политика и общественность», «По России», «Иностранная жизнь», «Экономические очерки», «Вопросы самоуправления», «Вопросы рабочего движения», «На окраинах», «Из области науки», «Новое о прошлом», «Литература и искусство», «Отклики и факты», «Новые книги». Всё же спасти «Современник» не удалось, из-за финансовых трудностей он прекратил своё существование в октябре 1915 г.⁴ Однако Н.Н. Суханов на долгое время стал ближайшим помощником Горького в его издательских начинаниях.

С самого начала Горький не был до конца уверен в том, что удастся сделать «Современник» изданием с нужным направлением. Поэтому одновременно с попытками реформировать «Современник» писатель предпринимал шаги по организации собственного журнала.

Как известно, с 1902 г. Горький вместе с К.П. Пятницким, директором-распорядителем, возглавлял издательское товарищество «Знание». После поражения Первой русской революции читательские вкусы в России очень сильно изменились. «Знание» на эти изменения своевременно не отреагировало и стало нести значительные убытки. Остро встал вопрос о реорганизации издательства. Но на неё нужны были значительные средства. Горький ищет тех,

кто бы мог эти средства дать, вступает в переписку с владельцами пароходов В.М. Каменским и Н.В. Мешковым. И тут же писатель ставит своё условие: преобразованное издательство должно выпускать ежемесячный журнал. Пароходчики привлекают к переговорам И.Д. Сытина. В самом начале 1911 г. Горький получает письмо от В.М. Каменского. С его содержанием писатель знакомит находящегося на Капри К.П. Пятницкого. 3 (16) января директор-распорядитель «Знания» записывает в дневник:

«После обеда. Входит Г<орький>.

Г<орький>: — Вот письмо Каменского о предложении Сытина. Даёт 100 000: 50 000 — мне, 50 000 — на расширение дела. Тогда я мог бы взяться за дело, для которого есть силы: организовать молодых писателей.

Я: Но чего он хочет взамен?

Г<орький>: Не знаю. Не пишут.

Я: Пока его требования неизвестны, трудно судить о предложении. Нужно узнать. Он человек деловой; ему не трудно письменно формулировать несколько пунктов.

Г<орький>: — Я напишу — и он приедет.

Я: — Неудобно звать от имени “Знания”. Это обязывает.

Г<орький>: — У него есть дело лично ко мне.

Я: — Этого, конечно, я не касаюсь. В этом отношении Вам нужно считаться только со своими удобствами.

Г<орький>: — Он ещё раньше собирался приехать ко мне. Он говорил однажды, что дал бы 20 000 за 6 фельетонов для “Р<усского> Слова”. Мне он интересен как русский купец» (12).

Через два месяца на Капри приезжают И.Д. Сытин и В.М. Каменский. С ними начинаются переговоры. 10 (23) марта 1911 г. К.П. Пятницкий записывает в дневник:

«Пришёл к Г<орькому> около 3. Все на террасе. Приехал Каменский. Там же Мир<олюбов>.

Общие разговоры. Чай.

Перешли в кабинет.

Сытин приступает, наконец, к делу.

— Что Вы думаете, А.М., о серии новых русских писателей? Необходимо расширить...

А.М.: — Нужны средства.

С<ытин>: — Сколько?

А.М.: — Об этом нужно говорить с К.П.

Я: — 50–100 тысяч.

С<ытин>: — В какой форме мог бы я содействовать делу?

Рассказываю об отношениях с [О.Н.] Поповой.

С<ытин>: — Но это заём.

Я: — Назовите, как хотите. Это была форма, удобная для обеих сторон.

С<ытин>: — Но меня она не удовлетворяет. Я хочу участвовать в деле.
Развивает свой план.

Т-во превратится в паевое. Он пайщик, которому поручается практическая сторона дела. Редакция прежняя. Новый пайщик участвует в прибылях по прежним изданиям. <...>

Я: — Менять форму [товарищества] считаю неудобным. Намеченный план считаю, кроме того, нарушающим справедливость. В прежних изд<аниях> новый пайщик не участвовал ни трудом, ни капиталом. Чем оправдать притязания на прибыль?

Затем предлагается распределять прибыль пропорционально паям.

Но у прежних пайщиков, кроме пая, вложено 15 лет труда, которого новый пайщик не исполнял.

С<ытин>: — Но мы определим стоимость их изданий, конечно, с уступкой, и прибавим к паям.

Не вхожу в разбор этого плана. Излагаю моё мнение:

— Нам нужны деньги — и только. Мы гарантируем уплату долга и уплатим определённый % прибыли. На перемену в организации не согласен, такого условия не приму <...>

После обеда разговор возобновляется.

Хочу разобрать замечания С<ытина>. Г<орький> прерывает:

— Не нужно говорить в таком тоне, как будто были нападки на определённую личность.

Грубо. Перестаю говорить.

Разговор о постороннем.

С<ытин> обращается с вопросом о деле.

Говорю:

— Предложена новая форма. Нужны мотивы для перемены. Поэтому нам указали, какие промахи допущены при старом порядке. Я ждал, что мне станет ясным: при старом порядке этот промах неизбежен, при новом порядке его не будет потому-то. Каждое такое указание было бы доводом за новый порядок. Но я этого не дождался. Указано три промаха: все они относятся к работе редакции, которая и при паевом т-ве останется прежняя. Значит, останутся и недостатки прежние. Из-за чего же менять. Необходимость ничем не доказана.

Вступается Г<орький>:

— Дело в том, что нужно расширить дело. Требуются деньги. Их нужно достать. Поэтому надо изменить форму.

Я: — Со всеми первыми положениями согласен. Разделяю вывод: нужно достать денег. Но разве это значит, что нужно принимать какие угодно условия? <...>

Кам<енский>: — Но чем же объяснить, что плохо идут книги? <...>

Я: — Вероятно, Вы думаете, что падение спроса объясняется недостатка-

ми конторы, и отсюда хотите вывести необходимость перемены. Ошибаетесь. Причина глубже. Вот факты.

До революции почти не было рекламы. Книги шли десятками тысяч. Не было отбою.

После — что делалось для рекламы? Падение спроса.

Значит, не в рекламе и не в конторе дело. В чём же? — В психике общества. Успех создаётся соответствием книги с запросами общества.

Изменение психики после революции. Её раздробленность. Отсюда успех некоторых книг благодаря порнографии, пессимизму, мистицизму, приключениям. Этим вкусам угождать не будем.

Завладеть же по-прежнему душой, умами всего общества никто не может. Не говорю, что авторы пишут хуже. Нет, победить читателя труднее. Отсюда падение спроса. Зачем же валить вину на контору, с больной головы на здоровую? Зачем делать отсюда вывод о перемене организации, которая ничему не поможет?» (12).

На следующий день переговоры продолжились. К.П. Пятницкий записывает в дневник:

«Около 11 пришёл к Г<орькому>. По дороге встретил Мирол<юбова>. Вошли вместе. Сытин и Лад<ыжников> были уже у Г<орького>.

Он прошёл со мной в столовую. Я начал излагать предложения, которые нужно сделать Сытину:

1. Книга о землетр<ясении>.
2. Книги “Деш<ёвой> библиотеки”.
3. Сборники для жел<езных> дор<ог>.

Прерывает.

Начинает говорить о тоне разговора:

— Вы говорили тоном неприличным. <...>

Идём в кабинет. Излагаю Сытину 3 предложения. <...> Указываю, что дело идёт о замаскированной покупке “Знания”, притом невыгодной.

Окончательно отказываю в соглашении <...> Около 12 прощаемся и уходим: я, Сытин, Лад<ыжников> <...> Сытин:

— На Вашем месте я поступил бы так же.

Расстаёмся дружелюбно» (12).

Несмотря на отказ К.П. Пятницкого принять предложение И.Д. Сытина, Горький продолжает вести переговоры. С целью поиска новых партнёров и авторов для задуманного им журнала писатель отправляется в Париж, где тогда проживали многие деятели русского революционного движения.

Необходимо сказать, что отношение Горького к марксизму менялось. В начале своего писательского пути он заявлял: «Я — не марксист и оным не буду вовеки» (13, 220). Потом, после знакомства с М.Ф. Андреевой, произошло увлечение марксизмом, причём марксизмом в интерпретации А.А. Богданова. Особенно заметно влияние богдановских идей в повести «Исповедь» (1908)

и статье «Разрушение личности» (1909). Летом 1909 г. писатель и философ открывают на Капри партийную школу для русских рабочих, что вызвало резко негативную реакцию В.И. Ленина. Об отношении тогда Горького к будущему руководителю Советской России красноречиво говорят его письма к А.А. Богданову. Около 9 (22) марта 1909 г. Горький написал: «...рабочая публика решительно встанет на сторону эмпириомонизма (который проповедовал А.А. Богданов. — *Е.Н.*) — раскол должен будет выразиться во временном умопомешательстве т. Ленина, когда же оный товарищ увидит, где сила и *Партия*, он — придёт в себя, для этого он слишком партиен, всё-таки» (14, 103). И через неделю: «Мы же должны организовать около школы — это фокус, в коем следует сконцентрировать всю нашу энергию. <...> К осени (когда партийная школа сделает свой первый выпуск. — *Е.Н.*) мы будем иметь minimum 20 человек товарищей, влияние которых на местах вне спора. Эти товарищи сумеют взвесить и понять, где, на чьей стороне более правильно и стройно организован опыт, чья работа более продуктивна в деле строительства партии. И — оказать должное давление на гг. авантюристов, какие бы имена они ни носили. Товарищ Л<енин> уважает кулак — мы, осенью, получим возможность поднести к его носу кулачище, не виданный им. Он, в конце концов, слишком партийный человек, для того, чтобы не понять, какая скверная роль впереди у него» (14, 106). Но через полтора года Горький разошёлся и с А.А. Богдановым, в октябре 1910 г. написал ему:

«Уважаемый Александр Александрович!

Я, как Вам известно, очень уважаю и ценю Вас — мыслителя и революционера, но — не стану отвечать на Ваши письма: Вы пишете их слишком строго и так, точно Вы унтер-офицер, а я — рядовой Вашего взвода» (15, 87).

С этого времени Горький начал думать о создании Российской радикально-демократической партии. Позднее, в статье «О полемике», опубликованной в газете «Новая Жизнь» 25 апреля (8 мая) 1917 г., писатель признался: «“Луч” (газета, которую организовывал Горький и выходу которой помешал А.Д. Протопопов. — *Е.Н.*) должен был служить органом радикально-демократической партии. Я принимал некоторое участие и в работах организационного комитета этой партии, будучи уверен, что она необходима в России и должна всосать в себя всю — по возможности — массу людей, которая оставалась неорганизованной между кадетами справа и социалистами слева. Думать об организации такой партии я начал ещё в 1910 году».

И вот в таких размышлениях, недовольный тем, что делают социал-демократы, писатель весной 1911 г. едет в Париж, где встречается с различными деятелями революционного движения, в том числе с Ю.О. Мартовым, который 15 (28) апреля 1911 г. сообщил А.Н. Потресову: «Две недели назад приехал сюда Горький и обратился ко мне с предложением прийти поговорить. Приезду предшествовали слухи об его разрыве с Богдановым и К° и более смутные об его предстоящем уходе от с<оциал>-д<емократии> вообще. При

свидании оказалось, что последнее, по меньшей мере, не точно; он считает себя по-прежнему м<аркси>стом и даже как будто стал резко враждебен философским антиматериалистич<еским> ересям; но верно то, что он освободил себя от организа<ионной> связи и, указывая на тот же самый развал народничества и переоценивая его темп, он прямо заявляет, что надо иметь в виду, что в России, как и везде, дело идёт к “единой партии”, из чего делает вывод для себя о возможности иметь дело и с народниками <...> В центре рисующихся ему перспектив стоит “левение буржуазии”, её тяготение к демократии, неспособность никого, кроме м<аркси>стов, стать в центре последней <...> Соответственно этому, он заговорил о постановке большой газеты, которая, будучи в руках марксистов, заполнила бы пробел в прессе, образуемый отсутствием органов “левее к<онституционных>-д<емократов>”. В таком органе, сказал он, с<оциал-демократ>ия содействовала бы организации городск<ой> и сельск<ой> демократии, а опосредственно влияла бы и на буржуазию, импонируя ей стоящими за нею пролетар<иа-том> и демокр<атическими> массами. Потолковавши (после разговора со мною) с Лениным и народниками (он мечтал, что редакция будет марксистская, а более толковые народники и вообще демократы будут поддерживать орган и в нём работать без всяких условий), он стал понимать, что дело не так просто, и признался, что для такого органа, к<ото>рого с<оциал>-д<емократический> характер не будет затушёван, ему, пожалуй, не дадут денег, на которые он уповает. Поэтому во 2-м разговоре он повёл речь о толстом журнале с преимущественно публицистическими задачами <...>

Общее впечатление от беседы благоприятное: политически и теоретически Г<орький> стоит много выше, чем я себе представлял и чем был лет 5 назад» (16; 384–386, 388).

Вернувшись на Капри, Горький продолжает вести переговоры о реорганизации издательства и о создании журнала. 19 апреля (2 мая) 1911 г. он сообщает А.Н. Тихонову, своему ближайшему помощнику: «...получено письмо от Василия Михайловича Каменского, в коем он, между прочим, пишет:

“Отношение Сытина теперь ясно вполне: хотя он и не оставил мысли и желания совместно устроить и вести такое культурное издательство, о коем шла речь, но не при существующих в “Знании” условиях. <...> Много обсуждали мы здесь вопрос об основании нового товарищества. Для этого, по моему мнению, необходимо, чтобы здесь за организацию и привлечение товарищей взялось лицо, известное в литературном мире, но не коммерсант и не капиталист. Мне кажется, Иван Алексеевич Бунин был бы очень подходящим человеком для такого дела. Из товарищей, кого бы можно было пригласить, мы имели в виду И.Д. Сытина, Н.В. Мешкова, И.П. Ладыжникова и рассчитывали, что найдутся ещё другие, что Вы привлечёте кого-нибудь. Я могу участвовать маленькой цифрой и мог бы с Мешковым переговорить об этом деле во всякое время. Так как Вы будете стоять во главе дела, то, думается, не встретится

затруднений для организации нового дела”.

Я немедленно ответил ему (письмо не разыскано. — *Е.Н.*) и вместе с этим письмом к Вам послал следующее наставление:

“Что касается вопроса об организации нового издательского товарищества — это дело очень улыбается мне, так как я нахожу его и своевременным, и необходимым, но лишь в том случае, если т-во начнёт издавать ежемесячный журнал. План журнала, его программа — почти уже выработаны в главнейших частях, и я весьма убеждаю Вас, дорогой В.М., согласиться ознакомиться с этим планом. Все справки по этому поводу даст Вам горн<ый> инжен<ер> Александр Никол<аевич> Тихонов <...> Мы совершенно солидарны во взглядах на журнал и его задачи и оба считаем издание такого журнала делом историческим, делом общенационального значения”.

Полагаю, что Вам немедля же следует войти с Каменским в сношения, имея в виду и *одного Сытина*» (5, 28–29).

Фраза в письме — «имея в виду и *одного Сытина*» — не случайная. Горький всё больше осознал, что основную часть денег может дать только И.Д. Сытин. Пытаясь увлечь его своими идеями, тогда же пишет издателю:

«Уважаемый Иван Дмитриевич!

Без лишних слов скажу, что для меня знакомство с Вами радостно и ценно, ценно без всякого отношения к “делам”, а так, просто, само по себе. Хорошего русского человека, любящего свою родину, знающего её и желающего служить посильно её великим нуждам, — такого человека не часто встречаешь, а встретив — радуешься и уважаешь его. Вот моё отношение к Вам, и это отношение, это право любить и уважать человека — для меня дороже всех “дел”. <...>

Константин Петрович Пятницкий всё ещё здесь, мои отношения с ним — не улучшаются, и надежд на улучшение их не питаю.

А мне приходится крутенько, и работать я должен как вол. Задач — масса, выполнять их принуждён я один. Только что удалось, кажется, организовать журнал (речь о “Современнике”. — *Е.Н.*), думаю о другом, необходимом, по нынешним временам.

Это другой журнал — давняя моя мечта: его основная цель — всестороннее *изучение России*, а не проповедь каких-либо партийных взглядов. В нём должны быть совершенно новые отделы:

Обозрение торгово-промышленной и экономической жизни России.

Обозрение иностранной *экономической* политики и торговли.

Обозрение провинциальной жизни, поставленное на совершенно новых началах.

Это должен быть журнал, который читался бы с одинаковой пользой купцом и крестьянином, чиновником и интеллигентом.

Очень хотелось бы поговорить с Вами подробно по поводу этой затеи, в необходимости осуществления которой убеждён. Мы — всё знаем, кроме России, которую всячески задёржали, но знать её не хотим. И вот надо заставить

людей учиться узнавать Русь.

Лучше других технически осуществить такое дело могли бы Вы, Иван Дмитриевич» (5, 30–31).

В 1911 г. начать выпускать свой журнал Горькому не удалось. В ходе переговоров писатель всё отчётливее стал осознавать: прежде чем организовать журнал, надо создать своё издательство. Оно и будет выпускать журнал.

А.Н. Тихонов по своей инициативе пытался вести переговоры с общественной деятельницей С.В. Паниной, но убедился вскоре в их бесперспективности. Когда в литературных и околослитературных кругах стало известно о введущихся переговорах, начали поступать предложения от ряда лиц. О.Д. Голубева отмечала: «Не прочь был вступить в новое демократическое издательство Ю.И. Лепковский — владелец московского издательства “Печатник”. Но для начала нового дела необходимо было по крайней мере 50 000 руб. Лепковский был согласен вложить в него 30 000 руб., но вторая сторона — Горький и Ладыжников — не могли восполнить остальное.

Не дали результатов и переговоры с владельцем большой московской типографии А.А. Левинсоном, с главой издательства “Прометей” Н.Н. Михайловым и др. Ладыжников приходил к выводу, что организовать в настоящее время “издательство в том виде, как предполагалось, нельзя” и что затевать новые разговоры с Сытиным бесполезно» (17, 190).

Однако писатель от своего намерения создать издательство не отступился, и издатель порывать с ним связь не хотел. В августе 1912 г. И.Д. Сытин предложил Горькому участвовать в своей газете «Русское слово», пообещав при этом печатать всё присланное им. Предложение было принято.

Летом того же 1912 г. к Горькому с предложением об организации журнала обратился московский адвокат Н.К. Муравьёв. Во время встречи на Капри для журнала было придумано название — «Новая Россия». Его программа вскоре была разработана Горьким. Он писал:

«Основной отдел журнала я представляю себе так:

Летопись

политико-экономической деятельности Европы и влияние этой деятельности на жизнь России. Исходя из того факта, что европейская цивилизация, руководимая капиталом, давно уже находится в процессе обратного движения на Восток и что именно в этом процессе завязаны все узлы современной политико-экономической жизни, — летопись ставит своей задачей освещение целей, приёмов и взаимных противоречий процессов важнейших государственных хозяйств Европы и указывает читателю, как эти цели, приёмы, противоречия влияют на русскую жизнь.

Рост интернационального капитала в России; как он работает в ней, сравнительно с его работой дома и в африканских, азиатских колониях; его культурная и антикультурная роль в русской жизни. Причины, затрудняющие его

рост» (18, 612).

Далее раскрывалось содержание других отделов журнала: «Летопись областной жизни», «Провинциальная жизнь», «Движение интернациональной научной мысли», «Библиография».

Посылая программу Н.К. Муравьёву, Горький писал: «В этих строках, написанных наскоро, наверное, есть недомолвки и оговорки, но — я просил бы Вас обратить внимание на основную мысль: необходимо рассматривать культурную и экономическую мысль России в связи с жизнью Европы и, возможно резче подчёркивая эту связь, внушать читателю, что он должен более активно относиться к действительности, отовсюду грозящей ему событиями, каких он ещё не переживал и которые могут преждевременно устранить его из истории Европы, преждевременно, ибо мы не внесли в область общечеловеческого творчества культуры всего, что можем внести как народ молодой и ещё не работавший.

В этом внушении нуждаются одинаково все классы русского общества, ибо пассивное отношение к жизни свойственно всем русским. Нужно сразу же попытаться поставить журнал как орган всероссийский, имеющий целью объединение всей разноплеменной демократии нашей на почве социализма, следует также возможно чаще подчёркивать идею необходимости реорганизации русского государства на началах федерализма — это немедленно погасит разгорающийся иноплеменный шовинизм» (8, 101).

Призыв к принятию мер по предотвращению разгорания иноплеменного шовинизма, высказанный в данном письме, перекликается с тем, что было сказано в приведённом выше программном заявлении «Современника», помещённом в № 11 журнала за 1912 г.

Вскоре выявились резкие противоречия во взглядах Горького и Н.К. Муравьёва на то, какой должна быть «Новая Россия». Журнал так и не вышел в свет. Его программу (в сокращённом варианте) писатель передал Е.А. Ляцкому.

Только весной 1915 г. Горькому совместно с А.Н. Тихоновым и И.П. Ладыхниковым удалось создать своё издательство. Официально оно называлось «Торговый Дом А.Н. Тихонова и К^о, Книгоиздательство “Парус”». О.Д. Голубева пишет:

«Это было так называемое “товарищество на вере”, в котором достаточно было одного “полного товарища”, отвечающего за дела издательства всем своим имуществом, и одного или нескольких участников-пайщиков с ответственностью, ограниченной размерами внесённых в товарищество вкладов. Для официального признания такого товарищества требовалось лишь представить выписку из товарищеского договора в купеческую или городскую управу с указанием данных о полных товарищах и ежегодная уплата за промысловое свидетельство.

Мы не располагаем официальным договором, определяющим взаимные

отношения участников издательства “Парус”, но косвенные документы позволяют с уверенностью сказать, что А.Н. Тихонов значился в нем единственным полным товарищем, Горький — вкладчиком, а И.П. Ладыжников — приказчиком» (19, 160).

Далее исследовательница поясняет: «То, что полным товарищем был объявлен А.Н. Тихонов, обуславливалось, бесспорно, целями конспирации. Ни он, ни Ладыжников денежных взносов в “складочный капитал” издательства не сделали. Фактически при организации “Паруса” только М. Горький внес в предприятие 25000 р.» (19, 160). Но внесённые Горьким деньги были не его, а И.Д. Сытина (он дал именно ту сумму, которую в 1911 г. обещал выделить на реорганизацию «Знания»). Деньги в «Парус» также вложили предприниматели Ю.А. Брежнев, Н.Б. Глазберг, братья Б.А. и Н.А. Гордон, Э.К. Груббе (Грубе) и А.И. Коновалов (19, 173).

У «Паруса» было несколько издательских марок. О.Д. Голубева утверждает: «Эмблема издательства, сохраняя изображение парусника, имеет четыре варианта, выполненных разными художниками: М. Михайловым, А. Арнштамом, М. Добужинским и А. Дидерихсом» (19, 176). На самом деле марок было шесть. По две сделали А.М. Арнштам и Е.Д. Белуха, одну — М.В. Добужинский. Эти марки воспроизведены в книге Л.М. Соскина (20, 390–393). Но в ней работы А.М. Арнштама даны анонимно. Авторство художника устанавливается по обложке отдельного издания романа датского писателя М. Гольдшмидта «Еврей» (Пг., 1918). В центре обложки воспроизведена издательская марка «Паруса», а в нижнем правом углу стоит подпись художника: «А.А.». То, что она принадлежит А.М. Арнштаму, раскрыл в своем словаре И.Ф. Массанов (21, 38). Шестая марка «Паруса» (на ней также изображён парусник) является частью рисунка в центре обложки отдельного издания повести В.Я. Шишкова «Тайга» (Пг., 1918). Её автор — художник И.И. Нивинский.

Горький остался верен своему давнему замыслу. Первым делом он принялся не за выпуск книг, а за организацию журнала. Мы знаем, что в 1912 г. Горький написал для организуемой совместно с Н.К. Муравьёвым «Новой России» программу. В ней несколько раз употреблено слово «летопись». Именно оно — «Летопись» — стало названием журнала, издаваемого «Парусом».

Во время парижской встречи с Ю.О. Мартовым, о которой было сказано выше, Горький высказал намерение создать толстый журнал с преимущественно публицистическими задачами. Именно таким изданием стала «Летопись». Первая книга журнала увидела свет в середине декабря 1915 г.⁵

В программном заявлении «Современника», опубликованном в № 11 за 1912 г., и в программе, написанной для Н.К. Муравьёва, большое внимание уделено провинциальной жизни и проблеме межнациональных отношений. Для должного освещения связанных с этим вопросов предполагалось создание отделов «Летопись областной жизни» и «Провинциальная жизнь». Эти же,

по сути, отделы есть в рекламном объявлении о подписке на «Современник» в 1914 г. (написанном, по всей видимости, при участии Горького), только называются они чуть иначе — «По России» и «На окраинах». А в «Летописи» мы находим рубрики «По России» и «Внутреннее обозрение». Преемственность очевидна. Она обусловлена ещё и тем, что в «Летопись» из прекратившего своё существование «Современника» перешли редактор и большинство авторов.

Издателем «Летописи» во всех документах числился официальный владелец «Паруса» — А.Н. Тихонов. Помимо него, руководство журнала состояло из трёх его фактических редакторов — Горького, В.А. Базарова (с которым писатель был знаком с 1908 г., когда философ и публицист принимал участие в попытке писателя примирить В.И. Ленина и А.А. Богданова) и Н.Н. Суханова. Секретарём редакции стала жена Н.Н. Суханова Г.К. Флаксерман, ранее занимавшая эту должность в «Современнике».

С 1911 г., когда он в этом признался И.Д. Сытину, в Горьком не пропало желание «заставить людей учиться узнавать Русь» (5, 31). Но в осуществление этого намерения серьёзные коррективы внесла война. Военная (точнее, антивоенная) тема стала в журнале доминирующей.

Необходимо сказать об отношении к войне социал-демократов (приверженцем этой идеологии, несмотря на конфликт с некоторыми членами РСДРП, продолжал оставаться Горький). Если ранее все они считали целью своей деятельности свержение ненавистной монархии, то после того, как 19 июля (1 августа) 1914 г. Германия объявила войну России, значительная их часть высказалась за поддержку царского правительства, за ведение войны до победного конца. Другая часть, возглавляемая В.И. Лениным, выступала за поражение царской России, за превращение империалистической войны в гражданскую.

Горький и его единомышленники, группировавшиеся вокруг «Летописи», считали, что Россия должна как можно скорее выйти из пагубной для нее войны.

Резкое отличие своей позиции от той, которую занимал Горький, В.И. Ленин чётко обозначил в 1917 г. в четвёртом «Письме из далека», имеющем подзаголовок «Как добиться мира?» В письме сказано:

«Я сейчас только (12 (25) марта) прочитал в “Новой Цюрихской Газете” (№ 517 от 24/III) следующее сообщение, переданное по телеграфу из Берлина:

“Из Швейцарии сообщают, что Максим Горький послал как правительству, так и Исполнительному комитету восторженно написанное приветствие. Он приветствует победу народа над владыками реакции и призывает всех сынов России помочь постройке нового русского государственного здания. В то же время он призывает правительство увенчать его освободительное дело заключением мира”. <...>

На мой взгляд, письмо Горького выражает чрезвычайно распространённые

предрассудки не только мелкой буржуазии, но и части находящихся под её влиянием рабочих. *Все* силы нашей партии, все усилия сознательных рабочих должны быть направлены на упорную, настойчивую, всестороннюю борьбу с этими предрассудками.

Царское правительство начало и вело данную, настоящую войну как *империалистическую*, грабительскую, разбойничью войну, чтобы грабить и душировать слабые народы. Правительство Гучковых и Милюковых есть помещичье и капиталистическое правительство, которое вынуждено продолжать и хочет продолжать *именно такую самую* войну. Обращаясь к этому правительству с предложением заключить демократический мир — всё равно, что к содержателям публичных домов с проповедью добродетели. <...>

Чтобы добиться мира (и тем более, чтобы действительно демократического, действительно почётного мира), надо, чтобы власть в государстве принадлежала не помещикам и капиталистам, а *рабочим и беднейшим крестьянам*» (22; 48–49, 52).

По В.И. Ленину, почётный мир может заключить только правительство рабочих и беднейшего крестьянства. Такое правительство было сформировано большевиками после Октябрьского переворота. 3 марта 1918 г. оно подписало мирный договор с Германией и её союзниками. Этот заключённый в Бресте мир сам же В.И. Ленин назвал «похабным».

Если бы российское правительство прислушалось к призывам Горького и его товарищей и заключило мир в марте 1917 г. (а ещё лучше в 1916 г.), то условия мира не были бы позорными для России. В этом случае страна смогла бы избежать катастрофы, которую ей пришлось пережить после 1917 г.

Теперь рассмотрим позицию другого большевика — одного из лидеров группы «Вперёд» Г.А. Алексинского. С ним Горький познакомился весной 1907 г. в Лондоне на V съезде РСДРП. Быстро установились хорошие, доверительные отношения. Именно Г.А. Алексинскому (в письме от 16 (29) мая 1908 г.) Горький рассказал о том, как, с его точки зрения, должно родиться социалистическое общество: «Мне кажется, что социализм должен переродиться в культ, что его основной стержень — сознание человеком своей связи с массой — окрепнет лишь тогда, когда избыток опыта жизненного, излишек доказательств в пользу исторической логической необходимости осуществления социализма, — когда этот избыток и излишек образует жизнерадостное, активное чувство родства всех и каждого со всеми, и с этого момента способна возникнуть коллективистическая психика. Подобное чувство возможно лишь в среде пролетариата и невозможно в других классах, ибо они сойти с почвы индивидуализма — самозащиты в узком, личном смысле слова — не могут, — и это их гибель» (23, 241). Отношения претерпели некоторое охлаждение во время работы Каприйской партийной школы, в создании и работе которой Г.А. Алексинский принимал деятельное участие. Главные виновники разлада — женщины, обустроивавшие быт учеников и

преподавателей. Свою лепту внёс и раскол, произошедший среди учеников. Некоторые из них заявили о своей приверженности взглядам В.И. Ленина (а не А.А. Богданова) и покинули школу.

Сразу после окончания работы Каприйской партийной школы была образована группа «Вперёд». Её ядро составили оставшиеся после раскола в школе ученики и преподаватели. В ноябре 1909 г. они на Совете школы одобрили доклад А.А. Богданова «Современное положение и задачи партии: Платформа, выработанная группой большевиков» и поставили под ним свои подписи. Среди подписавших документ были Горький и Г.А. Алексинский.

Через некоторое время писатель понял причину конфликта с А.А. Богдановым и попытался наладить отношения с будущим создателем всеобщей организационной науки тектологии, 8 (21) мая 1911 г. он написал Г.А. Алексинскому: «Очень прошу Вас: будьте добры, сообщите мне адрес Станислава Вольского и А.А. Богданова. К великому огорчению моему у меня с последним некоторые контры, благодаря его сестрице (А.А. Малиновская в то время была женой А.В. Луначарского, одного из преподавателей Каприйской партийной школы. — *Е.Н.*), окаянной, но — есть идеи и могут быть предприятия, о коих он должен знать» (5, 40). В ответ пришло письмо с негативной характеристикой А.А. Богданова и советом не восстанавливать отношения с ним. Горький возразил своему корреспонденту: «С отзывом Вашим о А<лександр> А<лександрович> я не вполне согласен, хотя отмеченная Вами “аккуратность” — несомненно — его черта и очень раздражает. Мне кажется, что он, по натуре своей — не революционер, а систематик, человек с высоко развитым стремлением к синтезу и, как всякий такой человек, — консервативен и догматичен. Людей же — всех! — презирает, числя себя безгранично умнее и значительнее их, отсюда его небрежное отношение ко всем. Но — талантливейший человек! И я глубоко уверен, что он много сделает» (5, 47).

К работе группы «Вперёд» Горький присматривался внимательно и сочувственно. Этот интерес способствовал нормализации отношений с Г.А. Алексинским, являвшимся одним из лидеров группы.

Ситуацию резко изменила война.

Ещё в 1909 г. Г.А. Алексинский вместе с Л.П. Лядовой (по мужу Мандельштам) перевёл для «Знания» книгу французского историка Жюльена Тьерсо «Празднества и песни Французской Революции». Но выход книги в свет год за годом откладывался. Горький то обнадеживал переводчика: «...книгу Тьерсо — надо издавать» (14, 91), то сообщал: «Когда будет издан Тьерсо — не знаю. У меня с Пятницким нелады» (5, 222). После создания «Паруса» рукопись перешла в это издательство. 11 (24) апреля 1916 г. Горький написал Г.А. Алексинскому:

«Ваш перевод книги Тьерсо передан книгоиздательству “Парус” мною. Об этом я в своё время известил Вас письмом, копию которого прилагаю (ни оригинал, ни копия этого письма не разысканы. — *Е.Н.*).

Я просил бы Вас известить книгоиздательство “Парус”, что гонорар за пе-

ревод получен Вами от меня полностью.

Редакция Суворова вызвана была необходимостью исправить перевод, сделанный крайне небрежно. <...>

P.S. Письмо от 20/IX было послано Вам через редакцию “Современного мира”» (24, 34).

Г.А. Алексинский через месяц — 10 (23) мая — написал из Парижа:
«Алексей Максимович!

На письмо Ваше от 11/IV 916 отвечаю следующее:

1) Письмо Ваше от 20 сент. 1915 г. я не получал, и об отправке его *впервые* узнал из письма от 11/IV 916.

2) Обещанные мною добавления к переводу (или, точнее, перевод “приложений” к книге Тьерсо, заказанный мне “Знанием”) мною были давно отправлены Вам на Капри. Точно даты пока указать не могу, ибо это было не один год тому назад.

3) “Известить” изд-во “Парус” о том, что будто бы “получил полностью гонорар за перевод книги Тьерсо”, я не могу, ибо я с этим издательством ни в каких отношениях не состою и посвящать его в свои дела не собираюсь.

Вам же скажу (хотя, казалось бы, Вы это и сами должны были помнить), что *полностью* гонорар за перевод “Знанием” мне уплачен *не* был. Получено было 1400 фр. с чем-то, из коих около трети получила Л.П. Мандельштам, а остальное я. “Знание” обязалось платить по 35 руб. за лист. Подсчитав число листов и произведя операцию, именуемую умножением, Вы сами сможете убедиться, что полностью работа не была оплачена (порывшись в Ваших письмах и письмах М.Ф., имеющихся у меня, надеюсь установить точные цифры и даты получек). Кроме того, Луначарский, который был формально редактором перевода, предложил мне взять фактическое редактирование на себя же, а сам сохранил за собой лишь общий и беглый просмотр, причём из 15 руб. с листа, назначенных за редакцию, он 10 руб. предоставил мне, а 5 руб. — себе. За редактирование я не получил пока ничего.

4) Ваше заявление относительно того, что Вы передали редактирование моего перевода г. Базарову (Г.А. Алексинский почему-то С.А. Суворова называет В.А. Базаровым. — Е.Н.) ввиду “крайней небрежности” перевода, считаю с Вашей стороны *крайним нахальством*. Ибо: 1) не верно, что перевод плох (Вы не можете об этом судить, ибо французского текста не видали); 2) ни Вас, ни тем паче Базарова (он — плохой стилист) я судьёй своего стиля и знания французского языка признать не могу.

5) Передачу Вами моей работы в “Парус”, а редактирование её — Базарову считаю нарушением элементарной благопристойности, ибо “Парус” — фирма, связанная с журналом “Летопись”, а Базаров — один из руководителей этого органа. Я же считаю “Летопись” предприятием *грязным* и *вредным* для русской демократии. Не будучи литературным проституттом, вроде тех пораженцев, которые издание пораженческих органов совмещают с писанием — ради

денег? — в патриотических газетах, я должен просить Вас *не компрометировать моего имени изданием переведённой мною книги в “Парусе”*, владелец коего (по крайней мере, номинально) является в то же время номинальным издателем “Летописи”, пораженческому направлению которой (Г.А. Алексинский не точен, “пораженцами” были ленинцы, “Летопись” выступала не за поражение России, а за её скорейший выход из войны. — *Е.Н.*) я не сочувствую, и подлые выходки которой по адресу Плеханова и др. меня до глубины души возмущают. <...>

Прошу сообщить мне, с кем я должен списываться по делам “Знания”. Последний раз, — с Капри, — Вы предложили мне обращаться по поводу моего перевода книги Тьерсо к г. Пятницкому. Я ему писал, но ответа не получил» (25).

Свою точку зрения Г.А. Алексинский высказывал и публично, прежде всего, в издаваемом им парижском журнале «Россия и Свобода». Эту позицию можно свести к лозунгу: «Всё для победы!» (26, 2).

Наступил февраль 1917 г. Г.А. Алексинский понимал: «Российская революция, в том виде, как родилась она, — дитя войны» (27, 3) и всё же продолжал призывать к продолжению войны — к катастрофе. К сожалению, те, кто, как Горький, предлагали единственно возможный способ избежать трагедии — заключить мир, находились в меньшинстве, и власть в стране принадлежала не им.

Во время войны Горький к позиции В.И. Ленина и ленинцев относился почти так же негативно, как к взглядам Г.А. Алексинского, Г.В. Плеханова и их единомышленников. Этот факт советские горьковеды старательно затушёвывали. Если прочитать статью Т.И. Дубинской о «Летописи», можно сделать вывод, что журнал был органом большевиков, что не соответствует действительности. Исследовательница пишет: «Анализ публицистики “Летописи” не оставляет сомнений в том, что вопреки цензурным запретам журнал стремился выступить по этим насущным проблемам (прежде всего, по проблеме войны и мира. — *Е.Н.*). Причём это были материалы, как правило, авторов-большевиков. <...> Большевики Р. Арский, В. Волгин, А. Лозовский, Н. Скопин, Н. Совский <...> верно указывали причины гибели II Интернационала» (28, 213–214). Из названных Т.И. Дубинской авторов «Летописи» только двое — Р. Арский и Н. Скопин на момент публикации их статей в журнале были ленинцами. В.П. Волгин членом партии большевиков стал только в 1920 г. А. Лозовский (наст. фам. и имя Дридзо Соломон Абрамович) в РСДРП(б) вступил в августе 1917 г., но уже в декабре был исключён из партии за статьи, помещённые в «Новой жизни», в которых отрицал необходимость диктатуры пролетариата. Н. Совский (наст. фам. и имя Урицкий Моисей Соломонович) был принят в партию большевиков только летом 1917 г. на VI съезде вместе с другими «межрайонцами», возглавляемыми Л.Д. Троцким.

Н. Скопину (более известному под другим псевдонимом — Г.Е. Зиновьев)

Горький позволил опубликовать в «Летописи» только одну статью — «Дело Фридриха Адлера» (1916. № 12), а его работу «Австрия и мировая война», написанную для «Паруса», отказался печатать.

Т.И. Дубинская пишет, что В.И. Ленин вёл переговоры с Горьким о своём сотрудничестве в «Летописи» (28, 216). Это утверждение исследовательница основывает на письме А.И. Ульяновой-Елизаровой к брату от 28 ноября (11 декабря) 1915 г., в котором сказано: «Новый издатель (Горький. — Е.Н.) произвёл на меня прекрасное впечатление <...> Сейчас он в журнале “Летопись” и в издательстве (“Парус”) ставит целью: 1) борьбу за интернациональность и 2) борьбу со всеми остатками азиатчины в нашей жизни. Затем, немного конфузясь, заявил, что он продолжает считать необходимой у нас радикально-демократическую партию. <...> Новый издатель вынес убеждение, что многим надо вдальбивать правильное отношение (к войне. — Е.Н.), что налёт патриотизма есть, имел случай наблюдать это. <...> Было недавно заседание в редакции нового журнала “Летопись”. Суханов заявлял себя с.-д., в общем соглашаются все с интернациональным большевистским взглядом, ликвидаторы выкинуты. Теперь ждём — пригласят ли кого из наших в редакцию. Попросят ли вас в сотрудники» (29, 398–399). В редакцию никого из ленинцев не пригласили и с просьбой о сотрудничестве к В.И. Ленину не обратились. Но лидеру большевиков хотелось быть автором толстого столичного журнала («Легальная печать в России приобретает сугубое значение» (30, 300)). Он написал А.Г. Шляпникову осенью 1916 г.: «Базаров сглупил в “Летописи”. Богданов несёт *иную* ахинею, но *тоже* ахинею в “Летописи”. Там какой-то архи-подозрительный блок махистов (богдановцев. — Е.Н.) и окистов (меньшевиков. — Е.Н.). Гнусный блок! Едва ли его можно разбить... Попытать разве блок с махистами против окистов?» (30, 299–300). Но тут же автор письма добавил: «Едва ли удастся!!» (30, 300). Действительно, стать автором «Летописи» лидеру большевиков не удалось.

Ещё пара штрихов к характеристике взаимоотношений Горького и В.И. Ленина в это время. Заказанную «Парусом» (М.Н. Покровским) лидеру большевиков книгу «Империализм как новейший этап капитализма» (Пг., 1917) писатель напечатал без обозначения выпускавшего её издательства и с купюрами, с которыми автор, очень хотевший, чтобы его работа увидела свет, вынужден был согласиться. В декабре 1916 г. В.И. Ленин написал М.Н. Покровскому: «Вы “сочли возможным” выкинуть критику Каутского из моей брошюры... Грустно! <...> Я, конечно, вынужден подчиниться издателю» (30, 343). А несколькими днями ранее обиженный автор написал И.Ф. Арманд: «Рукопись моя об империализме дошла до Питера, и вот пишут, что издатель (и это Горький! о, телёнок!) недоволен резкостями против... кого бы Вы думали?.. Каутского» (30, 340).

Выброшены были куски текста, содержавшие критику не только К. Каут-

ского, но и Л. Мартова. Оба эти деятеля революционного движения были авторами «Летописи»⁶. А когда В.И. Ленин обратился к Горькому с просьбами: выпустить в «Парусе» ещё одну его работу⁷ («я крайне нуждаюсь в зарботке» (30, 170)) и напечатать работу Н.К. Крупской⁸ («Вы очень обяжете меня, если посодействуете — прямо или косвенно — изданию этой брошюры» (30, 183)), писатель ответил отказом.

Главными авторами злободневных статей в «Летописи» были её редакторы — В.А. Базаров, Горький и Н.Н. Суханов. Понятно, что в качестве публицистов на страницах журнала могли выступать только те, кто разделял взгляд редакторов на войну (31). Негативное отношение к войне очень затрудняло работу. Официальный редактор «Летописи» А.Т. Радзишевский вспоминал: «Для того, чтобы выпустить номер, приходилось набирать почти двойной материал, так как по крайней мере $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{2}$ материала погибали в цензурной корзине. Особенно сильно свирепствовала цензура с гранками политических статей, и надо было обладать огромной настойчивостью Галины Константиновны Сухановой, больше всего работавшей в журнале, чтобы набрать необходимый материал, доставлять его в цензуру, получать взамен его “Красное море” цензурных пометок и помарок, объясняться с тупоумными чиновниками, отстаивая каждую строчку, и проделывать эту операцию ежемесячно с такой же настойчивостью и энергией» (32, 83).

В отношении авторов поэзии и прозы, появляющихся на страницах «Летописи», это обстоятельство тоже имело значение, но не всегда было решающим. Показателен случай с А.А. Блоком, не разделявшим горьковского отношения к войне. Поэт согласился занять в «Летописи» предложенное ему скромное место переводчика. Его пытались убедить в ошибочности этого шага, но он своего решения не изменил. 25 декабря 1915 г. А.А. Блок получил письмо от А.Н. Чеботаревской, жены Ф.К. Сологуба, в котором говорилось: «Дорогой Александр Александрович, с удивлением увидели мы сегодня на обложке гадкого Горьковского журнала Ваше имя⁹, и я по свойственной мне экспансивности не могла удержаться, чтобы не написать Вам об этом. Ведь этот журнал, щеголяющий — в пределах цензурности (в первый раз в жизни я подумала, что не всегда она вредна!) — своим *a*-патриотизмом (попросту пораженчеством!), своей “вселенскостью”, прикрывающей пустое место в груди, своим грубым и безответственным невежеством и оклеветанием искусства, мечты, интуиции, творчества, всего того, что нам дорого — какою-то вымышленной нашими утилитаристами “реакционностью” “Востока”, противопологаемого ими “деятельному” гедонисту — “Западу” (статья Горького!). Их отношение к войне, их заигрывание с демократией (стихи Герасимова!), их ученический восторг перед “Писаревым”, их самодовольство и тупость поистине изумительны в наши дни! На что уж “радикалка” Кускова — и та отказалась сотрудничать, ознакомившись с их политической платформой, которую они, по-видимому, не открывают поэтам» (33, 192–193). Через день, после некоторого

размышления, А.А. Блок ответил своей корреспондентке: «Многоуважаемая Анастасия Николаевна. Журнал Горького не производит на меня гадкого впечатления. Я склонен относиться к нему очень серьёзно. Вовсе не всё мне там враждебно, а то, что враждебно, — стоящее и сильное. — Меня позвали в этот журнал как ремесленника, а я люблю ремесло и, в частности, то ремесло, которое мне дали, нахожу нужным и полезным» (34, 451). Не удовлетворенная ответом, Чеботаревская написала новое письмо, ещё более эмоциональное и гневное. На нём Блок сделал помету: «Сие получено 30 XII 1915. Нельзя так говорить об авторе “Фомы Гордеева”, “Троих”, “На дне” — недостойно. Не отвечу» (34, 618).

В октябре 1915 г. было получено «Свидетельство № 5230», выданное Петроградским градоначальником, на выпуск в свет в городе Петрограде журнала “Летопись”» (35, 58). А в следующем месяце, 15 ноября, в газете И.Д. Сытина «Русское слово» было напечатано рекламное объявление о подписке на «Летопись», в котором говорилось: «В ближайших книгах будут напечатаны произведения: Ив. Бунина, Ив. Вольного, М. Горького, Г. Гребенщикова, Л. Добронравова, Евген. Замятина, М. Пришвина, К. Тренёва, Е. Чирикова, И. Шмелёва и др.». Однако сочинения Л.М. Добронравова, К.А. Тренёва, Е.Н. Чирикова и И.С. Шмелёва на страницах журнала не появились.

К.А. Тренёв дал согласие на участие в «Летописи». 15 (28) октября 1915 года он написал Горькому: «Очень тронут памятью обо мне и лестным предложением вписаться в число сотрудников вашего журнала. Разумеется же — согласен! Вот только насчёт представления рассказа к ближайшему сроку — выйдет, кажется, заминка. Дело в том, что постигли меня напасти — болезни» (36, 437). 13 (26) января 1916 г. писатель подтвердил свое обещание: «Прихожу в себя и принимаюсь за работу <...> за рассказ для “Летописи”» (36, 440). Но через два месяца сообщил: «Извиняюсь, что по болезни не писал вам в ответ на два ваши письма. Есть у меня один рассказ, который думал было представить вам; пока писал начало и середину — казалось что-то выходит, а подошёл к концу — оглянулся — чепуха. Нет, не пошлю я вам этого рассказа, сажусь за другой» (36, 442). По всей видимости, ничего подходящего для журнала К.А. Тренёву так и не удалось написать.

Отношение Е.Н. Чирикова и И.С. Шмелёва к войне, иное, чем у Горького, определило их неучастие в «Летописи». Е.Н. Чириков вспоминал: «Началась всемирная война: Горький потирал от удовольствия руки и выбрасывал пораженческие лозунги <...> Вскоре я был поражён и глубоко возмущён М. Горьким: без моего ведома и согласия он опубликовал моё имя в числе сотрудников будущего своего журнала “Летопись”. Я потребовал объяснений: — Я вижу в числе сотрудников большинство наших “пораженцев”, а потому прошу выкинуть мою фамилию из числа сотрудников. Горький сделал страдальчески-дружескую улыбку, которая давно уже была мной разгадана! — Какое пораженчество! Ведь журнал подцензурный! Журнал марксист-

ский, в числе задач — борьба с нашей азиатчиной и... самодержавием. — Значит, — революция? — Ну, да... — Да ведь это и будет поражением! — Ерунда. Дело каких-нибудь двух недель. Напротив, этот переворот — единственный выход из поражения... — Я отказываюсь и прошу меня исключить. — Хорошо» (37, 78).

Л.М. Добронравов, несмотря на своё «патриотическое» отношение к войне, печататься в «Летописи» хотел. Развела писателя с журналом публикация в первом номере отрицательной рецензии на книгу его рассказов «Горький цвет» (Пг., 1915). Усугубляло ситуацию то, что автор рецензии, М.Ю. Левидов, ранее так же негативно высказался о книге в газете «Голос». Л.М. Добронравов попытался урегулировать это нелепое, с его точки зрения, недоразумение, 1 (14) января 1916 г. написал Горькому: «Простите, дорогой Алексей Максимович, не зашёл к Вам в назначенный день: захворал и никуда не выхожу. А потому письменно хочу рассказать о своём — не то недоумении, не то — огорчении — какое доставила мне первая книга “Летописи”. Напечатана в ней рецензия о моих рассказах. Рецензия неодобрительная и даже хуже, но сама по себе она мне никакого огорчения не доставила.

Участвуя в “Летописи”, я, конечно, не рассчитывал на похвальные отзывы о себе, да ни о каких отзывах просто и не думал. И вот в первой, парадной, книге журнала обругали меня, сотрудника этого же самого журнала, гадко обругали, свысока, противно. Против этого я, однако, ничего не могу возразить: так рецензенту кажется — пусть кажется, каждый пишет и критикует по мере сил своих. Но и подпись под рецензией — Мих. Левидов — я читал в газете “Голос” под другой рецензией обо мне; там этот господин писал иначе, не стесняясь, а в “Летописи” об одном и том же написал он по-другому.

Если бы выбрал меня в “Летописи” кто-нибудь из тех лиц, которые зовутся литературными критиками — другое дело. Я ни слова не сказал бы. Но сличив два отзыва — “Голоса” и “Летописи”, я нашёл, что написаны они литературным двурушником. Почему в “Голосе” он пишет обо мне так, а в “Летописи” иначе? Что это, как не двурушничество, не пакостничество?

Прочитав написанное обо мне в “Летописи”, я задумался вот над чем: Вы, Алексей Максимович, оказали мне честь и радость, пригласив участвовать в журнале; стало быть, Вы, Горький, нашли во мне нечто заслуживающее внимания. Как же примирить с этим то, что пришёл г. Левидов из “Голоса”, дал свою ругательную обо мне рецензию и её напечатали в том же журнале? В каком положении нахожусь я теперь?

Вы были в Москве, когда я узнал об отзыве в “Летописи”. Позвонив по телефону А. Н<иколаевичу> (Тихонову. — Е.Н.), я просил его объяснить мне, как это произошло, что редакция, считая меня своим сотрудником, печатает отзыв обо мне сотрудника газеты “Голос” и “Журнала Журналов”? Неужели нельзя было отзыв поручить кому-нибудь другому? Странно читать, что в первой, показной, парадной книге журнала его сотрудника ругает чёрт

знает кто. А.Н. заявил мне, почти дословно, что заметку г. Левидова приняла редакция и что редакция с этой заметкой солидарна. Я сказал, что если это действительно так и напечатание заметки, написанной сотрудником “Голоса”, явление естественное и удивляться ему нелепо — то мне остаётся только уйти. А.Н. сказал: “Это ваше дело”. Смысл таковых слов Вам, Алексей Максимович, конечно ясен — “скатертью дорога”. И самая фраза и тон её подсказали мне такой смысл.

Уйти дело нехитрое. Но я решил, несмотря на тот оскорбительный тон, каким отличались слова А.Н., говорившего со мною *от лица редакции*, — решил я поговорить с Вами, Алексей Максимович; я всё же не решаюсь отождествлять А.Н. с редакцией “Летописи” и затем — в журнал приглашали меня Вы. Потому я обращаюсь к Вам и спрашиваю: как мне поступить? Я нахожусь в двусмысленном и противном положении; из него мне надо выйти. Оставить без внимания, посудите сами, — невозможно. Какой это удар моей писательской личности нанесён в “Летописи” заметкой г. Левидова. Как это неожиданно, и странно, и непонятно, и обидно — трудно передать! Что же получается? Сегодня не понравилось сотруднику “Голоса”, как я пишу — печатают его заметку; завтра не понравится сотруднику “Биржевки”, послезавтра ещё кому-нибудь... Когда же протестуешь, говоря, что так нельзя, нехорошо, что от редакции журнала ожидаешь благожелательного отношения, — отвечают: статью приняла редакция, а не нравится — ваше дело. Такой тон уместен в канцелярии, но “Летопись” — не канцелярия. Что же это значит? Не то ли, что сотрудник “Голоса” преспокойно может принудить меня к выходу из журнала “Летопись”, а редакция хладнокровно взирать будет на это удивительное явление, говоря: “ваше дело”.

Алексей Максимович! Что это такое?

Тяжело говорить об этом, неприятно: выходит всё будто о себе да о себе. Пишу Вам, Алексей Максимович, только потому, что Вы — Горький — и Вы поймёте причины и смысл моего беспокойства.

Я не знаю, верить ли заявлениям А.Н., сделанным редакционно? Солидарна ли редакция с заметкой г. Левидова и считает ли возможным одновременное присутствие наше в “Летописи”? А если не солидарна, то как объяснить это появление заметки, написанной нечистоплотным господином, ибо от заявления, что “поскольку чтение беллетристики равносильно убиванию времени, постольку рассказы Л. Добронравова приемлемы и найдут своего читателя” (“Голос”), до признания “чистоты и изящества языка”, “серьёзного отношения к теме” и пр. — зигзаг очень большой и удивительный.

Можно было бы просто не говорить об этом, но во всем происшедшем есть что-то, что “не всё равно”.

Простите, Алексей Максимович, за беспокойство. Жму Вашу руку и поздравляю с Новым годом.

Ваш Л. Добронравов» (38).

Письмо ни к чему не привело. Выбор (в пользу М.Ю. Левидова, ставшего одним из основных авторов «Летописи», а затем и «Новой жизни») Горький сделал тогда, когда было принято решение о публикации отзыва о «Горьком цвете». Причина конфликта между руководством журнала и Л.М. Добронравовым — отношение писателя к войне. В «Голосе» об этом сказано так: «Из прочих рассказов <...> остальные написаны на военные темы — этим уже всё сказано. Конечно, напрасный труд искать в этих рассказах хоть намёки на действительно совершающееся. Трафаретные сентиментализм и прекраснотушье, трафаретное возрождение души, благодаря “животворящему пламени войны”, — какая всё это ложь и фальшь!» (39). В «Летописи» дана такая же оценка: «Совершенно никчёмны и бессильны попытки г. Добронравова откликнуться на колоссальную и волнующую тему — жизнь в войне. Неприятную, фальшивую почти, слащавостью веет от военных рассказов г. Добронравова. Война вызывает у него умиление пред человеческой хорошестью. Не слишком ли это прекраснотушно?» (40, 390).

В рецензии, помещённой в «Летописи», есть один пассаж, отсутствующий в «Голосе». Он вставлен М.Ю. Левидовым, как нам думается, по предложению Горького: «Но за всем тем рассказы г. Добронравова из среды духовенства — нужно прочесть. Слишком много места в нашей жизни занимает теперь лицемерное христианство. Ныне это — меч в руках гг. Эрнов, Булгаковых и прочих, борющихся с “гнилым атеистическим Западом”. Полезно поэтому познакомиться с тем, как этот меч выковывается, и кто его куёт» (39). С одной стороны, здесь высказывается принципиальное несогласие «Летописи» с теми, кто намеревался организовать национал-либеральную партию (что для Горького очень важно). С другой стороны, делается попытка хоть как-то смягчить общую негативную оценку творчества писателя, приглашённого в журнал.

Другой интересный писатель — Пимен Карпов — не стал автором «Летописи» из-за своего отношения к мужику. Сотрудники редакции отклонили его рассказ, не читая. Возмущённый, Пимен Иванович написал Горькому: «Дорогой Алексей Максимович! Меня поразило, что в Вашей “Летописи” заранее, ещё не видя в глаза рукописей, говорят, что вообще “бесполезно оставлять”»: так мне вчера было сказано, когда я принёс рассказ свой. Я всё-таки оставил. Пожалуйста, рассмотрите его внимательно и отнеситесь к нему справедливо» (41, 402).

Карпов получил известность после выхода его книги «Говор зорь: Страницы о народе и интеллигенции» (СПб., 1909). Д.В. Философов, одним из первых откликнувшийся на неё, писал в газете «Русское слово» 25 ноября (8 декабря) 1909 г.: «Книжка маленькая, но страшная. Написана отравленными чернилами». Автор, как только его работа увидела свет, один экземпляр послал в Ясную Поляну. Толстой откликнулся быстро — 20 ноября (3 дека-

бря) 1909 года: «Книга ваша мне понравилась своей смелостью мысли и её выражения. Для того, чтобы высказывать горькие истины “образованным”, нужно в наше время гораздо больше смелости, чем для того, чтобы высказывать их правительству. В особенности же понравилось мне в вашей книге то великое значение, которое вы видите в настоящем деревенском крестьянстве» (42, 205).

Ещё большую полемику вызвал роман Карпова «Пламень» (СПб, 1914 — так обозначено на титульном листе, вышла книга осенью 1913 г.). Иванов-Разумник причислил автора к разряду людей, «навсегда загубленных русской литературой <...> Это — выходцы из народных низов, оделённые жадной литературной работой, но обделённые талантом» (43, 170). Другого мнения был И.И. Ясинский: «О “Пламени” Пимена Карпова уже многие пишут <...> Тут всё неумеренно, страшно, тут бунт, тут ужасающая обнажённость язв, выжженных “пламенем”, на теле хлебороба, лишённого солнца и земли и раздавленного символическим генералом Гедеоновым. <...> Тут, наконец — бред, пугающий кошмар. <...> А по-моему — нет поэзии и нет высшей правды, если нет бреда. Пимен Карпов и в стихах своих бредит, — но как красив и ярок его бред! И разве не гениальный бред — “Мёртвые души”? “Дон Кихот”? “Путешествие Гулливера”?» (44). Вл. Шарков назвал книгу Карпова «предостерегающей и пророческой» (45). На эту же особенность романа обратил внимание читателей и А.А. Блок: «...автор “Пламени” — *никто*, книга его — не книга вовсе; писана она чернилами и печатана типографской краской, но в этом есть условность; кажется автор прошёл много путей для исполнения возложенной на него обязанности, обязанности не личной, а родовой, где-то в глубине веков теряющейся, и теперь выбрал путь “книжный”. Если же и этот путь не приведёт к цели, он будет искать других путей; если не найдёт их он, то найдёт их следующий за ним, может быть ещё не родившийся, тот, кто будет звеном того же от начала Руси и до конца её тянущегося рода “хлеборобов”. Вот в чём сила “Пламени”, и вот отчего молчать о нём не приходится. Роду хлеборобов, которые исполняют этот завет, не будет конца, пока не разрешится самое сокровенное и самое страшное дело в России» (46, 483–484).

Поэт говорит о решении земельного вопроса, который чреват революцией. Автор «Пламени» предупреждал: «Теперь-то вы держите землю да плахуете нас... А что тады-то запоёте? Как японцы с немцами али китайцы пойдут на Расею? Да запасных ежели тронут? Будет буча... буза... Бу-дет! <...> Не дадите земли — погибнет Расея! <...> Да и лучше с немцами жить, чем с вами... Немцы по крайности учёные: землю дадут» (47, 146).

Главный герой романа, Крутогоров, взывает к братьям-крестьянам: «Не у вас ли землю отняли — родную мать? И душат — не вас ли?.. Братья! Нет любви без ненависти! К гневу зову я вас! Вставайте! Се, творю суд: двуногим с их логовищем — городом — смерть!» (48, 148). В ответ вожак слышал: «Смерть! — протяжно и глухо грохотали толпы мужиков» (47, 148).

Прошло два года. Скандально известный автор «Пламени» пришёл в редакцию «Летописи», издания прозападного, марксистского, делавшего ставку на рабочий класс. Достаточно было писателю назвать своё имя: «я — Пимен Карпов», как последовал ответ: «Ваши произведения журналу не нужны». Так же считал и Горький. Он не мог допустить, чтобы на страницах его издания печатались произведения человека, выступающего с пропагандой крестьянского бунта.

Отметим, автор «Пламени» сразу после выхода романа в свет подарил его будущему руководителю «Летописи», сделав на книге надпись: «Максиму Горькому со страхом и надежд<ой>. Крестьянин Пимен Кар<пов>». Книга хранится в ЛБГ (ОЛБГ. 1061).

Литераторов с именем в журнале было наперечёт: помимо редактора, А.А. Блок, В.Я. Брюсов, И.А. Бунин, Г.Д. Гребенщиков, Е.И. Замятин, Н.Н. Никандров, М.М. Пришвин, А.П. Чапыгин — всё. Ставка делалась на молодёжь. Речь здесь не о прожитых годах, а о времени участия в литературе. Например, В.Я. Шишков, отсчитывавший уже пятый десяток, считался молодым писателем. И.С. Соколов-Микитов вспоминал: «С Вячеславом Яковлевичем я познакомился, помнится, в пятнадцатом году, во время первой мировой войны. Он был начинающим, но уже не молодым по возрасту писателем... В Петроград Шишков перебрался тогда по вызову Горького, с большим вниманием относившегося к новому автору, в котором Алексей Максимович угадывал большой и своеобразный талант» (48, 172).

Ещё в 1911 г., во время переговоров о реорганизации «Знания», И.Д. Сытин предложил издавать серию «новых» (т. е. только вступающих в литературу) писателей. Горький с этим предложением согласился, но его реализация стала возможной только после создания «Паруса». В одном из вариантов программы издательства сказано: «...мы издаём: <...> Дешёвые, по 50 к., сборники из произведений современных молодых писателей, уже напечатанных в журналах» (49). Об этом же в своих воспоминаниях говорит автор «Летописи» Л.П. Пасынков (50, 49–50): «Алексей Максимович ревнив. Узнав, что другую повестушку я отдал В.С. Миролубову в его “Журнал для всех”, Горький озабоченно советует: — Не разбрасывайте рукописи, сосредоточьтесь на одном журнале. Будете сотрудничать у нас, — книгой выпустим» (51, 146). Журнал служил своеобразной пробной площадкой издательства.

Горький умел видеть в только вступающих в литературу, «новых», авторах будущих мастеров слова. В отделе поэзии «Летописи» были напечатаны произведения В. Арена, Н. Венгрова, Д. Выгодского, М. Герасимова, Э. Германа, В. Горянского, С. Губера, С. Дубновой-Эрлих, С. Есенина, В. Маяковского, М. Моравской, Д. Семеновского, П. Сухотина, И. Филипченко (52). Из названных 14 человек, двое — гении: Сергей Есенин и Владимир Маяковский, один — очень талантливый поэт: Валентин Горянский.

Горький особо выделил — справедливо, по таланту — Владимира Маяковского, выпустил в «Парусе» две его книжки: сборник стихотворений «Простое как мычание» (Пг., 1916) и отдельное издание поэмы «Война и мир» (Пг., 1917). Издательство намеревалось выпустить ещё одну «вещь» поэта. О.Д. Голубева пишет: «Выходу в свет поэмы “Человек”, за которую Маяковскому был выплачен аванс 200 р., помешало прекращение деятельности издательства “Парус”» (19, 173). Отдельное издание «вещи», так автор определил жанр своего произведения, в 1918 г. выпустила «Ассоциация социалистического искусства» (54).

«Парус» также выпустил поэтические сборники Михаила Герасимова «Вешние воды» (Пг., 1917) и Эммануила Германа «Растопленный полюс: Стихи о России и революции» (Пг., 1918).

Конечно, как и всем людям, редактору «Летописи» случалось и ошибаться. Горький очень большие надежды возлагал на Д.Н. Семеновского, писал ему 31 января (ст. ст.) 1915 г.: «Блок? Я отношусь к нему внимательно, но — недоверчиво. Мне кажется, что он слишком литератор, вдохновение его — холодно, почерпает он его из книг, как я чувствую. Те стихи, которые Вы привели в письме ко мне, я знаю и тоже считаю их книжными. Всё, что сказано в них про Русь — не однажды говорилось Хомяковым, Аксаковым, это можно встретить у Языкова, даже у Огарёва. Старо, книжно. Своих слов — мало, своего отношения — не вижу, не чувствую. Иногда Блок говорит смешные вещи, напр., “О, родина! Жена моя!” Это вызывает у меня комическое впечатление.

Мне кажется, что Вы чувствуете и любите Русь глубже Блока, что видите Вы — больше его. Для Вас Русь — своё, Ваше дело» (54, 157).

Не в «Парусе», несколько позднее — в «Издательстве З.И. Гржебина» — Горький хотел выпустить поэтический сборник Д.Н. Семеновского. Для отбора лучших стихотворений присланную автором рукопись писатель отдал на отзыв А.А. Блоку, мнение о котором после совместной работы в издательстве «Всемирная литература» кардинально изменил. Копию блоковской рецензии Горький в июне 1919 г. послал автору книги, к сожалению, так и не вышедшей в свет, и в сопроводительном письме сказал: «Я показал Ваши стихи А.А. Блоку, рецензию которого прилагаю в поучение Вам. Блоку — верьте, это настоящий, — волею Божией — поэт и человек бесстрашной искренности» (55, 7).

Д.Н. Семеновский не оправдал надежд, которые возлагал на него Горький, и не создал значительных литературных произведений.

В отделе прозы «Летопись» поместила произведения М. Алданова, И. Бабеля, К. Волгина, И. Вольнова, А. Высоцкого, Г. Вяткина, Ф. Гладкова, Г. Гнедина, А. Замиралова, В. Ирецкого, М. Кисина, Р. Кумова, Ф. Ласковой, Т. Манухиной, А. Новосёлова, Л. Пасынкова, Д. Семеновского, Г. Успенского, М. Чернокова, В. Шишкова, Н. Шкляра. Здесь самая яркая фигура, безусловно, — Исаак Бабель. Если бы у него тогда набралось произведений на книжку, «Парус» её, скорее всего, выпустил бы. Вышла же в «Парусе» книга другого

интересного прозаика — Вячеслава Шишкова — отдельное издание его повести «Тайга» (Пг., 1918), ранее напечатанной в «Летописи» (1916. № 7–11). Заметный вклад в русскую литературу внесли такие авторы горьковского журнала, как Марк Алданов, Иван Вольнов, Георгий Вяткин, Фёдор Гладков, Лев Пасынков.

Особо надо сказать об очень талантливых и слишком рано ушедших из жизни Александре Ефремовиче Новосёлове (1884–1918) и Романе Петровиче Кумове (1883–1919).

А.Е. Новосёлова можно назвать учеником Горького. Ещё в 1913 г. мастер слова учил только вступающего в литературу автора: «...необходимо обратить серьёзное внимание на язык, на стиль, — это у Вас совершенно не выработано. И приёмы письма староваты, теперь уж так не пишут. Пишите проще, точнее» (54, 157). Через два года, получив от А.Е. Новосёлова рукопись его книги «Лицо моей Родины», Горький написал: «...в настоящее время Ваша книга не найдёт издателя. Не тем заняты люди, не этого хотят. Издательство, в к-ром участвую я, — не издаёт пока беллетристических произведений. <...> Нет ли у Вас намерения написать небольшой хороший рассказик? Присылайте в “Летопись”» (54, 206–207). Молодой автор прислал рассказ «Жабья жизнь», который сразу же был напечатан — во втором номере «Летописи» за 1916 г. Через год А.Е. Новосёлов прислал большое произведение — повесть «Беловодье». Горький, несмотря на огромную занятость, ответил автору:

«Александр Ефремович, —

так как через день я должен уехать из Питера, — у меня не хватает времени просмотреть рукопись Вашу до конца. Но, может быть, те заметки, которые я успел сделать, помогут Вам придать ей большую внутреннюю стройность, сжатость, образность, а — главное — изменить её общий тон, лишённый плавности спокойного рассказа.

Ведь Вы изображаете людей мыслящих медленно, чувствующих тяжело, а не городских неврастеников, людей с душою, изодранной в клочья, чьи мысли скользят по поверхности явлений.

Ваша повесть о суровых людях требует эпического спокойствия, внутренней сжатости.

Переделав её — присылайте. Или напечатаем в “Летописи”, или передам “Вестнику Европы”» (24, 142).

Повесть «Беловодье» напечатала «Летопись». Её автора в сентябре 1917 г. назначили акмолинским областным комиссаром Временного Сибирского правительства. А ровно через год А.Е. Новосёлов, обвинённый в бездействии, был арестован по приказу начальника Омского гарнизона В.И. Волкова и вскоре погиб при невыясненных обстоятельствах.

Р.П. Кумов привлёк к себе внимание сборником рассказов и очерков «В Татьянину ночь» (СПб., 1913). Горький откликнулся на книгу рецензией, в которой говорилось: «В первом рассказе этой маленькой и непомерно

дорогой книжки учитель Воронков, человек женатый, многодетный, нездоровый и замученный жизнью, на последние деньги выписывает путеводители и составляет маршруты путешествий в Китай, Австралию, Египет. <...> Есть в этом что-то правдиво русское, нелепое и жалкое, но ещё более — подражание Чехову, не только в выборе темы, но и в языке. Следующий рассказ — “Казнь” ещё более утверждает в том, что г. Кумов сильно зависит от Чехова; это, конечно, хорошая зависимость, у Чехова есть чему учиться, но г. Кумов не столько учится, сколько “списывает”, большинство его рассказов — копии, не всегда слабые, они все не нужны и вызывают чувство досады. Досады, потому что у г. Кумова несомненно есть свои темы, свои слова, своё — хорошее. <...> Как видит читатель, маленькая книжка Романа Кумова вызывает надежду, что, если автор отнесётся серьёзно к своему дарованию, признаки которого несомненны в нём, то, может быть, в лице Романа Кумова русская демократия найдёт писателя-друга, верного свидетеля правды, художника, умеющего писать картины трудной её жизни» (58). Надеждам, о которых не без основания говорил Горький, их подкрепили напечатанные в «Летописи» рассказы Р.П. Кумова «Завещание» (1917. № 1) и «Мамаша с Перекопских гор» (1917. № 7/8), сбыться не удалось. Писатель, совсем ещё молодым, умер от сыпного тифа 5 марта 1919 г. в Новочеркасске. За год до смерти он отправил Горькому письмо из станицы Усть-Медведицкая:

«9/II 1918.

Дорогой Алексей Максимович!

Царапаю Вам это послание с Дона, который стал за эти последние месяцы, увы, не тихим и не синим. Царапаю с большим желанием, чтобы Вы получили это моё послание, но почти без всякой надежды, что моё желание это будет исполнено. Почта у нас неопишимо неаккуратна!

Что у нас, в степях донских, делалось эти месяцы, Вы, вероятно, знаете уже. И я не буду писать об этом, потому что это очень тяжело мне. Зараза плохой русской внутренней политики и подлого политиканства проникла и в наши девственные места и произвела опустошение бóльшее, чем чума и холера: всюду кровь, злоба, подозрительность, звериные крики и звериный вой. Будь она проклята — та политика!

Но мы здесь, на земле, не падаем духом. Пожалуй, даже наоборот: мы тут, на местах, приходим мало-помалу к заключению, что наступает момент решительнейших усилий в борьбе с политической моровой язвой. Но я думаю, что бороться с теперешней российской геенной огненной можно не политическим путём, а общекультурным. Ошибка сознательных элементов в России сейчас в том, что они пытаются кого-то убедить, когда этот кто-то в полном горячечном беспамятстве. Надо не убеждать, а лечить. Россия сейчас уже не митинг, а собрание заболевших психически людей. Надо, по возможности, постараться успокоить российского человека. Надо отвести его болезненно загнивающий взгляд от точки, на которой он заболел, на другие

предметы, которых так много в мире и о которых современный русский человек совершенно забыл. Особенно надо напомнить ему о других, высших интересах. Надо же, чтоб над оземленившейся до цинизма и до трагизма Россией появился, наконец, животворящий дух!

Возможно, что я ошибаюсь, но мне кажется, что единственный путь к спасению нашей родины — путь напряжённейшей одухотворённой культурной работы. Пускай кое-кто продолжает и дальше разжигать в нашем тёмном русском человеке зверя, — мы, в противовес ему, будем стараться укрепить в новоявленном гражданине человека. И я глубоко верю, что победа будет на нашей стороне, а не на стороне наших противников.

Я приведу два маленьких эпизодика: летом, на одном концерте с участием политических ораторов, по моей просьбе, выступил один педагог с рассказом Л. Толстого — “Чем люди живы”, и я видел, и видели все, что победил Толстой с своим словом о любви, а не те, кто звал к пролитию крови. Другой эпизод: поставили Ваше “На дне” в народной аудитории накануне митинга, который обещал быть особенно кровавым. И даю Вам честное слово, что на другой день, на этом митинге, я видел у самых неистовых ораторов какое-то смущение, и не было произнесено ни одного этого дьявольского слова с призывом лить кровь, как воду.

Вот как философствуют на разорённом Дону некоторые людишки из “Летописи”! Одно жаль, — как-то в разбивку идёт эта работа, надо бы артелью! Подымайте-ка! Чистый хороший человек, зов: кто ещё верит на св. Руси в человека! Собралась бы ватага не малая, я думаю!» (58).

Говоря об отделе прозы, нельзя не сказать о переводчиках, сотрудничавших с «Летописью». М.П. Благовещенская перевела для журнала два романа: датского писателя М. Гольдшмидта «Еврей» (1916. № 1–4) и немца Э. Штильгебауера «Inferno (Ад)» (1917. № 2/4). «Парус» выпустил отдельным изданием переведённого ею «Еврея» (Пг., 1918). А.Ф. Даманская, чей талант беллетриста полностью раскрылся после отъезда писательницы за границу в 1920 г., перевела роман шотландца Дж. Барри «Белая птичка» (1917. № 1–6). Его отдельное издание в 1918 г. выпустил «Парус». В её же переводе издательство планировало выпустить книгу Р. Роллана «Над схваткой» (с несколько изменённым названием — «В стороне от схватки» — книгу в 1919 г. выпустило издательство Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов). К.М. Жихарева, жена В.Я. Шишкова, перевела с испанского два рассказа М. Сьерра — «Приключение» (1915. № 1) и «Благословенная весна» (1917. № 7/8). «Парус» выпустил в её переводе работу французского историка Ж. Тьерсо «Празднества и песни Французской Революции» (Пг., 1917). М.Ф. Ликиардопуло перевёл рассказ американца Дж. Лондона «По ту сторону “Щели”» (1917. № 1) и роман англичанина Г. Уэллса «Мистер Бритлинг пьёт чашу до дна» (1916. № 7–12), который «Парус» выпустил под изменённым названием «Мистер Бритлинг и война» (Пг., 1918). Н.Я. Тасин

перевёл роман француза П. Милля «Монарх» (1916. № 6–8), выпущенный в том же году «Парусом».

Особо скажем о Ю.А. Желябужском, сыне М.Ф. Андреевой. Он перевёл для «Летописи» рассказы двух французских писателей: Пьера Луиса (Люиса) — «Отчаявшаяся» (1916. № 11), Реми де Гурмона — «Диана», «Случай с королём», «Монах» (1916. № 12). «Парус» заказал ему перевод романа французской писательницы Сидони-Габриэль Колетт, выступавшей в печати под псевдонимами Колет Вилли и просто Вилли. 3 (16) января 1918 г. Юрий Андреевич сообщил матери: «Между прочим: “Парус” в московских газетах усиленно печатает объявления, причём анонсирует новые книги, но среди них о Вилли “Среди животных мира” — ни слова, а мне уж очень бы обидно было бы, если мой перевод пропадёт, тем более что он мне был заказан. Если они не собираются вообще его напечатать, то, быть может, мне бы удалось его где-нибудь в другом месте издать. Хотя, конечно, мне было бы куда приятнее, если бы издал его всё-таки “Парус”. Тем более, что я у них всё-таки и аванс взял, а возвращать его мне было бы сейчас не очень по душе. Поговори с Гржебиным и Ив. Павл. [Ладыжниковым], ведь Алёше (Горькому. — Е.Н.) эта книга очень нравилась, и перевод он мой хвалил, сдал я его ровно год тому назад, и её (книгу. — Е.Н.) хотели ещё к Пасхе выпустить. Я понимаю, что издать с иллюстрациями, как хотели, теперь, вероятно, нельзя, ну так просто прилично издайте, и за то скажу спасибо» (59).хлопоты М.Ф. Андреевой не увенчались успехом. 1 сентября 1918 г., когда «Парус» уже прекратил своё существование, сын сообщил ей: «Вчера мне Гржебин прислал твою цидульку и деньги <...> Я тебе, кажется, уже писал, что Вилли я, через Леонида (Л.Б. Красин. — Е.Н.), устроил в “Землю” и она, вероятно, месяца через 1 ½ — 2 выйдет» (60). Сборники «Земля», куда Ю.А. Желябужский передал свой перевод, выпускало «Московское книгоиздательство». Последний, 20-й, сборник увидел свет в 1917 г. Роман Вилли так и не был тогда опубликован по-русски.

Молодые талантливые авторы, позднее заставившие о себе говорить, были не только в отделах поэзии и прозы. Мы можем назвать блистательную Ларису Рейснер (61), очень рано ушедшую из жизни (она умерла от тифа 9 февраля 1926 г. в возрасте 30 лет), друзей и соратников Владимира Маяковского по работе в «Лефе» — Осипа Брика и Виктора Шкловского¹⁰. Старший брат прославившегося позднее литератора, Владимир Шкловский, менее известный, может быть, только потому, что 24 ноября 1937 г. его расстреляли чекисты, также был автором «Летописи»¹¹.

В помещении редакции журнала работал своего рода литературный клуб, привлекавший к себе юные дарования. С.С. Дубнова-Эрлих вспоминала: «Редакция была клубом, в котором живо обсуждались события дня. В тесных прокуренных комнатах постоянно толпилась разношёрстная публика: здесь можно было встретить и начинающего писателя, нервно мнущего в руках ру-

копись, и партийца, недавно вернувшегося из ссылки, и заводского рабочего, и типичного русского странника, беспокойного искателя правды: все ждали возможности завладеть вниманием редактора и поговорить с ним по душам» (61, 161). Общение с посетителями клуба помогало Горькому отбирать способных авторов для своего журнала.

В составленном при участии Горького заявлении «О программе “Современника”» (1912. № 11) большое внимание уделено межнациональным отношениям. В ходе войны они ещё более обострились. Власть свои поражения на фронте стала объяснять предательской деятельностью в прифронтовых областях представителей национальных меньшинств, прежде всего, евреев. Чтобы отвести эти необоснованные обвинения, Горький и другие представители прогрессивной общественности решили создать «Русское общество для изучения жизни евреев». Е.А. Динерштейн пишет: «Учредительное собрание Русского общества для изучения еврейской жизни состоялось 12 декабря 1915 г. Председателем его комитета стал городской голова Петрограда граф И.И. Толстой, археолог и нумизмат. Товарищем председателя — Горький; членами акад. Д.Н. Овсяннико-Куликовский, А.В. Карташов, проф. В.И. Семевский, проф. М.В. Бернацкий, член городской думы Н.В. Некрасов, издательница А.М. Калмыкова и Н.И. Коробка. На этом же собрании было создано несколько комиссий, основной из которых являлась художественная. Её возглавлял директор Эрмитажа гр. Д.И. Толстой, а секретарём был избран З.И. Гржебин. В её задачи входили издательская деятельность и устройство выставок и литературно-художественных вечеров» (62, 160).

Работа в обществе, как и деятельность по созданию Российской радикально-демократической партии, требовала от Горького, чтобы он шёл на компромиссы, в чём-то отступал от своих убеждений. 15 (28) декабря 1914 г. писатель сообщил Е.П. Пешковой: «Ты, вероятно, скоро будешь удивлена, увидев мою подпись рядом с именами людей, очень чуждых мне: Андреева и Сологуба! Каково? Мы затеваем анкету по вопросу об антисемитизме, — а? Не веришь? Может быть, даже и более того затеем» (54, 141). Горький имеет в виду создание «Русского общества для изучения жизни евреев». То, для чего было создано общество, в его понимании, Горький изложил в письме к редактору журнала «Еврейская жизнь» Л.Б. Яффе от 22 февраля (ст. ст.) 1916 г.: «Основная цель О-ва — борьба против антисемитизма и антисемитов. “Изучение” — псевдоним, необходимый нам на первое время» (24, 24). Упомянутая в письме к Е.П. Пешковой «Анкета об евреях (открытое письмо к публике трёх русских писателей)», подписанная Л.Н. Андреевым, М. Горьким и Ф.К. Сологубом, была напечатана в газете «Биржевые ведомости» 3 (16) февраля 1915 г. Отклики на анкету Горький обобщил в своём докладе «По поводу одной анкеты», прочитанном 12 (25) декабря 1915 г. в «Русском обществе для изучения жизни евреев». Текст доклада опубликовала «Летопись» — в № 1 за 1916 г.

«Парус» разжиганию межнациональной розни в стране противопоставил выпуск сборников национальных литератур. Два таких сборника — «Сборник армянской литературы» (редактор Горький) и «Сборник латышской литературы» (редакторы В.Я. Брюсов и Горький), вышедшие в 1916 г., — стали первыми книгами издательства (в 1915 г. «Парус» ни одной книги не выпустил). В том же 1916 г. вышли уже называвшиеся выше книги: поэтический сборник Владимира Маяковского «Простое как мычание» и повесть французского писателя Пьера Милля «Монарх», а также публицистический сборник Горького «Статьи 1905–1916 гг.» (2-е, доп., изд. Пг.: Парус, 1918).

Горький и З.И. Гржебин разошлись в конце 1906 г. — после того, как Горький потребовал от З.И. Гржебина вернуть рукопись очерка «9-е января», текст которого уже был набран для выпускаемого «Шиповником» «Историко-революционного альманаха». Совместная работа в «Русском обществе для изучения жизни евреев» помирила писателя и издателя. В 1916 г. руководство «Паруса» пополнилось ещё одним человеком, энергичным, с предпринимательской жилкой, имеющим богатый опыт издательской деятельности, — З.И. Гржебиным. Его организационный талант особенно ярко проявился при издании и распространении газеты «Новая Жизнь», как и журнала «Летопись», тесно связанных с «Парусом».

1916 г., фактически, был первым годом работы «Паруса» (в 1915 г. вышла только первая, пробная, книжка журнала «Летопись»). Чёткого плана действий не существовало. Только осенью этого года был выработан документ, определявший, что должно делать издательство в ближайшем будущем¹²:

ПРОГРАММА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПАРУС» на 1917 г.

Ставится цель —

создание универсального книгоиздательства, которое внесло бы в хаос книжного рынка возможное упорядочение, как важнейшее — в смысле правильной организации распространения книги, в смысле улучшения и удешевления изданий, так и внутреннее — в смысле необходимости придать делу книгоиздания определённый социально-педагогический характер.

Являясь с коммерческой точки зрения предприятием строго деловым, книгоиздательство сознательно ставит перед собою цели общественно-воспитательные, при чём имеется в виду обслуживать, главным образом, демократические слои общества.

Раздел II. ИССЛЕДОВАНИЯ

I. КНИГИ ДЛЯ КРЕСТЬЯН.

Издать 30 брошюр, в которых самым популярным языком описать явления окружающей крестьянина природы, жизнь животных и растений, условия крестьянского быта, роль в нём женщины, семьи, экономические, правовые и моральные основы деревни. Дать образцы духовного творчества, как народного, так и литературного (сказки, песенники и произведения литературные).

Объём брошюры 32 стр., в красочной обложке.

Цена 10 коп. Завод 20000 экз.

Составители отдела: М. Горький, А.М. Калмыкова, кружок педагогов при Народном Университете имени Л.И. Лутугина и др.

II. КНИГИ ДЛЯ РАБОЧИХ.

А) 30 брошюр культурно-просветительного характера, посвящённых выяснению экономических, культурных и политических условий положения рабочего класса как в России, так и за границей (рабочие в Англии, Германии, Америке, Франции и т.д.).

Размер брошюры 2,5 листа. Цена — 40 коп.

Завод 5000 экз.

Редактора: М. Горький, М. Покровский.

В) *Энциклопедия рабочего.*

Серия популярных книг по естественным наукам, социологии, политической экономии, истории культуры, религии и искусства — 50 томов.

Размер — 10–15 листов. Цена — 1 р.

Завод 5000 экз.

В 1917 г. предполагается выпустить 10 томов.

С) *Сборники пролетарских писателей* под ред. М. Горького и А. Сереброва, А. Чапыгина.

[Размер] 20–15 листов. Цена — 1 р.

Завод 5000 экз.

В 1917 году будут напечатаны 2 сборника.

III. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ.

Сборники литератур, под ред. В. Брюсова и М. Горького:

“Латышский” 3000 экз. (Ц. 3 р. 50 к.)

“Финляндский” 3000 “ (Ц. 3 р. 50 к.)

“Украинский” 2 тома по 3000 “ (Ц. 3 р. 50 к.)

“Литовский” 3000 “ (Ц. 3 р. 50 к.)
“Еврейский” 2 тома по 3000 “ (Ц. 3 р. 50 к.)
“Татарский” 3000 “ (Ц. 3 р. 50 к.)
Все сборники по 25 листов.

IV. ДЕТСКИЙ ОТДЕЛ

под редакцией А. Бенуа, М. Горького и К. Чуковского.

1. *Азбука* Добужинского, текст С. Чёрного, в красках (цена 3 руб.).

2. *Сказки*:

- а) А. Бенуа. Мальчик с пальчик. Перро.
- б) Нарбут. Дюймовочка. Андерсена.
- с) В. Ходасевич. Золотая птица. Гримма.
- д) Г. Симберг. Два острова. Финская сказка.
- е) Добужинский. Свинопас. Андерсена.
- ф) Шухаев. Воробьишко. М. Горького.

Кроме этого, будут выбраны 4 таких же сказки.

Всего — 10 тетрадей. Цена — 1 р.

Завод 5000 экз.

3) *Альманах* Радуга для маленьких детей.

Участвуют *художники*: А. Бенуа, В. Добужинский, Радаков, Ре-Ми, Чехонин, Митрохин, Судейкин, Чемберс, Замирайло, В. Ходасевич и др.;

писатели: М. Горький, А. Куприн, К. Бальмонт, А. Блок, Ремизов, С. Чёрный, К. Чуковский, Горянский, Моравская и др.

Неизвестная песенка Лядова.

Цена 3 руб.

Завод 5000 экз.

4) *Музыкальный альманах*.

Иллюстрированное издание детских песен, под ред. В. Каратыгина. Из произведений Лядова, Каратыгина, Гречанинова, Нурок, Ц. Кюи и др.

Цена 3 руб.

Завод 5000 экз.

5) *Сборник игр и спорта* для маленьких детей, иллюстрированное издание.

Рисунки Чемберса.

Цена 3 руб.

Завод 5000 экз.

6) *Занятия и развлечения* для детей среднего возраста, под редакцией А. Пинкевича.

а) Беспроволочный телеграф.

б) Кинематограф.

с) Водяная и ветряная мельница.

д) Аквариум и террариум.

Раздел II. ИССЛЕДОВАНИЯ

- е) Фотография.
- ф) Змеи, воздушные шары и аэропланы.
- і) Волшебный фонарь.

Цена 1 рубль.

Завод 5000 экз.

7) *Маленький естествоиспытатель*, под редакцией А. Пинкевича.

- а) Физика.
- б) Химия.
- с) Ботаника.
- д) Зоология и
- е) Астрономия.

Цена 1 р. 50 коп.

Завод 3000 экз.

8) *Знание и труд* (жизнеописание замечательных людей), под редакцией М. Горького.

- а) Эдиссон, соч. Уэлса,
- б) Бетховен, “ Ромэн Роллана,
- с) Колумб, “ Нансена,
- д) Моисей, “ Бялика,
- е) Дарвин, “ Тимирязева,
- ф) Гарибальди, “ М. Горького

Цена 1 р. 50 коп.

Завод 5000 экз.

9) *Книги для детей среднего возраста.*

Пересказы. Переводы. Оригинальные произведения с иллюстрациями.

- а) Вильгельм Телль.
- б) Робин Гуд.
- с) Айвенго. В. Скотта.
- д) Джемиссон.
- е) Д. Дефо. Робинзон Крузо.
- ф) Чехов. Избранные рассказы с иллюстрациями Ре-Ми.
- ж) Д. Лондон. Избранные рассказы и ещё 8 таких же книжек.

Цена 2 р.

Завод 5000 экз.

V. ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРЫ.

1. Библиотека романов.

Издать 20 книг из отдельных произведений русских и иностранных писателей.

Из них намечено:

- а) Гольдшмидт. Еврей. Ц. 1 р. 50 к. — 14 листов. 5000 экз.

- б) Уэллс. М-р Бритлинг и война. Ц. 2 р. — 20 л. 3000 экз.
- с) Вилио Фенрис. Финансовая повесть. Ц. 1 р. 3000 экз.
- д) К. Вилли. Мор среди животных, с иллюстрациями Шухаева.
- е) М. Горький. В людях. Ц. 2 р. 22 лист. 10000 экз.
- ф) В. Шишков. Тайга. Ц. 2 р. 19 лист. 3000 экз.

2. *Собрания сочинений.*

- а) Э. Верхарна. 8 томов, под ред. В. Брюсова.
- б) А. Франса.
- с) М. Пришвина. 6 томов и др. авторов.

3. *Альманах русской и мировой литературы.*

15 листов. Цена 2 рубля. 10000 экз.

В 1917 году предполагается выпустить 1 альманах под ред. М. Горького.

VI. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ СОВРЕМЕННОСТИ (для интеллигенции).

Серия книг в 60 томов, в виде монографий по отдельным отраслям знаний, знакомящая читателей с современным состоянием наук естественных, экономических и социальных.

Большинство книг — переводы с аналогичных английских и французских энциклопедий.

В 1917 году будут изданы 5 томов. Цена 2 р.
Завод 5000 экз.

VII. ИСКУССТВО.

Вазарий. 6 томов, с иллюстрациями. Ред. А. Бенуа.
В 1917 году — подготовительные работы.

VIII. РАЗНЫЕ КНИГИ.

Из них уже намечены:

- а) М. Горький. Статьи. 14 листов. Ц. 2 р. 5000 экз.
- б) Тимирязев. Статьи. 20 листов. Ц. 2 р. 50 к. 2000 экз.

Всего же за год предполагается издать:
60 брошюр и около 100 книг разного размера. (64)

Данную программу даже в условиях мирного времени невозможно выполнить за один год. Она свидетельствует о том, что Горький был увлекающимся человеком, что ему было свойственно строить грандиозные планы. При этом писатель не всегда задумывался, насколько они выполнимы. Позднее аналогичным будет составленный при участии Горького и изданный с его вступи-

тельной статьёй «Каталог издательства “Всемирная литература” при Народном комиссариате по просвещению» (Пб., 1919).

Самый большой раздел программы — издания, предназначенные для детей. Лишённый счастливого детства, писатель стремился детей того времени сделать как можно более счастливыми. В этом отношении показательна дневниковая запись, сделанная А.Н. Бенуа 30 октября (12 ноября) 1916 г.: «В 4 ч. у меня заседание насчёт издания детских книжек, устроенное по всем правилам за столом, покрытым красным сукном (взята занавеска из нашей спальни, из которой мы уже несколько дней как перебрались в более тёплую комнату внизу). Горький почти не принял участия в обсуждении плана, а целых полтора часа с жадностью разглядывал иностранные детские книжки, которых я навалил целую кучу. Не такие-то книжки Алексей Максимович видел во дни *своего* детства! Откуда и эта “волчья жадность”, а подчас и удивительно наивные замечания...» (64, 35).

Проследим за рождением книжки, предназначенной, как сказано в подзаголовке, «для маленьких детей». Её сначала хотели назвать «Радуга», но процесс создания сборника затянулся до января 1918 г., и читатели прочли на обложке другое слово: «Ёлка». 30 января (12 февраля) 1917 г. А.Н. Бенуа записал в дневник: «Поздно вечером заехал Гржебин с материалом для “Радуги”. Ужасные по пошлости рисунки Реми к не менее пошлomu стихотворению “Цирк” Саши Чёрного. И Горький, и Гржебин, однако, в восторге от них. Полная неразбериха. Глубокое несоответствие в основных наших вкусах! “Культурная пропасть”. Как раз рисунки Анненкова мне нравятся, а им нет» (65, 94). Через две недели, 4 (17) февраля, художник записал: «Отправил Гржебину обстоятельное письмо с выяснением моих “вкусовых требований” и с категорическим запрещением помещать в “Радуге” ужасные рисунки Реми. Вскоре по телефону ответ. Он со всем согласен, а Горький не только не обижен, но глубоко *тронут* моей *неуступчивостью*» (65, 97). Вот что написал А.Н. Бенуа своему другу-издателю 4 (17) февраля 1917 г.:

«Дорогой Зиновий Исаевич,

нет ничего хуже, как в самом начале какого-нибудь дела возникают недоразумения, которые остаются без выяснения. Считаю своим долгом по любви к Вам и по сочувствию к издательству, в котором мы с Вами сотрудничаем, сообщить Вам, что уже такие недоразумения успели между нами возникнуть и что лишь по слабости характера, по усталости от ссор и отставок, я не обнаружил их сразу, а если и обнаружил, то без достаточной силы протеста. Тем более важно с этими недоразумениями покончить, что они принципиального характера и могут очень дурно повлиять на весь дальнейший ход дела. Вы меня в него буквально “втянули”, в этом я усматриваю, что Вы считаете меня очень нужным для дела, и я должен предположить, что нужен я Вам сам, а не та чепуха, которая называется “именем”. Но это обязывает Вас к тому, чтоб

получать от “меня самого” действительно всё то, что во мне содержится. Да и я должен себя давать без утайки! <...>

Длинное это предисловие покажется Вам странным, если я после него перейду к “Цирку” Саши Чёрного и Реми, к стихам и рисункам, которые я, вдобавок, “принял”. Но этот частный и мелкий вопрос таит большой смысл. Помните, как я всё время глядел в лес, помните, каким натянутым я сидел на заседаниях в “Парусе”. Дорогой мой, не по душе, мне что<-то> такое в русской культуре, чего я никак не могу принять и что, как только оно появляется, повергает меня в самое тяжкое уныние. Не могу выносить мелкого беса, Передоновщины, смеха го-го, фуражку на затылок, какую-то специфическую нашу форсистость и удаль. Я и Горького когда-то не любил за эту самую черту, которой больше у него нет и без которой он стал мне мил лично, а не по “чину великого писателя”. Дорогой мой, только не это!.. Всё, что хотите. Пусть будет Дюймовочка Нарбута, пусть будет футуризм Анненкова, пусть трафарет Радакова, но только бы не видать в книжке, которая идёт под моей редакцией, эту российскую пошлятину, которую я ненавижу, пожалуй, даже более, нежели пошлятину английскую, французскую и немецкую, ибо в ней есть что-то жуткое, пошлятина дьявола» (65, 523–524).

В результате в сборник вошло другое стихотворение Саши Чёрного — «Трубочист», проиллюстрированное рисунками не Реми (псевдоним Н.В. Ремизова), а В.В. Лебедева.

В сборнике «Ёлка» приняли участие художники — Ю.П. Анненков, А.Н. Бенуа, М.В. Добужинский, В.Д. Замирайло, В.В. Лебедев, Б.П. Попов, И.А. Пуни, А.А. Радаков, И.Е. Репин, В.М. Ходасевич, С.В. Чехонин и писатели — К.Л. Богуславская, В.Я. Брюсов, Н. Венгров, М. Горький, С.С. Дубнова-Эрлих, Н. Любавина, М.Л. Моравская, А.Н. Толстой, В.Ф. Ходасевич, Саша Чёрный, К.И. Чуковский. Для детей «Парус» также успел выпустить сказку Горького «Воробышко» (Пг., 1917), но с иллюстрациями не В.И. Шухаева, как планировалось, а Реми, а также книги двух английских писателей — переведённый З.Н. Журавской роман В. Скотта «Айвенго» (Пг., 1918), в оформлении В.В. Лебедева, и переложённую на русский язык М.Б. Чуковской историческую повесть Г. Маршала «Вильгельм Телль и его товарищи» (Пг., 1918), проиллюстрированную Ю.П. Анненковым¹³.

Из заявленного в первом разделе программы — «Книги для крестьян» — «Парус» не выпустил ничего.

Лучше обстояло дело с изданиями второго раздела — «Книги для рабочих». По пункту «С» под редакцией М. Горького, А. Сереброва (А.Н. Тихонова) и А.П. Чапыгина вместо заявленных двух в 1917 г. вышел один «Сборник пролетарских писателей». По пункту «В» вместо «50 томов» в 1917 г. вышло только две книги: «Празднества и песни Французской Революции» Жюльена Тьерсо (в переводе не Г.А. Алексинского, а К.М. Жихаревой) и «Как жили люди в старину: очерки первобытной культуры» Д.Н. Кудряв-

ского. По пункту «А» в 1918 г. вышли 4 книги серии «Европа до и во время войны»¹⁴.

Что должны раскрыть в своих работах авторы серии, Горький изложил в записке «Государства Западной Европы перед войной». В ней говорилось:

«Основная и скрытая цель войны — стремление к захвату и разделу материков Азии и Африки. <...>

Пагубная роль финансового капитала. <...>

Не отрицая планетарно культурной роли промышленного капитала, постепенно организующего всё человечество земли, следует составить обвинительный акт против капитализма как возбудителя катастрофы, переживаемой миром, и указать, что анархическая деятельность капитала не может не хранить в себе зародышей подобных катастроф» (66, 173).

Редактором серии 20 сентября (3 октября) 1915 г. Горький попросил статью М.Н. Покровского:

«Дорогой и уважаемый Михаил Николаевич,
позвольте обратиться к Вам с нижеследующей просьбой:

В Петрограде образовалось книгоиздательство, задачи коего Вам, надеюсь, ясны, если Вы прочитаете прилагаемые программы брошюр, которые книгоиздательство желало бы заказать сведущим людям. <...> Мы полагаем, что Вам легко найти авторов, вполне способных разработать данные темы, способных написать удобопонятно для русской демократии. <...>

Было бы идеально хорошо, если бы Вы взяли на себя труд общей редакции всех брошюр» (54, 189).

М.Н. Покровский, принявший предложение Горького, позднее вспоминал:

«...я получил в Париже письмо от М. Горького, где мне предлагалось организовать силами заграничных литераторов серию брошюр под названием “Европа до и во время войны”. Серия должна была дать понятие “самым широким кругам” (читай: рабочим) о том, кто такие наши союзники и наши противники в войне. И понятие о смысле самой этой войны, конечно: об этом в письме, прошедшем военную цензуру, сказано не было, но это было ясно из всего его содержания. <...>

Мы живо разобрали конкретные темы — характеристики отдельных стран. А.В. Луначарский должен был писать об Италии, т. Зиновьев — об Австро-Венгрии, я вместе с т. Лозовским — о Франции; Англию пытались взвалить на А.Ф. (правильно: Ф.А. — Е.Н.) Ротштейна, но он отказался, и брошюру написал Херасков, чуть было не сказал: “покойный”. Тогда это был казавшийся очень стойким большевик, а теперь сотрудник “Современных Записок”... Для Германии в самом письме указывался т. Ларин, но до него очень трудно оказалось добраться, и мы списались окончательно только перед самой Февральской революцией, которая, конечно, упразднила всю серию. Теперь можно и нужно было писать не о том, и не так...

Брошюры, впрочем, вышли (к ним присоединились ещё брошюры т. Павловича о внеевропейских странах) и даже переиздавались советскими издательствами» (67, 23–25).

Первой пришла рукопись от А.В. Луначарского. Но её качество не удовлетворило Горького. 2(15) апреля 1916 г. он написал М.Н. Покровскому: «Получена работа Луначарского “Италия и война”. Автор неясно представляет себе читателя. Он пишет такие слова, как “либерализация”, “конъюнктура”, “аспект” и рядом с ними “вместо ура — караул”, “нашла коса на камень”. Это — два разных стиля, они отрицают друг друга и кладут на работу отпечаток некоторой несерьёзности, игривости. Хотелось бы иметь работы, написанные спокойно, солидно, без фельетонных украшений» (24, 43). В результате книга «Италия и война» вышла в 1917 г. не в «Парусе», а в петроградском издательстве М.А. Ясного.

Не устроило «Парус» и качество работы Г.Е. Зиновьева «Австрия и мировая война». Её в 1918 г. выпустил Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов.

М.Н. Покровский вместе с А. Лозовским (он — автор 4-й главы) написал книгу «Франция до и во время войны», качество которой, как и работы И.М. Хераскова «Англия до и во время войны», удовлетворило издательство. Также не вызвал претензий и отредактированный М.Н. Покровским труд Л. Владимировой (М.К. Шейнфинкеля) «Война и Балканы».

Востоковед и публицист Михаил Лазаревич Вельтман, выступавший в печати под псевдонимом *М.П. Павлович*, был тесно связан с «Летописью». В журнале были напечатаны его статьи «Румыния в современном международном конфликте» (1915. № 1), «Две династии» (1916. № 3), «Военная индустрия и заводы Шнейдера во Франции» (1916. № 4), «Военные бюджеты держав накануне войны» (1917. № 1), «Проблемы войны и мира» (1917. № 7/8). Для «Паруса» М.Л. Вельтман, как свидетельствует М.Н. Покровский, написал несколько работ, но издательство смогло выпустить только одну — «Азия и её роль в войне». Другие работы, по всей видимости, были переданы в образованное в августе 1918 г. издательство «Коммунист»¹⁵ (об этом подробнее будет сказано ниже).

Из заявленных в «Национальном отделе» сборников в 1917 г. вышел только один — отредактированный В.Я. Брюсовым и Горьким «Сборник финляндской литературы». Ранее, в 1916 г., как уже было сказано, увидели свет армянский и латышский сборники.

Наиболее благополучным оказалось дело в «Отделе литературы». Из намеченных шести книг «Библиотеки романов» увидели свет пять. В 1917 г. — «финансовая повесть» немецкого писателя В. Ферсхофена «Волк Фенрис». В 1918 г. — романы датчанина М. Гольдшмидта «Еврей» и англичанина Г.Дж. Уэллса «Мистер Бритлинг и война», повести М. Горького «В людях» и В.Я. Шишкова «Тайга». Шестая книга — роман К. Вилли — была переведена

Ю.А. Желябужским, но сложная экономическая ситуация в стране помешала ей увидеть свет.

Из заявленных в программе собраний сочинений «Парусу» не удалось выпустить ни одного. Увидел свет в 1917 г. только последний том отсутствующего в ней 10-томного Собрания сочинений И.А. Бунина.

Начатая «Парусом» работа по подготовке «Альманаха русской и мировой литературы» помогла Горькому выпустить вышедший под его редакцией в 1918 г. в издательстве С.М. Нонина «Альманах мировой литературы».

Не вышло ни одного тома «Энциклопедии современности», как и труда известного итальянского историка искусства Дж. Вазари «Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих».

Отдел «Разные книги» в конце 1916 г. выпустил уже называвшийся публицистический сборник Горького «Статьи 1905–1916 гг.», а в 1918 г. — брошюру К.А. Тимирязева «Красное знамя: Притча учёного».

Шёл 1917 г. Продолжалась империалистическая война. Вопрос о скорейшем заключении мира был для Горького одним из основных. Поэтому писатель в «Парусе» дал слово человеку очень далёкому по социальному положению и по мировоззрению — царскому чиновнику, дипломату, участвовавшему в 1905 г. в заключении мирного договора с Японией, барону Р.Р. Розену. Издательством было выпущено две его брошюры — «Европейская политика России: Доверительный меморандум, составленный летом 1912 года, в предвидении приближения мировой войны и грозящей России катастрофы, и сообщённый правительству в октябре того же 1912 года» и «Мир или война во что бы то ни стало?» В последней брошюре барон предлагал выход из кризисного положения, в котором находилась страна:

«Спасение отечества повелительно требует незамедлительного приискания пути к выходу из нынешнего более чем критического его положения. Такой путь существует, и он для нас ещё открыт, пока явно растущая грозная волна анархии ещё не захлестнула нашей государственности. Поэтому, с вступлением на этот путь, медлить нельзя. Для этого необходимо, прежде всего, отрешиться от всяких высокопатриотических, но, тем не менее, пагубных иллюзий. Необходимо смотреть правде прямо в глаза. Неприкрашенная же правда заключается вот в чём:

Революционный народ, в полном единении с революционными армиею и флотом, **в смутном инстинктивном сознании катастрофального для России значения этой войны, властно требует её окончания в возможно скорейшем времени.**

Лозунг война до конца не соответствует совокупности условий современности» (69, 3).

В 1917 г., особенно после февральских событий, политическая жизнь в России стала развиваться так быстро, что ежемесячный журнал не успевал за нею. Чтобы как-то влиять на происходящее в стране, нужна была ежедневная

газета. Занимаясь её созданием, а потом выпуском (газета получила название «Новая Жизнь»), глава «Летописи» почти перестал уделять внимание журналу. С.С. Дубнова-Эрлих вспоминала: «Придя в редакцию впервые после февральских дней, я сразу почувствовала перемену. Не хватало многих сотрудников: Суханов стал членом Исполкома; Галина Константиновна тоже проводила большую часть времени в Таврическом дворце <...> Горький редко бывал в редакции, и его отсутствие очень чувствовалось. Люди слонялись из угла в угол» (61, 168–169).

«Летопись», фактически, умерла летом 1917 года. Последний номер (№ 9–12) вышел по инерции (необходимо было выполнить обязательства, взятые перед подписчиками). В нём не оказалось привычных разделов: «Литература и искусство», «Иностранная жизнь», «Внутреннее обозрение», «По России», статей по философии и науке. В заметке «От редакции» говорилось: «Хозяйственный развал России, принявший ныне характер социальной катастрофы, с особенной силой и в первую очередь отозвался на организациях и предприятиях, обслуживающих культурные потребности страны: целый ряд журналов и издательств принуждены были за последнее время уменьшить или вовсе приостановить свою работу. Не избежала, к сожалению, этой участи и “Летопись”. Неодолимые технические и хозяйственные затруднения заставили редакцию “Летописи”, после двух лет напряжённой работы, отказаться, на время, от дальнейшего издания журнала» (69).

Заниматься в России издательской деятельностью с каждым днём становилось всё труднее. Однако «Новая Жизнь» оказалась экономически успешным предприятием¹⁶. Она помогала существовать издательству. После закрытия большевиками газеты (последний номер «Новой Жизни» вышел 16 июля 1918 г.) должен был перестать существовать и «Парус», что и произошло.

В это время, в августе 1918 г., в Москве было создано новое издательство — «Коммунист». Часть своего редакционного портфеля (включая, как нам думается, рукописи произведений М.П. Павловича) «Парус» продал «Коммунисту». Такой вывод можно сделать из письма М.Ф. Андреевой И.П. Ладыжникову, написанного осенью 1918 г.:

«В “Коммунисте” мне объяснили, что из “Паруса” в положенное время никто не приходил, вот почему деньги-де “Парусу” и не были уплачены.

Я очень извиняюсь, что мне пришлось из этих пятидесяти тысяч рублей взять временно 30 т. р., т.к. мне сейчас это было крайне нужно, а как только я приеду в Петроград, [деньги верну.] К сожалению, мне пришлось очень задержаться в Москве» (70).

Наше предположение о передаче части рукописей «Коммунисту» основывается также и на том, что «Горький принял активное участие, наряду с И. Скворцовым-Степановым, В. Бонч-Бруевичем и М.М. Ольминским, в работе редколлегии издательства “Коммунист”» (19, 193).

Раздел II. ИССЛЕДОВАНИЯ

20 августа 1918 г. Горький и его коллеги по работе в «Парусе» (З.И. Гржебин, И.П. Ладыжников и А.Н. Тихонов) подписали договор о создании нового издательства «Всемирная литература». А через две недели, 4 сентября, Горький подписал с наркомом А.В. Луначарским документ о том, что «Всемирная литература» становится подразделением Наркомпроса (71). Это давало возможность сотрудникам нового издательства получать производственные пайки, что в условиях того трудного времени было очень важно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ За время первого сближения с «Современником» в журнале были опубликованы следующие произведения Горького: первый, второй, третий и четвёртый рассказы из цикла «Жалобы» (1911. № 1, 3, 5, 9); пятая, шестая и седьмая сказки из цикла «Сказки об Италии» (1911. № 6); очерк «Писатель» (окончательное название «Н.Е. Каронин-Петропавловский») (1911. № 10).

² Мы привели это заявление редакции «Современника» полностью, потому что одним из авторов данного текста является Горький (см.: *Балухатый С.Д.* Литературная работа М. Горького: Список печатных текстов и авторизованных изданий, 1892–1934. М.; Л.: Academia, 1936. С. 187, № 956).

³ За время второго сближения с журналом Горький опубликовал в «Современнике» две статьи из цикла «Издалека» (1912. № 10, 11), «Хронику заграничной жизни» (1912. № 10, 11, 12; 1913. № 3), очерки из цикла «По Руси» — «Губин», «Калинин» и «Кладбище» (1912. № 12; 1913. № 1, 2), повесть «Хозяин» (1913. № 3), несколько рецензий (1912. № 12; 1913. № 1, 7).

⁴ Во время третьего сближения с «Современником» Горький опубликовал в журнале только пьесу «Зыковы» (1915. № 1).

⁵ Газета «День» 17 декабря 1915 г. сообщила, что первая книга «Летописи» «выйдет 18 декабря 1915 г.».

⁶ В «Летописи» напечатаны статьи К. Каутского «Конференция в Готе» (1917. № 5/6), «Перспективы русской революции» (1917. № 7/8) и Л. Мартова (наст. имя Ю.О. Цедербаум) «Кант с Гинденбургом, Маркс с Кантом» (1916. № 3), «Гражданин Густав Эрве. (Страницы из истории французской общественности)» (1916. № 6).

⁷ Письмо В.И. Ленина Горькому от 11 января (н. ст.) 1916 г. Вместе письмом В.И. Ленин послал для издания «Парусом» свою работу «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Выпуск 1. Капитализм и земледелие в Соединённых Штатах Америки».

⁸ Письмо В.И. Ленина Горькому от начала февраля 1916 г. Вместе с письмом была послана рукопись работы Н.К. Крупской «Народное образование и демократия».

⁹ На задней обложке первой книги «Летописи» было напечатано содержание № 1 за 1916 г., в котором опубликованы стихотворения армянского поэта А. Исаакяна в переводе А.А. Блока.

¹⁰ О.М. Брик напечатал в «Летописи» статью «Демократизация искусства» (1917. № 7/8) и несколько рецензий — в № 9, 10, 11 за 1916 г. и в № 1, 7/8 за 1917 г.

Виктор Шкловский поместил в «Летописи» несколько рецензий — в № 11, 12 за 1916 г. и в № 2/4 за 1917 г.

¹¹ Владимир Шкловский напечатал в «Летописи» статью «Из внутренней организации литературно-художественной жизни англосаксонских стран» (1916. № 12) и отзыв о первом томе исследования В. Шишмарёва «Клеман Маро» (1917. № 1).

¹² Программа была составлена после 21 сентября (ст. ст.) 1916 г. (день знакомства К.И. Чуковского с Горьким) и до запуска в производство публицистического сборника Горького «Статьи 1905–1916 гг.», намеченного в программе на выпуск в 1917 г.

¹³ Прочитав рекламное объявление о предстоящем выходе этой книги: «Готовятся к печати: <...> Детские книги. “Айвенго”. Перевод З. Журавской. С новыми иллюстрациями худ. В. Лебедева. “Вильгельм Телль”. Перевод М. Чуковской. С новыми иллюстрациями худ. Ю. Анненкова» (*Кудрявский Д.* Как жили люди в старину: очерки первобытной культуры. Пг.: Парус, 1917. С. 94–95), О.Д. Голубева ошибочно посчитала, что её автором является Ф. Шиллер. «По свидетельству К. Чуковского, — писала исследовательница, — был составлен большой список лучшей детской литературы всего мира для последующего перевода и издания. Однако осуществить удалось очень немногое, ибо издательство вскоре было закрыто. Были изданы (в сокращённом виде) лишь “Айвенго” Вальтера Скотта в переводе Е. (правильно: З. — Е.Н.) Журавской и “Вильгельм Телль” Ф. Шиллера в переводе М. Чуковской» (Книга: Исследования и материалы. М.: Книга, 1966. С. 12. С. 174).

¹⁴ О принадлежности к данной серии книг, которые будут названы ниже, говорится в переписке Горького и М.Н. Покровского, но в выходных данных книг указания на их серийную принадлежность нет, но сказано, что они изданы газетой «Новая жизнь», тесно связанной с «Парусом».

¹⁵ В 1918 г. «Коммунист» выпустил следующие работы М.П. Павловича: «Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего», «Интернационал смерти и разрушения. (Военная индустрия в Англии, Франции и Германии до и во время войны)», «Франция накануне Мировой войны. (Отрывки из дневника политического эмигранта)».

¹⁶ Об этом, в частности, говорит открытие дополнительно к петроградскому московского издания газеты, просуществовавшего с 1 июня по 6 июля 1918 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Переписка с А.В. Амфитеатовым / Подгот. Дикушина Н.И., Доморацкая С.И., Иоффе Ф.М., Коляда Е.Г., Погосова А.Е. // Горький и русская журналистика. Литературное наследство. Т. 95. М., 1988. С. 31–465.
2. *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 8. М.: Наука, 2001.
3. От редакции // Современник. 1911. № 1. С. 3–6.
4. От редакции // Современник. 1911. № 7. С. II–IV.
5. *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 9. М.: Наука, 2002.
6. *Муратова К.Д.* «Современник» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917. Большевицкие и общедемократические издания / Отв. ред. Б.А. Бялик. М.: Наука, 1984. С. 162–201.

Раздел II. ИССЛЕДОВАНИЯ

7. *Заика С.В.* Вступительная статья <Переписка с Е.А. Ляцким> / Подгот. Заика С.В., Дистлер И.В. // Горький и русская журналистика. Литературное наследство. Т. 95. М., 1988. С. 486–496.
8. *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 10. М.: Наука, 2003.
9. Переписка с Е.А. Ляцким / Подгот. Заика С.В., Дистлер И.В. // Горький и русская журналистика. Литературное наследство. Т. 95. М., 1988. С. 496–573.
10. *Никитин Е.Н.* «Хочу в Россию, где всё так чудесно переменилось...». Письма Н.Н. Суханова Горькому // Горький в зеркале эпохи. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 391–424.
11. Современник. 1914. № 11. С. 1.
12. АГ. ФКП-5-1-18.
13. *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 1. М.: Наука, 1997.
14. *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 7. М.: Наука, 2001.
15. *Спиридонова Л.А., Никитин Е.Н., Прополянис Г.Э.* М. Горький и А. Богданов. Неизвестная переписка 1908–1910 гг. // Горький в зеркале эпохи. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 9–160.
16. *Мартов Ю.О., Потресов А.Н.* Письма. 1898–1913 / науч. ред, предисл. и коммент. И.Х. Урилова. М.: Собрание, 2007.
17. *Голубева О.Д.* Два издателя (И.Д. Сытин и М. Горький) // М. Горький и его современники / под ред. К.Д. Муратовой. Л.: Наука, 1968.
18. Переписка с Н.К. Муравьевым / Подгот. И.В. Дистлер // Горький и русская журналистика. Литературное наследство. Т. 95. М., 1988. С. 611–621.
19. *Голубева О.Д.* Книгоиздательство «Парус» (1915–1918) // Книга: Исследования и материалы. Сб. 12. М., 1966. С. 160–193.
20. *Соскин Л.М.* Издательские марки Петрограда — Ленинграда. М.: Новый Свет, Книга, 1995.
21. *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1958. Т. 3. С. 381. См. также: Словарь монограмм советских художников-графиков. М.: ГБЛ, 1962.
22. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1974. Т. 31. С. 48–49, 52.
23. *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 6. М.: Наука, 2000.
24. *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 12. М.: Наука, 2006.
25. АГ. КГ-од 1-40-18.
26. А<лексинский> Г. Путь к победе // Россия и Свобода. 1915. № 1. 29 авг. С. 2.
27. *Алексинский Г.* Война и революция. Пг.: Кн-во Ясного (Попова), 1917.
28. *Дубинская Т.И.* «Летопись» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917: Большевицкие и общедемократические издания. М.: Наука, 1984. С. 202–227.
29. Переписка семьи Ульяновых. 1883–1917. М.: Политиздат, 1969.
30. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч.: В 55 т. / 5-е изд. Т. 49. М.: Политиздат, 1975.
31. *Никитин Е.Н.* Журнал А.М. Горького «Летопись» // Библиография. 2011. № 6. С. 137–147.
32. *Арский Р. (Радзишевский А.Т.)* В Петрограде во время войны // Красная летопись. 1923. № 7. С. 83.
33. Цит. по: *Максимов Д.* Блок и империалистическая война // Литературный современник. 1936. № 9. С. 191–194.

34. Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. / подгот текста и примеч. М.И. Дикман. Т. 8. М.; Л.: ГИХЛ, 1963.
35. Дубинская Т.И. Так начиналась горьковская «Летопись» // Вопросы литературы. 1973. № 6. С. 57–75.
36. Горький — К.А. Тренев / Подгот. В.А. Диев // Горький и советские писатели. Литературное наследство. Т. 70. М., 1963. С. 422–454.
37. Чириков Е.Н. На путях жизни и творчества / публ. А. Ретивова // Наш современник. 1991. № 9. С. 73–87.
38. АГ. КГ-п-26-4-2. В конце письма Л.М. Добронравов приводит выдержки из рецензий М.Ю. Левидова в «Голосе» и «Летописи».
39. Левидов М. [Рец. на кн.: Добронравов Л. Горький цвет. Пг., 1915] // Голос. 1915. № 10. 10 нояб.
40. Левидов М. [Рец. на кн.: Добронравов Л. Горький цвет. Пг., 1915] // Летопись. 1915. № 1. С. 390.
41. Письмо П. Карпова / Подгот. Т.К. Ухмылова // М. Горький. Материалы и исследования. Т. 1. М.; Л., 1934. С. 402.
42. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. / ред. С.А. Розанова. Т. 80. М.: ГИХЛ, 1955.
43. Иванов-Разумник Р.В. [Рец. на кн.: Карпов П. Пламень. СПб., 1914] // Заветы. 1913. № 11. С. 170.
44. Ясинский И.И. [Рец. на кн.: Карпов П. Пламень. СПб., 1914] // Биржевые Ведомости. 1913. № 13807. 17(30) окт.
45. Шарков Вл. [Рец. на кн.: Карпов П. Пламень. СПб., 1914] // Южный Край. 1913. № 11696. 24 окт. (6 нояб.).
46. Блок А.А. Пламень // Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. / подгот. текста и примеч. Д.Е. Максимова и Г.А. Шабельской. М.; Л.: ГИХЛ, 1962. Т. 5. С. 483–484.
47. Карпов П. Пламень // Последний Лель: Проза поэтов есенинского круга / сост., вступ. статья и примеч. С.С. Куняева. М.: Современник, 1989. С. 129–235.
48. Соколов-Микитов И.С. Вячеслав Шишков // Соколов-Микитов И.С. Собр. соч.: В 4 т. / сост. П. Ширмакова; подгот. текста и примеч. А. Гершаника и В. Сажина. Л.: Худож. литература, 1987. Т. 4. С. 172.
49. АГ. Пл-Г 1-34-1.
50. Пасынков Л. Без дела: Повесть // Летопись. 1916. № 6. С. 49–65.
51. Пасынков Л. Из встреч с Горьким // Знамя. 1955. № 3. С. 143–151.
52. Никитин Е.Н. Журнал А.М. Горького «Летопись» // Библиография. 2011. № 4. С. 123–139.
53. Маяковский В. Человек: Вещь. М.: АСИС, 1918.
54. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 11. М.: Наука, 2004.
55. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 13. М.: Наука, 2007.
56. Цит. по: Горький М. [Рец. на кн.: Кумов Р. В Татьянину ночь. СПб., 1913] // М. Горький. Материалы и исследования. Т. 1. М.; Л., 1934. С. 98–101.
57. АГ. КГ-п-41-21-1.
58. АГ. ФМА-кр-4-25-92.

Раздел II. ИССЛЕДОВАНИЯ

59. АГ. ФМА-кр-4-25-99.
60. Рейснер Л. Райнер М. Рильке // *Летопись*. 1917. № 7/8. С. 303–315.
61. Дубнова-Эрлих С. Хлеб и маца / подгот. текста, коммент., послесл., именной указатель Т.В. Ланиной. СПб.: Максима, 1994.
62. Динерштейн Е.А. Синяя птица Зиновия Гржебина. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 160.
63. АГ. КГ-изд-48-3-2.
64. Бенуа А.Н. Мой дневник. 1916–1917–1918 / подгот. текста Н.И. Александровой и Т.В. Есиной; коммент. Н.И. Александровой и А.В. Ревякиной (под общей ред. А.В. Ревякиной). М.: Русский путь, 2003.
65. Александр Бенуа размышляет / подгот. издания, вступ. статья и коммент. И.С. Зильберштейна и А.Н. Савинова. М.: Советский художник, 1968.
66. Горький М. Государства Западной Европы перед войной // Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 24. М., 1953.
67. Покровский М.Н. О Ленине: Сборник статей и воспоминаний. М.: Партийное издательство, 1933.
68. Розен Р. Мир или война во что бы то ни стало? Пг., 1917.
69. От редакции // *Летопись*. 1917. № 9/12. С. 5.
70. АГ. ПТЛ-2-1-101. Часть письма в [] утрачена, её содержание восстановлено по смыслу.
71. Подробнее см.: Никитин Е.Н. Книгоиздательство «Всемирная литература» (1918–1924) // Книга: Исследования и материалы. М.: Наука, 2008. Сб. 89. Ч. 1–2. С.188–214; Там же. М., 2009. С. 90. Ч. 1–2. С. 158–183.

Л.В. СУМАТОХИНА

**«ИСТОРИЯ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА
XIX СТОЛЕТИЯ»:
КОНЦЕПЦИЯ КНИЖНОЙ СЕРИИ,
ВОПЛОЩЕНИЕ ЗАМЫСЛА**

Аннотация

Статья посвящена истории создания книжной серии «История молодого человека XIX столетия». В ней раскрывается идейная суть замысла М. Горького, рассматривается процесс его воплощения в жизнь и результаты этого процесса. Подчеркивается связь концепции книжной серии с мировоззрением писателя и высокая степень значимости для него этого издательского проекта. Раскрыта роль А.К. Виноградова, соредактора Горького, во многом определившая как достоинства, так и недостатки серии.

Ключевые слова

М. Горький, А.К. Виноградов, «История молодого человека XIX столетия», литературный герой, состав и концепция книжной серии, история создания.

В 1932 г. в издательстве «Журнально-газетное объединение» по инициативе М. Горького вышла книжная серия «История молодого человека XIX столетия». 24 выпуска серии, большая часть которых была сдвоенными, включали следующие произведения:

- Вып. 1 *Ф.Р. Шатобриан де «Рене». Б. Констан «Адольф»*
Вып. 2; 3–4 *Стендаль «Красное и чёрное» (Ч. 1, 2)*
Вып. 5–6 *А. де Мюссе «Исповедь сына века»*
Вып. 7–8 *М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»*
Вып. 9–10. *И.С. Тургенев «Рудин», «Отцы и дети»*
Вып. 11–12. *Н.Г. Помяловский «Мещанское счастье», В.А. Слепцов «Трудное время»*
Вып. 13. *П. Бурже «Ученик»*
Вып. 14–16. *Г. Сенкевич «Без догмата»*

- Вып. 17–19. *Э. Дж. Бульвер-Литтон* «Кенельм Чиллингли»
Вып. 20–21. *О. де Бальзак* «Шагреновая кожа»
Вып. 22–23. *И.В. Гёте* «Страдания молодого Вертера», *Х. Валера* «Иллюзии доктора Фаустино», *У. Фосколо* «Последние письма Джаиакомо Ортиса»
Вып. 24. Повести о «лишнем человеке» (в состав этого выпуска вошли повести А.О. Осиповича-Новодворского «Эпизод из жизни ни павы, ни вороны», А. де Виньи «Стелло и чёрный доктор», В. Гюго «Казнь Клода Ге») (1–13).

«История молодого человека XIX столетия» была одним из многочисленных серийных изданий, задуманных писателем в 1930-е гг.: «История Гражданской войны», «История фабрик и заводов», «История деревни», «История женщины», «История науки», «История промышленника», «История Западной Европы». Некоторые из этих замыслов воплотились в жизнь лишь частично, другие так и остались нереализованными.

В отличие от них «История молодого человека XIX столетия» вышла в свет полностью в течение 1932 г. Особенность «Истории молодого человека XIX столетия» заключалась также в том, что она представляла собой художественную серию — ряд произведений западноевропейских и русских писателей, объединённых типологически сходными образами главных героев.

Горький не мыслил серию изолированно. Так, в завершение статьи «Ещё раз об “Истории молодого человека XIX столетия”» он писал: «Разумеется, мы должны дать читателю “Историю промышленника Европы и России” <...> Нужно дать “Историю крестьянина”, “Историю женщины”...» (14, 316). В одном из писем И.В. Сталину, связанном с «Историей молодого человека...», он сообщал: «Сейчас я составляю планы изданий для молодёжи — “Историю женщины от первобытных времён до наших”, “Историю всемирного купца”, “Историю русского быта”, т. е. историю средней буржуазии — мещанства. Работа над этими изданиями требует серьёзных культурных сил» (15, 156).

Все эти замыслы Горького были связаны с идеей нового человека и целью своей имели способствовать его появлению. «Необходимо написать историю культуры как историю разложения личности <...> и как историю возникновения новой личности, которая организуется в огне “концентрированной энергии” строителей нового мира», — писал он в статье «О старичках» (16, 283). В этой же статье приведён замысел Горького, по отношению к которому «История молодого человека» воспринимается как частный случай, один из вариантов реализации: «Наши литературоведы сделали бы солидное и педагогически необходимое для молодёжи дело, написав ряд биографий литературных типов» (16, 282). Такие «биографии литературных типов», по замыслу писателя, могли бы убедительно показать «процесс таяния личности», её разрушения, «вырождения», невосполнимой растраты и «истощения энергии буржуазного класса» (16, 281–282).

Горький неоднократно писал о целях «Истории молодого человека XIX столетия». Наиболее отчётливо они сформулированы в его докладе на I Всесоюзном съезде советских писателей в 1934 г., уже после выхода серии в свет: «Книги этой группы европейских литераторов имеют для нас двойную и неоспоримую ценность: во-первых, как технически образцовые произведения литературы, во-вторых, как документы, объясняющие процесс развития и разложения буржуазии, документы, созданные отщепенцами этого класса, но освещающие его быт, традиции и деяния критически» (17, 310). В процессе подготовки серии Горький чаще говорил о второй цели, поскольку важно было политически обосновать необходимость издания этих книг в СССР. Однако первая цель для создателя издательства «Всемирная литература» и автора многих масштабных просветительских и популяризаторских проектов была не менее значимой.

Замысел «Истории молодого человека» был очень важен для Горького. Ей посвящены две большие статьи писателя («История молодого человека» и «Ещё раз об “Истории молодого человека XIX столетия”»), написанные в процессе работы над выходом книг из печати в 1931–1932 гг. В ряде статей, выступлений и писем Горького содержатся высказывания или оценки, так или иначе связанные с концепцией этой книжной серии. С того момента, как замысел начал приобретать конкретные очертания, Горький упоминает о нем в самых разных контекстах. Анализ этих многочисленных высказываний позволяет в деталях воссоздать горьковское видение и понимание «молодого человека» — как исторического типа личности и литературного героя.

По справедливому утверждению литературоведа А. Лаврецкого, «различные историко-литературные высказывания Горького <...> составляют целую систему, органически связанную с его мировоззрением» (18, 292). Мысли писателя, так или иначе связанные с «Историей молодого человека XIX столетия», являются неотъемлемой частью этой системы идей.

Концепция «Истории молодого человека XIX столетия» восходит к статье Горького 1909 г. «Разрушение личности». В этой статье писатель утверждал, что подлинным источником творческих сил является коллектив, народ: «Народ — <...> единственный неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них — историю всемирной культуры» (19, 26). Писатель утверждал, что миф и религиозные воззрения созданы коллективом по законам художественного творчества. Миф и фольклор — источник художественной литературы, питающий её на протяжении всего её существования образами, идеями, сокровищами языка. «Лучшие произведения великих поэтов всех стран почерпнуты из сокровищницы коллективного творчества народа, где уже издревле даны все поэтические обобщения, все прославленные образы и типы» (19, 33).

Коллектив «создаёт личность», говорится в этой статье, — выдвигает вождя или жреца. Личность, первоначально только выполнявшая возложенные на неё руководящие функции, осознает себя «как новую творческую силу, независимую от духовных сил коллектива. Этот момент является началом расцвета личности, а это её новое самосознание — началом драмы индивидуализма» (19, 30).

Отрываясь от коллектива, личность лишается доступа к подлинному источнику творческих сил — коллективной энергии, неизбежно мельчает, теряет целостность, разрушается. Утрата связи с «источником живых творческих сил — коллективом» (19, 31) приводит к истощению сил индивидуального «я», его разрушению: «...коллектив дробился, всё меньше питал их своей энергией, психическое единство таяло, и личность бледнела... Задачи самодовлеющего бытия индивидуальности становились сложны, требовали огромного напряжения; в борьбе за свободу своего “я” личность совершенно оторвалась от коллектива и оказалась в страшной и быстро истощившей силы пустоте» (19, 32).

Крайней степенью этого процесса, по Горькому, становится редукция человека до уровня животных инстинктов, асоциальное поведение, «социальная слепота и глухота». «Мы видим, как ничтожны “совершения” человека наших дней, мы видим горестную пустоту его души...» — подводил писатель неутешительные итоги, рассуждая о темах и героях современной ему литературы (19, 36). «Духовно обнищавшая, заплутавшаяся во тьме противоречий, всегда смешная и жалкая в своих попытках найти уютный уголок и спрятаться в нем, личность неуклонно продолжает дробиться и становится всё более ничтожной психически», — писал он (19, 38). Описывая крайнюю степень разрушения личности, Горький рисовал удручающую картину: «Хулиган — существо, лишённое социальных чувств, он не ощущает никакой связи с миром, не сознает вокруг себя присутствия каких-либо ценностей и даже постепенно утрачивает инстинкт самосохранения — теряет сознание целостности личной своей жизни <...> Это личность <...> хронически раздвоенная — сознательное и инстинктивное почти никогда не сливаются у неё в одно “я” <...> Этот человек всю жизнь колеблется на границе безумия, и социально он более вреден, чем бактерии заразных болезней <...> он плохо видит, плохо слышит и потому плетётся, шатаясь, далеко сзади жизни, где-то в стороне от неё, без дороги и без сил найти дорогу» (19, 40).

Перечень литературных героев, призванный подтвердить идею разрушения личности в этой статье, позднее лёг в основу состава серии «История молодого человека XIX столетия»: «Мы видим, что “Исповедь сына века” бесчисленно и однообразно повторяется в целом ряде книг и каждый новый характер этого ряда становится всё беднее духовной красотой и мыслью, всё более растрёпан, оборван, жалок. Грелу Бурже — дерзок, в его подлости есть логика, но он именно “ученик”, герой Мюссе мыслил шире, красивее, энер-

гичнее, чем Грелу. Человек “без догмата” у Сенкевича ещё слабее силами, ещё одностороннее Грелу, но как выигрывает Леон Плошовский, будучи сопоставлен с Фальком Пшибышевского, этой небольшой библиотекой модных, наскоро и невнимательно прочитанных книг! Ныне линия духовно нищих людей обидно и позорно завершается Саниным Арцыбашева <...> Санин является уже не первой попыткой мещанской идеологии указать тропу ко спасению неуклонно разрушающейся личности, — <...> внутренне упростить себя путём превращения в животное» (19, 47). Из произведений, позднее вошедших в состав серии, здесь названы романы А. де Мюссе «Исповедь сына века», П. Бурже «Ученик», Г. Сенкевича «Без догмата».

«Надо ждать, что в близком будущем кто-то, мужественный и честный, напишет грустную книгу “Разрушение личности” и в этой книге ярко покажет нам неуклонный процесс духовного обеднения человека, неустранимое сжатие “я”, — писал Горький в статье «Разрушение личности» (19, 40). Такая книга была написана незадолго до выхода в свет «Истории молодого человека XIX столетия». 31 марта 1930 г. В.С. Каменский писал Горькому, что много лет собирает материалы, связанные с темой его статьи «Разрушение личности», и на их основе начал писать книгу (20). В ответном письме Горький поддержал его намерение, назвав эту работу сложной и своевременной (21, 277–278). На оборотной стороне этого письма Горького приведён список произведений с комментарием: «Бульвер; Альфред Мюссе. Исповедь сына века; Бурже. Ученик; Сенкевич. Без догмата. Есть целый ряд других книг на тему поисков личностного “догмата” — бесплодных поисков» (21, 728). Этот то ли фрагмент письма Каменскому, то ли черновик письма другому адресату показывает, что книга с заглавием «Разрушение личности» мыслилась писателем как работа, подобная задуманной им чуть позднее «Истории молодого человека».

Получив «Материалы по вопросу о разрушении личности», Горький писал Каменскому 7 ноября 1930 г.: «...труд этот не имеет никакого отношения к вопросу “о разрушении личности” <...> Вам следовало начать изучение процесса “разрушения личности” с тех лет, когда буржуазия Европы, “созрев для власти”, вырвала эту власть из рук феодального дворянства <...> Из её среды немедленно явились “личности”, для которых эта среда оказалась удушливой, тесной, может быть, потому, что личности были “гипертрофированы”, что их “я” слишком распухло. Три болезни разрушали личность: скептицизм, пессимизм, мизантропия; эти болезни возникли на почве чрезмерно высокой самооценки свойств и качеств “я”. Вам нужно было внимательно ознакомиться с европейской и русской литературой XIX в., с десятками таких книг, как “Красное и чёрное” Стендаля, “Исповедь сына века” Мюссе, с биографиями людей “Без догмата”, вспомнить о наших Онегиных, Печориных, Череваниных, вплоть до “Санина”, до “Исповеди человека, который не умеет жить” Витберга. Тогда для Вас, может быть, стал бы ясен глубокий смысл темы “Разрушение личности”» (22; 93, 95).

Этот эпистолярный сюжет можно рассматривать как предысторию книжной серии, посвящённой «молодому человеку XIX столетия»; а процитированное выше письмо Горького — как сжатое изложение концепции «Истории молодого человека».

Основу этой концепции составляет ряд идей, наиболее значимых для Горького.

Прежде всего, кто он — этот «молодой человек»? Горький характеризует его целым рядом весьма нелестных определений: к этому типу относятся люди «без догмата», шатающиеся «около жизни», «лишние люди», «“кающиеся дворяне”, “герои безвременья”, люди типа “ни павы, ни вороны”» (17, 328). Героя романов серии, «молодого человека», Горький называл человеком весьма «средних качеств», «средних способностей» (23, 159–160).

Впрочем, характеристики варьируются, когда речь идёт о героях конкретных произведений (см., например, ниже оценку Жюльена Сореля в предисловии к книге А.К. Виноградова «Три цвета времени»). Это объясняется всё той же идеей постепенного «таяния» личности, измельчания характеров с течением исторического времени. В соответствии с этой идеей Горький стремился выстроить серию, хотя в её композиции сыграли роль и более прозаические моменты, например, степень готовности текстов и вступительных статей.

Замысел серии и характеристика литературного типа были даны Горьким в статье «История молодого человека». Она предварила книжную серию, открыв её первый выпуск, в состав которого вошли повести Р. Шатобриана «Рене» и Б. Констана «Адольф».

В этой статье Горький писал: «Молодой человек этот — самая значительная фигура литературы XIX века <...> Он существует и в наши дни, а потому вполне своевременно осветить историю его рождения <...> на протяжении почти полутора столетий о нем, о драмах его жизни писали книги все крупнейшие литераторы Европы и России, — писали и всё ещё продолжают писать. Не будет преувеличением, если скажем, что жизнь этого человека служила основной темой литературы XIX столетия» (23, 158).

Горький отмечал, что в эпоху исторических катаклизмов — революций конца XVIII — начала XIX в., в эпоху бурного научно-технического роста, литература предпочла изображать «драмы личной, индивидуальной жизни», «она не пользовалась как материалом своего творчества биографиями наиболее крупных и характерных людей эпохи»: деятелей французской революции и героев наполеоновских войн, знаменитых учёных, промышленников и банкиров — «во всем их отвратительном и фантастическом величии» (23, 159).

Горький подчёркивал индивидуализм «молодого человека», его «ячность», «самость» как социальную болезнь, прогрессирующую с течением исторического времени. Болезненная сосредоточенность на себе приводит героев к неудаче, фиаско, жизненному проигрышу. «История развития индивидуализма дана с прекрасной полнотой и ясностью историей литературы», — говорил Горький

в докладе «Советская литература» (17, 305). С его точки зрения, именно «индивидуализм, превращаясь в эгоцентризм, создаёт “лишних людей”» (17, 309).

В статье «Ещё раз об “Истории молодого человека XIX столетия”» Горький сформулировал задачу серии, подчеркнув индивидуализм как основную черту её героев: «Цель создания этой “Истории” — показать нашей молодёжи, как однообразно разыгрывалась буржуазной молодёжью драма индивидуализма — мироощущение и мирозерцание буржуазии, как неизбежно понижался тип индивидуалиста, опускаясь от Рене — Шатобриана и Вертера Гёте до двуногого скота, изображённого Арцыбашевым в романе “Санин”, от Жюльена Сореля — Стендаля и Грелу — Бурже до “Милого друга” Мопассана...» (14, 307).

Родословную «молодого человека XIX столетия» в статье «История молодого человека» Горький начинает с «Жан-Жака Руссо — блаженного Августина XVIII столетия». Он, пишет Горький, «решительно поставил чувство выше разума», отрицал науки и высказывался против книгопечатания. Но, что ещё важнее, — верил, «что является существом исключительным, даже как-то иначе, лучше, чем все другие люди, созданным природой». Горький назвал Руссо «первым, самым талантливым апостолом индивидуализма» (23, 161).

«Эгоцентризм» исключительных личностей, писал Горький, «с предельной полнотой и ясностью изобразил в 1845 году духовный сын Руссо — Макс Штирнер в книге “Единственный и его собственность”» (23, 164).

Размышляя о Вертере Гёте и литературных героях эпохи романтизма, писатель отмечал: убеждение в собственной исключительности, культивировавшееся в среде немецких романтиков, «должно было вызвать в единице ощущение социального одиночества, должно было воспитать чувство вражды к обществу и государству, привить единице странную болезнь, — её можно назвать социальной слепотой». Именно поэтому, по мысли Горького, «молодой человек не находил для себя места в жизни». Индивидуализм воспринимается писателем как болезнь духа. Идея страдания неприемлема для него: «Шатобриан и многие другие романтики признают страдание уделом всякой выдающейся личности» (23, 162).

Противоречие между «сознанием собственной исключительности» и «железным прессом буржуазного государства», подавляющим личность, привело, с точки зрения писателя, к развитию анархизма. Горький отмечает связь «исключительных» людей с героем «Записок из подполья» Ф.М. Достоевского, их «презрение к жизни “толпы” и желание бежать от действительности» (23, 163). В докладе Горького на I Всесоюзном съезде советских писателей типологическое родство «подпольного человека» Достоевского с «молодыми людьми XIX столетия» обозначено ещё резче: «Достоевскому принадлежит слава человека, который в лице героя “Записок из подполья” с исключительно ярким совершенством живописи слова дал тип эгоцентриста, тип социального дегенерата <...> Достоевский фигурой своего героя показал, до какого подлого визга может дожить индивидуалист из среды оторвавшихся от

жизни молодых людей XIX–XX столетий. Этот его человек вмещает в себе характернейшие черты Фридриха Ницше и маркиза Дезэссента — героя романа Гюисманса “Наоборот”, “Ученика” Бурже и Бориса Савинкова, автора и героя его сочинения, Оскара Уайльда и Санина Арцыбашева и ещё многих социальных вырожденцев, созданных анархическим влиянием бесчеловечных условий капиталистического государства» (17, 313).

Характеризуя буржуазное общество, Горький писал о бессмысленной жажде наживы и стремлении к чувственным наслаждениям. Всё это притупляет интеллектуальные способности и истощает энергию человека: «Буржуазия строила паскудное царство своё на жесточайшей конкуренции, ей требовались крепкие, беззастенчивые люди» (23, 165).

«Молодые люди XIX столетия», как писал Горький, направляли свою энергию в другое русло. Сила мысли «тратилась ими на исследование таинственных глубин их собственного “я”» (23, 167). Среди черт, общих для героев русской и европейской литератур XIX в., писатель называл «пристрастие к бесплодным размышлениям в условиях полного безделья» (23, 167). Именно условия буржуазного строя, по его мнению, способствуют гипертрофии «я», усилению индивидуализма, поскольку «все силы личности тратятся на самозащиту» (23, 169).

Горький был убеждён, что «гармоническая индивидуальность» возможна, если «интеллектуальное и эмоциональное развитие личности не будет ограничиваться, искажаться <...> условиями жизни современных рабов капиталистического строя» (23, 167–168), то есть, в идеале, — в условиях нового социалистического государства. Серия «История молодого человека XIX столетия», по замыслу Горького, показав пути развития индивидуалистически настроенной личности и тупики этого развития, могла способствовать воспитанию иного типа личности, нового человека. «Молодёжь должна ознакомиться с этой историей... — писал Горький, — в каждом из нас всё ещё живёт ветхий Адам мещанства <...> воспитанный веками волчий индивидуализм ещё не издох» (23, 170).

Значимым аспектом концепции интересующего нас издательского проекта является место «молодого человека» среди других литературных типов. Наиболее тесно в представлении Горького он связан с типом сильной личности, «хозяина жизни», предпринимателя. Тип энергичного талантливого предпринимателя, стяжателя, организатора промышленности, «рыцаря наживы», «хозяина жизни» в историческом развитии предшествует типу «молодого человека». Эти два литературных типа в сознании Горького соотносятся как «отцы» и «дети», что также подтверждает его мысль о бесплодной растрате энергии буржуазией и неизбежном в связи с этим измельчанием характеров.

В статье «Разрушение личности» в подтверждение её магистральной идеи приводится ряд литературных героев Ч. Диккенса, О. де Бальзака, Э. Золя, О. Мирбо: «До сорок восьмого года командующую роль в жизни играли

Домби и Гранде, фанатики стяжания, люди крепкие и прямые, как железные рычаги. В конце XIX века их сменяют не менее жадные, но несравненно более нервные и шаткие Саккар и герой пьесы Мирбо “Les affaires sont les affaires”¹. Сравнивая каждый из этих типов как поток воли, направленный к достижению известных целей, мы увидим, что чем глубже в прошлое, тем более крепко концентрирована и активна воля, тем строже и определённое очерчены цели личности и ярче сознательность её действий. А чем ближе к нам, тем менее упорна энергия Саккаров, тем скорее изнашивается их нервная система, всё более тусклы характеры и быстрее наступает утомление жизнью» (19, 45).

Связь поколений «хозяев жизни» и «молодых людей XIX столетия» особенно подробно рассмотрена во второй статье, посвящённой серии, — «Ещё раз об “Истории молодого человека XIX столетия”». Появление этой статьи было вызвано критическим откликом на выход в свет первых выпусков серии. 8 мая 1932 г. секретарь ЦК ВЛКСМ С.А. Салтанов писал Горькому: «Посылаю Вам некоторые наши замечания по “Истории молодого человека XIX столетия”. Хотелось бы поговорить о них практически, т. е. как бы их реализовать» (24). Ответом на замечания комсомольцев и стала статья «Ещё раз об “Истории молодого человека XIX столетия”».

В начале её Горький изложил суть полученных им замечаний: рядом с показанным серией типом «неудачника» стоял «другой молодой человек буржуазии — с ярко выраженной классовой волей и моралью, человек, достойный своей эпохи, расцвета своего класса» (14, 304). Ради объективности и полноты картины, писали Горькому, необходимо показать и этот тип личности.

Возражения Горького против «объективизма такого рода» сводились к следующему: «Человека “с ярко выраженной классовой волей и моралью, достойного своей эпохи, расцвета своего класса”, можно изобразить настолько сильным, умным, обаятельным, что он вместе с эстетическим наслаждением его образом способен будет вызвать и чувство зависти к нему, врагу, желание подражать его практике мошенника и грабителя <...> врага следует сначала уничтожить, а потом уже и “любоваться его красотой”» (14, 305)².

Лучших писателей XIX столетия, писал Горький, «не восхищала и даже не интересовала житейская практика отцов, ибо наиболее даровитые и крупные литераторы XIX века не дали ни одного достаточно яркого портрета своих родственников, таких, как, например, Крезо, Крупп, Зингер, Нобель и прочие “герои эпохи”, организаторы военной промышленности, морского транспорта, тяжёлой индустрии, машиностроения и т.п. Среди этих “героев”, людей, несомненно, сильной воли, подлинных хозяев жизни, были, конечно, “поэты своего дела”. Были и у нас даровитые выходцы из крепостной деревни: Коноваловы, Морозовы, Журавлёвы, Бугровы, Мамонтовы и ещё многие, однако наши литераторы тоже не изобразили этих людей в своих книгах, а ведь как интересно было бы изобразить раба, который становится рабовладельцем!» (14, 307–308).

Отношения двух поколений конфликтны: отец требует, чтобы «сын покорно продолжал делать дело, начатое родителем», и, как в древних мифах, «бунт сына против действительности, творимой отцом, всегда влечёт за собою или наказание или примирение с волей отца» (14, 312). Во многом эти поколения прямо противопоставлены Горьким: «Отцы были действительно “волевые”, сильные люди, они — “монисты”, вся их воля направлена была к одной цели, эта цель — расширение и укрепление власти над миром. Им знакомо было чувство полного слияния с действительностью, они всецело отдавались делу изменения её форм в свою пользу» (14, 311–312), а «дети <...> — дуалисты, двоедушные люди» (14, 312). «Отцы строили <...> из среды детей всё чаще и всё больше отсеивалось, отбрасывалось, “отлынивало” от жизни юношество, которое не умело или “совестилося” и не хотело приспособляться к торгово-промышленной, обнажённо-хищнической работе отцов, совершенно свободной от морали и эстетики» (14, 313).

Горький пишет о «молодых людях XIX столетия» как о детях буржуазии, хотя социальный статус героев книжной серии разительно отличается: от сына крестьянина Жюльена Сореля до утончённых аристократов Плошовского и Печорина. Конфликт «отцов и детей» может иметь место в сюжете (как в романе Стендаля «Красное и чёрное»), или отсутствовать в тексте (как в романах Г. Сенкевича «Без догмата», герой которого Леон Плошовский с искренним уважением пишет о своём отце, и М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», в котором Григорий Печорин окружён тайной и показан вне семейных связей). В ряде романов серии конфликт связан с подчинённым статусом главного героя, вынужденного служить гувернёром в богатых семьях (романы Стендаля «Красное и чёрное», П. Бурже «Ученик», Н.Г. Помяловского «Молотов»). Это конфликт талантливого, честолюбивого, много «плебея» с аристократической средой, в которую он попадает. Однако и он не универсален для произведений серии.

Статья Горького, несмотря на все обвинения в адрес буржуазии, не вписывалась в господствовавшую идейную парадигму. 25 мая 1932 г. главный редактор газеты «Правда» Л.З. Мехлис писал И.В. Сталину: «М. Горький прислал в “Правду” статью по “Истории молодого человека XIX столетия”. Трактовка ряда философских проблем (например, “насколько полезен и уместен объективизм в эпоху социальных битв” и т.д.) вызывает сомнения. Просьба прочитать статью». На документе — резолюция И.В. Сталина: «Т. Мехлис. Печатайте без изменений. *И. Сталин*» (25, 418)³.

Одним из вопросов, которыми задавался Горький, размышляя о серии «История молодого человека XIX столетия», был вопрос о причине интереса лучших европейских и русских писателей к этой фигуре. Горький объяснял его родством, даже тождеством автора и героя: «...эти романы в большинстве автобиографичны, в них авторы повествуют о личной своей драме разлада с действительностью, о расколе со своим классом» (14, 314). «...Крупнейшие

творцы критического реализма и революционного романтизма <...> — отщепенцы, “блудные дети” своего класса, дворяне, разорённые буржуазией, или дети мелкой буржуазии, вырвавшиеся из удушливой атмосферы своего класса», — утверждал он в докладе на I Всесоюзном съезде писателей (17, 310). «...Критический реализм возник как индивидуальное творчество “лишних людей”...» — сказано им тогда же (17, 329).

В статье «История молодого человека» Горький назвал «лишних людей» «опухолью» на теле буржуазного общества и отмечал, что, «разрушая понемногу церковные, консервативные и вообще ограничительные идеи буржуазного общества, “исключительные личности”, эти “лишние люди” буржуазии, всё-таки в огромном большинстве были и остались её кровными детьми». Однако именно они, по мысли Горького, показали «творческое бессилие буржуазии», раскрыли процесс «банкротства индивидуализма» (23, 164).

В письме к А.К. Виноградову от 25 октября 1930 г., оценивая его статью о П. Мериме, написанную для журнала «Литературная учёба», Горький размышлял: «Вы слишком много отвели места характеристике личности Мериме и — мало эпохе. Лично Мериме всё-таки “не дописан” вами, а очерк его “психики” мне кажется спорным. Мне кажется, что его и можно, и следует понимать как Жюльена Сореля в литературе, как человека с честолюбием, с талантом, но — “без догмата”» (22, 77).

Горький видел также сходство «молодого человека XIX столетия» с политическими и историческими деятелями эпохи. В январе 1932 г. Горький писал тому же корреспонденту: «...Тьер, Гизо — бывшие “молодые люди”, не родственны ли они Сорелю, Левену, Грелу? Я думаю, Вы согласитесь, что — кровно родственны. По-моему, — мне кажется — Вам следовало бы возможно чаще подчёркивать родство литературных героев с политическими, — Вы таким приёмом значительно углубили бы социально-политическую педагогику Ваших статей о драмах человека “без догмата”. Литераторы показывают человека, который — в молодости — ищет “догмат”, как некий посох для более или менее удобного путешествия сквозь хаотическую путаницу жизни — в зрелом возрасте этот же человек вооружается посохом догмата, как дубиной власти» (26, 205). Потому далеко не случаен в статье «История молодого человека» резкий выпад в адрес эмиграции (23, 169), а в статье «О старичках» приведён ряд политических фигур европейской истории как пример «вырождения личности»: «Очень удобно взять, например, Оливера Кромвеля и проследить на ряде фигур, ему подобных, снижение этого типа до миниатюрной фигурки Александра Керенского» (16, 282).

Важнейшей составляющей горьковского видения серии «История молодого человека XIX столетия» была связь литературы с социально-политической историей, что проявилось не только в генеалогии этого литературного героя. В предисловиях к книгам серии он надеялся увидеть подробный очерк

политико-экономического развития европейских государств. В связи с этим отметим ещё один нереализованный замысел Горького, возникший параллельно с идеей «Истории молодого человека». В письме Л.В. Никулину от 12 января 1931 г. Горький предложил своему корреспонденту написать «*фактическую историю европейской культуры*» — «о тех условиях <...> в которых, медленно и трудно, выростал, воспитывался современный сложный человек» (22, 177–178).

Итак, замысел книжной серии «История молодого человека XIX столетия» закономерно вытекал из системы взглядов писателя, убеждённого, что с течением исторического времени неизбежно мельчают личности, разрушается целостность человека и особенно быстро и неотвратимо этот процесс протекает в буржуазном обществе. Серия представила «биографию» литературного типа, который занимал писателя на протяжении десятилетий. Горький много писал об этом литературном герое, пытаясь понять и истолковать его происхождение и загадку его притягательности для лучших писателей конца XVIII — начала XX в. В 1930-е гг., в период крупных масштабных замыслов, он предпринял попытку воплотить свою идею в форме историко-литературоведческого исследования и книжной серии и нашёл для этого подходящего человека.

В процессе воплощения в жизнь замысел «Истории молодого человека XIX столетия» претерпел ряд изменений. На первом этапе (август-сентябрь 1930 г.) Горький мыслил её в виде книги — историко-литературоведческого исследования, посвящённого одному литературному герою. Затем, весной 1931 г., возник издательский проект — замысел книжной серии, которую предваряла бы такая работа. В итоге вместо одного фундаментального труда было решено писать вступительные статьи к каждому выпуску серии, с тем чтобы впоследствии, доработав их, соединить в одной книге.

Над воплощением замысла Горького в жизнь работал Анатолий Корнелиевич Виноградов (1888–1946) — соредaktor серии и автор предисловий к выпускам, литературовед, беллетрист и переводчик. В 1921–1925 гг. он работал директором Библиотеки Румянцевского музея (с 1924 г. — Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина), откуда был вынужден уйти, поскольку, по точной характеристике С.В. Шумихина, «директор он был нетерпимый, даже деспотический, и старые сотрудники его недолюбливали <...> с ним без сожаления расстались» (27, 265). Тогда Виноградов занялся архивными изысканиями и литературной деятельностью. Безусловной его заслугой было обнаружение в российских архивах ценнейших документов по истории французской литературы, которые он впервые опубликовал и использовал в своих книгах. «...Материал, с которым он работал, был действительно уникален... — писал Шумихин, — в области изучения творческой биографии Стендаля Виноградов во многом стал первооткрывателем,

обследовавшим и опубликовавшим ряд архивов прежде, чем это сделали соотечественники Стендаля» (27, 264).

Переписка Горького с А.К. Виноградовым началась в феврале 1928 г. (26; 28). Знание французской литературы, в особенности творчества Стендаля и Мериме, интерес к связям западноевропейских и русских писателей, вкус к архивной и исследовательской работе — эти качества Виноградова импонировали Горькому, и в письме от 15 марта 1930 г. писатель предложил своему адресату написать «Историю французской литературы XIX века» (21, 260). «Он обладает всеми данными, которые необходимы для этой работы: богатой эрудицией, правильным марксистским подходом к материалу и хорошим простым языком... — писал Горький А.Б. Халатову 15 марта 1930 г. — Виноградов <...> прекрасно видит связь французской литературы с русской, общность их тенденций и влияние экономического фактора на словесное искусство» (21, 260–261). Замысел реализован не был.

Лишь со временем, в процессе непосредственной работы над выпусками «Истории молодого человека XIX столетия», обнаружились неприятные стороны личности Виноградова: психологическая неуравновешенность, подозрительность, доходящая до мании преследования, склонность к бесконечным жалобам и кляузным письмам, неумение организовать свою работу, нежелание признавать и исправлять свои ошибки и недоработки и т.п. Все это в итоге привело к тому, что с 1933 г. Горький прекратил переписку и всякое сотрудничество с Виноградовым.

В 1930 г., к которому восходит непосредственный замысел книжной серии, по переписке и нескольким встречам об этих особенностях корреспондента трудно было догадаться. Письма Виноградова и отзывы о нем создавали весьма благоприятное впечатление (например, в письмах И.А. Груздева, написанных осенью 1930 г.: «О работах его знаю. Кажется, он отличный работник»; «С А.К. Виноградовым познакомился <...> Славный человек, весьма располагающий к себе» (30; 252, 256)).

По всей видимости, замысел «Истории молодого человека XIX столетия» изначально был связан для Горького с именем Виноградова и возник в процессе чтения рукописи его романа о Стендале «Три цвета времени», которую Виноградов отправил в Сорренто в конце июля 1930 г. 5 августа 1930 г. Горький сообщил П.П. Крючкову: «Читаю рукопись Виноградова, — отличный он работник! Но написал эту вещь тяжело, — как будто» (22, 10). 13 августа Горький отправил большое письмо Виноградову с оценкой рукописи и множеством замечаний. «...Великолепный материал, — писал Горький, — но — разработан поспешно и небрежно» (22, 17).

Примерно в те же дни, в середине августа, в письме И.А. Груздеву писатель впервые отчётливо сформулировал свой замысел: «А ещё следовало бы написать “Историю одного молодого человека”, начав её с Жюльена Сореля Стендаля, а затем: Кенельм Чиллингги Бульвер Литтона, Печорин Лермонтова,

Грелу — Бурже, “Сын века” А. Мюссе, герой романа “Без догмата” Сенкевича и т.д. Я пропустил, т.е. не переписывал очень много воплощений этого молодого человека, это — естественно, ибо срока жизни его было около двухсот, да он и теперь ещё “влачит существование”. Неистребимый парнишка!». В том же письме Горький спрашивал Груздева: «Вы А.К. Виноградова знаете? Интересный человек» (22, 23).

В письме от 1 сентября 1930 г. писатель адресует свой замысел уже непосредственно Виноградову: «А.К.! А — не написать ли Вам “Историю одного молодого человека”? Человек этот: Ж. Сорель, Кенельм Чиллингли Бульвер Литтона; герой А. Мюссе из “Исповеди сына века”, “Ученик” П. Бурже, герой “Без догмата” Г. Сенкевича и — родственник Онегина, Печорина. Мне кажется, что этот человек — самая любопытнейшая, да и значительная фигура XIX века. Перечисленные мною его воплощения далеко не все, конечно. Интересная работа, не правда ли?» (22, 30–31). 9 сентября 1930 г. Виноградов ответил согласием на предложение Горького: «Увлекательно Ваше предложение темы “История молодого человека”. До какой степени свежа, ясна и интересна эта мысль <...> Вы взяли с чутьём мастера-гения кусок жизни и провели всего только одну черту — сразу ярко загорелась нить культурного преемства. Буду работать над этой темой» (26, 190).

Виноградов не раз писал, что предложенная Горьким тема глубоко заинтересовала его. В письме Горькому от 28 ноября 1931 г. он отзывался о статье «История молодого человека»: «Она замечательна, как открытие незамеченного материала, это настоящее, эпоху создающее в науке открытие. Неясные намёки на “однотипность литературных героев, являющуюся простым подражанием”, давали общие истории литературы. Но осветить проблему молодых поколений XIX в. так, как это Вы сделали, удалось только Вам...» (26, 201). В статье «Ответственный редактор М. Горький», написанной в сентябре 1932 г. к сорокалетию литературной деятельности Горького, Виноградов писал: «Эти мысли о личной судьбе, о проблеме индивидуального сознания, о том неизбежном крахе, который ведут за собой притязания замкнутого индивидуалиста прошлого столетия, — весь этот широкий круг проблем Горький затронул ещё в 1909 году, когда издательство “Знание” выпустило сборник под заглавием “Очерки философии коллективизма” (см. статью М. Горького “Разрушение личности” стр. 354–403) <...> Тема эта живая и свежая. Она носилась в воздухе, как многие живые задачи современности. Она назрела так же, как назрели научные открытия столетий. Она социально обусловлена и педагогически необходима. Но требовался гений мирового пролетарского писателя, чтобы из аморфного состояния эта тема превратилась в кристаллически ясную, всем понятную, простую форму. Часто приходится слышать, что “История молодого человека” есть настолько простая и естественная тема, что странно, как до сих пор никто её не осуществил» (11; 5, 8).

Виноградов дал своё согласие, но к работе пока не приступал. В статье «Ответственный редактор М. Горький» он писал: «Весною 1931 года Горький вернулся к этой теме и в течение лета закончил программу работы...» (11, 6). Это не совсем верно. Возникнув и приняв определённые очертания, замысел уже не оставлял Горького, писатель то и дело упоминал его в письмах и статьях 1930–1931 гг. самого разного содержания. В первую очередь, что закономерно, — в предисловии к книге Виноградова «Три цвета времени», отправленном автору 18 сентября 1930 г. (22, 48). «Он первый, — писал Горький о Стендале, — заметил в среде буржуазии и монументально изобразил Жюльена Сореля, молодого человека двадцати трёх лет, “крестьянина, возмущившегося против его низкого положения в обществе” мещан, которые разбогатели, и дворянства, которое, обеднев за годы революции, омещанивалось <...> Жюльену Сорелю буржуазное общество отрубило голову, но этот молодой, честолюбивый человек воскрес под другими именами в ряде книг крупнейших авторов Европы и России: в романах Бульвера-Литтона и Альфреда Мюссе, Бальзака и Лермонтова, Сенкевича, Поля Бурже и других. В эскизных, но верных рисунках он ожил даже у таких наших недооценённых авторов, как Слепцов, Помяловский, Куцевский. Жюльен Сорель Стендала — родоначальник всех “героев”, которые начинали жить, веруя, что высокое интеллектуальное развитие совершенно обеспечивает им соответственно высокую и независимую социальную позицию, обеспечивает свободу мысли и воли. Общая всем им черта: у них огромное честолюбие, но они живут “без догмата”, — без того социального догмата, который гармонизирует разум и волю» (32, 219).

3 декабря 1930 г. Горький писал А.К. Воронскому по поводу сборника «Шестидесятники»: «Вот что, дорогой А.К., <...> очень советую Вам организовать ещё одну книгу <...> по типу “Шестидесятников” и дать ей титул — примерно — такой: “История разночинца”». Перечислив далее ряд имён русских писателей и названия их произведений, Горький заключал: «Эта печальная история <...> мучительных, — а порою смешных, — шатаний молодого человека около жизни, мне кажется, будет чрезвычайно поучительна для современной нашей молодёжи, равно и для начинающих литераторов» (22, 125–126).

О задуманной им «Истории молодого человека» он пишет в статье «О старичках», написанной в конце 1930 г. Идеи, положенные в основу концепции серии, так или иначе звучат в ряде других статей 1930–1931 гг.: «К рабочим и крестьянам», «Беседы о ремесле», «Беседа с молодыми ударниками, вошедшими в литературу».

К весне 1931 г. замысел Горького уже не ограничивался историко-литературоведческим исследованием, «биографией литературного типа». Он обрёл форму книжной серии. В статье «О работе неумелой, небрежной, недобросовестной и т.д.», напечатанной одновременно в газетах «Правда» и «Изве-

стия» 19 апреля 1931 г. (№ 108), критикуя работу Госиздата и ряда журналов, Горький предлагал: «Задачи Государственного издательства — задачи социально-воспитательные. <...> Социалистическое государство должно, обязано включить в свой план культурного воспитания масс борьбу против уродливого разрастания “ячности” и “самости”, против того, в сущности, паразитивного “я”, которое возвращено буржуазным обществом и привыкло ставить интересы “частного хозяйства” своей “души” выше интересов мира, интересов трудовых масс. <...> для успешной борьбы против заболевания “ячностью”, против вкоренённого веками индивидуализма *необходимо дать массе наших молодых читателей историю индивидуалистов в XIX веке.* Эта история — драматическая, но и смешная — “трагикомическая” история, — великолепно написана крупнейшими художниками Европы и России в художественных образах огромной и убедительной силы. Госиздат должен организовать *выпуск серии книг, посвящённых молодому человеку XIX столетия.* Эти книги покажут молодым нашим людям, заболевающим “ячностью”, что переживали их предшественники и в каком болоте утопали они, покажут воочию, как даже и талантливые люди, защищая неприкосновенность частного хозяйства своей души, бесплодно жили, бессмысленно погибали» (33, 483–484; курсив мой. — Л.С.).

24 апреля, 3 и 7 мая 1931 г. в Сорренто, непосредственно перед поездкой в СССР, Горький провёл совещания с участием приехавших к нему А.Б. Халатова, Л.М. Леонова, П.П. Крючкова, В.М. Проскуракова. Одно из решений, принятых на этих совещаниях, касалось выпуска книжной серии «История молодого человека». Цель, задачи и структура серии как большого издательского проекта были в итоге сформулированы следующим образом: «Признать желательным выпуск книг, посвящённых истории молодого человека, которому тесно в рамках буржуазного общества, который бунтует против современной социальной организации во имя своего индивидуализма и не находит выхода. В эту серию должны войти крупнейшие произведения мировой литературы 19-го и начала 20-го века (например, “Красное и чёрное” Стендаля, “Ученик” Бурже и др.). *Всей серии должна предшествовать одна книга, дающая социальный анализ произведений серии и типа “молодого человека”.* Задача серии — разоблачение индивидуализма “молодого человека”, цель — борьба с некоторыми индивидуалистическими тенденциями, наблюдающимися в рядах нашей молодёжи» (29, кн. 1, 300–301; курсив мой. — Л.С.).

По приезде Горького в Москву в мае 1931 г. замысел вступил в стадию активной разработки. Судя по дарственной надписи Виноградова на книге «Три цвета времени», хранящейся в Личной библиотеке Горького (34, № 814), его письмам и воспоминаниям, Горький неоднократно встречался с ним в Москве летом 1931 г. и обсуждал план работы над серией.

Издавать серию первоначально было решено в издательстве «Academia». В Архиве А.М. Горького хранятся относящиеся к этому времени документы:

«План издания “Истории молодого человека XIX столетия”» (35) и копия приложения к договору А.К. Виноградова с издательством «Academia» от 12 июля 1931 г. — список книг, входящих в состав серии (36).

В Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) хранится план издания, идентичный копии, посланной Горькому. План был приложен к письму зав. ОГИЗ А.Б. Халатова от 18 июня 1931 г. в Правление издательства «Academia», тов. Ежову⁴: «По согласованию с М. Горьким предпринимается издание специальной серии под названием “История молодого человека XIX столетия”. В прилагаемом плане издания кратко указаны задачи этой серии и перечень включаемых в неё книг (перечень этот согласован с М. Горьким). Для редакционной обработки серии М. Горький выдвинул А.К. Виноградова. Я считаю наиболее целесообразным издание этой серии по “Академии”, в связи с чем прошу Вас разработать календарный план работ по выпуску издания. Одновременно нужно будет теперь же заключить договор с тов. Виноградовым на выполнение им этой работы» (37, 13).

План предварялся небольшой преамбулой: «Издание состоит из 15 выпусков. Каждый выпуск снабжается предисловием в 2 печатных листа. Общая связь между всеми выпусками последовательно устанавливается предисловиями, не повторяющимися друг друга, а развёртывающимися на конкретном материале больших романов прошлого века историю и крушение индивидуализма. Так как тип разочарованного юноши, не нашедшего себя в эпохе, тип мелкобуржуазного искателя-индивидуалиста, есть явление далеко не изжитое, то вся серия изданий, задуманная М. Горьким, имеет свою целью не только определение корней индивидуализма, не только анализ причин его крушения, даваемый романистами XIX-го века, но и прямую обращённость к нашим дням» (35; 37, 13).

С незначительными вариациями в порядке выхода выпусков списки, приведённые в Плане издания и в копии приложения к договору А.К. Виноградова с издательством «Academia», идентичны и включают 15 пунктов:

1. Стендаль «Красное и чёрное»
2. Мюссе «Исповедь сына века»
3. Констан «Адольф» и Шатобриан «Рене» — в одном выпуске
4. Бальзак «Шагреновая кожа»
5. Гёте «Вертер» («Страдания молодого Вертера». — *Л.С.*)
6. Фосколо «Джиокомо Ортис» («Последние письма Джиокомо Ортиса». — *Л.С.*)
7. Валера «Иллюзии Фаустино» («Иллюзии доктора Фаустино». — *Л.С.*)
8. Бульвер-Литтон «Кенельм Чиллингли»
9. Бурже «Ученик»
10. Сенкевич «Без догмата»
11. Слепцов «Трудное время»
12. Помяловский «Мещанское счастье»

13. Лермонтов «Герой нашего времени»

14. Тургенев «Рудин»

15. Сборник рассказов и повестей о «лишнем человеке» (35; 37, 13–13 об.).

В план издания рядом с повестью Н.Г. Помяловского «Мещанское счастье» Горький вписал роман «Молотов»; в списке книг (приложении к договору с «Академией») рядом с повестью Уго Фосколо сделал помету: «роман Д. Леопарди», — возможно, имея в виду прозаический «Дневник размышлений» этого поэта; а рядом с романом Тургенева «Рудин» дописал «Новь». Напротив третьего пункта Горький поставил знак вопроса, относившийся, по-видимому, к хронологической последовательности произведений (36). Все эти поправки, за исключением последней, не были учтены. Состав серии, по большому счету, не менялся.

Летом 1931 г. на одной из встреч Горького с М.Е. Кольцовым, возглавлявшим «Журнально-газетное объединение», возникла идея массового дешёвого издания книг серии в качестве приложений к журналам «Огонёк» и «Рост». Произошло это уже после подписания договора с «Академией», предположительно, во второй половине июля.

В письме Виноградова Горькому от 3 декабря 1931 г. эта история излагается таким образом: «Припомните, дорогой Алексей Максимович, день, когда у Вас были Кольцов, Халатов и кажется Тихонов (по словам Крючкова); Вы увидели меня у телефона и сказали: “А Халатов с Кольцовым сейчас стоворились дать «Историю молодого человека» приложением к «Огоньку»”. Я спросил: “Когда? уже в 32-ом году?”. Вы ответили: “Да, в 32-ом году: работайте, времени осталось мало”. Я сказал Вам о своей усталости. Вы повторили: “отдохните и работайте”» (38).

После отъезда Горького в Сорренто, 25 ноября 1931 г. одновременно в газетах «Правда» и «Известия» была напечатана статья Горького «История молодого человека», затем перепечатанная в первом выпуске серии. Она начиналась с сообщения о выходе серии в издательстве «Журнально-газетное объединение» в качестве приложения к журналам «Огонёк» и «Рост».

Судя по всему, издательство “Academia” не спешило с воплощением замысла Горького в жизнь, хотя в календарном плане предполагалось закончить выпуск серии в два года, а к декабрю 1932 г. выпустить девять из пятнадцати намеченных книг (37, 13). Виноградов писал, что в «Огоньке» (т. е. в «Жургазобъединении») «в 40 минут оформили документы, которые Ежов оформлял *ровно* 40 дней (“Это всё ваши выдумки с Горьким” <...>)» (38). Тем не менее объявление о выпуске серии «Жургазобъединением» стало причиной острого конфликта между И.И. Ионовым, возглавившим издательство “Academia” весной 1931 г., и А.К. Виноградовым, подписавшим договор с этим издательством на издание книжной серии.

В конце ноября и первой половине декабря Виноградов засыпал Горького множеством писем, содержавших жалобы на Ионова и просьбы о помощи:

«Ионов — первое что сделал водворившись — лишил меня оклада и штатного места, а потом создал невыносимые условия дёрганья, окриков, угроз по поводу того, что книги “Истории молодого человека” идут приложением к 2-м журналам (“Огонёк” и “Рост”). Это обычная форма двойных изданий, и сам Ионов выпускал классиков в “академическом оформлении” и *одновременно приложением к журналу* в “дешёвом оформлении”. Почему сейчас он разгневан?» (39)⁵. Виноградов сообщал, что Ионов угрожал ему судом и требовал вернуть издательству аванс (38–40).

Горький был вынужден разрешать эту ситуацию, грозившую перерасти в скандал. Он энергично заступился за Виноградова, поскольку чувствовал свою ответственность за то, как сложилась ситуация вокруг задуманной им серии. В целом ряде его писем от декабря 1931 — января 1932 гг. (М.Е. Кольцову, А.Б. Халатову, И.И. Ионову, П.П. Крючкову, И.В. Сталину) содержатся настоятельные просьбы оставить Виноградова в покое, дать ему возможность спокойно заниматься творческой работой и не препятствовать одновременному выходу серии в двух издательствах. «Если Виноградов вследствие травли его Ионовым откажется от работы по “Истории молодого человека”, я тоже откажусь от участия в этой работе», — писал он Кольцову (29, кн. 2, 232). В письме Халатову писатель грозил привлечь Ионova к общественному суду, ибо его поведение «граничит с вредительством» (29, кн. 1, 256). Кольцов писал Горькому, что «Ионов предъявил Виноградову претензии чисто денежного порядка, требуя возвращения полученных Виноградовым от Академии авансов», что против него «есть раздражение со стороны некоторых неудачливых переводчиков и литературоведов», что «приняты все меры для обеспечения Виноградову спокойной работы», и издательство не позволит опорочить ни книжную серию, ни Виноградова как её редактора: «Нужно только, чтобы Вы, Алексей Максимович, систематически просматривали работу Виноградова, чтобы он не поскользнулся на какой-нибудь своей мелкой промашке» (41, 155).

В переписке с Ионовым Горький попытался прояснить ситуацию: «“Историю молодого человека” предложил издавать “Огоньку” — я. М.Е. Кольцов обратился ко мне с вопросом: какие книги можно бы издать в приложении к “Огоньку” в 32 г.? Я рассказал ему о затеянной мною с Виноградовым “Истории”, и Кольцов охотно согласился взять её <...> он выпустит эти книги десятками тысяч, а это требуется, ибо их необходимо распространить широко <...> А.К. Виноградов, на мой взгляд, повинен только в том, что, должно быть, своевременно не договорился с Вами об одновременности двух изданий» (29, кн. 1, 76). Горький пытался убедить Ионova в возможности и целесообразности двойного издания серии: «Дело в том, что дешёвое и на плохой бумаге издание “Огонька” быстро разойдётся — исчезнет. Но для этих книг, на мой взгляд, необходимо более длительное бытие и влияние, — нам необходимо неуклонно бороться с крестьянским индивидуализмом. Виноградов это по-

нимает, как видно по его статьям о Шатобриане и Стендале. Может быть, Вы согласились бы возобновить это издание — в расширенном и дополненном виде — в 32–33 году?» (29, кн. 1, 76). Ионов решительно отклонил эту идею. «В крайнем случае, — писал он Горькому 9 января 1932 г., — имело бы смысл издать в одном или двух томах все вводные статьи. Да и такое дублирование не совсем желательно» (29, кн. 1, 79).

Узнав, что Ионов на заседании Правления Госиздата назвал А.Н. Тихонова и А.К. Виноградова «белогвардейцами и контрреволюционерами», возмущённый Горький писал заведующему издательством “Academia” 25 января 1932 г.: «Тихонова я знаю 30 лет, Виноградова — тоже хорошо знаю, оба они искренно советские люди, оба отличные работники в области книжного дела и хорошо знают литературу <...> Но Вы, очевидно, поставили себе целью “выжить” их из редколлегии. Так как я считаю Вас человеком ненормальным и неспособным единолично вести работу “Академии” — следует “выжить” из “Академии” и меня» (29, кн. 1, 81–82).

В тот же день Горький обратился с письмом к И.В. Сталину: «Прилагая копию письма моего Илье Ионову, я очень прошу Вас обратить внимание на вреднейшую склоку, затеянную этим ненормальным человеком <...> Тихонов и Виноградов защищаются мною отнюдь не по личным симпатиям, а именно потому, что это люди знающие» (15, 156). Горький предложил Сталину поставить во главе издательства “Academia” другого человека. Сталин принял решение снять Ионова, с мая 1932 г. издательство возглавил Л.Б. Каменев.

Инцидент был исчерпан. В «Жургазобъединении» началась интенсивная работа над серией. Издательство приняло на себя обязательство перед подписчиками двух журналов выпустить серию в качестве приложения в течение 1932 г. Виноградову как редактору, составителю, переводчику и автору вступительных статей необходимо было проделать большую работу в кратчайшие сроки. О напряжённом графике этой работы дают представление сроки сдачи выпусков в производство:

Вып.	Автор, название	Сдан в производство	Подписан в печать
1.	Шатобриан «Рене»; Констан «Адольф»	2 января	26 февраля
2.	Стендаль «Красное и чёрное» Ч. 1.	2 февраля	14 марта
3–4.	Стендаль «Красное и чёрное» Ч. 2.	16 февраля	24 марта
5–6.	Мюссе «Исповедь сына века»	13 января	5 марта
7–8.	Лермонтов «Герой нашего времени»	15 марта	10 мая
9–10.	Тургенев «Рудин», «Отцы и дети»	28 апреля	8 июня

11–12.	Помяловский «Мещанское счастье»; Слепцов «Трудное время»	2 июня	20 июня
13.	Бурже «Ученик»	2 июля	21 июля
14–16.	Сенкевич «Без догмата»	20 июля	31 августа
17–19.	Бульвер-Литтон «Кенельм Чиллингли»	21 августа	7 октября
20–21.	Бальзак «Шагренева кожа»	31 октября	26 ноября
22–23	Гёте «Страдания молодого Вертера»; Валера «Иллюзии доктора Фаустино»; Фосколо «Последние письма Джакомо Ортиса».	10 ноября	11 декабря
24.	«Повести о лишнем человеке» (Осипович-Новодворский «Эпизод из жизни ни павы, ни вороны»; А. де Виньи «Стелло и чёрный доктор»; В. Гюго «Казнь Клода Ге»)	23 ноября	20 декабря

Обстоятельства, в которые был поставлен Виноградов, отчасти объясняют многочисленные сбои и конфликты, возникавшие в процессе этой напряжённой работы. Однако здесь сказались и его личностные черты, о которых поначалу Горький не имел представления. 17 марта 1931 г. Горький замечал в письме Виноградову: «Ваши письма носят несколько нейрастенический характер, Вы, должно быть, переутомились?» (22, 240). 13 декабря 1931 г. Горький писал ему: «Анатолий Корнилиевич — Вы не думаете, что Ваши ежедневные, “спешные” письма, наполненные жалобами, несколько мешают мне работать? А это так — мешают» (26, 203). На письме Виноградова от 5 апреля 1932 г. Горький написал красным карандашом: «Мания преследования. Получено в 3-х конвертах!» (42).

Зимой 1931–1932 гг. Виноградов вступил в конфликт с секцией переводчиков при Федерации объединений советских писателей, в связи с чем написал в секцию большое письмо. Из него ясно, кого Виноградов винил в этом конфликте: «...Издатель Ионов пожелал использовать Секцию против меня за неимением других средств воздействия». Вероятно, ему были предъявлены обвинения в небрежном переводе или плагиате: Виноградов заявлял в этом письме, что не считает работу по переводу текстов основной. «Зачёркивая таким образом первенствующее значение большой темы и с т о р и и о д н о г о г е р о я, для которой тексты русских и иностранных романов являются лишь иллюстрацией, Ионов хочет создать дело даже не по поводу качества текстов, а по поводу моего использования и переделки старых переводов», — писал он (43).

Дневниковые записи К.И. Чуковского позволяют предположить, что И.И. Ионов надеялся получить поддержку в конфликте с Виноградовым, представив его переводы на экспертизу специалистам. Чуковский записывал 24 февраля 1932 г. со слов Иопова, что Виноградов сдал «для напечатания такие неряшливые рукописи, которые Ионов считает сплошной халтурой»

(44, 456). 5 апреля этого года, уже после устранения Ионова с поста директора издательства, Чуковский привёл в дневнике его слова: «Какие все трусы! Какие подлецы! Я представил работы Виноградова на отзыв специалистам — они вначале подтвердили мой отзыв, что эти работы — уголовная мерзость, а потом струсили... и оргвыводов не сделал никто...» (44, 475).

Вероятно, продолжением этого конфликта была следующая скандальная история. В письме М.Е. Кольцову от конца мая 1932 г. Виноградов так описывал произошедшее: «На собрании Горкома писателей Ионов 10 мая заявил, что Виноградов приносил в издательство “Огонёк” французскую книжку, из которой был заимствован портрет “Чёрного консула”, заклеив титул этой книжки. Уверяю Вас, говорил Ионов, что выпущенная им книжонка буквально списана с этого французского текста» (45).

11 мая 1932 г. Виноградов писал Горькому: «Дорогой Алексей Максимович, к Вам нынче-завтра явится депутация Горкома писателей, для того чтобы предостеречь Вас от общения с Виноградовым <...> Они <...> желают получить от Вас хотя бы молчаливое согласие: 1) на разрыв *всех* договоров (это уже начато); 2) на исключение Виноградова из писательского союза с опубликованием этого решения в печати; 3) на полное изгнание Виноградова из литературы. Ионов <...> объявил начало крестового похода: “Я добился того, что *Каменев исключил Виноградова из состава изд. “Academia”*, я добился, что все написанное Виноградовым признано вздором”» (46).

Уже в декабре 1931 г. Виноградов жаловался Горькому на технических работников «Жургазобъединения» (40). К маю 1932 г., когда работа над «Историей молодого человека» была в самом разгаре, работники издательства и Виноградов накопили массу взаимных претензий. Сотрудники издательства, также работавшие в жёстких условиях, сталкивались с постоянным нарушением сроков сдачи вступительных статей и текстов романов. Виноградов обвинял их в изменении достигнутых договорённостей, давлении на него и бесцеремонном вмешательстве в его тексты, приводившем к деформации смысла.

В РГАЛИ хранится докладная записка заведующего производственным сектором издательства «Жургазобъединение». Датировать её по содержанию можно предположительно весной-летом 1932 г. Приводим этот документ полностью (печатается впервые):

«Председателю Правления тов. М.Е. Кольцову.

Производственный сектор обращает Ваше внимание на нижеследующие упущения, обнаруженные нами при сдаче в производство рукописей “История молодого человека”:

1) Прежде всего установлено полное несоответствие договорного листажа с количеством листов в принесённых рукописях. Так, при составлении договора редактором указано, что “Рене” Шатобриана имеет 3 листа, “Адольф” Констана — 15 листов, “Исповедь сына века” Мюссе — 22 листа. В действи-

тельности в первом около 1 листа, во втором — 4 листа, а в третьем до 10 листов. Таким образом, в первой книге вместо 18 листов, которую мы предполагали выпустить двойной, вместе с предисловием т. Виноградова и статьёй Горького едва наберётся 7 ½ листов.

2) Тексты Шатобриана и Констана, представленные т. Виноградовым, были без единой пометки. Даже работа машинистки осталась редактором не просмотренной. Язык переводов крайне архаичен, несвоевременен. Кроме того, читчиками сделаны на полях свыше полусотни замечаний, отмечающие абсурдность ряда мест перевода. Внимательный просмотр рукописи этого тома помог сразу открыть автора её перевода: на обороте некоторых страниц машинописной копии оказалось переписанным предисловие В. Чуйко. Проверка в Публичной библиотеке подтвердила это предположение, — перевод оказался взятым из издания “Рене” 1894 г. в переводе Чуйко, причём текст перевода, представленный т. Виноградовым, ни одним словом не отличается от издания 1894 года.

3) По проверке выяснилось, что перевод Констана взят из книги, выпущенной в 1915 году (Бенжамен Констан. “Адольф”, повесть, перев. с французского Ек. Андреевой, Москва, книгоиздательство Некрасова). Вопросы же, поставленные корректором на полях, оказались весьма логичными, т. к. по вине машинистки и редактора, даже не сверившего её работу, неоднократно пропущенными оказались целые фразы, отдельные строки, а в одном случае целая страница книги в 40 строк (см. наши пометки на стр. 26, 28, 44, 58). Самое же главное, что переводы пестрят явными бессмыслицами, архаизмами, которые резали ухо уже во времена Чуйко и Андреевой. Объясняется это тем, что в их работу легли в основу старые русские классические переводы — напр., перевод “Адольфа”, сделанный князем Вяземским. И, конечно, в таком виде в 1932 году преподносить переводы классиков мировой литературы — невозможно.

Мы опасаемся, что данный случай не единичный, что и другие переводы в этом издании такого же происхождения, как Шатобриан и Констан. Художник Кравченко, которому дана книга Фосколо для иллюстраций, жаловался на полную неудобочитаемость перевода. Другой том — “Красное и чёрное” Стендаля является исправленным переводом того же Чуйко, выпущенным т. Виноградовым за своей подписью уже в двух изданиях.

Учитывая тот факт, что переделки и переборки уже набранного текста вызовут целую борьбу с типографией и задержку выхода томов, просим Вашего указания, сдать ли рукописи в печать.

Зав. Производственным Сектором /*Моляренко*/» (47).

В конце мая 1932 г. М.Е. Кольцов и А.К. Виноградов обменялись письмами, копии которых были направлены ими Горькому для ознакомления и сохранились в его архиве. 22 мая Кольцов писал секретарю Горького П.П. Крюкову: «Дорогой Пётр Петрович! При сем — копия письма моего к А.К. Ви-

ноградову. Прошу тебя — незамедлительно показать его А.М. Надо немедленно сделать. Всякое терпение лопнуло. Привет!!! *Мих. Кольцов*» (48, печатается впервые). В письме Виноградову от того же числа Кольцов писал следующее:
«22 мая 1932 г.

Дорогой Анатолий Корнелиевич!

Вот и мне, немолодому человеку XX столетия, приходится — весьма вынужденно — заняться эпистолярным жанром. У меня не приготовлено, как у Люсьена Сорель, ещё одиннадцать готовых писем про запас — поэтому прошу Вас отнестись к этому письму достаточно серьёзно.

Издание “Истории молодого человека” совершенно зашло в тупик.

Вы знаете, Анатолий Корнелиевич, что, идя навстречу Вам, Журнально-газетное объединение согласилось выпустить вперёд ряд русских романов. По требованию Главлита, единая общая статья должна была этим романам предшествовать. С другой стороны, по твёрдым правилам почтового ведомства, рассылающего наши книги, рассылка выпуска десятого и дальнейших невозможна до выхода в свет выпуска девятого, в котором должна быть помещена Ваша статья.

Статью Вы не даёте и этим задерживаете выход в свет не только девятого, но и следующих за Лермонтовым выпусков.

Нет никакой возможности узнать, к какому же точно времени Вы сдадите статью, входящую в выпуск девятый. За последнее время Вы, по-видимому, вообще не проявляете интереса к предпринятому Вами же изданию. Сноситься с Вами чрезвычайно трудно, работники издательства сбились с ног, разыскивая Вас, письма сплошь и рядом остаются без ответа.

Сдача Вами текстов романов — ещё далеко не всех, не подвигает реальную работу, ибо главная задержка возникает из-за предисловий. А предисловий Вы за всё время, то есть за семь месяцев, сдали только четыре. При таком положении все планы, графики и схемы выпуска “Истории молодого человека” беспощадно разбиваются. Энергия и старательность работников издательства, обычно осиливающих у нас выпуск сложнейших изданий, — в данном случае пропадают втуне, остаются безрезультатными.

Мы выделили в помощь Вам А.И. Дейча⁶, который принял на себя, помимо работы по правке текстов, ещё организационно-редакционные функции. Ввиду создавшегося положения и сыплющихся на него нареканий, он обратился ко мне с просьбой освободить его от исполнения обязанностей заведующего редакцией “Истории молодого человека”, и его уход, несомненно, вредно отразится на этом деле и без того влачащем самое жалкое существование по сравнению со всеми остальными многочисленными изданиями Журнально-газетного объединения.

Нужно ли говорить о том, что Вами самым беспощадным образом нарушен заключённый с нами авторский договор, по которому Вы обязались в *марте* сего года сдать полностью отредактированные Вами или переведён-

ные заново тексты романов со всеми вступительными статьями. Эти условия Вами нарушены, и нет никакой возможности получить от Вас прямой ответ, в какие сроки будут нам сданы необходимые для регулярного выхода в свет материалы.

Вы знаете, Анатолий Корнелиевич, что в ряде случаев, когда Ваша работа и Вы лично подвергались нападкам со стороны, мы энергично поддерживали Вас, давали решительный отпор, защищая репутацию предпринятого Вами издания и Вашу лично. Сейчас мы приведены к такому положению, что единственным выходом будет прекращение издания, пусть даже ценою всероссийского конфуза и скандала, ценою огромных материальных убытков (подписчики), злорадства всех врагов этого начинания, огорчения друзей и соиздателей, включая Вашего соредактора Алексея Максимовича.

Я категорически настаиваю, Анатолий Корнелиевич, на сдаче Вами статьи для девятого выпуска до 25 мая и на решительном переломе в работе, без которого, как уже сказал, лично я поставлю вопрос о прекращении издания.

Примите все уверения в совершеннейшем к Вам почтении.

Мих. Кольцов

Копия — А.М. Пешкову» (48, печатается впервые).

К письму прилагался список «Окончательные сроки сдачи предисловий к “Истории молодого человека”», согласно которому оставшиеся вступительные статьи необходимо было представлять в издательство каждые две недели, последнюю сдать 15 сентября 1932 г.

Виноградов ответил Кольцову недатированным письмом, копию которого также направил Горькому:

«Дорогой Михаил Ефимович, я всегда относился к Вашим письмам с полной серьёзностью. С полной серьёзностью отвечаю и на это Ваше письмо. Прежде всего говорю, если есть стремление завести “Историю молодого человека” в тупик, то это не моё стремление, во-первых, и я не согласен, что оно уже зашло в тупик — во-вторых.

Ваше письмо коренным образом ломает моё соглашение с Вами на последнем заседании Правления. Мне было поручено 22 апреля сдать: 1. Окончательно согласованный текст Лермонтова и 2. Тексты Слепцова, как сданные в редакции Чуковского, пустить в набор. 3. Тексты Тургенева дать в качестве очередного выпуска с коротким объяснением редакции, предупреждающим читателя о том, что объединённая вступительная статья, посвящённая истории русского молодого человека второй половины прошлого столетия будет представлять собою отдельный выпуск, последующий за выходом русских романов. В этом смысле осуществляя пожелание М. Горького дать связную историю русского героя, я начал работу, аккуратно представив первые три книги (корректур Лермонтова, тексты Тургенева, Слепцова) и добавив 4. — тексты Помяловского, о которых я вёл переписку с Ямпольским. Алексей Максимович по-

сле больших собеседований на тему о русском молодом человеке, даёт свой конспект этой истории. Я говорил с ним по этому поводу три раза и считал бы целесообразным просить Вас внести больше гибкости в работу Ваших производственников. Их обязанность — обслуживать издание, а не резать и кромсать его чисто механическими подходами к живой и органической работе писателей. Вместо обслуживания я всё время испытываю на себе командование тех, кто не всегда стоит на высоте собственных задач (неряшливость и масса опечаток). Руководитель Вашей редакции Е.Д. Зозуля⁷ договорился со мной, что статья будет дана в июне месяце. Таким образом, предлагаемый мне срок 25 мая не только нарушает постановление Правления, но и является для меня неожиданным и безусловно невыполнимым требованием, т.к. я раньше 15 июня дать статьи не могу. Аргументы, касающиеся того, что почтовое ведомство не может высылать десятого выпуска раньше девятого, были Вами выслушаны, и Вы при мне сказали Э.Г. Голомбу⁸, что Вы берете на себя улаживание этого чисто формального препятствия <...> Что касается других требований, что единая общая статья должна предшествовать, то меня удивляет непостоянство в этих суждениях, ибо это же учреждение в начале года требовало перенесения моих статей в конец книги, или выпуска их отдельно после выхода текстов <...> Прошу Вас принять от меня 15 июня обещанные материалы, так как всё же работа идёт более успешно, чем издание “Всемирной истории”...» (45, печатается впервые).

31 июля 1932 г. А.И. Дейч писал П.П. Крючкову, что многие выпуски «Истории молодого человека» ещё не имеют предисловий (49). И это при том, что ещё 29 марта 1932 г. Виноградов, посылая через Крючкова в Сорренто вышедшую первую часть романа Стендаля «Красное и чёрное» и статью о Лермонтове, обещал Горькому: «...к Вашему приезду будут готовы основные, взаимно связанные статьи <...> Из статей мною вчерне закончены Бурже, Бульвер-Литтон, Сенкевич. Особенно интересно было работать над этим совершенно удивительным английским романом Литтона. От байроновской речи в защиту ткачей, через чартизм к роману, написанному в год Парижской Коммуны, на этом пути английский молодой человек показался мне чрезвычайно интересным. Карлейль, Диккенс, Рескин и новый бунт против машины Вильяма Мориса — это какие-то совсем неожиданные зигзаги» (50).

В письме Горькому от 22 июня 1932 г. Виноградов попытался отказаться от работы над серией: «Дорогой Алексей Максимович, трудности всякого рода и большая усталость вынуждают меня отказаться от всех больших работ <...> Сейчас говорил с Кольцовым о раздаче следующих томов “Ист. мол. чел.” разным авторам <...> Если бы не ежечасные побои, я ни за что не отказался бы. Простите» (51). Найти ему замену в условиях жёстких сроков было крайне затруднительно. Видимо, по этой причине Виноградов продолжил работу над серией. Каким-то образом инцидент был улажен, разумеется, не без участия Горького.

И это лишь отдельные документально подтверждённые эпизоды. С большой долей вероятности можно предположить, что подобные страсти бушевали вокруг соредактора серии постоянно, что не могло не сказаться на качестве самой книжной серии.

Жалобы на небрежную работу Виноградова поступали Горькому и из других источников. Так, 14 сентября 1932 г. Л.Б. Каменев писал ему о том, как обстоят дела в «Академии», и замечал: «“Дурит” Виноградов, который в ответ на наши деловые запросы о сроке выполнения взятой им работы (подготовка Мицкевича) отвечает болезненно-нервными диссертациями, грозит мне Вами и т.п., но о сроке сдачи работы, хитрец, молчит!» (52, 558–559). В августе-сентябре 1931 г. Каменев трижды писал Виноградову, требуя представить издательству первый том двухтомника А. Мицкевича согласно договору. На одном из этих писем — приписка Виноградова: «Дорогой Алексей Максимович, просите Л.Б. не издеваться» (53).

Горький постепенно изменил своё отношение к Виноградову, перестал воспринимать его жалобные и раздражённые письма всерьёз, делал поправку на не вполне адекватное состояние своего адресата. Бесконечная цепь конфликтов и скандальных ситуаций, связанных с Виноградовым, вынудила писателя дистанцироваться от него.

Однако главной причиной охлаждения Горького к Виноградову было качество его работы. В письме от 7 декабря 1931 г. Горький отвечал на опасения Виноградова, что некие люди пытаются вбить «клин» между ними: «У меня “хозяйское” отношение к людям: хорошо работает, ну, значит — хороший человек. И никакие сплетни не могут понизить этой оценки» (55).

Из всех статей Виноградова — предисловий к выпускам серии — Горький одобрил лишь первую и вторую: к выпуску 1, включавшему повести «Рене» Р. Шатобриана и «Адольф» Б. Констана, и к роману Ф. Стендаля «Красное и чёрное» (вып. 2–3 и 4), хотя и эти работы его полностью не удовлетворили. «...Статьи, местами, сделаны небрежно», — писал он П.П. Крючкову 7 декабря 1931 г. (31, 499), пересылая их через секретаря вместе с письмом Виноградову. В письме Виноградову от того же числа содержится внушительный список постраничных замечаний к его предисловиям, а также предложение содержательного характера: «Не найдёте ли Вы нужным предпослать этой статье коротенький очерк основных идей “века просвещения” во Франции и “романтизма” в раздробленной Германии? Или это удобнее сделать в предисловии к “Вертеру”? Во всяком случае, нам необходимо отметить и объяснить причины различий её исследующей — Фаустовской мысли и мысли, подчинённой восточному — пассивному мироощущению. Немецкая философия пессимизма имеет несомненное сродство с индусской, — я имею в виду не только Шопенгауэра, Гартмана, но и Кантово убеждение в бессилии интеллекта преобразовать мир. О Фаустах Вам придётся говорить» (55).

Начиная с пятого-шестого выпуска серии (А. де Мюссе «Исповедь сына века»), оценки Горького становятся всё более критическими, в них чувствуется разочарование. В январе 1932 г. Горький писал Виноградову: «...с грустью и не без удивления должен сказать, что статья о Мюссе построена плохо, а написана — крайне небрежно. Плохо построена — это значит, что материал статьи расположен не стройно, запутанно, одни и те же факты и доказательства повторяются несколько раз. Первые 4 страницы являются чем-то похожим на конспект её, точнее — на отрывок конспекта. Ж. Занд Вы уделите очень много <...> места. Разумеется, нельзя умолчать о её значении в жизни Мюссе, но Вы перешагнули далеко за пределы этой темы, давая характеристику её фигуры, настроения, работы и это не оправдано у Вас <...> Вы перегрузили статью <...> Далее. Мне кажется, что необходимо отмечать, подчёркивать связи и единство настроений, намерений, приёмов работы европейских литераторов с русскими. Шатобриан, Ж. де Местр и князь Одоевский, например? Вы указали на некое единство Мюссе — Лермонтова, — я думаю, что не лишним было бы указать и на некоторое совпадение затеи Помяловского написать роман “Брат и сестра” с “Парижскими тайнами” Сю и на искажение темы Сю — Всев. Крестовским <...> И очень прошу Вас помнить о нашем читателе, о степени его восприимчивости, она требует простоты, ясности фразы, экономии слов» (26, 204–205). В ответ на сообщение Виноградова о том, что он написал повесть «Чёрный консул», Горький сетовал, что работа над «Историей молодого человека XIX столетия» требует «величайшей серьёзности» и не следует отвлекаться на беллетристику.

В апреле 1932 г., прочитав предисловие к седьмому-восьмому выпуску, включавшему роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», Горький писал Виноградову: «Я должен повторить то, что писал Вам по поводу статьи о Мюссе: о Лермонтове Вы написали тоже небрежно. Небрежность эта чувствуется в языке статьи, в поверхностном изображении бытовых политико-экономических условий эпохи Николая I-го и в недостаточно широком освещении литературных настроений, течений этой эпохи. Говоря о Лермонтове, нельзя не упомянуть о Баратынском, Полежаеве, о “романтиках” типа Одоевского, о всех поисках утешения и покоя, о причинах внутреннего бунта, о его бесплодности и той усталости, которую Герцен именовал “резиньяцией”. Роман Лермонтова входит в серию иностранных романов избранной нами темы — единицей. Это обстоятельство делает статью о Лермонтове особенно важной и ответственной. Она должна отметить всех Печориных эпохи <...> необходимо упомянуть о Радищеве и Новикове, о Рылееве и Пнине, — о Печорине-эмигранте, который спрятался в католичество, о стихах фон-Визина, посвящённых его слугам, тогда будет понятно, откуда и почему явились Герцен и “Петрашевцы”. Обломов тоже “герой” эпохи, но его трудно понять, не вспомнив “недорослей”. Вы очень мало сказали о Чацком, Онегине и забыли Бельтова из “Кто виноват?” Герцена. Наши “молодые люди 19-го столетия” очень разнообразны, но —

они разноцветные камни ожерелья, нанизанного на одну нить, это — внешнее разнообразие. Нашему “молодому человеку” — слишком мало места в статье о Лермонтове <...> Он заслуживает не статьи, а целой книги, посвящённой его биографии. Он проживает на земле время, превышающее столетие. У Арцыбашева он выродился в Санина. И книгу о нем можно бы озаглавить “От Печори-на до Санина и далее”» (26, 206).

Чем дальше продвигалась работа над серией, тем больше нарастало недовольство и разочарование Горького. Он не находил в статьях Виноградова анализа литературного типа в его последовательном развитии и в связи с социально-политическим развитием Европы и России.

В статьях о Стендале, Мюссе и Лермонтове замечания Горького практически не были учтены Виноградовым. Затем Виноградов вовсе перестал предварительно знакомить Горького со своими вступительными статьями, возможно, из-за недостатка времени, поскольку дописывал их в последний момент, а то и по истечении всех крайних сроков. Так, предисловия к романам П. Бурже «Ученик», Г. Сенкевича «Без догмата» и Э. Бульвер-Литтона «Кенельм Чиллингли» сдавались в печать летом-осенью 1932 г., когда Горький был в СССР. Однако писатель прочитал их уже по выходе соответствующих выпусков серии из печати.

24 декабря 1932 г. Горький писал Виноградову: «Статья, написанная Вами к роману Бурже — очень плоха. Вы забыли сказать в ней многое, забыли упомянуть о литературных характерах, параллельных Грелу, напр., Поль Астье, и параллельных Вертеру, Ортису, напр., герой Мопассана в “Нашем сердце” и Э. Рода в “Смысле жизни”. Ещё более плоха статья к роману Литтона, в ней Вы не дали очерка эпохи и не провели черты, которая связала бы характеры, подобные Чиллингли, показав постепенное их снижение вплоть до героев Т. Гарди и О. Уайльда. У меня нет времени, да и охоты подробно указать Вам на то, каким небрежнейшим языком Вы пишете» (26, 207; 59). Горький вновь упрекал Виноградова в недостаточно серьёзном отношении к работе над «Историей молодого человека» и в том, что во время этой работы, выполненной небрежно, у того нашлось время написать две большие повести.

Отвечая на это письмо, Виноградов писал (по-видимому, в конце декабря 1932 г. или начале января 1933 г.): «Вы, может быть, примете к сведению, что статья о романе Бурже “Ученик” была написана в то время, когда Вы уже не были в Горках, а в Сорренто посылать её я Вам не мог, и поэтому весь Ваш гнев, переданный через Крючкова, меня поразил как громом» (28). Однако, как следует из указания на 13 выпуске серии, роман П. Бурже «Ученик» (вероятно, вместе с предисловием) был сдан в производство 2 июля 1931 г., а подписан к печати 21 июля этого года, когда до отъезда Горького в Сорренто оставалось ещё несколько месяцев.

К подобному же оправданию Виноградов пытался прибегнуть, посылая Горькому разгромный отзыв Ф.Я. Кона (см. далее) на предисловие к роману

Г. Сенкевича «Без догмата» (вып. 14–16 серии). «Мою статью о Сенкевиче досматривали в Ваше отсутствие (в Берлине) и три раза выправляли», — писал он. Горький был в Берлине с 26 августа по 2 сентября 1932 г., когда голландское правительство отказалось предоставить въездные визы части советской делегации на Амстердамский антивоенный конгресс; роман Г. Сенкевича был подписан к печати 31 августа 1932 г. Однако это не объясняет, почему Виноградов не ознакомил Горького с содержанием своей вступительной статьи немногим ранее: дата сдачи рукописи в производство — 20 июля 1932 г.

На замечания Горького к вступительной статье 17–19 выпуска (роман Бульвер-Литтона «Кенельм Чиллингли») Виноградов отвечал в другом недатированном письме: «Вы мне пишете, что я “не коснулся вырождения английского молодого человека, превращения его из Кенельма Чиллингли в Уальдовского Дориана Грея”. Но заверяю Вас честью, что не только эта проблема превращения английского молодого человека, но и вопрос о нисхождении доктора Фаустино через испанскую реакцию до микроскопического мерзавца Арно в романе Шпильгагена “Фаустуль” была мною разработана» (28; 57, 30–31). Виноградов сообщал, что всё это было вычеркнуто в процессе технической подготовки издания так же, как «исковеркан был 24 выпуск» (28).

Нетрудно заметить, что неудовлетворённость Горького статьями Виноградова была вызвана, во-первых, недостаточным освещением социально-экономических предпосылок возникновения литературного типа «молодого человека» и, во-вторых, непрописанностью ключевой идеи серии, недоучётом литературного контекста того или иного образа. Завершая статью «История молодого человека», Горький писал: «Все указанные здесь противоречия, вся путаница умозрительных размышлений, все социально-экономические причины вырождения и банкротства мещанского индивидуализма будут показаны в предисловии к томам “Истории молодого человека XIX столетия”» (23, 170). Очевидно, эти ожидания не оправдались.

Горький всё больше убеждался, что Виноградов довольно бесцеремонно использует их сотрудничество в своих целях. Из заметки Виноградова на письме Горького от 24 декабря 1932 г. следует: Виноградов не поверил, что письмо написано Горьким, был убеждён, что оно «настукано» на машинке Крючковым, а подпись Горького подделана им же (58). Предположение это было ошибочным: в Архиве Горького хранится автограф письма, полностью написанный рукой Горького. В конце автографа вычеркнуты слова: «[А теперь Вы используете это издание. Я полагаю, что мне не ну<жен?>]» (59).

25 декабря 1932 г. Горький писал М.Е. Кольцову, сопровождая просьбу прислать все книги серии следующим замечанием: «Виноградов несколько подпортил игру. Статьи к Бурже и Литтону — особенно последняя — всесторонне плохи. И — не только они. Но “на безлюдье и Фома — дворянин”. Особенно жестоко казнить Виноградова — не следует, ему, судя по письму его ко мне, кажется, уже “попало”. Человек он неврастенический, но — знающий.

Нужно бы внушить ему, чтоб он все свои вводные статьи к “Истории” обработал в книгу “Ист<ория> французской лит<ературы> XIX века”. Он может сделать это не плохо» (41, 160). Существенно, что в этом письме идёт речь не о книге, посвящённой истории «молодого человека» как литературного типа, а об «Истории французской литературы», которую Горький предлагал Виноградову написать ещё в марте-апреле 1930 г. (21; 260, 280), до того, как возник замысел «Истории молодого человека». Очевидно, что дать историю литературного типа, какой её задумал Горький, Виноградову не удалось.

17 января 1933 г. по просьбе Горького Кольцов выслал ему все книги серии, а также «статьи Виноградова, переплетённые в отдельный том» (26, 162). Все они сохранились в Личной библиотеке Горького, на ряде книг серии — пометы писателя (34, № 2277, 2200, 2195, 2074, 2568, 1559, 1359, 1791–1792, 2165, 1751–1753, 1866, 3203–3204, 3460).

Наиболее интересны пометы на одном из экземпляров романа П. Бурже «Ученик» (34, № 1792)⁹. Перед предисловием А.К. Виноградова, на стр. 3, Горький написал: «Забыв Польшу Астье и герой романа М. Барреса “Свободный человек”». Имеется в виду Польша Астье — герой произведений А. Додэ (романа «Бессмертный» и пьесы «Борьба за существование») и Филипп — герой трилогии Мориса Барреса «Куль я» («Под взглядом варваров», «Свободный человек», «В саду Береники»).

Имена этих писателей и их героев были связаны в сознании Горького ещё во время написания статьи «Поль Верлен и декаденты» (1896), в которой он писал: «Тогда во Франции, живущей всегда быстрее всех других стран, создавалась атмосфера душная и сырая, в которой, однако, очень хорошо дышалось Полю Астье и всем людям его типа, исповедовавшим прямолинейный материализм и относившимся скептически ко всему, что было идеально и призывало к переустройству жизни <...> Бурже, начавший так талантливо свою деятельность, из глубокого философа, прекрасно расходовавшего свой здоровый и острый скептицизм на освещение застарелых болезней общества и вскрытие его язв, замаскированных, но неизлеченных, превращается в скучного и сухого моралиста в духе католицизма <...> Морис Баррес, в то время только что выступивший со своим “эготизмом” и прославлением энергии, “силы, пред которой все должно преклониться”, подвергся со стороны декадентов отчаянной критике» (60; 127, 128, 130).

Таким образом, основное замечание Горького к статье Виноградова связано с недостатком литературного контекста и типологических связей между героями разных авторов. Тем более, что П. Бурже писал о героях А. Додэ и М. Барреса в авторском предисловии к роману: «Перед моими глазами в эту минуту встают два типа молодых людей <...> Один — тип циника и беззаботного весельчака <...> Альфонс Додэ, которому удалось прекрасно разглядеть и описать этот тип современного молодого человека, окрестил его именем “Struggle-for-lifer” — “борец за существование” <...> Он ценит только успех,

а в успехе — только деньги <...> другой тип, отличающийся утончённостью нервов и ума <...>, способный верить лишь в забавляющую его игру собственного ума, превращённого им в орудие элегантно разврата <...> Это — эгоист утончённый и изысканный. Как верно заметил выдающийся аналитик, Морис Баррес, в своём прекрасном романе “Свободный человек” <...> все его стремления направлены лишь к обожанию своего “я”, к украшению его все новыми ощущениями» (8, 16–17). Эти высказывания автора, конечно, нуждались в комментариях Виноградова. В своём экземпляре книги, на стр. 17, Горький подчеркнул имя Мориса Барреса в процитированном выше предисловии П. Бурже.

В статье Виноградова Горький сделал несколько содержательно значимых помет. На стр. 5 — знак вопроса напротив фразы: «...кончая тем авантюристом, который скрыл свои тривиально-отталкивающие черты под железной маской, снятой с трупа Наполеона». О ком идёт речь, неясно, и вряд ли читатель, которому адресована серия, мог сам об этом догадаться. Другой знак вопроса, вероятно, выражающий несогласие или сомнение Горького, стоит напротив утверждения Виноградова на стр. 7: «Бурже не даёт своим страдающим героям никакого общественного выхода, кроме политического консерватизма, реставрации прежнего и готовой формы католической догмы». На стр. 11 перечёркнута характеристика И. Тэна: «Тэн смотрел на человека, как на “животное высшей породы, производящее поэзию и философию совершенно так же, как пчела производит свой мёд”»; на полях — надпись Горького: «Это просто». Наконец, на стр. 12, отчёркнута на полях и отмечена знаком решётки (#) виноградовская характеристика героя романа «Ученик», «маленького индивидуалиста», который «сам не мог догадаться, что под видом аналитического изучающего отношения к ближнему, он просто занят мещанским самокопанием, совершенно бесплодным, для себя не нужным и для других вредным».

В предисловии П. Бурже к роману «Ученик», помимо подчеркнутого имени М. Барреса, сделано несколько интересных помет. Волнистой линией и галочкой на полях отмечено высказывание: «Она <буржуазия Франции. — Л.С.> признала это всеобщее избирательное право, самую чудовищную и несправедливую из всех форм тираний, ибо сила большинства является наиболее грубой силой, так как даже не искупается мужеством и талантом» (стр. 15). В характеристике первого из двух типов «молодых людей конца XIX столетия», о которых писал Бурже в предисловии, Горький отметил следующее: «...он, например, признает полезным заgrimироваться социалистом, лгать народу, чтобы получить на выборах его голоса» (стр. 16). На стр. 17 отмечены утверждения писателя, с которыми Горький никак не мог согласиться: «*Есть одна реальность*, в существовании которой ты не можешь сомневаться <...> *это твоя душа*» (выделенное здесь курсивом подчеркнуто Горьким в

тексте. — Л.С.); «Современная наука, искренняя, скромная, признает, что за пределами её анализа простирается область непознаваемого» (предложение отмечено волнистой линией на полях).

Среди других помет писателя на этом выпуске серии — ряд замеченных им опечаток, грамматических ошибок, пропущенных слов и стилистических погрешностей перевода. Например, на стр. 29 подчёркнута неудачная грамматическая конструкция, выделенная ниже курсивом: «Этот мыслитель, за которым ухаживала *старая служанка, стряпавшая в кухне, сидя за письменным столом в кабинете...*»; на стр. 44 — фраза: «...окна их были *окрашены дешёвыми цветами*» (вероятно, украшены); на стр. 100 — слово в предложении: «...наивное восхищение перед красотой природы, которое является привилегией чистых сердец и которого *не знают* уши, иссушенные рассуждениями, абстрактными теориями и чтением...» (фраза отмечена также чертой на полях и знаком вопроса; вероятно, умы, а не уши). Эти и подобные пометы выражают недовольство Горького качеством подготовки текста романа, за которую отвечал Виноградов.

Перечитывая роман, Горький отметил некоторые заинтересовавшие его наблюдения и выразительные формулировки героя Бурже: «...я вспоминал легенду об ангелах-хранителях и понимал *происхождение этой поэтической сказки католицизма*» (стр. 119; отмеченная курсивом часть фразы отчёркнута на полях); «Язык создан взрослыми людьми для выражения мыслей и ощущений взрослых же людей. Не хватает слов, соответствующих несформировавшимся переживаниям детей, полумраку их душ» (стр. 68; весь фрагмент отчеркнут на полях).

Другие пометы свидетельствуют о том, как внимательно, с карандашом в руке перечитывал Горький роман Бурже «Ученик» в 1932 г., обращая внимание прежде всего на особенности характера и душевного склада Грелу. Отмечены прямой линией на полях следующие высказывания в исповеди героя¹⁰, обращённой к «учителю» — философу Адриену Сиксту: «Я <...> привык считать свою мысль единственной реальностью, с которой мне следует считаться, а внешний мир — безразличной и неуклонной сменой видимостей» (стр. 56); «...главной чертой моего характера является способность и потребность в раздвоении моего “я”» (стр. 58); «...я с раннего детства привык слишком много копаться в самом себе, вследствие чего во мне развилась беспримерная чувствительность» (стр. 69). Во фразе героя о своей исповеди подчёркнуты выделенные курсивом слова: «Я называю это *литургией своему “я”*» (стр. 95). Напротив слов «игра в разочарование и меланхолию» (средство соблазнить Шарлотту) на полях поставлена галочка (стр. 102). Этот же знак стоит рядом с фразой, выделенной ниже курсивом: «Это сомнение питалось своего рода наивным честолюбием, заставлявшим меня страстно желать *сделаться таким же умным, как самые умные люди, а не прозябать в ряду посредственностей*» (стр. 73).

Отмечены прямой чертой и галочкой на полях высказывания героя о науке психологии и поработившей его ум философской системе Адриена Сикста: «Все в этой науке прекрасно гармонировало со складом моего ума, обусловленным моей наследственностью, воспитанием и моими собственными склонностями: применяемый метод — собственное размышление и самоанализ; предмет изучения — человеческое “я” в связи с его способностями и страстями; искомый результат — система общих идей, способных резюмировать в кратких формулах бесконечный ряд феноменов» (стр. 78); «Моей мыслью овладела математическая строгость вашей книги, мой дорогой учитель, вы показали мне с непреодолимой силой диалектики, что всякая гипотеза о первопричине — бессмыслица, самая идея этой причины — абсурд, и что, тем не менее, эта бессмыслица, этот абсурд также необходимы для нашего ума, как неизбежна для глаз иллюзия вращения солнца вокруг земли, хотя мы и знаем, что солнце неподвижно, а вращается земля. Сила и оригинальность вашей аргументации пленили мой ум» (стр. 79).

Горький сделал несколько выразительных помет, касающихся отношений Робера Грелу с графом Андрэ — старшим братом воспитанника Грелу, гувернёром которого он служит, и Шарлотты, которую Грелу соблазняет и доводит до самоубийства. Аристократ вызывает у Грелу чувство острой зависти: «И я, ваш ученик, столь гордый богатством своей умственной жизни, завистливо следил за малейшими движениями этого молодого человека, занятого таким вульгарным развлечением <игрой на бильярде. — Л.С.>, следил с тем завистливым восхищением, с каким средневековый учёный монах, неспособный к игре мускулов, смотрел, должно быть, на рыцаря, выступавшего в полном вооружении» (стр. 89; абзац отмечен волнистой линией на полях). На стр. 90 подчёркнуты слова: «...почувствовал, что моя внутренняя утончённость менее аристократична, чем его варварство».

Отмечены большие фрагменты, описывающие замысел Грелу соблазнить Шарлотту в отместку графу Андрэ: «...соблазнить это дитя, не любя его, из чистого любопытства психолога, ради удовольствия действовать, управлять живой душой, на ней самой и непосредственно наблюдать механизм страстей, до сих пор изучавшийся мною только по книгам, в тщеславном стремлении обогатить своё сознание новым опытом» (стр. 96); «Я не стану утверждать, что желание влюбить в себя это прелестное дитя в обстановке, которая начинала так сильно мне нравиться, не явилось следствием этого контраста между нею и братом. Возможно, что душа этой молодой девушки, которую я видел столь полной любви к брату, так на неё непохожему, явилась своего рода полем битвы для моей тайной и смутной антипатии к графу» (стр. 99; первое предложение отмечено волнистой линией и галочкой на полях; отмеченное курсивом подчёркнуто Горьким. — Л.С.). На стр. 104 Горьким отмечены также размышления героя перед семейными портретами предков графа Андрэ и Шарлотты: «Эти образы наводили меня на раздумье о законности моей мести <...> мне, правнуку

этих пахарей, может быть удастся соблазнить правнучку этого аристократа и этой аристократки, и притом лишь силою своей мысли».

Все отмеченные Горьким фрагменты «работают» на его концепцию, подтверждая мысль о болезненно преувеличенной сосредоточенности героя на себе, ведущей к нравственной деградации личности.

Наконец, два важных отмеченных писателем фрагмента касаются литературной родословной героя П. Бурже, генезиса его образа. На стр. 69 волнистой линией Горький отметил размышления Грелу об одиночестве души: «У Бенжамена Констана в его “Адольфе” это чувство изображено в виде болезненной чёрствости, у Бейля — оно приняло форму иронии и раздражительности». На стр. 84 — целый ряд помет, особо выделяющих следующий фрагмент: «Я рассказываю вам эти пустяки, чтобы показать, до какой степени я, когда ландо катилось по дороге в Эйда, был искренен и как *мало походил на столь часто рисуемого в романах честлюбивого бедного молодого человека*. Я вспоминаю, что уже тогда, с своей обычной склонностью к раздвоению, я не без гордости констатировал это различие. *Мне приходил на память Жюльен Сорель* в “Красном и чёрном”, приезжающий к г. де Реналю, *искушения Рюбампре, у Бальзака*, перед домом Баржегонов, а также некоторые страницы из “*Как Вэнтра*” Валеса» (выделенное курсивом подчеркнуто; напротив первой подчеркнутой фразы — галочка; вторая часть абзаца отчёркнута на полях. — Л.С.). Помимо всех этих выразительных помет, на титульном листе книги рукой Горького написано: «Стр. 84».

Таким образом, в самом тексте романа и авторском предисловии, по мысли Горького, содержится богатый материал для того, чтобы встроить образ Грелу в широкий литературный контекст, показать место этого героя в ряду «молодых людей XIX столетия», обратить внимание читателя на внутренние связи произведений серии, что не было сделано Виноградовым в его вступительной статье.

К литературному контексту образа «ученика» Горький мог бы добавить русских литературных героев: Печорина, хладнокровно игравшего чувствами княжны Мери; одержимого преступной идеей Раскольников из «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского. (Ср. в его «Беседах о ремесле»: «Я долго не мог понять: зачем студент Раскольников убил старуху и зачем русскому студенту подражал в этом деянии француз, “ученик” Поля Бурже» (61, 345)). На необходимость отразить связи русской и европейских литератур в предисловиях к книгам серии Горький не раз указывал Виноградову; собственно, интересом к этим межлитературным связям Виноградов и привлёк в конце 1920-х годов внимание Горького.

Целый ряд помет относится к большому фрагменту размышлений Грелу на стр. 74: «...до революции писатели никогда не клали в основу своих произведений жизнь чувства. Совершенно другое наблюдается, начиная с восемнадцати девятого года. Благодаря этому, у современных писателей встречаешь

что-то необузданное, печальное, изысканность в описании душевных и физических ощущений. *Это сразу захватило меня с неотразимой силой. Мистическая чувственность стансов “Озеро” и “Распятие”, дразнящее великолетие некоторых “Восточных поэм” увлекли моё воображение; но особенно сильно я был увлечён, чуть ли не до лихорадочного состояния тем, что было преступного в красноречии “Надежды на бога” и в некоторых отрывках из “Утешений”*. Первый из выделенных курсивом фрагментов подчеркнут Горьким и сопровождается знаком вопроса на полях; второй на полях отмечен волнистой линией и особо выделен пометой Горького: «Не дано объяснений». Очевидно, что это замечание адресовано составителю и редактору серии, не пояснившему читателю, что речь идёт о стихотворениях А. де Ламартина и «Восточных мотивах» В. Гюго, т.е. не показавшему, какие литературные явления формируют душу молодого человека, показанного в романе П. Бурже.

Пометы писателя на 13 выпуске «Истории молодого человека XIX столетия» позволяют получить более ясное представление о причинах неудовлетворённости Горького предисловием Виноградова, нежели краткая оценка в процитированном выше письме. Они также существенно дополняют и конкретизируют замысел Горького, его концепцию литературного образа «молодого человека XIX столетия».

Однако больше всего неприятностей доставила Горькому вступительная статья Виноградова к роману Г. Сенкевича «Без догмата». Это предисловие Горький, без сомнения, считал одним из важнейших в серии, поскольку не раз определял «молодого человека XIX столетия» как личность «без догмата».

Когда серия полностью увидела свет, в печати появились две резко отрицательные рецензии на работу Виноградова — статьи Ф. Кона «О предисловии А. Виноградова к книге Г. Сенкевича» (62) и Ц. Фридлянда «А. Виноградов обучает комсомол» (63). Авторы обеих статей тщательно отделяли замысел Горького от того, что было сделано Виноградовым. Оба сочли необходимым в письмах Горькому объяснить свой полемический выпад против его соредактора по серии.

Ф.Я. Кон, видный деятель польского революционного движения, писал Горькому 28 января 1933 г.:

«Уважаемый и дорогой Алексей Максимович!

Мне случайно попала в руки книга Г. Сенкевича “Без догмата”, вышедшая в серии “История молодого человека XIX столетия” с предисловием А. Виноградова. Это предисловие, смазывающее непозволительными мерами реакционность Сенкевича как писателя и политика, — прямая пощёчина всей революционной польской общественности, считающей Сенкевича активным врагом. Сенкевич известен как шовинист и “угодовец” — глашатай примирения с царизмом.

Вы, несомненно, поймёте моё негодование, если узнаете, что Виноградов не постеснялся при этой фальсификации — иначе я этого назвать не могу —

позволить себе прикрыться ссылкой на “пролетариатцев”, в частности, на погибшего в Шлиссельбурге Варыньского, и, расшаркиваясь при этом предомной, косвенно делал и меня, всю жизнь боровшегося против “Сенкевичиады”, соучастником этой фальсификации.

Возмущает меня до глубины души и то, что всё это было Виноградовым проделано *на этот раз* под маркой серии “молодого человека”, завоевавшего популярность благодаря Вашему руководству.

Я подчёркиваю, что *на этот раз*. Из прилагаемой копии его статьи, напечатанной в 1918 году, Вы сами убедитесь в этом.

Мне крайне неприятно было разоблачать Виноградова в печати — именно ввиду того, что этим затрагивается серия “молодого человека”, но моя обязанность как польского революционера и последнего оставшегося в живых “пролетариатца” заставила меня это сделать. Я уверен, что Вы меня поймёте и простите невольно сделанную Вам неприятность.

С дружеским приветом

Феликс Кон» (64, печатается впервые)

В статье Кона, напечатанной на следующий день, выражался протест против искажения политического облика писателя Г. Сенкевича. Кон назвал Сенкевича «реакционером, католиком, врагом всякого революционного движения» и обвинил Виноградова в «совершенно ложном освещении» событий польской истории и попытке затушевать «реакционную сущность Сенкевича». Особенно Кона возмутило упоминание Виноградовым польской партии «Пролетариат», названной им «кружком», её основателя Людвиг Варыньского и самого Феликса Кона в статье о писателе, враждебном революционному движению. Виноградов называл Кона «молодым человеком революционной Польши», «учеником, другом и младшим товарищем Людвиг Варыньского». «Все эти комплименты по адресу членов партии (а не “кружка”) “Пролетариат” и моему лично я с негодованием отмечаю, — писал Кон, — ибо вся эта патетическая декламация имеет лишь одно назначение: если не прямыми словами, то путём ассоциации создать у читателя впечатление, что ко всему этому Сенкевич имел какое-то, хотя бы косвенное, отношение...». «Фальсификаторская», по его твёрдому убеждению, статья Виноградова «только по недосмотру могла появиться» в серии «История молодого человека XIX столетия» (62).

Кон приложил к письму Горькому копию предисловия Виноградова к книге: *Мицкевич А. Книги народа польского и польского пилигримства* / 2-е изд. Пер. А. Виноградова, с предисл. и примеч. переводчика. М.: Русский книжник, 1918.

Горький отвечал Кону недатированным письмом в феврале 1933 г.:

«Уважаемый т. Кон.

Получил Ваше письмо и предисловие Виноградова к Мицкевичу; предисловие это для меня, конечно, новость, очень огорчён тем, что не знал о нём раньше.

Статья Виноградова к роману Сенкевича “Без догмата” — неизвестна мне, ибо рукопись статьи своевременно не была прислана из Москвы, а изданную книгу я не получил ещё и сейчас. Так не серьёзно относятся у нас к делу редактирования книг.

Но с Виноградовым я уже не работаю по причине его крайне небрежного отношения к его работе. Человек он очень знающий, но работник небрежный, крайний неврастеник и, кажется, страдает манией преследования.

Роман Сенкевича “Без догмата”, на мой взгляд, — так же как и роман Эдуарда Роб¹¹, — заканчивает столетние поиски “догмата” молодым человеком 19-го столетия принятием догмата церкви, т. е. полным банкротством чистого интеллектуализма и анархизма детей буржуазии» (65, печатается впервые).

Секретаря П.П. Крючкова в письме от 17 февраля 1933 г. Горький просил сохранить копию своего письма Кону (66).

Виноградов писал Горькому по поводу статьи Ф. Кона в «Литературной газете», приложив свой ответ Кону, в надежде, что Горький поспособствует его напечатанию, а также вырезки из статьи Кона и своего предисловия (67; 68). Ответа на своё письмо Виноградов, вероятно, не получил.

Историк Ц. Фридлянд¹² 3 апреля 1933 г. писал Горькому о Виноградове и вовсе не стесняясь в выражениях:

«Алексей Максимович.

Как член партии считаю своим долгом обратиться к Вам, отправляя свою статью в печать. Речь идёт о разборе исторических работ А. Виноградова. За его “откровения” Вы, конечно, не отвечаете, но он имел смелость в предисловии к одному из выпусков серии “История молодого человека” заявить, что все его предисловия Вами были просмотрены, проредактированы и Вы даже вписывали в них отдельные страницы. Не подлежит сомнению, что это утверждение клевета. Как Вы можете убедиться из моей статьи, А. Виноградов не только плагиатор, не только возмутительно искажает в своих переводах классические тексты, не только проявил исключительную безграмотность как историк (его писания пестрят ошибками), но и проводит с упорством и фанатизмом славянско-националистическую позицию. Ваше прекрасное начинание, благодаря предисловиям Виноградова, испорчено. Вашим именем воспользовался “сменовеховец” наихудшего типа.

У меня, как историка, нет никаких оснований “сводить счёты” с Виноградовым. Несчастный случай приковал меня к постели на год, и теперь, как только я поднялся и ознакомился с выпусками серии “История молодого человека”, я не мог не протестовать против наглости халтурщика и фальсификатора. Меня больше всего возмутило в писаниях Виноградова пренебрежение к советскому читателю, уверенность, что он “всё слопаёт”. А. Виноградов и ему подобные ошибаются: молодой советский читатель научился разбираться в духовной пище, которую ему преподносят.

Три-четыре года у нас в стране идёт борьба за чистоту ленинизма в теории, на различных участках. За какую-либо мелкую неточность немало людей было призвано к ответу, за ошибки и неточные формулировки, порою неуловимые для простого глаза. Неужели для того, чтобы одновременно процветал “славянофил” А. Виноградов.

Вы требуете от всех нас добросовестной работы, Вы ведёте борьбу с мешанином... Обратите внимание на писания А. Виноградова.

Ц. Фридлянд <...>» (69, печатается впервые).

В начале этого письма упоминается утверждение Виноградова в статье «Ответственный редактор М. Горький»: «Прорабатывая каждую статью, сопровождающую отдельные темы истории молодого человека, Горький неоднократно вставлял целые абзацы и страницы в этот статейный материал» (11, 7). Статьи Виноградова, имеющиеся в Архиве Горького (70–72), не подтверждают этого: текстовых вставок Горького они не содержат, лишь его замечания и правку. Выше уже было сказано, что большую часть предисловий Горький даже не имел возможности прочитать до выхода серии из печати.

Свою идею о «славянофильстве» Виноградова Фридлянд развил в статье «А. Виноградов обучает комсомол». Фридлянд, в отличие от Кона, не ограничился в этой статье одним предисловием Виноградова. Он подверг резкой критике всю его работу в серии «История молодого человека XIX столетия», обнаружив «националистическую идею» в целом ряде вступительных статей: в предисловиях к романам Г. Сенкевича «Без догмата», Э. Дж. Бульвер-Литтона «Кенельм Чиллингли», П. Бурже «Ученик», А. де Мюссе «Исповедь сына века»; к 22–23 выпуску, включавшему повести И.В. Гёте, Х. Валера, У. Фосколо; в статье о русском «молодом человеке», открывавшей 24 выпуск серии. Фридлянд также привёл довольно внушительный перечень исторических ошибок и неточностей, допущенных автором предисловий, и обвинил Виноградова в плагиате: «...Предисловие к “Исповеди сына века” Мюссе в серии “История молодого человека” изобилует страницами... из Брандеса. В этом убедится всякий, кто даст себе труд сличить текст статьи Брандеса “Мюссе и Жорж Занд” с соответствующим предисловием (собр. соч. Брандеса, т. VIII, стр. 99–101, и “Исповедь сына века”, стр. 18–20)» (63).

«Классовая бдительность — таково требование партии ко всем работникам на различных участках социалистического строительства. В стране, где идёт ожесточённая борьба за ленинские кадры культурных работников, где объявлена война классовому врагу, фальсификатора и халтурщика должно преследовать пролетарское общественное мнение», — такой вывод в духе эпохи прозвучал в конце статьи (63).

В «Литературной газете» был опубликован сокращённый вариант статьи. В Архиве Горького хранится машинопись статьи Фридлянда «Откровения бывшего молодого человека» объёмом более 40 страниц (73). В ней цитиру-

ется предисловие Виноградова к книге А. Мицкевича, копию которого Горькому прислал Феликс Кон.

Ответ Горького на письмо Г.С. Фридлянда неизвестен.

30 марта 1933 г. Виноградов писал Горькому: «Вчера был у меня товарищ, которого мы оба уважаем. Он меня предупредил, “чтобы удар не был внезапным”: “Горький *отрёкся* от Ист. молод. человека <...>» (74). В том же письме упоминалась статья Фридлянда, о которой Виноградову было известно до её публикации: «Фридлянд на 40 страницах доказывает необходимость “изгнать Виноградова [“старо-молодого человека”] из литературы и жизни» (74).

В Архиве писателя имеется предназначенный для печати ответ Виноградова на эту статью, с опровержением возводимых на него обвинений и оправданием ошибок и недостатков серии жёсткими сроками работы (75).

Эта история окончательно переполнила чашу терпения Горького, ранее снисходительно относившегося к личным недостаткам Виноградова. Раздражённая телеграмма Горького от 6 апреля 1933 г. поставила точку в их отношениях: «Ерунда, я не отрекался от “Истории молодого человека”» (26, 207).

Виноградов пытался восстановить утраченное доверие Горького, возобновить отношения с ним, но его многочисленные письма остались без ответа. В письме И.В. Сталину от 23 июня 1935 г. Виноградов жаловался: «Я не пишу Горькому, любовь и нелюбовь там регулируется Крючковым <...> Не могу назвать А.М. другом стойким и великодушным» (25, 391).

Итак, «История молодого человека» получила отрицательные отзывы в печати, и связаны они были именно с Виноградовым. Не удивительно, что серия, столь дорогая Горькому, не была переиздана. Издательство “Academia” отказалось выпустить отдельной книгой вступительные статьи Виноградова (74), как было задумано ранее. На поддержку Горького в этом вопросе, учитывая его оценки предисловий Виноградова, рассчитывать не приходилось.

Однако в главном и основном замысел Горького был осуществлён; вышли под общим заглавием произведения европейской и русской литературы, посвящённые «молодому человеку XIX столетия». По замыслу Горького, они должны были сыграть свою социально-педагогическую роль в формировании нового типа личности.

В письме Р. Роллану от 30 января 1933 г. Горький связал концепцию книжной серии с «Жизнью Климса Самгина». В этом письме звучит удовлетворение человека, воплотившего свой замысел: «Очень метко Ваше суждение о Самгине как человеке, которого убедили, что он не тот, каков есть. Сначала его убедили в этом, затем он сам начал убеждать себя в своей исключительности и вот, начиная с 906 г. до сего дня, когда я наблюдаю неприличную драму эмигрантов, я вижу этот процесс самообмана, может быть, нужно сказать — самонадувательства. Я связываю Самгина с некоторыми из героев европейской литературы 19-го века, начиная от Жюльена Сореля, продолжая “Вертером” Гёте, “Сыном века” А. де Мюссе, “Учеником” Бурже, героем романа Сенкевича “Без

догмата” и прочими. В прошлом году под моей редакцией издано 15 иностранных романов под общим титулом “История молодого человека 19-го столетия”. Это издание очень хорошо встречено нашей молодёжью и, конечно, тотчас разошлось...» (76, 253–254).

«История молодого человека XIX столетия» представляет интерес и сегодня — как интереснейший материал для сравнительно-типологических литературоведческих исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Власть денег» (1903). Буквальный перевод с франц.: «Бизнес есть бизнес».

² Это замечание проливает свет на отрицательную оценку Горьким романа В.Я. Шишкова «Угрюм-река» (подробнее об этом см.: *Суматохина Л.В.* М. Горький и писатели Сибири. М.: ИНФРА-М, 2013. С. 188–190). Очевидно, что его раздражение было вызвано не только художественными недостатками этого произведения. Горький опасался, что готовность восхищаться активным деятелем, волевым предпринимателем очень высока и изживается с трудом.

Другой пример такого рода, близкий по времени к работе над серией «История молодого человека», — история с повестью В. Правдухина «Гугенот из Териберки». Горький отказался поддержать Правдухина, на которого обрушилась жёсткая критика с опасными обвинениями, хотя помочь в этой ситуации его просил не только автор повести, но и его жена, писательница Л.Н. Сейфулина. 29 марта 1932 г. Горький ответил на её просьбу, что повесть «Гугенот из Териберки» ему не понравилась: «...рассказы такого типа носят характер не ясный для меня и как будто являются попытками реставрировать старину, подчеркнуть её “волюнтаризм”. Вы, конечно, знаете, что я тоже весьма усердно пытался изображать “волевые” натуры и характеры, но — пытался изображать их как начало социально враждебное, хищническое, неизбежно злое, даже и в тех случаях, когда это начало “стремилось к добру”. А что “добро” их тоже было злом, это я многократно испытывал на своей шкуре» (77, 77).

³ В публикации письмо неверно датировано 1936 годом. Статья Горького «Ещё раз об “Истории молодого человека XIX столетия”» была напечатана в «Правде» и «Известиях» 29 мая 1932 г. (№ 146).

Решение Сталина было, скорее всего, продиктовано его заинтересованностью в возвращении Горького в СССР. Почти все идеи и начинания писателя в это время находили его поддержку. Позднее ситуация изменилась — не в пользу Горького.

⁴ Ежов-Беляев Иван Степанович (1880–1959), член правления издательства «Academia», заместитель И.И. Ионова.

⁵ Купюра, сделанная в публикации (см.: Знамя. 1968. № 3. С. 201), восстанавливается по автографу.

⁶ Дейч Александр Иосифович (1893–1972), писатель, литературовед, театральный критик, переводчик; заведовал иностранным отделом «Жургазобъединения».

Раздел II. ИССЛЕДОВАНИЯ

⁷ Зозуля Ефим Давидович (1891–1941), писатель, журналист.

⁸ Голомб Эммануил Григорьевич (1879–?), издательский работник, заместитель М.Е. Кольцова. В АГ имеются его воспоминания «Помню Горького» (МоГ-3-40-1).

⁹ Искренне благодарю директора Музея М. Горького в Москве С.М. Дёмкину за предоставленную возможность ознакомиться с пометами писателя на книгах серии «История молодого человека XIX столетия».

¹⁰ «Исповедь молодого человека нашего времени» — центральная часть романа Поля Бурже «Ученик».

¹¹ Вероятно, опечатка в машинописной копии. Имеется в виду роман швейцарского писателя Э. Рода «Смысл жизни» (1889). В статье «Беседы о ремесле» (1930) Горький писал, что в молодости многого не понимал в европейской литературе, в частности, «почему в романе Эдуарда Рода “Смысл жизни” молодому человеку, который нигде не мог найти этого смысла, именно старушка указала его — в церкви». Этот роман был воспринят Горьким как одна из книг, посвящённых теме «поисков молодыми людьми смысла жизни, — может быть, правильнее сказать: места в жизни» (61, 345).

¹² Фридлянд Цви (наст. имя Григорий Самойлович; 1896–1937), историк, с 1934 г. декан исторического факультета МГУ, репрессирован, расстрелян 8 марта 1937 г., реабилитирован посмертно 21 ноября 1956 г. Подробнее о нем см.: *Артизов А.Н.* Судьбы историков школы М.Н. Покровского (середина 1930 годов) // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 43; *Слуцкий А.Г.* Доктор исторических наук, профессор Григорий Самойлович Фридлянд (1896–1937): К 70-летию со дня рождения // История и историки. Историография всеобщей истории: Сб. ст. / АН СССР. Институт истории. Отв. ред. М.А. Алпатов. М.: Наука, 1966. С. 387–389; Библиография трудов Г.С. Фридлянда / Сост. Ф.Н. Кудрявцев, В.И. Мендельсон // Там же. С. 390–398.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Шатобриан Р. Ренэ. Констан Б. Адольф.* М.: Жургазобъединение, 1932. (История молодого человека XIX столетия. Вып. 1).
2. *Стендаль.* Красное и чёрное. Ч. 1. М.: Жургазобъединение, 1932. (История молодого человека XIX столетия. Вып. 2).
3. *Стендаль.* Красное и чёрное. Ч. 2. М.: Жургазобъединение, 1932. (История молодого человека XIX столетия. Вып. 3–4).
4. *Мюссе А. де.* Исповедь сына века. М.: Жургазобъединение, 1932. (История молодого человека XIX столетия. Вып. 5–6).
5. *Лермонтов М.Ю.* Герой нашего времени. М.: Жургазобъединение, 1932. (История молодого человека XIX столетия. Вып. 7–8).
6. *Тургенев И.С.* Рудин. Отцы и дети. М.: Жургазобъединение, 1932. (История молодого человека XIX столетия. Вып. 9–10).
7. *Помяловский Н.Г.* Мещанское счастье. *Слепцов В.А.* Трудное время. М.: Жургазобъединение, 1932. (История молодого человека XIX столетия. Вып. 11–12).

8. *Бурже П.* Ученик. М.: Жургазобъединение, 1932. (История молодого человека XIX столетия. Вып. 13).
9. *Сенкевич Г.* Без догмата. М.: Жургазобъединение, 1932. (История молодого человека XIX столетия. Вып. 14–16).
10. *Бульвер-Литтон Э.Дж.* Кенельм Чиллингли. М.: Жургазобъединение, 1932. (История молодого человека XIX столетия. Вып. 17–19).
11. *Бальзак О. де* Шагреневая кожа. М.: Жургазобъединение, 1932. (История молодого человека XIX столетия. Вып. 20–21).
12. *Гёте И.В. де* Страдания молодого Вертера. *Валера Х.* Иллюзии доктора Фаустино. *Фосколо У.* Последние письма Джакомо Ортиса. М.: Жургазобъединение, 1932. (История молодого человека XIX столетия. Вып. 22–23).
13. Повести о «лишнем человеке». М.: Жургазобъединение, 1932. (История молодого человека XIX столетия. Вып. 24).
14. *Горький М.* Ещё раз об «Истории молодого человека XIX столетия» // *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 26: Статьи, речи, приветствия. М.: ГИХЛ, 1953. С. 304–316.
15. «Жму Вашу руку, дорогой товарищ»: Переписка Максима Горького и Иосифа Сталина / Публ., подгот. текста, коммент. Т. Дубинской-Джалиловой и А. Чернева // Новый мир. 1998. № 9. С. 156–178.
16. *Горький М.* О старичках // *Горький М.* Собр. соч.: в 30 т. Т. 25: Статьи, речи, приветствия. М.: М.: ГИХЛ, 1953. С. 278–283.
17. *Горький М.* Советская литература: Доклад на I Всесоюзном съезде советских писателей 17 августа 1934 г. // *Горький М.* Собр. соч.: в 30 т. Т. 27: Статьи, доклады, речи, приветствия. М.: ГИХЛ, 1953. С. 298–333.
18. *Лаврецкий А.* Эстетические взгляды русских писателей: Сб. статей. М.: Гослитиздат, 1963.
19. *Горький М.* Разрушение личности // *Горький М.* Собр. соч.: в 30 т. Т. 24: Статьи, речи, приветствия. М.: ГИХЛ, 1953. С. 26–79.
20. Письмо В.С. Каменского М. Горькому от 31 марта 1930 г. (Архив А.М. Горького, ИМЛИ РАН. Далее — АГ. АГ. КГ-нп/а-12-11-1).
21. *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 19. М., 2017.
22. *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 20. М., 2018.
23. *Горький М.* История молодого человека // *Горький М.* Собр. соч.: в 30 т. Т. 26: Статьи, речи, приветствия. М.: ГИХЛ, 1953. С. 158–171.
24. Письмо С.А. Салтанова М. Горькому от 8 мая 1932 г. (АГ. КГ-од-2-21-1).
25. Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов: 1917–1956 / Сост. Л.В. Максименков. М.: Материк, 2005.
26. А.М. Горький и А.К. Виноградов: Переписка / Подгот. текстов, вступ. заметка и комм. С.А. Доморацкой // Знамя. 1968. № 3. С. 174–207.
27. *Шумихин С.* Москва, 1938-й: Delirium persecutio А.К. Виноградова // Новое литературное обозрение. 1993. № 4. С. 264–300.
28. Цвета времени: Из писем А.К. Виноградова к А.М. Горькому / Публ. А. Ладнынина // Советская Россия. 1988. № 106. 8 мая. С. 4.

Раздел II. ИССЛЕДОВАНИЯ

29. М. Горький и советская печать. Архив А.М. Горького. Т. X. Кн. 1–2. М.: Наука, 1964–1965.
30. Переписка А.М. Горького с И.А. Груздевым. Архив А.М. Горького. Т. XI. М.: Наука, 1966.
31. Неизданная переписка. Архив А.М. Горького. Т. XIV. М.: Наука, 1976.
32. *Горький М.* Предисловие к книге А.К. Виноградова «Три цвета времени» // *Горький М.* Собр. соч.: в 30 т. Т. 26: Статьи, речи, приветствия. 1931–1933. М.: ГИХЛ, 1953. С. 216–221.
33. *Горький М.* О работе неумелой, небрежной, недобросовестной и т.д. // *Горький М.* Собр. соч.: в 30 т. Т. 25: Статьи, речи, приветствия. 1929–1931. М.: ГИХЛ, 1953. С. 470–484.
34. Личная библиотека А.М. Горького в Москве: Описание: В 2 кн. М.: Наука, 1981.
35. План издания «Истории молодого человека XIX-го столетия» (АГ. КГ-изд-24-6-1).
36. «История молодого человека XIX-го столетия»: Список книг, входящих в серию. Копия приложения к договору издательства «Academia» № 49 от 12 июля 1931 г. с А.К. Виноградовым (АГ. КГ-изд-24-6-2).
37. Протоколы заседаний по выработке трёхлетнего редакционно-издательского плана «Academia» и план издания серии «История молодого человека XIX столетия» (РГАЛИ. Ф. 1303 (А.К. Виноградов). Оп. 1. Ед. хр. 597).
38. Письмо А.К. Виноградова М. Горькому от 3 декабря 1931 г. (АГ. КГ-п-15-7-29).
39. Письмо А.К. Виноградова М. Горькому от 28 ноября 1931 г. (АГ. КГ-п-16-1-14).
40. Письмо А.К. Виноградова М. Горькому от 5 декабря 1931 г. (АГ. КГ-п-16-1-15).
41. Переписка А.М. Горького с М.Е. Кольцовым // *Новый мир.* 1956. № 6. С. 149–166.
42. Письмо А.К. Виноградова М. Горькому от 5 апреля 1932 г. (АГ. КГ-п 16-1-7).
43. Письмо А.К. Виноградова в секцию переводчиков при Федерации советских писателей, без даты (АГ. КГ-изд-2-57-1).
44. *Чуковский К.И.* Дневник. 1922–1935. М.: ПРОЗАИК, 2011.
45. Письмо А.К. Виноградова М.Е. Кольцову, без даты (АГ. КГ-изд-2-55-1).
46. Письмо А.К. Виноградова М. Горькому от 11 мая 1932 г. (АГ. КГ-п-15-7-32).
47. Докладная записка зав. производственным сектором председателю правления «Журга-зобъединения» М.Е. Кольцову о недостатках рукописей серии «История молодого человека», подготовленных и переведённых А.К. Виноградовым (РГАЛИ. Ф. 1303. Оп. 2. Ед. хр. 76).
48. Письмо М.Е. Кольцова П.П. Крючкову от 22 мая 1932 г. с приложением копии письма Кольцова А.К. Виноградову от того же числа (АГ. КК-рл-8-36-2).
49. Письмо А.И. Дейча П.П. Крючкову от 31 июля 1932 г. (АГ. КК-рл-5-3-2).
50. Письмо А.К. Виноградова М. Горькому от 29 марта 1932 г (АГ. КГ-п-16-1-53).
51. Письмо А.К. Виноградова М. Горькому от 22 июня 1932 г. (АГ. КГ-п 15-7-33).
52. Письма Л.Б. Каменева М. Горькому / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Л.А. Смирновой // *Горький в зеркале эпохи: (неизданная переписка).* М.: ИМЛИ РАН, 2010. (М. Горький. Материалы и исследования. Вып. 10). С. 530–617.
53. Письма Л.Б. Каменева А.К. Виноградову от 2, 27 августа и 9 сентября 1932 г. (РГАЛИ. Ф. 1303. Оп. 2. Ед. хр. 37).
54. Письма А.К. Виноградова Л.Б. Каменеву (РГАЛИ. Ф. 1303. Оп. 2. Ед. хр. 20).
55. Письмо М. Горького А.К. Виноградову от 7 декабря 1931 г. (АГ. ПГ-рл-8-19-36).

56. Письмо А.К. Виноградова М. Горькому, без даты, после 29 января 1933 г. (АГ. КГ-п-15-7-2).
57. Письма А.К. Виноградова М. Горькому (РГАЛИ. Ф. 1303. Оп. 1. Ед. хр. 698).
58. Письмо М. Горького А.К. Виноградову от 24 декабря 1932 г. (АГ. ПГ-рл-8-19-47).
59. Письмо М. Горького А.К. Виноградову от 24 декабря 1932 г. (АГ. ПГ-рл-8-19-46).
60. *Горький М.* Поль Верлен и декаденты // *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 23. Статьи. 1895–1906. М.: ГИХЛ, 1953. С. 124–137.
61. *Горький М.* Беседы о ремесле // *Горький М.* Собр. соч.: в 30 т. Т. 25: Статьи, речи, приветствия. 1929–1931. М.: ГИХЛ, 1953. С. 291–359.
62. *Кон Ф.* О предисловии А. Виноградова к книге Г. Сенкевича // Литературная газета. 1933. № 4–5. 29 янв. С. 6.
63. *Фридлянд Ц.* А. Виноградов обучает комсомол // Литературная газета. 1933. № 16. 5 апр. С. 1, 4.
64. Письмо Ф.Я. Кона М. Горькому от 28 января 1933 г. (АГ. КГ-п-37-1-5).
65. Письмо М. Горького Ф.Я. Кону, без даты, около 17 февраля 1933 г. (АГ. ПГ-рл-20-6-1).
66. Письмо М. Горького П.П. Крючкову от 17 февраля 1933 г. (АГ. ПГ-рл-21а-1-510).
67. Письмо А.К. Виноградова Горькому, без даты (АГ. КГ-п 15-7-2).
68. Ответ А.К. Виноградова на статью Ф. Кона с приложением вырезок из этой статьи и своего предисловия к роману Г. Сенкевича «Без догмата» (АГ. КГ-п-15-7-3).
69. Письмо Ц. Фридлянда М. Горькому от 3 апреля 1933 г. (АГ. КГ-п-83-17-1).
70. *Виноградов А.К.* «История молодого человека»: Предисловие к первому тому (Шатобриан и Б. Констан) (АГ. РАВ-пГ-10-3-1).
71. *Виноградов А.К.* Мюссе (АГ. РАВ-пГ-10-3-9).
72. *Виноградов А.К.* Лермонтов как автор «Героя нашего времени» (АГ. РАВ-пГ-10-3-8).
73. *Фридлянд Ц.* Откровения бывшего молодого человека (АГ. РАВ-бп-36-29-1).
74. Письмо А.К. Виноградова М. Горькому от 30 марта 1933 г. (АГ. КГ-п-15-7-37).
75. Ответ А.К. Виноградова на статью Ц. Фридлянда «А. Виноградов обучает комсомол» (АГ. КГ-п-15-7-38).
76. М. Горький и Р. Роллан: Переписка (1916–1936). М.: Наследие, 1995.
77. Переписка М. Горького с Л. Сейфуллиной и В. Правдухиным / Вступ. ст., подг. текста и примеч. Л.В. Суматохиной // М. Горький и его адресаты. М.: ИМЛИ РАН, 2016 (М. Горький. Материалы и исследования. Вып. 11).

О.В. ШУГАН

ВОСТОК-ЗАПАД: ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ М. ГОРЬКОГО

Аннотация

В статье рассматривается эволюция национальной идеи Горького, исследуется горьковская концепция «азиатчины» как олицетворения пороков русского человека: «пассивизма», фатализма, индивидуализма, обскурантизма, анархизма и мистицизма. Прослеживается борьба с «азиатскими наслоениями психики» и поиск ярко выраженного национального характера в публицистике Горького и в его художественном творчестве 1910-х годов: повести «Жизнь Матвея Кожемякина», «Городок Окуров», цикле «По Руси», повестях «Детство», «В людях» и других произведениях.

Ключевые слова

Национальная идея, историзм, Россия, «азиатчина», революция, социал-демократия

Сегодня в России всё настойчивее говорят о поиске национальной идеи, духовном возрождении, о самоопределении, значимости русских и их роли в мировом историческом, культурном и общественно-политическом контексте. В обществе обсуждается концепция нового закона о российской нации. В этой связи обращение к наследию Горького очень актуально, так как идея объединения нации являлась одним из краеугольных камней его творчества. А.И. Куприн писал: «Россия — это не Европа и не Азия, это страна самых неожиданных решений, это край Степана Тимофеевича, где жадность и самоотвержение, подлость и бесстрашие, трусость и презрение к смерти так удивительно переплелись, как нигде в мире. Вот тут-то он и есть — Горький» (1). Куприн тонко почувствовал уникальность Горького, выразившего в своём творчестве коренные противоречия русской жизни, загадку русской души, мировоззренческие полюса, в притяжении и отталкивании которых формируется, закаляется национальный дух.

В начале XX века особенно остро встал вопрос о национальной самоидентификации. «Тяготение к осмыслению исторического опыта России, стрем-

ление понять, *куда она идёт*, — наиболее примечательные черты литературы 1910-х годов, — пишет К.Д. Муратова. — Значительно повысился в связи с этим и интерес к национальному характеру» (2, 97). Это был период размежевания и поиска самоопределения для общества, вызванного разгромом первой русской революции. У части радикальной интеллигенции произошла переоценка ценностей. Этот раскол особенно ярко выразился в сборнике «Вехи» (1909) — новом «како веруеши» вчерашних демократов. Сборник вызвал возмущение Горького, для которого революция продолжалась.

Размышляя об уроках первой русской революции, писатель углубляется в изучение истории и задумывается о роли нации в историческом процессе. О серьёзном подходе свидетельствуют лекции, прочитанные Горьким в 1909 г. для рабочих Каприйской школы. Весной 1908 г. он планировал издать небольшую энциклопедию по изучению России, к написанию которой он привлёк А.А. Богданова, В.А. Базарова и А.В. Луначарского. Имелась в виду серия книг (12–15 томов) на тему: «история России — политическая, экономического развития, внешних сношений — т. е. ист[ория] внешней политики, развития политической мысли, правовых идей, церкви, словесности» (3, 221).

Изменение социально-политических взглядов писателя после закрытия Каприйской школы и отход от партийной деятельности ещё больше акцентировали его внимание на национальных проблемах, а партийные лозунги сменились манифестом развития культуры и идей гуманности. Писатель постепенно отказывался от классового понимания слова «нация», свойственного марксизму, и у него появлялись мысли о национальном своеобразии русского народа. С другой стороны, он выступал против разгула национал-шовинизма, поднявшего голову в годы реакции. После подавления революции 1905–1907 гг. раздавалось все больше голосов в поддержку столыпинского лозунга «Великой России», за максимальное подчинение малых народов и насильственную русификацию. Своё отношение к этому Горький выразил в письме Р.М. Бланку в июне 1912 г.: «Особенно пугает и тяготит несомненный рост внимания к проповеди зоологического национализма, к идее “Великой России” — пагубнейшая идея» (4, 70). В редакцию «Украинской Жизни» по просьбе М.М. Коцюбинского он отправил свою статью «О русской интеллигенции и национальных вопросах», в которой писал, что русский народ «скоро должен будет понять, как нелепа проповедь национализма в эпоху гигантских интернациональных организаций капитала и как пагубна может быть для его свободы эта проповедь. Он не позволит строить “Великую Россию” на угнетении племён, среди которых живёт, ибо это построение надолго обратилось бы в железную клетку для него же самого». Считая необходимым «стремиться к организации России на началах федерализма», Горький подчёркивал: «Памятуя угнетения, пережитые и переживаемые ею, русская демократия не пойдёт за теми, кто хотел бы увлечь её к угнетению народностей,

живущих бок о бок с нею, не позволит стеснять свободу людей, коим свобода необходима так же, как и ей самой» (4, 629).

Можно сказать, что у Горького в 1910-х годах сформировалась собственная концепция национального. По наблюдению Л.А. Спиридоновой, идея классовой борьбы вытесняется в сознании Горького противоборством Востока и Запада (5, 57). В самом начале 1910-х годов у Горького появляется тема «азиатчины», которая олицетворяет многочисленные пороки, присущие русскому человеку. М. Никё определял понятие «азиатчина» в творчестве Горького, которое включает в себя «пассивность, индивидуализм, мелкобуржуазную мораль, обскурантизм, пессимизм» (6, 415). Сюда надо добавить ещё фатализм и мистицизм, упоминаемые Горьким в статье «О писателях-самоучках» (1911) как «зараза, введённая в кровь нам вместе с кровью монгольской» (7, 126–127). Интересно в этой связи понимание Горьким «пассивизма» (так он именовал пассивность). По мнению К.Д. Муратовой, Горький трактовал пассивизм очень широко, он «относил к нему не только проявления смирения, кротости и бездеятельности, привитых крепостничеством, но и то бунтарство и своеволие, которые не выходили за рамки индивидуалистического бунта личности. Иными словами, к пассивизму Горький относил все виды отказа от действительной борьбы с социальным злом» (2, 101).

Идея «азиатчины» продолжает давний спор западников и славянофилов, обострившийся в конце XIX в. в связи с геополитическими изменениями. В этот период Восточная Азия стала ареной соревнования крупных держав: Япония, Великобритания, Германия и Россия вели борьбу за влияние в этом регионе. Распад колониальной системы и возрождение Азиатского и Африканского континентов усилили востокобоязнь и заставили явственно ощутить угрозу гибели европейской цивилизации и культуры. В творчестве Вл. Соловьёва пророческое предвидение панмонголизма как идеи мирового господства жёлтой расы получило наиболее полное выражение (статьи «Китай и Европа», «Япония», стихотворения «Свет с Востока», «Панмонголизм» и др.). В своей последней работе «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» есть заключительная глава «Повесть об антихристе», в которой автор приводит следующее четверостишие:

Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно,
Как бы предвестием великой
Судьбины Божией полно...

Далее он объясняет суть панмонголизма — идеи собрания воедино всех народов Восточной Азии с целью решительной борьбы против чужеземцев, т.е. европейцев. В. Соловьёв рисует картину будущего человечества, которое покороено Востоком. Фантастические и утопические картины, родившиеся в го-

лове философа, устрашают. Племена с Востока, неисчислимы и ненасытные, как саранча, разрушают во прах «Третий Рим», т.е. Москву и всю Россию. Надо пояснить, что термин «панмонголизм», придуманный Соловьёвым, не имел отношения к Монголии, это была реакция на смутную «паназиатскую угрозу», под которой понимались рост молодого китайского национализма, в преддверии разрушения маньчжурской империи Цин, а также быстрая модернизация Японии и её выход на международную арену. Поэтому абстрактный термин Соловьёва «панмонголизм», в котором есть отсылка к татаро-монгольскому игу, было бы правильнее заменить на «паназиатизм», или «азиатизм» (термин этот в широком смысле означает формирование некой общности азиатских стран в противовес Западу).

Расширение восточного мира, его экспансия на запад, угроза «жёлтой опасности», являвшиеся следствием паназиатизма, противопоставлены панславизму Н.Я. Данилевского, выраженному в его книге «Россия и Европа» (1869). Данилевский назвал новый славянский культурно-исторический тип перспективным, способным объединить под началом России все славянские народы в противовес Европе, якобы вступившей в период упадка. Теория панславизма Данилевского являлась продолжением идей славянофилов, которые противопоставляли Россию Европе, и во многом имела мессианский характер. В. Соловьёв считал Россию частью Европейского мира, призванного остановить движение паназиатизма. В отличие от Данилевского, он предлагал России, отбросив политические и религиозные разногласия, объединиться с Западом для борьбы с «жёлтой опасностью». Идеи паназиатизма повлияли на Н. Бердяева, поэтов серебряного века: В. Брюсова, Вяч. Иванова, А. Блока, Д. Мережковского, М. Волошина, Н. Гумилёва и на концепцию «азиатчины» у Горького.

«Азиатчина», по мнению писателя, — это дань Востоку, пагубное следствие татаро-монгольского ига, многовекового рабского положения и целого комплекса географических, исторических факторов. Вместе с тем у Горького сложилось убеждение, что «азиатчина» не исконное явление для русской нации, а привнесённое, чужое, а значит её «яд» может и должен быть вытеснен, побеждён более здоровым и жизнеспособным началом. Возможно, на эту идею Горького натолкнули мысли В. Соловьёва, высказанные в уже упоминаемой статье «Три разговора о войне». В Личной библиотеке Горького сохранилась книга философа с пометами Горького (*Соловьёв В. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об антихристе и с приложениями / 4-е изд. СПб.: Труд, 1904; ОЛБГ. 161*).

Азиатский осадок сделался нашей «второй душой», пишет В. Соловьёв, отделаться от неё нам нельзя, но бороться с ней можно, тогда победит более сильная душа, способная к действию. Чтобы нам «не разорваться на части», Политик — протагонист автора — считает необходимым, *«чтобы решительно одолела и возобладала одна душа, и, разумеется, лучшая, то есть умственно*

более сильная, более способная к дальнейшему прогрессу, более богатая внутренними возможностями» (8, 86) (курсивом выделен текст, отмеченный Горьким на полях красным карандашом).

Видя проявление «азиатчины» во всех слоях общества, Горький считал это общей, внесловной чертой национальной психики, так как «мужик выдумал нигилизм и анархизм раньше Писарева и Бакунина» и приводил пример секты бегунов (9, 239). О слабости воли, шаткости и неустойчивости мысли, мечтательности писал Горький в письме В.И. Брееву как о национальных чертах, «одинаково свойственных людям всех сословий: посмотрите внимательно и Вы увидите, что Обломов не только тип русского барина — это тип вообще русского человека; среди купцов, мужиков, чиновников Вы найдёте сколько угодно лентяев Обломовых» (9, 167). Он пришёл к мысли, что русская интеллигенция «плоть от плоти русского народа», отражение его достоинств и недостатков. Более того, он начал рассматривать марксистскую догматику как проявление узкого сектантства, а следовательно, также следствие «азиатчины», и это подвигает его к тому, чтобы принять более широкую социалистическую платформу. В том же письме Брееву писатель делился своими печальными впечатлениями от партийных склок, когда люди берутся за дело с жаром, но — быстро охлаждаются, раскалываются на мелкие секточки и группочки, споря друг с другом не по существу дела, а больше о словах. Он мечтал создать партию центра, объединяющую людей разного спектра взглядов — от близких к кадетам до близких к социалистам. Он призывал критика В.Л. Львова-Рогачевского как можно чаще «напоминать русской публике, что учителями, звавшими её на Запад, к арийской культуре, были Герцен, Белинский, Добролюбов, Чернышевский, а что Достоевский, Толстой и жалкий Соловьёв — тащили её на Восток, к пассивизму, самоотрицанию и подчинению внешним силам» (9, 220).

Отношение к «азиатчине» у Горького тесно связано с отношением к революции. Как и Ленин, Горький считал первую русскую революцию «генеральной репетицией», поэтому всеми силами противостоял тому, что мешает осуществлению революционных преобразований. Установка Горького-художника и публициста направлена теперь на борьбу с азиатскими наслоениями психики.

Догматическому марксизму, так же, как и казённому патриотизму, национал-шовинизму, Горький противопоставил широкую демократическую платформу, на основе которой будет серьёзно изучаться история России и других наций и народов, населяющих страну. В образе «летописца» Кожемякина, героя повести «Жизнь Матвея Кожемякина» он отчасти рисовал себя, углублённого в размышления об истории и фольклоре. Горький внимательно прочитал «Историю России» С.М. Соловьёва в 28 томах, «Историю расколов и сектантства» А.П. Щапова, «Курс русской истории» В.О. Ключевского, «Русскую историю с древнейших времён» М.Н. Покровского. Горького интересо-

вал тезис Ключевского о влиянии климатических и географических особенностей страны на историю её народа, о том, что человек вырабатывает свой характер в двусторонней борьбе с самим собой и с природой. Читая «Курс русской истории», Горький отметил высказывание Ключевского: «Исторически Россия, конечно, не Азия, но географически она не совсем Европа. Это переходная страна, посредница между двумя мирами» (10, 19). Не здесь ли скрывается первое зерно горьковской идеи о двух душах русского народа: европейской и азиатской, которая во многом определит историческое сознание писателя в следующие годы? — задаёт вопрос Л.А. Спиридонова (5, 49).

В ноябре 1910 г. Горький пишет А.В. Амфитеатрову, о том, что у него «работы — леса»: надо писать «Жалобы», «Кожемякина», «да Соловьёва читать надобно внимательно и разные книжки об уграх, немцах, финнах и литве разной и обо всем, чем нас били и чем добились до пассивизма, проповеди “неделания”, анархизма и прочих недугов» (11, 187). Все эти книги — Соловьёва, Ключевского, Щапова — можно увидеть в Личной библиотеке Горького с его пометами. Следы исторических размышлений мы находим в его повестях и рассказах 1910-х годов. Горький сожалеет о гордой и свободолюбивой стране, которой была Русь до монголо-татарского ига. Это размышление вложено в уста дяди Марка из «Жизни Матвея Кожемякина»: «один греческий царь сказал: «Народы славянские столь дорожат своей честью и свободой, что их никаким способом нельзя уговорить повиноваться». Арабы тоже весьма похвально писали, норвежане и другие, все замечая, что-де народ умный, трудолюбивый и смелый, а потом все это пропало и как будто иной совсем явился народ. Фридрих, царь немецкий, говорил, что «народ глуп, пьян, подозрителен и несчастен». А один иностранный посол написал своим, что «народ привык-де к неволе, к низкому, бесчеловечному раблению перед теми, кто всего более делает ему зла». Другой, тоже посол, записал, что «в народе русском самолюбия нет». А третий: «С этим народом можно делать все, что хочет власть, он же ничего не понимает и, ничем не интересуясь, живёт, как во сне, пьяный и ленивый» (12, 341).

М.А. Семашкина проводит интересное сопоставление и находит соответствие этим цитатам в книгах из Личной библиотеки Горького, с соответствующими пометами. Она упоминает следующих авторов: де Ла Шепарди, Л.Ф. Сегюр, В. Макушев (13, 186). Таким образом можно восстановить Горьковскую историческую концепцию: монголо-татарское иго и вековое рабство внесло раскол в психологию русского человека и породило два противоборствующих начала: активное и пассивное. Это находит выражение в фольклоре. «И в песнях, замечает Матвей Кожемякин, видны два народа: «один весёлый и свободный, другой унылый и безрадостный» (12, 432). О том, что существует два народа, говорит Тиунов: с одной стороны, «примученный тяжёлой жизнью, ничем не вооружённый, голенький, сиротский, испуганный народ», не помнящий своего родства, ленивый. С другой стороны, «наш

народ сообразительный, смекалистый, на свой салтык — умный» (12, 440). Отец Александр в повести «Жизнь Матвея Кожемякина» касается вопроса об антиномии Восток-Запад и передаёт своими словами мысль, близкую Горькому: «У народа мысль на восток заскакивает, а у нас, образованных, вперёд, на запад, и отсюда великое, не сознаваемое нами горе, мучительнейшее горе и стояние на одном месте многие века. Ибо вкопаны мы историей промежду двух дорог, вкопаны по грудь» (12, 552). Судя по этой фразе, суть русского национального характера, по Горькому, невозможно понять, если не учитывать противоречие между Западом и Востоком, колебание от одного полюса к другому, исконную раздвоенность нашего бытия. Вот что говорит священник Александр: «Противоборствуют в каждом из нас два начала: исконное, родное, и привитое нам извне, но уже отравившее кровь нашу, — против сего последнего — весь давний наш, тихий бунт!» (12, 556).

По мнению Горького, «азиатчина» — синоним культурной отсталости, которая особенно чувствуется в «уездной глуши». Писатель создаёт свою собственную символическую топонимику: города Окуров, Мямлин, Воргород, Дрёмов и др., — все это «говорящие» названия, выражающие нравственное и духовное одичание его населения, сонное прозябание, оторванность от культурной жизни столиц. Окуровский цикл, включающий повести «Городок Окуров» и «Жизнь Матвея Кожемякина», посвящён национальной теме, которая вынесена в эпитафия: «Россия — государство уездное». М.А. Семашкина справедливо замечает, что обе эти повести «объединяют поиски ответов на вечные вопросы (так свойственные русскому менталитету): в чём смысл жизнь человека? И в более широком масштабе — чем живёт Русь и каково её будущее» (13, 186). Исследователь указывает на серьёзную научную подготовку автора к раскрытию «уездной» темы: «В *ЛБГ* несколько шкафов занимает уникальное собрание книг по этнографии и истории российских и уездных городов: путеводители, строельные книги, очерки истории, записки и дневники путешественников и краеведов, писцовые и летописные труды (*ОЛБГ. 3811, 3815, 3822, 3829, 3873, 4055, 4058, 4180, 4198* и др.)» (13, 156).

«Жизнь Матвея Кожемякина» была задумана как вторая часть «Городка Окурова», но в процессе работы выросла в самостоятельную повесть. В письмах адресатам М. Горький говорил о социальной значимости этого произведения, называл повесть «национально-нужной», так как она содействует преодолению инертного восприятия действительности.

В разгар работы над повестью «Жизнь Матвея Кожемякина» Горький получил известие о смерти Л. Толстого. Причём он пережил её дважды, так как пришло ложное известие 4 ноября 1910 г., вслед за ним в этот же день опровержение, а потом 7 ноября вторичное известие. Кончина «великого писателя земли русской» не только стала для него тяжёлым личным ударом, но и углубила его размышления о России, стала важным рубежом в формировании художественно-исторического сознания Горького. Боль от утраты не ме-

шала ему трезво взглянуть на личность своего гениального предшественника. Он пришёл к выводу, что Толстой отразил в себе не только светлые, но и все тёмные стороны русской психики, и прежде всего её болезнь — пассивизм и склонность к фатализму. «Именно под это несчастье Л.Н. и подводил философское основание», — писал Горький М.М. Коцюбинскому (11, 182).

К острому чувству сиротства у Горького прибавляется осознание огромной ответственности, потому что «тяжёлая ноша русской земли, своего рода духовное старчество над русскими «беспризорными» людьми переходит именно к нему, к Горькому», — писал А.А. Золотарёв (14). Теперь, когда эта задача ложилась целиком на его плечи, Горький начинает ощущать себя национальным писателем.

Национальный вопрос является одной из самых сложных проблем общественно-политической жизни в России. В 1910-е годы расцветают националистические тенденции — польский, еврейский, украинский, грузинский и армянский национализм поднимают голову. Им противостоит великоросский шовинизм, выражающийся в черносотенных настроениях. Социал-демократы видели в этих настроениях попытки буржуазии развратить рабочих броскими националистическими лозунгами. Стоя на позициях демократизма, они продолжали считать Россию тюрьмой народов и были убеждены, вслед за Марксом и Энгельсом, в том, что не может быть свободен народ, который угнетает другие народы. В статье «О национальной гордости великороссов» Ленин давал политическое обоснование чувству национальной гордости. Ленин призывал гордиться не достижениями культуры, литературы нации, а способностью русской нации к борьбе за свободу и социализм. Он призывал к формированию единой интернациональной культуры трудящихся всех наций.

В статье «Тезисы по национальному вопросу» Ленин писал: «Грубо воинствующий и черносотенный национализм царской монархии, а затем оживление *буржуазного* национализма — и великорусского (г. Струве, «Русская молва», «прогрессисты» и т.д.), и украинского, и польского (антисемитизм народовой «демократии»), и грузинского, и армянского и т.д. — все это с особенной настоятельностью требует от с.-д. организаций во всех концах России обращения большего, чем прежде, внимания на национальный вопрос и выработки последовательно-марксистских решений его в духе выдержанного интернационализма и единства пролетариев всех наций» (15, 322).

Какую позицию по национальному вопросу занимал Горький? Если Ленин писал, что лозунг национальной культуры неверен и выражает лишь буржуазную ограниченность понимания национального вопроса, то Горький, напротив, ратовал за развитие национальных культур. Как тонкий и проницательный художник, он понимал, что интернациональная культура, о которой мечтала социал-демократия, остаётся делом далёкого будущего, и у каждой нации есть свой язык и свои достижения культуры, которыми она

гордится. В статьях «О писателях-самоучках», в цикле «Из далека» (1911) Горький писал о кризисе, который переживает Россия, и предлагал бросить все силы на «духовное собрание» народа, объединение не только пролетариев, но шире — всех культурных сил страны. В уже упомянутой статье, напечатанной в «Украинской жизни», Горький писал о необходимости объединиться против общего врага, сила которого «в нашей неорганизованности», поэтому «нам следует стремиться ко всероссийскому единению <...> В единении сила!» (4, 629). Таким образом, если Ленин ратовал за интернационализм без учёта национальных особенностей, то Горький выступал за объединение всех наций, населяющих Россию. По мнению Спиридоновой, «писатель пришёл к выводу о необходимости органического синтеза национального и интернационального в каждой отдельной культуре» и предлагал «объединить не только пролетариев, но шире — всю разно племенную Россию» (16, 92).

Осенью 1912 г. Горький сообщал о том, что он хочет в реформируемом журнале «Современник» дать «возможную свободу идеям федерализма и широкой областной самостоятельности», просит в этой связи Коцюбинского прислать статью на тему: «Культурные запросы Украины», очерк по истории украинской литературы, рассчитанные на широкие слои публики, интересуется рассказами украинского этнографа В.М. Гнатюка из жизни гуцульских разбойников, восхищается книгой историка М. Грушевского «Киевская Русь» (4, 128–129) (имеется в ЛБГ. ОЛБГ. 6253).

Но консолидация нации невозможна без осознания прежних ошибок. Осмысление роли Толстого и толстовства, по мысли Горького, поможет «вылечить» национальный дух от укоренившихся в нем недугов. В неотправленном письме Короленко от 4 ноября 1910 г., позже вошедшем в очерк «Лев Толстой», Горький писал, что Толстой как писатель национальный в самом истинном значении этого понятия, «воплотил в огромной душе своей все недостатки нации, все увечья, нанесённые нам пытками истории нашей; его туманная проповедь «неделания», «непротивления злу» — проповедь пассивизма, — всё это нездоровое брожение старой русской крови, отравленной монгольским фанатизмом и, так сказать, химически враждебной Западу с его неустанной творческой работой. То, что называют «анархизмом Толстого», в существе и корне своём выражает нашу славянскую антигосударственность, черту опять-таки истинно национальную, издревле данное нам в плоть стремление «разбрестись розно». В отношении Толстого к опыту, к знанию проявляется, по мнению Горького, деревенский, старорусский скептицизм невежества. «В нём — всё национально, и вся проповедь его — реакция прошлого, атавизм, который мы уже начали было изживать, одолевать», — писал он в очерке «Лев Толстой» (17, 289). В его уходе проявилось «инквизиторское» стремление утвердить свою святость. «Святость достигается путём любования грехами, путём порабощения воли к жизни. Люди хотят жить, а он

убеждает их: это — пустыки, земная наша жизнь! Российского человека очень просто убедить в этом: он — лентяй и ничего так не любит, как отдохнуть от безделья», — писал Горький (17, 290).

Письмо к Короленко о Толстом интересно сравнить со статьёй Ленина «Лев Толстой, как зеркало русской революции», написанной в 1908 г., к восьмидесятилетию Толстого. Ленин писал о «кричащих противоречиях» Толстого, о том, что они являются выражением «тех противоречивых условий, в которые поставлена была русская жизнь последней трети XIX века» (18, 309). По мнению Ленина, Толстой смешон как пророк, «открывший новые рецепты спасения человечества», но «велик как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России». Века крепостного права «накопили горы ненависти, злобы и отчаянной решимости» смести церковь и помещиков, создать на месте «полицейски-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян». Но крестьянство не было вооружено знаниями, поэтому только небольшая часть крестьянства поднималась с оружием в руках на истребление своих врагов, а большая часть «плакала и молилась, резонёрствовала и мечтала, писала прошения и посылала “ходателей”, — совсем в духе Льва Николаича Толстого!» (18, 309). «Толстовские идеи, это — зеркало слабости, недостатков нашего крестьянского восстания, отражение мягкотелости патриархальной деревни и заскорузлой трусливости “хозяйственного мужичка”» (18, 310). Очевидно, Горький не разделял эту точку зрения, потому что он не был политиком и не мог судить о Толстом как о выразителе крестьянской буржуазной революции. Для Горького Толстой был, в первую очередь, национальным явлением. С другой стороны, Ленин не склонен фатально оценивать влияние Толстого, он писал, что толстовство — определённый социально-исторический этап. Признавая, что толстовское непротивление злу — серьёзнейшая причина поражения первой революционной кампании, Ленин верил, что с развитием капитализма патриархальная старина будет вытеснена, все меньше будет тех, кто впадает в «исторический грех толстовщины».

По Горькому, ситуация выглядит гораздо глубже и серьёзнее. То, что Ленин оценивал как «незрелость мечтательности», «политическую невоспитанность, революционную мягкотелость», Горький трактовал как стихийный анархизм, глубокое онтологическое явление, уходящие своими корнями в глубь веков, которое нелегко перевоспитать или уничтожить. Если Ленин рассуждает как политик, с классовой точки зрения, то Горький как историк и просветитель.

Ту же классовую точку зрения Ленин повторил в статьях «Л.Н. Толстой» и «Л.Н. Толстой и современное рабочее движение», написанных в ноябре 1910 г., после смерти писателя. Общее в позиции Горького и Ленина в том, что они категорически не приемлют либерально-буржуазных откликов на

смерть Толстого, считая их лицемерными и недостойными гения. По этой же причине, в знак протеста, Горький отказался писать статью о Толстом (воспоминания о нем были написаны уже после революции, в 1919 году). Разница в позициях заключалась в том, что для Ленина — Толстой был «политическим моментом» прошлого, исторический конец которого неизбежен, а для Горького — большой вопрос прошлого, настоящего и будущего, вечная национальная болезнь России. Для Ленина Толстой был зеркалом русской революции, а для Горького зеркалом русского национального характера.

В письме Е.П. Пешковой он писал о Толстом: «Ты знаешь, как ненавистна мне эта проповедь пассивного отношения к жизни, ты должна понять, как пагубны буддийские идеи в стране, насквозь пропитанной фатализмом» (11, 178). В этом письме он ещё более резко высказывается о проповеди непротивления злу: назвав её «отрыжкой древности глубокой, кипением татарско-финской крови, коя, видимо, химически враждебна Западу, его идеям, его строю жизни, издавна борется против Запада» (11, 178).

Есть несомненная переключка характеристики, данной Горьким Льву Толстому в письмах разным адресатам, с идеями повести «Жизнь Матвея Кожемякина», которую он писал в это время. Это касается, в первую очередь, образа дворника Маркуши, в котором есть очевидные черты сходства с Толстым. Во-первых, это их равнодушие к людям: «Он часто казался мне человеком непоколебимо — в глубине души своей — равнодушным к людям», — пишет Горький о Толстом и прибавляет, что люди для него мошки, а суета их — кажется ему смешной и жалкой. И ещё ниже про Луку из «На дне»: «Когда я писал Луку в “На дне”, я хотел изобразить такого старичка: его интересуют “всякие ответы”, но не люди; неизбежно сталкиваясь с ними, он их утешает, но только для того, чтоб они не мешали ему жить. И вся философия, вся проповедь таких людей — милостыня, подаваемая ими со скрытой брезгливостью, и звучат под этой проповедью слова тоже нищие, жалобные:

“Отстаньте! Любите бога или ближнего и отстаньте! Проклинайте бога, любите дальнего и — отстаньте! Оставьте меня, ибо я человек и вот — обречён смерти” (17, 293). Почти та же фраза Маркуши, показывающее холодность души дворника, его равнодушие к людям и страх смерти, звучит в «Матвее Кожемякине»: когда Евгения Мансурова спрашивает Маркушу, зачем он учит людей тому, во что у него самого нет веры, дворник отвечает: «А они — не приставай, люди-то! У меня — своя душа, может, горше твоей плачет, да-а! А тут спрашивают — что это, это как? Ну, скажешь им: это вот что, а это — вот как, а сам-от думаешь: подьте вы к лешему, не до вас! Так ли оно там, не так ли, скажешь им — ну, они останут». И далее объясняет: «Я знаю дело: во что ни верь — умрёшь! Словами смерть не одолеть, живым на небо не возьмут, барынька...» (12, 334).

Развивая эту мысль, можно сказать, что спор с Толстым он вёл на протяжении всей жизни, начав его странником Лукой в пьесе «На дне», продолжив в образах дворника Маркуши и старца Иоанна из «Жизни Матвея Кожемякина», бывшего землекопа Тихона Вялова, плотника Серафима из «Дела Артамоновых», Никоновой и Туробоева в «Жизни Клима Самгина». Тип проповедника-утешителя изменялся в сторону отрицательного образа, стал органически противен Горькому, творчество которого было направлено на пробуждение разума в человеке, призыв к действию, к деянию, к критической оценке происходящего. М. Горький считал, что утешение и жалость унижают достоинство человека, называл философию Маркуши жульнической.

Маркуша, безродный кособокий человек, играл роль местного пророка в городе Окурове. Вечера в доме Кожемякина он занимал своими неиссякаемыми историями «о разных поверьях, о мудрости колдуний и колдунов, поисках кладов, шутках домовых и всякой нечистой силы» (12, 291). Квинтэссенция «мудрости» Маркуши заключается в его учении о доле. По словам дворника, доля родится вместе с человеком и всю жизнь ходит за ним, как тень. Доля может принять обличие шуки, зайца, кота, собаки и даже сухого листа. Доля борется с волей и побеждает. Доля идёт от бога, а воля от дьявола. Кто идёт за волей, попадает в разбойники — вольные коротко живут. «А живи в ладу со своей долей — ну, проживёшь не заметно, в спокойе. Против ветра не стой, мало ли что по ветру пущено», — говорит Маркуша (12, 305).

Прочитав повесть, М.М. Коцюбинский писал Горькому 7 (20) апреля 1911 г.: «Удивительно удался Вам, в частности, Маркуша» (9, 332). 23 апреля (6 мая) 1911 г. Горький отвечал: «Рад, что вы заметили Маркушу, это для меня почти символическое лицо. В третьей части тоже будет Маркуша, но уже на религиозной почве стоящий» (9, 33). Вероятно, он имел в виду старца Иоанна из монастыря (4-я часть), который выступал с проповедью непротivления: «А старец, все улыбаясь круглой улыбочкой, утешительно говорил: “Терпел земную жизнь Христос, господь бог наш, и нам повелел терпеть <...> Жизнь земная дана нам для испытания. Разве спорить с богом рождены мы и разве противоречить законам его, их же несть выше? Изгоняйте из души своей гордое, дьяволом внушаемое желание состязаться с ненавидящими и обижающими вас, ибо сказано — «блаженны кроткие»; облекитесь ризами терпения, укрощайте строптивость вашу и обрящете мир душе; сопротивление же злу творит новое зло...”» (12, 488). После того, как Матвей Кожемякин услышал проповедь старца Иоанна, он разочаровался в его учении о непротivлении злу. Тем ярче зазвучали для него слова Тиунова: «людей надо учить сопротивлению, а не терпению без всякого смысла, надобно внушать им любовь к делу, к деянию!» (12, 496).

Сближение Горьким Маркуши и старца неслучайно. «Пугающий» страшными историями «колдун» Маркуша и старец Иоанн, почти святой проповед-

ник, к которому в монастырь Ильи Пророка стекаются толпы страждущих — это две стороны одной медали. Покорность воле (доле) которую проповедует колдун и покорность богу — находятся, по Горькому, в одном круге, хотя язычество Маркуши формально противостоит христианству Иоанна, но запугивание, к которому прибегает Маркуша, сродни утешению, о котором говорит Иоанн — оба парализуют волю, внушают мысль о бесполезности борьбы и необходимости смирения перед высшей силой.

Причудливое сплетение противоречивых начал сделало, по мысли Горького, русский характер одним из сложнейших национальных характеров мира. К этому привело затянувшееся рабство, невежество, тяжкая русская история, которую Горький назвал фантастической, все это наложило пагубный отпечаток на народную психику. Он писал О. Руновой в 1912 г.: «...естественное состояние человека — пестрота. Россияне же — особенно пестры, чем и отличаются существенно от иных наций» (9, 180). Пестрота обусловлена неоднородным экономическим и историческим развитием России — страны протянувшейся на тысячи километров — с севера на юг и с запада на восток. Неоднородность областей, исторического и экономического развития привела к тому, что в одном и том же поколении появлялись люди «как бы разных веков, до того они психологически различны, неслиянны» (7, 184). Сходную мысль о разобщённости русских людей высказывает писатель в письме к Л.А. Никифоровой: «Разобщённость, пассивность, бессилие, ячность — специфическая русская болезнь, она заставляет человека всю жизнь возиться со своей душою, которая подобно решету, ничего в себе не держит, ибо находится в постоянном трепете» (11, 61).

Мысль о том, как русская литература отражает жизнь и каковы задачи художника в деле воспитания нации, формировании позитивного героя, сильно занимает Горького в 910-е годы. Высоко оценивая рассказ Бунина «Деревня», он признавался автору, что рассказ этот «заставил разбитое и расшатанное русское общество серьёзно задуматься уже не о мужике, не о народе, а над строгим вопросом — быть или не быть России?», и писал о необходимости для художника поднимать национальные вопросы: «Мы ещё не думали о России, как о целом, — это произведение указало нам необходимость мыслить именно обо всей стране, мыслить исторически» (9, 197). Таким образом, национальный писатель, по мнению Горького, тот, который умеет мыслить исторически. Национальное чувство, считает Горький, необходимо человеку для того, чтобы ощущать себя личностью. Личность по определению всегда активна, так как она связана неразрывными нитями с историей, «насыщена живой силой прошлого — психической энергией человечества» (11, 60). Национальное противостоит индивидуальному, «ячному» (от слова «я»), это то, что отличает человека от зверя. Без этого чувства мы превратимся в «разнесчастных Ванек, не помнящих родства, не чувствующих своей связи с родиной, с миром, с людьми» (11, 61).

Многие идеи и мысли, высказанные Буниным в «Деревне», отразились в «Городке Окурове», «Жизни Матвея Кожемякина» и других произведениях Горького. Бунин много размышляет о национальном характере. Кузьма говорит Матвею Ильичу: «Ты вот, вижу гордишься, что ты русский, а я, брат, ох, далеко не славянофил!» (19, 26). Картины дикой патриархальной сельской жизни, заброшенности и отсталости деревни пронизывают все произведение Бунина. Писатель не склонен объяснять это многовековым татарским игом. Он пишет о том, что в Европе тоже были завоеватели-азиаты, и германцы такая же молодая нация, как и русские, но Германия ушла далеко вперёд, а мы «вторую тыщу лет» «таскаем лапти» и сваливаем все на татар. Как национальные черты Бунин рассматривает разрыв между словом и делом, жестокость и семейное насилие, являющиеся пережитками домостроя. Писатель с болью наблюдает разобщённость русской нации, безграмотность населения страны. «Чудной мы народ! Пёстрая душа!», — говорит Тихон Ильич, думая о резком колебании настроения русского человека от злости и ненависти до жалости и нежности (19, 52-53). Вспомним многочисленные высказывания Горького о пестроте русской нации. В то же время русские — «величайший народ», способный на подвиги. Бунин устами героев размышляет о Платоне Каратаеве как «признанном типе» русского народа в споре Кузьмы с Балашкиным. Для Горького Каратаев скорее вредный персонаж, чем признанный национальный тип. Горьковские любимые герои всегда люди дела, они полны энергии и желаний, своими действиями они опровергают проповедь «недеяния» и смирения, которую Толстой вложил в уста деревенского пророка.

Повесть «Деревня» повлияла на национальную концепцию Горького. Бунин, как и Горький, понимал, что этот уклад нужно ломать, так как он является тормозом на пути прогресса. Рассуждения старого пекаря, верящего, что «никакие доктора не помогут», если «господь не даст здоровья», рассказы Акима, работника Кошеля, о нечистой силе, о чертях, байки бродяги Иванушки вызывают ассоциацию с рассказами Маркуши в «Жизни Матвея Кожемякина». Нелепость и абсурдность деревенской жизни проявляется по-разному. Бунин вывел колоритных персонажей: непутёвого мужика по кличке Серый, драчуна и бездельника Дениску. Семья Серого живёт в нетопленной избе, в голоде и холоде, он не хочет хлебопашествовать, а пробавляется случайными заработками. Сорвав однажды хороший куш, Серый построил новый дом, но денег не хватило, и он сжёг второй этаж, в результате дом остался без крыши. Новая Россия представлена образом Дениски, «циничного животного», за которого выдают замуж Молодую — женщина идёт замуж как на заклятие. В прошлом у Молодой страшное преступление — она отравила своего мужа из страха перед его побоями. Само название деревни — Дурновка — намёк на «дурную кровь», текущую в жилах её жителей. Россию в повести характеризуют как грустную, безрадостную страну, где «восемь месяцев метели, а четыре — дожди». Бунин показывает, как постепенно, по-Об-

ломовски, опускается Кузьма в деревне. Символичен образ стряпухи, всю жизнь носившей новый платок наизнанку. Когда она наконец решила надеть его нарядной стороной, он уже истлел. Платок означает пропащую, прожитую впустую жизнь, которую деревенские обитатели «истаскали наизнанку». Не случайно в конце повести братья Кузьма и Тихон Красовы продают своё хозяйство и переезжают в город. Больше всего Горький восхищался «тенью язычника» — этот образ дан Буниным в конце повести. Когда отец Дениски, Серый, готовится разделять свинью к свадьбе, он как будто пляшет возле костра с ножом в руке. Это действие напоминало ритуальную пляску язычников перед костром. Горький тоже любил прибегать к игре светотени, характерному приёму поэтики серебряного века, который отмечала в произведениях писателя К.Д. Муратова.

После смерти Толстого Горький размышлял о том, кто в литературе способен занять его место. Он предлагал выдвинуть из тени и поставить «во челе литературы» В.Г. Короленко как писателя непартийного, строгого в оценках, тактичного и мягкого, которому по плечу «роль совестного судьи» (11, 188). В ноябре 1910 г. Горький советовал А. Амфитеатрову написать статью о Короленко и в ней указать на то, «что наверху у нас — все ещё Обломов жив, а внизу — Тюлин живёт, — эти двое и провалили 905 год» (11, 194).

Тюлин — герой рассказа Короленко «Река играет». Он имеет подзаголовок «Эскизы из дорожного альбома» — жанр зарисовки с натуры, на первый взгляд, не претендующий на обобщение или глубину раскрытия характера. Путешествуя по Волге, автор оказывается возле озера Светлояр — Святого места, где, по преданию, находился затонувший град Китеж. Рассказ начинается с воспоминания автора о толпе паломников, «раскольников» и «церковных», которых он встречал у Святого озера, страстных религиозных спорах, которые они вели. Но ни один из этих людей не запал в душу, не запомнился так, как запомнился перевозчик Тюлин на Ветлуге. Короленко вырвался словно из душного склепа. В перевозчике совместились казалось бы несоединимые качества: ум и глупость, хитрость и простодушие, лень и решительность. Когда разыграла река, Тюлин спокойно смотрит, как лодку уносит от берега, в то же время он смело садится за руль и выводит паром через бурную реку к причалу. С одной стороны, он страшно, по-обломовски, ленив, с другой — проявляет невероятную решительность и сноровку в нужный момент. Калейдоскоп событий разворачивается на глазах: бурная река грозит разметать бревна, приготовленные для строительства лесоторговцем Ивахиным. Артельщики, которым Ивахин не доплатил 20 рублей, бастуют и не хотят спасать бревна. Тогда Ивахин упросил Тюлина перевести на другой берег четверть водки, чтобы умиловить артельщиков. Тюлин соглашается, артельщики, после водки, размягчаются и выкатывают на берег бревна. Но их гнев неожиданно обрушивается на Тюлина — он возвращается обратно весь избитый. Вскоре однако артельщики зовут его обратно пить мировую, и

он едет, предусмотрительно захватив с собой все лодки, чтобы никто до него не добрался. Несмотря на странность и непредсказуемость поведения перевозчика, пьянство и апатию, Короленко любит своего героя, его мягкими повадками, его спокойствием, ненарушимым никакими катаклизмами, его детской простотой и широтой натуры, в которых проступает со всей отчётливостью красота народной души.

Короленко помог Горькому в понимании русской души, показав иное её проявление. Ещё в 1899 г. Горький писал И.Е. Репину: «Я же верю в национальность характера и считаю, например, Тюлина у Короленко выражением национального русского характера. Тюлин на Ветлуге — это тот же Минин в истории. Явился, сделал подвиг и — исчез, пропал, уснул» (27, 377). В 1910-е годы он снова возвращается к мысли о Тюлине и включает его в свой курс лекций, прочитанных в Каприйской школе. Он пишет Короленко 24 июля 1913 г. о том, что он читал рабочим реферат о роли Тюлина в русской истории: «...у меня вышло так, что и Минин, и Болотников, и Пугачёв — все Тюлины!» (28, 15). В то время, как у очарованного странника энергия никогда не иссякала, короленковский Тюлин олицетворял человека, «в котором активное отношение к жизни пробуждается только в моменты крайней опасности и на краткий срок», — пишет К.Д. Муратова (2, 103).

В 1910-е годы Горького очень привлекало творчество Н.С. Лескова как выразителя национального характера. Любимым рассказом Горького был «Очарованный странник». Сложный и извилистый жизненный путь героя рассказа Ивана Флягина, в чём-то напоминающий годы бродяжничества Горького, его размышления о душе и вере, о праведности и грехе, стали поводом для горьковских раздумий об особенностях русской психики и перспективах развития национального характера. Иван Северьянович Флягин прошёл путь от крепостного крестьянина Орловской губернии до офицера, а заканчивает свой путь монахом. Героя отличает способность выстоять в любых испытаниях, бесстрашие, неподкупность и честность, твёрдость в своих убеждениях, преданность и готовность к самопожертвованию. Его жизнь полна неожиданных поворотов, которые им не в полной мере осознаются. Можно сказать, что герой Лескова не живёт, а скорее плывёт по воле волн, повинувшись причудливой игре судьбы. В сочетании активной воли и пассивного мирозерцания таится загадочная притягательность этого человека. О Флягине, человеке недюжинной силы и большого природного ума, Горький писал: «Эти люди неиссякаемой фантастической энергии, которую раньше им некуда было приложить, и, лишённые возможности делать историю, они творили анекдоты» (20, 276). Не случайно Лесков называл судьбу героя «житейской драмкомедией». Размышляя о русской литературе, Горький выстроил галерею психологических типов: Обломов (герой Гончарова), Флягин (герой Лескова), Тюлин (герой Короленко), в каждом из которых выражается нечто специфическое для нации.

Начало 1910-х годов связано с осмыслением роли личности в истории, поисками духовных вождей, способных повести за собой массы. Горький задумывается о судьбе предводителей крестьянских восстаний — Пугачёва, Разина, Василия Буслаева. Бунтарские черты Горький находит во многих русских людях. Так, в воспоминаниях о Льве Толстом он пишет: «В нем, как я думаю, жило дерзкое и пытливое озорство Васьки Буслаева и часть упрямой души протопопа Аввакума, а где-то наверху или сбоку таился чаадаевский скептицизм» (21, 290).

Активное и пассивное начало проявляются в русском человеке по-разному — географические, климатические и исторические условия накладывают отпечаток на его сознание, мировосприятие и отношение к работе. Горький пишет о разных типах мужика в письме А.Г. Туркину в мае 1913 г. Он говорит, что Платон Каратаев и Калиныч «несомненно русские мужики, но это мужики центральной, московской Руси, и такие типы «смирных» людей — очень редки на Волге, едва ли возможны в Сибири, их нет на Украине» (4, 323). Оценивая прозу Бунина, Горький писал о том, что его орловский мужик нетипичен для верхнего и среднего Поволжья, а психику волжанина лучше всего уловил Короленко в лице Тюлина. «Мужики» Чехова, по мнению Горького, — «правдивый этнографический очерк» — таких фигур много около Москвы, в Калуге, Туле, Орле. Но на них не похожи вологжане, новгородцы, поморы. Таким образом, Горький выделяет несколько национальных типов: среднерусского мужика, волжанина и северянина. Видя раздробленность нации, Горький с грустью наблюдал, что «мы ещё не имеем совершенно выработанного типа русского мужика в литературе и не можем иметь его, ибо его нет в жизни». Наша критика, пишет Горький, забывает, что «мы, русские, живём в самом огромном государстве Европейского континента и в условиях невероятно разнообразных», что порождает «непримиримые разногласия, разноречия и всякое разнодушие» (4, 324). Неоднородность русских людей и различие национальных типов по областям и губерниям становятся ещё одной шкалой национальной идентификации в цикле «По Руси». «Кто её знает, что есть Россия? — рассуждает солдат из рассказа «В ущелье». — Каждая губерния — своя душа». Это никому неизвестно, которая божья мать ближе богу — Смоленская или Казанская» (22, 313).

Писатель сожалеет, что «на Руси не было и нет ещё того единства социальных, политических и, словом говоря, культурных условий, которые позволили бы нам создать единодушие, выработать твёрдый, определённый тип русского человека, русского мужика» (4, 324).

В отличие от России, Горький в Италии увидел сплочённый национальный тип. Сообщая писательнице Никифоровой, что трёхлетние ребята в Италии кричат на улицах «Viva Italia!» (Да здравствует Италия!), он спрашивает её: «Можете Вы себе представить русского ребёнка, который кричал бы «Да здравствует Россия!»?» (11, 60) Он хотел, чтобы русский человек был таким

же патриотом, так же гордился своей страной, как итальянец. Находясь в самом центре Европы, недалеко от Рима, «который дважды организовывал мир по своему образу и подобию, А.М. особенно ярко чувствовал именно на Капри, значение и силу организации, радость и счастье коллектива, преемственной, из рода в род, созидательной плодотворной работы над преобразованием мира», — вспоминал А. Золотарёв (14). Требовалось научить людей сопротивлению, внушить любовь к делу, к деянию. Чувствуя приближение революции, он думал о росте национального самосознания, о чувстве сплочённости, мечтал о формировании нового человека, коллективиста. Он поправил свой прежний лозунг, который Золотарёв сформулировал так: «Человек, слитый с коллективом, это звучит гордо!»

Как же выработать монолитный национальный характер, как обрести духовные основы? Единство, по мысли Горького, может быть сформировано не на основе идеи национальной исключительности, ксенофобии, насильственной русификации и имперских стремлений подчинить себе малые народы, а на почве равноправия и культурного объединения. Расцвет культур всех народов, населяющих нашу многонациональную страну, возможность для них роста и развития является главной цементирующей силой нации. В декабре 1912 г. Горький писал Канделаки: «Мы живём в момент, когда духовное «собрание Руси» должно быть немедленно начато в противовес злым силам, разрушающим его и грозящим совершенно разрушить» (4, 211). Понимая, что нация — это единство непохожих, Горький вглядывался в каждое лицо. Л.А. Спиридонова справедливо пишет: «отказавшись от мистической идеи «бога-народушки», писатель пытается различить лицо каждой нации, населяющей страну, объединить их в общей борьбе с самодержавием» (5, 59–60).

В 1912 г. Горький просил Н.В. Канделаки прислать для журнала «Современник» рукописи грузинских авторов в переводах на русский язык, очерк истории грузинской литературы, статью на тему «Современное положение Грузии, её потребности и надежды», проявляет интерес к белорусской, украинской литературе, начинается подготовка национальных сборников, в которых отражались бы наиболее характерные черты каждой нации (армянской, финской, латышской, украинской и др.).

Проблема национальной идентичности становится главной в публицистике Горького 1910-х годов. В статьях «О писателях-самоучках» (1911), «Письмо монархисту» (1911), «Две души» (1915) выражена историософская концепция двух душ русского человека. В статье «О писателях-самоучках», основанной на анализе более 400 рукописей авторов «из народа», Горький впервые сформулировал свою концепцию русского национального характера, пытаясь объяснить истоки наших недостатков. По мнению писателя, наше несчастье — пассивное отношение к жизни, «мы любим быть пессимистами и любим хвастаться своим пессимизмом». В статье Горький противопоставлял пассивную немощную интеллигенцию, заражённую азиатскими чертами, духовно здоро-

вому народу. Наблюдая рост нового сознания в своих современниках, Горький именно с ним связывал надежду на появление нового, свободного человека: «... это — человек бодрый духом, полный горячей жажды приобщиться к культуре, вылечившийся от фатализма и пессимизма, а потому — дееспособный» (7, 127). Таким образом, антиномия Восток-Запад в творчестве Горького перестаёт быть понятием географическим. Интересно проследить, как в разные периоды творчества у писателя менялось отношение к Европе и Азии, как, в зависимости от политических реалий и исторических событий вектор смещался то на Запад, то на Восток. Одно оставалось неизменным: антитеза Восток-Запад в творчестве Горького имела отношение к политике, культурологии, этнографии, истории, психологии. Так, он отождествлял Запад с городом, а Восток с деревней, Запад с революционными преобразованиями, Восток — с консерватизмом, Запад — с прогрессом и культурой, а Восток — с пессимизмом и обскурантизмом. «В историософской концепции Горького понятия Восток и Запад постепенно начинали приобретать не только географический, политический, культурный смысл, но и этнологический, психологический», — пишет Н.Н. Примочкина (23, 53). Именно этнопсихологический аспект, по мнению исследователя, был «тесно связан у Горького с вопросом о будущем России, русского народа» (23, 78).

Разделение души русского человека на «славянскую», активную, и «туранскую» (монгольскую), пассивную, которое Горький отмечал в письме монархисту В.И. Брееву (1911), нашла законченное выражение в статье «Две души» (1915), вызвавшей, по выражению Е. Чирикова, «скандал в литературном семействе». «У нас, русских, две души; одна — от кочевника-монгола, мечтателя, мистика, лентяя, убеждённого в том, что «Судьба — всем делам судья», «Ты на земле, а Судьба на тебе», «Против судьбы не пойдёшь», а рядом с этой бессильной душой живёт душа славянина, она может вспыхнуть красиво и ярко, но недолго горит, быстро угасая, и мало способна к самозащите от ядов, привитых ей, отравляющих её силы» (24, 103). Горький видел в Востоке корень мистики, суеверия, отпадения от реальности, поэтому клеймил «азиатскую» сторону «русской души» с её пассивностью и пессимизмом, стремясь возбудить активное отношение к жизни. В основе этой идеи лежала «тревога за Россию, боязнь, что гнилой яд этой души отравит народ, лишит его способности к творчеству» (5, 56).

Важным импульсом для творчества Горького стала переписка с Д. Овсяннико-Куликовским, высказавшим верные наблюдения о русской душе. Поводом стали статьи критика в «Вестнике воспитания» за 1911 г. (№ 6, 7, 8, 9), посвящённые творчеству Горького. В № 6 «Вестника воспитания» анализировались два ранних рассказа Горького: «Ошибка» (1895) и «Тоска» (1896). Сюжет первого рассказа — история безумия. Внезапно сошедший с ума Кравцов заражает своим помешательством Ярославцева, статистика, который ночью дежурил у его постели. Овсяннико-Куликовский видит в обра-

зах главных героев два разных типа интеллигентов: горячий и порывистый Марк Кравцов, беспрестанно фонтанирующий идеями, противопоставлен унылому и апатичному Кириллу Ярославцеву, живущему во власти тоски и страха. Оба героя в конце рассказа оказываются в сумасшедшем доме, но если на излечение болезни Кравцова есть надежда, то болезнь Ярославцева безнадежна. По мнению критика, острое состояние Кравцова может быть вылечено прогрессом культуры, а заболевание его адепта гораздо более тяжёлое: «Состояния душевной угнетённости и навязчивых страхов, крайнюю и патологическую картину которых являет болезнь Ярославцева: это болезнь хроническая, истощение душевной энергии, грозящее оскудением жизни, если будет распространяться и прогрессировать. А для её распространения и прогресса у нас имеются достаточные условия: это — стойкий затяжной вандализм темных сил, каких есть у нас немало во всех слоях населения, ясно выраженный антикультурный и бесчеловечный характер всех наших реакций, закоренелые навыки произвола, самодурства и холопства, вековые залежи диких порядков и жестоких нравов и тяжёлая, гнетущая атмосфера умственной темноты и нравственной слепоты» (25, 12). В рассказе «Тоска» богатый мельник Тихон Павлович испытывает состояние беспокойства и тоску. Он пытается поговорить «по душам» с учителем, но не находит понимания. Тогда он прибегает к испытанному русскому средству — кутежу в трактире — с песнями, пляской, водкой и продажными женщинами. В тёплой компании он встречает калеку — безрукого певца, который объясняет Тихону Павловичу свою самобытную философию. В этой философии, суть которой сводится к непротивлению жизни, критик улавливает много обертонов, как в песне, которую поют гуляющие люди. «Философия безрукого только с виду кажется философией отчаяния, — пишет Овсяннико-Куликовский. — В действительности, т.е. психологически, она скорее — философия “успокоения”, правда, очень своеобразного и весьма ненадёжного. Она прежде всего бьёт по нервам и повергает душу в состояние истомы, не лишённой своей поэзии: это сложная заунывная мелодия, в которой звучит «и горькая обида, и безнадежность, и насмешка над чем-то или кем-то, и страх пред этими законами и силами» <...> и, наконец, отрадная для русской души покорность судьбе, избавляющая человека от обязанности что-нибудь делать, работать, бороться, стремиться, снимающая с русского человека тягостное для него бремя личной инициативы и ответственности» (25, 24). Благодаря Овсяннико-Куликовского за серьёзные мысли, высказанные в статье, Горький писал, что в ней «впервые в русской литературе дана удивительно точная и глубокая характеристика “тоски” — таинственного свойства русской души, которым у нас принято хвастаться, которое и я, в свою пору, считал началом творческим, но которая, в существе своём, есть ничто иное, как национальная болезнь духа, превосходно описанная Вами на 12-й стр. той же книги — болезнь Ярослав-

цева» (9, 199). Таким образом, Горький и соглашается с критиком, и спорит с ним. В тоске Овсяннико-Куликовский видел сложное противоречивое чувство, в котором есть способность к самовозрождению, своего рода медитация, встряхивающая душу и содержащая и отчаянье, и радость одновременно. Горький же отождествляет тоску Тихона Палыча и тоску душевнобольного Ярославцева и выносит ей приговор: «национальная болезнь духа».

Овсяннико-Куликовский описывал две крайние формы выражения русского национального характера: «вольницу» и «подвижничество». Одни уходили осваивать неизведанные просторы. Другие закрывались в монастырях и скитах. Обе они являются формой протеста, выражением крайнего индивидуализма и анархизма и бегством от общества. Горький в письме критику соглашается с его мыслями, высказанными впервые «в столь резкой и точной форме». Писатель рассуждает об «органической склонности великоруса к восточному пассивизму, который, в смешении с прославленной «широтой русской души» — вернее — с бесформенностью, хаотичностью этой души, — даёт столь характерный для нас «ухарский нигилизм», всегда — пагубный, особенно губительный в наше строгое время» (9, 199). Именно в этой особенности русского характера лежат, по мысли Горького, основы таких болезненных и уродливых явлений, как Карамазовщина и Каратаевщина. Горький полемизирует с Достоевским, считая, что «Бог и Дьявол», которые борются в сердце человека есть «просто Ариец и Туранец в психо-физике славянина». Отсюда, по мысли Горького, все лишние люди, богомолы, бродяги, а также интеллигентское беспокойство и охота к перемене мест и к смене идей. Горький предлагает с этой новой точки зрения пересмотреть всю историю русской мысли, литературы, общественной жизни. Это позволило бы понять, «почему у нас люди постоянно мечутся от социального фанатизма, зачёркивающего личность, к пассивному анархизму, совершенно отрицающему общество» (9, 199). Особенно актуальны эти идеи в дни распространения идеи «зоологического национализма, когда внутренне расшатанное и усталое культурное общество не в силах противоборствовать возрождению азиатски деспотических идей и проповедь порабощения племён, в состав империи входящих, не встречает в литературе и душе общества достаточно обоснованного, энергичного и необходимого отпора» (9, 199–200). Помимо этого, важной задачей для Горького было пробудить в «забитом» и «запуганном» русском человеке веру в свои недюжинные силы и талант, утешить и подбодрить его. Отсюда — цикл автобиографических рассказов и повестей, окрашенные личным участием автора рассказы цикла «По Руси», цикл итальянских сказок.

Приступив к созданию рассказов цикла «По Руси», Горький сообщал: «...мне хотелось бы очертить ими некоторые свойства русской психики и наиболее типичные настроения русских людей, как я понял их» (4, 113). В рассказах писатель хотел изобразить нечто “коренное русской жизни” — рус-

ской психики и даже хотел дать им общий заголовок “Русь”. «По Руси» был ответом на горячие споры о судьбах России и русском национальном характере», — справедливо писала К.Д. Муратова в книге «Горький на Капри» (2, 123). На примере судеб героев автор показывает борение восточного и западного начал в русском человеке, активного и пассивного, живого и мёртвого, светлого и тёмного, доброго и злого, развитого и отсталого и создаёт цепь бинарных противопоставлений.

Не случайно в цикле «По Руси» актуализована парадигма «Свой-чужой». Концепт «свой-чужие» определяется Ю.С. Степановым как «противопоставление, которое, в разных видах, пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» (26, 472). Писатель применяет двойную призму: он показывает русских глазами инородцев и инородцев глазами русских, очерчивая национальный характер в резких столкновениях и конфликтах. Ситуация непонимания и отторжения в некоторых рассказах доходит до прямого столкновения с трагическим исходом («Весельчак», «На Чангуле»).

Он беспощадно обнажает изнанку русской души, о широте и доброте которой так много говорили и писали его предшественники, особенно писатели-народники. Горький показывает, что покорность часто перетекает в агрессию, косность ума становится почвой для преступления, патриотизм является оборотной стороной национал-шовинизма и межрелигиозной ненависти. Любовь к России отставного солдата Павла Ивановича из рассказа «В ущелье» и уважение к её народу оборачивается самым грубым национализмом. Солдат убеждён, что зло заключается не в несправедливых условиях социальной жизни, а в населяющих Россию инородцах. Он кричит на двух греков: «Ребра вырву с мясом ... Вы где живете? В России? Кто вас кормит? Россия, сказано, — матушка! А вы — что говорите?» и резюмирует: «Все нас, земляк, ругают, а все лезут к нам, — греки эти, немцы, серба всякая! Живут, пьют-едят, а ругают! Ну — не досада?» (22, 300).

В рассказе «Весельчак» Баринов издевается над персом Изетом, посылая в жаркий день снимать снасти. «Послушный, как смиренная лошадь, он поехал», — пишет автор. Услышав персидскую песню о любви, Баринов осуждающе говорит: «У них все песни про баб, больше ничего не знают, пси...». «Глупые довольно, глупее ребёнка. Обмануть персюка — легче всего!» (22, 553). Однако в рассказе показано обратное: как раз перс обманывает Баринова и убивает Изета, обнаруживая хитрость и изворотливость. В образе Баринова Горький показывает противоречие между огромной физической силой (он сравнивается с буйволом, медведем) и недостойными чертами характера: ленью, трусостью и подлостью. Рассказчик подчёркивает в нем черты атавизма: его плоское, курносое лицо как будто «в шерстяной маске», он чрезвычайно волосат, ноги кривые, руки длинные и толстые, как ноги; «ему, должно быть, очень удобно ходить на четвереньках» (22, 551). С одной стороны, это

«добродушный, очень смиренный зверь», позволяющий себя бить, с другой — страшный в своей дикости. Убийство Изета, совершенное на глазах Баринаова, становится прямым следствием образа жизни этого человека. Огромная физическая сила в сочетании со слабой волей и детским разумом — распространённый тип у Горького. Мощный Демид Кубасов, дьячок из рассказа «Покойник», оказался совершенно беспомощным перед ядом людской молвы, силой косных домостроевских представлений. Жестокость людей довела его жену до самоубийства, а он беспробудно запил. Образ Демиды восходит у Горького до архетипа кормильца русской земли, «огромного тысячерукого человека», который проходит по городам и сёлам, «неустанно сея живое», заставляя колоситься мёртвую степь. Трагизм и алогизм этой ситуации в том, что гигант русской земли, волшебник, превращающий мёртвое в живое, становится пассивной жертвой обстоятельств. Несчастливая любовь сломила Калинина, героя одноименного рассказа из цикла «По Руси», высокого, но сутулого человека, «с круглым лицом ребёнка и светлым взглядом прозрачных детских глаз». Он понял, что «женщина — обман», что «только в сказках дураки на царевнах женятся», а человеку невозможно «ускользнуть от собственной судьбы». Закон «основания жизни», который постиг Калинин, пригвождает каждого к своей планке, а тот, кто пытается вылезти вверх или пойти вниз, на всю жизнь «застревает на полдороге». «Значит — сиди тихо при своём месте, как дозволено судьбою...» — учит он своего спутника. Совет мудрого старца из Баку, которого встретил Калинин, — «Отойди ото зла и тем сотворишь благо» — перекликается с учением «непротivления злу», таким образом, рассказ содержит полемику с идеями Толстого. Рабская покорность судьбе, фатализм, пессимизм отталкивают рассказчика от Калинина.

Даже люди, которые способны на сильный и красивый поступок, — всего лишь «герои на час». Фраза эта родилась под влиянием стихотворения Н.А. Некрасова «Рыцарь на час», в котором описывается метаморфоза лирического героя. Ночные романтические мечтания, вызвавшие у него прилив сил, сменились будничной картиной утра, и «рыцарь» «проснулся ребёнка слабей», неспособный к каким-либо действиям. Стихотворение заканчивается словами, ставшими афоризмом:

Суждены вам благие порывы,
Но свершить ничего не дано
(«Рыцарь на час», 1860–1862).

Таким «героем на час» стал Осип из рассказа «Ледоход», в котором угадывается Тюлин из очерка В.Г. Короленко «Река играет». Осип, начальник артели, совершил героический поступок и во время ледохода, рискуя жизнью, перевёл всю артель через реку по хрупкому льду. Этот образ весь соткан из противоречий, которые проявляются во внешности, в чертах характера и по-

ведении: он человек «с ясными глазами и сумеречной душой», «превосходно знает своё дело, умеет работать ловко, споро, со вкусом и увлечением» и при этом лентяй. Дуализм характера Осипа проявляется в поведении во время ледохода. Готовясь перевести группу через реку, «Осип словно помолодел, окреп: хитровато-ласковое выражение его розового лица слиняло, глаза потемнели, глядя строго, деловито; ленивая, развалистая походка тоже исчезла — он шагал твёрдо, уверенно» (22, 167). Переведя людей, точно Николай Чудотворец, Осип притворился, что сломал ногу, лежал на земле, «сморщился» и был похож на новорождённого телёнка. Когда он бормотал покаянные слова, ни на кого не глядя, рассказчик подумал: «Где же тот воевода-человек, который, идя впереди людей, заботливо, умно и властно вёл их за собою?» (22, 175). Осип учит проходящего: «...без хитрости, без обману — никак нельзя прожить» — и в то же время произносит свою знаменитую фразу: «А душа человечья — крылата <...> — во сне она летает» (22, 178), которая перекликается с короленковским афоризмом «Человек создан для счастья, как птица для полёта».

Осип и Калинин — различные человеческие типы, со своей индивидуальной судьбой, — замечает Муратова. — Однако и тот и другой выявляют, по мысли писателя, нечто «коренное» для русской жизни, выраженное в пёстром сплетении и борьбе различных начал в психике человека конца XIX — начала XX в.» (2, 106). Крылатость русской души, проявившуюся в образе Осипа из рассказа «Ледоход», её способность к преобразению проходящий стремится отыскать повсюду. Он отмечает яркую, безумную талантливость народа, которая не может проявиться в жизни и принимает уродливые формы. Она связана прежде всего с образами женщин, которых объединяет могучая природная сила. Она неисчерпаема, она притягивает к себе, может погубить и, наоборот, возродить к жизни. «Мне кажется, что женщина самая человечная, самая интересная, — это русская женщина», — писал Горький Роллану (29, 74). Цикл Горький начинает рассказом «Рождение человека». Это настоящий гимн Человеку, рождённому простой орловской крестьянкой в горах Кавказа. По дороге в Очемчиры из Сухума рассказчик встречает партию «голодающих» — крестьян, которые строили шоссе в Сухуми. Эти люди вызывают у него жалость: раздавленные горем, оторванные от родной земли, они были «окончательно пришиблены» тяжёлой работой, «много пили и жаловались на жизнь». На фоне этих расшатанных людей образ сильной крестьянки, способной выкормить грудью «двадцать человек детей» становится архетипом матери-земли. Наталья из рассказа «Губин» является настоящей хозяйкой, оплотом семьи, в отличие от своих слабых родственников — дочери, зятя и свата. Это прообраз Вассы Железновой, не случайно рассказчику кажется, что голова её сделана из железа и опускается, как молоточек.

Страшные образы Антипы Вологонова — колдуна, начётчика, в котором улавливается сходство с Иудушкой Головлёвым, и хитрой сводни Фелица-

ты даны Горьким в рассказе «Нилушка». Горький подчёркивает восточные, азиатские черты во внешности Вологонова. «Скуластое лицо его, изрытое какими-то темно-красными шрамами, спокойно, как у киргиза <...> и весь он вызывает впечатление чего-то пёстрого, неуловимого» (22, 206).

Человек, по мнению Вологонова, должен забить себя «куда-нибудь в одно место по самую голову», а если не «забьёт», то «обязательно летит, ветром гоним, подобно куриному перу». Образ старика Вологонова вырастает у Горького до мифологического чудовища, языческого азиатского идола, который замораживает Россию, не даёт ей двигаться вперёд, повелевает погодой, сушит сердца людей, сжимает дома морозами, гонит вьюги, набивает головы бессвязной жуткой чепухой, «творит непонятно грубую и жестокую, убийственно скучную жизнь». Писатель опровергает идеологию пассивности Вологонова, показывая, что этот человек, на словах проповедующий непротivление, смирение и надеяние, способен совершить страшные преступления, толкнуть на грех убийства. Образы Волгогонова и Фелицаты противостоят ангелоподобному юноше Нилушке, дурачку, юродивому, которого эти двое приносят в жертву ради обогащения. При взгляде на Нилушку в памяти у рассказчика вставали «образы лучших и любимых людей русской земли: бесконечной вереницей мимо сердца шли житийные люди, в страхе за душу свою удалявшиеся от жизни в леса и трущобы, от людей к зверям. Вспоминались стихи слепых и нищих, песнь об Алексии, божьем человеке, и множество красивых, но безжизненных образов, в которые Русь вложила свою напуганную, печальную душу, своё покорное, певучее горе» (22, 220). Древняя народная стихия вторгается в цикл «По Руси» с образами юродивых, блаженных, чудаков, озорников. Тема юродства поднимается Горьким в образах Нилушки, Лёньки, в образах «озорников» — Тимки, Губина, Машки Фролихи из рассказа «Страсти-мордасти». На фоне прекрасных и поэтичных картин природы, нарисованных Горьким мягкими пастельными красками, человеческий мир отталкивающе уродлив. Между природой и людьми, живущими во взаимной вражде, нет гармонии. Но рассказчик верит, что можно одолеть тёмную силу простым заклинанием: «Они — своё, а мы — своё!».

В рассказе «Покойник» показан пример того, как человек одержал победу над злом, услышав добрый совет: «Не опускать бы тебе, Яков, рук, земля — велика и везде дана человеку. Если здесь люди злы — это они от глупости и тесноты, и ты их за то не суди, живи просто: они — своё, а ты — своё! Тихо живи, а не уступай никому ничего и тогда одолеешь всех» (22, 362).

В цикле «По Руси», повестях «Детство» и «В людях» Горький отказывается от богостроительства в пользу объективного и вдумчивого изучения лица каждой нации, населяющей страну. Он внимательно вглядывается в облик каждого «жителя» многонациональной России, размышляя над их достоинствами и недостатками. Писатель беспощадно обличает черты восточной пассивности, жестокости, лени, но «в то же время любит талантливостью русских людей, их готовностью к подвигу, “крылатостью” их души» (30, 55).

Д.С. Мережковский в статье «Не святая Русь» не случайно разбирает статью «Две души» вместе с повестью «Детство», «написанными Горьким почти одновременно» (31, 851). По-своему излагая статью Горького, Мережковский пишет: «У России — две души — азиатская, восточная и европейская, западная. На Востоке господствуют религия, на Западе — наука. Религия утверждает то, чего нет (бытие Божие, загробную жизнь и прочие “суеверия”, “фантазии”), религия — ложь. Наука утверждает то, что есть (“законы природы”); наука — истина. Россия гибнет или находится на краю гибели, потому что колеблется между двумя душами — восточной и западной. Чтобы спастись, надо перестать колебаться, надо сделать выбор — отречься от Востока, от религиозной лжи, и предаться Западу — научной истине» (31, 852).

По Мережковскому, главные образы повести «Детство» — Бабушки и Дедушки являют собой зримое подтверждение горьковской антиномии Восток-Запад и превращение идеи в ткань художественного текста: бабушка — Восток, дедушка — Запад. «Бабушка — Россия, но не вся, потому что у России — “две души”, по вещему слову Горького, может быть, из всех его слов самому вещему. Одна душа России — Бабушка, другая — Дедушка». Далее Мережковский пишет о том, что «Бабушка — Россия старая, обращённая к Востоку; Дедушка — Россия новая, обращённая к Западу. Бабушка безграмотна, Дедушка полуграмотен. Но если когда-нибудь Россия будет грамотной, то благодаря не Бабушке, а Дедушке» (31, 850–851).

Бабушка — утешает всех, мирит всех. Она по-христиански кроткая, мудрая и добрая, но дед считает это недостатком и зовёт её «потатчицей». Бабушка полна древних предрассудков, она убеждена, что ей «заказано терпеть», что за мужа она будет отвечать на том свете. Она верит в чертей, бесов, испытывает необъяснимый страх перед тараканами. Она понимает толк в разных снадобьях и народных средствах, к ней обращаются как к знахарке, а маленький Алексей даже считает её колдуньей. Но во время пожара, как некрасовская «русская женщина», Бабушка выводит обезумевшего коня из горящего сарая, входит в охваченный огнём дом. «Милостив господь бывает до тебя, большой тебе разум даёт..., — комментирует Дед. — <...> На краткое время, на час, а даёт!...» (32, 61). Конечно, слова Деда нельзя принимать за чистую монету. Скорее здесь имеется в виду не «разум», а способность на смелый и даже героический поступок. В остальное время Бабушка покорно терпит все издевательства Деда и считает, что так ей на роду написано. И все же в смелых и решительных действиях Бабушки в минуты опасности, угадывается та же тема «героя на час», намеченная Горьким в цикле «По Руси».

«Может быть, не только у России, но и у самого Горького — “две души”, и он разрывается, мечется между ними — то к Востоку, то к Западу, то к Бабушке, то к Дедушке. Какую из этих двух душ спасти, какую губить?», — спрашивает Мережковский. И сам предлагает ответ на этот сложный вопрос: «Может быть, не надо губить ни одной, а надо спасти обе, соединить “две души” в

одну. И далее Мережковский высказывает мысль, которая позже появится у евразийцев: «Может быть, Россия — не Восток и не Запад, а соединение Востока с Западом» (31, 854).

Попытку сопоставления статьи «Две души» и повести «В людях» предпринял в 1924 г. К. Чуковский в статье «Две души Горького». Если Мережковский считал главных героев «Детства» зримой антиномией «Восток-Запад», то Чуковский называет повесть «В людях» неким альбомом иллюстраций к тезисам статьи «Две души». Критик утверждает, что в статье Горький опознает болезни России, которые он описывает в автобиографии.

Чуковский считает заслугой Горького, что он первый в русской литературе открыл главную болезнь России — азиатскую жестокость. «Диагноз Горького изумил и обидел всех, даже иностранцев. Когда в Лондоне появилось “Детство”, англичанин Стивен Грэхем стал защищать Россию от Горького и доказывал в “Таймсе”, что, если бы Горький знал и любил Россию, как знает и любит её он, Стивен Грэхем, он не стал бы так постыдно клеветать на свой святой, патриархальный, благодушный, боголюбивый народ» (33, 185).

Кроме жестокости, Горький, по мнению Чуковского, открыл в наших душах другую азиатскую болезнь — «рабью покорность судьбе, дряблкое непротивление року». Чуковский подтверждает этот «диагноз» цитатами из статьи Горького и повести «В людях», которые изобилуют подобными высказываниями. Терпение Горький также относит к нашим «недугам», считает Чуковский. Он приводит предисловие к сборнику «Статьи. 1905-1916», где Горький пишет: «Я слишком много вытерпел и принуждён терпеть для того, чтобы равнодушно слушать проповедь о необходимости терпения. Я не могу позволить себе учить других сомнительным добродетелям — покорности и терпению. Подобные проповеди органически враждебны мне, и я считаю их безусловно вредными для моей страны».

«Даже когда его любимая бабушка, которую он так прославил в своём “Детстве”, сказала ему: “терпи, Олёша; ты бы потерпел; терпи”, — он и в ней почувствовал врага, — замечает критик.

Горький, создавая бинарные группы, мыслит без тонкостей, полагает Чуковский: все хорошее в России пришло с Запада, а все отрицательные черты русских исходят с Востока. Все русские болезни, о которых он говорит в своей повести, именуется теперь у него азиатскими, восточными, монгольскими. Не просто фатализм, а фатализм восточный. Не просто изуверство, а изуверство азиатское. Азия в нашей крови, Азия в нашем быту — вот единственная наша болезнь, породившая все остальные.

Когда повар Смурый хочет кого-то выругать, он говорит: “Аз-зиаты! Мордва! Азиаты!”» (33, 190).

Чуковский верно понял отношение Горького к идее Соловьёва о «двух Востоках» и утверждал, что Горький не хочет видеть Россию «ни Востоком Ксеркса, ни Востоком Христа», так как «Христов Восток ещё опаснее Ксерк-

сова; наша азиатская кротость гибельнее нашей азиатской жестокости: каждая глава его повести только о том и твердит» (33, 195).

Если наша национальная болезнь — Азия, то панацея — в Европе. Когда Горький пишет о Европе, он, замечает Чуковский, «становится преувеличенно весел». «Итальянские сказки», по мнению критика, написаны «в посрамление Востока, в поучение Востоку». Но как бы ни восхищался Горький достижениями западного ума, гуманностью, как бы ни веселился, он, по мнению критика, беспомощен в этих произведениях как художник.

Чуковский считает, что повестью «Детство» Горький как публицист хотел обличить восточный быт России. Но бабушка Горького, Акулина Ивановна — самая очаровательная фигура в «Детстве», и благодаря этой мудрой, спокойной женщине — вопреки Горькому-публицисту — окружающее общество в повести кажется, по мнению Чуковского, более милым и не таким ужасным. Позже, когда Горький старался разоблачить азиатскую душу этой женщины, он не успел изменить отношение читателей к ней — она такая милая, даже сказочная. «Чуковский правильно пишет, что у многих из самых удачных, самых интересных горьковских персонажей есть те черты, названные им “восточными”, — отмечает Б. Шерр. — Но нельзя заключить из этого факта, что существует конфликт между Горьким-публицистом и Горьким-писателем. Если самые лучшие страницы в произведениях Горького изображают азиатскую Россию, то он все-таки разоблачает её не только как публицист, но также как художник» (34, 23), — полагает Б. Шерр.

«Велика ли мудрость разделить всю Россию на Восток и Запад? — вопрошает Чуковский. — Но эта схема для той эпохи была насущнейшая: тут были все её тревоги и боли, тут широчайше обобщённая (и потому обеднённая) программа её будущей всероссийской работы. В 1912–1913 годах Горький вторично, как и 20 лет тому назад, услышал в себе и сказал вещь, исторически нужное слово, — и в этом его новая заслуга, ибо что такое Запад сейчас для России? Это наука, это лучшие завоевания культуры, это преодоление азиатского быта, это оборудование новой гражданственности, — весь наш завтрашний неминуемый день.

Горький снова дал целому поколению широкую алгебраическую формулу для разнообразнейших стремлений эпохи» (33, 205).

Таким образом, антиномия «Восток-Запад» — проблема, глубоко волновавшая Горького, так как с ней связан вопрос о будущем России. Надо отметить, что в публицистике, письмах и в художественном творчестве эта тема проявилась по-разному. Если в публицистике Горький выступал как радикальный западник, то при обращении к его художественному творчеству «картина существенно меняется и усложняется», пишет Н.Н. Примочкина. «Здесь его сердечные чувства, его любовь инстинктивно склонялись на чашу весов “азиатской” Руси, “испорченного” восточными влияниями, далёкого от городской цивилизации и западной культуры “природного” русского человека со всеми

присущими ему достоинствами и недостатками», — отмечает исследователь (23, 77). В произведениях 1910-х годов писатель применил сюжетно-композиционные приёмы и поэтические средства, чтобы показать губительность философии «пассивизма», пессимизма и фатализма. Исследуя национальный характер, он отмечал восточные, «азиатские» черты в психике русского человека и вёл с ними решительную борьбу. Можно выявить в творчестве Горького сквозной восточный мотив «утешительства», появившийся под влиянием Толстого, и целую галерею утешителей. Писатель вводил в ткань художественного текста героев-двойников, зеркально отображающих друг друга, хотя и по-разному трактующих «непротивление»: Лука и Сатин из «На дне», Маркуша и старец Иоанн из «Жизни Матвея Кожемякина», Бабушка и Дедушка из «Детства». Также Горький прибегал к приёму «раздвоения» персонажа, показывая перетекание «арийской» души в «туранскую» и наоборот: Вавила Бурмистров («Городок Окуров»), Осип и Калинин из цикла «По Руси». В своих произведениях, вслед за Лесковым и Короленко, Горький выдвинул характерный для русской жизни тип «героя на час», который способен на сильный и красивый поступок, однако всю жизнь прозябает в «лени и затмении разума». К ним можно отнести Вавилу из «Городка Окурова», Калинина, Осипа из цикла «По Руси» и в какой-то мере Бабушку из «Детства».

Горький считал, что деловое, активное, творческое начало может быть прижито русской нации неустанной культурной работой, демократическими преобразованиями, просветительской деятельностью, вытесняющими пережитки «азиатчины». Героев Горьковских произведений 1910-х годов — Матвея Кожемякина, дяди Марка, Проходящего «По Руси», Акулину Ивановну Каширину и других — не покидает уверенность в том, что Русь сможет воспрянуть ото сна, что мы только в начале пути. Душа наша крепка — убеждает Матвея дядя Марк, «духовно мы ещё подростки, и жизни у нас впереди — непочат край. Не робь, ребята, выкарабкавайся! Встанет Русь, только верь в это, верю все доброе создано, будем верить — и все сумеем сделать» (12, 425). То, что Горький вложил в уста дяди Марка свои сокровенные мысли, подтверждает письмо И.С. Шмелеву от начала марта 1910 г.: «...верю в некоторые прирождённые особенности народа, ещё не стёртые в нем новой его историей, верю в его исключительную талантливость, — ей же имею многочисленные и все растущие доказательства, — и всего более надеюсь на историческую молодость нашу, обеспечившую нам недурную психику» (11, 44).

Читая книгу Бердяева «Душа России» (1915), Горький отметил красным карандашом мысль о том, что Россия ещё не играла определяющей роли в мировой истории, она не вошла ещё по-настоящему в жизнь европейского человечества. Писатель видел, что народ таит в себе недюжинные силы и противопоставлял человека Запада, рационально, но узко и слишком прагматично мыслящего, многомерному русскому человеку, способному на грандиозные деяния. «Нам, русским, в ближайшем будущем принадлежит гегемония над

Европой, гегемония интеллектуальная. Они (евр<опейцы>) выдохлись, а у нас богатство духовных сил и свежести. Они к нам обратятся», — говорил Горький (35, 989). В письме А.В. Амфитеатрову Горький спорит с оценкой русского характера Н. Цейтлиным («мямля, ленив думать и цены себе не ведает») и выражает уверенность, что русскому человеку «великие победы одержать суждено» (11, 203).

1910-е годы — важный этап в духовном становлении Горького. Отход от леворадикальных взглядов позволил ему сделать большой шаг вперёд в осмыслении национального вопроса, сформировать собственную историческую концепцию, в которой важное место заняло противоборство восточного и западного начал в мировоззрении русского человека. В этот период дидактика публицистических выступлений, широкая издательская и просветительская деятельность Горького пересекались с глубокими размышлениями о специфике русского характера. Это привело к выдающимся художественным открытиям, созданию галереи национальных типов, вошедших в золотой фонд не только отечественной, но и мировой литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. АГ. КГ-п-41-10-3.
2. Муратова К.Д. Горький на Капри. Л.: Наука, 1971.
3. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 6. М.: Наука, 2000.
4. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 10. М.: Наука, 2003.
5. Спиридонова Л.А. Настоящий Горький: мифы и реальность. М: ИМЛИ РАН, 2013.
6. Niquieux M. Qu'en est —il de l'influence de Nietzsche sur Gor'kij // Slavica occitania. Toulouse, 2006. № 22.
7. Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 24. М.: ГИХЛ, 1953.
8. Соловьёв В. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об антихристе и с приложениями / 4-е изд. СПб.: Труд, 1904.
9. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 9. М.: Наука, 2002.
10. Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Курс русской истории. Т. 1. М.: Мысль, 1987.
11. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 8. М.: Наука, 2001.
12. Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения: В 25 т. Т. 10. М.: Наука, 1971.
13. Семашкина М.А. Русский вопрос в Окуровском цикле Горького // Концепция мира и человека в творчестве М. Горького (М. Горький. Материалы и исследования. Вып. 9). М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 153–187.
14. Золотарёв А.А. «Каприйский период» Горького и горьковский период на Капри (АГ. МОГ-4-16-2).
15. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: В 55 т. 5-е изд. Т. 23. М.: Изд-во политической литературы, 1973.

Раздел II. ИССЛЕДОВАНИЯ

16. *Спиридонова Л.А.* Синтез национального и интернационального в творчестве Горького // Миссия музея в мультикультурном мире. Международный музейный форум. Казань, Россия. 8–12 сентября, 2015 г. Тезисы докладов. Казань: Фолиант, 2015.
17. Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения: В 25 т. Т. 16. М.: Наука, 1973.
18. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений: В 55 т. 5-е изд. Т. 17. М.: Изд-во политической литературы, 1968.
19. *Бунин И.А.* Собр. соч.: В 6 Т. М.: Худ. лит., 1987. Т. 3. С. 26.
20. История русской литературы. Архив А.М. Горького Т. 1. М.: Наука, 1939.
21. *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 Т. Т. 14. М.: Наука, 2009.
22. *Горький М.* Полное собрание сочинений. Художественные произведения: В 25 т. Т. 14. М.: Наука, 1972.
23. *Примочкина Н.Н.* Антиномия «Восток-Запад» в мировоззрении и творчестве Горького // Концепция мира и человека в творчестве Горького. (М. Горький. Материалы и исследования. Вып. 9). М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 41–81.
24. *Горький А.М.* Две души // М. Горький: pro et contra: Антология. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1997. С. 91–102.
25. *Овсянко-Куликовский Д.* Итоги русской художественной литературы XIX века // Вестник воспитания (М). 1911. № 6.
26. *Степанов Ю.С.* Константы / Словарь русской культуры. Опыт исследования. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
27. *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 1. М.: Наука, 1997.
28. *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 11. М.: Наука, 2004.
29. М. Горький и Р. Роллан. Переписка (1916–1936). Архив А.М. Горького. Т. 15. М.: На-следие, 1995.
30. *Шуган О.В.* Цикл М. Горького «По Руси» (проблема национальной идентичности) // Горький — художник и мыслитель. Горьковские чтения — 2016. Материалы XXXVII Международной научной конференции. Нижний Новгород ООО «Бегемот-НН», 2016. С. 54–61.
31. *Мережковский Д.С.* Не святая Русь (Религия Горького) // М. Горький: pro et contra: Антология. СПб. Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1997. С. 851–863.
32. *Горький М.* Полное собрание сочинений. Художественные произведения: В 25 т. Т. 15. М.: Наука, 1972.
33. *Чуковский К.И.* Две души Горького // *Чуковский К.И.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 8. М., 2004. С. 183–238.
34. *Шерр Б.П.* «Две души» — М. Горький и К. Чуковский // Горький, Шмелев, Тэффи и другие. Юбилейный сборник к восьмидесятилетию Лидии Алексеевны Спиридоновой. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 13–28.
35. Из дневника С.С. Кондурушкина (1908 г.) «На Капри» / Подгот. В.Н. Чуваковым // Горький и советские писатели. Литературное наследство. Т. 95. М.: АН СССР, 1988. С. 944–992.

А.Г. ПЛОТНИКОВА

**ИСТОРИЯ СЦЕНАРИЯ М. ГОРЬКОГО
«ПРЕСТУПНИКИ»**

Аннотация

В статье на основе архивных документов исследуется история сценария М. Горького «Преступники». В сценарии изображается процесс перевоспитания малолетних правонарушителей в коммунах ОГПУ. В разработке сценария, кроме Горького, принимали участие Г.Г. Ягода, М.С. Погребинский, режиссёр А.М. Роом и воспитанники трудовых коммун. Фильм не был поставлен, но сценарий является важной частью творчества М. Горького. В статье исследуются художественные и политические взгляды М. Горького, методы борьбы советского правительства с беспризорностью, особенности социально-политической и культурной обстановки в Советском Союзе в начале 1930-х годов.

Ключевые слова

М. Горький, А.М. Роом, Г.Г. Ягода, сценарий, «Преступники», Болшевская коммуна, ГУЛАГ, беспризорники, М.С. Погребинский.

13 сентября 1932 г. в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» появилось сообщение: «Максим Горький написал сценарий художественного звукового фильма “Преступники”. В сценарии на материале трудкоммун ОГПУ Горький по-новому освещает проблемы ликвидации беспризорности. Фильм будет ставить А. Роом» (1). Похожее сообщение появилось в эти дни ещё в нескольких периодических изданиях, в частности, в газете «Кино» (1932. № 42. (513). 12 сент.). Можно с уверенностью сказать, что фильм этот ждали зрители, в нём были заинтересованы и ОГПУ, и кинематограф, и сам М. Горький.

Тема исправления юных преступников была чрезвычайно популярна. В первые послереволюционные годы страну захлестнула волна детской беспризорности. В 1921 г. в России насчитывалось, по разным данным, от 4,5 до 7 млн беспризорных детей (2, 93). Первоначально этой проблемой занимался

Наркомат просвещения, но довольно скоро стало понятно, что он не располагает необходимыми финансовыми и человеческими ресурсами. А.В. Луначарский вспоминал, что вопросы детства и народного просвещения называли в Совнаркоме «“третьим” фронтом для обозначения его третьеочерёдности» (3, 278).

В 1921 г. Ф.Э. Дзержинский предложил В.И. Ленину использовать организационные ресурсы ВЧК для решения этой проблемы. Вот как позднее воспроизводил слова Дзержинского Луначарский: «Нужно создать при ВЦИК широкую комиссию, куда бы вошли все ведомства и все организации, могущие быть полезными в этом деле <...> Я хотел бы сам встать во главе этой комиссии; я хочу реально включить в работу аппарат ВЧК <...> Я думаю, что наш аппарат — один из наиболее чётко работающих. Его разветвления есть повсюду. С ним считаются, его побаиваются <...> Я и думаю: отчего не использовать наш боевой аппарат для борьбы с такой бедой, как беспризорность?» (3, 278). 27 января 1921 г. при ВЦИК была создана комиссия по улучшению жизни детей (сокращённо — Деткомиссия), руководителем которой был назначен Ф.Э. Дзержинский.

Руководитель ВЧК подошёл к проблеме по-военному, поскольку ситуация требовала немедленных решений. Были открыты новые детские дома и проведены проверки в уже существующих, в городах появились специальные детские столовые, регулярно проводились масштабные облавы для поимки беспризорников. Появились общественные организации, например, общество «Друг детей», в котором на 15 марта 1925 г. в Москве и области насчитывалось 304777 членов (4, 46). В марте 1924 г. состоялась I Московская конференция по борьбе с беспризорностью, на которой были провозглашены основные принципы борьбы с этим социальным явлением. Детская беспризорность стала рассматриваться как угроза новому социальному строю, Н.К. Крупская заявила, что это «вопрос здоровья всего общественного организма» (5, 11).

В этот период детская беспризорность и детская преступность рассматривались как связанные явления: большинство задерживаемых детей совершали правонарушения, а в учреждениях детского призревания был практически тюремный режим.

Благодаря Дзержинскому, под эгидой ВЧК (ОГПУ) стали появляться исправительные учреждения нового типа — трудовые коммуны. Рождение идеи трудовой коммуны описывал Р.П. Катанян: «Была арестована банда грабителей, считавшаяся долгое время неуловимой. Секрет этой неуловимости заключался в том, что каждый из бандитов имел при себе мальчика-оруженосца. Когда бандиты шли на “дело”, мальчики следовали за ними в некотором отдалении и должны были передавать оружие по первому их требованию <...>

Однако оперативные работники раскусили, в чём дело, и арестовали банду вместе с оруженосцами. И тогда на коллегии ОГПУ встал вопрос: как быть с малолетними помощниками бандитов? Я категорически возражал против направления ребят в исправительно-трудовые лагеря, указывая, что единственно разумным было бы применение к ним воспитательных мер. С этой целью, на мой взгляд следовало бы ОГПУ создать специальное учреждение <...> Феликс Эдмундович Дзержинский <...> принял участие в судьбе арестованных мальчиков <...>

Тогда-то и решили организовать под Москвой исправительно-воспитательную колонию для малолетних. Она называлась коммуной и была полужакрытого типа, без вооруженной охраны, без внешних признаков принуждения, с широким самоуправлением» (6, 173).

Известны и более ранние попытки устройства поселений малолетних правонарушителей, в одном из таких учреждений работали В.П. Правдухин и Л.Н. Сейфуллина, которая впоследствии описала этот опыт в повести «Правонарушители», высоко оцененной Горьким (84, 140–153). Широко известна деятельность А.С. Макаренко, который ввёл в своих колониях новый метод перевоспитания, основанный на доверии и труде.

Самыми известными были трудовые коммуны ОГПУ № 1 (им. Г.Г. Ягоды, Болшевская) и № 2 (им. Ф.Э. Дзержинского, Люберецкая, Николо-Угрешская). История Болшевской коммуны началась 18 августа 1924 г., когда Ф.Э. Дзержинским был подписан приказ, в котором значилось:

- «1. Для борьбы с малолетними правонарушителями в возрасте от 13 до 17 лет организовать Детскую трудовую коммуну при ОГПУ на 50 человек.
2. Заведующим Детской трудовой коммуной назначается Мелихов Ф.Г.
3. Заведующего Детской трудовой коммуной подчинить во всех отношениях Погребинскому М.С., коему действовать на основании утверждённого мною плана работы» (7, 42).

Официальная должность М.С. Погребинского в 1924 г. была — помощник начальника Орготдела Административно-организационного управления ОГПУ при СНК СССР, но значит он стал благодаря своей работе по созданию трудовых коммун ОГПУ. Первыми коммунарами стали 18 беспризорников и 15 заключённых Бутырской тюрьмы, отобранные лично М.С. Погребинским. Его жена А.Б. Погребинская в воспоминаниях, хранящихся в Архиве А.М. Горького в ИМЛИ РАН (далее — АГ), писала так о первых годах коммуны: «Беспризорных брали насильно <и> добровольно, и вот ночью, объезжая участки, Погребинский находил ребят, где они грелись около горящих асфальтовых котлов. 2–3 ребят везли к себе на квартиру чумазых, с тысячами букашек, их купали в ванной, одевали <...> кормили, а ночью везли в Трудкоммуну на машине» (8). Погребинский принимал большое личное участие в жизни воспитанников, многое строилось на его личном авторитете

и уважении к нему детей: «Ребята из Болшевской коммуны приходили с утра и просиживали до поздней ночи, а потом, найдя отговорку, что поезда уже не ходят из Москвы в Болшево, оставались ночевать у нас» (8).

В книге «Болшевы» (М., 1936) рассказывалось, как М.С. Погребинский изучал теорию воспитания, пытался выработать метод, подходящий в данных условиях: «На его столе можно было увидеть самые разнообразные материалы. Рядом с “Отчётом Московского работного дома с 1836 по 1913 год” лежали “Сахалинские очерки” и “В мире отверженных”. “Социальные этюды” Тардьё, книжка профессора Белецкого “Об эмоциональном мире преступников”, “Доклад Киевского патроната малолетних преступников” заставляли его порой забывать о пище и отдыхе <...> Чем больше говорили об этом Погребинскому книги, тем спокойнее и увереннее становился он, потому что для него всё яснее становилась основная причина этих неудач: в условиях капитализма, в условиях эксплуатации труд всегда является проклятием. Только у нас, где труд — источник удовлетворения общественных потребностей трудящихся, где самый труд становится радостью, первой потребностью человека, он способен быть самым сильным орудием перевоспитания» (9, 14–16). Основой воспитания в коммуне стали доверие к воспитуемым, свобода, самоуправление, труд и учёба. Постепенно количество коммунаров росло, а небольшие рабочие цеха превратились в полноценные предприятия. После смерти Ф.Э. Дзержинского ОГПУ продолжало заниматься проблемами детской беспризорности, и Г.Г. Ягода, фактически руководивший Управлением с 1926 г., принял эстафету. Именно во время «шефства» Ягоды над трудовыми коммунарами ОГПУ их развитие достигло своего пика: «В 1935-м, в году, когда отмечали десятилетие коммуны, посёлок коммунаров насчитывал уже три тысячи человек, а производство коммуны, начинавшееся в 1924 г. с кустарных мастерских, в 1930-е годы представляло собой высокоорганизованный комбинат спортивного профиля» (10, ?). В 1933 г. имя Г.Г. Ягоды было присвоено Болшевской коммуне, он немало способствовал популяризации коммунарского движения.

Трудовую коммуну ОГПУ № 2, расположенную в бывшем Николо-Угрешском монастыре недалеко от железнодорожной станции Люберцы, называли «младшим братом» Болшевской коммуны. Она была создана в августе 1927 г., но фактически с 1925 г. существовала в звенигородском Саввино-Сторожевском монастыре. Постепенно детей перевезли на новое место, в объезд Москвы по железной дороге. Методика в коммуне была такая же, как в Болшево, но ребята были младше, поэтому изначально приоритетной деятельностью была учёба, а не производство. Тем не менее в коммуне функционировала фабрика музыкальных инструментов, электромеханический завод, была построена железнодорожная ветка от станции Люберцы в коммуну. Приходя в коммуну, бывшие беспризорники знакомились со сводом её правил:

1. Хошь — живи, не хошь — уходи.
2. Все отвечают за каждого, каждый отвечает за всех.
3. Чтобы жить трудовой жизнью, надо уметь что-нибудь делать.
4. Воспитывая из себя сознательного пролетария, помогай сделаться им и другим.
5. У нас все должны учиться.
6. Каждый должен украшать дом, в котором живёт, улицу, по которой ходит.
7. Честь коммуны превыше всего, все в ответе за неё.
8. В коммуне сухой закон для всех.
9. Будь вежлив в обращении со всеми.
10. Пресекай азартные игры и воровство.
11. Человек труда никогда не позволит себе присвоить чужую копейку.

(11, 57)

Опыт трудовых коммун ОГПУ поражал весь мир: процент тех, кто вернулся на путь преступлений после выпуска из коммуны, был крайне мал. В учреждения часто приезжали иностранные гости, множество их восторженных отзывов, сохранившейся в книге записей коммуны, приводит С. Гладыш в книге «Дети большой беды». Так, группа англичан в 1925 г. писала: «Мы восхищены тем, что Россия является передовой страной в эксперименте о влиянии свободы на индивидуума» (7, 102). Немецкая группа в 1927 г. вторила им: «Мы очень рады убедиться в том, что по инициативе вождей пролетарской революции и под защитой их — в России — проводится тот педагогический эксперимент, который тщетно предлагался до сих пор мыслителями-педагогами буржуазным правительствам» (7, 105). Делегации из Бельгии, США, Китая, Франции, Ирландии, Канады, Венгрии, Австрии, Чехии и других стран делились своими впечатлениями в гостевом альбоме коммуны.

Для советского правительства успех «показательной» коммуны был хорошим способом создания положительного образа ОГПУ в СССР, а главное — за рубежом. Советское правительство было заинтересовано в этом, поскольку противостояние Советского Союза и Запада было связано не только с идеологическими, но и с экономическими причинами.

В 1930 г. разразился международный скандал, связанный с использованием в Советском Союзе принудительного труда заключённых. Конгресс США принял закон о запрете на импорт товаров, произведённых заключёнными, и ввёл эмбарго на импорт лесоматериалов из северных областей СССР. Ограничения на ввоз советских товаров ввели Канада, Франция и некоторые другие страны. Поскольку древесина была важнейшей статьёй советского экспорта, Совнарком решил выработать ответные меры. В феврале 1931 г. вопрос обсуждался на Политбюро, и возникло предложение развернуть пропагандистскую кампанию против санкций. Тема перевоспитания преступников стала популярной: об этом снимали фильмы, издавали

книги, печатали агитационные статьи в прессе и т. д. В такой обстановке возникла идея фильма о перевоспитании малолетних правонарушителей, впоследствии получившего название «Преступники».

Горький был убеждён в том, что обвинения иностранных источников ложны, и опубликовал статью «По поводу одной легенды», которая была напечатана одновременно в газетах «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» и в «Правда» (1931. № 63. 5 марта). В этой статье Горький писал: «“Принудительный труд”? В Союзе Советов труд — обязателен, ибо “не работающий — не ест”, это — основной лозунг правильно понятого социализма <...> Принудительный труд Советская власть не применяет даже в домах заключения, где безграмотные преступники обязаны учиться грамоте и где крестьяне пользуются правом отпуска на сельскохозяйственные работы в деревню, к своим семьям.

Насколько ценится человек в Союзе Советов, об этом, может быть, лучше всего говорит факт существования трудовых коммун, члены которых исключительно бывшие “социально опасные”» (12, 440–441).

М. Горький сам называл себя «бывшим социально-опасным», эта проблема была ему хорошо знакома по жизненному опыту. В очерке «По Союзу Советов» он писал: «Кое-что о жизни уличных детей я знаю от времён моего детства. В 91–92 годах видел сотни ребятшек, спасавшихся от голода в сытых краях <...> О “колониях малолетних преступников” старого, царского времени у меня тяжёлые воспоминания» (13, 154–155). Горький вспоминал имена своих товарищей того времени, юных беспризорников, погибших вследствие различных обстоятельств: мальчика Яхонтова, Ивана Смирнова, Бориса Зубова.

С самого начала творческого пути Горький проявлял интерес к теме босячества, человеческого «дна» и тем поступкам, на которые толкает человека тяжёлое социальное положение. Особенно писателя волновала тема детской преступности. Рассказы «Злодеи», «Как поймали Семагу», цикл «По Руси», пьеса «На дне», сценарий «Ход коня» и многие другие произведения писателя дают множество типов преступников. Почти всегда это несчастные люди, «лишние», выброшенные на обочину жизни, не нашедшие себе применения и вынужденные преступать закон.

Однако в творческом сознании Горького тема босячества, социального дна парадоксально связана с темой «нового человека», потенциально — высшего существа. Для писателя существующий человек является лишь материалом, прообразом будущего человека. Эта мысль, связанная с ницшеанскими идеями, звучит уже в 1912 г. в рассказе «Рождение человека»: «...да ведь и солнцу часто очень грустно смотреть на людей: так много потрудились оно для них, а — не удались людишки <...> Разумеется, есть немало и хороших, но — их надобно починить или — лучше — переделать заново» (14, 144). Представление Горького о путях совершенствования, перерождения человека менялось со временем. В 1900–1910-е годы Горький видел возможность обновления человека

через культуру, искусство. Участвуя во множестве просветительских проектов (Каприйская школа, «Инсценировка истории культуры», издательство «Всемирная литература», — список можно продолжать) — писатель видел необходимость образования, повышения культурного уровня человека и через это — его совершенствование. В 1920–1930-е годы эта тема была переосмыслена им через термины индустриализации: переделка, «перековка» людей. Советский человек, способный возводить заводы, изобретать механизмы, покорять новые земли, должен взяться за самое главное — за изменение природы самого себя. Представления Горького были сильно идеализированы и расходились с реалиями советской действительности. «Создание мифа о новом человеке характерно для публицистики Горького последнего периода жизни. Едва ли не в каждой статье он славил “хозяина и создателя” мира — советского человека», — пишет Л.А. Спиридонова (15, 35). Путь этой переделки — труд, исправить преступника, по мнению Горького, могло только привлечение его к добровольному, радостному коллективному труду, участие в большом деле, ощущение значимости собственной деятельности.

Горький жёстко критиковал позицию западных криминалистов, в частности, итальянского психиатра Ч. Ломброзо, утверждавшего, что преступность имеет генетическую природу. Основываясь на собственных выводах о биологических особенностях человека, прежде всего, внешних морфологических признаках (форма черепа, строение ушной раковины и пр.), по его мнению, присущих преступникам, Ломброзо считал, что нарушители правовых норм — люди ненормальной физической и психической организации, люди «особой породы», и преступление является следствием их врождённых особенностей, неким атавизмом. Для таких людей преступление неизбежно, а наказание не может исправить их. Исходя из суждения об опасности таких лиц для общества, исследователь считал необходимым заключение на длительные сроки и частое применение смертной казни.

Дореволюционная российская криминалистика разделяла позицию Ломброзо, в первые послереволюционные годы даже сохранялся термин «дефективные дети», означавший малолетних преступников, проституток, бродяг.

Критикуя этот подход, Горький в статье «Растёт хорошее дело» (Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1928. № 157. 8 июля) писал: «Защищаясь от созданных им же “социально опасных” людей, мещанство, в лице одного из своих учёных, итальянца Ломброзо, придумало учение о “преступном типе”; учение это доказывало, что в буржуазном обществе существует люди с “врождённой” склонностью к преступлениям; вывод из этой теории совершенно ясен: с такими людьми церемониться нечего, их необходимо уничтожать <...>

Советская власть видит причины преступности в условиях классового государства, в силах той зависти, жадности и лжи, без которых это государство не может существовать.

Советская власть не считает “правонарушителя” неизлечимо больным, рождённым для преступлений и неспособным ни к чему более. Она хотела бы перевоспитать “правонарушителя”, вернуть его государству рабочих, как честную и разумную трудовую единицу, как человека, который признавал бы: государство — его и всё, что он делает, он делает для себя». Горький призывал отказаться даже от самого слова «преступник»: «У нас вообще нет термина “преступник”. По отношению к вредителям мы говорим “преступник”, а здесь — социально опасный, и социально опасных мы передываем в социально полезных. Они великолепные граждане, чудесные работники и на земле, и на фабрике, где хотите» (16, 78).

Именно поэтому Горький был так впечатлён идеей Соловецкого лагеря особого назначения и других лагерей, где была декларирована идея перевоспитания преступников. Посетив в 1929 г. Соловки, Горький увидел в них метафору меняющегося мира и человека: «А суровый лиризм этого острова, не внушая бесплодной жалости к его населению, вызывает почти мучительно напряжённое желание быстрее, упорнее работать для создания новой действительности. Этот кусок земли, отрезанный от материка серым, холодным морем, ошетиженный лесом, засорённый валунами, покрытый заплатами серебряных озёр, — несколько тысяч людей приводят в порядок, создавая на нем большое, разнообразное хозяйство» (13, 216). Остров, «засорённый валунами», символизирует душу преступника, воспитанного на старых понятиях, на идее частной собственности, иждивенческих настроениях и принудительном труде.

Конечно, представления Горького о советской лагерной системе были далеки от реальности. Его поездка на Соловки была тщательно организована руководителями ОГПУ, писателю показывали исключительно «потёмкинские деревни»: соловецкий театр, музей, прессу, «счастливых» заключённых. О сфабрикованных показательных политических судебных процессах 1930-х годов он также узнавал от чекистов. Во время первых поездок в СССР и после окончательного переезда из Сорренто в Москву Горький жил под постоянным неусыпным контролем представителей Государственного политического управления. Каждый шаг его отслеживался, почта просматривалась, допускались только избранные посетители. (Подробно об этом пишет Л.А. Спиридонова в статье «Из воспоминаний о Горьком» И.М. Кошенкова» (17)). Представления Горького были сформированы советскими спецслужбами, и у него были все причины, чтобы поддержать их, и в этом он был последователен.

Перу Горького принадлежит немало художественных произведений и публицистических статей, в которых описывались успехи ОГПУ в перевоспитании бывших преступников: цикл очерков «По Союзу Советов» (1929), статьи «О “маленьких” людях и о великой их работе» (1929), «По поводу одной легенды» (1931), «О трудколониях ОГПУ» (1931). Апология советской лагерной системы присутствует и в статье «О воспитании правдой» (1933):

«Истребляя ничтожное количество неисправимых только тогда, когда их классовый инстинкт выражен особенно ярко и бесчеловечно, когда действительно “человек-зверь”, пролетариат-диктатор успешно перевоспитывает массу социально опасных, изменяет качество, выявляет и развивает социально ценные способности единиц» (18, 401). Созвучные идеи высказываются в статьях «Ударницам на стройке канала Москва-Волга» (1935), «От “врагов общества” — к героям труда» (1936) и многих других.

Книги о перевоспитании правонарушителей вызывали у Горького интерес и восхищение, он оказывал поддержку их авторам. Так, в 1927 г. он писал о Л. Пантелееве и Г. Белых и их книге «Республика ШКИД»: «Какие славные, скромные и умненькие они, судя по письмам», «удивительные ребята, сумевшие написать преоригинальную книгу, живую, весёлую, жуткую», «книга замечательная», «умопомрачительная книга» (85; 252, 264, 275) и т. д. Высоко оценивая опыт А.С. Макаренко по работе с «трудновоспитуемыми» детьми, Горький поддерживал и его книгу «Педагогическая поэма», и 6 декабря 1928 г. писал ему: «За предложение посвятить мне Вашу “Педагогическую поэму” сердечно благодарю. Где Вы думаете издать её? Советую — в Москве. Пошлите рукопись П.П. Крючкову, по адресу: Москва, Госиздат, он Вам устроит печатание быстро и хорошо» (19, 119). В 1931 г. Горький редактировал сборник произведений бывших беспризорных «Вчера и сегодня» и написал для него предисловие, где так формулировал цель книги: «...чтобы тысячи беспризорных и социально опасных нашей огромной страны — все заключённые в домзаках, организованные в колонии и коммуны — убедились на факте выхода сборника, что пред ними действительно открыты все пути к честной и социально полезной работе» (20, 228). В 1935 г. Горький дал положительный отзыв о книге «Атаман Пузырь», написанной воспитанниками Томской трудовой коммуны ОГПУ, созданной как «молодёжное отделение» Сиблага. Горький писал её авторам, Б. Иртышскому, Е. Дульневу и В. Корневу: «Книжка читается с большим интересом <...> Материал ваш значителен своей новизною, оригинальностью» и далее: «За всю историю человечества никогда, нигде в мире не было власти, которая ставила бы целью работы своей воспитать весь трудовой народ, указать ему путь к созданию новой социалистической культуры <...> Особенно трудно воспитывать молодёжь — беспризорников, правонарушителей. Однако чекистам, агентам ГПУ удаётся достигать в этой работе отличных успехов, — это я знаю по работе ГПУ в концлагерях, в колониях, коммунах, вижу по таким фактам, как ваша книжка, журнал “На штурм трассы”, “Перековка” и другие издания» (21, 388).

Наконец, Горький способствовал созданию книги о Беломорско-Балтийском канале. 17 августа 1933 года сто двадцать писателей выехали на почти построенный канал, шестьдесят из них стали авторами коллективного труда, рассказывающего о жизни заключённых в лагере на строительстве канала им. И.В. Сталина. В книге утверждалось, что строители канала —

уголовные рецидивисты, «террористы», «враги народа» — радостно идут к исправлению через труд, что им создают комфортные условия, помимо работы они занимаются художественным творчеством, самодеятельностью, самообразованием. ОГПУ принимало непосредственное участие в работе над книгой. «Судя по переписке Л. Авербаха с Горьким, план сборника, посвящённого строительству Беломорско-Балтийского канала, был разработан Авербахом по личным указаниям Ягоды», — пишет Л.А. Спиридонова (22, 251). Горький стал редактором этой книги и написал для неё две главы: «Правда социализма» и «Первый опыт», где, в частности, утверждал: «Это одна из наиболее блестящих побед коллективно организованной энергии людей над стихиями, суровой природой Севера. В то же время это отлично удавшийся опыт массового превращения бывших врагов пролетариата-диктатора и советской общественности в квалифицированных сотрудников рабочего класса и даже в энтузиастов государственно-необходимого труда» (23, 12). Особенно ценным в этой книге Горький считал опыт коллективного творчества писателей: «Работа эта указывает путь, идя которым, наша юная литература быстро уничтожит все ещё не уничтоженные, скрыто существующие групповые трения. Я имею в виду трения, в основе коих действует мелкое стремленьишко мещанского индивидуализма властвовать и командовать» (24, 611).

Заместитель прокурора СССР А.Я. Вышинский, направляя Горькому на рецензию сборник статей «От тюрем к воспитательным учреждениям», 11 мая 1934 г. сообщил о подготовке второго тома книги, который готовился «классическими работниками» системы (25), — писатель очень интересовался такими трудами.

Одна из последних редактируемых Горьким книг — сборник «Болшевыцы» (М., 1936). Созданный большим коллективом авторов, сборник рассказывал о становлении и развитии Трудовой коммуны ОГПУ № 1 в Болшеве, об «индивидуальных перерождениях» коммунаров. (О редакторской работе М. Горького над текстом книги подробно пишет Т. Липтак в диссертации «О становлении соцреализма: Максим Горький и начинающие писатели в 1930-х гг.» (26)) В «Предисловии» к книге Горький писал: «Вместе с книгами А. Макаренко “Педагогическая поэма” и Иды Авербах “От преступления к труду” эта книга вносит в нашу литературу замечательный рассказ о работе инженеров душ, которые воспитывают тысячи людей в трудкоммунах, в концлагерях, в колониях беспризорных детей, о работе, которая показывает, как реально, фактами — осуществляется в Стране Советов пролетарский и коммунистический гуманизм» (27, 10).

Горький не только писал статьи и редактировал книги, связанные с темой детской беспризорности и преступности, но и принимал большое личное участие в решении этой проблемы в СССР. Материалы Архива А.М. Горького подтверждают, что он изучал отчёты о детской преступности (28), общался на

эту тему с педагогами, обсуждал варианты устройства детских исправительных учреждений.

Ещё до установления советской власти, после Февральской революции, Горький участвовал в публичном заседании Лиги социального воспитания в июне 1917 г. Писатель выступил с речью, в которой дал развёрнутую характеристику задач и путей воспитания молодёжи. Эта речь была напечатана в горьковском журнале «Летопись». Горький живо интересовался судьбой детской колонии Союза Городов, попавшей в окружение во время Гражданской войны на Дальнем Востоке, в Архиве Горького хранится запрошенная писателем справка от 16 августа 1920 г. (29) В 1920 г. Горький писал В.И. Ленину: «А засим обращаю Ваше внимание на необходимость принять решительные меры по борьбе с детской преступностью. Теперь, будучи ознакомлен с положением этого вопроса, я знаю, как ужасно быстро развивается зараза преступности <...> я предлагаю организовать “Лигу борьбы с детской преступностью”, куда мною будут приглашены все наиболее авторитетные деятели по вопросам воспитания дефективных детей и по вопросу о борьбе с преступностью детской» (30, 69). 2 июня 1920 г. Горький присутствовал на заседании комиссии по борьбе с детской преступностью, а 24 июня выступал на I Всероссийском съезде по борьбе с детской дефективностью.

В 1920-е годы Горький искренне восхищался успехами трудовых коммун, поддерживал их не только в печати, но личным присутствием. Во время путешествия по Советскому Союзу в 1928 г., писатель посетил коммуны А.С. Макаренко в Куряже и в Харькове, впервые приехал в коммуны ОГПУ № 1 (в Болшеве) и № 2 (в Николо-Угреше), которые не раз навещал впоследствии. Горький вёл активную переписку с А.С. Макаренко, М.С. Погребинским, С.П. Богословским и другими деятелями коммунарского движения. В 1935 г. во время приезда Р. Роллана в СССР на даче Горького в посёлке Горки–10 был показан самодеятельный концерт, в котором участвовали воспитанники Болшевской и Люберецкой коммун. После спектакля Горький представлял артистов Роллану: «Ведь Вы поймите только, дорогой Ромен, ведь все эти чудесные артисты — бывшие правонарушители, и не будь советской власти, что бы с ними стало? Они быполнили число обитателей моего “Дна”...» (31, 69).

Горький выступал за популяризацию идеи «перековки», а одним из эффективных средств для этого он видел кинематограф, поэтому в 1931–1932 гг. он был очень увлечён идеей фильма «Преступники».

Сценарий «Преступники» был далеко не первым опытом Горького в этом жанре, в период с 1919 по 1930 г. он написал шесть произведений для кинематографа, но ни одно из них не стало фильмом в силу различных обстоятельств (34). Однако именно в 1932 г., после изобретения звукового кинематографа, у Горького появилась реальная возможность увидеть свой сценарий воплощённым на экране. Зерно драматургии Горького — в ёмком, метком слове, а

не в действии, в речевой характеристике персонажа, а не в его пластике, а это могло быть реализовано только в звуковом кино. Кроме того, участие высокопрофессионального режиссёра А.М. Роома вселяло в писателя оптимизм относительно судьбы этого сценария.

Выбор режиссёра, очевидно, тоже был не случаен. В конце 1920-х — начале 1930-х годов в кинокритике бытовало такое мнение: «Большая пятёрка советского кино: С. Эйзенштейн, В. Пудовкин, Л. Кулешов, Д. Вертов, А. Роом». Абрам Матвеевич Роом был у руля советского кинематографа, занимал руководящие должности, был признан публикой и обласкан властью. Кроме того, Роом был принят на Западе, вёл переговоры с зарубежными кинокомпаниями, выезжал за границу (в РГАЛИ сохранилось его письмо в ОГПУ по поводу поездки в Берлин в 1928 г. для переговоров с фирмой «Штаанен» (35), в 1927 и в 1932 годах встречался с А. Барбюсом во время его приезда в СССР. Именно А. Роом стал режиссёром первой звуковой картины в СССР: в 1930 г. вышел на экраны документальный полнометражный фильм «План великих работ», снятый по системе звукозаписи инженера А.Ф. Шорина. Опытный, талантливый, яркий режиссёр-новатор уже, казалось, был залогом успеха задуманного проекта. К тому же фильм А. Роома по сценарию М. Горького был необходим кинематографу 1930-х годов.

Тема перевоспитания беспризорников была вовсе не нова для советского кинематографа. Современному зрителю хорошо знаком фильм «Путёвка в жизнь» (1931, реж. Н. Экк), однако это лишь один из представителей этого жанра. Большинство этих фильмов не сохранилось, упоминания о них мы находим в архивах, в прессе 1920-х годов, в фундаментальном аннотированном каталоге «Советские художественные фильмы» (36). Краткий обзор этих фильмов позволит составить представление о жанре, сформировавшемся в советском кинематографе.

В 1923 году, ознаменованном пиком борьбы с детской преступностью, по заказу Чрезвычайной детской комиссии был снят художественный фильм «Беспризорные» (авт. сцен., и реж. В. Карин). Сам Ф.Э. Дзержинский участвовал в создании картины в качестве консультанта. В фильме была показана энергичная и самоотверженная работа ЧК по изменению жизни малолетних проституток и уличных воришек. Зрителя знакомили с системой перевоспитания детей в специальных колониях, где основой воспитательной работы являлся труд. В мае 1923 г. об этом фильме писали газеты «Правда», «Известия», а также «Рабочая газета» (37).

Впервые трудовая коммуна показана в 1924 г. в фильме «Тёплая компания» («Жизнь беспризорных») (реж. Л. Мур). О сюжете можно судить по отрывочным сведениям из газет «Правда», «Кино-неделя», «Кино-газета» (38). В фильме «Тёплая компания» выступает некий сотрудник ЧК, который собирает группу ребят, от которых отказались все остальные исправительные учреждения. Поначалу дети с недоверием относились к новой жизни в коммуне,

однако со временем, увлѣкшись производственной и общественной работой, они оставили мысль о побеге. Основной сюжет дополнялся авантюрной линией бывшего беспризорника, который помог раскрыть шпионскую организацию.

В центре фильма «Марийка» (1925, реж. А. Лундин) история крестьянской девочки-сироты, которую заставили стать помощницей в воровском притоне. От преступной жизни её спасла милиция, арестовавшая банду. Позже, вступив в пионерский отряд, Марийка полностью изменила свою жизнь и в итоге встретила со своей старшей сестрой, которая давно разыскивала её. Словно сама судьба вознаграждает героиню за правильное решение восстановлением семьи.

Назовѐм ещё фильмы «Мишка Звонов» (1927, реж. П. Малахов), «Раба» (1927, реж. и опер. А. Яловой), «Два шалуна» (1927, авт. сцен. и реж. Н. Кахидзе), «Митька, Петька и Чемберлен» (1927, реж. А. Сегель), «Оторванные рукава» (1928, реж. Б. Юрцев, авт. сцен. И. Пырѐв), «Беспризорные» (1928, реж. Д. Эрдман). О жизни в коммунах, о процессе перевоспитания детей и подростков рассказывали фильмы «Лягавый» (1930, реж. П. Кириллов), «Золотой мѐд» (1928, реж. Н. Береснѐв).

Почти во всех этих фильмах присутствуют черты универсального сюжета. В центре повествования — юный беспризорник, который пользуется авторитетом у приятелей и которого опытные воры привлекают к преступлениям. Впоследствии его арестовывают органы правопорядка и появляется сотрудник ЧК, который принимает участие в судьбе беспризорника. Чекист противостоит группе своих коллег (держится особняком, во время споров молчит, отстранѐнно курит), а с другой стороны — бездомным детям, для которых он стремится стать не тюремщиком, а другом, проводником в другой, светлый мир, в полезную, честную жизнь. Его усилиями жизнь детей нормализуется, упорядочивается, организуется. Как правило, в фильме появляется герой-антагонист, носитель противоположного, анархического, начала. Это классовый враг — вор или шпион, — человек, предлагающий лёгкую, весѐлую жизнь взамен необходимости трудиться. Во многих фильмах присутствует персонаж, представляющий другие организации по помощи детям, он всегда изображается в негативном ключе. Так, в фильме «Марийка» действует организация «Помгол», вследствие её вмешательства в жизнь деревни девочка убегает в степь, и с этого побега начинаются злоключения героини. В фильме «Путѐвка в жизнь» хорошо одетый мужчина, избивший Кольку Свиста, предъявляет удостоверение общества «Друг детей». ЧК было важно не только показать свои успехи в деле исправления беспризорников, но и отметить несостоятельность остальных организаций. Обязательно по ходу сюжета происходит один или несколько «спадов» в энтузиазме ребят, начинающих новую жизнь. Это связано либо с внешними обстоятельствами: плохой погодой, нарушением снабжения, решениями абстрактного «начальства», либо — с чьей-то злой

волей, чаще всего с происками матёрых воров, которые не хотят смириться с потерей своих малолетних помощников.

По этому же сюжету в целом строится самый известный фильм о перевоспитании беспризорников «Путёвка в жизнь».

В 1930 г. Н.В. Экк, А.Б. Столпер и Р.В. Янушкевич начали работу над сценарием к фильму «Путёвка в жизнь». О процессе создания сценария вспоминала Регина Викентьевна Янушкевич: «В те времена в нашем кинематографе процветал жанр “культурфильма”. Межрабпом заказал нашей троице сценарий такого фильма о беспризорных детях. Для этого мы разделились по одному и приступили к поискам материала. Посещали тюрьмы и другие места не столь отдалённые, побывали в нескольких детских коммунах, общались с чекистами, сотрудниками уголовного розыска, встречались на московских улицах с беспризорниками» (39, 59). Изначально планировался научно-просветительский фильм, но обилие интересного материала, собранного сценаристами, убедило «Межрабпом» и Деткомиссию ВЦИК о необходимости съёмок художественного фильма. Технология записи звука «Тагерфон», появившаяся в 1930 г., тоже сыграла свою роль. Актёр Михаил Иванович Жаров, исполнивший роль Жигана в фильме «Путёвка в жизнь», в своих воспоминаниях писал: «Появление звука в кино не застало актёров театра врасплох, наоборот, слово расширило выразительные возможности актёра и добавило новые, основные краски в его творческую палитру. Мысль нашла своё ясное выражение. Мы стали себя чувствовать в седле, как всадники на хорошей лошади, потому что драматический артист в немом кино тосковал по слову» (40, 92).

Вокруг фильма появилось множество легенд. Например, говорили, что исполнитель главной роли предводителя беспризорников, Мустафы-Ферта, актёр Йыван Кырла — беспризорник, случайно прибившийся к съёмочной группе (41, 105). Легенду эту поддерживал и сам режиссёр Н. Экк: «Вдруг в разгар съёмки на моих глазах происходит нечто, нами никак не предусмотренное. Из пустой бочки, которая стояла на переднем плане, вылезает какая-то немислимая физиономия. На голове женская кожаная изодранная шляпка. За ухом, на грязной тряпке, торчит деревянная ложка. А на лице с характерным восточным разрезом глаз — обаятельнейшая хитрая улыбка. Работа, естественно, останавливается. Я попросил оператора снять крупным планом эту колоритную фигуру» (42, 246). На самом деле, Кырла учился на актёрском отделении Государственного техникума кинематографии, был профессиональным актёром. А легенда эта появилась потому, что приглашённый для участия в массовке молодой актёр особенно удачно выступил, неожиданно выглянув из бочки во всем одеянии, и тут же был утверждён на главную роль (ранее она отводилась актёру А. Новикову, он сыграл Ваську-Бузу). После того, как фильм стал популярным, Н.В. Экк придумал для артиста концертную программу, в которой тот выступал после киносеанса

в костюме и гриме беспризорника. В 2009 г. в Йошкар-Оле был поставлен памятник, изображающий И. Кырлу в образе Мустафы в последних кадрах «Путёвки в жизнь».

Другая легенда связана с образом чекиста Сергеева, которого великолепно сыграл Н.П. Баталов. Долгое время считалось, что у этого героя есть один безусловный прототип — М.С. Погребинский, сотрудник ОГПУ и шеф московских трудовых коммун. Между ним и Сергеевым были черты внешнего сходства, например, Погребинский носил рыжую каракулеву шапку и даже получил из-за неё у коммунаров прозвище «Кубанка»; эта деталь была передана и Сергееву. Однако и Р. Янушкевич, и М. Жаров, рассказывали ещё об одном человеке, причастном к созданию «Путёвки в жизнь» и ставшем прототипом чекиста Сергеева. Это консультант фильма, сотрудник комиссии по ликвидации беспризорности, Михаил Генрихович Типограф (Жаров называет «Типограф» фамилией, а Р. Янушкевич — «прозвищем»). «Это был комсомолец, очень любопытный человек, умница, начитанный, увлекался искусством, любил МХАТ и Баталова <...> Типограф помог Баталову найти верный подход — “зерно” роли. Несколько раз он брал с собой Баталова на “операции” и даже подарил ему для съёмки свою кубанку и шинель», — так описывал этого человека М. Жаров (40, 92). Р. Янушкевич предполагала, что «этот добросердечный человек и борец с беспризорностью погиб в годы культа личности». Биографические сведения об этом человеке разыскала С.А. Бельская, научный сотрудник Историко-краеведческого музея г. Королёва. В ответ на запрос она сообщила: «Типограф Михаил Генрихович родился в 1907 г. в г. Смоленске. Известно, что в 1920-е годы он работал в комиссии по ликвидации беспризорности. В годы Великой Отечественной войны воевал в составе 274 стрелковой дивизии. Убит на южной окраине Ржева 4 марта 1943 г. (ЦАМО. Ф. 58, оп. 18001, д. 132)».

Наконец, во многих источниках сказано, что в фильме «Путёвка в жизнь» рассказывается о создании Болшевской коммуны ОГПУ. Действительно, некоторые съёмки велись на её территории (в музее коммуны показывают кинокамеру, на которую снимали фильм). Однако следует говорить об обобщённом образе трудкоммуны, в котором узнаваемы черты как Болшевской, так и Николо-Угрешской коммуны. Трудкоммуна ОГПУ № 2 (Люберецкая, Николо-Угрешская) менее известна сейчас, однако в 1930-е годы она была одним из образцовых учреждений в стране. Именно Трудкоммуна ОГПУ № 2 располагалась в старинном Николо-Угрешском монастыре, а Сергеев в фильме говорит: «В бывшем монастыре одном устраиваю я фабрику-коммуну. Поехали со мной, кто хочет?». В первых кадрах, изображающих коммуноу, появляется высокая шатровая церковь Коломенского (там, по свидетельству Р. Янушкевич, тоже проходили съёмки). Кроме того, именно колонисты Николо-Угреша построили железную дорогу от коммуны до железнодорожной станции. Эта дорога имеет ключевое значение в сюжете картины, и до сих пор

местные жители показывают «ту самую» стрелку, у которой вор Жиган зарезал бывшего беспризорника Мустафу.

Фильм «Путёвка в жизнь» приобрёл огромную популярность у зрителей, демонстрировался в 107 странах мира. Он получил признание советских и зарубежных кинокритиков, а в 1932 г. заслужил награду I Международного кинофестиваля в Венеции. Газета «Кино» хвалила исполнителя главной роли: «...актёр <...> глубоко вскрыл изменения в психологии и навыках бывшего беспризорника, воспитывающегося в трудовой коммуне и вырастающего для сознательной классовой борьбы и социалистического строительства. Образ разработан реалистически и мастерски» (43). Однако советская критика высказывала и определённые претензии к кинокартине: «...в основном её политическая установка совершенно не верна <...> Классовый момент в картине отсутствует вовсе. Роль общественности, роль комсомола в борьбе с беспризорностью не показаны. Перевоспитание беспризорников в членов трудового коллектива осуществляется исключительно высоким моральным воздействием на них одного человека. Личность довлеет над коллективом <...> Это — лишний пример благодушного межрабпомовского либерализма» (44).

Вдохновлённые успехом «Путёвки в жизнь», режиссёры хотели снять продолжение картины. В соответствии с этим замыслом была изменена судьба одного из героев — вора Жигана. В первоначальной версии фильма Жиган, убивая Мустафу, был ранен сам и погиб. «Но возникла мысль, что Фомка Жиган может ещё понадобиться для второй серии, которую собирались снимать, и, посоветовавшись, мы, вопреки сценарию, решили, что Жиган, убив Мустафу, исчезает. Действие второй серии <...> должно было происходить на Беломорском канале, среди “старых знакомых”, но в новых обстоятельствах. Жиган, пройдя трудный путь “перековки”, становится членом общества», — вспоминал М. Жаров (40, 95). Фильм «Заключённые» с похожим сюжетом действительно был снят режиссёром Е.В. Червяковым в 1936 г., однако в нём не было ни упоминания, ни намёка на «Путёвку в жизнь» и её героев. Встречаются также упоминания о фильме «Ангел», над которым работал Н. Экк в Николо-Угрешской коммуне (11, 62) в 1935 году, но фильм не вышел на экран.

Всё это способствовало возникновению такого проекта, как фильм «Преступники». В таком кино нуждалось советское правительство. Такой проект соответствовал взглядам Горького. Кинематограф был готов воплотить в жизнь такую картину. Именно поэтому идея была воспринята всеми участниками с большим энтузиазмом.

Судя по документам Архива А.М. Горького, идея сценария о беспризорниках принадлежит Г.Г. Ягоде. В марте 1931 г. он писал Горькому: «Вот как хотелось бы повидать Вас и мало-мало поговорить. П<етру> П<етрови>чу <Крючкову. — Ред.> рассказал мои идеи, зная его, уверен, что точно все передаст» (45, 176). Очевидно, Горький и Ягода летом 1931 г. в Москве обсуждали

сценарий о беспризорниках, и был написан развёрнутый план произведения. В ноябре того же года, по возвращении в Сорренто, Горький просил выслать ему «штук десять фотографий членов Болшевской колонии помоложе, а также фото фабрики и общежития» (45, 177). А чуть позже Горький выслал фрагмент текста с просьбой «вставить в то место фильма, где поп учит грамоте» (45, 178). Основное время работы над произведением — 1931–1932 годы. Горький в это время изучал статистические материалы о детской преступности, неоднократно посещал трудовые коммуны и другие воспитательные учреждения, беседовал с ребятами и педагогами. В соответствии с близкой писателю идеей «коллективного творчества» предполагалось, что он напишет только первую часть сценария, «до 1922 года» (45, 170), а вторую часть должен был написать М.С. Погребинский. В письме от 3 января 1932 г. он писал Горькому: «Все же я надеюсь от Вас получить письмо <...> за прилагаемую при этом мазню <...> Г<енрих> Г<ригорьевич> мне говорил, что Вы напишете до 22-го года, а я должен дать наброски — Звенигорода и Болшево».

Далее Погребинский давал пояснения к своей части сценария:

«1. “Кто они” написано для того, чтобы дать некоторые картинки жизни перед изъятием с улицы, а также за счёт кого и как <...> пополнялся воровской мир:

- А) Нюрка учащаяся, совращённая воров;
- Б) Ленька беспризорный, обучаемый Козлом,
- В) Гришка безнадзорный, жертва среды — мечтатель.

В то же время можно на этой основе мастеру разработать отдельные картинки. Все это могло бы пойти прологом или тиснуто в отдельные части фильма.

2. “Преступники”, конечно, написано мной далеко не полно. И тут вся надежда на Вас.

Единственное, что я мог бы ещё сделать — это рассказать режиссёру и участвовать — вернее, консультировать при съёмке» (46).

В этот же день Погребинский послал письмо Крючкову с просьбой «передать прилагаемый пакет Алексею Максимовичу» (47). Уже 23 января 1932 г. Горький обещал Крючкову прислать отредактированный сценарий «на днях» (48), т. е. через несколько дней после получения письма от Погребинского. К сожалению, рукопись Погребинского не разыскана, однако Горький писал Ягоде: «Вы видите, что последней части материала, данного Погребинским, я не касался, написал только введение к нему в форме чьей-то напутственной речи агентам» (45, 181). Уверенности в литературных способностях Погребинского не было ни у него самого, ни у Горького, ни у Ягоды, несмотря на то, что под авторством Погребинского вышло несколько книг. Кроме изданий «Трудовая коммуна ОГПУ» (1928) и «Фабрика людей» (1929), в 1929 г. вышла небольшая книга «Реформа тюрем и перспективы исправительно-трудового дела в СССР» (М.: НКВД СССР, 1929). Однако всё

это были небольшие брошюры, а не художественные сочинения. Существенные различия в стиле этих книг позволяют даже усомниться в том, что их автором был один человек. В любом случае, произведение, созданное людьми настолько разных литературных способностей и опыта, не могло быть успешным.

В Архиве А.М. Горького сохранился автограф полного сценария, написанный рукой писателя. Между частями сценария нет стилистического дисбаланса, можно с уверенностью сказать, что весь текст написан одним человеком — Горьким. Насколько им был использован именно тот текст, который Погребинский прислал 3 января 1932 г., установить трудно, однако при анализе сценария «Преступники» легко выявляются связи текста с книгой «Фабрика людей» и с планом, приведённым в его письме.

В конце января 1932 г. Горький отправил черновой вариант сценария Г.Г. Ягоде, и тот вносил в текст некоторые изменения: «Вот мои маленькие, скорее, технические поправки» (45, 183). Горький приветствовал «коллективный» способ работы над произведением, привлекал к его созданию и кинематографистов, и сотрудников и воспитанников трудовых коммун: «Весь материал по сбору беспризорных с улиц и затем по организации колонии мы должны раздраконить тоже совместно с Мотей (М.С. Погребинским. — *Ред.*) и режиссёрами, один я не могу сладить с ним» (45, 183).

Сценарий дважды обсуждался воспитанниками Трудовых коммун № 1 и № 2. В сообщении, подготовленном для прессы, участие коммунаров выделялось особо: «Первая и вторая трудкоммуны ОГПУ всемерно помогают работе над фильмой, выделив в помощь фабрике специальные группы актива из среды наиболее талантливых коммунаров. Консультируют группу основатели и организаторы коммуны» (49). Первое обсуждение состоялось 14 мая 1932 г. На том многолюдном собрании присутствовали Матвей Погребинский, руководители (Алексей Чекмазов) и рядовые члены коммун (Ермаков, Аболмасов, Ситников и другие, всего в стенограмме значатся 17 фамилий). Стенограмма этого совещания на 12 листах хранится в Архиве А.М. Горького (50) и публикуется в данном томе в качестве приложения. Воспитанники высказывали свои соображения о том, что выглядит в сценарии правдивым, а что вызывает сомнения, предлагали новые сюжетные ходы и эпизоды. Предложения коммунаров были основаны на их собственном жизненном опыте: ребята вспоминали о своей прошлой беспризорной жизни, о строительстве коммуны, о существующих в ней порядках. Горький сам не присутствовал на заседании, но позднее стенограмма была ему передана, и, судя по пометам, он читал документ очень внимательно. Некоторые места отчёркнуты красным карандашом, и напротив написано рукой Горького: «взять». Действительно, многие эпизоды писатель использовал во втором варианте сценария.

В июле 1932 г. сценарий обсуждался повторно в Болшевской коммуне. О том, как это происходило, рассказывал в письме от 30 июля 1932 г. М.С. По-

гребинскому А.Н. Погодин, заместитель начальника Болшевской коммуны по воспитательной работе. Надо сказать, что Погодин, в прошлом — вор-рецидивист, сам попросился в коммуну, быстро в ней прижился и вошёл в руководство. Это письмо с многочисленными пометами Погребинского было передано Г.Г. Ягоде, о чём свидетельствует надпись в углу листа: «Г.Г., очень прошу прочесть. 2/VIII. П.». В письме Погодин рассказывал о текущих делах коммуны Погребинскому, который уже был назначен полномочным представителем ОГПУ при СНК СССР по Башкирской АССР, жил в Уфе и бывал в Москве нечасто. «...Генрих Григорьевич передал сценарий нам проработать и вот в день отъезда Кузнецова в отпуск собралось человек 20 у него в кабинете, и он зачитал вслух сценарий, читал 1 ч. 40 м., предложил обсудить его в целом и по частям и пожелал хорошо работать — мы ему пожелали подумать о “развитии весёлой жизни в коммуне” — установка Ген<риха> Григ<орьевича> (кафе, кино и т. д.) и твоя о массовой работе, а Сергей Петрович — “об облегчении положения нового парня”. Он уехал, а мы стали обсуждать сценарий — Сергей Петрович находит социальные корни беспризорности чрезвычайно нагромождёнными. Агент во второй части совсем не убедителен. Методика не видна. Побег не развёрнут. Зарождение коммуны дано очень прекрасно и разговоры ребят очень верны. Беспалов, Шелухин, Груздев, Михайлов находят мало в нём нашего, психологически. Бобринский рекомендует ввести больше приключенчества. По-моему, первая часть очень глубока и серьёзна, но всё сведено к беспризорности, а борьбы с преступностью профессиональной не видно. Вторая часть, пусть автор простит меня, разработана наскоро и схематична.

Но во всяком случае работа вокруг сценария нужна серьёзная и будем анализировать каждую главу. Конструкция сценария второй части нам пока непонятна. В другой раз собрались и проработали две первые главы и, надо сказать, Алексей Максимович согласился об этом после, и наконец 18-го приехал режиссёр Роом, он будет ставить фильм, и мы провели с ним беседу. Друг друга поняли, и дело будет. Одно только: он сторонник игры актёров-спецов на главные роли, а на вторые положения и массовки наши ребята, но думается, когда он подойдёт ближе, узнает ребятшек, переменится. Рекомендует ввести в фильм 4–5 героев, ввести в сценарий фабулу и т. д. Что ж, это верно. А Сергей Петрович предложил ввести и “отрицательного” героя, которого сейчас коммуна не может переделать, и его поневоле приходится отправлять. Это тоже прекрасно и для ребят показательно.

Хотим проработать сценарий к 24, а 25 расскажем Генриху Григорьевичу. Вчера, Матвей Самойлович, я был у Алексея Максимовича, два часа с ним говорил. Он расспрашивал о прошлой жизни и пишет новые главы к сценарию, дескать, беру 1000 типов и делаю из них 1001-го и Алексей Максимович рассказывал о своей встрече с ворами и удивительно он так чутко и с улыбкой сказал: “Как-то неудобно спрашивать о прошлом”. А мне подумалось — поче-

му? Ведь это же не праздное любопытство <...> Наоборот, хочется открыть и рассказать все, что нужно. А знаешь, я как-то чувствую себя гордым, что разговаривал с Максимычем. Как он просто спрашивал и записывал, и как мягко глядели его глаза» (51).

И Горький, и Ягода придавали работе над сценарием большое значение. Горький, например, отказался от предложения А.Б. Халатова «написать художественную книгу о достижениях 15 лет», объясняя это своей загруженностью, в том числе, работой над сценарием (52). Ягода писал: «...мне бы очень хотелось, чтоб этот сценарий увидел экран. Можно ли надеяться?» (45, 183).

Летом 1932 г. Горький встречался с режиссёром А.М. Роомом на своей даче и обсуждал с ним фильм. В Госкиноархиве сохранился фрагмент черно-белой плёнки, свидетельствующей об этом (53). В газете «Кино» была опубликована статья Роома «Создадим фильму, достойную юбиляра и эпохи», где режиссёр сообщал: «Сценарий ещё не закончен, но то, что есть вся образная система, характерна вся речевая сторона, — представляет исключительную культурно-художественную ценность» (54).

Впоследствии Роом вспоминал о совместной с Горьким работе над сценарием: «Алексей Максимович был недоволен фильмом “Путёвка в жизнь” <...> И <...> сам решил написать на эту тему сценарий <...> В нескольких беседах со мною, как режиссёром этого фильма, Алексей Максимович давал очень много полезных, ценных указаний, детали, которые делали ясными, видимыми, живыми сцены сценария» (55).

Работа над фильмом продолжалась и в 1934 г., об этом писал С.М. Эйзенштейн в статье «Величайшая творческая честность»: «То было ранним летом 1934 года. В очень тесном кругу очень близких к Горькому людей Алексей Максимович делился с нами сценарным наброском для фильма о детях прошлого, детях гражданской войны и перевоспитании беспризорных» (56). В мемуарах 1946 г. Эйзенштейн намекал, что Горький хотел, чтобы он стал постановщиком фильма «Преступники». Последствия своего отказа режиссёр описывал так: «И старик до самой своей смерти – я после этого видел его ещё несколько раз – так и не мог забыть и простить мне этот outrage» (86, 291). Судя по всему, Горький не терял интереса к работе, но сценарий так и не был закончен, и съёмки фильма даже не начинались.

Сценарий М. Горького «Преступники» впервые был напечатан в сокращённом виде во втором томе издания «Архив А.М. Горького» (57), недостающие сцены были добавлены в тридцатитомном Собрании сочинений писателя (58). В наиболее полном и выверенном виде текст сценария приведён в 19 томе Полного собрания сочинений Горького (серия «Художественные произведения» в 25 томах) (59). В Архиве А.М. Горького хранятся несколько документов, связанных со сценарием. Это пять авторизованных машинописных копий, одна машинопись без авторской правки, один черновой автограф.

Основным источником текста при последней публикации был принят вариант, включающий предшествующую правку Горького и имеющий рукописные вставки. Кроме того, в Архиве А.М. Горького хранятся несколько заметок и набросков, текст которых перекликается со сценарием. Поскольку произведение не было закончено, не было напечатано при жизни автора, при анализе целесообразно учитывать и основной текст, и варианты, и сопутствующие источники текста, что поможет наиболее полно раскрыть авторский замысел.

Сценарий «Преступники» состоит из двух частей. Первая описывает жизнь беспризорников в разные периоды — конец XIX века, Первая мировая война, Гражданская война, — до 1924 года, до начала активной работы ОГПУ в деле борьбы с беспризорностью. Вторая часть посвящена устройству коммун ОГПУ, их жизни и работе, перевоспитанию молодых людей в этих учреждениях. Для Горького было важно максимально приблизить сюжет сценария к действительности, к реальным событиям, поэтому в тексте встречается множество узнаваемых современниками событий и деталей.

В начале сценария Горький изображает воспитательный дом для несовершеннолетних правонарушителей в 1880-е годы. Указанием на это является табличка на воротах учреждения: «Колония малолетних преступников основана в 1885 г. тюремным комитетом на средства, пожертвованные купцом первой гильдии Я.С. Чернобыльниковым и другими именитыми гражданами» (59, 417). Все взрослые в этой колонии наделены отрицательными характеристиками: «полубольной, неряшливый», «небритый, лохматый, с выкатившимся глазами», «суетливый, захудалый» и т. п. Детей, сто двадцать мальчиков в возрасте от 10 до 15 лет, они называют бранными, грубыми словами: «зверёныши», «скоты», «ослы», «болваны». Один из первых эпизодов — еженедельное наказание солёными розгами провинившихся воспитанников: унижительная и пугающая порка, после которой некоторые дети теряют сознание. Горький акцентирует извращённое удовольствие, которое получают надзиратели от наказания маленьких заключённых. При этом преступление детей, за которое они оказались в колонии, обычно состояло в том, что они пытались добыть еду или мешали родственникам, у которых оказались на попечении. Так, одного из мальчиков определила туда мачеха, другого — родной дядя: «родные хуже чужих» (59, 432). В колонии есть и школа, и мастерские, но учат детей только «закону божьему», в столярной мастерской демонстрирует своё воровское умение юный вор Лисица, восхищая и забавляя столяра, а в сапожной мастерской надзиратель Климов сыпет на ребят ругательства и подзатыльники. Сами надзиратели уверены в полной никчёмности и безрезультатности своей работы: «И на кой пёс мальчишков этих берегут? Мастерских из них не сделаем, работать они не охочи, да и сил у них нету, кормим плохо» (59, 420). Колония для «морально-дефективных», как их называют, детей мало отличается от тюрьмы. И руководят ею далеко не педагоги, а люди, не нашедшие себе применения в

жизни, часто сами имеющие за плечами тюремное прошлое, как жена помощника смотрителя Оношенко. Из колонии есть только два выхода: первый — по достижении совершеннолетия уйти в солдаты до конца жизни, второй — бежать из колонии и либо погибнуть, как мальчик Ерохин, либо вернуться в преступный мир.

В небольшом фрагменте, озаглавленном «Через двадцать лет» (то есть примерно 1905 г.), мы видим повзрослевшего колониста Лисицу, ставшего влиятельным преступником, «воспитавшим» уже более 50 воров, мальчишек, работающих на него. Он появляется и позже, в эпизоде, посвящённом первым советским годам. Несмотря на все катаклизмы и перемены, такие люди («учителя», иронически называет их Горький), находят возможность продолжать своё дело — голодные, бездомные, одинокие дети доступны для влияния подобных преступников. Горький называет причины всплеска беспризорности в России: «...беспризорников создали семь лет войны, четыре года империалистической и три года борьбы рабочих и крестьян за власть <...> Количество беспризорных увеличил поволжский голод» (59, 459).

В эпизоде «Бог и хлеб (19–21 годы)» показан процесс вскрытия мощей в монастыре: «Перед церковью два дерева, на сучьях сидят мальчики, человек пять. Тяжёлую серебряную раку выносят из церкви, ставят перед папертью на землю. За группой людей, которые вынесли раку, следует толпа крестьян и мещан, которые присутствовали в церкви, когда брали раку. На паперти — человек в очках <...>

Толпа молчит, шевелится. Выходит благообразный седовласый старик в наглухо застёгнутом пальто, молодой монах, послушник, двое рабочих, пожилая женщина и курчавый подросток. Вскрывают раку. Толпа надвигается ближе, но многие поспешно отходят прочь, особенно испуганы старухи, женщины» (59, 441).

С 1918 по 1920 гг. в России было вскрыто 63 раки с мощами святых. 16 февраля 1919 г. коллегия Наркомата юстиции приняла постановление об организации вскрытия мощей святых на территории России, был определён порядок их инспекции и конфискации государственными органами. Советские власти преследовали очевидную цель — дискредитацию и ослабление влияния православной церкви, для этого было рекомендовано производить вскрытие мощей при большом скоплении публики из самых разных слоёв населения. Самым известным, резонансным, стало вскрытие мощей Св. Сергия Радонежского, произошедшее 11 апреля 1919 г. Процедура была тщательно задокументирована, хроникальную съёмку вели лучшие кинодокументалисты страны: Д. Вертов, Э. Тиссэ, П. Заболзаев — это было личное распоряжение В.И. Ленина. Сохранилась записка, в которой он просил: «Надо проследить и проверить, — чтобы поскорее показали эти кино во всей Москве» (87, 7). Это было выполнено, кадры вскрытия мощей многократно

демонстрировались в советских кинотеатрах. Горький в это время находился в Петрограде и сам не видел вскрытия мощей, но, судя по тексту сценария «Преступники», процедура была ему знакома. Скорее всего, Горький читал отчёт об этом в журнале «Революция и церковь» (1919. № 6/8) и видел хроникальные кадры. В тексте сценария присутствует некий «человек в очках», очевидно, представляющий власть, именно он произносит речь: «Сейчас, граждане, вы увидите, что скрыто в этом сундуке, во что верили вы, чему поклонялись, откуда ждали чудес!» (59, 441). Эпизод в сценарии практически повторяет описание процесса из протоколов:

«Рабочий. Тряпки видим. Кости. Вот — череп.

Помахал черепом над головой своей и бросил его в раку» (59, 441).

В протоколе, приведённом в журнале «Революция и церковь», читаем: «Вынул сбоку вату, распарывает швы, фигура становится плоской, толщиной в четыре пальца, снимает распоротый голубой мешок, под которым обнаруживается полуистлевшая ткань серо-коричневого цвета. Снизу лубок. По снятии шапочки с головы виден человеческий череп, лежащий частью на лубке, частью на весу. Возле черепа справа виден первый шейный позвонок» (60, 9).

Эпизод вскрытия мощей показан через призму зрения мальчиков-беспризорников, наблюдающих за процессом с дерева. Таких же зрителей зафиксировала кинокамера в Троице-Сергиевой лавре 11 апреля 1919 г. Этот фрагмент не влияет на развитие сюжета, он нужен именно как примета времени, яркое, эмоционально окрашенное событие, известное всем. Возможно, Горький хотел в этой части фильма использовать хроникальные съёмки.

Следующий эпизод, изображающий деятельность продотряда в деревне, также связывает сценарий с конкретным временным периодом — первыми послереволюционными годами, Гражданской войной. Мальчики Яков и Сергей оказываются втянутыми в противостояние красных и белых, в конфликт разворачивается вокруг хлеба. На улице небольшого городка дети просят хлеба, крестьяне им «сердито отказывают», а в следующей сцене хлебом-солью встречают белых офицеров. Беспризорники помогают Красной армии, пересчитывают людей и оружие противников. Свой политический выбор они делают ситуативно — кто оказал помощь, тот и «свой».

В эпизоде «Голодный год» появляются картины голода в Поволжье, изображены приюты для голодающих детей: «Двор приюта. Несколько десятков вялых детей. Человек пятнадцать нехотя собирают различный мусор, носят его в корзинах куда-то. Большинство сидит и лежит у стен дома. Подчеркнуть слабость и вялость детей» (59, 448). Горький буквально одним штрихом, одной фразой показывает шокирующие настроения людей, поддерживающих идею «милосердной смерти» для этих никому не нужных

детей. Действительно, такие идеи бытовали в 1920-е годы (см. об этом: 61). В тексте сценария это звучит так:

«Пожилая женщина, стоя в окне, звонит в колокольчик. Человек в теплом пальто и валенках, подходя к ней, говорит сердито:

— Их надо водой разливать из пожарной кишки.

— Может, утопить? Да?

— И это неплохо! Куда их, к черту, эдаких?» (59, 449)

В эпизоде показана явная неспособность таких приютов повлиять на ситуацию, хоть что-то сделать для спасения и социальной реабилитации этих детей. Приюты переполнены, дети в них гибнут от голода и болезней, снабжение учреждений в очень плохом состоянии. В этих условиях мальчик Язев и его товарищи продолжают хулиганить и воровать.

Горький был хорошо знаком с бытом таких учреждений. В Архиве Горького хранится отчёт об инспекции в Детской колонии в имении «Медное» (28), относящийся к началу 1920-х годов. Колония для бедных детей была организована в имении по завещанию П.Н. Лейкина в 1906 г. В 1919 г. здесь было 12 больших барачков, лазарет, два флигеля для служителей, дом для приезжих, хозяйственные постройки, столовая и церковь при столовой. Инспекция, отчёт которой читал Горький, обнаружила крайне тяжёлое состояние учреждения: детская смертность была огромной, не хватало еды, одежды, медикаментов, да и попросту места. Обучение детей в колонии практически не проводилось. Отмечалось, что сироты, за которыми не числились преступления, содержались вместе с малолетними правонарушителями, вследствие чего в детских бараках устанавливался практически тюремный порядок.

В части «Беспризорные» Горький изображает быт городских бесприютных детей: «Котёл. В нем укладывается спать Лёнька, мальчик лет 10, расстилает газетную бумагу, расправляет газету на груди, как бы надевая жилет. Тут же на куче песка группа ребят играет в карты» (59, 452). Дети в сценарии Горького сознательно выбирают путь воровства, преступления, мальчик Казимир говорит: «Лучше быть вором, а не нищим. Мы не старики, чтобы милостыню просить» (59, 451). При изображении воровской жизни беспризорников писатель широко использовал стенограмму обсуждения первого варианта сценария в Болшевской коммуне 14 мая 1932 г. Сравним несколько эпизодов.

Стенограмма	Сценарий
Чекмазов. <...> Или, например: в тёмном переулке, в калитке станет несколько человек, протягивают через тротуар от фонаря к водосточной трубе проволоку. Идёт проходной, цепляется, падает, они налетают гурьбой, раздевают его и разбегаются (50, 6)	Идёт человек, запнулся за проволоку, упал. На него бросаются беспризорные. Попаёт его по темени, остальные сдирают пальто, пиджак, сняли ботинки, брюки — скрылись (59, 454–455)

<p>Ситников. <...> Следующий случай — с подменной поросят на Сухаревском рынке. Покупает человек поросёнка, а ему так забьют голову, что успеваает подменить мешок таким же самым, но с собакой. Этот момент настолько комичен, что его следует тоже показать (50, 10)</p>	<p>«Рынок. Мужик держит под мышкой поросёнка, другой — в мешке у его ног. Поросёнка покупают двое: толстая женщина и человек в фуражке инженера. Лёнька заходит сзади продавца и колет поросёнка гвоздём. Толкает мужика, животное дёргается, визжит, продавец оглянулся. Сергей деловито взял его мешок, положил свой — исчез. Покупатель, указывая на мешок:</p> <p>— А тот — крупнее?</p> <p>— Этот потяжельше.</p> <p>— Ну-ка покажи...</p> <p>Мужик вытряхивает из мешка собаку — хохот. Мужик ошарашенно смотрит вслед собаке, встряхивает мешок, кричит:</p> <p>— Ба-атюшки. Сукины дети... И мешок не мой... (59, 456)</p>
<p>Ситников. Видел такой случай: гражданин продаёт часы <...> Подходят три человека <...> Один берет часы, подносит к уху, а другой становится сзади его. Первый слушает, а я уже вижу, что он успел их передать товарищу. Тот ушёл, я смотрю и наблюдаю, что он будет делать дальше. Продавец уже волнуется, спрашивает часы, а их нет и сам покупатель говорит, что он их не видел. Продавец и в ухо смотрит, и всячески озирается, но вещь ушла. Я был сам поражён — как это ловко делается (50, 10)</p>	<p>«Так уходят часы». Рынок. Человек продаёт часы. За ним наблюдают Казимир и Сергей. К нему подошёл прилично одетый парень.</p> <p><...> Парень берет часы, прикладывает их к своему уху, другой парень, стоя сзади его, вынимает часы из его руки, быстро передаёт их Казимиру. Первый парень ковыряет пальцем в ухе. Продавец ошарашенно смотрит на руку его и кричит:</p> <p>— А часы где? <...></p> <p>— А были часы? (59, 455).</p>

Не все фрагменты, помеченные Горьким в стенограмме, были использованы в тексте сценария. Например, в окончательный вариант не вошёл довольно яркий случай, рассказанный М.С. Погребинским: «...был случай, когда в магазин проникли через водосточную трубу и не знали — с чего начинать брать. Так как были голодны, то решили сначала выпить и покушать. Напились пьяными и заснули в магазине, где их утром взяли» (50, 6).

Своеобразным «водоразделом» сценария становится обращение комиссии ВЦИК по улучшению жизни детей, подписанное Ф.Э. Дзержинским: «Наша молодая рабочая республика вышла победительницей из ожесточённой кровавой борьбы с её заклятыми врагами <...> Но эта великая победа трудящихся досталась не даром <...> Детская беспризорность, часто выявляющаяся в самых уродливых, ужасающих формах, как детская преступность, проституция, угрожает подрастающему поколению самыми тяжёлыми последствиями и заставляет бить тревогу <...> Учитывая это тяжёлое положение громадного числа детей и все грозные последствия его, деткомиссия ВЦИК, организовав совместно с НКПросом и НКЗдравом, при деятельном участии партийных и

профессиональных организаций, с 30 апреля по 6 мая с.г. “Неделю беспризорного и больного ребёнка”, обращается ко всем рабочим и крестьянам и всем трудящимся Советской республики с горячим призывом прийти во время её на помощь детям» (59, 457–459). Не совсем понятно, каким образом предполагалось представить в фильме этот документ: в виде монолога актёра или отдельным текстовым кадром, но для Горького он знаменует решительный переход от наказания и простого «передерживания», временного исключения несовершеннолетних преступников из общества — к возвращению их в мир социально активных трудящихся граждан.

Группа чекистов собирает детей с вокзалов, подвалов, чердаков. Их помещают в вагоны, сразу дают еду и одежду и развозят по коммунам. Находясь в неведении, ребята предполагают лишь два варианта: либо их везут «в Соловки», либо «топить, как щенят» (59, 462). Ярко показаны сомнения маленьких беспризорников и в первые дни в коммуне: «Дадут кашки из поганой чашки, пожрём, охнем, да и — подохнем. Эх — ребята! Не верь милиции, держи свои позиции» (59, 464), — высказывается выпивший балагур Лёнька. Ребята не сразу понимают, что здесь доверяют им, дают возможность нести ответственность за свою собственную жизнь: на окнах нет решёток, нет охранников: «Хотите — живите, не хотите — бегите, это — ваша воля» (59, 474). Однако чекисты (ни у одного из них, впрочем, нет имени) терпеливы и доброжелательны, дают голодным детям вдоволь еды, новую одежду даже взамен проигранной в карты, в каких-то ситуациях действуют хитростью, и добиваются авторитета у беспризорников.

При создании персонажей Горький использовал реальные прототипы. В сценарии встречаются имена знаменитых воров, руководивших преступным миром в начале 1920-х годов: Пётр Никитин, Козлов, — о них тоже вспоминали коммунары в стенограмме. Во второй части сценария «Преступники» появляется мальчик Лёнька. Беспризорник, маленький воришка, он попадает в Николо-Угрешскую, и затем — в Болшевскую коммуны. Этот образ становится организующим началом второй части. Из всех беспризорников он показан наиболее ярко, обладает собственной, отличимой от других речью, в его образе возникают лирические нотки. Например, он укладывает на свою кровать собаку: «Мне — всё равно, а она никогда на постели не спала» (59, 486), этот фрагмент тоже попал в текст из стенограммы. Судя по сценарию, именно изображением мечтающего Лёньки должен был заканчиваться фильм: «Все спят. Лёнька встал, подошёл к окну, открыл. Сел на подоконник, ноги за окно <...> Стена дома. Окно. В нём Лёнька сидит и тихонько поёт» (59, 486). Прототип этого героя жил в Николо-Угрешской коммуне, которую Горький посетил 8 июня 1928 г. О нём упоминал М.А. Пешков в письме к жене: «...замечательный там человек Лёнька: 10 лет, а уже 5-летний стаж бродяги, 5 раз задержан и 5 раз бежал. Теперь вернулся сам в колонию» (62, 252). О Лёньке писал М. Кольцов в очерке «В монасты-

ре»: «Алексею Максимычу деловито представляют последнюю николао-угрешскую достопримечательность — Лёньку. Ему десять лет, а он уже не перечесть сколько раз за решётку попадал, всю Россию на буфере изъездил, чуть ли не Госбанк обворовывал, отсюда из коммуны два раза бегал. Когда ему уж совсем скучно, очень любитель всякие памятники с места сворачивать, кресты с могил упирать» (63, 92).

Возможно, в очерке Кольцова возникает намёк на разграбление могилы Н.С. Мартынова, убившего в 1841 г. на дуэли М.Ю. Лермонтова. В сценарии Горького есть впечатляющий эпизод, повествующий об этом. О том, что Мартынов похоронен именно в стенах монастыря, остальным колонистам сообщает Куманёк, но именно Лёнька предлагает «выкинуть кости из могилы». Затея завершается ужасающей картиной, травестирующей церковный обряд: «Похороны Мартына. Кладбищем, между могил, идёт толпа беспризорных; впереди — Куманёк, в руках его — палка, на палке — череп. Рядом с ним Лёнька в рогоже на плечах, в изломанной камилавке <...> в руке его — маленький горшок на верёвочке, из горшка поднимается дым. Дальше — десятка полтора мальчишек с палками, концы палок намазаны смолой или сапожным варом. Зажжены, дымят. На многих ребятах — монашеские клобуки, скуфейки, на плечах рогожи, тряпье, мешки. Орут, свистят, приплясывают:

Эх, ох, эх, ох!
Мартын подход!
Он был рыженький такой.
Со святыми упокой
Сукиного сына —
Жулика Мартына!

Процессия вышла на монастырский двор, окружила помойную яму, и под свист, крик, пляску бросают череп в яму» (59, 470–471). Эта сцена перекликается с эпизодом вскрытия мощей в главе «Бог и хлеб». Дети повторяют действия взрослых, и в их исполнении кощунство выглядит ещё более чудовищным.

Действительно, склеп, где был похоронен Н.С. Мартынов, был разграблен. В 1924 г. в усадьбу Иевлево-Знаменское переехала Алексеевская школьная колония бывших беспризорников МОНО. «Узнав, что в склепе похоронен тот самый Мартынов, который убил на дуэли поэта Лермонтова, колонисты выкинули оттуда останки Мартыновых», — пишет Н. Волкова (64, 52). М. Гудов в своих воспоминаниях свидетельствовал, что колонисты утопили найденные кости в ближайшем пруду (65, 128–131).

Эпизод с разграблением могилы не только создаёт документальную основу произведения. Для достижения художественного эффекта Горький меняет и время, и место, и название организации, воспитанниками которой было со-

вершено это преступление. Действие сценария происходит в звенигородском Саввино-Сторожеском монастыре, где первоначально были размещены будущие воспитанники коммуны ОГПУ № 2, а не в усадьбе Иевлево-Знаменское. Колонисты приехали в Звенигород только в 1925 г., а переезд коммуны в Николо-Угрешский монастырь произошёл в 1927 г. Изображённые в произведении события происходили в другом месте и с другой организацией, но были для Горького не только явной приметой времени, но и важным элементом произведения, показывающим причинно-следственные связи в воспитательном процессе. Нездоровое возбуждение от разграбления могилы Мартынова оказывается катализатором анархических настроений, которые выливаются в настоящий бунт. Дети, не занятые ничем, кроме хулиганства, мастерят оружие и планируют побег: «Прикладывает к плечу оружие, – полено с отрезком водопроводной трубы, – зажигает спичку, из трубы извергается огонь и дым» (59, 471). Этот бунт Горький описывал в очерке «По Союзу Советов»: «Тысяча триста смелых ребят, собранных в тихом Звенигороде и не занятых трудом, решили объявить войну скуке мещанского городка. Они достали где-то изрядное количество пороха, наделали ружей из водопроводных труб, и однажды ночью в городе загремели выстрелы» (13, 157). В приведённом фрагменте очерка звучит восхищение автора, но в сценарии «Преступники» эпизод получает иную окраску. Причиной бунта становится не скука, а анархические настроения; бунт, побег не имеют никакого смысла, это чистое разрушение, хаос: «Айда, черти! Дружно, все сразу. Ну! Прямо на лавки, бей стёкла, хватай, что под руку попало» (59, 471). Не имея под собой реальной основы, бунт прекращается так же легко, как и возникает: «Старший чекист появился откуда-то из-за монастырской гостиницы и кричит, приставив ладони рупором ко рту:

– Выдают махорку, папиросы!

В толпе – смятение. Множество ребят обратилось вспять, окружая старшего чекиста» (59, 471).

В центре повествования второй части сценария – история Николо-Угрешской коммуны. Создание первой коммуны ОГПУ в Болшеве описывается во вставном эпизоде. Старший чекист рассказывает ребятам историю о Болшевской трудкоммуне, беспризорники воспринимают её как «сказку»:

Лёнька. Правды нигде нет.

Старший чекист. А ты где её искал?

Лёнька. Везде.

Старший чекист. А как? Какую правду искал?

Лёнька. А ты какую нашёл?

Старший чекист. Вот послушай! (59, 471)

Дети воспринимают историю как красивый вымысел, отвечают подошедшему старику: «Проваливай, старикан, не мешай сказки слушать» (59, 471). Здесь происходит традиционное для Горького противопоставление лжи

(сказки) и правды, которое есть, например, в драме «На дне», в рассказе Луки «о земле праведной». В сценарии «Преступники» эта проблема находит совершенно новое решение. В новом советском государстве сказка, самый смелый вымысел становятся правдой. «Утешительная ложь» и правда сливаются воедино, то, что беспризорникам, только что приехавшим в коммуну, кажется невероятной сказкой, уже реализовано, уже работает и развивается в Болшево. Возможно, сценарий «Преступники» — первое и единственное позднее произведение Горького, где разрешается художественный конфликт «прекрасной лжи» и правды. В публицистике писатель неоднократно заявлял о том, что только в Советском Союзе созданы условия для реализации самых смелых мечтаний, и кажется, чем масштабнее и невероятнее были планы, тем больше восхищался ими Горький.

Горький отмечает, что судьба фабриканта А.Н. Крафта в Болшево связана с революционной историей: Ленин жил здесь с 17 января по 1 марта 1922 г., за это время им было подготовлено более 190 документов. Портрет Ленина воспринимается беспризорниками как икона. Входя в комнату, один из героев восклицает: «Убирай образа — мы неверующие» (59, 475). Для этих детей нет уже ни старых, ни новых авторитетов. Однако именно после рассказа чекиста о Ленине колонисты принимают решение об изменении собственной жизни. Это решение не навязано им извне в силовом порядке, Горькому важно, что дети, впечатлённые новыми возможностями, примером Ленина, уверенностью и заботой чекистов, собираются на «совет» и рассуждают так: «Чекист ясно рассказал нам, кто мы и какие дороги лежат перед нами. Одна — в Соловки, а то и под пулю. Другая — к рабочим, а рабочие и в самом деле стали хозяевами, везде они правят, это — видно. Ежели начат бой между богатыми и бедными — середины не может быть, и — нет её. Не с богатыми же нам идти» (59, 477), — и единогласно голосуют за работу в коммуне. В ознаменование этого решения колонисты совершают практически религиозное действие — организуют ленинский уголок, символический алтарь новой власти. Переключка революционной и религиозной темы не случайна, для Горького ещё с начала 1900-х годов они связаны непосредственно, социализм становится новой религией, а молодые революционеры — апостолами новой веры. Л.А. Спиридонова пишет: «Понимая социализм как высшую форму религии, Горький <...> вкладывал в это понятие свою собственную идею Человека, и, прежде всего, мысль о духовном “воскресении” угнетённых» (22, 101).

Часть сценария «Преступники», названная «История Болшевской колонии ГПУ» напрямую связана с книгой М.С. Погребинского «Фабрика людей». Вероятно, именно эта информация и стала основным вкладом Погребинского в сценарий. К первой книге Погребинского, «Трудовая коммуна ОГПУ», Горький написал предисловие, в котором отметил: «...маленькая книжка говорит о сложнейшем деле, — о дерзком опыте борьбы с преступностью и об удивительном успехе, одержанном в этой борьбе» (66, 6). Книга

«Фабрика людей» вышла через год и была принципиально другой. «Трудовая коммуна ОГПУ» представляла достижения чекистов в деле перевоспитания малолетних правонарушителей и была написана в публицистическом стиле, языком газетного очерка: «Отсеиваются и оседают подростки, хотя и анархизированные жизнью “на воле”, однако наименее волевые, ещё не способные или мало способные к добыче куска хлеба путём правонарушений» (66, 15). Очевидно, книга была ориентирована на образованного читателя, но оставалась совершенно непонятной и чуждой для тех, о ком она была написана — для самих беспризорных подростков. «Фабрика людей», небольшая брошюра на 35 страниц, была написана совершенно иначе: простым разговорным языком, в тексте множество жаргонных слов: «чердачок» (бумажник), «задок» (судимость), «лягушки» (агенты полиции), «марафет» (кокаин). Они подробно поясняются в постраничных примечаниях и перемежаются словами и выражениями из официозной лексики: «в местах наибольшего скопления», «поставили вопрос», «окружающее население», «приобщаться к культурной жизни». Вероятно, Горький получил книгу от Погребинского летом 1929 г. и позднее мог использовать её материал в сценарии.

В части сценария «Преступники», посвящённой Болшевской коммуне, появляется персонаж по имени Сергей. Он — лидер, он пространно высказывается на собраниях. Например: «Значит, ребята, мы всерьёз решаем жить здесь дружно, работать, учиться. Попробуем встать на другие рельсы. Так?» (59, 477). Похожий персонаж есть и в книге Погребинского, он назван Сергей Политик именно потому, что речь его всегда складная, сложная, а ребята слушают его с интересом.

Другой эпизод из «Фабрики людей» тоже был использован в сценарии Горького: «Раз такой случай был: поймали с поличным одного из ребят. Привели на собрание — решили, что необходимо его посадить. Бурное собрание было. Как посадить своего, сладко ли в тюрьме, а понимают, что посадить нужно, иначе будет худо. Нужны строгие меры, иначе — развал. Присудили. А кто же отвезёт, кто повезёт своего в тюрьму? Тишина. Решили просить конвой. В конвое отказали, и вынесли соломоново решение — осуждённому самому пойти в ГПУ для того, чтобы отбыть наказание. Пошёл сам, пришёл, позвонил по телефону: “Примите, дескать, отсиживать надо”. Не верится, но факт» (67, 30–31). В сценарии «Преступники» общее собрание колонистов отправляет пойманного на воровстве мальчика по прозвищу Кашевар в ГПУ:

Сергей (Кашевару). Ты, сволочь, завтра утром пойдёшь в ГПУ. Сам пойдёшь — понял? Ну — ступай к чертям, ангел голопузый.

<...>

Кашевар в ГПУ перед лицом следователя.

Следователь. Ну что, парень? Солоно пришлось. Выучили, как у своих воровать? Получишь пять суток ареста. Иди! (59, 480)

Соединяя истории Болшевской и Николо-Угрешской коммун, Горький снова обращается к реальному факту: экскурсии бунтовавших колонистов из Звенигорода в Болшево. Об этом отдельно вспоминали коммунары при обсуждении горьковского сценария: «В разъяснении значения коммуны немалую роль сыграли члены Коммуны № 1. Впоследствии экскурсия ребят в количестве 18 человек ездила в Болшево, видели тамошнюю жизнь, приехали и об этом рассказали общему собранию. После этого был резкий перелом в сторону улучшения состояния Коммуны, в сторону поворота ребят к перевоспитанию» (50, 11).

В сценарии Горького показано недоверие вчерашних беспризорников к болшевским колонистам:

«Посещение Болшевской колонии колонистами Николо-Угрешской. Пришло человек пятнадцать. Среди них — Куманёк, Язев и Лёнька. Он особенно внимательно присматривается ко всему и ко всем. Отношение болшевцев к ним — снисходительное, ироническое <...>

Лёнька в стороне допрашивает парня, лет 17:

— Бьют?

— Нет.

— А сами друг друга бьёте?

— Тоже не бывает.

— Врёшь?

Парень говорит с Лёнькой улыбаясь.

— И — не воруете?

— Не требуется. Всё наше, а у себя — не воруют» (59, 483).

Уделено особое внимание взаимоотношению полов. Юноши беседуют:

«Как же вы с девицами? Свободно?

— Мы не собаки, мы от собачьей жизни отказались.

— Холостыми живете?

— Женимся. Только с разрешения общего собрания» (59, 483).

В сценарии есть эпизод свадьбы коммунара с деревенской девушкой. Лёнька, один из главных героев этой части сценария, относится к торжеству с большим недоверием: «Балаган это. Подстроено всё. Вроде цирка... Обманываете» (59, 483). Всё это соответствует реальным событиям в Болшевской коммуне. А.Б. Погребинская в своих воспоминаниях рассказывала, что руководитель коммуны М.С. Погребинский сам участвовал в устройстве таких браков: договаривался с родными девушек, ручался за юношей и выполнял на свадьбе роль посажённого отца (8). Для Горького, очевидно, важно было показать стремление коммунаров к обустройству семьи, потому что дети, которые появятся в этих семьях, будут уже совершенно другими, новыми гражданами новой страны.

Мальчишек восхищают порядки в Болшевской коммуне: «Ловко устроились», «Весело живут, черти!» (59, 484). Вернувшись домой, они решают

установить у себя такие же порядки, чтобы жить такой же полезной, удобной и весёлой жизнью: «Вы говорите им: будете работать — всё будет», советует Сергей (59, 486).

Сценарий заканчивается словами «Дать цифры производства» — об этих цифрах говорил Горький в статье «О трудколониях ОГПУ», напечатанной 14 июля 1931 г. одновременно в газетах «Правда» и «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» (№ 192). В статье подробно, с бухгалтерской точностью подсчитывалось, какую пользу приносят колонисты государству, каков прирост их количества, социальный состав коммун ОГПУ № 1 и № 2, какова стоимость произведённой ими продукции (68, 256–259).

Вторая часть сценария выглядит не законченной. Множество эпизодов лишь намечены, но не раскрыты: «Общежитие», «Политграмота», «Усадьба бывшая Крафта. Детально показать её заброшенность, старые здания, службы, засорённый парк и так далее». Образы чекистов, которые были для Горького очень важны (он даже хотел, чтобы и в фильме играл М.С. Погребинский), и вовсе выглядят как тени, у них нет имён, внешних особенностей, они все говорят одинаковым языком, где смешиваются казённые формулировки («организовуйтесь», «дармоедов кормить рабочее государство не будет») с весёлыми прибаутками («Ведь вы будете всё хуже, придётся держать вас за шиворот всё туже — так?»; «А парни вы — не глупые, здоровые, нужды-горя отведали много, знаете, почём сотня гребешков»). В сценарии эти герои названы «чекист», «агенты», «два агента», «старший чекист» и т. д.

Очевидно, Горький планировал продолжить работу над сценарием, если бы появились реальные возможности для его экранизации. В 1930-е годы писатель был всерьёз увлечён драматургией («Егор Булычов и другие», «Достигаев и другие», «Сомов и другие»), публицистикой и романом «Жизнь Клима Самгина». Стремление к подчёркнутой реалистичности связывает художественное творчество и публицистику писателя. То, что декларировалось в статьях, должно было воплотиться в художественном произведении — в сценарии. Можно предположить, что изначально планировалось, что фильм будет ориентирован на иностранного зрителя. В нём было всё, что создавало положительный образ ОГПУ: сценарист — всемирно известный писатель Горький, трудовые коммуны, вызывающие восторг на Западе, принятый в Европе режиссёр А. Роом.

Однако сценарий «Преступники», на который было потрачено огромное количество сил и времени, так и не стал фильмом. Произошло это по многим существенным причинам.

В 1930-е годы положение людей могло меняться с ужасающей скоростью: вчерашних героев лишали званий и привилегий, уничтожали в профессиональном отношении и физически. Даже партийные функционеры, стоящие к руля советского государства, становились в одно мгновение заключёнными,

их объявляли «врагами народа», приговаривали к смертной казни. Такой поворот судьбы испытал и режиссёр А.М. Роом, собиравшийся ставить фильм по сценарию Горького. В конце 1920-х Роом был в центре кинематографической жизни, считался одним из столпов искусства кино, состоял в нескольких профессиональных комиссиях и организациях. В 1934 г. он представил к обсуждению в Доме кино режиссёрский сценарий фильма «Строгий юноша», написанный им и Ю.К. Олешей. Сценарий был восторженно принят коллегами и крайне негативно — марксистской критикой. Во всех биографиях Роома об этом периоде говорится вскользь, без подробностей: «Новая социальная и экранная эпоха — 30-е годы — не приняла ни этих его интересов, ни его новых замыслов, ни его самого <...> Кончилось тем, что на долгие годы Роом выпадает из киножизни <...> И даже на несколько лет изгнан из Москвы. Эти его “украинские гастроли” оказались мучительными» (69, 4). В единственной книге об А. Рооме, в монографии И.Н. Гращенковой, причины вынужденного переезда режиссёра из Москвы в Киев не называются (70). В 1936 г. фильм «Строгий юноша» был всё-таки снят на студии «Украинфильм» и тут же запрещён, 10 июня 1936 г. вышло постановление: «Просмотр так называемого черного монтажа фильма “Строгий юноша” (фактически законченного фильма) приводит к выводу, что постановщик — режиссёр А. Роом не только не пытался в процессе съёмок преодолеть идейно-художественную порочность сценария, но ещё резче подчеркнул и навязчиво выпятил его чуждую “философскую” основу и ложную систему образов. По своей идейной концепции, в трактовке образов, общим эстетическим и стилевым чертам фильм “Строгий юноша” является образцом проникновения чуждых влияний в советское искусство» (71, 67). Далее в том же постановлении была решена судьба режиссёра на долгие годы: «По постановлению ГУКФ постановщик фильма “Строгий юноша” — А. Роом, который в своё время за недисциплинированность и трудовое разложение был уволен из Мосфильма — снимается с режиссёрской работы в кинематографии» (71, 68). Украинская пресса писала: «Режиссёр Роом встал на позиции воинствующего формализма и эстетства, которые являются враждебными советскому искусству» (71, 69), картину «Строгий юноша» назвали «троцкистской постановкой» (71, 71). Роом был лишён всех званий и наград и даже самой возможности работы в кино. Лишь после Великой Отечественной войны он вернулся к режиссёрской работе и дважды стал лауреатом Сталинской премии — в 1946 (II степени) и 1949 г. (I степени). Роом был полностью реабилитирован в 1954 г. В любом случае, в середине 1930-х годов он потерял доверие властей и был отстранён от работы над фильмом «Преступники».

В середине 1930-х годов стало меняться отношение властей к самому вопросу беспризорности. В 1935 г. было объявлено о ликвидации беспризорности как социального явления. Значило ли это, что дети больше не остава-

лись без попечения родителей, а оказавшись в трудной ситуации, получали помощь и поддержку от государства? К сожалению, нет. Во-первых, с середины 1930-х годов детей стали забирать вместе с арестованными родителями, разрослась сеть тюремных детских домов. Детей целенаправленно разлучали с родителями, братьями и сёстрами, давали им новые имена и фамилии, родственники и освободившиеся родители не могли выяснить их местонахождение. Это делалось осознанно. А.Ю. Горчева приводит фрагмент из «Директивных материалов по культурно-воспитательной работе с переселенцами», иллюстрирующий ситуацию: «Молодёжь легче оторвать от родителей. Её надо изолировать от родителей-кулаков через политвоспитание, трудовое соревнование и ударничество, общеобразовательную и профессионально-техническую подготовку, вовлечение в общественную самодеятельность, развёрнутую издательскую деятельность» (72, 17).

Во-вторых, в 1935 г. появилась новая редакция Уголовного кодекса СССР, понятие «беспризорность» было заменено понятием «бродяжничество» и объявлено уголовным преступлением. Циркуляр об этом появился гораздо раньше, 13 апреля 1928 г., но именно после введения нового УК новую норму закона стали применять повсеместно (61, 76). Таким образом, лакуна в правовом поле была устранена, ведь ещё в 1920-е раздавались редкие высказывания о незаконности помещения детей, не нарушавших закон, в закрытые учреждения без их согласия. В то же время был существенно снижен возраст полной уголовной ответственности граждан, в новой редакции УК он равнялся 12 годам. Это означало, что детей с 12 лет стали привлекать к ответственности с применением всех мер уголовного наказания, высшая мера применялась с 14 лет. Как справедливо заметил А. Рожков, «в конце 20-х годов борьба с непризорностью как социальным явлением окончательно переросла в войну непосредственно с непризорниками» (61, 76–77).

Изменилась и структура детских исправительных учреждений. В связи с процессами, направленными на радикальную смену кадрового состава НКВД, был арестован Г.Г. Ягода. Узнав о судьбе своего начальника и покровителя, застрелился М.С. Погребинский. Его ближайший друг и помощник А.Н. Погодин, организовавший его похороны, был арестован и расстрелян.

Педагогический опыт коммун ОГПУ и макаренковских колоний был объявлен несостоятельным, в 1937 г. была расформирована Болшевская, а в 1938 г. — Люберецкая (Николо-Угрешская) коммуна. Воспитанники коммун, у которых ещё не закончились сроки заключения, были направлены в тюрьмы и лагеря, из которых мало кому из них посчастливилось вернуться. Большинство сотрудников коммун были арестованы и репрессированы. Управляющий Трудкоммуны № 2 Е. Смелянский был вызван в горком партии, где за «потерю большевистской бдительности» у него отобрали партбилет, а 9 декабря 1937 г. он был арестован и расстрелян по обвинению в подготовке терактов против руководства ВКП(б) и советского правительства. По сообщению

С. Гладыш, «в 1937 году за три дня (!) арестовали более 400 человек из Большевской коммуны. Многие — расстреляны» (7, 168). Книги М.С. Погребинского были запрещены, извлечены из библиотек и уничтожены. О коммунах забыли на долгое время.

Всё это привело и к кризису темы детской беспризорности в литературе и кинематографе. О педагогическом опыте 1920–1930-х годов вспомнили после Великой Отечественной войны, когда беспризорность снова достигла ужасающих масштабов. Снова стали обращаться к методике А.С. Макаренко, а в 1955 г. вышел художественный фильм «Педагогическая поэма» (реж. А. Маслюков, М. Маевская).

В 1930-е годы Горький продолжал вести переписку с воспитанниками трудовых коммун, школ фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), детских колоний, школ и других детских коллективов. Однако характер её изменился: она становилась все более формальной. Личные письма сменились обезличенными коллективными посланиями, наполненными речевыми штампами, официальной газетной лексикой. Так, в 1932 г. Горький писал воспитанникам Трудкоммуны ОГПУ № 2, приглашавшим его на праздник по случаю 5-летия учреждения: «Советская власть поставила Вас в условия, где Ваши способности и таланты, применённые к общественнополезному труду, легко и решительно опровергли эту ложь хищников и паразитов трудового народа» (73). В другом письме, адресованном «двум тысячам пионеров г. Игарки», читаем: «Хорошее письмо прислали вы. Богато светится в простых и ясных словах его ваша бодрость и ясность сознания вами путей к высочайшей цели жизни, — путей к цели, которую поставили перед вами и перед всем трудовым народом мира ваши отцы и деды» (74, 421). А ребята из отряда музыкальной фабрики в конце 1935 г. писали Горькому: «Наша партия, выполняя завет товарища Ленина “В стране не должно быть обездоленных детей” собрала нас, поручив УНКВД сделать из нас юных счастливых граждан СССР» (75).

Однако встречались и совсем другие письма, которые никогда не публиковались и подолгу не обрабатывались в архивах. Так, воспитанники колонии села Подворки 28 марта 1935 г. жаловались Горькому на суровые порядки в учреждении, на недостаточное питание, жестокие наказания и плохие условия, на воровство персонала, а также на бесполезность обращения за помощью в официальные органы: «Во время приезда комиссии стараются хороший обед нам дать или ужин. Это потому, чтобы замазать глаза комиссии <...> Как комиссия приедет, это для нас праздник, а как уедет, то ребят тягают по кабинетам» (76).

Множество детей обращались к Горькому лично. В Архиве писателя хранятся десятки ящиков с письмами детей, одна из наиболее частых просьб в них — содействовать в освобождении или облегчении доли арестованных родителей. Приведём лишь несколько примеров. Так, 10-летний пионер из Ки-

ева Всеволод Загорулько 4 сентября 1931 г. сообщал об аресте отца, которого сослуживец ложно обвинил в контрреволюционной деятельности. Мальчик жаловался на тяжёлое материальное положение семьи — на его попечении были умирающая мать и младшая сестра. Горький подчеркнул в этом письме причину ареста отца и на полях сделал помету: «Послать денег?» (77). 12-летняя Люся Гордина и её 9-летний брат писали 1 июля 1931 г. о приговоре отца за «недообложение налога» на три года лагеря и восемь лет ссылки (78). После смерти их матери детей приютили знакомые, которые вследствие обстоятельств были вынуждены уехать, и дети оказались на улице. Горький, видимо, пытался помочь детям, на письме сохранились его подчёркивания красным карандашом. На руках 13-летнего Константина Егорова, написавшего Горькому письмо 29 марта 1933 г., оставалось двое малолетних братьев и сестра. Он просил содействия в рассмотрении дела их матери, ложно обвинённой в растрате, описывал своё бедственное положение: «...и теперь мы полуголодны, грязны, что делать — не знаем» (79). Среди таких посланий выделяется письмо школьницы Виктории Соломоновны Бройде, дочери осуждённого по «литературному делу» в 1934 г. С.О. Бройде: «Частые посещения некоторых писателей и разговоры о том, что они меня выселят из квартиры, неоднократные суды по этому же вопросу создают для меня очень тяжёлую обстановку и не дают мне заниматься» (80). Девушка просила заступничества Горького и прилагала копии обращений В.Б. Шкловского, П.Г. Низового, А.Н. Тихонова, А.Н. Толстого к А.Я. Вышинскому по поводу пересмотра дела Бройде. (Несмотря на ходатайства известных писателей, С.О. Бройде был расстрелян в 1938 г.; посмертно реабилитирован в 1959 г.).

Многое об искалеченных детских судьбах Горький знал из рассказов Е.П. Пешковой, которая работала в Политическом Красном кресте. Ей приходили сотни писем от обездоленных детей, родители которых были раскулачены, арестованы, расстреляны, отправлены в ссылку, умерли от нищеты и болезней. Многие обращения были адресованы сразу Пешковой и Горькому. Например, письмо детей бывшего священника Спирина, пребывающего в концлагере: «Глубокоуважаемый Алексей Максимович и Екатерина Павловна! <...> Мы с 1929 г. страдаем, отец, может быть, наказывается за то, что был священником, а мы за что? За что мы, дети, несём нравственные страдания и физические лишения? Мы читаем Ваши произведения и видим, что Вы борборник правды, поэтому мы смело обращаемся к Вам с просьбой <...> Просим Вас, Алексей Максимович и Екатерина Павловна, передать во ВЦИК или куда надо просьбу отца, думаем, что Вы не отвернётесь с презрением от 10-летней Лены, 8-летней Лизы, 6-летней Нины, Васи, 6 лет, Серёжи, 5 лет, Акима, 4 лет, Вани, 14 лет и Серафимы 16 лет <...> Докажите, что всё, что пишется и говорится в опровержение буржуазной лжи — не одни красивые фразы» (81, 75–76). Письмо это хранится в фонде Е.П. Пешковой в ГАРФ, к нему прилагается ответ: «А.П. Спирина. 25137. 7/ХII–32. В ответ на В<аше> обращение сооб-

щаю, что заявление Ваше в ЦИК мы передали по назначению. Ответ запросите непосредственно, т. к. мы там справок не наводим» (82, 302).

Дальнейшую судьбу этих детей выяснить сложно. Однако Горький и Е.П. Пешкова внимательно относились к каждой просьбе, пытались оказать посильную помощь. Об этом свидетельствуют документы Пешковой, пометы Горького на письмах, его многочисленные просьбы к советским чиновникам. Конечно, количество детских писем-просьб и информация в них приводили писателя к определённым выводам.

Лейтмотив большинства этих писем — крайняя нужда, пришедшая в ранее благополучную семью после ареста родителей. Получалось, что именно деятельность советских властей стала причиной того, что дети становились сиротами, беспризорниками, а впоследствии — и правонарушителями: «...количество обездоленных детей росло год от года: аресты и расстрелы, проводившиеся в массовых масштабах, увеличивали детское сиротство, разрушали семью <...> Процесс ликвидации кулачества как класса практически удвоил армию беспризорных» (72, 13–14). Более того — эти дети были рождены уже после революции, а значит, как декларировалось, власть должна была нести полную ответственность за судьбу подрастающего поколения. Конечно, все эти лозунги оказались далеки от действительности.

Когда Горький писал о беспризорниках 1920-х годов, основными причинами социального явления он называл Первую мировую и Гражданскую войны и последовавший за ними голод. Социалистическое общество изначально устроено верно и справедливо, и здесь беспризорников быть не должно. Однако этого не произошло — стоявшие на грани беспризорности дети, обращавшиеся к Горькому в 1930-е годы, воспитанники трудовых коммун, с которыми он общался в 1932–1934 г., потеряли семейную и социальную стабильность вследствие причин, порождённых советским государством: «красного террора», коллективизации, борьбы с кулачеством и контрреволюцией, с повсеместным уничтожением «несогласных». Эти дети родились при советской власти и оказались без попечения родителей уже после Гражданской войны. Власть сменилась и укрепила свои позиции, но продолжался голод, вызванный не только неурожаем, но и действиями правительства. Население мигрировало в поисках пропитания, в этих злключениях дети оставались без семей. Внутриполитические процессы, — борьба против кулачества и контрреволюции, — были, казалось бы, направлены против взрослых, но приводили на край гибели сотни тысяч детей, потерявших родителей. Получалось, что ОГПУ (позже — НКВД), одной рукой делало этих детей сиротами, а другой — пыталось им помочь, социализировать, заставить свернуть с преступного пути, куда само же их и толкнуло.

Горький не мог не видеть и не понимать этого парадокса. Противоречие отзывалось в душе Горького, он, несомненно, видел его и в своём произведении, что не позволяло ему посчитать сценарий «Преступники» законченным.

Раздел II. ИССЛЕДОВАНИЯ

Именно в 1930-е годы в творчестве Горького неоднократно возникало противоречие между политическими убеждениями писателя и его художественным даром, гуманистическим в своей основе. Желая поддержать идею коллективизации в деревне, Горький задумал пьесу о кулаке, но она так и осталась в набросках. Как пишет Н.Н. Примочкина: «...пьеса (к чести для писателя) так и осталась ненаписанной. Видимо, художественный дар писателя, глубоко заложенный в нём инстинкт правды, стал непреодолимым препятствием на пути осуществления этого ложного замысла» (83, 36). Впечатлённый процессами о «вредителях», Горький начал пьесу «Сомов и другие», но остался недоволен всеми её вариантами и прекратил эту работу. Такая же судьба постигла сценарий «Преступники».

Тема сценария «Преступники» была очень интересна и близка Горькому, органична его творчеству, но идея фильма была навязана писателю руководством ОГПУ, Г.Г. Ягодой и М.С. Погребинским, которые видели свою политическую выгоду в таком произведении. Глубокий конфликт между политическими убеждениями и талантом, чутким к правде художественной литературы, всё чаще в 1930-х годах приводил Горького к творческим неудачам. Этот конфликт, а также множество сопутствующих обстоятельств: изменение внутривластной обстановки, положения трудовых коммун, трагедия режиссёра А.М. Ромма, — стали причинами того, что сценарий, на который было потрачено так много сил, времени и внимания, так и остался малоизвестным фактом литературы, а не кинематографа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хроника // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1932. № 254 (4824). 13 сент.
2. Цифры приводятся по источнику: *Кривоносов А.Н.* Исторический опыт борьбы с беспризорностью // Государство и право. 2003. № 7. С. 92–98.
3. *Луначарский А.В.* Дзержинский в Наркомпросе // Рыцарь революции. Воспоминания современников о Ф.Э. Дзержинском. М., 1967. С. 277–281.
4. *Радченко В.В.* Особое внимание подрастающему поколению // Советские архивы. 1972. № 2. С. 43–46.
5. Речь Н.К. Крупской на конференции // Борьба с беспризорностью: Материалы I московской конференции по борьбе с беспризорностью 16–17 марта 1924 г. М., 1924. С. 8–11.
6. *Катанян Р.П.* Отецская забота // Рассказы о Ф.Э. Дзержинском. М., 1965. С. 173–175.
7. *Гладыш С.* Дети большой беды. М., 2004.
8. АГ. МоГ-11-35-2.
9. Болшевы: Очерки по истории Болшевской имени Г. Г. Ягода трудкоммуны НКВД / Под редакцией М. Горького. М., 1936.
10. *Юдина С.* Памяти болшевцев // Уроки истории. 2013. 30 окт. № 116. С. 9–11.

11. *Егорова Е.* Трудкоммуна в Николо-Угрешском монастыре // Коммуна в Николо-Угреше. М., 2012. С. 53–64.
12. *Горький М.* По поводу одной легенды // Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. М., 1953. Т. 25. С. 437–446.
13. *Горький М.* По Союзу Советов // Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. М., 1952. Т. 27. С. 113–232.
14. *Горький М.* Рождение человека // Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения: В 25 т. М.: Наука, 1972. Т. 14. С. 143–153.
15. *Спиридонова Л.А.* Концепция личности в системе философско-эстетических взглядов М. Горького // Концепция мира и человека в творчестве М. Горького. М., 2009. С. 9–40.
16. *Горький М.* Беседа с писателями-ударниками по вопросам, предложенным рабочим редакционным советом ВЦСПС // Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. М., 1953. Т. 26. С. 72–95.
17. *Спиридонова Л.А.* «Из воспоминаний о Горьком» И.М. Кошенкова // Горький. Известные страницы истории. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 15–52.
18. *Горький М.* О воспитании правдой // Горький М. Публицистические статьи. М.: ОГИЗ, 1933. С. 401.
19. *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М.: Наука, 2016. Т. 18.
20. *Горький М.* Предисловие к альманаху «Вчера и сегодня» // Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1953. Т. 26. С. 228–231.
21. *Горький М.* Б. Иртышскому, Е. Дульневу и В. Корневу // Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1955. Т. 30. С. 388–389.
22. *Спиридонова Л.А.* Настоящий Горький: мифы и реальность. М.: ИМЛИ РАН, 2013.
23. *Горький М.* Правда социализма // Беломорско-Балтийский канал им. Сталина. М.: ОГИЗ, 1934. С. 11–22.
24. *Горький М.* Первый опыт // Беломорско-Балтийский канал им. Сталина. М.: ОГИЗ, 1934. С. 607–613.
25. АГ. КГ-од-1-5-3.
26. *Литтак Т. М.* Горький правит Михаила Лузгина // О становлении соцреализма: Максим Горький и начинающие писатели в 1930-х гг. Констанц, 2012. С. 157–177.
27. *Горький М.* Предисловие // Большевы: Очерки по истории Большевыской имени Г.Г. Ягода трудкоммуны НКВД / Под ред. М. Горького. М., 1936. С. 9–10.
28. Детская колония в именовании «Медное» (1920-е) (АГ. РД-Г-2-3-8); *Бельский П.* История учреждений для морально-дефективных детей (1920) (АГ. РД-Г-3-2-10).
29. АГ. РД-Г-3-2-18.
30. *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М.: Наука, 2007. Т. 13.
31. *Терентьев М.* Принципы воспитания // Коммуна в Николо-Угреше. М., 2012. С. 66–70.
32. *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М.: Наука, 1999. Т. 2.
33. *Горький М.* Злодеи // Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения: В 25 т. М.: Наука, 1970. Т. 6. С. 9–34.
34. *Плотникова А.Г.* Сценарии М. Горького // Драматургия Горького в историко-функциональном аспекте. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 283–327.

Раздел II. ИССЛЕДОВАНИЯ

35. РГАЛИ. Ф. 2496. Совкино. Оп. 3. Ед. хр. 11.
36. Советские художественные фильмы: Аннотированный каталог. Т. 1–2. М., 1961.
37. Правда. 1923. № 103. 9 мая; Известия. 1923. № 101. 9 мая; Рабочая газета. 1923. 11 мая.
38. Правда. 1924. № 186. 19 авг.; Кино-газета. 1924. 5 авг., Кино-газета. 1924. 26 авг.; Кино-неделя. 1924. № 39; Новый зритель. 1924. № 29.
39. *Янушкевич Р.* Великий немой заговорил / Публ. О. Романовой // Киноведческие записки. 2011. № 98. С. 52–65.
40. *Жаров М.* Жизнь. Кино. Театр. М., 1967.
41. *Марголит Е.* Живые и мёртвое: Заметки к истории советского кино. СПб., 2012.
42. *Эжк Н.* Так вот он какой, Мустафа! // Коммуна в Николо-Угреше. М., 2012. С. 246–247.
43. Хроника // Кино. 1932. № 7. 12 февр.
44. [Б.л.] Ещё о мягкотелом либерализме “Межрабпомфильм” // Кино. 1932. № 2. 9 янв.
45. Переписка М. Горького с Г.Г. Ягодой / Публ. Л.А. Спиридоновой // Неизвестный Горький. Вып. 3. М., 1994. С. 162–206.
46. АГ. КГ-од-2-31-11.
47. АГ. КК-рл-12-30-4.
48. АГ. ПГ-рл-21а-1-406.
49. АГ. ХПГ-43-1-3а.
50. АГ. ХПГ-43-1-10.
51. АГ. ПТЛ-13-63-1.
52. АГ. ПГ-рл-48-15-85.
53. РГАКФД. Уч. № 10619, произв. № 6741.
54. *Роом А.* Создадим фильму, достойную юбиляра и эпохи! // Кино. 1932. № 44. 24 сент.
55. РГАЛИ. Ф. № 3044. Оп. 1. Ед. хр. 118.
56. *Эйзенштейн С.* Величайшая творческая честность // Кино. 1936. № 31. 22 июня.
57. *Горький М.* Преступники // Архив А.М. Горького. Т. 2. Пьесы и сценарии. М., 1941. С. 280–319.
58. *Горький М.* Преступники // *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1952. Т. 18. С. 323–398.
59. *Горький М.* Преступники // Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения: В 25 т. М.: Наука, 1973. Т. 19. С. 417–486.
60. *Горев М.* На «вскрытии» (впечатления очевидца) // Революция и церковь. 1919. № 6/8. С. 50–60.
61. *Рожков А.* Беспризорники // Родина. 1997. № 9. С. 70–76.
62. Горький и сын: Архив А.М. Горького. Т. 13. М., 1971.
63. *Кольцов М.* В монастыре // Коммуна в Николо-Угреше. М., 2012. С. 92–97.
64. *Волкова Н.* Иевлево-Знаменское // Московский журнал. 2003. № 3. С. 50–54.
65. *Гудов И.И.* Судьба рабочего. М.: Изд-во политич. лит., 1974.
66. *Погребинский М.С.* Трудовая коммуна ОГПУ. М., 1928.
67. *Погребинский М.С.* Фабрика людей. М., 1929.
68. *Горький М.* О трудколониях ОГПУ // *Горький М.* Публицистические статьи. М.: ОГИЗ, 1933. С. 255–264.
69. *Абрам Матвеевич Роом:* Материалы к ретроспективе фильмов. М.: Музей кино, 1994.

70. *Гращенкова И.* Абрам Роом. М., 1977.
71. Документы из украинских архивов и периодическая печать об истории создания кинофильма «Строгий юноша» / Публ. Р. Росляк // Киноведческие записки. 2014. 108/109. С. 39–79.
72. *Горчева А.Ю.* Детские лагеря ОГПУ и НКВД и пресса // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 1993. № 4. С. 13–23.
73. АГ. ПГ-коу-64-16.
74. *Горький М.* Письмо двум тысячам пионеров г. Игарки // *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1955. Т. 30. С. 421–424.
75. АГ. ДПГ-20-11.
76. АГ. ДПГ-20-84-1.
77. АГ. ДПГ-5-134-1.
78. АГ. ДПГ-4-120-1.
79. АГ. ДПГ-5-131-1.
80. АГ. ДПГ-3-90-1.
81. Дети ГУЛАГа: Сб. документов / Сост. Виленский С.С., Кокурин А.И., Атамашкина Г.В., Новиченко И.Ю. М., 2002.
82. «Дорогая Екатерина Павловна...»: Письма женщин и детей Е.П. Пешковой. СПб., 2005.
83. *Примочкина Н.Н.* Писатель и власть / 2-е изд. М., 1998.
84. *Суматохина Л.В.* М. Горький и писатели Сибири. М.: ИНФРА-М, 2013.
85. *Горький М.* Полное собрание сочинения. Письма: В 24 т. М., 2013. Т. 16.
86. *Эйзенштейн С.М.* Мемуары: В 2 т. М.: Труд, Музей кино, 1997. Т. 2.
87. *Гак А. В.И.* Ленин в зрительных залах // Искусство кино. 1966. № 4. С. 5–7.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СТЕНОГРАММА ОБСУЖДЕНИЯ СЦЕНАРИЯ М. ГОРЬКОГО «ПРЕСТУПНИКИ» ВОСПИТАННИКАМИ ТРУДОВЫХ КОММУН ОГПУ

Печатается по *МК (АГ)* с пометами Горького красным карандашом и пометами неустановленного лица, предположительно, стенографистки Трудкоммуны НКВД № 2 З.Д. Марченко. Подчёркивания Горького отмечены курсивом. Отчёркивания Горького на полях с пометой «взять» помечены игурными скобками. Первый лист стенограммы отсутствует. Документ состоит из 11 листов и приложения — записки Грибова, поданной после обсуждения. Пунктуация и орфография исправлены по современным правилам. Некоторые жаргонизмы пояснены в скобках.

<...>

ЕРМАКОВ. Ясно, что никакой школы не было. Никто этого не может доказать, не было таких случаев, а в дореволюционное время, я помню себя мальчиком, как только привык воровать, за мной ходили двое лишённых прав, которым в случае, если они попадутся, грозило два с половиной года арестантских рот. Они не лазили, а только я. Они перетыривали (прятали. — *Ред.*), так как мне, мальчишке, наказание могло быть гораздо легче, а ему, если бы его купили даже напустую, всё равно грозило два с половиной года арестантских рот. Такие факты были, но чтобы была основная школа и чтобы там учили воровать специальные преподаватели — этого не было. Школой была тюрьма. Я лично скажу, что только из-за тюрьмы стал преступником. Меня первый раз купил (арестовал. — *Ред.*) агент Иванов «Блоха», на трамвае «Б» и посадил в Хамовнический участок. Я не имел возможности, но кажется кожу бы себе сорвал, если бы мог вылезти. Здесь я научился и стал больше воровать. Свою квалификацию я пополнял, так как я по наслухам многое узнал. Затем были такие притоны, например, в Проточном был притон Касаткина, он не преподавал, но на Хиве жили исключительно малолетние. Я не знаю —

на какой счёт их правильно отнести, но никто никогда не согласится, что это была школа.

Надо сказать об этом Козле: это был не что иное, как классический вор-домушник, исключительно действующий по несгораемым шкафам или большим магазинам. Делал он сам большие кражи. Но ничего общего с какими-нибудь ребятами он не имел, так как это был один из выдающихся домушников, справедливых в том отношении, что сам работал. Он даже хотел обокрасть Московское ювелир<ное> т<оварищес>тво, за что был сослан в Соловки. О его похождениях я могу много рассказать. Кто такой Лиса — остаётся загадкой. В остальном — там указано о проигрышах. {Можно привести факты более серьёзные: например, не только кровать выигрывали, но страшно позорно было не отдать проигранного или же запоздать с его отдачей. Ведь слово «Динамо» — одно из самых позорных. Я помню, сам делал такие вещи, что в случае опоздания на 2-5 минут уже денег не брал, хотя человек буквально на коленях стоял, просил взять, чтобы не быть динамистом.} Кроме того, не только кровати выигрывали, и чтобы он на кровати не спал, но у следующего выигрывал — чтобы он караулил, лишь бы первый не спал. Фактов можно привести много, например, человек спит, а ты его полей водой сонного или ударь по рылу.

По поводу последней жизни нашей Коммуны: я считаю правильной ту часть, где указано, как она строилась, но сейчас надо отразить жизнь Коммуны более характерными примерами. Кто из нас мог думать раньше, что я выступлю на собрании и буду говорить, что мой товарищ поехал воровать. Этому никто не мог бы поверить, чтобы дойти до того, что в Коммуне многие люди, по 18 лет находившиеся в преступном мире, могли выдавать товарища. А сейчас в Коммуне мы найдём такие поступки.

Также можно привести некоторых отдельных лиц. Если картина будет смотреться за границей, то там, несомненно, есть люди, которые не знают Коммуну, но тех людей, которые в ней живут, знают. Интересно было бы показать их не только по кличке и фамилии, но дать их портрет в натуре.

ДОРЕР. Я смотрел «Путёвка в жизнь» и прослушал сейчас сценарий Горького. Как тогда я ушёл немного огорчённый, так и здесь. Правда, разница есть, так как Горький описывает красивее, ярче. Но неверна постановка вопроса, что беспризорные учились *в школе*. В 22–23 году о школе речи быть не может. Кто присматривается ближе к беспризорникам, тот знает, что им никакой учитель не пара, они любого сами научат. И приучать к себе их битьём — извините, — не приходилось, а только путём товарищеского подхода, чтобы его одеть, обути и т. д.

Выигрывали не только кровати, но, чтобы простоял возле кровати всю ночь на одной ноге с метёлкой, когда выигравший будет спать. Интересно то, что сейчас за границей, в частности, в Китае, есть такие называемые тузы, также и в Англии, которые хорошо знают, что есть Коммуна, но не знают,

кто в ней живёт. Я думаю, что те, кто за нами следит, знает, что в Коммуне не только одни беспризорники, а живут частью и сами тузы. Почему Горький не оттенил в показе роста Коммуны, что в ней есть *тузы, которые когда-то сами обучали*. Там следят и интересно будет подчеркнуть и показать там как рабочим, так и главным руководящим, что те жулики, которые воровали по 15 лет, 25–30 лет, в настоящее время живут в Коммуне и работают.

Почему он не напишет о тех ребятах, а их была большая прослойка, которые попали по тем или иным обстоятельствам в круг воров, которые не могли при всем своём желании вырваться из этого круга, не имели возможности. Почему он не пишет о тех беспризорных, но и о ребятах, которые, благодаря тому или иному положению, может быть, остаткам прошлого, может быть, в самый тревожный период революции — сознательно шли на преступление, не имея другого выхода.

АБОЛМАСОВ. Было бы хорошо немножко проще дать выражаться ребятам в сценарии. По сравнению с «Путёвкой в жизнь» надо сказать, что этот сценарий гораздо лучше. Но надо отметить один недостаток: здесь мало показан переход из одной сцены в другую, например, когда на поезде едут из Звенигородского монастыря — что-то очень быстро попадают в Николо-Угреш<ский> монастырь. Здесь гораздо лучше было бы написать таким образом, что приехали в Звенигород, а там подняли шумиху и как вообще этот вопрос прошёл. {Это нужно гораздо лучше отразить, потому что перелом произошёл, когда почувствовали новую жизнь в стенах монастыря.}

Во время перерыва я слышал от больших ребят, что они *обижаются — почему из маленьких делают заглавных типов*. Вполне естественно, ибо на базе беспризорности растёт и преступность и уголовщина, так что в первую очередь мы должны отразить мнение беспризорных людей, а тех, кто в прошлом крупно фигурировали — мы можем уже отразить в дальнейшем, поскольку они свихнулись (т. е. свернули с пути. — *Ред.*) ещё в юношеские годы. Дорер указывает, что не было школ в 22 году. Он упустил, что *часть школ существовала наряду с детскими домами*. Сценарий написан простым народным художественным языком. Это вполне естественно, так как люди — беспризорные — ещё не были культурными и политически грамотными.

СИТНИКОВ. Мне больно немножко, что я выступаю не только критиком, но даже обвинителем М. Горького. Насколько я знаю, я вижу, что многие плохо знакомы с ним, может быть, совсем не читали его произведения. Но я скажу по существу, что М. Горький не жил с нами здесь, а мы-то с вами живём замкнуто, никогда почти о своём житье-бытье и не говорим. Откуда же кто может знать, как и что есть в нашей жизни. Иногда только на собрании или если кто-нибудь приедет, расскажем. Я думаю, что если мы можем писать о своём прошлом, напишем Горькому — как живём теперь, что представляет собой наша Коммуна, и много другого интересного, то это будет интересно.

ПОГРЕБИНСКИЙ. Товарищи, вы не отвлекайтесь в споры чисто литературного порядка, а говорите — насколько серьёзно отразил сценарий дей-

ствительную жизнь. Горький знает несколько случаев, что взрослый вор учил малыша. Если это неверно, надо написать. С точки зрения художественности сценарий будет в своё время обсуждаться и людьми достаточно подготовленными к этому. Сейчас надо говорить о деле и выяснить — правильно ли отражён этот вопрос, так ли было в Звенигороде или не так. Сценарий не закончен, его потом опять будут критиковать.

ФЕДИН (воспитанник коммуны. — *Ред.*). Мы не обсуждаем М. Горького, а только данное произведение. {Нужно сказать, что есть некоторые упущения: не изображено зарождение уголовной этики, как мы стали «своими», как мы стали реагировать на это обстоятельство, когда арестовали товарища и его нельзя было выдавать.}

Нужно будет остановиться на вопросе алкоголизма и марафета (кокаин. — *Ред.*), которые имели самое широкое распространение и несколько лет тянули нас назад. Были люди, которые совершенно не интересовались деньгами, хотя имели иногда много денег, но на себя их не тратили, а транжирили как попало, не понимая их ценности. Это нужно изобразить.

Как зародилась этика: нам нужно было быть организованными, потому что с другой стороны мы встречали организованного врага. Ведь если я хожу с товарищем, он завтра сядет в тюрьму, а он скажет про меня, то на всё время потом он окажется «ссученным» (предателем. — *Ред.*) и больше в нашу среду не имеет права вернуться, ему гроб, так как он оказался провокатором.

{Карты и вино были главным нашим бичом. Мы знаем, что совершенно маленькие 9–10 лет ребята уже пили и нюхали марафет.} Это показывает, что люди задурманивали себе головы, чем можно, от безделья, и учились у старших. У нас всё время проходит беспризорщина, а нужно изобразить больших воров, которое больше понимали и больше воровали. {Нужно ещё сказать о том переломе, когда ребята выступают на собрании и заявляют, что с сегодняшнего дня я «ссученный», если кто полезет, я его поймаю и передам, куда следует. Это очень резкий перелом.}

ГРИБОВ. {Неправильно написано, что Мартынов похоронен в Звенигороде: он похоронен по Октябрьской ж<елезной> д<ороге> на ст<анции> Сходня. Те, кто будут смотреть картину, это знают, и это нужно исправить.} Потом надо показать, как в Звенигороде одного заигранного задушили.

ГЛАДУНЕНКО. Здесь показано зарождение беспризорности, но опущен тот момент, что *преобладающее большинство в коммуне — ворье*, и пожалуй, старое ворье до 17-го года. И меньшая часть с послереволюционным стажем. Нужно показать, что именно ворье переделывается, а не беспризорный. Спросите — из тысячи человек беспризорных, которые у нас есть, кто таким путём, как здесь написано, дошёл до жизни такой. Да никто...

Тут большой шаблон, как всегда пишут, но, по-моему, наши ребята иначе дошли до преступления.

САМОХВАЛОВ. Забывают, что в *Звенигородский период исключительно преобладали беспризорники*. Поэтому правильно поставлен вопрос, так как всем известно, что беспризорность зародилась в империалистическую войну. Поэтому первый этап совершенно правильный. Но есть ряд некоторых упущений. Ещё было бы характерным отметить здесь, что, когда люди пришли, то они ночевали не только на кроватях, но некоторые на полу и даже на колокольне. Человек дикий был...

В этот период, когда они попадали в Коммуну, за время империалистической войны они были настолько дикими, что уже отвыкали спать на кроватях, а спали на колокольне.

{Не мешало бы ещё отметить, что когда ребята из Звенигорода стали ездить в Москву, некоторых старались переманить обратно в старый мир, причём некоторые себя перебарывали, а некоторые возвращались. Это нужно было бы отметить.}

ЧЕКМАЗОВ. Некоторые ребята не поняли того, что сейчас даётся вторая картина о том, как зародилась беспризорность. Но надо коснуться сценария. Немножко непонятно во второй части — дело у паперти совершилось или не совершилось, или просто гонку дали. Ещё непонятен такой штрих, что если где-то на паперти есть дверь и есть боковой вход, то никогда вор не согласится брать «со лба», а всегда найдёт боковую лазейку. Этот кадр не вносит ясности. Дальше немножко непонятно — как будто голодный год показан после 20-го. По-моему, он был до этого. Надо было бы дать кадры: квартира, семья, откуда, благодаря голоду, благодаря тому, что в другой квартире отец ранен, не может содержать детей, они уходят на улицу и показать — что отсюда начинается скопление. Пускай А<лексей> М<аксимович> будет нас крыть, но надо сказать, что в беспризорности он не нуждался и, пожалуй, на сегодняшний день не нуждается.

Как бы в отношении Козла не получилось то же самое, что Жиганом в «Путёвке в жизнь». Такой крупный вор не мог жить за счёт беспризорных. Об учёбе говорить не приходится. Прав Паньков, который говорит, что прежние ротные <ранее арестованные. — Ред.>, боясь получить за пару рублей роту, стояли на стрёме, помогали парню перетьрить. В революционные годы это уже совершенно искоренилось.

{Не дано место самого главного скопления — не отражены «камушки», то есть Рязанский вокзал. Их нужно ввести.}

Слишком мало и слишком неярко показаны проказы беспризорных. Например, мы знаем такие факты, что если беспризорный шёл на кражу по Сухаревке просто чтобы достать пожрать, так он делал такие штуки: подходит к торговке яйцами, берёт одно яйцо на свет, откладывает ей на руку и таким образом посмотрит десятка два яйца, заложит ей руки, а сам берёт корзину и уходит, оставляя её в недоумении — бежать ли за ним или же сохранять оставшиеся.

Или например: в тёмном переулке, в калитке станет несколько человек, протягивают через тротуар от фонаря к водосточной трубе проволоку. Идёт прохожий, цепляется, падает, они налетают гурьбой, раздевают его и разбегаются. Надо больше показать, проказы мало показаны.

Нет законов улицы, законы ребят, находящихся на улице, совершенно не показаны. А законы были строгие, взятые от старого уголовника-рецидивиста. Ребята эти законы переняли в тюрьме и из тюрьмы перенесли на улицу. И уж если он проиграл кулак на сгиб в течение суток, то он не разогнёт... Эти законы нужно показать здесь только потому, что дальше при перевоспитании их было особенно трудно переломить.

Когда идёт речь об Лёньке, когда его с червонцем послали на вокзал, это немножко непонятно. Ведь даже взрослые не знали, куда они едут, некоторые думали, что в Соловки посылают. По сценарию они прорезали в полу дырку, но ни один не убежал, хотя они не знали, куда едут. Этот кадр, пожалуй, не верен. Они не знают — куда едут. Этот кадр не нужен только потому, что если мы говорим прямо, что мы не хотим подражать «Путёвке в жизнь», то здесь получается то же самое, случай, аналогичный Мустафе, когда Лёнька показал ребятам честность. Если мы не хотим подражать, то лучше переделать. Тем более, что он неудачен тем, что, имея сделанную в полу дыру, они не убегают, хотя не знают, куда едут. Они могли бы вместо одного человека уйти всей группой.

В своё время очень ярко в газетах было описано происшествие, когда беспризорники очень организованно обокрали фабрику «Эйнем». Они по водосточной трубе пролезли во двор её от Москва-реки, обокрали и потом этим шоколадом торговали по всей Москва-реке на лодках.

ПОГРЕБИНСКИЙ. {Надо ещё запомнить, что был случай, когда в магазин проникли через водосточную трубу и не знали — с чего начинать брать. Так как были голодны, то решили сначала выпить и покушать. Напились пьяными и заснули в магазине, где их утром взяли.}

ЧЕКМАЗОВ. Из Звенигородского периода очень характерным может быть кадр, когда ребята из любви к поискам золота или чего-то пробрили 9 стен и попали в склад Наркомздрава, но там были запасы различных бацилл, всевозможных заразных болезней, так что у них баночки с бациллами боялись даже отбирать.

За обедом в окно лазили не потому, что хотели больше застать, а потому, что в очереди не хотели стоять. Чем стоять в хвосте, проще было ворваться через окно.

Пайки проигрывали, здесь Загорский это подчеркнул, но с самого начала было организовано так, что в дверях лишние пайки отбирали. Здесь говорили, что, может быть, большие ребята обижаются и, пожалуй, вправде, на то, что ни одного из них в фильме нет. А для организационного периода это было важно, надо указать, как это произошло, главным образом со стороны

добровольно пришедших и инструкторов или ребят, пришедших из первой Коммуны.

Спали под кроватями, это вполне понятно, некоторые говорили — не привык, боюсь, замараю кровать, — а один заявил, что я посплю под кроватью, {а лучше пускай собака Косой *поспит на мягкой кровати.*}

В жизни Коммуны искусство было первое время полным отражением улицы, т. е. Волга со своими рассказами, Цыганочка, цыганские песни и вообще всё то, что напоминало прошлый уголовный мир.

Интересным кадром можно показать следующее: когда ребят не пускали свободно на прогулку, они придумывали бросать друг в дружку снежками и начали с того, что у ворот мента закидали снегом и прилепили его к стенке так, что ему деваться было некуда, и некоторые выбежали за ворота, не для того чтобы убежать, а для того чтобы побегать, покататься с гор, потому что туда ещё не пускают.

Не отмечены наказания, которые давались с первого дня, как только начали с нами работать инструктора. Старшие товарищи, когда брали с картами, давали наказания: мыть полы, убирать двор, дежурить по кухне и всё это начинало приучать помаленьку к труду.

{Не мешало бы отметить, — и торжественно, — момент, когда люди собрались на первое общее собрание, когда уже на последующих собраниях поставили снять караулы и охранять самим свою Коммуну, когда они поняли, что здесь зарождается Коммуна и т. д. Этот момент надо отметить особенно торжественным.}

Нужно отметить, как в Коммуне в Звенигородский период людей вообще приучали к дисциплине, учили по-человечески жить, жить в новой обстановке, противопоставленной улице.

Надо отметить ещё интересный момент, когда ребята с таких головокругительных гор, как там, безбоязненно скатывались на бочке. Или там был «автобус», на которой 7 человек садилось и тоже неслись голову сломя. Были моменты, что, кажется, вот-вот на лошадь натолкнётся, а он завернул и покатил дальше. Это желательно было бы осветить. Это первое предложение по части сценария. В отношении дальнейшей помощи. При дальнейшей работе над сценарием нужно будет просто некоторым ребятам написать, кто как может, как именно он перевоспитался, что именно на него больше воздействовало и, может быть, А<лексей> М<аксимович> кое-что выберет, для того чтобы дополнить и закончить этот сценарий. Мы обещали давно это, но никто ничего не сделал.

ГОЛОУЛИН. Я понимаю, ребята, что, показывая время 17–18–19 годов, нужно показать исключительно беспризорность. Я знаю, например, есть в Болшеве Малышка. Он от матери убежал с малых лет, на Хитровом рынке жил в № 4. Там жили специально беспризорные, которые занимались теми или другими маленькими проступками. Он, попав туда, начал нюхать кокаин. Благодаря

этому пошёл воровать, а там был старший его брат, который его постепенно приучил воровать. Но денег он никогда не ценил, он получал крупные суммы, тратил их на вино и кокаин и никогда в жизни не спал в квартире, а всегда в котлах или на Хитровом рынке. Разве на Хитровом рынке нельзя найти подобных замечательных вещей. А разве дело Бейлиса в Киеве не говорит о том, что крупная воровка держала мальчиков и толкала их на воровство.

АНТОНОВ. Я помню случай, когда организовался побег, кажется, в четвёртом корпусе, а Каганович (воспитанник коммуны. — *Ред.*) его раскрыл, за что его чуть не убили, если бы не подошёл руководитель. Вспоминается момент, когда более взрослые ребята собрались в конторе и сказали о том, что так как они взрослые, среди них были уже соловчане, то давайте помогать коммуне, работать с ребятами.

ЛЕБЕДИНСКИЙ. Я не буду останавливаться на периоде Звенигородском. Я хочу сказать о том, как из беспризорника или просто из фраера делается вор. Надо заострить внимание на таких моментах, когда фраера, проигрываясь на скачках или в карты, приходили к нам, договаривались, симулировали ограбленного, причём вора платили за это известные доли. После этого человек, сталкиваясь с ворами, затягивался фактически сам в их жизнь и начинал приучаться к их «труду». Лично *я сам* двух фраеров сделал ворами-карманниками.

Потом хотелось шире бы отразить пагубное действия среды — шалманов — и показать, как человек, попадая в шалман, начинает попадать под влияние окружающей его среды воров-рецидивистов и втягивается в их среду. Шалманы в «Путёвке в жизнь» нисколько не были обрисованы. Нужно было бы их показать.

АЛЕКСАНДРОВ. Нужно было бы отразить самый переезд из Звенигорода в Николо-Угрешский монастырь. Насколько помнится, когда мы приехали в Москву, на Александровском вокзале нас встретили с плакатами и песнями, была проведена киносъёмка. Желательно было бы найти этот фильм.

СИТНИКОВ. Я хочу точнее сказать о Петьке Козле. Я знаю его с 1904 года. Он старше меня. Был простой вор-домушник, бегал по квартирам с подбором ключей. Приходилось брать квартиру и на 13, и на 25 рублей. Последнее время он, правильно, стал большим тузом, — Пётр Никитич. А в своё время был самый простой смертный. В то время мало кто ходил с пушкой. В 1906–1907 году первый раз Митька Зверев с товарищем, бежавший с торги, решили ограбить Покровскую общину и приглашали Козла в помощь, но он тогда побоялся. Верно, что в последнее время он хотел очистить Моск^{овское} ювелир^{ное} т^{оварищест}во. Что касается *школы воров*, то она действительно была. Потому что Лёвка губастый (Васильев), бежавший из Крестов, учил меня. Если сильно, учил. Например, заходишь в парадное: не тушуйся, проходи прямо. Звонка не давай, а палец держи над звонком. Если кто идёт — можешь дать звонок, выйдут, сумей договориться. Когда прохо-

дишь нижним этажом — замечай номер и спрашивай его этажом выше, так же и в обратном случае. Если человек идёт вниз по лестнице, я должен поймать момент и вовремя позвонить. Позвонишь или постучишь — тишина. Тогда открываешь ключами,ходишь и берёшь, что надо. Иногда и хозяева тут, но спят, ничего не слышат.

{Был случай на Петровке, когда меня одели швейцаром и я прошёл в главный склад Чичкина, в общежитие его приказчиков, навязал там два узла вещей особым татарским узлом и нарочно, проходя мимо сторожа, опустил их на землю и сказал: «Черт знает, не дают даже на извозчика теперь и при...» Он мне ещё потом помог поднять эти вещи. А мои товарищи стояли рядом но, конечно, вида не подавали, хорошо одетые. У них было по три года арестантских рот. На их обязанности лежало проверить и найти квартиру, но брать приходилось нам, молодым, потому что нас в сыском отделении не знали, да и сделать ничего не могли. Больше 6 месяцев не получали.}

Ученье было, прямо-таки форменное ученье. Не знаю, как у карманников, но, думаю, тоже. За последний год перед самой революцией начали работать кассисты. Помню, обокрали Савву Морозова, ещё Хромой тогда себе трость купил с золотым набалдашником. Но они только начинали появляться, а до них работали обыкновенные домушники по квартирам и по магазинам. Но *учение фактически было* во всех отношениях. Карманником я не воровал — у меня руки короткие, но думаю, что и здесь тоже надо понимать.

{Я первый раз судился в 98 году на Якиманке за то, что продал ворованное кольцо, сам того не зная, женщине с нашего двора. И вот меня интересовало — при советской власти какая же новая техника воровства. Один раз на Земляном валу смотрю — два огольца кидают деньги. Думаю, что за номер: или у них много денег, или они занюхались. А рядом сидит женщина на корзине, и у неё с одной стороны, с другой — узлы. Она потянулась за деньгами, а ребята схватили узлы — и в разные стороны... Ищи их потом.}

Видел такой случай: гражданин продаёт часы. Я подхожу, у меня вроде болезни — где серебро или золото — меня тянет. Подходят три человека. Я сразу уже по приёмам почувствовал, что покупатели хорошие. А сам гляжу, просит немного. Один берёт часы, подносит к уху, а другой становится сзади его. Один слушает, а я уже вижу, что он успел их передать товарищу. Тот ушёл, я смотрю и наблюдаю, что он будет делать дальше. Продавец уже волнуется, спрашивает часы, а их нет, и сам покупатель говорит, что он их не видел. Продавец и в ухо смотрит, и всячески озирается, но вещь ушла. Я был сам поражён, как это ловко делается.

Следующий случай — с подменной поросят на Сухаревском рынке. Покупает человек поросёнка, а ему так забьют голову, что успевают подменить мешок таким же самым, но с собакой. Этот момент настолько комичен, что его следует тоже показать. Или обманывают с деньгами, всовывая совсем не те.

Возьмите случай с подкидкой денег. Просто подбрасывают свёрток, из которого торчит немного денег, неопытному человеку и говоришь: «Бог послал». На бога они все клюют... Воображает, что домой придёт с червонцами, а не знает, что мы у него последний грош отберём. Один раз мы с Макаренко (воспитанник коммуны. — *Ред.*) так делали: завели одного, делаем обыск, снимаем холщовую сумку с шеи, а там 130 штук серебряных полтинников советской чеканки. И Макаренко умудрился заменить деньги — булыжником, в то время как я «баки заколачивал» человеку. Отобрали у него деньги, Макаренко побежал, а я слабее его, на трамвай сел, и мне хотелось поглядеть, как он придёт к землякам и все в один голос согласятся, что ему «отвели глаза».

ЧЕКМАЗОВ. С часами связаны проделки беспризорных. Они подходят на рынке к вновь появившейся торговке, например, с мануфактурой и начинают плакаться, что часы не идут, хотя стрелки движутся. Чтобы убедиться, женщина прижимает их к уху, беспризорник нарочно отворачивает ей голову и крепко её сжимает, в то время как другие ребята забирают у неё товар с лотка.

РУДНЕВ. Не задели вопросов мошенничества. Ведь были случаи, когда люди симулировали, привязывали руку или ногу и этим много зарабатывали.

ДОРЕР. {Интересные были случаи с кимряками, когда у них умудрялись отобрать не только корзины с обувью, но и те пять-шесть пар, которые висели на руке. Делалось это так, что один держит и даёт чувствовать тяжесть, а другой стриждёт. Потом, когда ребята убегают, человек начинал искать на земле, вокруг себя эту обувь, потому что чувство тяжести сразу терялось.}

РАБКОВ. Я не слушал сценария, но постараюсь остановиться на Звенигородском периоде и осветить то, что есть в памяти. Правда, если ещё этим вопросом заняться, то я бы мог вспомнить и больше. Прежде всего надо отметить вопрос неверия ребят в возможность построения Коммуны, и, главным образом, первое время, взрослые ребята не верили в это дело. Считали Звенигородский монастырь своего рода пересылкой, откуда будут посылать их дальше. Отсюда и те последствия: ребята между собой все были «своими», инструктора и руководители ими не считались за людей, почему они не хотели с нами разговаривать, а больше придерживались своего жаргона. В разъяснении значения Коммуны немалую роль сыграли члены Коммуны № 1. Впоследствии экскурсия ребят в количестве 18 человек ездила в Болшево, видели тамошнюю жизнь, приехали и об этом рассказали общему собранию. После этого был резкий перелом в сторону улучшения состояния Коммуны, в сторону поворота ребят к перевоспитанию.

Особым злом в Коммуне была картёжная игра, доходившая до больших размеров. Когда же картёжная игра стала преследоваться, изобрели другую игру: «Тише едешь — дальше будешь». Правда, её ребята особенно отвоёвывали на собраниях, указывая, что она не азартная, только препровождение времени, но потом оказалось, что в ней процветали проигрыши сапог, коек, одеял и прочего обмундирования.

Сильно преследовали лягавых (доносчиков. — *Ред.*). Особенно первое время.

Я помню, в первом корпусе избили одного парнишку только за подозрение, что он слягавил, хотя, на самом деле, он ничего не сделал.

Значительный перелом начался с момента поездки в Болшево, с момента, когда влилась с воли группа ребят, причём в первом приёме были соловчане: Загорский, Александров, Монахов.

Интересно отметить первое впечатление Коммуны на деревню. Когда только приехала Коммуна в Звенигород, то деревня вся была закрыта на замки. А потом произошёл резкий перелом, когда Коммуна стала дисциплинированнее, началась культурная работа, что уже связало деревню с Коммуной.

{Нужно ещё отметить, что в первое время производилась ежедневная проверка — не по фамилиям, а по количеству людей, и на каждый день цифры расходились на 10-15-20 человек. Это зависело от того, что ребята не спали на постелях: их можно было найти в холодном сарае, хотя они могли спать в тёплом помещении, можно было найти под кроватью, в печке, в парадном, но не в своих постелях.}

Одной из шуток, которая особенно практиковалась в то время у ребят, правда, варварских шуток, было следующее: в ночное время вставляли между пальцами бумажку и зажигали. Из-за этого было несколько пожаров.

Для того чтобы играть в карты и делать их, нужна была бумага. Для этой цели была разгромлена монастырская библиотека.

Не совсем справедливо здесь сказали о выстреле в парня. Он был из моего корпуса и, действительно, они осаждали часовых, несмотря на то, что перед этим на общем собрании стоял вопрос о том, как нужно относиться к охране. С этой целью были созваны собрания, вопрос разъяснялся. Но ребята решили проверить правильность решения общего собрания и пошли, не слушая часового. Тот дал первый выстрел в воздух, а вторым ранил парнишку. Вылечился он не в 4 месяца, а в 2 недели. Нужно отметить и честность ребят, которая начала у них пробуждаться, например, Касаткин был однажды послан в квартиру, где на столе в открытой комнате лежало 200 рублей, а деньги были казённые. Он их взял, принёс и сказал, что в открытой комнате нельзя оставлять деньги, возьми и убери. Нужно остановиться ещё на небольшом, но характерном моменте: если в столовую шли так, что ломали окна, потому что не хотелось стоять в очереди, то наоборот в баню приходилось водить самым насильственным образом. Избежать её старались всячески.

Зарождение культурно-массовой работы началось с украшения собственных корпусов, ребята старались приводить в культурный вид свои общежития. В то время сильно практиковалась зелень, а от неё начали украшать и плакатами. Массовые прогулки начались с групп 10–15 человек, а через две недели вся Коммуна в составе 500 человек в строю ходила Звенигород, на что с большим удивлением смотрели окружающие.

Приложение

ГРИГОРЬЕВ. Надо отметить, как беспризорные сменили конвой в коммуна, затем беседы инструкторов с ребятами по корпусам. Как приучали ребят спать на кровати. Первый спектакль и первый приход деревенских девушек к нам. Как Женька украл деньги, присланные ребятам, и потом сам же их вернул.

Вспомните случай, когда ехала вторая партия сюда и два братца Хлыниных встретили в Москве на Тверской свою тётку — торговку газетами, как она их тянула к себе обратно, уговаривала опять газетами торговать, на что ребята всячески упирались и кричали, что их в Коммуне котлетами кормят, учат и они квалификацию приобретут. Ребята так и остались в Коммуне.

ФИЛИППОВА. По-моему, очень бледно отражено участие женщин. Тут начинается в первой и во второй сцене, когда они участвуют у котла. По-моему, нужно дать ярче и больше количества примеров.

Ведь у каждого или у большинства имелась семья: интересно отразить, какое было отношение к быту и семье, конечно и к женщине, у преступников, вне Коммуны и в Коммуне.

КРАЛИН. Если говорить о школе, то надо сказать, что ею была улица. И где бы я не был потом, во многих тюрьмах я очень много встречал ребят, которые в Германскую войну торговали газетами, это была своеобразная школа преступности, это был почти верный путь попасть в уголовный мир. И сейчас много ребят, как в первой, так и во второй Коммуне, помнят, что начинали свою «карьеру» с торговли газетами. Я и сам так начал.

Стенографистка З. Марченко
15/V-32.

Записки, поданные к стенограмме от 14/5-32 года.

1) Е.П. Яркий пример это Малышка, через кокаин пошёл воровать.

2) Интересен факт одного члена Коммуны, это было так: он был монтером, проводил проводку в складе горючего материала, работал с паяльной лампой. От этой лампы у него вспыхнула спецовка, пламя охватило его, он, не обращая внимания на то, что горит, выкинул лампу из склада и сам побежал к пруду, но добежать не мог, к нему подбежали ребята, так и тут, горя всё в огне, он кричал. Ребята бегут в склад — там горит. Этот факт может ярко показать самоотверженность человека за коммуны. /Грибов/

ИЛЛЮСТРАЦИИ

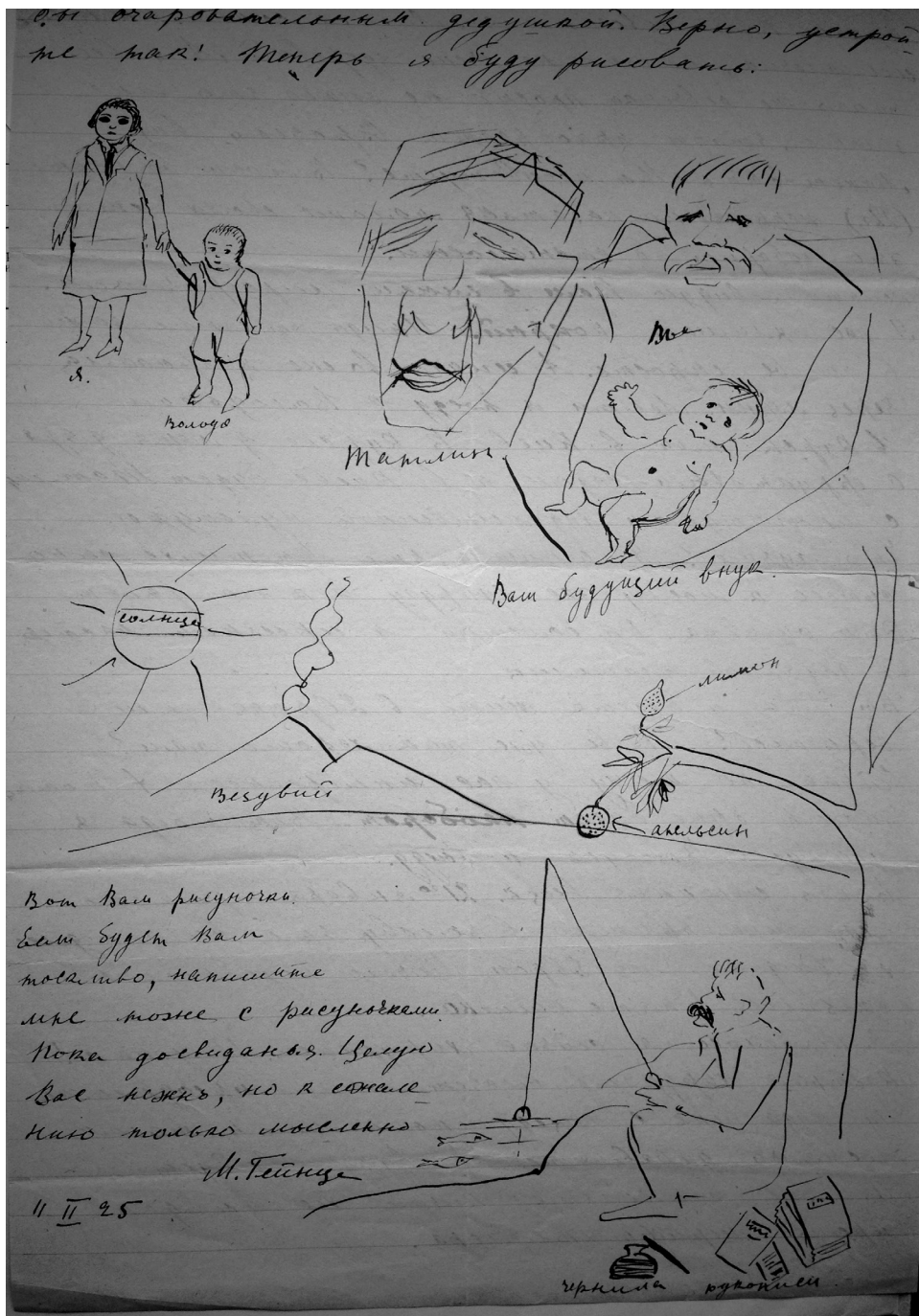


П.П. Рутенберг



Е.П. Пешкова с сыном Максимом,
дочерью Катей и Л.Н. Гейнце с дочерью Марусей на отдыхе

ИЛЛЮСТРАЦИИ



Рисунки М.А. Гейнце
в письме Горькому

ИЛЛЮСТРАЦИИ



Мемориальная доска на доме, где жил М. Горький в 1919–1921 гг.
(Санкт-Петербург, Кронверкский проспект, д. 23)



О.М. Коцюбинская

ИЛЛЮСТРАЦИИ



П.П. Крючков, М. Горький и Н.И. Бухарин



М. Горький и Н.И. Бухарин в Москве на Белорусском вокзале в 1928 г.

ИЛЛЮСТРАЦИИ



К.Е. Ворошилов, И.В. Сталин, П.П. Постышев, Г.К. Орджоникидзе



Г.Г. Ягода, М. Горький, М.С. Погребинский

ИЛЛЮСТРАЦИИ



Обложка романа М. Гольдшмита «Еврей»
(издательство «Парус»)

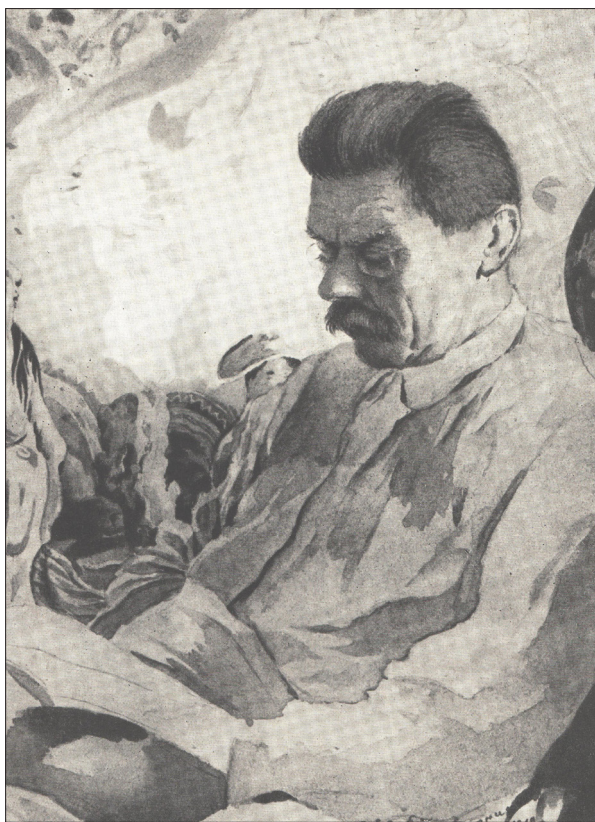


А.К. Виноградов

ИЛЛЮСТРАЦИИ



Обложка романа Стендаля «Красное и чёрное»
(серия «История молодого человека XIX столетия»)



Портрет М. Горького. С.В. Чехонин

ИЛЛЮСТРАЦИИ



«Пять Будд». Шуточная фотография.

М. Горький, Ю.А. Желябужский, З.А. Пешков, Л.Б. Красин, А.Н. Тихонов. 1908–1910, Капри



А.Н. Тихонов, И. Альтман, М. Малаховская

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН*

- Абрамский И. 28, 41, 53
Авербах И.Л. 366
Авербах Л.Л. 223, 225, 366
Авксентьев Н.Д. 22, 23
Аврамов (Абрамов) Р.П. 18, 106
Авсаркисов М.П. 59
Агабеков Г.С. 52
Агапов Б.Н. 194
Агатов В. 182
Агафонов В.К. 33, 34, 46, 47
Азеф Е.Ф. 13, 14, 16, 17, 19, 20, 44, 46, 47
Айзенберг, комиссар партизанского отряда 204, 217
Алданов (Ландау) М.А. 259, 260
Александров Г.Ф. 227
Алексинский Г.А. 145, 247, 250, 271, 278
Алерамо С. (Рина Фаччо) 33, 34, 46
Амфитеатров А.В. 106, 230–232, 277, 331, 340, 355
Андерсен Х.К. 267
Андреев Л.Н. 17–19, 24, 30, 264
Андреева М.Ф. 13, 17, 19, 20, 22, 25, 26, 48, 51, 56, 57, 59, 67, 70, 71, 73, 93, 95, 104, 106, 113, 120, 141, 184, 239, 263, 275
Аничков Н.Н. 86, 99
Анненков Ю.П. 270, 271, 277
Анненский Н.Ф. 13
Аргунов А. 17
Аренс А.Е. 258
- Ариас-Вихиль М.А.* 164
Арманд И.Ф. 251
Арнштам А.М. 245
Арский Р. см. Радзишевский А.Т.
Арцыбашев М.П. 285, 287, 288, 309
- Бабель** И.Э. 102, 107, 259
Базаров (Руднев) В.А. 107, 235, 246, 249, 251, 252, 327
Бакунин М.А. 208, 222, 330
Бальзак О. де 282, 288, 295, 297, 301, 315, 323
Бальмонт К.Д. 107, 109, 267
Баратынский Е.А. 308
Барбюс А. 368
Баррес М. 311, 312
Барри Дж. 262
Бедный Д. (Придворов Е.А.) 148, 159
Безыменский А.И. 159
Бейлинсон М. 51
Бейслехем Р.Г. 103, 104
Белинский В.Г. 330
Белуха Е.Д. 245
Белый А. 96
Белых Г.Г. 365
Бенуа А.Н. 91, 108, 118, 267, 269–271, 280
Бенуа В.Л. 13
Берберова Н.Н. 57, 70, 73
Бердяев Н.А. 85, 98, 329, 354

* Курсивом отмечены фамилии современных исследователей

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Беркенгейм А.М. 23
 Берман Я.Л. 227
 Бернацкий М.В. 264
 Благовещенская М.П. 262
 Бланк Р.М. 327
 Блок А.А. 70, 89, 96, 102, 108, 120, 252, 253,
 257–259, 267, 276, 278, 279, 329
 Блюхер В.К. 228
 Богданов (Малиновский) А.А. 107, 144, 145, 164,
 239, 240, 246, 248, 251, 278, 327
 Боголюбов С.П. 47
 Богородский Ф.С. 25
 Богословский С.П. 367
 Богуславская К.Л. 271
 Бойко-Павлов Д.П. 199, 200, 204, 206
 Болотников И. 341
 Борхардт Ю. 180
Бочарова И.А. 55–100
 Бреев В.И. 330, 344
 Брежнев Ю.А. 245
 Брик О.М. 108, 263, 276
 Бройде В.С. 392
 Бройде С.О. 392
 Брюсов В.Я. 102, 258, 265, 266, 269, 271, 273, 329
 Бубнов А.С. 197, 227
 Будберг (урожд. Закревская, по мужу Бенкен-
 дорф) М.И. 26, 28, 53, 54, 56, 60, 70, 74, 77, 92,
 93, 104, 114,
 Булгаков-Бельский, командующий армией 198,
 199
 Булгаков С.Н. 256
 Бульвер-Литтон Э.Дж. 282, 285, 293–295, 297, 301,
 306, 309, 310, 319, 323
 Бунин И.А. 102, 107, 241, 253, 258, 274, 338, 339,
 340, 342, 356
 Буренин Н.Е. 15, 107
 Бурже П. 281, 284, 285, 287, 288, 290, 294–297, 301,
 306, 309, 313, 315, 316, 319, 320, 322
 Бурцев В.Л. 20, 22, 36, 44, 45, 49
 Буткевич К.Ю. 148, 163
 Бухарин Н.И. 143–195
Быстрова О.В. 8, 196–228, 327
 Быстрянский В.А. 227
 Бялик Х.Н. 53, 108, 268
- Вазари Дж.** 269, 274
 Валера Х. 282, 297, 301, 319, 323
 Валес Ж. 315
 Вардин Ил. (Мгеладзе И.В.) 152
 Варыньский Л. 317
 Вележев С.Г. 204, 216
 Вельтман М.Л. *см.* Павлович М.
 Венгров Н. (Вейнгрот М.П.) 109, 258, 271
 Вертинский А.Н. 182
 Вертов Д. 368, 378
 Верхарн Э. 269
 Вилли (Вилли К.) *см.* Коллет С.-Г.
 Вильбушевич-Шохат М. 24
 Виноградов А.К. 281, 286, 291–313, 315–320,
 323–325
 Виньи А. де 282
 Витберг Ф.А. 285
 Витте С.Ю. 16
 Владимиров Л. 273
 Волгин В.П. 175, 190, 250
 Волгин К. 259
 Волков В.И. 260
 Волошин М.А. 329
 Вольный (Вольнов) И.Е. 253, 259, 260
 Вольский Станислав (Соколов А.В.) 110, 248
 Воронский А.К. 151, 183, 295
 Ворошилов К.Е. 159, 227
 Выгодский Д.И. 258
 Высоцкий А.Л. 259
 Вышинский А.Я. 366, 392
 Вяземский П.А. 303
 Вяткин Г.А. 259, 260
- Габрилович Е.И. 225
 Гамарник Я.Б. 227
 Ганецкий Я.С. 216
 Гапон Г.А. 8, 12–18, 20, 22, 25, 30, 44, 45, 47, 49, 50
 Гарди Т. 309
 Гарин Н.Г. 13
 Гартман Э. фон 307
 Гейнце А.К. 55, 56, 100, 110
 Гейнце Е.А. 55, 74, 91

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Гейнце Л.Н. 56, 91
 Гейнце М.А. 9, 55–110, 125
 Генкина Э.Б. 227
 Герасимов А.В. 13, 16, 30
 Герасимов М.П. 252, 258, 259
 Герман Э.Я. 258, 259
 Герцен А.И. 308, 330
 Гёте И. В. фон 282, 287, 297, 301, 319, 320, 323
 Гиерон Сиракузский 156
 Гизо Ф. 291
 Гинцбург Д.Г. 28, 44, 54
 Гладков Ф.В. 201, 218, 259, 260
Гладыш С.Д. 361, 391, 394
 Глазберг Н.Б. 245
 Гнесин Г.Ф. 259
 Гоголь Н.В. 46, 47, 72
 Гогуа И.К. 70, 73, 74
 Голова Е. 223
 Головачев, участник партизанского движения на Дальнем Востоке 204, 217
 Голомб Э.Г. 306, 322
Голубева О.Д. 244, 245, 259, 277, 278
 Гольдберг И.Г. 198
 Гольдшмидт М. 245, 262, 268, 273
 Гончаров И.А. 341
 Гораций 190
 Гордон Б.А. 245
 Гордон Н.А. 245
 Городецкий Е.Н. 227
 Горянский (Иванов) В.И. 258, 267
 Гребенщиков Г.Д. 253, 258
 Гречанинов А.Т. 267
 Гржебин З.И. 93, 111, 120, 127, 181, 182, 230, 259, 263–265, 270, 280
 Гронский И.М. 157, 158, 164
 Груббе (Грубе) Э.К. 245
 Груздев И.А. 293, 294, 324, 375
 Грушевский М.С. 334
 Грэхем С. 352
 Губер С. 258
 Гумилев Н.С. 59, 111, 329
 Гурмон Р. де 263
 Гюго В. 282, 301, 316
- Гюисманс Ж.-К. 288
- Далин (Левин) Д.Ю. 167, 182
 Даманская А.Ф. 262
 Дан (Гурвич) Ф.И. 167, 182
 Данилевский Н.Я. 329
 Дарвин Ч.Р. 268
 Деборин А.М. 192
 Деев-Хомяковский Г.Д. 20
 Дейч А.И. 304, 306, 322, 324
Дёмкина С.М. 322
 Десницкий-Строев В.А. 22, 112
 Дефо Д. 268
 Дзержинский Ф.Э. 112, 210, 224, 358–360, 368, 381, 394
 Дидерихс (Дидерикс) А.Р. 77, 83, 85, 86, 92, 97, 99, 101
 Дикгоф-Деренталь А.А. 16
 Диккенс Ч. 288, 306
 Диманштейн С.М. 277
 Диоклетиан 156
 Добролюбов Н.А. 330
 Добронравов Л.М. 253–256, 279
 Доброскок (Золотые очки) Н. 13
 Добужинский М.В. 245, 267, 271
 Додэ А. 311
 Долецкий Я.Г. 227
 Достоевский Ф.М. 287, 315, 330, 346
 Драгоманов М.П. 202, 208, 221, 222, 223
 Драгоманов С.М. 208, 221
Дубинская-Джалилова Т.И. 164, 250, 251, 278, 279, 323
 Дубнова-Эрлих С.С. 258, 263, 271, 275, 280
 Дудкин, член редколлегии 218
 Дюма А. 164, 173, 185, 188
- Ежов (Беляев) И.С. 297, 298, 321
 Ермилов В.В. 225
 Есенин С.А. 110, 258
- Ж**аров А.А. 159
 Жаров М.И. 370–372, 396
 Жданов А.А. 227

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Желябужский Ю.А. 19, 25, 113, 263, 274
 Житловский Х.И. 21
 Жихарева К.М. 262, 271
 Жорес Ж. 14
 Журавская З.Н. 271, 277
- Заика С.В.** 164, 232, 235, 278
 Замирайло В.Д. 113, 267, 271
 Замиралов А.М. 259
 Замятин Е.И. 113, 253, 258
 Засимук, участник партизанского движения на Дальнем Востоке 204, 217
 Заславский Д. 222
 Затонский В.П. 208, 222
 Зиновьев (Радомысльский) Г.Е. 113, 114, 117, 149, 160, 164, 183, 184, 197, 250, 251, 272, 273
 Зозуля Е.Д. 306, 322
 Золотарев А.А. 113, 114, 333, 343, 355
 Золотаревский А.С. 202, 211, 212, 225, 226
 Золя Э. 288
 Зорин (Гомбарг) С.С. 114, 148
- И.В. см.** Сталин И.В.
 Иванов В.И. *см.* Горянский В.И.
 Иванов Вс.Вяч. 102, 103, 105, 114, 194
 Иванов Вяч.И. 70, 114
 Иванов-Разумник Р.В. 114, 279
 Ионов (Бернштейн) И. И. 114, 298–302, 321
 Иорданская М.К. 18, 19
 Иосиф Виссарионович *см.* Сталин И.В.
 Ирещкий (Гликман) В.Я. 259
- Кавтарадзе С.И.** 182
 Каганович Л.М. 159
 Калмыкова А.М. 264, 266
 Камегулов А.Д. 186
 Каменев (Розенфельд) Л.Б. 144, 154, 159, 164, 300, 302, 307, 324, 325
 Каменский В.С. 285, 321, 323
 Каменский В.М. 237, 238, 241, 242
 Канделаки Н.В. 343
 Кандиевич Ф.А. 216
 Кант И. 276, 307
- Канцельсон И.Б. 39, 40, 51, 52
 Каратыгин В.Г. 267
 Карлейль Т. 306
 Карпов П.И. 256–258, 279
 Карташов А.В. 264
 Касаткин И.М. 152
 Катанян Р.П. 358, 394
 Каутский К. 251, 252, 276
 Кемеровский М.А. 226
 Керенский А.Ф. 21, 51, 107, 291
 Киров С.М. 159, 227
 Кисин М. 259
 Кислицын С.И. 191
 Кишкин Н.М. 21, 22
 Клемансо Ж. 14, 23
 Клыков Н.Н. 177, 192
 Ключевский В.О. 330, 331, 355
Ковалева Н. 185
 Коллет С.-Г. 263, 269, 273
 Коллонтай А.М. 68, 69, 74
 Кольцов М.Е. 298, 299, 302–306, 310, 311, 322, 324, 382, 383, 396
 Комаровский А.Н. 226
 Кон Ф.Я. 309, 316–320, 325
 Коновалов А.И. 116, 245
 Констан Б. 281, 297, 300, 302, 303, 307, 315, 322
 Корабельников Г.М. 178, 193, 194
 Корин А.Д. 192
 Корин П.Д. 177, 192
 Корнев В. 365, 395
 Коробка Н.И. 264
 Короленко В.Г. 60, 164, 181, 334, 335, 340–342, 348, 354
 Косиор С.В. 207, 221
 Косман Я.Н. 218
 Коссиор *см.* Косиор С.В.
 Костомаров Н.И. 208, 222
 Коцюбинская И.М. 132, 140–142
 Коцюбинская О.М. 9, 130–142
 Коцюбинский М.М. 9, 130–134, 136, 141, 327, 333, 334, 337
 Коцюбинский Ю.М. 133, 141
 Коэн С. 53, 151, 156, 164, 189

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Красин Л.Б. 13, 26, 50, 110, 115, 363
 Крестовский В.В. 308
 Крицман Л.Н. 227
 Кроль Л.А. 30
 Кромвель О. 291
 Кропоткин П.А. 14
 Крупская Н.К. 15, 30, 216, 252, 276, 358, 394
 Крыленко Н.В. 227
 Крючков П.П. 56, 70, 99, 104, 146, 150, 160, 172, 174, 188, 210, 221, 224, 293, 296, 298, 299, 303, 306, 307, 309, 310, 318, 320, 324, 325, 365, 372, 373
 Кубанин М.И. 227
 Кудашева-Роллан М.П. 228
 Кудрявский Д.Н. 271, 277
 Кулешов Л.В. 368
 Кулишева (Розенштейн, Макаревич) А.М. 33, 34, 46, 47
 Кумов Р.П. 259–261, 279
 Куняев А.Н. 56, 58, 76, 91, 92
 Куприн А.И. 116, 267, 326
 Купчиха см. Ходасевич В.М.
 Курс А.Л. 187
 Кускова Е.Д. 59, 252
 Кущевский И.А. 259
 Кырла Й. 370, 371
 Кюи Ц.А. 267
 Какшт В.Л. 64, 78, 84, 93, 95, 98
 Какшт Е.Г. 64, 84, 93, 95, 98
- Лаврецкий А. (Френкель И. М.)* 283, 323
 Ладыжников И.П. 17–19, 45, 48, 60, 94, 95, 97, 99, 117, 180, 230, 233, 239, 241, 243, 245, 263, 275, 276
 Ладыжникова Е.И. 71, 117
 Ламартин А. де 316
 Ларин Ю. 272
 Ласковая Ф.Г. 259
Латухина Л. 217
Латышев А.Г. 179
 Лебедев В.В. 117, 271
 Лебедев, участник партизанского движения на Дальнем Востоке 204, 217
 Лебедихин М.М. 199
- Лёвберг М.Е. 118
 Левидов (Левит) М.Ю. 118, 254–256, 279
 Левин К.Я. 183
 Левинсон А.А. 243
 Левковская П. 27
 Лелевич (Кальмансон) Л.Г. 152
 Ленин (Ульянов) В.И. 14, 15, 22, 30, 54, 57–59, 61, 67, 68, 73, 94–97, 118, 143–146, 148, 149, 160, 163, 164, 179–183, 185, 201–203, 206, 210, 223, 240, 241, 246–248, 250–252, 276, 278, 280, 292, 330, 333–336, 355, 356, 358, 367, 378, 385, 391, 397
 Леонов Л.М. 296
 Леопарди Д. 298
 Лепковский Ю.И. 243
 Лермонтов М.Ю. 281, 290, 293, 295, 298, 300, 304–306, 308, 309, 322, 325, 383
 Лесков Н.С. 341, 354
 Либединский Ю.Н. 186
 Ликиардопуло М.Ф. 262
 Линдгейм И. 24
Литтак Т. 366, 395
 Ллойд-Джордж Д. 86, 99
 Лозовский А. 250, 272, 273
 Ломброзо Ч. 363
 Лондон Дж. 262, 268
 Луис (Люис) П. 263
 Луначарский А.В. 14, 30, 58, 63, 118, 133, 145, 216, 248, 249, 272, 273, 276, 327, 385, 394
 Лурье М.З. см. Ларин Ю.
Лурье Ф.М. 30
 Львов-Рогачевский В.Л. 330
 Любавина Н.И. 271
 Любченко А.А. 2188
 Лядов А.К. 267
 Лядова (Мандельштам) Л.П. 248, 249
 Ляцкий Е.А. 232, 233, 235, 244, 278
- Магнес** Е. 24, 44, 54
 Макаренко А.С. 196, 210, 224, 225, 359, 365–367, 391
 Максимов А.А. 86, 889, 98, 99
 Макушев В.В. 331
 Малевич К.С. 65, 67, 119

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Мандельштам Л.П. *см.* Лядова Л.П.
 Мандельштам О.Э. 120, 151
 Мануильский Д.З. 227
 Манухин И.И. 22, 96, 119
 Манухина Т.И. 119, 259
 Маркс К. 107, 158, 171, 176, 191, 192, 201, 276, 333
 Мартов Л. (Цедербаум Ю.О.) 147, 167, 181, 182, 240, 245, 252, 276, 278
 Мартынов (Пиккер) А.С. 167, 182
 Мартынов Н.С. 383, 384, 401
 Маршал Г. 271
 Масанов И.Ф. 245, 278
Матевосян Е.Р. 224
 Маяковский В.В. 69, 70, 96, 102, 108, 114, 120, 159, 258, 259, 263, 263, 265, 279
 Мдивани П.Г. 182
 Меерзон И.А. 64
 Мейерхольд В.Э. 50, 111, 123
 Мейзель-Хесс Г. 69
 Мелихов Ф.Г. 359
 Мельников Б.Н. 204, 217
 Менделеев Д.И. 83, 96
 Мережковский Д.С. 111, 119, 120, 329, 351, 352, 356
 Мериме П. 291, 293
 Местр Ж. де 308
 Мехлис Л.З. 193, 194, 290
 Мечников И.Н. 77, 93, 120
 Мешков Н.В. 237, 241
 Микитенко И.К. 218
 Милль П. 263, 265
 Милютин В.П. 89, 100, 227
 Минин К. 341
 Минц И.И. 199, 206, 207, 212, 213, 219–221, 226–228
 Мирбо О. 288, 289
 Миролюбов В.С. 231, 232, 237, 239, 258
 Митрохин Д.И. 267
 Мицкевич А.Б. 307, 317, 320
 Молекула *см.* Гейнце М.А.
 Молотов В.М. 96, 227
 Мопассан Г. де 287, 309
 Моравская М.Л. 258, 267, 271
 Морозов С.Т. 13, 14, 289, 406
 Мстиславский (Масловский) С.Д. 50
 Муравьев Н.К. 243–245, 278
Муратова К.Д. 232, 277, 278, 327, 328, 340, 341, 347, 349, 355
 Мурун Ю. 164
 Муссолини Б. 25
 Мюссе А. де 281, 284, 285, 294, 295, 297, 300, 302, 308, 309, 319, 320, 322, 325
Нансен Ф. 268
 Наполеон Бонапарт 312
 Нарбут Г.И. 267, 271
 Натансон М.А. 16, 45, 47
 Некрасов Н.А. 348
 Некрасов Н.В. 264
 Нивинский И.И. 245
 Никандров (Шевцов) Н.Н. 258
Никё М. 328
Никитин Е.Н. 9, 230–280
 Никифорова Л.А. 338, 342
 Николаев М.К. 65, 72, 121
 Николаевский Б.И. 121, 147, 181
 Николай I 124, 308
 Николай II 132
 Никулин Л.В. 292
 Ницше Ф. 288
 Новиков Н.И. 308
 Новодворский (псевд. Осипович) А.О. 282, 301
 Новосёлов А.Е. 259, 260
 Нонин С.М. 274
 Нурок А.П. 267
Овсянко-Куликовский Д.Н. 264, 344, 346, 356
 Огарёв Н.П. 208, 222, 259
 Одоевский В.Ф. 308
 Олеша Ю.К. 389
 Ольденбург С.Ф. 58, 60, 121
 Орджоникидзе Г.К. 182
 Орлов Е. 223
 Осипович-Новодворский А.О. *см.* Новодворский А.О.
 Оствальд В. 57

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Павлов И.П.** 58, 62, 84, 86, 92, 96, 98, 150, 151, 164, 179, 195
Павлов-Бойко см. Бойко-Павлов Д.П.
Павлович (Вельтман) М.П. 273, 275, 277
Пальме У. 14
Пальчинский П.И. 21, 45
Панина С.В. 243
Пантелеев Л. (Еремеев А.И.) 365
Панч П. 223
Пастернак Б.Л. 158, 159
Пасынков Л.П. 258–260, 279
Певин П.И. 232, 233, 236
Перро Ш. 267
Петровская Н.И. 70
Пешков М.А. 28, 54, 57, 59, 75, 87, 91, 95, 160, 180, 382
Пешкова Е.П. 15, 26, 28, 48, 51–53, 55, 56, 58, 59, 61, 64, 65, 70–74, 91, 93–95, 99, 121, 141, 150, 184, 264, 336, 392, 393, 397
Пешкова Н.А. 103, 180, 382
Пинкевич А.П. 122, 267, 268
Писарев Д.И. 252
Плетнев Д.Д. 160
Плеханов Г.В. 15, 250
***Плотникова А.Г.** 9, 357–397*
Пнин И.П. 308
Погодин А.Н. 375
Погребинская А.Б. 387
Погребинский М.С. 357, 359, 360, 367, 371, 373–375, 381, 385–388, 390, 391, 394, 396
Покровский М.Н. 151, 216, 251, 266, 272, 273, 277, 280, 322, 330
Полежаев А.И. 308
Помяловский Н.Г. 281, 295, 297, 298, 301, 305, 308, 323
Попов Б.П. 271
Попов Н.Н. 201, 202, 205, 208, 218, 223
Поспелов П.Н. 227
Постышев П.П. 7, 8, 196–228
Потапчик Н. 209, 223
Потресов А.Н. 240, 278
Правдухин В.П. 321, 359
Примаков В.М. 131, 133, 134, 140, 141
***Примочкина Н.Н.** 8, 143–195, 344, 353, 36, 397, 394*
Присяжнюк Н.А. 133
Пришвин М.М. 122, 253, 258, 269
Прокопович С.Н. 59
Проскуряков В.М. 296
Протопопов А.Д. 240
Пугачев Е.И. 341, 342
Пудовкин В.И. 368
Пуни И.А. 271
Пунин Н.Н. 59, 63, 66, 67, 74
Пушибышевский С.Ф. 285
Пятницкий К.П. 18, 19, 48, 122, 236, 237, 239, 242, 248, 250
Пятницкий О.А. 227
Радаков А.А. 267, 271
Радек (Собельсон) К.Б. 146, 147, 158, 227
Радзишевский А.Т. 250, 278
Радишев А.Н. 308
***Раевская-Хьюз О.** 181*
Разгон И.М. 227
Разин С.Т. 326, 342
Ракицкий (Ракитский) И.Н. 9, 56, 57, 62, 68, 83, 85, 97, 101–105, 123
Раскольников Ф.Ф. 227
Рачковский П.И. 16, 17, 20
Рейхберг Г.Е. 214, 228
Ре-ми см. Ремизов Н.В.
Ремизов А.М. 86, 99, 267
Ремизов Н.В. 270, 271
Репин И.Е. 127, 271, 341
Рёскин Д. 306
Решетняк К. 223
***Ржевская Н.** 164*
Рид Дж. 21, 30
Род Э. 309, 322
Родов С.А. 152
Розанов В.В. 96, 123
Розанов В.Н. 180
Розен Р.Р. 280
Роллан Р. 55, 68, 97, 102, 148, 159, 160, 164, 214, 228, 262, 268, 320, 349, 356, 367
Роллан-Кудашева М.П. см. Кудашева-Роллан

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- М.П.
- Ромась М.А. 181
- Роом А.М. 357, 368, 375, 376, 388, 389, 396, 397
- Ротшильд Дж. 23, 80, 94
- Ротштейн Ф.А. 272
- Рунова О.П. 338
- Руссо Ж.-Ж. 287
- Рутенберг А.П. 7, 26, 39, 40, 51, 52, 54
- Рутенберг В.П. 26, 27, 48, 54
- Рутенберг Е.П. 26–28, 39, 40, 42, 43, 51, 52
- Рутенберг Н. 52
- Рутенберг П.М. (Мартын, Василий Фёдорович) 7, 8, 12–54
- Рыков А.И. 22, 59, 145, 147, 149, 150, 153, 154, 156, 157, 160, 187, 188, 190
- Рылеев К.Ф. 308
- Савинков Б.В. 16, 17, 20, 30, 45–47, 49, 288
- Салтанов С.А. 289, 323
- Санд Ж. (Дюпен А.) 308, 319
- Саянов В.М. 186
- Сегюр Л.Ф. 331
- Сейфуллина Л.Н. 321, 359
- Семашкина М.А.* 130–142, 164, 331, 332, 355
- Семашко Н.А. 216
- Семевский В.И. 264
- Семеновский Д.Н. 258, 259
- Семенов-Тянь-Шанский А.П. 190
- Сенкевич Г. 281, 285, 290, 294, 295, 297, 301, 306, 309, 310, 316–320, 323, 325
- Сергий Радонежский Св. 378, 396
- Скворцов-Степанов И.И. 186, 235, 275
- Скопин Н. *см.* Зиновьев Г.Е.
- Скотт В. 268, 271, 277
- Скрипник Н.А. 210, 225
- Слепцов В.А. 281, 295, 297, 301, 305, 323
- Слинькин И.В. 204, 217
- Смилга И.Т. 146, 163
- Смирнова Л.Н.* 324
- Совский Н. *см.* Урицкий М.С.
- Соколов А.В. *см.* Вольский Станислав
- Соколов-Микитов И.С. 258, 279
- Соловей *см.* Ракицкий И.Н.
- Соловьев В.С. 328–330, 352, 355
- Соловьев С.М. 330, 331
- Сологуб (Тетерников) Ф.К. 252, 264
- Сорокин А.Е. 226
- Соскин Л.М.* 245, 278
- Стиридонова Л.А.* 7, 12–54, 73, 96, 163, 164, 224, 278, 328, 331, 334, 343, 355, 356, 363, 364, 366, 385, 395, 396
- Сталин И.В. 104, 124, 125, 144, 145, 153–155, 157–162, 164, 187, 188, 197, 203, 210, 211, 226, 227, 282, 290, 299, 300, 320, 321, 330, 365
- Стендаль Ф. (Бейль А.-М.) 281, 285, 287, 290, 292, 293, 295–297, 300, 303, 306, 307, 309, 322
- Степан Тимофеевич *см.* Разин С.Т.
- Степанов Ю.С.* 347
- Степун Ф.А. 85, 98
- Стецкий А.И. 193, 194, 227
- Стойков 178, 194
- Столпер А.Б. 370
- Струве П.Б. 333
- Струц В.Н. 212, 226
- Суворов С.А. 249
- Судейкин С.Ю. 267
- Суматохина Л.В.* 9, 281–325, 397
- Сургучёв И.С. 47
- Суханов Н.Н. 124, 184, 236, 246, 251, 252, 275, 278
- Суханова (Флаксерман) Г.К. 124, 184, 246, 252
- Сухомлинов В.А. 22
- Сухотин П.С. 258
- Сытин И.Д. 46, 125, 237, 239, 241–243, 245, 246, 278
- Сьерра М. 262
- Сю Э. 308
- Таль Б.М. 227
- Таманин Т.И. *см.* Манухина Т.И.
- Тасин (Каган) Н.Я. 262
- Татаров Н.Ю. 13, 44
- Татлин В.Е. 9, 63–68, 71–74, 87, 95, 100, 125
- Терещенко А.В. 22
- Тимирязев К.А. 102, 268, 269, 274
- Типограф М.Г. 371
- Титка *см.* Будберг М.И.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Тихвинский М.М. 58, 59, 62, 126
 Тихон, патриарх (Белавин В.И.) 122, 148, 163, 179
 Тихонов А.Н. 48, 70, 120, 126, 128, 230, 235, 241–246, 254, 271, 276, 298, 300, 392
 Тихонов Н.С. 158
Тихонова З. 163, 164
 Товстуха И.П. 227
 Толстой А.Н. 129, 231, 271, 392
 Толстой Д.И. 264
 Толстой И.И. 264
 Толстой Л.Н. 46, 47, 70, 96, 165, 256, 262, 279, 330, 332–336, 339, 340, 342, 348
 Томский М.П. 145, 153, 154, 156, 190
 Тонков В.Н. 58, 61, 83, 89, 92, 96, 100, 125
 Трегубенков К.Е. 204, 217
 Тренёв К.А. 253, 279
 Трилиссер М.А. 198, 204
 Троицкий Н.С. 62, 82, 83, 96
 Троицкий Л.Д. 21, 63, 74, 95, 144, 145, 147, 148, 179, 250
 Турати Ф. 33, 46
 Тургенев И.С. 222, 281, 298, 300, 305, 322
 Туркин А.Г. 342
 Тьер Л.А. 291
 Тьерсо Ж. 248–250, 262, 271
 Тэн И. 312
- У**айльд О. 288, 309, 310
 Угаров А.И. 227
 Ульянова М.И. 216
 Ульянова-Елизарова А.И. 251
 Уманский К.А. 222
 Урицкий М.С. 250
 Усевич Е. 158
 Успенский Г.П. 259
 Ухтомский А.А. 58, 126
 Уэллс Г.Дж. 54, 126, 262, 268, 269, 273
- Ф**аворский А.Е. 80, 81, 94
 Фаворский В.А. 63, 94
 Фадеев А.А. 198
 Фёдоров С.П. 58, 126
 Ферсман А.Е. 58, 126
- Ферсхофен В. 273
 Филатов В.Б. 56
 Филипченко И.Г. 258
 Филосовов Д.В. 256
 Фирин С.Г. 226
 Флаксерман Г.К. *см.* Суханова Г.К.
 Флегонтов А.К. 198–200, 204, 216, 217
Флейшман Л.С. 158, 181
 Фосколо У. 282, 297, 298, 301, 303, 319, 323
 Франк С.Л. 85, 98
 Франс А. 147, 269
 Фридлянд Ц. (Г.С.) 316, 318–320, 322, 325
- Х**азан В.М. 20, 23, 27–30, 45, 47–54
 Халатов А.Б. 293, 297–299, 376
 Хвилевый М. 218
 Херасков И.М. 272, 273
 Ховин В.Р. 83, 96
- Ходасевич В.М. 56–58, 60, 62–66, 68, 70, 73, 83–86, 92, 94–99, 101, 103–105, 112, 127, 268
 Ходасевич В.Ф. 57, 70, 127, 267
 Хоменко О.Н. 24, 26, 27, 46–48
 Хомяков А.С. 259
Хомякова Н. 164, 185
Хьюз Р. 181
- Ц**едербаум Ю.О. *см.* Мартов Л.
 Цейтлин Н.С. 355
 Цейтлина М.С. 355
 Цепляк Л.Г. 148, 163
 Цинцадзе К.М. 182
- Ч**апыгин А.П. 102, 127, 258, 266, 271
 Чеботаревская А.Н. 252, 253
 Чемберс Э. 267
Чернев А. 164
 Чернов В.М. 17, 33, 45–47, 231, 232, 323
Чернова З. 164, 224
 Черноков М.В. 259
 Чёрный Саша 26, 270, 271
 Чернышевский Н.Г. 208, 222, 232, 330

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Черчилль У. 24, 49
 Чехов А.П. 261, 267, 268, 342
 Чехонин С.В. 127, 271
 Чириков Е.Н. 253, 279, 344
 Чубарь В.Я. 201, 207, 218, 221
 Чуйко В.В. 303
 Чуковская М.Б. 271, 277
 Чуковский К.И. (Корнейчуков Н.В.) 91, 109, 127, 267, 271, 277, 301, 302, 305, 324, 352, 353, 356
 Чумандрин М.Ф. 186
 Чураков С.М. 192
 Чураков С.С. 192
- Ш**айкевич В.В. 70, 127
 Шарков В.В. 257, 279
 Шатобриан Ф.Р. де 281, 286, 287, 297, 300, 302, 303, 307, 308, 322, 325
 Шевцов Н.Н. см. Никандров Н.Н.
 Шевченко Т.Г. 208, 222
 Шейнфинкель М.К. см. Владимиров Л.
 Шепарди де Ла 331
Шерр Б.П. 353, 356
 Шишков В.Я. 128, 245, 258–260, 262, 269, 273, 279, 321
 Шишманов И.Д. 222
 Шишманова-Драгоманова Л.М. 222, 223
 Шкловский Викт. Б. 128, 263, 277, 392
 Шкловский Вл. Б. 263
 Шкляр Н.Г. 259
 Шляпников А.Г. 251
 Шмелев И.С. 72, 253, 354, 356
 Шмидт Л.Ю. 168, 183
 Шопенгауэр А. 307
 Шпенглер О. 61, 85, 86, 98
 Шпильгаген Ф. 310
- Штейнах Э. 86, 99
 Штильгебауер Э. 262
 Штирнер М. 287
Шуган О.В. 9, 326–356
Шумихин С.В. 292, 323
 Шумяцкий Б.З. 204, 217
 Шумяцкий Ф. 204, 217
 Шухаев В.И. 128, 267, 269
- Щ**апов А.П. 330, 331
 Щегловитов И.Г. 22
 Щеголев П.Е. 25, 36, 37, 49, 129
 Щербаков А.С. 194
 Щербина В.Р. 61
- Э**дисон Т.А. 268
 Эйдеман Р.П. 227
 Эйзенштейн С.М. 368, 376, 396, 397
 Эйнштейн А. 61, 83, 84, 86, 90, 96–98
 Экк Н.В. 368, 370, 372, 396
 Энгельс Ф. 171, 201, 333
 Эренбург И.Г. 143
 Эрн В.Ф. 256
- Я**года Г.Г. 160, 357, 359, 360, 366, 372–376, 390, 394–396
 Языков Н.М. 259
 Якир И.Э. 206, 207, 220
 Янушкевич Р.В. 370, 371, 396
 Ярославский Е.М. 227
 Ярошенко Е.Г. 204, 216
 Ясинский И.И. 257, 279
 Ясный М.А. 273, 278
 Яффе Л.Б. 264

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. ГОРЬКОГО

- Беседа с молодыми ударниками, вошедшими в литературу 295, 395
Беседы о ремесле 315, 322, 325
В людях 269, 273, 326, 350, 352
В ущелье 342, 347
Весельчак 347
Городок Окуров 9, 326, 332, 337, 339, 354, 355
Губин 276, 349, 350
Две души 343, 344, 351, 352, 356
Две пятилетки 193, 194
Дело Артамоновых 337
Детство 326, 350–354
Ещё раз об «Истории молодого человека» 282, 283, 287, 289, 321, 323
Жалобы 231, 331
Жизнь Клима Самгина 13, 14, 25, 38, 51, 68, 320, 337, 388
Жизнь Матвея Кожемякина 33, 46, 326, 330–332, 336, 337, 339, 354
Злодеи 362, 395
История молодого человека 283, 286, 287, 291, 292, 298
К рабочим и крестьянам 295
Как поймали Семагу 362
Калинин 276
Лев Толстой 334
Ледоход 348, 349
М.М. Коцюбинский 130
На дне 253, 262, 336, 337, 354, 362, 385
На Чангуле 347
Нилушка 350
О «маленьких» людях и о великой их работе 364
О воспитании правдой 364, 395
О писателях-самоучках 328, 334, 343
О работе неумелой, небрежной, недобросовестной и т.д. 295, 324
О старичках 282, 295, 291, 323
О трудколониях ОГПУ 364, 388, 396
От «врагов общества» – к героям труда 365
Ошибка 344
Письмо монархисту 343
По поводу одной легенды 362, 364, 395
По Руси 9, 276, 326, 342, 346–348, 350, 351, 354, 356, 362
По Союзу Советов 225, 364, 384, 395
Покойник 348, 350
Поль Верлен и декаденты 311, 325
Предисловие к книге А.К. Виноградова «Три цвета времени» 286, 295, 324
Преступники 357–409
Разрушение личности 240, 283, 285, 288, 294, 323
Растёт хорошее дело 363
Рождение человека 349, 362, 395
Сказки об Италии 276
Советская литература. Доклад на Первом всесоюзном съезде советских писателей 17 августа 1934 г. 323
Сомов и другие 388, 394
Страсти-мордасти 350
Тоска 344, 345
Трое 253
Ударницам на стройке канала Москва-Волга 365
Фома Гордеев 253
Ход коня 362

ABSTRACTS

Spiridonova L.A.

The correspondence of M. Gorky and P. Rutenberg

In the Soviet literature the theme of “M. Gorky and P. Rutenberg” does not actually exist. Only in 1960–1980-ies abroad appeared first substantial works on P. Rutenberg and became aware of his longstanding contacts with Gorky. Peter Moiseevich (Pinhas, Movshevich) Rutenberg (party pseudonym Martin, 1879–1942), engineer, famous revolutionary activist of the socialist revolutionary party, subsequently one of the founders of the Israeli state, the head of the first electricity company “Hevrat Hashmal” in Palestine. His name is often mentioned in the pages of the historic old papers devoted to the events of 9 January 1905 in Peterburg and murder of the priest G. Gapon.

The published correspondence of Gorky and P. Rutenberg for the first time allows to present the development of their long-term contacts: the role of Gorky in the development of the individual Rutenberg, help his family in 1907–1909 years, participated in the liberation Rutenberg of the fortress in 1917, meetings in Sorrento after 1925. Obituary written by Rutenberg after the death of Gorky shows his huge respect and love to the writer, whom he calls Teacher. In the present volume predstavlenny 18 letters of Rutenberg and 4 letters to Gorky during 1909-1936, scientific commentary and an introductory article for publication.

Keywords: Gorky, Rutenberg, Gapon, correspondence, contacts, the problems.

Bocharova I.A.

«Molecula» in Gorky’s life: letters of M.A. Heinze to M. Gorky

The publication consists of 17 documents: three letters from Gorky to Heinze Maria Aleksandrovna (1902–1930); 13 from Heinze to Gorky (1913–1925) and one letter from Heinze to her sister EA. Heinze. These letters, mostly of a personal nature, are filled with a deep feeling for Gorky, excitement and concern for him. The documents unfold before us a picture of how difficult it was for a young man in the early 1920s to find his place in society when new forms of social life and moral values were created. In general, this publication of M. Gorky’s correspondence with M. Heinze is an expressive document of the 1920s, in which, as an example of the fate of one person, the history of the creation of a “new life” is revealed.

Keywords: M. Gorky, M.A. Heinze, revolution, 1920s, art, literature, letters, correspondence

Semashkina M.A.

Letters from Oksana Kotsyubinskaya to M. Gorky

Letters from Oksana (Ksenia) Mikhailovna Kotsyubinskaya, the daughter of the Ukrainian writer M.M. Kotsyubinsky, were found in the Archives of AM. Gorky in 2014. They are of great interest. An amazingly solid person, O. Kotsyubynska inherited from her father his spiritual principle – a subtly developed aesthetic sensitivity to the good, a deep sense of citizenship, concern for the happiness of people. Thirteen-year-old schoolgirl Kotsyubinskaya together with her elder brother Yuri led clandestine work among the workers and exiles, disliked by the tsarist government, subsequently took part in the Civil War, where she died.

Keywords: M. Gorky, O.M. Kotsyubinskaya, M.M. Kotsyubinsky, Civil war, correspondence, letters

Primochkina N.N.

**M. Gorky and N. Bucharin: a history of friendship-enmity
against the background of their epoch**

Proceeding from the newly found archive materials (documents and letters), the article looks at the story of turbulent professional and personal friendship of Maxim Gorky (the “Petrel” of the Revolution) with Nikolai Bukharin (one of the Party ideologists and leaders of the Soviet state). The light is shed on the vicissitudes of life under Stalin’s regime, which reduced the great men of history to the victims of the times.

Keywords: Gorky, Bukharin, business and personal relationships, Stalin’s regime, tragic fates, Soviet epoch

Bystrova O.V.

The correspondence of M. Gorky and P. Postyshev

Published documents give an idea of the nature of the relationship between M. Gorky and P. Postyshev. 23 documents are published for the first time. Addressees discuss the creation of the Ukrainian branch of VIEM, the arrangement of a children’s colony in Kuryazh, which was headed by A.S. Makarenko. Exchange of letters in 1935, mainly related to the work on the Far Eastern volume from the series “History of the Civil War”, whose editor was P.P. Postyshev.

Keywords: M. Gorky, P.P. Postyshev, correspondence, literature, History of factories and plants, History of the Civil War, VIEM

Nikitin E.N.

M. Gorky and the publishing house «Parus»

The article deals with the creation of M. Gorky in collaboration with A.N. Tikhonov and I.P. Ladyzhnikov in 1915 publishing house “Parus”, about the books produced by this publishing house, as well as the magazine “Letopis” and the newspaper “New Life”. From the pages of these editions, M. Gorky and his like-minded people called for Russia’s early exit from a murderous war for it, which ultimately led to revolutionary upheavals and civil war.

Keywords: M. Gorky, A.N. Tikhonov, I.P. Ladyzhnikov, Z.I. Grzhebin, publishing house “Parus”, war, peace.

Sumatokhina L.V.

**«The story of the young man of the XIX century»:
concept of the book series, realization of the plan**

The article is devoted to the history of the book series “The Story of a young man of XIX century”. It reveals the ideological essence of the idea of Gorky, considered the process of implementation and results of this process. Emphasizing the connection of the concept of the book series with the worldview of the writer and a high degree of significance for him of this publishing project. The role of K. A. Vinogradov, co-editor of M. Gorky, which is largely determined both the strengths and weaknesses of the series.

Keywords: M. Gorky, A. K. Vinogradov, “The Story of a young man of the nineteenth century”, literary hero, composition and concept of the book series.

Shugan O.V.

East-West: the problem of national identification in M. Gorky's work

The text explores the evolution of Gorky's national idea, his concept of "backwardness" as personification of defects of Russian man: "passivism", fatalism, individualism, obscurantism, anarchism and mysticism. The writer's fight against "Asian layers of mentality" and searching for national character in Gorky's journalism and in his fiction in 1910th years are followed: stories "Life of MatveiKozhemyakin", "The Town of Okurov", cycle "Across Russia", "My Childhood", "In People", and other works.

Keywords: national idea, historism, Russia, "backwardness", revolution, social democracy

Plotnikova A.G.

The history of Gorky's scenario «Prestupniky»

On the basis of archival documents we study the history of Gorky's scenario "Prestupniky". A process of reclamation of young criminals in the communes of the OGPU is shown in the scenario. G.G. Yagoda, M.S. Pogrebinsky and pupils of Bolshevo commune participated in this project besides. The film was not staged, but the script is an important part of Gorky' creativity.

Keywords: M. Gorky, scenario, "Prestupniky", G.G. Yagoda, M.S. Pogrebinsky, dramaturgy, cinema, A.M. Room

Научное издание

*Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН*

ВРЕМЯ ГОРЬКОГО И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

материалы и исследования

Серия «М. Горький. Материалы и исследования»

Вып. 14

Корректор

М. Нефёдова

Компьютерная верстка

А.З. Бернштейн

Подписано в печать ##.##.2018

Формат 70×100¹/₁₆

Усл.-печ. л. 27,0

Тираж 300 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт мировой литературы им. А.М. Горького

Российской академии наук

121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а

тел. (495) 691-23-01, 690-05-61

ISBN 978-5-9208-0515-7



9 785920 805157